

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

Николай Анисюткин

Новые данные о первоначальном заселении Восточно-Европейской равнины в раннем палеолите*

Keywords: Eastern Europe, Transnistria, Eopleistocene, Late Oldovan.

Cuvinte cheie: Europa de Est, Transnistria, Eopleistocene, Olduvai târziu.

Ключевые слова: Восточная Европа, Приднестровье, эоплейстоцен, поздний олдован.

Nikolai Anisiutkin

The new data on the human initial occupation of the East European Plain in the Early Palaeolithic

The new data on the human initial occupation of East European Plain are suggested. On the basis of the investigations of the Russian-Moldavian geoarchaeological expedition (2010-2014) the dating of human initial occupation can be early. According to our interdisciplinary investigations the lower layers of the site Bairaki are belong to Oldovan industry (Mode 1) and are dated to Early Pleistocene (ca 1 million BC).

Nikolai Anisiutkin

Noi date despre popularea Câmpiei Europei de Est în paleoliticul timpuriu

Autorul oferă noi date despre pătrunderea omului în Câmpia Europei de Est. Investigațiile efectuate în anii 2010-2014 în zona nistreană de expediția geo-archaeologică ruso-moldovenească au permis învechirea semnificativă a datării așezării inițiale a strămoșilor umanoizi pe aceste teritorii. Conform cercetărilor multidisciplinare, straturile inferioare ale stațiunii Bairaki cu industria de piatră de tip oldovan (Modul 1) datează din Eopleistocenul final (aproximativ 1 million de ani în urmă).

Николай Анисюткин

Новые данные о первоначальном заселении Восточно-Европейской равнины в раннем палеолите

В статье предложены новые данные о первоначальном заселении юга Восточно-Европейской равнины. Исследования, проведенные в 2010-2014 годах в Приднестровье российско-молдавской гео-археологической экспедицией, позволили значительно удревнить время первоначального заселения предками ископаемого человека этой территории. Согласно междисциплинарным изысканиям нижние слои новой стоянки Байраки с каменной индустрией олдованского типа (Mode 1) датируются концом эоплейстоцена (около 1 млн. лет).

* Исследование выполнено при поддержке грантов РФФИ (проект № 15-06-06840) и ОИФН РАН («Европейское наследие: новые смыслы. Археологические культуры Евразии в контексте системного анализа: новые перспективы и осмысления истории по археологическим данным, 2015-2017» Руководитель Н.И. Платонова).

Введение

Многолетние археологические исследования в долине нижнего Днестра, проведенные в начале XXI века (2010-2014 гг.), привели к открытию стратифицированных местонахождений древнейшего раннего палеолита, включая Байраки и Крецешты, расположенных в окрестностях молдавского города Дубоссары [Anisiutkin et al. 2012; 2015]. Эти местонахождения связаны с аллювиальными отложениями высокой VII (Кицканской) надпойменной террасы, что автоматически гарантирует их глубокую древность¹. Известно, что отложения соб-

1. Иногда Кицканскую террасу определяют как VIII [Antropogen i paleolit 1986].

ственно «Кицканской» террасы были надежно датированы геологами еще в конце XX века. Исследованиями установлено, что аллювий этой террасы соответствует палеомагнитному эпизоду Харамильо с двумя абсолютными термолюминисцентными датами 940 и 1100 тыс. лет [Antropogen i paleolit 1986, 56]. Эти даты хорошо коррелируют с датами стоянки Байраки. Общий облик каменных орудий из нижних слоев стоянки Байраки сопоставим с поздним олдованом. Артефакты же из верхних слоев аналогичны раннепалеолитическим каменным изделиям из местонахождений Большой Фонтан и Погребя возрастом 750-450 тыс. лет назад.

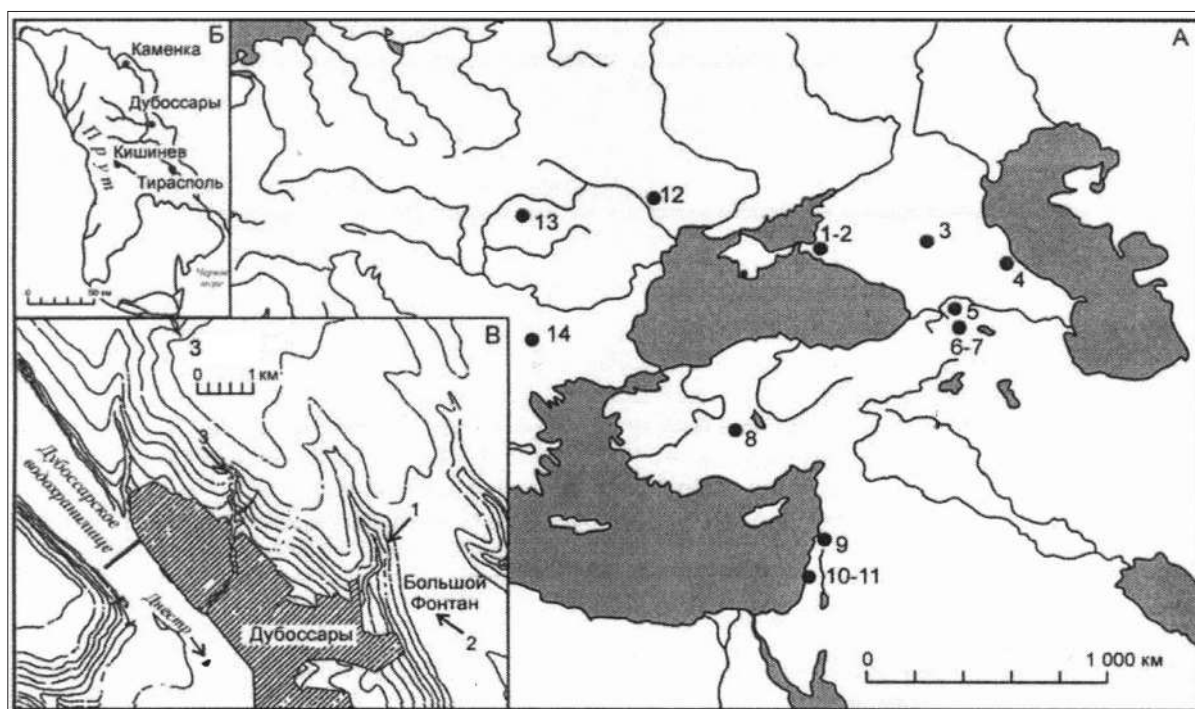

Рис. 1. А. Основные эоплейстоценовые стоянки Восточной Европы и Западной Азии (по В.Е. Щелинскому 2014): 1 – Цимбал, 2 – группа стоянок Таманского полуострова (Синяя балка/Богатыри, Родники, Кермек); 3 – Жуковский; 4 – группа стоянок Дагестана (Айникаб I-II, Мухкай I-II, Гелашур I-III); 5 – Дманиси; 6 – Куртак; 7 – Карахач; 8 – Дуррсунлу, 9 – Латамн, 10 – Эврон, 11 – Убейдия, 12 – Байраки, 13 – Королево, 14 – Козарника. **Б.** Карта-схема расположения памятников раннего палеолита Нижнего Приднестровья. **В.** Карта-схема расположения памятников раннего палеолита в окрестностях г. Дубоссары: 1 – Байраки, 2 – Большой Фонтан, 3 – Крецешты.

Fig. 1. A. The main eopleistocene sites of Eastern Europe and Western Asia (by V.E. Shchelinsky 2014): 1 – Tsymbal, 2 – group of sites of the Taman Peninsula (Blue Balka/Bogatyry, Rodniki, Kermek); 3 – Zhukovsky; 4 – group of sites in Dagestan (Ainikab I-II, Mukhakai I-II, Gelashur I-III); 5 – Dmanisi; 6 – Kurtak; 7 – Karahach; 8 – Durrsunlu, 9 – Latamn, 10 – Evron, 11 – Ubeidiya, 12 – Bayraki, 13 – Korolevo, 14 – Kozarnika. **Б.** Map-scheme of the monuments of the Early Palaeolithic of Lower Transnistria. **В.** Map-scheme of the location of monuments of the Early Palaeolithic in the environs of Dubossary: 1 – Bayraki, 2 – Grand Fountain, 3 – Kretsesti.

Обзор источников

Особое место занимает раннепалеолитическая стоянка Байраки с надежной стратиграфией. Комплекс каменных изделий из нижних слоев 3,4,5,6, залегающих в аллювиальных отложениях, аналогичен индустриям развитого олдована или Mode 1. Междисциплинарные исследования показали, что эти слои имеют эоплейстоценовый возраст [Anisiutkin et al. 2015]. Это дает основание сделать однозначный вывод о том, что на сей день Байраки являются первым стратифицированным памятником древнейшего раннего палеолита на территории Восточно-Европейской равнины (рис. 1).

Стоянка расположена около 1,5 км северо-западнее местонахождения раннего палеолита Большой Фонтан с разрушенным куль-

турным слоем, открытым и изучавшимся Н.К. Анисюткиным в восьмидесятых годах XX века [Anisiutkin 1989; 1994]. Здесь в нижней части Кицканской террасы, на уровне кровли аллювиальных отложений были обнаружены единичные мелкие отщепы со следами окатанности и табачной патиной, которые отличались от остальных находок.

Первые каменные изделия и единичные обломки костей ископаемых животных были обнаружены в результате археологических разведок осенью 2010 года в стенке оврага Байраки². Координаты стоянки следующие: N 47°16'27" и E 29°11'10".

2. Первые артефакты были обнаружены 25 сентября 2010 года сотрудниками экспедиции - дипломированным археологом А.Р. Баснер и геоморфологом (Институт географии РАН) Е.В. Воскресенской.

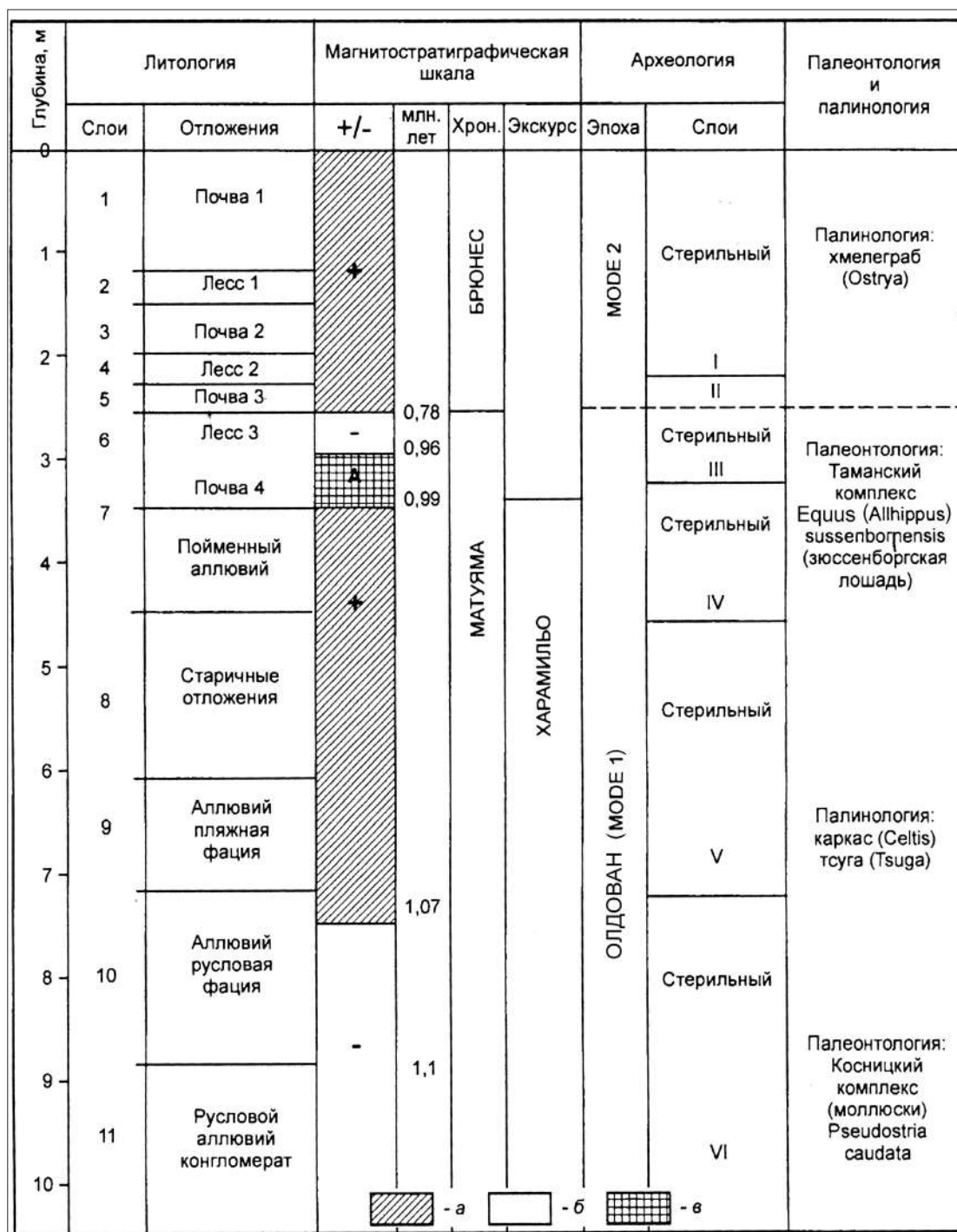

Рис. 2. Геохронологическая позиция стоянки Байраки в биостратиграфической и магнитостратиграфической шкалах раннего и начала среднего плейстоцена. а-в – намагненность (а – нормальная, б – обратная, в – аномальная).

Fig. 2. The geochronological position of the Bayraki site in the biostratigraphic and magnetostratigraphic scales of the Early and Early Middle Pleistocene. a-b – magnetization (a – normal, б – reverse, в – anomalous).

Раскопки проводила археологическая экспедиция Института истории материальной культуры Российской Академии наук (далее РАН) совместно с археологами Приднестров-

ского государственного университета и центра археологии Института культурного наследия Академии наук Молдовы. Комплексные исследования, которые организовал и куриро-

вал известный российский палеогеограф А.Л. Чепалыга, велись в 2011-2014 годах группой ученых из Институтов географии и геологии РАН. Удалось установить наличие здесь шести слоев раннего палеолита и определить их хронологию. Согласно палеомагнитным данным аллювиальные отложения с находками каменных изделий существовали в эпоху Матуяма, частично соответствуя палеомагнитному эпизоду Харамильо (рис. 2) с абсолютной датой 0,9-1,1 млн. лет тому назад. Одной из особенностей стоянки Байраки можно считать обилие мелких кремневых изделий, включая отщепы и крошечные чешуйки, обнаруженные в едином слое 5 вместе с крупными галечными формами, напоминая культурные слои из лессово-почвенных отложений. Как правило, на стоянках из отложений руслового аллювия каменные изделия из мелких отщепов и мельчайших чешуек отсутствуют или случайны. Они обычно рассеиваются речными водными потоками. Чешуек и мелких отщепов нет в самом нижнем слое 6, находки в котором явно переотложены. Напротив они обильны в слое 5, где большинство артефактов имеют разную окатанность, указывая на то, что места стоянок периодически затапливались. Установлено, что слой 5 связан с отложениями пляжной фации аллювия. Отсюда следует, что архантропы селились на песчаной речной отмели реки или на краю лимана. Ранее следы древнего лимана были обнаружены молдавскими палеогеографами при изучении отложений раннего неоплейстоцена высокой террасы у с. Погреба еще в 1985 году [Adamenco et al. 1996]. Разную степень окатанности поверхностей многих изделий можно объяснить спецификой стоянок, расположенных на берегу непосредственно у кромки воды, которые после их оставления периодически затапливались. Кремневые изделия, расположенные на мелководье, частично перемещались при волновой абразии, оставаясь в пределах единого горизонта. Подобный процесс можно наблюдать и в настоящее время при сильном западном ветре с противоположного берега Днестра, образующего высокую волну, которая частично перемещает мелкие камни в прибрежной зоне городского пляжа Дубоссарского водохранилища.

Нижние слои 5 и 6, связанные с отложениями руслового аллювия, содержат более 800 находок каменных изделий и единичные обломки костей неопределимых ископаемых животных. Среди частично определимых костей можно указать лишь на обломок пяточной кости мелкого оленя. Слой 6, изученный на ограниченной площади около 2 кв. м., дал небольшое количество сильно окатанных кремневых изделий. Найдены 1 чоппер, 2 гальки со сколами, 1 нуклеус и 2 отщепа. Находки бесспорно рассеяны в толще галечника мощностью около 0,5 м и явно переотложены.

Слой 5 представлен несколькими горизонтами желтого и светло-коричневого песка с тонкими прослойками гравия и мелкой гальки. Находки лежат четкими горизонтами, представляя небольшие скопления. Комплекс каменных орудий характеризуется немногочисленными галечными формами, включая чопперы (рис. 3), а также обильными мелкими отщепами и мельчайшими чешуйками. Полностью преобладают выразительные орудия на отщепах мелких размеров, среди которых выделяются серии стандартных форм, включая выразительные скребки на отщепах, проколки, ножи с обушками и клювовидные орудия типа Bill-hook, косвенно указывающие на ве-

Рис. 3. Чоппер из прочного косоуцкогo песчаника (русловой аллювий).

Fig. 3. Chopper from of strong cosautsy sandstone (water-course alluvium).

роятность наличия у обитателей стоянок простейшей одежды. В этой связи очень важной находкой является сильно обожженное кремневое острие, косвенно свидетельствующее об использовании огня. Все это демонстрирует достаточно хорошую приспособленность архантропов к непростым природным условиям данной части Европы. В это время, как показывают данные спорово-пыльцевого анализа, архантропы жили в условиях лесостепи с рощами из широколиственных пород (обнаружены пыльца дуба, бука, вяза, каркаса и граба). Причем граб представлен двумя видами: из них *Carpinus betulus* сейчас произрастает в Средней Европе, Украине, Молдове, а *Carpinus orientalis* – в нижнем поясе гор по сухим каменистым склонам на Кавказе, в Крыму и на Балканах. Что касается хвойных древесных пород, то встречается пыльца сосны, ели и единично тсуги. Характер растительности однозначно указывает на то, что был представлен климат близкий к средиземноморскому (несколько теплее современного), но, все же, предполагающий относительно прохладные зимы с незначительными минусовыми температурами, к которым должны были адаптироваться предки ископаемых людей. Для каменной индустрии этого слоя характерна четкая дихотомия, где немногочисленные крупные орудия, включая чопперы и пиковидные бифасы (рис. 4), сосуществуют с многочисленными мелкими изделиями (рис. 5). Совокупность технико-морфологических показателей позволяет, в целом, сопоставить каменные индустрии из нижних слоев с аналогичными показателями классического позднего олдована Евразии [Lumley et al. 2009; Amirkhanov 2007; Shelinski et al. 2007].

Немногочисленные каменные изделия олдованского облика также найдены в лежащих выше слоях 3 и 4, относящихся к палеомагнитной эпохе Матуяма (800-900 тыс. лет назад). В слое 3 из гидроморфной ископаемой почвы, расположенной в кровле пойменного аллювия, обнаружен обломок нижней челюсти архайчной ископаемой зюссенборнской лошади

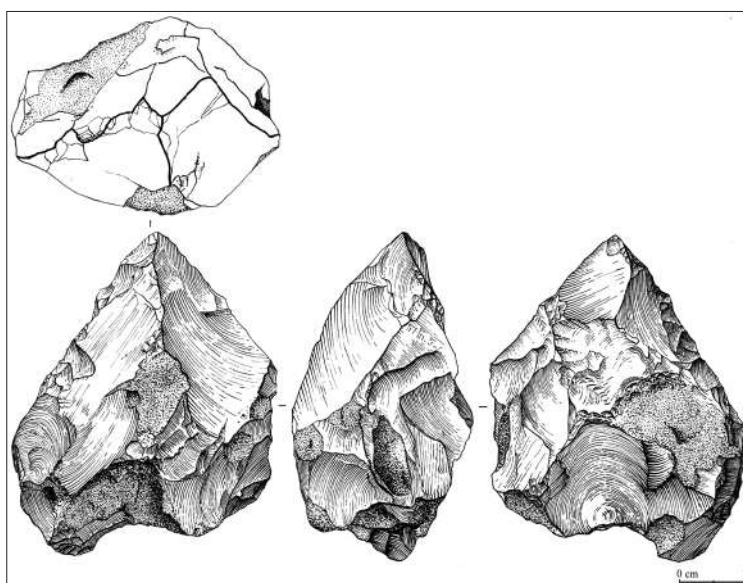

Рис. 4. Пиковидный бифас (кремнь) из слоя 5 (рисунок А.К. Очередного).

Fig. 4. Point biface (flint) from layer 5 (by A.K. Ocherednoi).

(*Equus Allohippus sussenbornensis*) с сохранившимися зубами. Этот слой деформирован эрозийными процессами, а поверхность каменных изделий имеет явную заполированность. В соответствие с палеомагнитными данными слой 3 относится к зоне аномальной намагниченности, характерной для экскурсов Санта-роза или Камикатсура в пределах конца палеомагнитной эпохи Матуяма [Anisiutkin et al. 2015]. Каменные изделия из того слоя немногочисленны. Они сохраняли все те формы, которые были обычны для лежащего ниже слоя 5, включая выразительные галечные орудия.

Слой 4 представлен единичными находками каменных изделий и обломком неопределимой трубчатой кости копытного. В слое расчищена вымостка из обломков плит известняка площадью около 1,5-х кв. м, которая до сих пор до конца не изучена.

Большой интерес представляет находка скребловидного орудия похожего на чоппер, изготовленного из относительно крупного и массивного кремневого отщепы с патиной табачного цвета и слабой заполированностью поверхности. Этот предмет отнесен не к чопперам, а скреблам, на том основании, что он сделан не из гальки или желвака, а из отщепы (рис. 6). Это правило Франсуа Борда было взято за основу [Bordes 1961, 47]. Орудие было

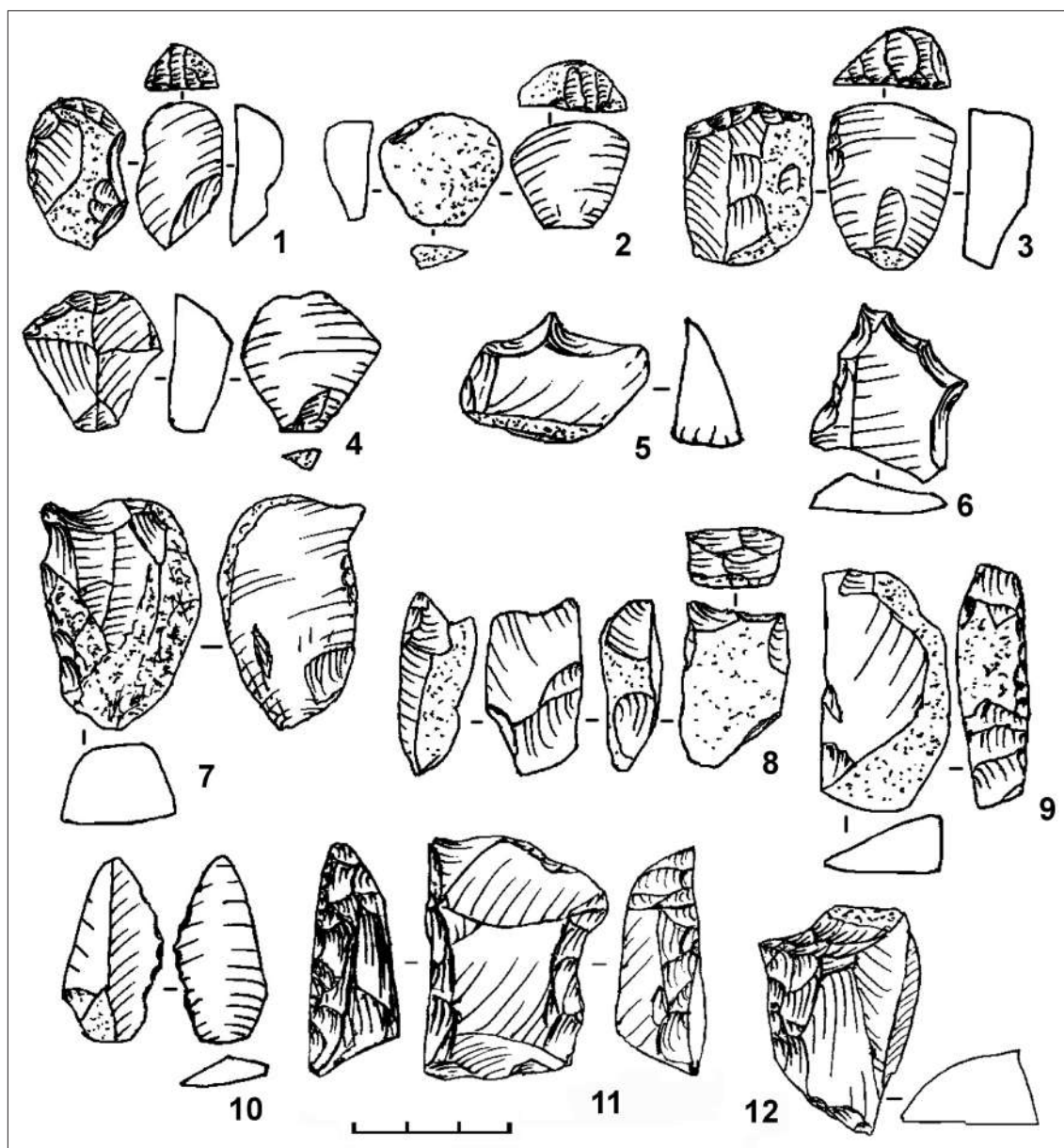

Рис. 5. Кремневые орудия на мелких отщепах из слоя 5: 1-4 – скребки; 5-7 – проколки; 8 – комбинированное орудие (резец-проколка); 9-10 – ножи с обушками (9 – с ретушированным обушком); 11-12 – скребла.

Fig. 5. Flint tools on small flakes of layer 5: 1-4 – scrapers; 5-7 – borers; 8 – combined tool (burin- borer); 9-10 – backed knives (9 – with a retouched shoe); 11-12 – side scrapers.

обнаружено в расчистке геологов при отборе образцов на палеомагнитный анализ. Оно найдено в суглинке, который перекрывает гидроморфную ископаемую почву со слоем 3, залегаая ниже рудимента красноцветной ископаемой почвы, относящейся уже к палеомагнитной эпохе Брюнес. Согласно заключению почвоведов С.А. Сычевой (Институт географии РАН) данный суглинок, выявленный в 40-45 м от раскопа на месте четвертичных палео-

резов, образован во время древней эрозии [Sycheva 2012]. Анализ образца показал обратную намагниченность, что соответствует самому концу эпохи Матуяма (около 800 тыс. лет). Это орудие предполагает наличие еще одного возможно частично разрушенного слоя.

Верхние слои 1 и 2 с находками кремневых изделий и единичными обломками неопределимых костей животных происходят из субэразальных отложений, включая рудимент

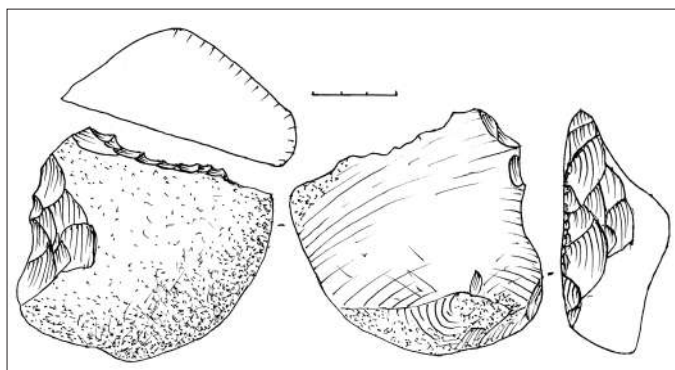

Рис. 6. Скребло на кремневом отщепе из расчистки геологов (рисунок Н.К. Анисюткина).

Fig. 6. Side scraper on the flint flake from the clearing of geologists (by N.K. Anisiutkin).

красноцветной ископаемой почвы, относящейся к раннему неоплейстоцену, соответствующая палеомагнитной эпохе Брюнес.

Слой 2 из красноцветной почвы имеет наиболее хорошую сохранность. На это указывает отсутствие патины и хорошее состояние поверхностей кремневых изделий. Напротив, слой 1 разрушен древней эрозией и сохранился лишь в виде фрагментов. Кремневые изделия слоя имеют интенсивную патину белого цвета, но не окатаны. В коллекции слоев 1 и 2 присутствуют как галечные формы, так и орудия на отщепах, включая выразительные скребла. Междисциплинарные исследования позволили датировать археологические слои 1 и 2 в пределах 450-750 тыс. лет. Эти слои, относящиеся к палеомагнитной эпохе Брюнес, в настоящее время являются древнейшим ранним палеолитом на просторах Восточно-Европейской равнины. Исключением является, естественно, олдован из нижних слоев.

Очень важным оказалось обнаружение в конце сезона 2012 года нового местонахождения Крецешты, расположенного на северо-восточной окраине города Дубоссары, всего в трех километрах северо-западнее от стоянки Байраки. Местонахождение было открыто совместно с известным украинским археологом В.Н. Степанчуком. Согласно заключению А.Л. Чепалыги, который провел здесь предварительные исследования, геологические условия залегания каменных изделий аналогичны нижнему слою стоянки Байраки. Это же можно сказать и о комплексе каменных орудий [Anisiutkin et al. 2013].

Основные выводы

Новые эоплейстоценовые местонахождения Приднестровья показывают, что древнейшие предки ископаемого человека проникли и расселились на юге Восточной Европы уже более 1 млн. лет тому назад, хотя нельзя исключать и более раннее время. Об этом косвенно свидетельствует единичная находка клювовидного орудия, извлеченная Н.К. Анисюткиным из основания «крыжановской» ископаемой почвы в 1986 году.

Это орудие найдено в геологической расчистке обнажения IX надпойменной террасы у села Грушево [Adamenco et al. 1996; Anisiutkin 2010]. Согласно данным украинских исследователей, возраст данной почвы соответствует 1,5 млн. лет [Stepanchuk 2006, 39].

Сегодня можно утверждать, что древнейшие предки ископаемых людей появились на территории Молдовы во второй половине эоплейстоценового времени.

Ранее местонахождения эоплейстоценового возраста были известны на Тамани и на Северном Кавказе [Amirkhanov 2007; Shelinski, Kulakov 2007], а также в самых нижних горизонтах местонахождения Королево 1, расположенного в Закарпатье [Gladilin, Sitlivyi 1990]. К этому времени относятся нижние слои пещеры Козарника в Болгарии [Ivanova 2009]. Наиболее древние объекты возрастом более 1,5 млн. лет находятся в Закавказье, в Дагестане и на Таманском полуострове [Shchelinski 2014], а самый поздний - на территории Закарпатской Украины с датой 850 тыс. лет [Stepanchuk 2006, 33]. Абсолютный возраст эоплейстоценовых отложений пещеры Козарника пока точно не установлен.

В настоящее время территория Приднестровья, расположенная на юго-западе Восточно-Европейской равнины, оказалась промежуточной зоной между Кавказом и Балканами, где удалось выявить каменные индустрии олдованского облика. Сейчас в качестве наиболее вероятной гипотезы первоначального заселения Восточной Европы можно принять предложение А.Л. Чепалыги, основанное на совокупности новых данных. Согласно этой гипотезе предки ископаемых людей проникли в долину Днестра с Кавказа, имея в качестве про-

межуточной территории Крым [Cherpaluga et al. 2013]. Здесь обнаружены наиболее древние и относительно многочисленные местонахождения олдованского и протоашельского облика. Причем, если иметь в виду Северный Кавказ, то расположенные здесь объекты со сходными каменными индустриями встречены как в отложениях эоплейстоцена, так и в более поздних слоях раннего неоплейстоцена [Problemy paleolita Daghestana 2012]. В частности, именно на территории Дагестана были широко распространены каменные изделия мелких размеров, что также свойственно и индустрии из нижних слоев стоянки Байраки [Derevianko et al. 2006].

Новые эоплейстоценовые памятники Приднестровья наконец-то дали возможность предложить решение давно ведущейся дискуссии о месте и о времени первоначального заселения Восточной Европы.

Эта проблема ранее рассматривалась во многих работах исследователей палеолита Восточной Европы. Анализировались разные сценарии, которые модернизировались с появлением новых данных. Один из обстоятельных обзоров был ранее предложен в публикации В.Н. Гладиллина, который однозначно решил эту проблему в пользу западного направления – человек проник на юг Восточно-Европейской равнины «из Центральной Европы и Малой Азии и Балкан» [Gladilin 1976, 150].

Сейчас эта точка зрения должна быть оспорена в связи с открытиями олдованских индустрий в Закавказье, на Северо-восточном Кавказе (Дагестан), на Тамани и в Приднестровье. Очень важно, что все памятники с рассматриваемых территорий имеют тенденцию располагаться в строго хронологическом порядке: древнейшие возрастом более 1,5 млн. лет находятся в Закавказье (Армения и Грузия), древние – на Северном Кавказе и на Тамани и более поздние (около 1 млн. лет) – на территории Приднестровья. Причем, для олдована и начального раннего палеолита Дагестана характерно преобладание орудий на отщепках мелких форм [Problemy paleolita Daghestana 2012].

Что касается каменной индустрии из нижних слоев болгарской пещеры Козарника, датируемой эоплейстоценом, то она, судя по опубликованным данным, отличается от каменной индустрии из нижних слоев стоянки Байраки. Ознакомившись с материалами стоянки Байраки, с данным выводом согласилась и известная болгарская исследовательница палеолита Стефанка Иванова, ранее специально исследовавшая и публиковавшая материалы Козарника [Ivanova 2009].

Заключение

Итак, можно заключить, что согласно современным данным, архантропы освоили территорию Восточной Европы уже в конце эоплейстоцена, т.е. более 1 млн. лет назад. Этот вывод заметно меняет ранее существовавшее предположение о заселении данной территории лишь в ашельское время [Priroda i drevnii chelovek 1981].

Как известно, прародиной человечества является Африка, откуда архантропы расселились в северном и северо-западном направлении через Аравию, на Ближний Восток и на Кавказ [Derevianko 2015, 73]. Именно Северный Кавказ стал «плацдармом» для продвижения и обживания необозримых просторов Восточно-Европейской равнины ископаемыми людьми типа *Homo erectus*. Был ли это единственный путь? На этот вопрос все же пока нет однозначного ответа. Во всяком случае, продвижение через «балканский мост», если иметь в виду Восточную Европу, менее вероятно. Очевидно, что более древняя каменная индустрия Козарника не находит аналогий в олдоване Приднестровья. Остается, как наиболее вероятный, лишь кавказский вариант. Однако, если быть осторожным, то все же следует указать на недостаток необходимой информации. До сих пор на обширных просторах Восточной Европы эоплейстоценовые памятники единичны, их изучение находится на начальной стадии, и лишь дальнейшие исследования позволят сделать наши выводы более обоснованными.

Библиография

- Adamenko et al. 1996:** O.M. Adamenko, A.V. Gol'bert, V.A. Osiiuk, J.N. Matviishina, S.I. Medianik, V.E. Motok, N.A. Sirenko, A.V. Cherniuk, Chetvertichnaia paleogeografia. Ecosistemy Nizhnego i Srednego Dnestra (Kiev 1996) // О.М. Адаменко, А.В. Гольберт, В.А. Осийук, Ж.Н. Матвишина, С.И. Медяник, В.Е. Моток, Н.А. Сиренко, А.В. Чернюк, Четвертичная палеогеография. Экосистемы Нижнего и Среднего Днестра (Киев 1996).
- Amirkhanov 2007:** H.A. Amirkhanov, Issledovanie pamiatnikov oldovana na Severo-Vostochnom Kavkaze. Predvaritel'nye rezul'taty (Moskva 2007) // Х.А. Амирханов, Исследование памятников олдована на Северо-Восточном Кавказе. Предварительные результаты (Москва 2007).
- Anisiutkin 1989:** N.K. Anisiutkin, Novoe mestonakhozhdenie rannego paleolita u s. Pogrebna. Moldavskoe Pridnestrov'e v pervobytnuiu epokhu (Kishinev 1989), 4-15 // Н.К. Анисюткин, Новое местонахождение раннего палеолита у с. Погреба на Нижнем Днестре. Молдавское Приднестровье в первобытную эпоху (Кишинев 1989), 4-15.
- Anisiutkin 1994:** N.K. Anisiutkin, Drevneishie mestonakhozhdeniia rannego paleolita na iugo-zapade Russkoi ravniny. Arkheologicheskie Vesti 3, 1994, 6-16 // Н.К. Анисюткин, Древнейшие местонахождения раннего палеолита на юго-западе Русской равнины. Археологические Вести 3, 1994, 6-16.
- Anisiutkin 2010:** N.K. Anisiutkin, Novye dannye izucheniia rannepaleoliticheskikh mestonakhozhdenii na verkhnikh terrasakh nizhnego techeniia Dnestra. Drevneishie obitateli Kavkaza i rasselenie predkov cheloveka v Evrazii. Trudy IIMK RAN XXXV (St. Petersburg 2010), 172-187 // Н.К. Анисюткин, Новые данные изучения раннепалеолитических местонахождений на верхних террасах нижнего течения Днестра. Древнейшие обитатели Кавказа и расселение предков человека в Евразии. Труды Института истории материальной культуры РАН XXXV (Санкт-Петербург 2010), 172-187.
- Anisiutkin et al. 2012:** N.K. Anisiutkin, A.L. Chepalyga, S.I. Covalenco, A.K. Ocherednoi, Raskopki stoianki rannego paleolita Bairaki v 2011 godu. Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii 4 (52), 2012, 19-27 // Н.К. Анисюткин, А.Л. Чепалыга, С.И. Коваленко, А.К. Очередной, Раскопки стоянки раннего палеолита Байраки в 2011 году. Археология, этнография и антропология Евразии 4 (52), 2012, 19-27.
- Anisiutkin et al. 2013:** N.K. Anisiutkin, V.N. Stepanchiuk, A.L. Chepalyga, Kretseshity, novoe mestonakhozhdenie rannego paleolita s galechnoi industriiei na Dnestre: kamennye izdeliia, geologicheskie usloviia, vozrast. Drevneishii Kavkaz: perekrestok Evropy i Azii (St. Petersburg 2013), 89-103 // Н.К. Анисюткин, В.Н. Степанчук, А.Л. Чепалыга, Крецешты, новое местонахождение раннего палеолита с галечной индустрией на Днестре: каменные изделия, геологические условия, возраст. Древнейший Кавказ: перекресток Европы и Азии (Санкт-Петербург 2013), 89-103.
- Anisiutkin et al. 2015:** N.K. Anisiutkin, A.L. Chepalyga, S.I. Covalenco, Predvaritel'nye itogi piatiletnikh issledovani (2010-2015 gg.) drevneishei na territorii Vostochno-Evropeiskoi ravniny mnosloinoi stoianki rannego paleolita Bairaki (Pridnestrov'e). Arheologicheskie vesti 21, 2015, 11-30 // Н.К. Анисюткин, А.Л. Чепалыга, С.И. Коваленко, Предварительные итоги пятилетних исследований (2010-2014 гг.) древнейшей на территории Восточно-Европейской равнины многослойной стоянки раннего палеолита Байраки (Приднестровье). Археологические вести 21, 2015, 11-30.
- Antropogen i paleolit 1986:** Antropogen i paleolit Moldavskogo Pridnestrov'ia. Putevoditel' ekskursii VI Vsesoiuznogo soveshchaniia po izucheniiu chetvertichnogo perioda (Kishinev 1986) // Антропоген и палеолит Молдавского Приднестровья. Путеводитель экскурсий VI Всесоюзного совещания по изучению четвертичного периода (Кишинев 1986).
- Bordes 1961:** F. Bordes, Typologie du Paleolithique Ancien et Moyen (Bordeaux 1961).
- Chepalyga et al. 2013:** A.L. Chepalyga, N.K. Anisiutkin, T.A. Sadchikova, V.M. Trubikhin, A.N. Pirogov, Geoarheologiya rannego paleolita (oldovan) Severnogo Kavkaza i doliny Dnestra: vozmozhnye puti migratsii drevneishih arhantropov v Evropu. VIII Vserossiiskoe soveshchanie po izucheniiu chetvertichnogo perioda (Rostov na Donu 2013), 667-670 // А.Л. Чепалыга, Н.К. Анисюткин, Т.А. Садчикова, В.М. Трубихин, А.Н. Пирогов. Геоархеология раннего палеолита (олдован) Северного Кавказа и долины Днестра: возможные пути миграций древнейших архантропов в Европу. VIII Всероссийское совещание по изучению четвертичного периода (Ростов на Дону 2013), 667-670.
- Derevianko 2015:** A.P. Derevianko, Tri global'nye migratsii cheloveka v Evrazii. Proiskhozhdenie cheloveka i zaselenie im Iugo-Zapadnoi, Iuzhnoi, Vostochnoi, Iugo-Vostochnoi Azii i Kavkaza (Novosibirsk 2015) // А.П. Деревянко, Три глобальные миграции человека в Евразии. Происхождение человека и заселение им Юго-Западной, Южной, Восточной, Юго-Восточной Азии и Кавказа (Новосибирск 2015).

Derevianko et al. 2015: A.P. Derevianko, V.N. Zenin, A.A. Anoin, Rannepaleoliticheskaia mikroindustria stoi-
anki Darvagchai 1: morfologia i predvaritel'naia klassifikatsiia. Chelovek i prostranstvo v kul'turakh kamennogo
veka Evrazii (Novosibirsk 2015), 43-64 // А.П. Деревянко, В.Н. Зенин, А.А. Анойкин, Раннепалеолитическая
микроиндустрия стоянки Дарвагчай 1: морфология и предварительная классификация. Человек и про-
странство в культурах каменного века Евразии (Новосибирск 2015), 43-64.

Gladilin 1976: V.N. Gladilin, Problemy paleolita Vostochnoi Evropy (Kiev 1976) // В.Н. Гладылин, Проблемы
палеолита Восточной Европы (Киев 1976).

Gladilin, Sitlivyi 1990: V.N. Gladilin, V.I. Sitlivyi, Ashel' Tsentral'noi Evropy (Kiev 1990) // В.Н. Гладылин, В.И.
Ситливый, Ашель Центральной Европы (Киев 1990).

Ivanova 2009: С. Ivanova, Rannepaleolitichni ansambli ot peshcherata Kozarnica. Saxa lonquuntur. Sbornik v
chest na 65-godishnitata na Nirolai Sirakov (Sofia 2009), 29-57 // С. Иванова, Раннепалеолитни ансамбли от
пещерата Козарника. В сб.: Saxa lonquuntur. Сборник в чест на 65-годишнината на Николай Сираков (Со-
фия 2009), 29-57.

Lumley et al. 2009: Henry de Lumley, D. Barsky, D. Cauche. Les premieres etapes de la colonisation de l'Europe et
l'arrivee de l'Homme sur les rives de la Mediterranee. L'Anthropologie (Paris) 113, 2009, 1-46.

Priroda i drevnii chelovek 1981: Priroda i drevnii chelovek. Osnovnye etapy razvitiia prirody paleoliticheskogo
cheloveka i ego kul'tury na territorii SSSR v pleistotsene (Moskva 1981) // Природа и древний человек. Основ-
ные этапы развития природы палеолитического человека и его культуры на территории СССР в плейсто-
cene (Москва 1981).

Problemy paleolita Dagestana 2012: Problemy paleolita Dagestana (Novosibirsk 2012) // Проблемы палеолита
Дагестана (Новосибирск 2012).

Shchelinskii 2014: V.E. Shchelinskii, Eopleistosenovaia rannepaleoliticheskaia stoianka Rodniki 1 v zapadnom
Predkavkaz'e (St. Petersburg 2014) // В.Е. Щелинский, Эоплейстоценовая раннепалеолитическая стоянка
Родники 1 в западном Предкавказье (Санкт-Петербург 2014).

Shchelinskii, Kulakov 2007: V.E. Shchelinskii, S.A. Kulakov, Bogatyri (Siniia balka) – rannepaleoliticheskaia stoi-
anka eopleistosenovogo vozrasta na Tamanskom poluostrove. Rossiiskaia arkheologia 3, 2007, 7-18 // В.Е. Ще-
линский, С.А. Кулаков. Богатыри (Синяя балка) – раннепалеолитическая стоянка эоплейстоценового воз-
раста на Таманском полуострове. Российская археология 3, 2007, 7-18.

Stepanchiuk 2006: V.N. Stepanchiuk, Nizhnii i srednii paleolit Ukrainy (Chernovtsy 2006) // В.Н. Степанчук,
Нижний и средний палеолит Украины (Черновцы 2006).

Sycheva 2012: S.A. Sycheva, Stroenie pokrovnykh otlozhenii rannepaleoliticheskoi stoiarki Bairaki (rezul'taty
issledovani 2011-2012 gg.). Rukopis' otcheta (Moskva 2012) // С.А. Сычева, Строение покровных отложений
раннепалеолитической стоянки Байраки (результаты исследований 2011-2012 гг.). Рукопись отчета (Мо-
сква 2012).

Николай Анисюткин, доктор исторических наук, Институт истории материальной культуры Российской
академии наук. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная 18, e-mail: leonid.dictiopter@gmail.com

Сергей Коваленко, Алиса Ларионова

**Кремневые и обсидиановые микролиты
из нижних культурных слоев стоянки позднего палеолита Косэуць**

Keywords: Cosautsy Site, Moldova, Flint and Obsidian Microliths, Epigravettian, Late Palaeolithic.

Cuvinte cheie: stațiunea Cosăuți, Moldova, obiecte din silex și obsidian, epigravetian, paleoliticul târziu.

Ключевые слова: стоянка Косэуць, Молдова, кремневые и обсидиановые микролиты, эпиграветт, поздний палеолит.

Serghei Covalenco, Alisa Larionova

Flint and obsidian microlites from the lower cultural layers of the site of the Late Palaeolithic Cosautsy

The article is devoted to the description of microlithic finds from the lower cultural layers of the Late Paleolithic Cosautsy site (Moldova). Particular attention is drawn to the finds from the fifth layer - flint and obsidian artifacts of the "rectangle" type, flint micro-points with a blunted edge, including needle-shaped and lancet. All of them correspond to the epigravete technocomplex widely spread in Middle Transnistria.

Serghei Covalenco, Alisa Larionova

Microlite de silex și obsidian din straturile culturale inferioare ale stațiunii paleoliticului superior Cosăuți

Articolul este dedicat rezultatelor studierii pieselor microlitice din straturile culturale inferioare ale stațiunii paleoliticului superior Cosăuți (Moldova). O atenție deosebită este acordată descoperirilor din cel de-al cincilea strat – microlitelor de silex și obsidian de tip „dreptunghi”, de asemenea microvârfurilor cu o margine bontă, inclusiv în formă de ac sau lance. Toate piesele corespund complexului tehnologic epigravetian, larg răspândit pe cursul de mijloc al Nistrului.

Сергей Коваленко, Алиса Ларионова

Кремневые и обсидиановые микролиты из нижних культурных слоев стоянки позднего палеолита Косэуць

Статья посвящена характеристике микролитических находок из нижних культурных слоев стоянки позднего палеолита Косэуць (Молдова). Особое внимание обращено на находки из пятого слоя – кремневые и обсидиановые вкладыши типа «прямоугольников», кремневые микроострия с притупленным краем, включая игловидные и стрельчатые. Все они соответствуют эпиграветту, широко распространенному технокомплексу в Среднем Поднестровье.

Микролитические изделия с притупленным краем представляют собой наиболее информативную категорию кремневого инвентаря эпиграветтских памятников юго-запада Восточной Европы. Миниатюрные размеры этих изделий определены величиной используемой заготовки – микропластинки или пластинки, а также применением при вторичной обработке вертикальной усекающей ретуши, срезающей до трети от первоначальной ширины заготовки. Самая востребованная ширина микролитов колеблется в пределах от 0,6 до 1 см, а длина зависит от их предназначения. Для наиболее распространенной группы вкладышей, использовавшихся в качестве вставок в различные рода оправы, характерны предельно мелкие размеры. Это обеспечивалось посредством удаления обоих концов пластинок. Для мелких острий, в частности, предполагаемых наконечников стрел, практиковалось удаление утолщенной проксимальной части заготовки, с целью создания сбалансированного по весу образца. Другая часть микроострий, в основ-

ном игловидные изделия, известные как проколки и микросверла, выполнены на целых пластинках без какого-либо усечения концов.

Вторичная обработка не менее интересна. Ключевым признаком используемой ретуши является её «агрессивный» усекающий характер. Такого рода ретушь, обычно отвесная, срезающая заготовку на всю её толщину, часто сочетается с крутой, в отдельных случаях – встречной. Вторичная обработка формирует относительно прямой, иногда со слабой вогнутостью край (на этот признак впервые обратил внимание Г.П. Григорьев). Противоположный естественно-острый край, как правило, не ретушировался. Мелкая ретушь наносилась у рабочего конца лишь у микроострий, скашивая его по дуге. Для вкладышей составных орудий наблюдаются следы утилизации в виде отдельных различных по размерам и направленности фасеток.

Для анализа микролитов с притупленным краем рассмотрим коллекцию таких изделий, происходящих из нижних культурных слоев стоянки

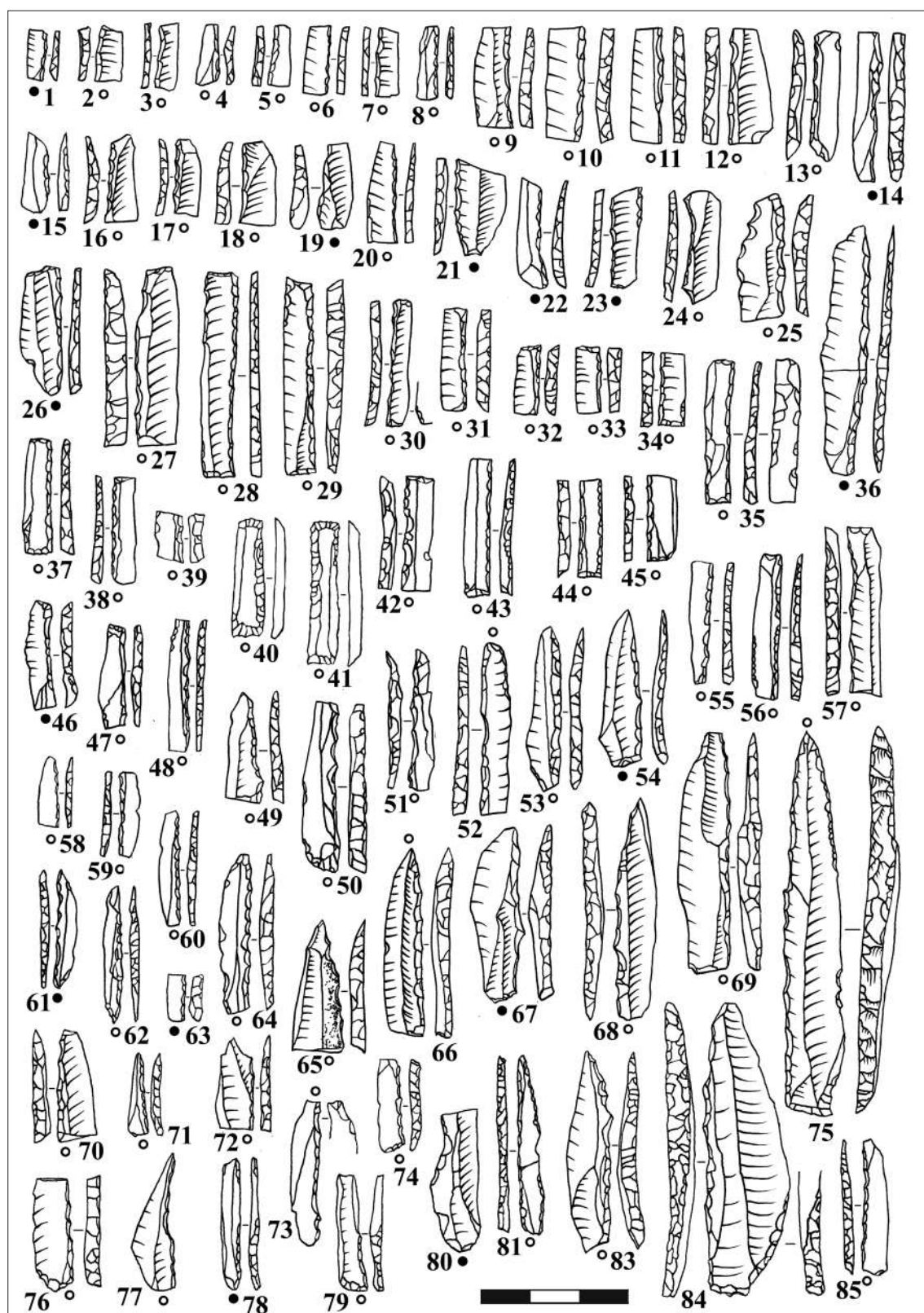

Рис. 1. Косэуць. Каменные изделия из нижних культурных слоев.

Fig. 1. Cosăuți. Stone artifacts from the lower cultural layers.

Косэуць¹, прежде всего, пятого по рабочей нумерации², представленного сериями различных типов изделий, ранее не опубликованных. Раскопки этого слоя проводились на отдельных участках стоянки в 1981, 1983, 1984, 1986, 1994-1997 и 1999 годах. Наиболее масштабные полевые исследования были выполнены в 1999 году. Однако отчет по последнему году раскопок представлен не был, а каменный материал из этого слоя прошел камеральную обработку только сейчас³.

В целом, набор каменных артефактов оказался выразительным и сравнительно полным, включая основные группы эпиграветтских микролитов, характерных как для коллекций вышележащих слоев стоянки Косэуць, так и для памятников граветтоидного технокомплекса Среднего Поднепровья. Для пятого косэуцкого слоя получено несколько радиоуглеродных дат – $18\,260 \pm 210$ (GrA-5218), $18\,140 \pm 200$ (OxA-5247) и др. Они соответствуют геохронологическому возрасту вмещающей литологической породы, занимая верхнюю часть трещиноватых глинистых отложений, сопоставимых с началом максимально холодного периода последнего оледенения.

Всего в составе коллекции пятого культурного слоя содержится 190 изделий с вторичной обработкой, из которых 72 экземпляра представлены мелкими пластинчатыми формами – 56 из них подготовлены на микропластинках, остальные на пластинках. По технике оформления к ним близка находка, выполненная на пластине средних размеров. Самой простой по оформлению и самой распространенной разновидностью микролитов является сечение (медиальная часть) мелкой пластинки или фрагмент такой же пластинки, у которой сохранилось основание (проксимальная часть), но был удален верхний хрупкий конец. Среди них выделяется как минимум два стандарта вкладышей, короткие миниатюрные экземпляры длиной 1-1,5 см (рис. 1,1-8) и вытянутые более массивные изделия длиной 2-2,5 см (рис. 1,9-12). О преднамерен-

ности удаления их концов судить трудно, хотя на это указывает правильные очертания поперечного излома. Для них характерна обработка регулярной ретушью одного из краев, которая образует ровный срез на всю толщину используемой заготовки. Номинально к этой разновидности микролитических вкладышей относятся обломки пластинок и микропластинок, разнородных по своим очертаниям, как с вертикальной ретушью по краю, так и мелкой крутой (рис. 1,13-25). Одна из пластинок с притупленным краем, склеенная из двух частей, найденных на разных квадратах, демонстрирует облик целой формы, довольно крупной, длиной 5,1 см (рис. 1,36). Близкие размеры, вероятно, имеют две пластинки, дистальный конец которых был сбит или неудачно ретуширован (рис. 1,26,27).

Выразительную группу микролитов-вкладышей составляют микропластинки шириной до 0,7 см, часть которых первоначально превышала этот размер, но после усеечения ретушью приобрела изящные, предельно вытянутые пропорции. Один край таких микролитов, благодаря «глубокой» ретуши образовывал относительно ровные очертания, иногда со слабо выраженной вогнутостью, их концы не обламывались, а поперечно ретушировались, создавая выразительный тип вкладыша, получившего название «вытянутый прямоугольник». Сохранилось три целых изделия такого типа (рис. 1,28-30). Остальные найдены в обломках (рис. 1,31-34,42-47,55-57). Все эти находки объединяет правильная огранка спинки, параллельно ориентированные края, прямой ровный ретушированный край и узкий поперечно ретушированный конец. Размер целых прямоугольников – $2,6 \times 0,4 \times 0,2$ см, $4,1 \times 0,6 \times 0,3$ см и $4,2 \times 0,7 \times 0,2$ см, а длина обломков варьирует от 1,3 до 3,2 см. Отдельного рассмотрения заслуживают образец с обломанным дистальным окончанием и кососрезанным основанием (рис. 1,50). Два других обособленных вкладыша обработаны усекающей ретушью, но не на всю толщину заготовки. Они имеют естественно острый верхний конец и почти поперечно ретушированное основание (рис. 1,53,54).

Прямоугольники на микропластинках выполнены не только из кремня. Пять целых образцов и один обломок изготовлены из карпатского обсидиана (рис. 1,35,37-41). Все эти редкие находки были обнаружены вблизи друг от друга, на участке культурного слоя с исключительно хорошей сохранностью, что позволяет выявить в их залегании определенную упорядоченность. Речь идет как об их ориентации в одном направлении, так и о расположении в определенной последовательности, что не исключает версии об их установке в некой оправе органического происхождения, утраченной впоследствии. Они

1. Многослойная стоянка позднего палеолита Косэуць, расположенная к западу от одноименного села Сорокского района Молдовы, на первой надпойменной террасе, примыкающей к крутому, обрывистому склону днепровской долины, была исследована И.А. Борзиаком в 1981-1999 гг. [Borziak, Kovalenko 1989; Borziak 1992]. Реально документировано присутствие на памятнике 21 культурного слоя, в каждом из которых собраны коллекции кремневых изделий эпиграветтского облика.

2. На многослойной стоянке Косэуць выделены следующие культурные слои – 1А, 1Б, 1В, 1, 2А, 2Б, 2В, 3Б, 3, 3А, 4, 5А, 5, 6 (включая 6А, 6Б, 6В, 6Вн – 6Г), 7, 8, 9.

3. Хотя рисунки и описание отдельных находок были включены в ряд публикаций.

имеют исключительно правильную огранку, средние размеры, свойственные для этой группы изделий – 2,5-3х0,6х0,2 см⁴. Можно отметить, что обработка одного из краев произведена вертикальной ретушью, в то время как на противоположном заметны следы износа в виде выщербленности. В отличие от других прямоугольников их поперечно усеченные концы обработаны не крутой, а вертикальной ретушью.

Остальные микролиты с притупленным краем сопоставимы с остриями (17 экз.). В первой группе таких изделий присутствуют относительно разнородные предметы, подготовленные на микропластинках, одна из которых имеет скошенный край (рис. 1,49), другая относительно прямой ретушированный край (формирующий симметричный облик) (рис. 1,66), еще три имеют сходную краевую обработку, дополненную косой ретушной подправкой у основания по необработанному краю (рис. 1,52,64).

Единообразными по своим технико-морфологическим показателям являются игловидные микроострия (рис. 1,59-62). Среди этих микролитов присутствуют два двуконечных экземпляра (рис. 1,61,62). Не исключено, что остальные три изделия, найденные в обломках, имели такое же оформление. Их ширина не превышает 0,4 см, а длина изменяется в пределах 2-2,5 см. Мелкая вертикальная ретушь часто образует слабоогнутый край, а обработка противоположного отмечена лишь вблизи острия.

Особого внимания заслуживают сравнительно крупные изделия с притупленным краем, которые были предварительно обозначены как наконечники стрел. Они относительно правильно сбалансированы по весу, а по своим пропорциям близки к симметричным изделиям. Для них были избраны массивные пластинчатые заготовки, обработанные по одному из краев крупной отвесной ретушью, иногда встречной. Ретушированный край имеет у них специфическую мелкозубчатость и слабо выраженную выпуклость. Одна из таких находок представлена обломком с сохранившимся участком галечной корки (рис. 1,65), две других имеют скошенный ретушью край (рис. 1,68,69), а четвертое изделие, помимо тщательно проработанного встречной ретушью края, притуплено и по противоположному краю ближе к острому концу. Очень важным признаком последней «стрелки» можно считать поперечно ретушированное основание (рис. 1,75). Размеры трех целых наконечни-

ков: 4,5х0,8х0,4 см (рис. 1,68), 4,8х1,0х0,5 см (рис. 1,69) и 7,8х1,1х0,6 см (рис. 1,75).

В нашем распоряжении есть весьма редкое острие на пластине со скошенным вертикальной ретушью краем (рис. 1,84). Именно по типу используемой вторичной обработки мы считаем возможным включить это острие в состав граветтского инвентаря, хотя его размеры (5,9х1,7х0,5 см) явно не микролитичные. В своем роде это изделие уникально и заслуживает подробного описания. Оно изготовлено из высококачественного галечного кремня палевого цвета, неместного происхождения. В качестве заготовки была использована достаточно крупная пластина с исключительно правильной огранкой, которая в результате применения достаточно «агрессивной» ретуши сократилась по ширине не меньше, чем на одну треть. Для вторичной обработки применялась как вертикальная, на отдельных участках встречная ретушь, так и крутая, срезающая заготовку на большую часть её толщины. Острие подготовлено благодаря скошенному (по диагонали) ретушью краю, имеющему волнистые очертания, противолежащего естественно острому краю, срезанному у основания по дуге. Более того, само основание прямо поперечно ретушированное. Следы износа просматриваются на остром необработанном участке края. К сожалению, кончик этого острия был утрачен. По характеру оформления однозначно высказаться о способе эксплуатации этого орудия мы не можем, но склоняемся к версии об его применении в качестве вкладыша-вставки.

Коллекции кремневых микролитов с притупленными краями собраны и при раскопках нижележащих культурных слоев. Однако число находок в этих слоях было ограничено. В составе коллекции присутствуют всего 15 артефактов. В 1983-1984 годах в едином шестом культурном слое было выявлено лишь 5 микролитов. В ходе раскопок в 1986, 1989 и 1994 годах были обнаружены еще 9 предметов, которые относились согласно новой культурной стратификации к слоям 6А (1 находка), 6Б (3), 6В (3), 6В (Н) (1) или 6Г (1). Все они залегали в толще трещиноватых суглинков, датируемых по C14 от 18 140 ± 165 (А 1862) до 19 200 ± 130 (GrN-21361).

Для нас принципиально важно, что редкие находки микролитов из слоев 6, 6А-6Г аналогичны основным типам кремневых изделий пятого слоя. Так, мелкий вкладыш с притупленным краем (рис. 1,63) сопоставим с миниатюрными изделиями длиной 1 см (первый стандарт). Вытянутый более массивный вкладыш (рис. 1,76) соответствует вставкам длиной более 2 см (второй стандарт). Микролитичные обломки с поперечно ретуширо-

4. С согласия И.А. Борзняка, два обсидиановых микролита (рис. 1,40,41) были переданы Чиприану Асталошу для сопоставления с образцами известных карпатских месторождений.

ванными концами (рис. 1,74,79) близки фрагментам «вытянутых прямоугольников». Как и в пятом слое, присутствуют различные типы микроострий, включая игловидные (рис. 1,71,81) и симметричный стрелчатый со специфическим мелкозубчатым ретушированным краем (рис. 1,83).

Рассмотрение микролитов с притупленным краем из нижних культурных слоев стоянки Косэуць, по нашему мнению, создает целостное представление о граветтоидном комплексе, ранее известным лишь по находкам из верхних слоев. Конечно, многочисленные коллекции артефактов из слоев 1, 2Б, 3Б, 3, 3А составляют основу для адекватного восприятия этой одной из самых информативных категорий каменного инвентаря. В его составе выделяются узкие микроострия с приостренными концами, включая игловидные образцы, микропластинки-вкладыши со слегка вогнутой формой обработанного края, в том числе «вытянутые прямоугольники», более крупные изделия с прямым или выпуклым притупленным краем, миниатюрные острия с частичной обработкой по двум краям. Во многом они повторяются в наборе микролитических вкладышей нижних слоев, прежде всего, таких как сечения пластинок с преднамеренно обломанными или поперечно ретушированными концами, у которых порой соотношение длины и ширины составляет 7:1. Облик миниатюрных острий с притупленным краем из 5 и 6Б культурных слоев также определяется весьма выразительными игловидными формами. В наших предшествующих работах мы делали акцент на присутствие в коллекции микролитов Косэуць двухконечных острий со слабовогнутым притупленным краем, общая форма которых, за счет изогнутого необработанного края, близка к «сегменту». Такого рода предметы есть в нижних слоях, хотя они и не столь выразительны. Общим показательным типом

в виде «вытянутого треугольника» с прямо срезанным основанием можно считать относительно крупные изделия, по своим пропорциям близкие к наконечникам стрел. В нижних слоях именно эти находки образуют серию, они симметричны, сбалансированы по своим пропорциям, иногда подработаны встречной ретушью.

Благодаря проведенному технико-морфологическому анализу микролитических изделий косэуцкой стоянки, мы можем судить об их ярко выраженном граветтоидном характере. Индустрия этого памятника представляет собой то «недостающее звено» в общей последовательности развития верхнего палеолита Поднестровья, которое связывает воедино памятники молодовской и днестровской⁵ археологических культур. По нашей версии [Covalenco 1996; Kovalenco, Ketraru 1999], микролитические материалы со стоянки Косэуць могут восприниматься и как отдельный вариант эпиграветтской культуры Поднестровья⁶. С другой стороны, есть основание рассматривать своеобразие косэуцких материалов как результат активного контакта с обитателями северо-причерноморских верхнепалеолитических сообществ, прежде всего, с носителями традиций анетовского круга памятников.

5. Ранее известной как позднемолодовская, иногда воспринимаемой как часть более обширного сообщества, известного под названием Молодова-Косэуць-Коту Микулинць. Памятники этой мега-культуры рассеяны на всем пространстве Карпато-Поднестровья, вплоть до современной буджакской степи, но наибольшая их концентрация связана с северным ареалом распространения.

6. В одной из обобщающих статей И.А. Борзняка есть указание на существование самостоятельной косэуцкой верхнепалеолитической культуры [Borziak, Kulakovs'ka 1998, 61].

Библиография

- Borziak 1992:** I.A. Borziak, O stratigrafii i kul'turnoi atributsii mnogoslonoj paleoliticheskoi stoiarki Kosautsy na Srednem Dnestre. KSIA 206, 1992, 77-80 // И.А. Борзник, О стратиграфии и культурной атрибуции многослойной палеолитической стоянки Косауцы на Среднем Днестре. КСИА 206, 1992, 77-80.
- Borziak, Kovalenko 1989:** I.A. Borziak, S.I. Kovalenko, Nekotorye dannye o mnogoslonoj paleoliticheskoi stoianke Kosautsy na Srednem Dnestre. Chetvertichnyi period. Paleontologiya i Arkheologiya (Kishinev 1989), 205-228 // И.А. Борзник, С.И. Коваленко, Некоторые данные о многослойной палеолитической стоянке Косауцы на Среднем Днестре. Четвертичный период. Палеонтология и Археология (Кишинев 1989), 205-228.
- Borziak, Kulakovs'ka 1998:** I.A. Borziak, L.V. Kulakovs'ka, Gravet Podnistrov'ia. Zagal'nii ogliad. Arkheologiya 4, 1998, 55-63 // И.О. Борзник, Л.В. Кулаковська, Гравет Подністров'я. Загальний огляд. Археологія 4, 1998, 55-63.
- Covalenco 1996:** S. Covalenco, The Upper palaeolithic industries in Dniester zone of Moldavia. Préhistoire Européenne 7 (Liege 1996), 233-267.

Kovalenko, Ketraru 1999: S.I. Kovalenko, N.A. Ketraru, Nekotorye osobennosti razvitiia verkhnepaleoliticheskikh industrii v dnestrovskoi zone Moldavii. Stratum plus 1, 1999, 168-195 // С.И. Коваленко, Н.А. Кетрапу, Некоторые особенности развития верхнепалеолитических индустрий в днестровской зоне Молдавии. Stratum plus 1, 1999, 168-195.

Сергей Коваленко, доктор истории, Центр археологии, Институт культурного наследия АНМ, бул. Штефан чел Маре 1, МД-2001, Кишинев, Республика Молдова, e-mail: covalenco@bk.ru

Алиса Ларионова, Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Дворцовая наб. 18, 19118 Санкт-Петербург, Россия, e-mail: aliasa_89@bk.ru

Иван Радомский

Генезис кремневой индустрии Триполья В/І в Среднем Поднестровье

Keywords: Trypillya-Cucuteni culture, knapping technology, influence, Gumelnita-Karanovo VI-Varna, Bolgrad-Alden, steppe cultures.

Cuvinte cheie: cultura Tripolie-Cucuteni, tehnica de desprindere a silexului, influențe, Gumelnița-Karanovo VI-Varna, Bolgrad-Aldeni, culturile din zona de stepă.

Ключевые слова: Триполье-Кукутень, технология расщепления, влияния, Гумельница-Караново VI-Варна, Болград-Алдень, степные культуры.

Ivan Radomskii

Genesis of the flint industry Trypillya B/I in the Middle Dniester Region

The paper is devoted to the analysis of the flint industry and functional products of phase B/I Trypillyan settlements in the Middle Dniester region. The results are compared to the flint production of previous period of Trypillya A/II-A/III of the same region. The difference between the techniques of two consecutive periods is characterized by the increased width of blade blanks and complete rejection of the microlith points/microburin technique. The technique of biface manufacture (triangular arrow-head) used on flake blanks instead. Two types of inset to sickles that replaced one type inset of early Trypillya are distinguished. These features can be identified as the transition signs to the Trypillya B/I period (for the Middle Dniester region). Considering the significant difference between the two technologies of consecutive period of culture (early and the beginning of the middle) the question of the new techniques origin is raised. For the purpose of this problem the materials of neighboring cultures are used. As a result of the close contacts at the appointed time, between Trypillya-Cucuteni culture and Gumelnita-Karanovo VI-Varna and Bolgrad-Alden cultures, adopting of the new techniques is seen not from the steppe cultures (contacts with which were unimportant), but from cultures of the Balkan-Danube-region.

Ivan Radomskii

Geneza industriei silexului din perioada Tripolie B/I în regiunea Nistrului Mijlociu

În articol se analizează tehnologiile de prelucrare a silexului și inventarul finit din cadrul monumentelor culturii Tripolie, etapa B/I, de pe Nistrul Mijlociu. Rezultatele obținute, fiind comparate cu materialele din perioada anterioară – Tripolie A/III, demonstrează diferențe semnificative între cele două tehnologii. Deosebirile constau în creșterea lățimii lamelor și renunțarea la tehnica de executare a microlitelor. În locul celor din urmă, se utilizează tehnica bifacială în producerea vârfurilor de arme pentru aruncat. Mai mult, se modifică și forma inserțiilor pentru secere. Aceste elemente specifice reprezintă caracteristicile de bază ale perioadei de trecere spre etapa B/I (pentru regiunea nistreană). Diferența dintre tehnologiile celor două perioade consecutive în existența unei culturi (sfârșitul etapei timpurii – începutul etapei mijlocii) absolut firească ne ridică semne de întrebare referitoare la problema originii noilor tehnici. În baza analizei materialelor din culturile vecine, am ajuns la concluzia că, în urma unor contacte strânse între comunitățile Tripolie-Cucuteni cu cele din regiunea balcano-dunăreană (cultura Gumelnița-Karanovo VI-Varna, Bolgrad-Aldeni) pătrunderea noilor tehnici de prelucrare a silexului a avut loc anume pe această cale, și nicidecum din culturile care populau zona de stepă.

Иван Радомский

Генезис кремневой индустрии Триполья В/І в Среднем Поднестровье

В статье рассматриваются технологии кремнеобработки и производственный инвентарь памятников Трипольской культуры этапа В/І на Среднем Днестре. Полученные результаты при сравнении с материалами предыдущего периода – Триполья А/ІІІ показывают значительные отличия между двумя технологиями. Разница состоит в увеличении ширины пластинчатых заготовок и отказе от микролитической техники. Вместо последней используется бифасиальная техника для производства наконечников метательного оружия. Кроме того, меняется облик вкладышей серпов. Эти особенности выделяются как признаки перехода к этапу В/І (для Поднестровья). Разница между технологиями двух последовательных периодов существования культуры (конец раннего – начало среднего) вполне естественно приводит к вопросу о происхождении новых техник. При анализе материалов соседних культур, приходим к заключению о том, что вследствие тесных контактов Трипольско-Кукутенского населения с племенами Балкано-Дунайского региона (культуры Гумельница-Караново VI-Варна, Болград-Алдень) проникновение новых техник в расщеплении кремня проходило от этих культур, а не со стороны культур Степного региона.

Рис. 1. Памятники Триполья А и Триполья ВІ на Днестре: 1) Окопы; 2) Бернашевка І; 3) Кормань; 4) Лука-Врублевская; 5) Озаринцы; 6) Городница-городище; 7) Патринцы; 8) Нижний Олчедаев; 9) Поливанов яр.

Fig. 1. The settlements of Trypillya A and Trypillya BI stages on the Dnister: 1) Okopy; 2) Bernashivka I; 3) Korman'; 4) Luka-Vrublivel'ka; 5) Ozaryntsi; 6) Gorodnycia-Gorodyshe; 7) Patrynci; 8) Nyzhniy Olchedaev; 9) Polyvaniv Yar.

Проблемы, связанные с расщеплением камня в трипольской культуре, да и вообще в энеолитических культурах Центральной и Восточной Европы, в последнее время становятся все более популярными. Несмотря на это, вопрос о типологических признаках кремневого инвентаря для каждого периода существования трипольской культуры остается открытым. На сегодняшний день нам известны характерные признаки керамических комплексов Триполья-Кукутень, на основе которых, еще в работах Т.С. Пассек, была разработана и все время корректируется подробная периодизация культуры [Passek 1949]. Но изменения, которые происходили в трипольско-кукутенском обществе, отображаются не только в типах орнаментации и формах сосудов. Так, ряд исследователей [Bibikov 1953, 17; Sorokin 1987; Engovatova 1992, 5] неоднократно ставили вопрос об изменениях в кремнеобработке, которые особенно ярко проявились на этапе Триполье ВІ-Кукутень А. Эти исследователи обратили внимание на тот факт, что в обозначенное время трипольско-кукутенское общество переходит от использования узких пластин к производству так называемых «макропластин», а также меняется система вооружения – треугольное острие (бифас) сменяет вкладышевое оружие (микролит).

Вопрос состоит в том, можем ли мы, использовать вышеупомянутые особенности, как характеристику, или даже признак, начала Триполья ВІ-Кукутень А? И если да, то возможно это не единственные особенности которые произошли и в технологии производства и в орудийном наборе двух последовательных периодов. Эта проблематика будет первостепенной в предлагаемом исследовании. На втором же месте будет стоять вопрос определения механизма и путей попадания новых техник в трипольско-кукутенскую среду¹.

Для полного понимания, как происходили изменения в технологиях производства, автором были обработаны кремневые коллекции раскопанных поселений в среднем течении Днестра этапа Триполье А/ІІ-Прекукутень ІІ – Окопы (коллекции фондов ИА НАНУ ІІ/№1047); Триполье А/ІІІ-Прекукутень ІІІ – Кормань (фонды ИА НАНУ ІІ/№1047). Для характеристики кремнеобработки начала периода Триполье В/І-Кукутень А1-3 использованы материалы с поселения

1. Пользуясь случаем, хочу поблагодарить В.А. Дяченка, П.С. Шидловского, В.А. Манька, Д.В. Киосака, а также сотрудников Национального музея истории Украины, научных фондов Института археологии НАН Украины и Львовского исторического музея за обсуждения набросков и многочисленные консультации во время подготовки статьи к печати.

Озаринцы (коллекция фондов Национального музея истории Украины (НМИУ №а41), памятника верховьев Днестра – Городница-Городище (фонды Львовского исторического музея), а также привлечены материалы комплексов разведочных сборов с поселений Патринцы и Нижний Олчедаев. Рассмотренные технико-типологические особенности с вышеперечисленных поселений будут дополнены данными о кремневых комплексах, которые неоднократно освещались в многочисленных публикациях (Поливанов Яр III [B/I]) и частично обрабатывались автором (Бернашовки I [A/II], Луки-Врублевской [A/III]) и др. (рис. 1).

Технология кремнеобработки и производственные комплексы раннего Триполья-Прекукутень

Предлагаемые поселения раннего Триполья были исследованы В.Г. Збеновичем в 70-х годах прошлого века [Zbenovich 1989, 204-207]. В относительной хронологии поселение Окопы датируется периодом Триполье A/II-Прекукутень II [Burdo 2001, 157; Rassamakin 2012, 37]. Поселение Кормань относит ко времени Триполья A/III – Прекукутень III [Rassamakin 2012, 49].

Расщепление кремня на этих памятниках базировалось на местной сырьевой базе – среднестроновский меловой кремнь верхнесеноманского времени разного качества, цвета, количества включений, часто с природными изъянами в середине желваков. Кремнь, в зависимости от времени геологического формирования, приобретает цвет от светло-серого до темно-черного с белыми вкраплениями. Также встречается серый кремнь без включений. Последние два варианта сырья наиболее пригодны для расщепления. В редких случаях встречается дымчато-черный туронский кремнь хорошего качества – на памятниках такое сырье в меньшинстве [Petrun' 1998; 2004, 204-205]. Среди материалов поселения Окопы и Лука-Врублевская присутствуют

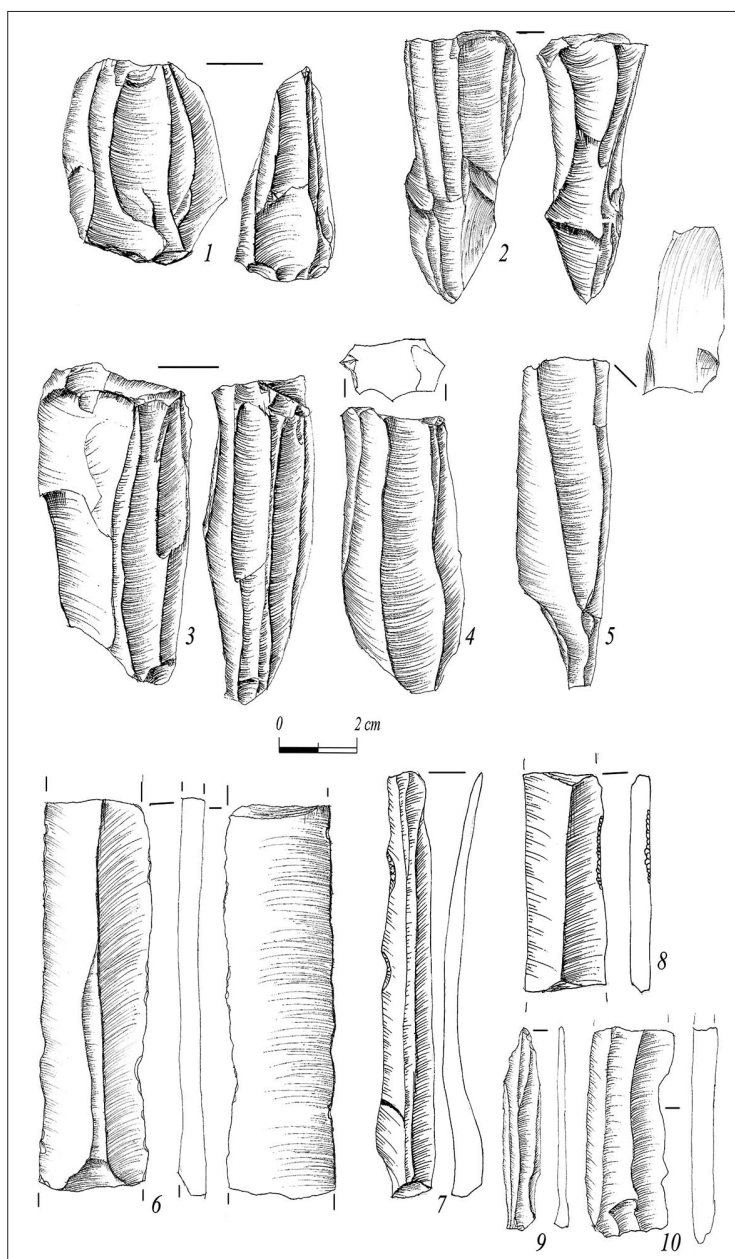

Рис. 2. 1-5: нуклеусы; 6-10: орудия на пластинах (этап Триполье A/III). 1-5, 6, 9-10: Окопы; 7-8: Кормань.

Fig. 2. 1-5: cores; 6-10: tools on blades (stage Trypillya A/III). 1-5, 6, 9-10: Okopy; 7-8: Korman'.

«импортные» изделия, изготовленные из добруджанского кремня (по одной пластине) (рис. 2,6).

Коллекция каменных изделий из раскопок поселения Окопы составляет 809 экз. Хотя пренуклеусы и отсутствуют, обнаружены два желвака, в большом количестве нуклеидные обломки, бессистемные, дисковидные, трехплощадочные и двухплощадочные нуклеусы (всего 112 экз.). В подавляющем большинстве

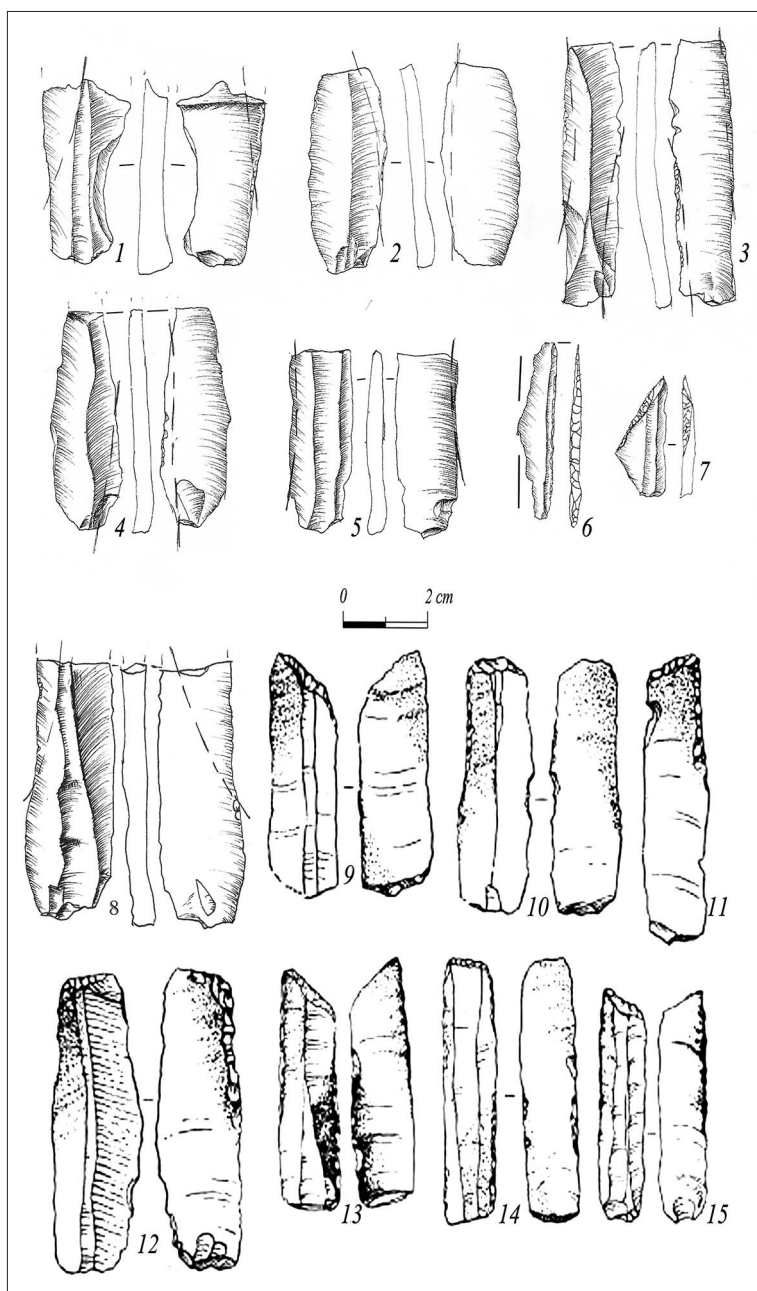

Рис. 3. 1-5, 8-15: вкладыши серпов; 6-7: микролиты (этап Триполье А). 1-7: Окопы; 8-15: Лука-Врублевская (9-15: С.Н. Бибилов 1953).

Fig. 3. 1-5, 8-15: inserts for sickles; 6-7: microlithic (stage Trypillia A). 1-7: Okopy; 8-15: Luka-Vrublivets'ka (9-15: S.N. Bibikov 1953).

с таких нуклеусов снимались отщеповые (реже пластинчатые) заготовки довольно больших размеров. Снятие сколов проводилось с помощью удара. Некоторые из бессистемных нуклеусов реутилизировались в качестве отбойников.

Выделяется группа одноплоскостных призматических нуклеусов (9 экз.), небольших размеров (до 7 см в длину), среди которых присутствуют конические, карандашевидные и торцевые (рис. 2, 1-5). С этих нуклеусов снимались пластинчатые заготовки. Судя по ширине негативов скалывания, а также ширине заготовок, производство было направлено на снятие среднешироких пластин (ширина которых варьирует от 1,3 до 1,9 см – 56 экз.). Реже проходило скалывание пластинок (ширина 0,8-1,2 см – 16 экз) и широких пластин (ширина более 2 см – 24 экз.). Площадки пластин гладкие, в двух случаях точечные и в одном фасетированная. При снятии заготовок с таких нуклеусов использовался ручной отжим, реже прямой удар. Использование ручного отжима при снятии пластин не вызывает сомнений, учитывая наличие торцевых нуклеусов. Пластинчатые сколы, негативы которых присутствуют исключительно на торце, свидетельствуют о том, что другая плоскость нуклеуса (не занятая в процессе расщепления) находилась в специальных «тисках». Такое крепление облегчало использование отжима, поскольку в таком случае нуклеус оставался неподвижным. Зона расщепления подготавливалась небольшими сколами. Перед каждым последующим снятием

карнизы снимались, площадка подправлялась. Среди орудий для скалывания присутствуют отбойники и отжимники (25 экз.). К отходам производства относятся также и отщепы без вторичной обработки (всего 217 экз.), среди которых присутствуют и первичные, и вторичные, и технологические сколы – авиважи и реберчатые отщепы.

Среди орудий труда выделяется группа ретушированных отщепов (113 экз.) и ретушированных пластин (29 экз.). Преобладает краевая ретушь. Репрезентативной коллекцией пред-

ставлены скребки на отщепах (66 экз.) и пластинах (33 экз.). Скобели изготавливались на отщепах (14 экз.), реже на пластинах (3 экз.). Сверла и проколки (13 экз.) представлены изделиями на пластинах, с использованием крутого затупляющего ретуширования, которое создавало рабочую поверхность. Резцы, изготовленные на пластинчатых отщепах и отщепах, представлены в малом количестве (всего четыре изделия).

Вкладыши серпов (17 экз.), выделенные по характерной зеркальной заполированности, изготавливались на пластинках и пластинах. Почти все имеют угловую заполировку, и только три изделия имеют заполировку по всей плоскости изделия. Вкладыши использовались без дополнительного ретуширования (рис. 3,5), или имеют краевую, нерегулярную ретушь, а также выкрошенность, которая образовалась во время их утилизации по назначению (рис. 3,1-4).

Среди материалов поселения Окопы было обнаружено два микролита – один ромбовидной формы (или параллелограмм), и пластинка с притупленным краем (рис. 3,6-7).

В основном, для орудий, которые изготавливались на пластинах, выбирались заготовки шириной от 1,3 до 1,8 см (53 экз.). Реже использовалась заготовка больших размеров, среди которых скребки, ретушированные пластины (в т.ч. и пластинка из добуржского кремня) и один вкладыш.

Репрезентативной коллекцией представлены рубящие орудия, изготовленные из сланца (54 экз.). Среди этой категории присутствуют заготовки, долото- и тесловидные изделия, а также топоры. Такие орудия зашлифовывались полностью или частично – с пришлифовкой лезвия.

Так, материалы из поселения Окопы имеют микролитический характер, и подобны синхронному поселению Бернашивка I как в технике скалывания, так и в орудийном наборе, характере оснащения серпов и метательного оружия, технологической направленности, а соответственно и во всём технологическом процессе расщепления [Zbenovich 1980, 66-103; Slesarev et al. 2014; Shidlovskii, Slesarev 2015a; 2015b].

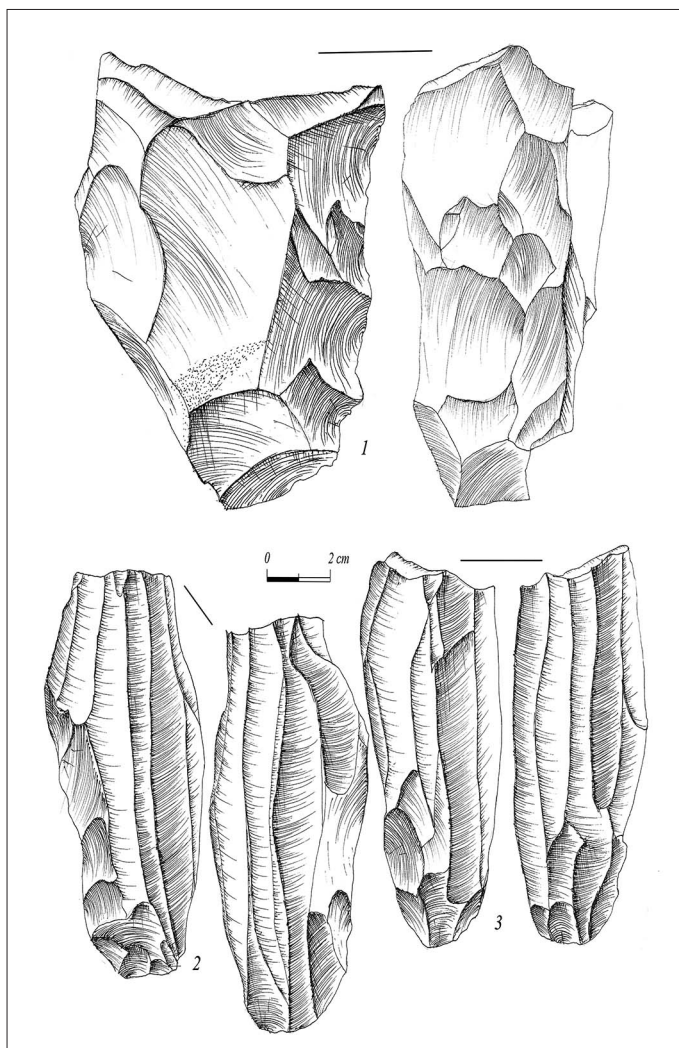

Рис. 4. 1: пренуклеус; 2-3: нуклеусы (этап Триполье А/III). Кормань.

Fig. 4. 1: precore; 2-3: cores (stage Trypillya A/III). Korman'.

Коллекция кремневых изделий с поселения Кормань состоит из 331 экз. Пренуклеусы представлены тремя экземплярами. На них с двух сторон создано двустороннее ребро (рис. 4,1). Площадки скошены, а в двух случаях находятся под прямым углом (или близки к такому) по отношению к плоскости скалывания. Среди нуклеусов выделяются бессистемные, для получения отщеповых заготовок (16 экз.), и подпризматические нуклеусы, с которых снимались пластины (8 экз.). Последние можно разделить на две категории – уплощенные и конические (рис. 4,2-3), при этом уплощенные являются скорее переходной формой к коническим. В двух случаях пластины снимались с помощью прямого удара. Перед каж-

дым последующим снятием, площадка нуклеуса редуцировалась или пришлифовывалась, реже снимались карнизы. Длина нуклеусов, с которых скалывали пластины, колеблется от 6,2 до 11,6 см. Ширина негативов на нуклеусах варьирует в пределах 1,5-2,5 см. Также, в коллекции присутствуют четыре нуклевидных обломка. Среди орудий для скалывания имеются четыре отбойника.

К отходам производства относятся пластины (51 экз.) и отщепы (93 экз.) без вторичной обработки. Часть пластин имеет правильную огранку, а в профиле изогнутую форму. Но преимущественно в коллекции представлены нерегулярные пластины. Это пластины, ширина которых почти всегда превышает 2 см, которые изредка имеют регулярную, параллельную огранку но чаще негативы от разнонаправленных снятий. Судя по сильно выраженному ударному бугорку, ширине и толщине сколов, а также большим площадкам, снимались они с помощью прямого удара, или с применением посредника. Площадки пластин гладкие, реже фасетированные. Ширина регулярных, правильных пластин колеблется от 1,1 до 2,8 см. Ширина же нерегулярных пластин (и такие преобладают) – до 3,3 см. Длина целых экземпляров колеблется в пределах от 4,5 до 9 см. Для орудий труда были использованы почти все регулярные среднеширокие пластины (с шириной 1,3-2,0 см). В меньшем количестве использовались широкие пластины (макропластины – от 2,0 см и более) и практически не использовались пластинки. Таким образом, техника скола может быть определена как ударная (как с применением мягкого отбойника, так и с применением посредника, и последнее наиболее вероятное), при эпизодическом использовании ручного отжима. К выводу о применении посредника как основной техники скола, на этапе Триполье АІІІ-Прекукутень ІІІ, приходит и Д.В. Киосак [Kiosak 2016, 155]. Но использование ручного отжима не вызывает сомнений, учитывая особенности пластинчатых сколов, а также морфологию некоторых нуклеусов.

Среди орудий труда выделяется группа ретушированных отщепов (48 экз.) и ретушированных пластин (16 экз.). Ретушь преобладает краевая, регулярная полукрутая, реже крутая.

Скребки представлены в большом количестве. В качестве заготовки, использовались отщепы (46 экз.). Реже скребки изготавливались на пластинах (22 экз.). Скобели представлены четырьмя экземплярами на пластинах и одним на отщепе. Сверла и проколки изготовлены на пластинах (5 экз.) и отщепах (3 экз.), с использованием крутого притупляющего ретуширования, что создавало рабочую поверхность. Резцы (4 экз.), представлены изделиями исключительно на пластинах. Также, обнаружены два шлифованных тесловидных изделия. Вкладыши серпов в коллекции не обнаружены. Однако большое их количество зафиксировано в Луке-Врублевещкой – это пластины с угловой заполировкой. Некоторые из этих изделий обрабатывались с помощью мелкой, краевой ретуши.

Открытым остается вопрос оснащения метательного оружия на поселении. В описании к коллекции Кормань, говорится: «1 – мезолитическая трапеция». К сожалению, при осмотре самой коллекции, выяснилось что трапеция была утеряна. С.Н. Бибилов выделяет среди материалов поселения Лука-Врублевещкая пластины со скошенным краем [Bibikov 1953, 86]. При осмотре иллюстраций бросается в глаза, что определенное их количество – это косо-тронкованные изделия, а некоторые напоминают микролитические изделия ромбовидной формы (при осмотре коллекции, хранящейся в Национальном музее истории Украины, микролиты не обнаружены). Интересно, что В.Г. Збеневич, характеризуя эти орудия в работе посвященной раннетрипольским памятникам, предположил использование последних (по аналогии с Бернашевскими микролитами) в качестве составных частей охотничьего оружия [Zbenovich 1989, 59]. Среди материалов с Луки-Врублевещкой исследователь выделяет и трапецию [Zbenovich 1989, 60]. Таким образом, кремневая индустрия этих поселений может быть охарактеризована как микролитическая.

Так, каменная индустрия из поселения Кормань, в общих чертах аналогична Окопам. Однако имеется одно отличие – нуклеусы для снятия пластин больших размеров, и технология их расщепления была направлена на снятие не только среднешироких пластин, но и

широких (увеличивается их процент). Это не могло не отразиться на способе получения пластин. Очевидно, на этапе Триполья АIII-Прекукутень III чаще стал применяться посредник. Но он не вытесняет ручной отжим. Эпизодическое применение отжимной техники относится не только к Кормани, но и к Луке-Врублевцевкой. Среди небольшой коллекции, которая хранится в Национальном музее истории Украины (да и судя по публикации материалов С.Н. Бибиковым), выделяются, среди прочих нуклеусов, торцевые и карандашевидные (рис. 5). Также присутствуют пластины с пропорциями, которые характерны для техники ручного отжима – регулярные, с минимальным изгибом в профиле, мелкими площадками – точечными, гладкими или фасетированными (рис. 6) [Bibikov 1953, 78-124]. Очевидно, сохранение техники ручного отжима было необходимостью, связанной с производственным инвентарем. Для оснащения наборных орудий (как наконечников, так и жатвенного инструментария) были необходимы стандартизированные заготовки определенных размеров. Д.В. Киосак объясняет разницу между двумя последовательными фазами раннего Триполья-Прекукутень появлением специализации в кремнеобработке [Kiosak 2016, 156]. С этим нельзя не согласиться, как и с мнением В.Г. Збеновича о том, что такие отличия следует рассматривать как хронологические признаки [Zbenovich 1989, 130]. К этому остается только добавить то, что производственный инвентарь на этапе Триполья А-Прекукутень III не изменился – и Кормань и Лука-Врублевцевка сохраняют микролитические традиции и отжимную технику и тяготеют к предыдущему этапу Триполья А/II-Прекукутень II.

Итак, характерные особенности в кремнеобработке раннего Триполья заключаются в следующем: 1) преобладание карандашевидных, торцевых и конических одноплощадочных нуклеусов для получения пластинчатых сколов; 2) частое использование ручного отжима для снятия правильно огранных пластинок; 3) ориентация производства на получение пластинок

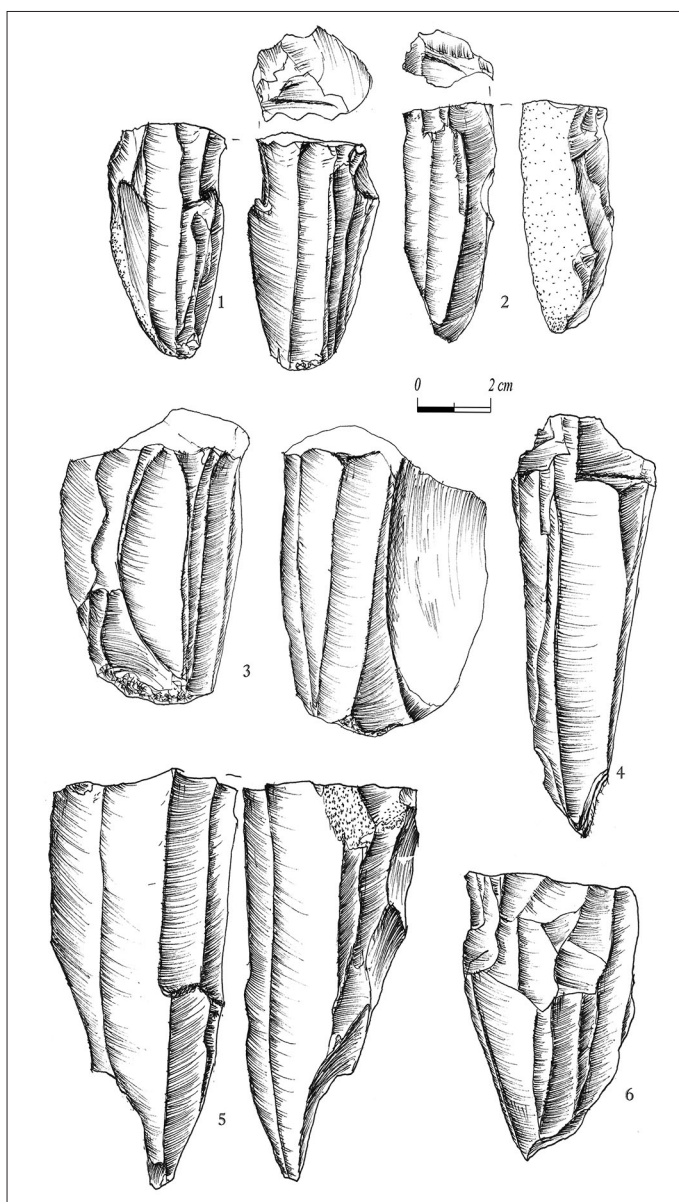

Рис. 5. Нуклеусы (этап Триполье А/III). Лука-Врублевцевка.

Fig. 5. Cores (stage Trypillia A/III). Luka-Vrublivets'ka.

и среднешироких пластин (ширина которых варьирует от 1,2 до 2,0 см); 4) оснащение метательного оружия преимущественно ромбовидными микролитами, о чем ярко свидетельствуют недавние исследования поселения Бернашивка I, а также и то, что на большинстве памятников этого времени встречается именно этот тип микролитов [Markevich 1974; Shidlovskii, Slesarev 2015a], реже трапеции; 5) вкладыши серпов чаще использовались без вторичной обработки, в редких случаях присутствует краевая пере-

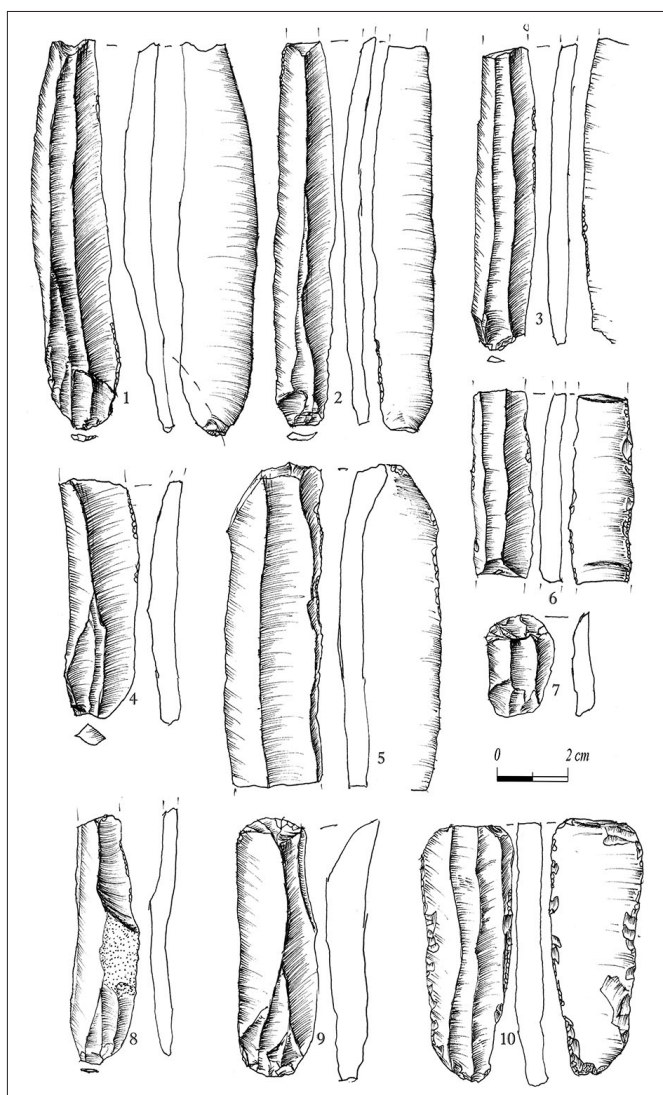

Рис. 6. Орудия на пластинах (этап Триполье А/ІІІ). Лука-Врублевцкая.

Fig. 6. Tools on blades (stage Trypillya A/III). Luka-Vrublivets'ka.

гулярная ретушь (как это следует при осмотре коллекций с Бернашивки І и Луки-Врублевцкой), а угловая заполировка свидетельствует об использовании серпа «карановского типа» [Bibikov 1962, 4-8] и использование жатвенных ножей [Larina 2012].

Теперь, имея представление о характере кремнеобработки на протяжении всего раннего Триполья-Прекукутень (вплоть до наипозднейших памятников этого времени, каковым является Лука-Врублевцкая), рассмотрим как выглядит каменная индустрия, в этом же районе на следующем этапе развития трипольского общества – в начале Триполья В/І-Кукутень А.

Технологии обработки кремня и продукты расщепления в начале этапа Триполье В/І-Кукутень А

Коллекции памятников, представленных ниже, будут рассмотрены комплексно, т.к. они практически все одновременны (в относительной хронологии). Кроме того, читателю будет легче увидеть картину целиком, нежели если бы каждый памятник рассматривался врознь. Предлагаемые поселения были открыты и периодически исследовались начиная с 1870-х годов XIX века. Так, в 1877 году было впервые обследовано поселение Городница-городище (и ряд других местонахождений в окрестностях одноименного села Городница) И. Коперницким. В дальнейшем памятник несколько раз исследовался до 50-х гг. прошлого века, также с проведением стационарных раскопок в 1938-1939 гг. (М.Ю. Смишко) [Kravets 1954]. В ходе разведочных работ на среднем Днестре, М. Я. Рудинский открыл много интересных памятников, среди которых были Озаринцы и Патринцы. А в 1929 г. исследователь провел раскопки на первом из упомянутых поселений [Rudinskii 1930, 235-236]. В 1946 г. М.И. Артамоновым был открыт памятник Нижний Олчедаев [Artamonov 1946]. По относительной хронологии эти памятники датируются началом этапа В/І-Кукутень А1-3. Производство кремне-

вого инвентаря базировалось также на местном сырье. Только изготовление кремневых орудий на поселении Городница-городище производилось не из среднестрельских, а из верхнеднестровских кремневых конкреций, в силу расположения памятника в верховьях Днестра. «Импорт» сырья на рассматриваемых памятниках не обнаружен (хотя Т.А. Попова и упоминает о добруджских «импортах» в Поливановом Яру) [Popova 2003].

Пренуклеусы среди кремневых комплексов рассматриваемых памятников не обнаружены. Нуклеусы из поселения Озаринцы представлены тремя экземплярами. Призматические одно- и двуплощадочные нуклеусы ориентированы на снятие правильных, тщательно ограненных среднешироких и широких (макро-) пластин. Высота нуклеусов

варьирует в пределах от 8 до 11 см. Одноплощадочные нуклеусы делятся на уплощенные и конические. В первом случае пластины снимались с помощью отжима. Карнизы перед каждым скалыванием заготовки снимались. Конический нуклеус имеет негатив снятия одной правильной пластинки – последний скол полученный отжимом. Дальнейшая утилизация этого нуклеуса проходила с использованием отбойника (рис. 7,1-2).

Значительный интерес в вопросе технологии получения пластин представляет двухплощадочный нуклеус (рис. 7,3). Судя по размерам и ширине негативов (до 3 см в ширину), заготовки скалывались с помощью отжима. Обе площадки находятся под прямым углом относительно плоскости скалывания. Площадки обработаны несколькими сколами. Первоначально это был одноплощадочный нуклеус, но в результате залома он был перевернут, создана вторая площадка, с которой было снято несколько широких пластин. После этого дальнейшая утилизация не проводилась. Очевидно, это было связано не столько с дефектом сырья, сколько с технологической направленностью, поскольку при дальнейшем снятии ширина и длина заготовки были бы меньших размеров. Пластины скалывались по кругу, негативы сколов охватывают 3/4 периметра.

Несколько отличную ситуацию демонстрируют нуклеусы с поселения Городница-Городище (рис. 8,1-3). Они представлены тремя экземплярами, реутилизированными в качестве отбойников – два одноплощадочные и один двухплощадочный. Размеры всех нуклеусов не превышают 6,1 см в высоту. Снятие пластин проходило по кругу. К сожалению, о способе подготовки зоны расщепления по самим нуклеусам больше сказать не представляется возможным.

Нуклеусы с поселения Патринцы представлены четырьмя экземплярами, три из которых безсистемные и один радиальный (рис. 8,4-6). Все использовались для производства отщепов.

Производственный инвентарь характеризуется высоким индексом пластинчатости (например, на поселении Озаринцы орудия на пластинах и пластинчатых заготовках составляют большинство). Пластины скалывались при помощи посредника, возможно уси-

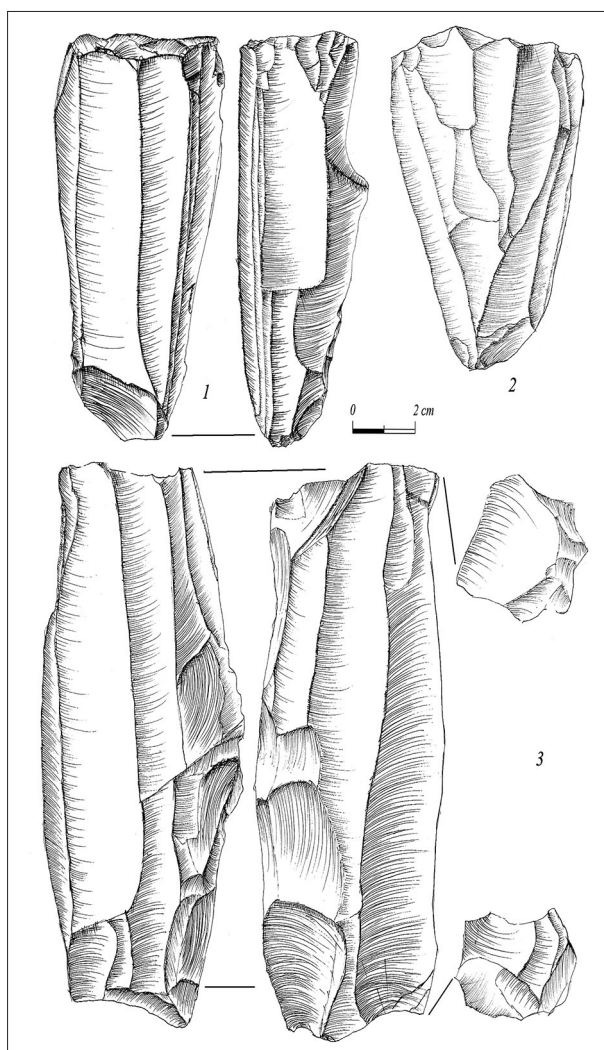

Рис. 7. Нуклеусы (этап Триполье BI). Озаринцы.

Fig. 7. Cores (stage Trypillya BI). Ozaryntsi.

ленного отжима, и имеют большие размеры, правильную, регулярную огранку (особенно хочется отметить пластины с поселений Нижний Олчедаев и Патринцы – площадки последних небольшие, изгиб пластин минимален). Как показали предыдущие исследования, «идеальная заготовка» для индустрии поселения Озаринцы – это пластины с шириной 1,9-2,0 см (рис. 9) [Radoms'kii, Iakubenko 2015]. То же можно сказать и об индустрии поселения Поливанов Яр III.

Орудия труда представлены обычными для раннеземледельческих культур категориями – скребки как на отщепах, так и на пластинах, скребели, проколки, сверла и тому подобное. Среди основного орудийного набора

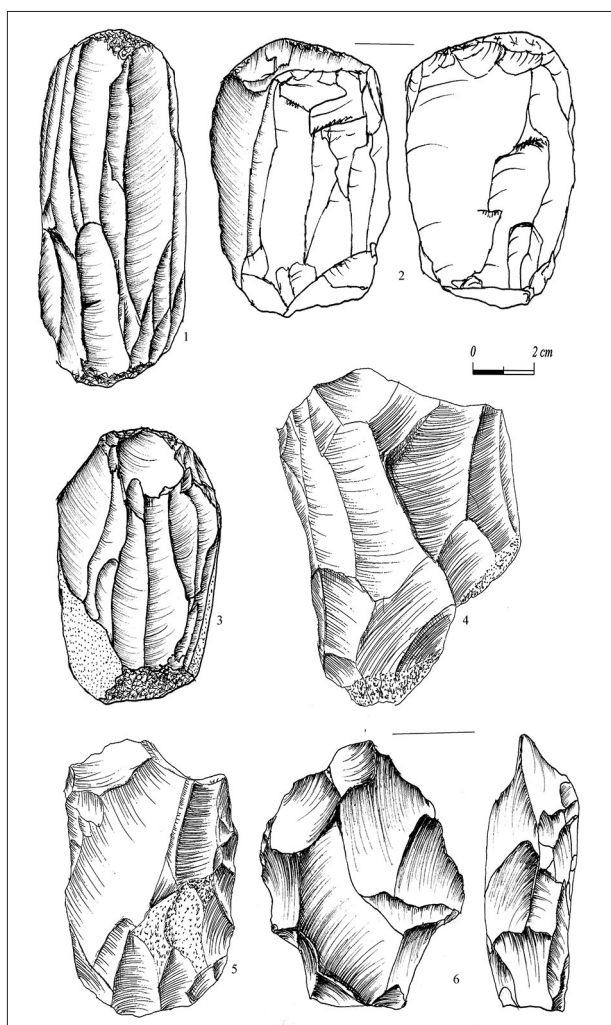

Рис. 8. Нуклеусы (этап Триполье ВІ). 1-3: Городница-городище; 4-6: Патринцы.

Fig. 8. Cores (stage Trypillya BI). 1-3: Gorodnycia-Gorodyshe; 4-6: Patrynci.

рассматриваемых памятников выделяется Городница-городище. В коллекции артефактов с вышеупомянутого поселения присутствуют резцы (2 единицы). В остальном же памятники схожи.

Отдельно рассмотрим «вкладыши серпов» (рис. 10). Самая большая коллекция последних присутствует среди материалов Поливанова Яра IIIІ и Озаринцев [Ророва 2003, 22-23]. Выделенные по характерной зеркальной заполированности, их можно условно разделить на две группы: 1) пластины с заполировкой, покрывающей один угол изделия (очевидно, такие вкладыши использовались в наборных серпах «карановского типа»); 2)

пластины с зеркальной заполировкой вдоль всей длины рабочего лезвия, или под небольшим углом. В том случае, когда рабочая кромка не нуждалась в дополнительной обработке, вкладыш использовался без вторичной обработки – и таких изделий наименьшее количество (например, в Озаринцах всего 2 из 20). С помощью притупляющего ретуширования и тронкирования создавалась сторона, которая вставлялась в оправу. Плоским ретушированием заострялся рабочий край орудия. Ретушировка лезвия вкладышей из поселения Городница-городище преследовала цель заострения рабочего края, в одном случае вкладыш имеет зубчатую ретушь. Его противоположный край, во всех случаях, также ретушировался. Подретушировка вкладышей, в первую очередь говорит о том, что параметры пластинчатой заготовки не подходили для использования их в качестве вкладышей. Ретушь в этом контексте становилась технической необходимостью.

Данная категория орудий была выделена в кавычки не случайно. Дело в том, что эти изделия действительно использовались в качестве вкладышей (как составные орудия), но не только для серпов. Например, Т.А. Попова сравнивает второй тип вкладышей с жатвенными ножами, что собственно может соответствовать действительности (подробно вопрос о жатвенных ножах и применении их наряду с серпами см. статью О. Лариной) [Ророва 2003, 23; Larina 2012].

Вернемся к первому типу вкладышей. Н.Н. Скакун некоторые из изделий с подобной (угловой) заполировкой, которые были найдены на неолитических памятниках Болгарии, называет вкладышами к молотильной доске [Skakun 2001, 298-302]. По всем выделенным Н.Н. Скакун признакам, которые можно проследить без бинокля, определенная их часть безусловно могла использоваться в данном контексте. Напомним и о том что, для трипольской культуры, хотя и в более позднем поселении Ворошиловка, были обнаружены вкладыши молотильных досок, которые были изготовлены на отщепках [Gusev 1995, 187]. Однако, трассологические исследования рассматриваемых вкладышей дали бы точный ответ на вопрос, действительно ли часть из них использовались в молотильной доске.

Еще одна категория орудий представлена остриями и их заготовками (рис. 11). Они обнаружены на всех рассматриваемых поселениях без исключения. Присутствие как заготовок (рис. 11,1-2,5-6), так и готовых изделий (рис. 11,3-4,7-8) свидетельствует об их производстве непосредственно на поселениях. Острия и заготовки имеют треугольную форму и обрабатывались с помощью бифасиальной техники с использованием плоского отжимного ретуширования. На поселении Городница-городище одно острие обработано с помощью параллельно-струйчатой ретуши. В целом, такие изделия характерны для начала рассматриваемого периода [Korobkova 1987, 266]. Заготовки представляют различные этапы производства – от формирования очертаний орудия, до последовательного снятия сколов уплощения на последних стадиях производства. Но самое главное, что для производства бралась не пластинчатая заготовка, а отщеповая. То есть отщеп, в этом контексте, становится более важным. Соответственно и все остальное производство уже не зависело от параметров микролита, как это было в предыдущие эпохи, в том числе и в раннетрипольский период [Nuzhni 2008, 178-182]. Заметим также, что на поселении Поливанов Яр III также обнаружена серия бифасов (12 экз.) (рис. 7,5-14) [Pорова 2003, 23].

Итак, технология обработки кремня этапа Триполье В/І-Кукутень А имеет следующие особенности: 1) в первичной обработке использовались две техники – удар и отжим (возможно усиленный); 2) расщепление было направлено на получение довольно крупных пластинчатых заготовок – широких (макро-) пластин. Производство микропластин прекратилось полностью, а изготовление пластинок свелось до минимума, и по нашему мнению это случайные сколы; 3) увеличивается индекс орудий на пластинчатой заготовке; 4) среди орудийного набора особое место занимают вкладыши серпов, которые с этого периода обрабатывались дополнительно ретушью, и среди них выделяются вкладыши жатвенных ножей, а некоторые могли использоваться в

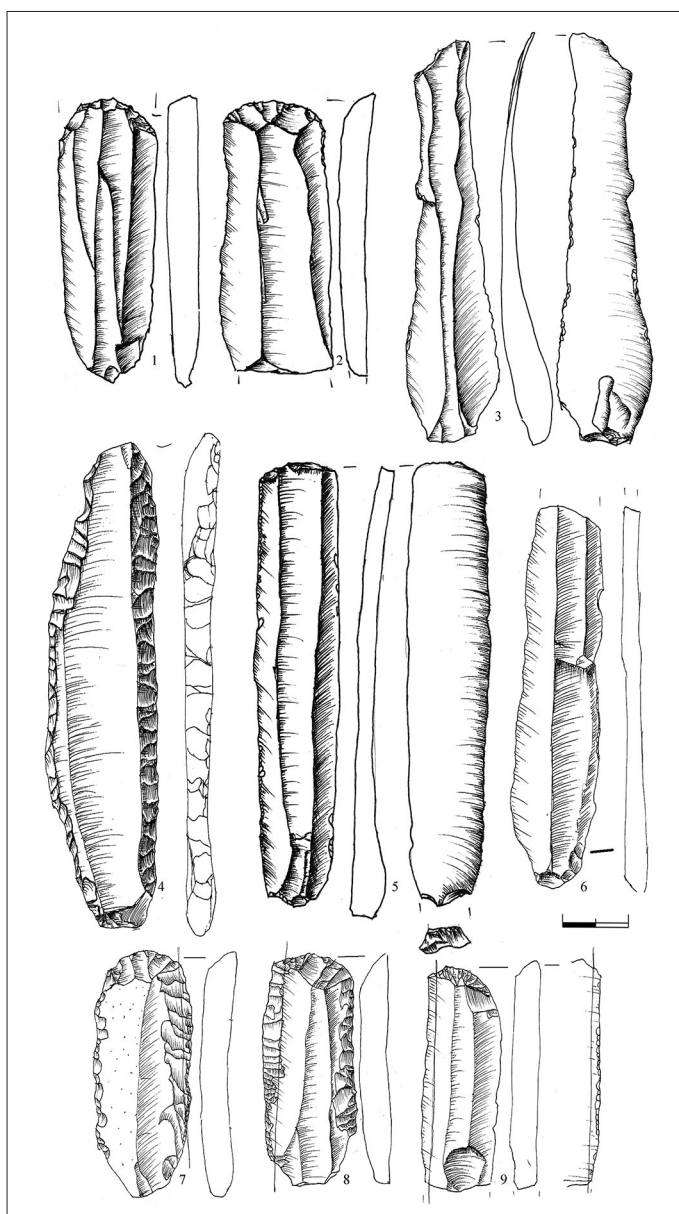

Рис. 9. Орудия на пластинах (этап Триполье ВІ). 1-3: Городница-городище; 4, 7-9: Озаринцы; 5-6: Патринцы.

Fig. 9. Tools on blades (stage Trypillya BI). 1-3: Gorodnycia-Gorodyshe; 4, 7-9: Ozaryntsi; 5-6: Patrynci.

двух различных типах составных орудий; 5) в качестве наконечников метательного оружия используется бифасиальное острие изготовленное на отщепе. Эти особенности я отношу к признакам, которые знаменуют начало этапа Триполье В/І-Кукутень А, по крайней мере на территории Среднего и Верхнего Днестра. К такому же выводу приходит и Д.В. Киосак, говоря о характерных особенностях (модусе 2) рассматриваемого периода [Kiosak 2016, 72]. В

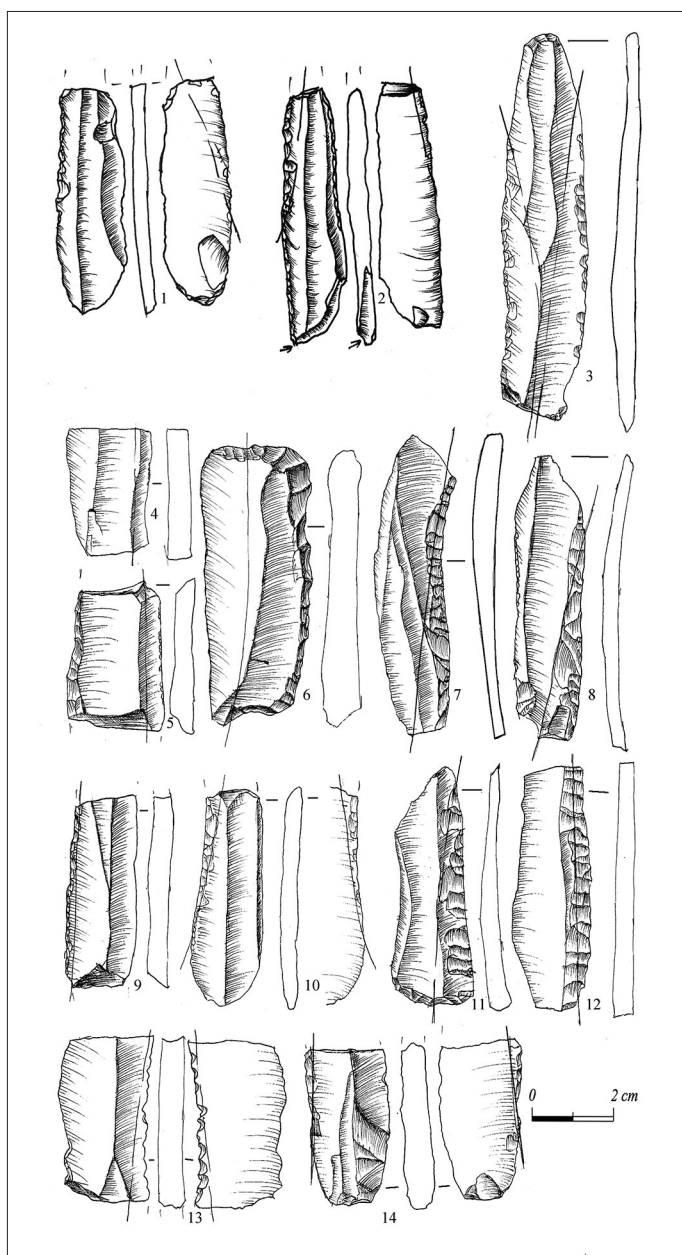

Рис. 10. Вкладыши серпов (этап Триполье ВІ). 1-2: Городница-городище; 3-14: Озаринцы.

Fig. 10. Inserts for sickles (stage Trypillya ВІ). 1-2: Gorodnycia-Gorodyshe; 3-14: Ozaryntsi.

то же время, обращает на себя внимание тот факт, что с самого начала периода Триполье В/І-Кукутень А, техники производства крупных пластин, бифасиальных стрел и вкладышей жатвенных орудий выглядят вполне сформированными и устоявшимися. Отсюда возникает вопрос о происхождении таких технологических приемов.

Займствование техник

Выше уже говорилось, что разные исследователи указывали на изменение в технике обработки кремня, которые произошли в среднем Триполье. А.В. Энговатова, в своей диссертационной работе поставила вопрос (хотя и не прямо), который в историографии назревал довольно долго – кто повлиял на трипольско-кукутенские коллективы настолько, что были переняты новые навыки в расщеплении камня [Engovatova 1992, 16]?

Исследователи видели два наиболее вероятных ареала культур, которые могли передать традиции трипольско-кукутенским коллективам – Балкано-Дунайский и Степной. В рассматриваемый отрезок времени в первом регионе развивались такие культуры, как Гумельница-Караново VI-Варна-Коджадерм (далее Г-KVI-B-K) и Болград-Алдень (или болгарский вариант культуры Гумельница). Кремнеобработка этих культур характеризуется производством широких пластин с помощью усиленного отжима, а также посредника (как показали недавние исследования техники скола болгарского варианта культуры Гумельница [Kiosak, Subbotin 2016]). Орудия изготавливались чаще на пластинчатой заготовке. Среди наиболее типичных изделий выделяются концевые скребки, проколки, резцы (которые на Днестре или отсутствуют, или в меньшинстве), вкладыши серпов разных типов и т.д. Также отмечается производство треугольных острий с прямой, вогнутой основой или с выделенным черенком (практически во всех выше перечисленных культурах такие бифасы изготавливались фактически с начала существования трипольско-кукутенской общности, исключение – Гумельница, где производство треугольных наконечников начинается немного позже) [Skakun 2006, 24-25].

Для степных культур характерно производство широких, правильно ограненных пластин, видимо также с использованием техники усиленного отжима. Среди орудийного набора выделяются треугольные острия с прямой или вогнутой основой, реже случаются «лав-

ролистные» острия, без выделенного черенка (известен в единичном экземпляре) [Telegin 1973]. Таким образом, мы видим поразительное сходство между индустриями двух разных регионов. Единственное отличие, на которое хочу обратить внимание – это лавролистные острия Степи (известно пока в единичном экземпляре), которые отсутствуют в Балкано-Дунайском регионе.

Выше упоминалось, что сходство технологий в расщеплении кремня среди рассмотренных культур позволило А.В. Энговатовой поставить вопрос о месте, откуда берется импульс к изменениям, при чем изменениям в системе вооружения [Engovatova 1992]. Исследовательница справедливо отметила, что для того, чтобы ответить на этот вопрос, надо обратить внимание на датировку – в какой культуре раньше появляются треугольные острия. Через несколько лет ответ был получен – бифасы появляются в культуре Гумельница до того, как в Балкано-Карпатский регион проникают степные культуры [Manzura 2000, 267]. Но одного этого безусловно недостаточно. Рассмотрим основные особенности контактов Балканских и Степных культур с трипольско-кукутенской общностью в указанный период.

Так, В.Я. Сорокин прослеживал тесные связи трипольской культуры с Гумельницей и Болград-Алдень [Sorokin 1997]. При этом исследователь считал, что проходил обмен каменным сырьем между носителями Болград-Алденской культурой и Трипольской. Такого же мнения придерживается и В.А. Дергачев [Dergachev 1999, 184-186]. Н.Б. Бурдо прослеживает влияние на керамические традиции этапа В/І только со стороны Балкано-Дунайских культур [Burdo 2012]. В этом контексте интересным представляется трипольское поселение Александровка, где рядом с такими импортами как гумельницкая керамика и болградская пластика, было обнаружено треугольно-листовидное острие с черешком [Zbenovich 1989, 60]. Бифасы с выделенным черешком, как отмечалось выше, не характерны для степных культур, а, следовательно, изделие

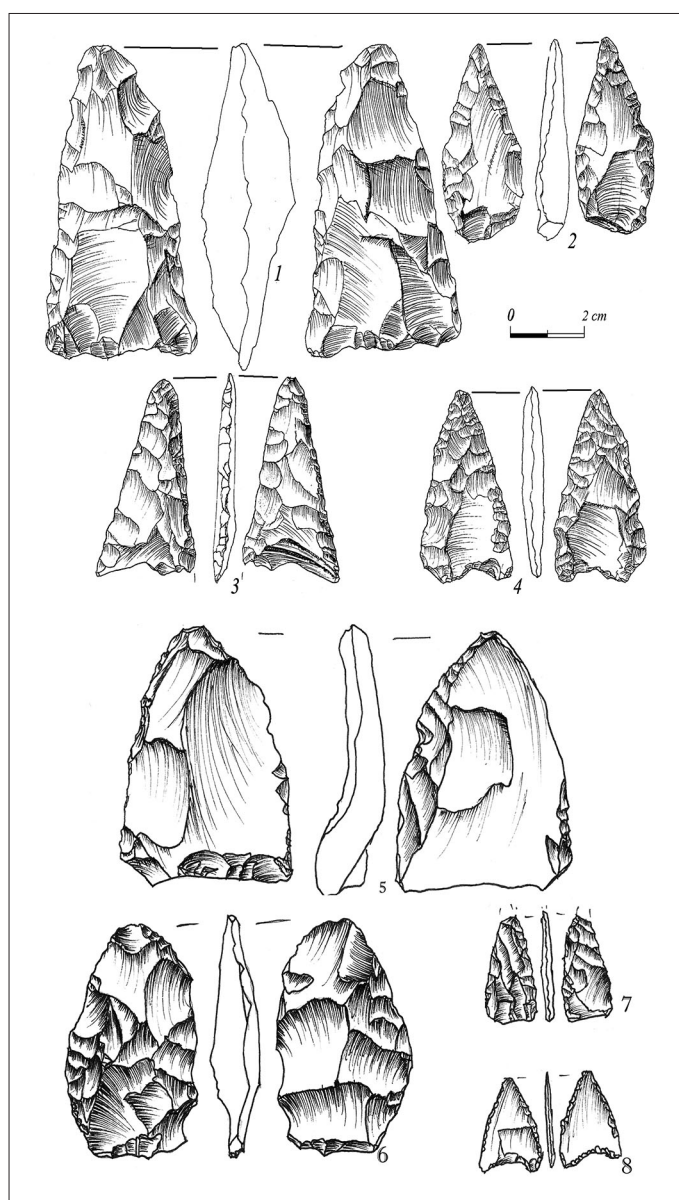

Рис. 11. Наконечники метательного оружия и их заготовки (этап Триполье ВІ). 1: Нижний Олчедаев; 2-4: Озаринцы; 5-6: Патринцы; 7-8: Городница-городище.

Fig. 11. Spearheads of weapons and their preforms (stage Trypillya BI). 1: Nyzhniy Olchedaev; 2-4: Ozaryntsi; 5-6: Patrynci; 7-8: Gorodnycia-Gorodyshche.

может быть «импортом» со стороны культур Балкано-Дунайского региона.

Учитывая постоянные связи трипольско-кукутенской общности (со времен ее формирования) с культурами Балкано-Дунайского региона [Sorokin 1997], тенденция в перенятии традиций в изготовлении керамики, пластики и т.д., не вызывает удивления. Напомним и о том, что до середины этапа Триполья В/І-Кукутень

А3 прослеживаются тесные контакты с культурами Балкано-Карпатского региона, среди которых особое место занимает Гумельница (культурный круг Г-KVI-B-K), а также Петрешть Закарпатского региона [Palaguta 2016, 186-195]

Иначе выглядят связи со степными культурами. Лишь в конце Триполья А-Прекукутень ІІІ фиксируются импорты из степи, представленные небольшим количеством посуды с измельченной ракушкой [Movsha 2000], а также несколькими фрагментами чернолощенной остродонной посуды [Danilenko, Shmaglii 1972, 17]. Открытым остается вопрос о каменных навершиях [Dergachev 2007]. Исследователи неоднократно указывали на развитие в степных культурах «престижного обмена» в зонах контактов с земледельческими культурами Триполье и Г-KVI-B-K [Rassamakin 2004a; 2004b; Manzura 2000]. Однако, на мой взгляд, в начале Триполья В/І-Кукутень А связи со степью были не столь тесными для подражания производства посуды или же кремневых изделий степных образцов. Степные племена могли подтолкнуть к изменениям в системе оснащения оружия, но не более. Ю.Я. Рассамкин отмечает, что в рассматриваемый нами период происходило «знакомство» степных культур с земледельческими [Rassamakin 2003; 2004b]. И.В. Манзура выдвинул предположение о влиянии Балкано-Карпатских культур на степь, что отразилось на распространении земледельческих культурных элементов в степи. По мнению исследователя, даже металлообработка была ориентирована на производство «престижных» вещей, изготовленных по «западному образцу» [Manzura 2003].

Еще раз вернемся к «вкладышам серпа». Выше уже отмечалось, что с периода В/І используется как минимум два типа вкладышей в земледельческом инструментарии. Большая их часть имеет ретушь, которая чаще служила для более удобного крепления этих вкладышей в оправы и реже для «заточки» лезвия. Н.Н. Скакун, исследуя материалы культуры Варна, неоднократно отмечала использование вкладышей в двух различных трудовых операциях и соответственно орудиях – в жатвенных орудиях (серпы, ножи) и молотильных досках для обмолота [Skakun 2001; 2006]. Интересно отметить, что для обмолота использовалась тяговая сила

(волы), которая, кстати, была необходимой и для пахотного земледелия, но это вопрос для другого исследования. Я вполне осознаю и допускаю возможность использования определенного количества вкладышей с Луки-Врублевецкой в данном контексте (да и вообще в Триполье А-Прекукутень). Однако, четко выделенными две категории вкладышей по морфологическим признакам становятся лишь на этапе В/І. Заимствования данного орудия труда возможно только со стороны земледельческих культур Балкано-Карпатского региона.

Таким образом, можно прийти к выводу, что новшества в кремнеобработке Триполье-Кукутень приходят на Средний Днестр со стороны культур Балкано-Дунайского региона. Но технологии в начале этапа Триполье В/І-Кукутень А выглядят вполне сформировавшимися. Да, действительно, влияние было безусловным и довольно мощным, но это не объясняет резкого изменения в каменной индустрии культуры Триполье-Кукутень. Есть ли еще какая-то сторона, которая стала базой для изменений и преобразования культуры?

Третья сторона

А что если изменения в кремнеобработке, это следствие внутреннего развития Трипольско-Кукутенского общества? Точнее, что если та кремневая индустрия, которая появляется на этапе В/І в Среднем и Верхнем Поднестровье, развилась на более ранних памятниках в другом ареале культуры Триполье-А-Прекукутень.

Выше уже говорилось об увеличении ширины пластинчатой заготовки в конце этапа Триполье-А-Прекукутень, при этом, индустрия оставалась микролитической. С началом производства бифасов, пластина перестала быть зависимой от пропорций микролита. Так начинается производство широких пластин. Последнее привело также и к ретушированию вкладышей серпов. Соответственно, основным фактор, который привел к изменениям в каменной индустрии трипольско-кукутенской общности, был связан, в основном, с оснащением дистанционного оружия. Так когда же началось производство треугольных острий в КИО Триполье-Прекукутень-Кукутень?

В решении этого вопроса мне значительно упростила задачу сводная таблица по памят-

никам Прекукутень-Кукутень-Триполье, составленная В.А. Дергачевым еще в 2000 году и переопубликованная в 2007 [Dergachev 2007, 59-66]. Таблица непосредственно касается темы нашего исследования. Нас интересует ее первая часть – «Прекукутень – Триполье А», колонка «Наконечники стрел». Среди предложенных автором 28 памятников, в материалах 14 раннетрипольских поселений были обнаружены наконечники. В том числе это были и микролиты (в таблице они обозначались буквой «m» – таких памятников вышло всего 4), и бифасы. Сразу внесем некоторые коррективы в таблицу (без какой-либо критики к ее автору, поскольку данные опираются на публикации материалов, и не всегда исследователи четко определяли находки, к тому же некоторые коллекции были пополнены недавними исследованиями!) результатами о которых шла речь выше – в Окопах и Кормани было обнаружено 2 и 1 микролит соответственно. В Бернашивке I – более 30 [Shidlovskii, Slesarev 2015b]. В Луке-Врублевской, как уже отмечалось, скорее всего также был обнаружен микролит, так же как и в Сабатиновке II, Александровке, Новых Русештах (Русештий Ной) и Тыргу Фрумос [Zbenovich 1989, 60; Markevich 1970, 58; Boghian, Tudose 1994, Tab. II]. Итак, мы имеем минимум 12 памятников из списка, среди материалов которых были встречены микролиты ромбовидной формы (в редких случаях трапеции), и этот тип вооружения и вправду был основным в вопросе оснащения метательного оружия (безусловно, в таблице представлены не все памятники раннего Триполья, к тому же очень редко во время исследований использовалась промывка грунта, которая дала бы наверняка больше «пищи для размышлений», как это явно произошло во время недавних исследований поселения Бернашивка I).

Помимо микролитов, на раннетрипольских памятниках археологи обнаружили треугольные острия (что также нашло свое отображение в таблице В.А. Дергачева – 10 из отмеченных 14 памятников содержали в слое бифасы, иногда вместе с микролитами; количество бифасов в раннетрипольских слоях не превышает трех единиц, за исключением Тыргу Фрумос, о чем речь пойдет ниже). Так, С.Н. Бибилов вспоминает о наличии среди материалов двух треугольных острий [Bibikov 1953, 91]. Первое – это довольно

большое орудие, длиной 6,3 см. Вся поверхность изделия была заполирована до блеска. Второе острие имеет вогнутую основу. Однако, установить, относится ли оно к раннетрипольскому поселению, не удалось. С.Н. Бибилов предположил, что орудие может относиться и к более позднему времени. Острие же с люстражом скорее является осколком серпа, который навряд ли относится ко времени существования раннетрипольского памятника. В.Г. Збенович обращает внимание на треугольные острия памятников Триполья-Прекукутень из других регионов: Олександривка, Берново, Сабатиновка II, Ленкивцы. Эти находки единичны. В то же время, на всех выше перечисленных поселениях присутствуют геометрические микролиты – как ромбовидные, так и трапеции [Zbenovich 1989, 60]. Некоторые из этих поселений многослойные, соответственно возникает вопрос о культурно-хронологической интерпретации бифасов, как в случае с материалами из Луки-Врублевской. Даже если мы примем эти изделия как те, что относятся к периоду Триполья А-Прекукутень, то изготовлены они были вряд ли мастерами этих же поселений (отметим и то, что в коллекциях из Окопов, Кормани и Бернашовки треугольные острия отсутствуют). Дело в том, что в отличие от микролитов, мы не наблюдаем серийности в производстве бифасов. Да и странно то, что они появляются только на фазе Триполья А-Прекукутень III (исключение Флорешть I, но и этот памятник многослойный, соответственно острие могло попасть в раннетрипольский горизонт случайно). Видимо, мы можем воспринимать такие наконечники как «импорт» (как в случае с острием из Александровки, о котором речь шла выше). В начале упоминалось о наличии среди материалов Луки-Врублевской и Окопов добруджанского кремня. По данным В.Я. Сорокина, изделия из этого сырья известны и среди иных раннетрипольских поселений: Исаково II (бифас!), Солончень I, Рогожень I и др. [Sorokin 1997; Markevich 1974]. То-есть, такие изделия, как треугольное острие и отжимная широкая пластина, были известны в раннем Триполье-Прекукутень благодаря контактам с Балкано-Дунайскими культурами. А теперь еще раз обратим внимание читателя на поселение Тыргу-Фрумос [Boghian, Tudose 1994]. Среди материалов этого поселения было обнаружено 6 геометрических микролитов и 10(!)

треугольных наконечников. Судя по всему, изготовлены они были из местного сырья, соответственно навряд ли можно говорить об «импорте». Может, они попали на поселение вследствие обстрела? На иллюстрациях видно (к сожалению, не все наконечники попали в печать), что в большинстве случаев – это заготовки, соответственно изготовление бифасов происходило на месте. Может ли быть памятник Тыргу Фрумос переходным в отношении кремневой индустрии? Судя по всему, это так – тут присутствуют и микролиты, и треугольные наконечники, а соответственно две техники – микролитическая и бифасиальная. Последняя, как говорилось выше, могла привести к началу производства широких пластин в трипольско-кукутенском обществе.

Видимо, в самом конце раннего Триполья-Прекукутень, некоторое количество населения переняло от культур Г-KVI-B-K бифасиальный способ производства наконечников стрел (и возможно, началось подражание производству широких пластин, только не с помощью усиленного отжима, а с помощью посредника) [Kiosak 2016]. В начале же этапа Триполье В/І-Кукутень А, в Балкано-Карпатском регионе происходят глобальные изменения, кризис, который привел в частности к увеличению количества оружия, а точнее, как мы уже увидели, к изменению оснащения оружия, а также увеличилось количество искусственно укрепленных поселений, о чем неоднократно отмечали исследователи [Dergachev 1999; 2007; Manzura 2000]. Отметим, что среди упомянутых памятников периода В/І-Кукутень А (да и других обработанных автором – Васильевка, Ожево-остров, Кадиевцы) полностью отсутствуют «импорты» добруджанского кремня, который в предыдущее время поступал со стороны культур круга Г-KVI-B-K (исключением является поселение Поливанов Яр, о чем говорилось выше). То есть, по непонятным пока причинам, происходит «изоляция» трипольско-кукутенских коллективов на Днестре по отношению к добруджанским «импортам». Возможно, это было связано с включением определенной части населения балканских культур (в частности Г-KVI-B-K – через контакты с которыми раньше попадали указанные «импорты») в состав Триполья-Кукутень. Кроме того, это может объяснить столь динамичное изменение в технике кремнеобра-

ботки и производственном инвентаре в Поднестровье.

Заключение

Итак, нами было выделено несколько особенностей в кремневой индустрии Триполья В/І-Кукутень А на территории Среднего Поднестровья, которые предлагается выделить как отличительные признаки в кремнеобработке для характеристики этого периода. Среди таких особенностей: 1) начало производства широких (макро-) пластин с использованием удара (мягкий отбойник) или непрямого удара (посредника), и возможно отжима (усиленный/ручной); 2) в кремневом инвентаре выделяются ретушированные вкладыши серпов (которые использовались как минимум в двух различных операциях); 3) производство треугольных наконечников. Эти особенности отсутствуют на предыдущем этапе – Триполье А-Прекукутень (кроме первого), который в технике кремнеобработки характеризуется как микролитический. Найти памятники, в которых бы находили отображение обе индустрии (и микролитическая, и бифасиальная), на Днестре пока не удалось. Но довольно часто на ранних памятниках присутствовали «импортные» вещи с Балкано-Дунайского региона. То есть, трипольско-кукутенское общество имело представление о бифасах и макропластинах. Видимо, толчок к самостоятельным, плавным изменениям был дан раньше, на территории Румынии (Тыргу Фрумос – памятник, на котором присутствует серия микролитов и бифасов). Нужно отметить, что возможно это было подражание самим технологическим принципам, а не перенятие техники как таковой. Однако темп развития технологии был настолько быстрым, что механизм смещения одной техники в другую оказался незаметным на памятниках, которые распространены на территории Поднестровья. Здесь оказалось отсутствующим связующее звено между памятниками раннего Триполья-Прекукутень и памятниками среднего Триполья-Кукутень А. Вполне возможно, что в трипольско-кукутенскую среду включилось иное население, что и привело к такому результату.

Бібліографія

- Artamonov 1946:** M.I. Artamonov, Arkheologicheskie pamiatniki Iuzhnoi Podolii. NA IA NANU, fond ekspedit-sii, nr.1946/12 // М.И. Артамонов, Археологические памятники Южной Подолии. НА ИА НАНУ, фонд экспедиций, №1946/12.
- Beilekchi 1978:** V.S. Beilekchi, Rannii eneolit nizov'ev Pruta i Dunaia (Kishinev 1978) // В.С. Бейлекчи, Ранний энеолит низовьев Прута и Дуная (Кишинев 1978).
- Bibikov 1953:** S.N. Bibikov, Rannetripol'skoe poselenie Luka-Vrublevetskaia na Dnestre. MIA 38 (Moskva-Leningrad 1953) // С.Н. Бибилов, Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днестре. МИА 38 (Москва-Ленинград 1953).
- Bibikov 1962:** S.N. Bibikov, Iz istorii kamennykh serpov na iugo-vostoke Evropy. SA 3, 1962, 3-25 // С.Н. Бибилов, Из истории каменных серпов на юго-востоке Европы. СА 3, 1962, 3-25.
- Boghian, Tudose 1994:** D. Boghian, S. Tudose, Consideratii preliminare asupra utilajului litic din aşezarea precuteneană de la Târgu Frumos. AM XVII, 1994, 147-157.
- Burdo 2002:** N.B. Burdo, Osobennosti keramicheskogo kompleksa Prekukuten'-Tripol'e A i problema genezisa tripol'skoi kul'tury. Stratum plus 2, 2001-2002, 141-163 // Н.Б. Бурдо, Особенности керамического комплекса Прекукутьень-Триполье А и проблема генезиса трипольской культуры. Stratum plus 2, 2002, 141-163.
- Burdo 2008:** N.B. Burdo, Kremeneva industriia pam'iatok trypil's'koi kul'turi na serednomu Dnistri (za materialami koleksii Naukovikh fondiv z rozvidok Serednodnistrovs'koi ekspedytsii 1964-1970 rr.). Arkheologiya 4, 2008, 3-8 // Н.Б. Бурдо, Кременева індустрія пам'яток трипільської культури на середньому Дністрі (за матеріалами колекцій Наукових фондів з розвідок Середньодністровської експедиції 1964-1970 рр.). Археологія 4, 2008, 3-8.
- Burdo 2012:** N.B. Burdo, K probleme vydeleniia kul'tur v obshchnosti Tripol'e-Kukuten'. Zemledel'tsy i skotovody drevnei Evropy: problemy, novye otkrytiia, gipotezy. Sb. materialov Mezhdunar. nauch. konf. «Tehnologii i probleme kul'turnoi adaptatsii naseleniia Iugo-Vostochnoi Evropy v epokhu neolita» (Kiev-Sankt-Peterburg 2012), 9-13 // Н.Б. Бурдо, К проблеме выделения культур в общности Триполье-Кукутень. Земледельцы и скотоводы древней Европы: проблемы, новые открытия, гипотезы. Сб. материалов Междунар. науч. конф. «Технологии и проблемы культурной адаптации населения Юго-Восточной Европы в эпоху неолита» (Киев-Санкт-Петербург 2012), 9-13.
- Danilenko, Shmaglii 1972:** V.M. Danilenko, M.M. Shmaglii, Pro odin povorotnii moment v istorii eneolitichnogo naselennia Pivdennoi Evropy. Arkheologiya 6, 1972, 3-19 // В.М. Даниленко, М.М. Шмаглій, Про один поворотний момент в історії енеолітичного населення Південної Європи. Археологія 6, 1972, 3-19.
- Dergachev 1999:** V.A. Dergachev, Osobennosti kul'turno-istoricheskogo razvitiia Karpato-Podnestrov'ia (k probleme vzaimodeistviia drevnikh obshchestv Srednei, Iugo-Vostochnoi i Vostochnoi Evropy). Stratum plus 2, 1999, 169-221 // В.А. Дергачев, Особенности культурно-исторического развития Карпато-Поднестровья (к проблеме взаимодействия древних обществ Средней, Юго-Восточной и Восточной Европы). Stratum plus 2, 1999, 169-221.
- Dergachev 2007:** V.A. Dergachev, O skipetrakh, o lozhadiakh, o voine. Etiudy v zashchitu migratsionnoi kontsept-sii M. Gimbutas (Sankt-Petersburg 2007) // В.А. Дергачев, О скипетрах, о лошадях, о войне. Этюды в защиту миграционной концепции М. Гимбутас (Санкт-Петербург 2007).
- Engovatova 1993:** A.V. Engovatova, Kremnevaia industriia Tripol'skoi kul'tury (po materialam pamiatnikov Dnestro-Dneprovskogo mezhdurech'ia). Abstrakt of unpublished thesis (PhD). MGU im. M.V. Lomonosova (Moskva 1993) // А.В. Энговатова, Кремневая индустрия Трипольской культуры (по материалам памятников Днестро-Днепровского междуречья): автореф. дис. ...канд. ист. наук: 07.00.06 – археология. МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва 1993).
- Gusev 1995:** S.O. Gusev, Tripil's'ka kul'tura Seredn'ogo Pobuzhzhia rubezhu IV-III tis. do n.e. (Vinnitsia 1995) // С.О. Гусев, Трипільська культура Середнього Побужжя рубежу IV-III тис. до н.е. (Вінниця 1995).
- Kiosak 2016a:** D.V. Kiosak, K interpretatsii kremneobrabotki Prekukuteni-Tripol'ia A. Tyragetia X, 1, 2016, 147-163 // Д.В. Киосак, К интерпретации кремнеобработки Прекукутьень-Триполья А. Tyragetia X, 1, 2016, 147-163.
- Kiosak 2016b:** D.V. Kiosak, Modusi tripil's'koi kremenevoi industrii etapu B1. Zapiski istorichnogo fakul'tetu 27, 2016, 66-82 // Д.В. Киосак, Модуси трипільської кременевої індустрії етапу B1. Записки історичного факультету 27, 2016, 66-82.
- Kiosak, Subbotin 2016:** D. Kiosak, L. Subbotin, O tekhnike skola plastin bolgradskogo varianta kul'tury Gumel'nitsa. In: (ed. S. Tserna, B. Govedaritsa) Kul'turnye vzaimodeistviia. Dinamika i smysly (Kishinev 2016), 93-106 // Д. Ки-

- осак, Л. Субботин О технике скола пластин болгарского варианта культуры Гумельница. В сб.: (Отв. ред. С. Церна, Б. Говедарица) Культурные взаимодействия. Динамика и смыслы (Кишинэу 2016), 93-106.
- Korobkova 1987:** G.F. Korobkova, Khoziaistvennye komplekсы rannikh zemledel'chesko-skotovodcheskikh obshchestv iuga SSSR (Leningrad 1987) // Г.Ф. Коробкова, Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР (Ленинград 1987).
- Kravets' 1954:** V.P. Kravets', Rannotripil's'ke poselennia v Gorodnitsi na Dnistri. Naukovi zapiski L'vivs'kogo filialu AN URSR 2, 1954, 49-66 // В.П. Кравець, Ранньотрипільське поселення в Городниці на Дністрі. Наукові записки Львівського філіалу АН УРСР 2, 1954, 49-66.
- Larina 2012:** O. Larina, Zhatvennye orudiia Blizhnego Vostoka kak nachal'nyi etap stanovleniia drevneishego zemledeliia. RA VIII, 1-2, 2012, 5-15 // О. Ларина, Жатвенные орудия Ближнего Востока как начальный этап становления древнейшего земледелия. RA VIII, 1-2, 2012, 5-15.
- Manzura 2000:** I.V. Manzura, Vladiushchie skipetrami. Stratum plus 2, 2000, 237-295 // И.В. Манзура, Владеющие скипетрами. Stratum plus 2, 2000, 237-295.
- Manzura 2003:** I.V. Manzura, Severnoe Prichernomor'e v eneolite i v nachale bronzovogo veka: stupeni kolonizatsii. Stratum plus 2, 2000, 63-85 // И.В. Манзура, Северное Причерноморье в энеолите и в начале бронзового века: ступени колонизации. Stratum plus 2, 2000, 63-85.
- Markevich 1970:** V.I. Markevich, Mnogosloinoe poselenie Novye Ruseshty I. KSIA AN SSSR 123, 1970, 56-68 // В.И. Маркевич, Многослойное поселение Новые Русешты I. КСИА АН СССР 123, 1970, 56-68
- Markevich 1974:** V.I. Markevich, Issledovaniia Moldavskoi neoliticheskoi ekspeditsii. AIM (1972 g.), 1974, 26-51 // В.И. Маркевич. Исследования Молдавской неолитической экспедиции. АИМ (1972 г.), 1974, 26-51.
- Movsha 2000:** T.G. Movsha, K probleme vzaimodeistviia drevnikh zemledel'tsev tripol'sko-kukutenskoii obshchnosti s nositeliami kul'tur pontiiskikh stepei. Problemi arkheologii Podniprovia 3, 2000, 29-53 // Т.Г. Мовша, К проблеме взаимодействия древних земледельцев трипольско-кукутенской общности с носителями культур понтийских степей. Проблеми археології Подніпров'я 3, 2000, 29-53.
- Nuzhnii 2008:** D.Iu. Nuzhnii, Rozvitok mikrolitichnoi tekhniki v kam'ianomu vitsi: udoskonalennia zbroi pervisnikh mislivtsiv (Київ 2008) // Д.Ю. Нужный, Розвиток мікролітичної техніки в кам'яному віці: удосконалення зброї первісних мисливців (Київ 2008).
- Palaguta 2016:** I.V. Palaguta, Tripol'skaia kul'tura v nachale razvitogo perioda (B1): odnositel'naia khronologii i lokal'nye varianty pamiatnikov (Kiev 2016) // И.В. Палагута, Трипольская культура в начале развитого периода (B1): относительная хронология и локальные варианты памятников (Киев 2016).
- Passek 1949:** T.S. Passek, Periodizatsiia tripol'skikh poselenii. MIA SSSR 10 (Moskva-Leningrad 1949) // Т.С. Пасек, Периодизация трипольских поселений. МИА СССР 10 (Москва-Ленинград 1949).
- Petrin' 1998:** V.F. Petrin', Malinovets'ka, grinchukiv's'ka ta nezvis'ka kremenista sirovina v eneolitichnii tekhnitsi Pridnistrov'ia. Mizhnarodna arkheologichna konferentsiia «Tripil's'ke poselennia Koshilivtsi-Oboz» (do 120-richchia vidkrittia) (Zalishchiki 1998), 38-41 // В.Ф. Петрунь, Малиновецька, гринчуківська та незвиська кремениста сировина в енеолітичній техніці Придністров'я. Міжнародна археологічна конференція «Трипільське поселення Кошилівці-Обоз» (до 120-річчя відкриття) (Заліщики 1998), 38-41.
- Petrin' 2004:** V.F. Petrin', Viktoristannia mineral'noi sirovini naselelenniam tripil's'koï kul'turi. Entsiklopediia tripil's'koï tsivilizatsii 1, 2004, 199-218 // В.Ф. Петрунь, Використання мінеральної сировини населенням трипільської культури. Енциклопедія трипільської цивілізації 1, 2004, 199-218.
- Popova 2003:** T.A. Popova, Mnogosloinoe poselenie Polivanov Iar. K evoliutsii tripol'skoi kul'tury v Srednem Podnestrov'e (Sankt-Petersburg 2003) // Т.А. Попова, Многослойное поселение Поливанов Яр. К эволюции трипольской культуры в Среднем Поднестровье (Санкт-Петербург 2003).
- Radoms'kii, Iakubenko 2016:** I.S. Radoms'kii, O.O. Iakubenko, Kam'ianii inventar poselennia Ozarintsi. Arkheologii 1, 2016, 97-104 // І.С. Радомський, О.О. Якубенко, Кам'яний інвентар поселення Озаринці. Археологія 1, 2016, 97-104.
- Rassamakin 2004a:** Iu.Ia. Rassamakin, Stepi Prichornomor'ia v konteksti rozvitku pershikh zemlerob's'kikh suspil'stv. Arkheologii 2, 2004, 3-26 // Ю.Я. Рассамакін, Степи Причорномор'я в контексті розвитку перших землеробських суспільств. Археологія 2, 2004, 3-26.
- Rassamakin 2004b:** Ju.J. Rassamakin, Die nordpontische Steppe in der Kupferzeit (Gräber aus der Mitte des 5. Jt.–Ende des 4. Jt. v. Chr.). Archaeologie in Eurasien 17 (Mainz 2004)
- Rassamakin 2012:** Ju.J. Rassamakin, Absolute chronology of Ukrainian Tripolian settlements. In: (ed. F. Menotti, A.G. Korvin-Piotrovskiy) The Tripolye culture Giant-Settlements in Ukraine: Formation, Development and Decline (Oxford 2012), 19-69.

- Rudins'kii 1930:** M. Rudins'kii, Popovgorods'kii viiav kul'turi mal'ovanoï keramiki. *Antropologiya* 3, 1930, 235-256 // М. Рудинський, Поповгородський вияв культури мальованої кераміки. *Антропологія* 3, 1930, 235-256.
- Shidlovs'kii, Slesarev 2015a:** P.S. Shidlovs'kii, E.S. Slesarev, Krem'ianii inventar z gospodars'koï sporudi na poselenni Bernashivka. In: (ed. O. Diachenko, F. Menotti, S. Rizhov, K. Buniatian, S. Kadrov) *Kul'turnii kompleks Kukuten'-Tripillia ta iogo susidi* (Lviv 2015), 337-356 // П.С. Шидловський, Є.С. Слесарев, Крем'яний інвентар з господарської споруди на поселенні Бернашівка. У зб. (Від. ред. О. Дяченко, Ф. Менотті, С. Рижов, К. Бунятян, С. Кадров) *Культурний комплекс Кукутень-Трипілля та його сусіди* (Львів 2015), 337-356.
- Shidlovs'kii, Slesarev 2015b:** P.S. Shidlovs'kii, E.S. Slesarev, Tekhnologichni osoblivosti krem'ianogo kompleksu rannotripil's'kogo poselennia Bernashivka I. Kam'iana doba Ukraini 16, 2015 204-224 // П.С. Шидловський, Є.С. Слесарев *Технологічні особливості крем'яного комплексу ранньотрипільського поселення Бернашівка I. Кам'яна доба України* 16, 2015 204-224.
- Skakun 2001:** N.N. Skakun, Novye dannye o zemledel'cheskikh orudiiakh epokhi eneolita v Iugo-Vostochnoi Evrope. *Stratum plus* 2, 2001, 295-307 // Н.Н. Скакун, Новые данные о земледельческих орудиях эпохи энеолита в Юго-Восточной Европе. *Stratum plus* 2, 2001, 295-307.
- Skakun 2006:** N.N. Skakun, Orudiia truda i khoziaistvo drevnezemledel'cheskikh plemen Iugo-Vostochnoi Evropy v epokhu eneolita (po materialam kul'tury Varna) (Sankt-Petersburg 2006) // Н.Н. Скакун, Орудия труда и хозяйство древнеземледельческих племен Юго-Восточной Европы в эпоху энеолита (по материалам культуры Варна) (Санкт-Петербург 2006).
- Slesarev et. al. 2014:** E.S. Slesarev, I.S. Radomskii, P.S. Shidlovs'kii, Novye issledovaniia Bernashevskogo poseleniia. Analiz proizvodstvennogo inventaria pod'emnogo materiala. *Verkhnedonskoi arkheologicheskii sbornik*, 6. *Materialy mezhregionalnoi nauchnoi konferentsii «Arkheologiya vostochnoevropeiskoi stepi: poiski, nakhodki, problemy»* (Lipetsk 2014), 209-217 // Е.С. Слесарев, И.С. Радомский, П.С. Шидловский, Новые исследования Бернашевского поселения. Анализ производственного инвентаря подъемного материала. *Верхнедонской археологический сборник*, 6. *Материалы межрегиональной научной конференции «Археология восточно-европейской степи: поиски, находки, проблемы»* (Липецк 2014), 209-217.
- Sorokin 1987:** V.Ia. Sorokin, Orudiia truda i khoziaistvo tripol'skikh plemen (po materialam srednego Tripol'ia Dnestrovsko-Prutskogo mezhdurech'ia). Abstrakt of unpublished thesis (PhD), *Akademia Nauk SSSR (Leningrad 1987)* // В.Я. Сорокин, Орудия труда и хозяйство трипольских племен (по материалам среднего Триполья Днестровско-Прутского междуречья): автореф. дис. ...канд. ист. наук: 07.00.06 – археология (Ленинград 1987).
- Sorokin 1997:** V.Ia. Sorokin, K probleme kul'turnykh sviazei prekukutensko-rannetripol'skikh plemen s obshchestvami kul'tur Balkano-Dunaiskogo regiona. In: (ed. V. Dergachev) *Vestigii arheologice din Moldova (Chişinău 1997)*, 138-154 // В.Я. Сорокин, К проблеме культурных связей прекукутенско-раннетрипольских племен с обществами культур Балкано-Дунайского региона. В сб.: (Отв. ред. В. Дергачев) *Vestigii arheologice din Moldova (Chişinău 1997)*, 138-154.
- Telegin 1973:** D.Ia. Telegin, *Serednostov's'ka kul'tura epokhi midi* (Kiev 1973) // Д.Я. Телегин, *Середньостогівська культура епохи міді* (Київ 1973).
- Zbenovich 1980:** V.G. Zbenovich, *Poselenie Bernashevka na Dnestre (k proiskhozhdeniiu tripol'skoi kul'tury)* (Kiev 1980) // В.Г. Збеневич, *Поселение Бернашевка на Днестре (к происхождению трипольской культуры)* (Киев 1980).
- Zbenovich 1989:** V.G. Zbenovich, *Rannii etap tripol'skoi kul'tury na territorii Ukrainy* (Kiev 1989) // В.Г. Збеневич, *Ранний этап трипольской культуры на территории Украины* (Киев 1989).

Иван Радомский, аспирант Киевского национального университета имени Т. Шевченко, ул. Владимирская, 60, Киев, Украина, e-mail: radomskijvano1812@gmail.com

Alexandru Levinschi

Vârfuri de săgeată descoperite în așezările getice din silvostepa Nistru-Prut

Keywords: Getic settlements, shooter weapons, arrowheads, Scythians.

Cuvinte cheie: așezări getice, arme de trăgător, vârfuri de săgeți, sciți.

Ключевые слова: гетские поселения, стрелковое оружие, наконечники стрел, скифы.

Alexandru Levinschi

Arrowheads from the Getic settlements of the Dniester-Prut forest steppe

The study presents a synthesis of shooter weapons (bronze arrowheads), which occur frequently in the Getic settlements, including fortified ones, from the forested area of the forest steppe between Dniester and Prut. All known pieces are of the "three fins" and "three edges" varieties, typologically/quantitatively characteristic of the Scythian quiver sets of the fourth chronological group, according to A.I. Meliukova's model. In light of this finding, the time period to which the quiver sets from the fourth chronological group belong was reassessed to be between 390-380 BC and no later than 340-330 BC.

Alexandru Levinschi

Vârfuri de săgeată descoperite în așezările getice din silvostepa Nistru-Prut

Studiul prezintă o sinteză asupra armelor de trăgător (vârfuri de săgeți de bronz), ce apar frecvent în așezările getilor, inclusiv cele fortificate, din zona împădurită a silvostepii dintre Nistru și Prut. Toate piesele cunoscute sunt din categoria „cu trei aripioare” și „în trei muchii”, caracteristice preponderent pentru seturile de tolbă scitice din cel de al patrulea grup cronologic, conform elaborărilor lui A.I. Meliukova. În legătură cu această constatare este revăzută și perioada de timp, în limitele căreia se înscriu seturile de tolbă din al patrulea grup cronologic, fiind marcate în anii 390-380 și nu mai târziu de anii 340-330 a.Chr.

Александр Левинский

Наконечники стрел из гетских поселений Днестро-Прутской лесостепи

Статья представляет собой обобщающее исследование, посвященное стрелковому оружию (бронзовые наконечники стрел), составляющему неотъемлемую часть находок на поселениях гетов, в том числе укрепленных, из лесистой зоны Днестровско-Прутской лесостепи. Все известные находки относятся к категориям «трехлопастные» и «трехгранные», характерные в основном для скифских колчаных наборов четвертой хронологической группы, согласно разработкам А.И. Мелиуковой. В связи с этим пересмотрены и временные рамки четвертой хронологической группы, которые, в свете новых данных, укладываются между 390-380 и не позже 340-330 гг. до н.э.

Arme de trăgător caracteristice pentru antichitate erau arcul cu săgeți, despre existența căror aflăm din unele izvoare scrise, ori le găsim reprezentate pe unele obiecte de toreutică de epocă. Problema arcului și a săgeților în spațiul nord-pontic a fost discutată în baza vârfurilor de săgeți descoperite în acest areal, fiind arătată evoluția lor, elaborată tipologia și efectuată încadrarea lor cronologică în contextul setului de armament scitic (Meliukova 1964, 90, tab. 22). Am abordat acest subiect, deoarece vârfurile de săgeți apar frecvent aproape în toate așezările getice din spațiul în discuție, atât în procesul săpăturilor arheologice, cât și în timpul cercetărilor de suprafață. Uneori aceste artefacte în publicații doar se amintesc ca „vârfuri de săgeți de bronz”, lipsind alte detalii în descrierea lor. Piesele descoperite în siturile ge-

tice sunt nominalizate ca fiind scitice sau de tip scitic, iar pentru datarea lor se utilizează cel mai des limita cronologică sec. IV-III a.Chr. În scopul valorificării mai depline a acestei categorii de descoperiri am selectat toate piesele publicate, pentru a le racorda la tipologia elaborată de A. Meliukova (1964) pentru seturile de tolbă scitice.

Fără a pune accent pe „cetățenie”, vom specifica, că toate piesele cunoscute până în prezent, ca provenind din așezări getice, sunt din bronz, cu trei aripioare sau în trei muchii. În literatură ele, de obicei, sunt numite de tip scitic, dat fiind faptul că din punct de vedere morfologic pot fi atribuite diverselor varietăți de forme din cadrul tipurilor specifice seturilor de tolbă din complexe funerare scitice (Meliukova 1964, 14-32). Până la ora actuală, în diverse publicații, ce reflectă cercetări

de suprafață sau săpături arheologice în așezări getice, sunt înregistrate circa 60 de vârfuri de săgeți, printre care predomină cele de bronz cu trei aripioare (compartimentul II), dar nu lipsesc nici cele în trei muchii (compartimentul III).

Vârfurile de săgeți de bronz cu trei aripioare. Conform unor particularități ale configurației aripioarelor, cât și ale lungimii tubului de înmănușare, în cadrul lor putem deosebi mai multe tipuri.

1. Vârfuri de săgeți cu pana de formă piramidală ascuțită și adâncituri între aripioare, majoritatea absolută a cărora au tubul de înmănușare scurt, iar lungimea este între 2,8-4,5 cm (fig. 1; 2,1-12). Astfel de piese sunt cunoscute printre descoperirile din așezarea fortificată Rudi „La Șanțuri” (Lapushnian et al. 1974, ris. 28,4-5) și din așezarea Mateuți „La Bașne” (Kašuba et al. 2000, pl. XL,1; Kashuba et al. 2001-2002, ris. XXXVIII,1), 11 exemplare au fost descoperite în diferite complexe locative în procesul săpăturilor din incinta așezării Saharna „La Revechin” (Levinschi 2003, fig. 1,1,4-13), șapte – în incinta fortificației Saharna Mare (Niculiță et al. 2008, fig. 101,6; 147,7-10; Niculiță et al. 2013, fig. 15,2) și două în fața sistemului ei defensiv (Niculiță, Nicic 2007, 266, fig. 3,2-3), câte unul în incinta așezării Saharna Mică și situl Saharna „La Șanț” (Niculiță et al. 2008, fig. 17,5; 168,12). Încă șase exemplare figurează printre materialele din situl fortificat de vest de pe promontoriul Butuceni (Niculiță et al. 2002, fig. 68,2-7), două – în una din așezările din preajma Buțenilor (Matveev, Arnăut 2009, 189, fig. 2,2-3) și șapte – în incinta fortificată de la Stolniceni (Sîrbu, Arnăut 1995, fig. 4,4; Arnăut, Ursu Naniu 2011, fig. 4,5-7; Ursu-Naniu, Corobcean 2017, fig. 2,5-7). În zona Hansca, câteva piese au fost culese de pe așezarea „Pidașcă” (Nikulitse 1985, ris. 2,17; 3,8; 4,5) și este ilustrat exemplarul împlântat într-o bucată de lut ars, „scursă” în umplutura șanțului așezării Hansca „Toloacă” (Nikulitse 1985, ris. 2,10). Conform elaborărilor lui A.I. Meliukova, toate exemplarele enumerate se înscriu printre *varietățile tipului 4/4* de vârfuri de săgeți cu trei aripioare, care încep să apară în seturile de tolbă din cel de-al treilea grup cronologic, datat în a doua jumătate sau sfârșitul sec. V și la începutul sec. IV a.Chr., dar predomină substanțial în seturile de tolbă din cel de-al patrulea grup cronologic (Meliukova 1964, 23-29). În zona de stepă a spațiului pruto-nistean și în stânga Nistrului astfel de vârfuri de săgeți se

întâlnesc în toate complexele cu tolbă sau resturi de tolbă, care sunt date în sferturile doi și trei ale sec. IV a.Chr. – Crihana Veche 7/2 (Ceban et al. 2015, fig. 8,1a), Balabanu 6/2 și Hadjimius 3/2 (Chebotarenko et al. 1989, ris. 14,2; 75,10), Dubăsari 2/2, 5/1, 20/3, 21/2 (Ketraru, Chetverikov 2005, ris. 7,5; 14,36,B,3; 36,46; 41,2), Crasnoe 8/1 și Butor I 4/1, 13/2, 13/3 (Serova, Iarovoi 1987, ris. 19,3; 44,9, 52,4; 54,2), precum și Butor I 2/4, 8/3, 10/2, 11/2, 12/1, 12/2, 16/1 (Sinica et al. 2013, ris. 16,2a; 35,2; 42,11; 45,3; 47,6; 48,3; 62,3), Parcani 1/1, 2/3 (Manzura et al. 1992, ris. 4,6, 7; 4,33-37), Tiraspol 2002 (Sinika et al. 2014, ris. 2,23,25), Nicolscoe 2/3, 4/4 (Agul’nikov, Sava 2004, ris. 15,11-20; 19,7). Foarte multe piese identice sunt în cadrul complexelor funerare ale necropolei scitice Nicolaevka, datate în sfertul doi și trei ai sec. IV a.Chr. (Topal 2000, 208, 220-226). Astfel de vârfuri de săgeți sunt și în tumulul scitic cercetat de parte spre nord de zona de stepă, lângă s. Cosăuți, r-nul Soroca (Manzura 1982, ris. 3,2,3).

2. Vârfuri de săgeți cu pana de formă piramidală, cu caracteristici similare celor precedente, unica deosebire constituind-o forma aripioarelor, care nu sunt piramidale drepte, ci în curbă. Sunt cunoscute doar două exemplare – unul cu lungimea de 3,5 cm în contextul locuinței V (fig. 2,13), alipite peretelui intern al zidului de incintă, din sectorul de nord al așezării Saharna „La Revechin” (Levinschi 2003, fig. 1,2), și altul în așezarea fortificată Mateuți (fig. 2,14), lung de 3,3 cm (Zlatkovskaia 1966, ris. 2,6). Acest din urmă exemplar, republicat ulterior, a fost clasificat ca vârf de săgeată cu tubul de înmănușare lung de tipul 8/1-3 din tipologia elaborată de A.I. Meliukova și atribuit celui de-al treilea grup cronologic (Kašuba et al. 2000, 74; Kashuba et al. 2001-2002, 186). În desenul publicației primare, însă, este foarte clar vizibil că piesa are tubul de înmănușare scurt, bine evidențiat, cu orificiu lateral – caracteristici prin care se înscrie printre exemplarele de tip 4, fiind vorba mai degrabă de *variante 4/1a*. Astfel de vârfuri de săgeți, după A. Meliukova, se întâlnesc în seturile de tolbă din cel de-al treilea grup cronologic, dar sunt frecvente printre seturile din cel de-al patrulea grup cronologic (Meliukova 1964, 23-29). Pe de altă parte, astfel de exemplare lipsesc în setul cu 62 piese din mormântul scitic 1/3 de lângă Mereni (Dergachev, Sava 2001-2002, ris. 4-5), încadrat cronologic la sfârșitul sec. V – începutul sec. IV

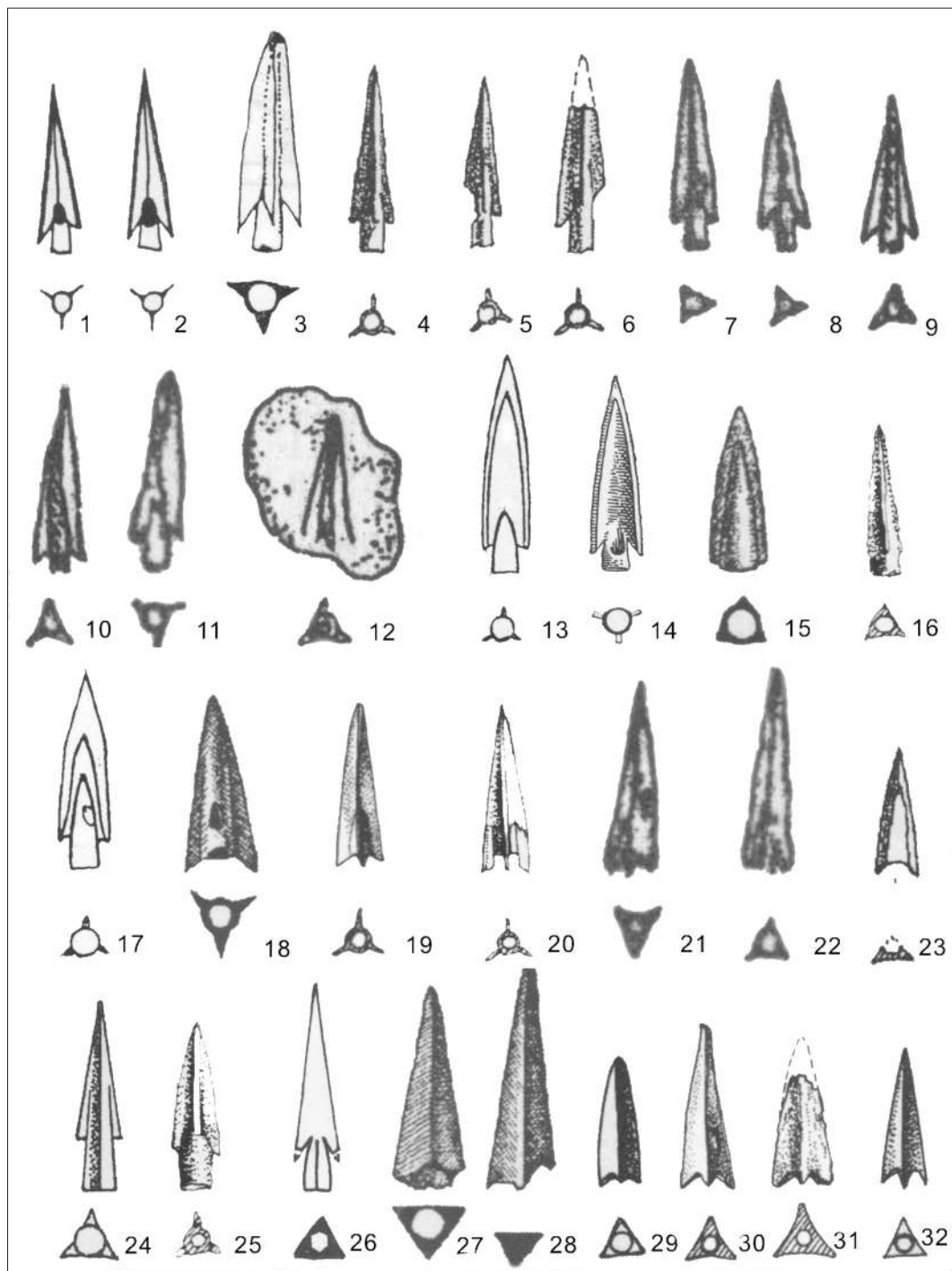

Fig. 1. Vârfuri de săgeți din așezările getice din silvostepa Nistru-Prut: 1-2 – Rudi „La Șanțuri”, 3 – Mateuți „La Bașne”, 4-13 – Saharna „La Revechin”, 14-19 – Saharna Mare, 20-21 – Saharna „Dealul Mănăstirii”, 22-23 – Saharna Mică, 24-29 – Butuceni (1-2 – după: Lapushnian et al. 1974; 3 – după: Kašuba et al. 2000; 4-13 – după: Levinschi 2003; 14,16-22 – după: Niculiță et al. 2008; 15 – după: Niculiță et al. 2013; 24-29 – după: Niculiță et al. 2002).

Fig. 1. Arrowheads from Getic settlements of the Dniester-Prut forest steppe: 1-2 – Rudi „La Șanțuri”, 3 – Mateuți „La Bașne”, 4-13 – Saharna „La Revechin”, 14-19 – Saharna Mare, 20-21 – Saharna „Dealul Mănăstirii”, 22-23 – Saharna Mică, 24-29 – Butuceni (1-2 – after: Lapushnian et al. 1974; 3 – after: Kašuba et al. 2000; 4-13 – after: Levinschi 2003; 14,16-22 – after: Niculiță et al. 2008; 15 – after: Niculiță et al. 2013; 24-29 – after: Niculiță et al. 2002).

a.Chr. (Bruiaiko 2005, 164), însă figurează printre cele 11 vârfuri de săgeți din mormântul scitic 8/1 al tumulului din împrejurimile s. Crasnoe, Grigoriopol, cu o fibulă de tip „tracic” (Serova, Iarovoi 1987, 40-41, ris. 19).

3. Vârf de săgeată cu trei aripioare, având tubul de înmănușare în tot lungul piesei și abia evidențiat la bază, iar aripioarele, în plan, fiind mai mult arcuite, decât piramidale. Lungimea totală este de 2,6 cm și lungimea tubului de înmănușare – 2 cm. Piesa provine din așezarea Solonceni „Hlinaia” (fig. 2,15) și a fost atribuită compartimentului trei – vârfuri de săgeți în trei muchii de formă piramidală, de tip 2 și 3 din grupul cronologic 4, cu date la mijlocul sec. III a.Chr. (Meliukova 1964, 17, 25-28), conform elaborărilor lui A.I. Meliukova (Kašuba et al. 2000, 40, pl. XVI,1), sau de tip 3, din al treilea grup cronologic, cu date între a doua jumătate a sec. V – începutul sec. IV a.Chr., conform elaborărilor lui A.I. Meliukova (Meliukova 1964, 23-25, 28, tabl. 8) cu precizarea în subsol că, conform elaborărilor lui S.V. Polin (Polin 1987, 32), datarea acestui grup cronologic nu se ridică mai sus de limitele sec V a.Chr. (Kashuba et al. 2001-2002, 149, ris. XIV,1). Cu toate acestea, aspectul și detaliile menționate pledează pentru un exemplar din compartimentul II, cu trei aripioare, de tip 8/1 – piese ce apar pe parcursul celui de-al treilea grup cronologic și sunt frecvente în complexe ale celui de-al patrulea grup cronologic (Meliukova 1964, 29). Spre exemplu, dintre analogiile cele mai apropiate menționăm mormântul 8 al necropolei scitice Nikolaevka, unde astfel de piese sunt asociate cu o amforă de Heraclea Pontică și un kantharos grecesc cu firnis negru, datat în a doua jumătate a sec. IV a.Chr. (Topal 2000, 208, tab. 3).

Probabil, o *varietate a tipului 8/1* poate fi considerat și un vârf de săgeată provenit din săpăturile mai recente în incinta fortificată Saharna Mare (fig. 2,16). În catalogul descoperirilor acest exemplar, cu lungimea de 2,4 cm, este calificat ca tip „cu trei muchii” (Niculiță et al. 2008, 178, fig. 147,13). Conform desenului prezentat în această piesă putem vedea mai degrabă un exemplar din compartimentul doi – cu trei aripioare doar ușor evidențiate și pana piramidală alungită, având tubul de înmănușare tot ușor evidențiat, ambele particularități fiind caracteristice pentru multe piese de tip 8. Pe de altă parte, noi nu cunoaștem nici un vârf de săgeată în trei muchii cu spațiul dintre muchii de formă concavă, așa cum ni se prezintă secțiunea acestui exemplar.

Referitor la încadrarea cronologică – lăsăm valabile limitele determinate pentru exemplarul de la Solonceni, dat fiind faptul că la moment nu avem analogii mai apropiate și mai exacte.

4. Vârf de săgeată în formă de turn, la care aripioarele în plan, în partea superioară, formează un unghi obtuz spre vârf. Tubul de înmănușare este evidențiat, alungit până la jumătatea piesei, având și orificiu lateral la vârf (fig. 2,17). Acest exemplar, lung de 3,1 cm, a fost descoperit în contextul construcției de suprafață nr. 10 din incinta fortificată Saharna „La Revechin” (Levinschi et al. 2003, 12, fig. 12,4). Particularitățile morfologice ale piesei, îndeosebi tubul de înmănușare evidențiat, pledează pentru atribuirea ei *tipului 10/11* din schema tipologică a lui A.I. Meliukova, piese, ce apar în seturile celui de-al treilea grup cronologic și una din particularitățile cărora este profilul concav al părții inferioare a aripioarelor (Meliukova 1964, 24]. Printre cele mai apropiate descoperiri de acest fel sunt cele câteva vârfuri de săgeți din cadrul necropolei plane de la Dănceni (fără a fi precizate complexe din care provin), dar care au fost atribuite în exclusivitate tipului 9 din cadrul celui de-al treilea grup cronologic, cu toate că șapte exemplare dintre ele sunt cu tubul de înmănușare evidențiat (Lapushnian 1979, 23, ris. 7,11-17), detaliu specific pentru piesele de tip 10. Exemplarul în discuție, însă, nu are aripioarele concave și a fost descoperit în context cu fragmente de kantharos cu firnis negru de tip 700 și 707, date în anii 375-350 și 350-325 a.Chr. – tipuri ce au putut să coexiste doar în limitele sfertului trei al sec. IV a.Chr. (Levinschi 2003, 269-270). Absolut în aceleași limite cronologice se înscrie și mormântul 2 din tumulul 3 al necropolei Nikolaevka cu o amforă biconică de Thasos, un *kylix* și un bol grecesc cu firnis negru (Topal 2000, 208, tab. 3; Polin 2014, 557), printre vârfurile de săgeți din el fiind și un exemplar identic (Topal 2000, 220, ris. 3) cu cel de la Saharna.

5. Vârfuri de săgeată de formă piramidală cu trei aripioare, capetele cărora coboară mai jos de bază și formează ghimpi, tubul de înmănușare neevidențiat fiind în tot lungul piesei. Este unul din vârfurile de săgeți descoperite de Gh.D. Smirnov în incinta sitului Saharna Mare, lung de 2,8 cm (fig. 2,18). În publicația recentă a acestor materiale, toate trei vârfuri de săgeți, provenite din săpătură, sunt nominalizate a fi în trei muchii,

de formă piramidală (Kašuba et al. 2000, 82, pl. LIII,1-3; Kashuba et al. 2001-2002, 194-195, ris. L,1-3). Tot în trei muchii este considerat și vârful de săgeată recent publicat (fig. 2,19), descoperit în așezarea Saharna Mică (Niculiță et al. 2016, 288, fig. 202,1). În realitate, însă, secțiunea de la bază a exemplarului de la figura L,1 – Saharna Mare, și 202,1 – Saharna Mică, cât și aspectul lor în plan, vorbesc de la sine că sunt vârfuri de săgeată cu trei aripioare, care, conform parametrilor enumerați mai sus, permit atribuirea lor unei varietăți a *tipului 6/6* din compartimentul doi, conform schemei tipologice a lui A.I. Meliukova – variantă apărută pe parcursul perioadei celui de-al treilea grup cronologic (Meliukova 1964, 23), dar foarte frecventă și în seturile de tolbă din cel de-al patrulea grup cronologic. Judecând după descriere și desen (fig. 2,20), tot acestei variante poate fi atribuit încă un vârf de săgeată din așezarea Saharna Mare, din săpăturile recente, lungimea lui de 2,7 cm (Niculiță et al. 2008, 178, fig. 147,11) făcându-l similar cu cel precedent, și tot de acest fel par a fi două piese (fig. 2,21-22) descoperite la Hansca (Nikulitse 1985, ris. 4,5). Aproape identică cu piesa din așezarea Saharna Mare este și cea recent descoperită în așezarea fortificată de la Stolniceni (fig. 2,23), cu lungimea (probabil) de circa 2,4 cm și tubul de înmănușare pe toată lungimea piesei (Ursu-Naniu, Corobcean 2017, fig. 2,8).

Analogii din cele mai apropiate găsim în unul din exemplarele setului de tolbă din mormântul scitic 1/3 al tumulului de lângă Mereni (Dergachev, Sava 2001-2002, ris. 5), datat la sfârșitul sec. V – începutul sec. IV a.Chr. (Bruiako 2005, 164), precum și câteva exemplare în setul de tolbă al mormântului 7/3 de lângă Purcari, cu o datare similară (Agul'nikov et al. 2013, ris. 8,1,3). Dar piese similare sunt multe în complexul Parcani 2/3 (Manzura et al. 1992, ris. 4,14-18, 20-21, 27-32) și le găsim în cadrul seturilor de tolbă din mormintele plane 13 și 8 ale necropolei scitice Nikolaevka din estul Câmpiei Bugeacului (Topal 2000, 220, ris. 2; 222, ris. 3), dateate în sfertul doi și trei al sec. IV a.Chr. (Topal 2000, 208, tabl. 3; Polin 2014, 367, 551).

6. Aparte printre descoperirile de vârfuri de săgeți cu trei aripioare stau încă două exemplare (fig. 2,24-25) – unul, cu lungimea de 3 cm, găsit printre rămășițele zidului de apărare din sectorul de sud-vest al incintei de vest a sitului fortificat de pe promontoriul Butuceni (Niculiță et al. 2002, 46,

fig. 68,8), iar altul, de 2,7 cm, în timpul săpăturilor mai recente în incinta așezării fortificate Saharna Mare (Niculiță et al. 2008, 177, fig. 147,12). Exemplarul de la Butuceni are (conform desenului publicat) tubul de înmănușare cam în tot lungul penei de formă piramidală, cu aripioarele înguste, tăiate sub unghi drept, iar cel de la Saharna are tubul de înmănușare mai scurt, pana pare destul de masivă și aripioarele late, tăiate sub unghi ascuțit spre tub. Și într-un caz, și în altul pare să fie vorba de piese de tip 4, conform elaborărilor lui A.I. Meliukova (Meliukova 1964, 23), doar că pentru exemplarul de la Butucei poate fi *varianta 4/3*, iar la Saharna – *varianta 4/9*. Analogii directe pentru aceste piese încă nu avem și nici condițiile de descoperire nu ne dau informații privind încadrarea lor cronologică. Putem doar menționa că ambele variante de vârfuri de săgeți se întâlnesc în seturile de tolbă din al-treilea și al-patrulea grup cronologic (Meliukova 1964, 23-29).

Vârfuri de săgeți de bronz în trei muchii sunt cu mult mai puține, încă mai puține din ele putând fi atribuite cert unuia sau altuia din tipurile delimitate de A.I. Meliukova. Pentru moment piese în trei muchii sunt cunoscute doar printre vestigiile așezării Saharna Mare. În cadrul lor, conform unor detalieri de ordin morfologic, putem distinge câteva tipuri.

1. Vârf de săgeată cu pana piramidală lung de 3,4 cm (fig. 2,26), muchiile la bază formând ghimpi, cu tub de înmănușare scurt, evidențiat, hexagonal în secțiune (Levinschi 1999, 34, fig. 17,10). Piesa a fost culeasă de la suprafață, la 200 m depărtare, în fața sistemului defensiv al așezării fortificate Saharna Mare. Particularitățile menționate pledează în favoarea atribuirii acestui exemplar *tipului 3/1* din clasificarea lui A.I. Meliukova, care semnaleză că astfel de piese apar doar în unele complexe din cadrul celui de-al treilea grup cronologic (Meliukova 1964, 24). Cu toate acestea un exemplar identic găsim printre descoperirile din mormântul 4 al tumulului scitic 13, cu manta arsă, din preajma s. Butor, Grigoriopol, din stânga Nistrului (Serova, Iarovoi 1987, 107-111, ris. 55). Ca piese de inventar în mormânt figurează un kantharos grecesc de tip 699 datat circa a. 350 a.Chr. (Sparkes, Talkott 1970, 286), și trei amfore biconice de Thasos de tip II-B-3 (Monakhov 2003, 70-71), care nu mai apar în complexe din ultimul sfert al sec. IV a.Chr. S. Polin datează complexul 13/4 de la Butor nu mai târziu de

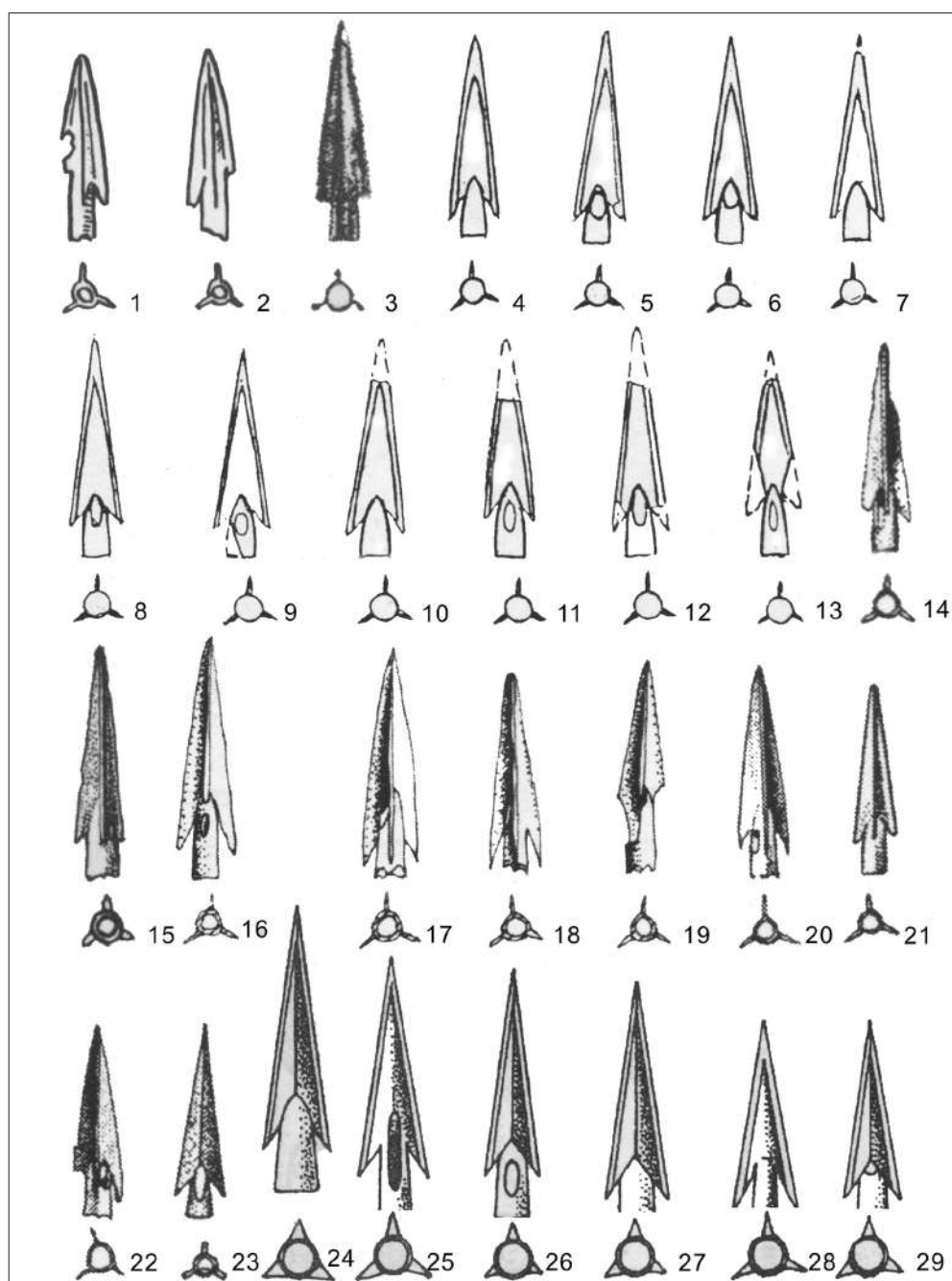

Fig. 2. Vârfuri de săgeți din așezările getice din silvostepa Nistru-Prut: 1-2 – Buțeni, 3-6,23 – Stolniceni, 7-12,21-22 – Hansca, 13,17 – Saharna „La Revechin”, 14 – Mateuți, 15 – Solonceni „Hlinaia”, 16,18,20,25-29,32 – Saharna Mare, 19,30-31 – Saharna Mică (1-2 – după: Matveev, Arnăut 2009; 3 – după: Sirbu, Arnăut 1995; 4-6,23 – după: Ursu-Naniu, Corobcean 2017; 7-12,21-22 – după: Nikulitse 1985; 13,17 – după: Levinski 2003; 14 – după: Zlatkovskaia 1966; 15,18,27-28 – după: Kašuba et al. 2000; 16,20,25 – după: Niculiță et al. 2008; 19,30-31 – după: Niculiță et al. 2016; 2 – după: Niculiță et al. 2002; 26 – după: Levinski 1999; 29,32 – după: Niculiță et al. 2013).

Fig. 2. Arrowheads from Getic settlements of the Dniester-Prut forest steppe: 1-2 – Buțeni, 3-6,23 – Stolniceni, 7-12, 21-22 – Hansca, 13,17 – Saharna „La Revechin”, 14 – Mateuți, 15 – Solonceni „Hlinaia”, 16,18,20,25-29,32 – Saharna Mare, 19,30-31 – Saharna Mică (1-2 – after: Matveev, Arnăut 2009; 3 – after: Sirbu, Arnăut 1995; 4-6,23 – after: Ursu-Naniu, Corobcean 2017; 7-12,21-22 – after: Nikulitse 1985; 13,17 – after: Levinski 2003; 14 – after: Zlatkovskaia 1966; 15,18,27-28 – after: Kašuba et al. 2000; 16,20,25 – after: Niculiță et al. 2008; 19,30-31 – after: Niculiță et al. 2016; 2 – after: Niculiță et al. 2002; 26 – after: Levinski 1999; 29,32 – after: Niculiță et al. 2013).

începutul sfertului trei al sec. IV a.Chr. (Polin 2014, 512-513). Este rezonabil să atribuim acestui tip, cu unele rezerve, și exemplarul în trei muchii recent descoperit în așezarea fortificată Saharna Mare (Niculiță et al. 2008, fig. 147,13).

2. Vârf de săgeată de formă piramidală ascuțită, fără ghimpi la baza muchiilor, cu tub de înmănușare neevidențiat (fig. 2,27), având lungimea totală de 3,2 cm. Este încă una din piesele descoperite de G.D. Smirnov în incinta fortificată Saharna Mare, considerată ca aparținând tipului 6 sau 8 din cel de-al patrulea grup cronologic, conform clasificării lui A.I. Meliukova, și datat la mijlocul sec. IV-prima jumătate a sec. III a.Chr. (Kašuba et al. 2000, 82, pl. LIII,2; Kashuba et al. 2001-2002, 194-195, ris. L,2). Particularitățile acestui exemplar pledează mai sigur pentru una din *variantele tipului 4/1-3*, conform clasificării lui A.I. Meliukova, care sunt în uz și pe parcursul celui de-al patrulea grup cronologic, dar care, ca și în complexele grupului precedent, apar destul de rar (Meliukova 1964, 25). În calitate de analogii putem aduce, cu rezerve, doar una din piesele setului de tolbă din mormântul 7 al necropolei scitice plane Nikolaevka (Topal 2000, 221, ris. 1), datat în baza unei amfore de Heraclea Pontică cu ștampilă englică și a unui *kilix* cu firnis negru cu sfârșitul sfertului unu – începutul sfertului doi al sec. IV a.Chr. (Polin 2014, 365).

3. Vârf de săgeată în trei muchii, de formă piramidală alungită și tub de înmănușare ascuns (parțial deteriorat la bază), vârfurile muchiilor formând spini (fig. 2,28), păstrat pe lungimea de 3,8 cm, este a treia piesă din cele descoperite de Gh.D. Smirnov în incinta așezării fortificate Saharna Mare și considerată de același tip cu piesa precedentă (Kašuba et al. 2000, 82, pl. LIII,3; Kashuba et al. 2001-2002, 194-195, ris. L,3). Particularitățile atestate permit includerea acestui exemplar printre vârfurile de săgeți de *tip 8/3*, cu suprafețele muchiilor netede. Nu este exclus că acestei variante poate fi atribuit și exemplarul descoperit în groapa nr. 155, tot din incinta așezării Saharna Mare (fig. 2,29), cu lungimea de 2 cm (Niculiță et al. 2013, fig. 39,3). Încă două piese de acest fel (fig. 2,30-31), recent publicate, au fost descoperite în așezarea fortificată Saharna Mică (Niculiță et al. 2016, fig. 202,2, 3). Astfel de vârfuri de săgeți sunt înregistrate în seturile de tolbă din cel de-al treilea grup cronologic, însă s-au răspândit deosebit de larg în intervalul de timp al celui de-al patrulea grup cronologic (Me-

liukova 1964, 25). Analogii pentru astfel de piese, ca și pentru vârfurile de săgeți cu trei aripioare de tip 4/4, găsim în majoritatea seturilor de tolbă din complexele funerare scitice din stepa interfluviului Nistru-Prut și Dunărea de Jos, precum și în cele din stânga Nistrului de Jos, dateate în limitele sfertului doi și trei a sec. IV a.Chr.

4. Vârf de săgeată de formă piramidală în trei muchii cu spini ascuțiți și lungi la baza muchiilor (fig. 2,32) poate fi caracterizat mai detaliat exemplarul descoperit în stratul cultural al incintei așezării fortificate Saharna Mare, despre care autorii ne amintesc, că el este similar celui descoperit anterior (cu trimitere la: Niculiță et al. 2008, 128, fig. 147,13) și astfel de armă (cu trimitere la: Arnăut 2003, 119-121) este destul de frecvent întâlnită atât în așezări, cât și în necropolele traco-getice din sec. IV-III a.Chr. (Niculiță et al. 2013, 261, fig. 49,3). În realitate vârful de săgeată descris are toate particularitățile caracteristice pentru piesele de *tip 9/3* din tipologia elaborată de A.I. Meliukova, care apar foarte rar doar în seturile de tolbă din cel de-al patrulea grup cronologic (Meliukova 1964, 25). O piesă similară pare să fie prezentă în setul de tolbă din mormântul scitic principal 2 al tumulului nr. 7, recent cercetat pe Prutul de Jos, la Crihana Veche, datat în baza amforelor de Thasos între sfârșitul anilor 360 – mijlocul anilor 350 a.Chr. (Ceban et al. 2015, 55-56, fig. 8,1b).

Din analiza tipologică efectuată asupra vârfurilor de săgeți descoperite în cadrul așezărilor getice din silvostepa spațiului pruto-nistrian putem face câteva constatări.

1. Majoritatea absolută a pieselor descoperite sunt de tipuri ce încep să apară în cadrul seturilor de tolbă scitice din cel de-al treilea grup cronologic și sunt foarte frecvente în seturile de tolbă din cel de-al patrulea grup cronologic. Cu toate acestea vedem, că în cadrul așezărilor getice lipsesc piese specifice doar pentru seturile de tolbă din cel de-al treilea grup cronologic – în formă de turn cu trei aripioare de tip 9/7-8 și tip 10/8-12, tipuri frecvente în unele morminte din cadrul necropolei Dănceni, fără a fi specificate complexele (Lapushnian 1979, ris. 7), precum și în setul de tolbă din mormântul scitic Mereni 1/3 (Dergachev, Sava 2001-2002, ris. 5). Specificăm cu această ocazie că limitele de timp pentru cel de-al treilea grup cronologic, marcate de A.I. Meliukova între a doua jumătate sau sfârșitul sec. V – și începutul sau spre mijlocul sec. IV a.Chr. (Meliukova 1964, 23-25), ulterior au fost revizuite

de către S.V. Polin, care a stabilit limitele cronologice între nu mai târziu de limita sec. VI-V și limita sec. V-IV a.Chr. (Polin 1987, 32).

2. Atât tipologic, cât și cantitativ/proportional descoperirile din așezările getice, luate la general, sunt similare celor din seturile de tolbă scitice din cel de-al patrulea grup cronologic, încadrat de A.I. Meliukova în majoritate între a doua jumătate a sec. IV și în sec. IV-III a.Chr. Cu toate acestea, complexele scitice la care noi am apelat pentru unele analogii de vârfuri de săgeți din așezările getice, conform unor precizări mai recente, sunt datate în sferturile doi și trei ale sec. IV a.Chr. Referitor la datarea pieselor descoperite în așezările getice – în majoritatea absolută a cazurilor nu este precizat contextul descoperirii, sau ele nu sunt asociate cu piese, ce dețin calități de repere cronologice mai sigure. Excepție în acest sens sunt doar vârfurile de săgeți din așezarea fortificată Saharna „La Revechin”, care în majoritate au fost descoperite printre resturile locuințelor de suprafață distruse de incendiu, asociate de fragmente de amfore grecești și ceramică de lux cu firnis negru, pentru care s-a constatat că au fost distruse în limitele sfertului trei al sec. IV a.Chr., sau poate chiar între anii 340-330 a.Chr. (Levinschi 2003, 263-270). În acest context nu putem exclude fap-

tul că, cel puțin în așezarea fortificată Saharna „La Revechin”, vârfurile de săgeți au putut nimeri ca fiind „împușcate” din exterior, adică a unui atac, ele fiind și cauza incendierii locuințelor.

3. În contextul acestei discuții este cazul să precizăm și limitele cronologice ale seturilor de tolbă din cel de-al patrulea grup desemnat de A.I. Meliukova. Conform elaborărilor efectuate, cel mai timpuriu complex ce marchează acest grup este considerat mormântul lateral al tumulului aristocratic scitic Solokha, apropiat în timp fiind tumulul Talaevsk, iar cel mai târziu complex este tumulul Alexandropol’ (Meliukova 1964, 25). Conform unor elaborări mai recente, materialul amforic din complexul Solokha „lateral”, dă o datare mai exactă între anii 390-380 a.Chr. (Monakhov 1999, 240-243) și cel de la Talaevsk în limitele anilor 370-360 a.Chr. (Monakhov 1999, 400-402), iar cercetările recente în tumulul Alexandropol’, în baza materialului amforic, dau o datare în limitele sfertului trei al sec. IV a.Chr., sau mai exact – circa anii 340-330 a.Chr. (Polin, Daragan 2008, 161; Polin 2014, 490-499). Acest din urmă reper cronologic a fost stabilit și pentru vârfurile de săgeți din complexele incendiate ale așezării fortificate Saharna „La Revechin”.

Bibliografie

- Agul’nikov, Sava 2004:** S. Agul’nikov, E. Sava, Issledovaniia kurganov na levoberezh’e Dnestra (Kishinău 2004) // С. Агульников, Е. Сава, Исследования курганов на левобережье Днестра (Кишинэу 2004).
- Agul’nikov et al. 2013:** S.M. Agul’nikov, S.S. Popovich, S.V. Tserna, D.A. Topal, Skifskii kurgan №7 u s. Purkar’ na Nizhnem Dnestre. Stratum plus 3, 2013, 257-284 // С.М. Агульников, С.С. Попович, С.В. Церна, Д.А. Топал, Скифский курган №7 у с. Пуркаръ на Нижнем Днестре. Stratum plus 3, 2013, 257-284.
- Arnăut 2003:** T. Arnăut, Vestigii ale sec. VII-III a.Chr. în spațiul de la Răsărit de Carpați (Chișinău 2003).
- Arnăut, Ursu Naniu 2011:** T. Arnăut, R. Ursu Naniu, Vestigiile funerare getice de la Stolniceni (raionul Hâncești, rep. Moldova). In: Archaeologi: Making of and practice. Studies in honor of Mircea Babeș at his 70th anniversary (Pitești 2011), 281-289.
- Bruiaiko 2005:** I.V. Bruiaiko, Rannie kochevniki v Evrope (X–V vv. do R.-Kh.) (Kishinev 2005) // И.В. Бруяко, Ранние кочевники в Европе (X–V вв. до Р.Х.) (Кишинев 2005).
- Ceban et al. 2015:** I. Ceban, D. Topal, S. Agulnicov, S. Popovici, Tumulul scitic nr. 7 de la Crihana Veche-La Pietricei (r-nul Cahul). Arheologia preventivă în Republica Moldova II, 2015, 43-58.
- Chebotarenko et al. 1989:** G.F. Chebotarenko, E.V. Iarovoi, N.P. Tel’nov, Kurgany Budzhakskoi stepi (Kishinev 1989) // Г.Ф. Чеботаренко, Е.В. Яровой, Н.П. Тельнов, Курганы Буджакской степи (Кишинев 1989).
- Dergachev, Sava 2001-2002:** V.A. Dergachev, E.N. Sava, Issledovanie kurganov v okrestnostiakh sel Mereni i Kirka. Stratum plus 2, 2001-2002, 526-562 // В.А. Дергачев, Е.Н. Сава, Исследование курганов в окрестностях сел Мерень и Кирка. Stratum plus 2, 2001-2002, 526-562.
- Iarovoi 1990:** E.V. Iarovoi, Kurgany eneolita-epokhi bronzy Nizhnego Podnestrov’ia (Кишинев 1990) // Е.В. Яро-

вой, Курганы энеолита-эпохи бронзы Нижнего Поднестровья (Кишинев 1990).

Kašuba et al. 2000: M. Kašuba, V. Haheu, O. Levički, Vestigii traco-getice pe Nistrul Mijlociu (Bucureşti 2000).

Kashuba et al. 2001-2002: M.T. Kashuba, V.P. Khakheu, O.G. Levitski, Frako-getske drevnosti v iuzhnoi lesostepi Srednego Podnestrov'ia (kul'turno-khronologicheskaiia sistematizatsia materialov iz raskopok vtoroi poloviny XX veka). Stratum plus 3, 2001-2002, 118-223 // M.T. Кашуба, В.П. Хахей, О.Г. Левицкий, Фрако-гетские древности в южной лесостепи Среднего-Днестра (культурно-хронологическая систематизация материалов из раскопок второй половины XX века). Stratum plus 3, 2001-2002, 118-223.

Ketraru, Chetverikov 2003-2004: N.A. Ketraru, I.A. Chetverikov, Kurgany skifskogo vremeni u goroda Dubossary (publikatsiia materialov raskopok 1980-1987 gg.). Stratum plus 3 2003-2004, 2005, 77-197 // Н.А. Кетрару, И.А. Четвериков, Курганы скифского времени у города Дубоссары (публикация материалов раскопок 1980-1987 гг.). Stratum plus 3 2003-2004, 2005, 77-197.

Ketraru et al.: N.A. Ketraru, V.S. Sinika, S.N. Razumov, N.P. Tel'nov, Dubossarskie kurgany (Tiraspol' 2014) // Н.А. Кетрару, В.С., Синика, С.Н. Разумов, Н.П. Тельнов, Дубоссарские курганы (Тирасполь 2014).

Lapushnian 1979: V.L. Lapushnian, Rannie frakiitsy X – nachala IV v. do n.e. v lesostepnoi Moldavii (Kishinev 1979) // В.Л. Лапушнян, Ранние фракийцы X – начала IV в. до н.э. в лесостепной Молдавии (Кишинев 1979).

Lapushnian et al. 1974: V.L. Lapushnian, I.T. Nikulitse, M.A. Romanovskaia, Pamiatniki rannego zheleznogo veka. Arkheologicheskaiia karta Moldavskoi SSR 4 (Kishinev 1974) // В.Л. Лапушнян, И.Т. Никулицэ, М.А. Романовская, Памятники раннего железного века. Археологическая карта Молдавской ССР 4 (Кишинев 1974).

Levinschi 1999: Al. Levinschi, Raport ştiinţific privind rezultatele investigaţiilor arheologice în fortificaţia getică Saharna „La Revechin”, campania 1998 (Chişinău 1999). Arhiva personală.

Levinschi 2003: Al. Levinschi, Limita cronologică superioară a fortificaţiilor getice din zona Saharna – Rezina. In: Interferenţe cultural-cronologice în spaţiul nord-pontic (Chişinău 2003), 261-284.

Levinschi et al. 2003: Al. Levinschi, S. Covalenco, S. Bodean, Raport privind rezultatele investigaţiilor arheologice în fortificaţia getică Saharna „La Revechin”, campania 2002. Arhiva MNAIM, nr. inv. 467 (Chişinău 2003).

Manzura 1982: I.V. Manzura, Raskopki kurgana u sela Kosoutsy (Sorokskii r-n). AIM 1977-1978 (Kishinev 1974), 122-129 // И.В. Манзура, Раскопки кургана у села Косоуцы (Сорокский р-н). АИМ 1977-1978 (Кишинев 1982), 122-129.

Manzura et al. 1992: I.V. Manzura, O.V. Larina, E.N. Sava, Issledovanie kurganov u s. Parkan'. AIM 1986 (Kishinev 1992), 171-189 // И.В. Манзура, О.В. Ларина, Е.Н. Сава, Исследование курганов у с. Паркань. АИМ 1986 (Кишинев 1992), 171-189.

Matveev, Arnăut 2009: S. Matveev, T. Arnăut, Piese de armament descoperite în apropierea comunei Buţeni (r-nul Hânceşti). Studia Arheologiae et Historiae Antiquae (Chişinău 2009), 187-190.

Meliukova 1964: A.I. Meliukova, Vooruzhenie skifov. SAI D1-4 (Moskva 1964) // А.И. Мелюкова, Вооружение скифов. САИ Д1-4 (Москва 1964).

Monakhov 1999: S.Iu. Monakhov, Grecheskie amfory v Prichernomor'e: kompleksy keramicheskoi tary VI–II vv. do n.e. (Saratov 1999) // С.Ю. Монахов, Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары VI – II вв. до н.э. (Саратов 1999).

Monakhov 2003: S.Iu. Monakhov, Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Tipologia vedushchikh tsentrov-eksportërov tovarov v keramicheskoi tare. Katalog-opredelitel' (Moskva–Saratov 2003) // С.Ю. Монахов, Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортёров товаров в керамической таре. Каталог-определитель (Москва–Саратов 2003).

Nikulitse 1985: I.T. Nikulitse, Izuchenie severofrakiiskikh poselenii v Khanskom mikroraione. AIM 1981 (Kishinev 1985), 95-117 // И.Т. Никулицэ, Изучение северофракийских поселений в Ханском микрорайоне. АИМ 1981 (Кишинев 1985) 95-117.

Niculită, Nicic 2007: I. Niculită, A. Nicic, Cercetări arheologice la situl Saharna-Dealul Mănăstirii. Tyragetia I [XVI], 1, 2007, 225-248.

Niculită et al. 2002: I. Niculită, S. Teodor, A. Zanoci, Butuceni. Monografie arheologică (Bucureşti 2002).

Niculită et al. 2008: I. Niculită, A. Zanoci, T. Arnăut, Habitatul din mileniul I a.Chr. în regiunea Nistrului Mijlociu (Chişinău 2008).

Niculită et al. 2013: I. Niculită, A. Zanoci, M. Băţ, S. Matveev, Investigaţiile arheologice la Situl Saharna Mare (2009-2012). Tyragetia VII [XXII], 1, 2013, 219-292.

Niculită et al. 2016: I. Niculită, A. Zanoci, M. Băţ, Evoluţia habitatului din microzona Saharna în epoca fierului (Chişinău 2016).

Polin 1987: S.V. Polin, Khronologia rann'oskifskikh pam'iatok. Arkheologiiia 59, 1987, 17-36 // С.В. Полін, Хро-

нологія ранньоскіфських пам'яток. Археологія 59, 1987, 17-36.

Polin 2014: S.V. Polin, Skifskii Zolotobalkovskii kurgannii mogil'nik V–IV vv. do n.e. na Khersonshchine (Kiev 2014) // С.В.Полин, Скифский Золотобалковский курганный могильник V–IV вв. до н.э. на Херсонщине (Киев 2014).

Polin, Daragan 2014: S. Polin, M. Daragan, Problemy datirovki skifskogo tsarskogo kurgana Aleksandropol' (sezon 2006 g.). RA IV, 2, 2008, 146-163 // С. Полин, М. Дараган, Проблемы датировки скифского царского кургана Александрополь (сезон 2006 г.). RA IV, 2, 2008, 146-163.

Serova, Iarovoï 1987: N.L. Serova, E.V. Iarovoï, Grigoriopol'skie kurgany (Kishinev 1987) // Н.Л. Серова, Е.В. Яровой, Григориопольские курганы (Кишинев 1987).

Sinika et al. 2013: V.S. Sinica, S.N. Razumov, N.P. Tel'nov, Kurgany u sela Butory (Tiraspol' 2013) // В.С. Синика, С.Н. Разумов, Н.П. Тельнов, Курганы у села Буторы (Тирасполь 2013).

Sinika et al. 2014: V. Sinica, I. Chetverikov, N. Tel'nov, Materialy iz razrushennykh skifskikh pogrebal'nykh kompleksov IV-II vv. do n.e. na levoberezh'e Nizhnego Dnestra. RA X, 2, 2014, 210-217 // В. Синика, И. Четвериков, Н. Тельнов, Материалы из разрушенных погребальных комплексов IV-II вв. до н.э. на левобережье Нижнего Днестра. RA X, 2, 2014, 210-217.

Sirbu, Arnăuț 1995: V. Sirbu, T. Arnăuț, Incinta fortificată de la Stolniceni, raionul Hâncești – Rep. Moldova. Cercetări arheologice în aria nord-tracă I (București 1995), 378-400.

Sparkes, Talkott 1970: B.A. Sparkes, L. Talkott, Black and plain Pottery of the 6th, 5th and 4th centuries B.C. (New Jersey 1970).

Topal 2000: D.A. Topal, Nikolaevskii mogil'nik – traektorii vo vremeni i prostranstve. Stratum plus 3, 2000, 205-228 // Д.А. Топал, Николаевский могильник – траектория во времени и пространстве. Stratum plus 3, 2000, 205-228.

Ursu-Naniu, Corobcean 2017: R. Ursu-Naniu, A. Corobcean, Cercetările arheologice în incinta fortificată de la Stolniceni „Cetate” (r-nul Hâncești) din anul 2016. În: Cercetări arheologice în Republica Moldova, campania 2016 (Chișinău 2017), 41-43.

Zlatkovskaia 1966: T.D. Zlatkovskaia, Gorodishche Mateutsy. Novoe v sovetskoi arkheologii (Moskva 1966), 220-225 // Т.Д. Златковская, Городище Матеуцы. Новое в советской археологии (Москва 1966), 220-225.

Alexandru Levinschi, dr. în istorie, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt, 1. MD 2001, Chișinău, Republica Moldova

Vasile Haheu

**Peisajul cultural-arheologic la tricii septentrionali:
spații de habitat în contextul cotidianului, activității de producere și al sacrului
(sec. VII/VI-III a.Chr.)**

Keywords: the north thracians, the cultural landscape, habitats space, vitals zones, production, sacral structures.

Cuvinte cheie: traci septentrionali, peisaj cultural-arheologic, spațiu cotidian, de producere, structuri sacrale.

Ключевые слова: северные фракийцы, культурно-археологический пейзаж, жизненное пространство, быт, производство, сакральные структуры.

Vasile Haheu

The archaeological cultural landscape of the north Thracians: the habitats space in the context of the daily, the production activity and the sacred (VII/VIth-IIIth centuries BC)

It is currently difficult to highlight the problem of structures which belonged to septentrional thracians both within themselves as well as their internal planning. The case in the Saharna microzone allows us to determine their placement in “nest”, while Little Horodca demonstrates their placement in a row, alongside the valley of Botna. Each of these agglomerations evolves around a fortress-centre. As to their internal structure, we can also observe their placement in rows. In Alcedar we see the presence of a fence which was likely serving as a circling of households. With some objects a public centre was observed – ie. market in the middle of town, surrounded by more pretentious buildings. In many cases, some structures with sacred meaning were discovered – both public and individual. Lately we have observed the promotion of the cultural and archaeological landscape as it highlights the interaction between human, nature, and environment. Only in this way can we reconstruct the livelihoods, every day interactions, productions, and secret believes of the population.

Vasile Haheu

Peisajul cultural-arheologic la tricii septentrionali: spații de habitat în contextul cotidianului, activității de producere și al sacrului (sec. VII/VI-III a.Chr.)

În prezent este dificil de a elucida problema corelării siturilor tracilor septentrionali între ele, de altfel ca și planigrafia lor internă. Cazul din microzona Saharna permite a determina dispunerea acestora în „cuib”, iar situația de la Horodca Mică demonstrează amplasarea în șir, de-a lungul luncii Botnei. Fiecare dintre aceste aglomerații gravitează în jurul unei cetăți-centru. Referitor la structura internă, de asemenea se întrevide dispunerea locuințelor în șiruri, la Alcedar fiind semnalat prezența unei îngrădiri care probabil delimita gospodăriile. La unele obiective s-a descoperit un centru public – piață în centrul sitului în jurul căreia erau niște edificii mai pretențioase. În mai multe cazuri, în cadrul așezărilor s-au cercetat structuri cu caracter sacru – publice sau individuale. În ultimul timp tot mai insistent se promovează abordarea peisajului cultural arheologic cu evidențierea interacțiunii om-natură-mediu. Doar așa devine posibilă reconstituirea modului de viață, cotidian, producere și spiritual al populației.

Василе Хахеу

Культурно-археологический пейзаж северных фракийцев: жизненное пространство в бытовом, производственном и сакральном контексте (VII/VI-III века до н.э.)

В настоящее время еще сложно решить проблемы структурного расположения поселений северных фракийцев по отношению друг к другу, равно как и внутренней планировки поселений. Исследования в микроне Сахарна указывают на «гнездовое» расположение поселений. Внутри этой структуры могут быть выделены концентрации меньших размеров. В долине реки Ботна выяснилось, что поселения расположены в один ряд вдоль течения реки. Во всех случаях открытые поселения и несколько фортификаций меньших размеров тяготеют к определенному городищу-центру. Относительно внутренней планировки поселений, так же просматривается расположение жилищ в ряд. В Алчедар была исследована ограда, которая отделяла отдельные хозяйства. На нескольких памятниках по центру отмечена публичная площадь, к которой тяготеют своеобразные здания. Во многих случаях отмечены сакральные структуры публичного или индивидуального характера. В последнее время все больше внимание уделяется культурно-археологическому пейзажу, который позволяет реконструировать взаимодействия человек-среда-природа. Этот аспект позволяет предложить более точную реконструкцию образа жизни, быта, хозяйственной деятельности и духовной жизни населения.

Numărul siturilor de habitat ale tracilor septentrionali semnalate în literatura de specialitate, în prezent extrem de mare (fig. 1), a fost condiționat și de faptul că la acestea s-au atribuit și obiective cu statut etno-cronologic nesigur. În prezent se constată o tendință, corectă de fapt, de a se analiza mai minuțios situațiile de teren ale siturilor noi descoperite, dar și, în măsura posibilităților, precizarea contextelor pentru acelea care deja sunt cunoscute (atribuirea cultural-cronologică cât mai exactă) [Levinschi 2010] (fig. 2), precum și prin prisma corespunderii acestora la categoria „așezări” [Andreescu, Bailey 1999, 111-113].

După cum reiese din dezideratul invocat mai sus, este dificil de a elucida problema amplasării siturilor în grup sau grupuri, dar mai ales planigrafia internă a acestora, fără de care nu sunt posibile abordările de ordin politic și social. Sunt necesare utilizarea de metode de analiză obiectivă a materialelor, dar în primul rând analiza spațială a siturilor între ele și a structurii interne ale siturilor de habitat. În legătură cu ultimele, este importantă determinarea granițelor dintre situri (comunități) și structura internă a acestora pentru o abordare „cu mai multe nivele” [Smirnov 2010, 253-262] (fig. 4). Conform acesteia, se deduc mai multe zone dimensionale în care există și evoluează o comunitate în calitate de *micro-* sau *macro-*diviziune: „regiunea centrală”, „arealul sezonier” și „arealul vital”, la care uneori se adaugă „arealul de transmitere a obiectelor” sau „de schimb” [Peterson 1977, 53-68] (fig. 2). Ultima constituia, de fapt, zona de contact a două sau mai multe situri. Intersectarea lor dă naștere unor microzone de interferențe locale, care pot avea caracter pașnic, sau mai puțin pașnic, și după cum vom vedea în continuare, au și condiționat apariția fortificațiilor. Abordarea problemelor structurilor de habitat prin această prismă este îngreunată de faptul că situri cu o stratigrafie clară și precisă sunt puține.

Abordarea problemelor structurilor de habitat pentru care, în opinia lui J.C. Chapman, „... locul și spațiul pot fi definite *conceptual, comportamental și fizic*”, procedură pentru care în sarcina arheologului ar fi necesară „...reconstituirea întregii ierarhii a semnificațiilor din aspectele fizice ale spațiului și obiectelor. Orice spațiu este potrivit pentru o funcție, iar prin relațiile personale create pentru îndeplinirea acestei funcții „spațiul” devine „loc” [Chapman 1989, 33-54]. Ceva timp mai

înainte apărea o lucrare monografică importantă, având ca subiect analiza siturilor umane și caracteristicile așezărilor [Doxiadis 1968]. Autorul invocă patru componente ale structurilor acestora: *aria centrală* a așezării care variază în ce privește mărimea, aspectul, omogenitatea; *partea specială*, zona destinată construcțiilor de cult (sanctuale etc.), atelierelor meșteșugărești, locurilor obștești (piață etc.); *O parte omogenă* din cadrul spațiului, nu prea clară în teren (sub ce aspect? - n.n.), care reprezenta o parte de pământ cultivat sau pășune; *zonele căilor de acces* – drumuri/străzi, poteci etc. Pentru noi aceste criterii nu sunt prea convingătoare, mai bine spus, cele cu referire la argumentele de delimitare a suprafețelor/spațiilor. Acesta, cu atât mai mult avându-se în vedere nivelul nesatisfăcător de cercetare a obiectivelor de habitat traco-getice. Deseori, în zona cu structuri de locuit s-au semnalat spații fără urme de alte construcții, fapt ce ar sugera existența curților sau grădinilor, uneori delimitate prin îngrădire [Haheu 1998, 122].

Analiza dinamicii dezvoltării istorice a așezărilor, după cum reiese din sursele disponibile, se face ținându-se cont de asemenea componente ca dimensiunile, forma de plan și structura internă, prezența construcțiilor/locurilor publice, ale complexelor de producție și ale sistemelor de fortificație [Masson 1974, 6]. Prezența unor „cuiburi” de situri de același tip și sincrone (fig. 5) permite a le interpreta în calitate de structuri sociale formate din mai multe comunități (Vitov 1974). Variabilitatea dimensiunilor, structura internă, corelarea diferită a elementelor componente permite a evidenția tipologia și clasificarea acestora [Masson 1974, 7]. Într-un sistem de structuri unele dintre acestea cu construcții monumentale constituiau un centru în cadrul unor obiective mai mici.

În prezent pentru arealul tracilor septentrionali sunt cunoscute în jur de 750 de monumente cu caracter de habitat: așezări fortificate (118) și așezări deschise (632). Nu sunt niște cifre exacte și definitive. Abordările din ultimul timp, inclusiv cu utilizarea metodelor moderne de prospecțiune geomagnetică, ...analiza fotografiilor satelitare (Google Earth, GoogleMaps) completate cu precizările nemijlocite prin observații din teren, au dat rezultate spectaculoase pentru anumite zone [Niculiță, Zancoci, Băț 2015, 22, fig. 2; Zancoci, Niculiță, Băț 2015, 82, fig. 2] (fig. 3). Geografic, spațiul desemnat se încadrează între lunca Nistrului

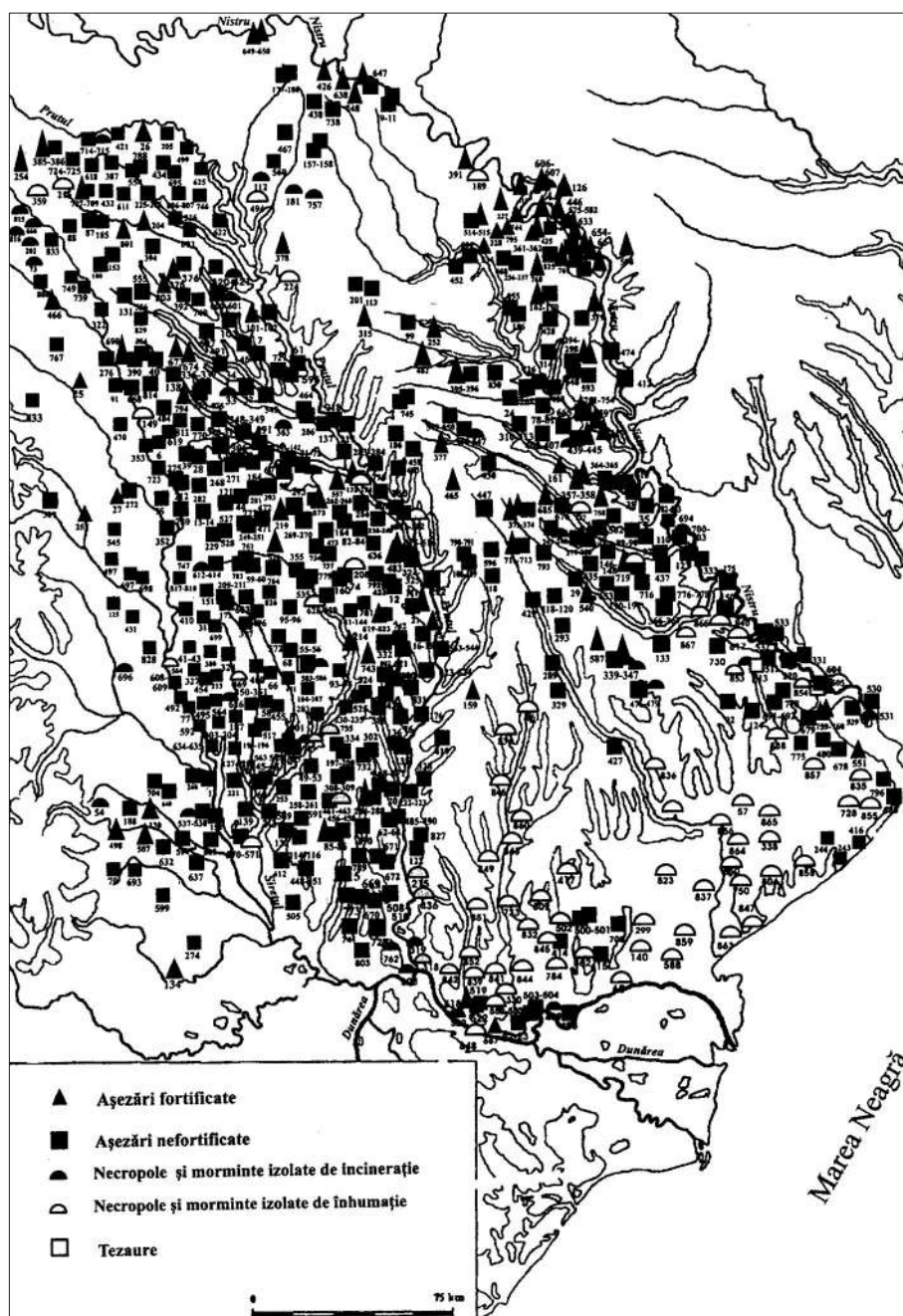

Fig. 1. Harta răspândirii monumentelor traco-getice de la est de Carpați (după Arnăut 2003).

Fig. 1. The map of thracean-gethic monuments in east of Carpathians (after Arnaut 2003).

la est și versanții Carpaților Răsăriteni la vest, iar la sud de la Câmpia Dunării până la Podișul Sucevei la nord. Menționăm de la bun început faptul că dislocarea acestora în spațiul desemnat este diferită, dar neuniformă, evidențiindu-se anumite concentrații zonale ale siturilor, care vor fi evidențiate ceva mai jos. După o precizare riguroasă, pentru teritoriul interfluviului pruto-nistean sunt cunoscute „în jur de 190 de situri ale culturii getice, din-

tre care un sfert sunt fortificații” [Levinski 2010, 25] (fig. 2). Tradițional, acestea sunt amplasate pe locuri înalte, greu accesibile, cu anumite posibilități naturale de apărare. Fortificațiile se completează cu structuri defensive artificiale de conținut, forme și dimensiuni variabile. Nu dispunem de dovezi certe, dar suntem siguri că și majoritatea obiectivelor interpretate ca „deschise” erau înconjurare de anumite obstacole artificiale de apărare,

cel mai probabil din lemn. Era un deziderat al vremurilor, determinat de factori antropogeni (nu credem că relațiile intercomunitare erau permanent pașnice) și naturali – animale de pradă etc.

Siturile se găseau în apropierea imediată a surselor de apă – râuri, iazuri, izvoare. Cartografierea monumentelor traco-getice indică că majoritatea acestora se află pe cursurile navigabile ale râurilor mari (Nistru, Răut, Bâc, Cogâlnic, Botna), pe unde probabil treceau și căile comerciale [Nikulitse 1987, 42-43]. Suntem siguri, într-un viitor mai mult sau mai puțin îndepărtat, se va realiza precizarea dispunerii spațiale a siturilor de epocă, și îndeosebi prezența sau absența unor obiective singulare în anumite zone unde ele nu ar trebui să fie. Avem în vedere atribuirea culturală-cronologică cât se poate de precisă a siturilor.

În opinia S. Teodor, pentru zona Prut-Carpați, mai ales „la așezările de tip *dava* de pe terasele Siretului, Trotușului și a Bistriței, geto-dacii au folosit până la sfârșit modul tradițional de construcție a locuințelor, nefiind ispițiți a folosi zidul de piatră, cărămizi arse sau alte elemente [Teodor 2004, 366]. I. Niculiță evidențiază tipul de locuință de suprafață formată din fundament de piatră (înălțimea 0,25-0,40 m), după care se ridicau pereții din lut pe carcasă lemnoasă [Nikulitse 1977, 48]. O locuință similară a fost cercetată la fortificația de la Alcedar-*La Cordon* [Haheu 1998, 111-112]. La obiectivul de la Butuceni au fost cercetate de asemenea structuri de trai ridicate pe fundament de piatră și pereții din lut pe carcasă lemnoasă [Nikulitse 1987, 96-98, ris. 19]. Tot aici sunt pomenite și descoperiri de locuințe din piatră, mai multe blocuri fiind fasonate. Ultimele provin din săpăturile mai vechi ale lui Gh.D. Smirnov (1949-1953), fiind invocate de către I. Niculiță [Nikulitse 1987, 96, ris. 18]. Sunt descoperiri de unicat pentru cultură, cu excepția zonei de litoral. A. Meliukova pentru așezarea de la Nikolaevka, șantierul III încadrează locuințele de suprafață în faza finală de existență a semibordeiului [Meliukova 1975, 64]. Doar amintim aici că mai mulți specialiști [Simion 1997, 231-252], datează semibordeiele/bordeiele mai timpurii decât locuințele de suprafață, dar aceasta se face mai mult în baza logicii evoluției. Pentru

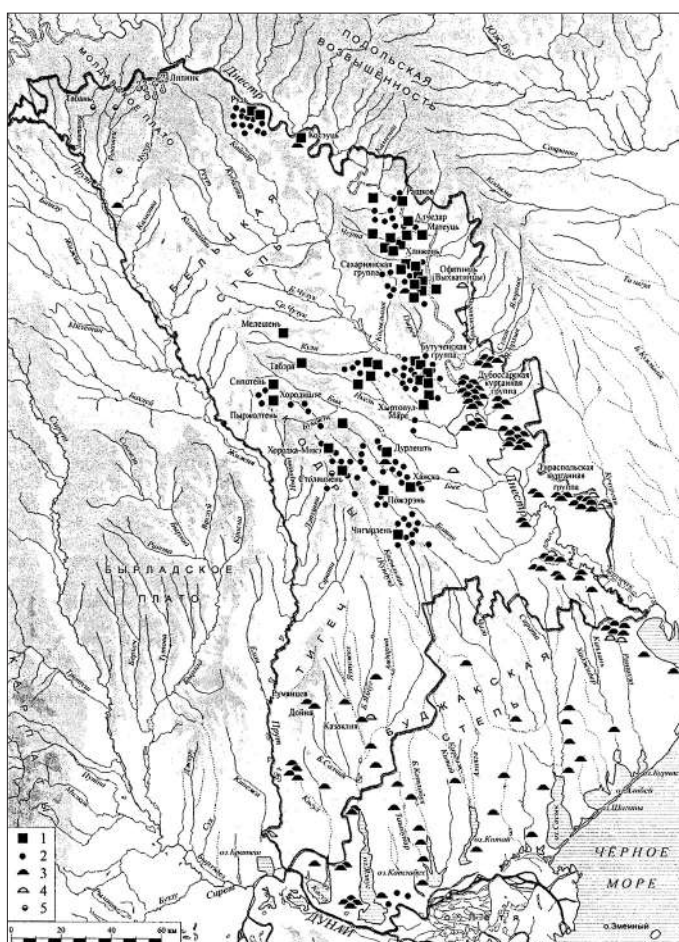

Fig. 2. Harta răspândirii monumentelor traco-getice din interfluviul Nistru-Prut (după Levinschi 2010).

Fig. 2. The map of thracean-gethic monuments from the valley of Dniestr-Prut (after Levinschi 2010).

tracii septentrionali, pe întreaga perioadă de existență a acestora toate tipurile de locuințe coexistă. Pentru locuințele mai pretențioase (cu fundament sau pereți din piatră etc.) se presupun preluări din lumea elenă [Nikulitse 1977, 48; Haheu 2016, 183]. Dacă la Butuceni ar fi fost cu certitudine o factorie grecească [Banaru 2009, 193], supoziția ar fi găsit o explicație mai categorică. Pentru cazurile de la Pivdenoe [Sal'nikov 1966, 176-225], Nadli-manskoe [Dzis-Rajko, Okhotnikov, Redina 2012] și altele, situate nemijlocit în zona de litoral, lucrurile sunt mai complicate, rămânând destul loc pentru speculații, ultima fiind provocată de etnia locuitorilor acestora.

Un caz cu totul deosebit în ce privește modalitatea evoluției unor structuri de habitat în anumite zone restrânse a evidențiat N. Conovici în cadrul cercetărilor de la Satu Nou [Conovici 1986,

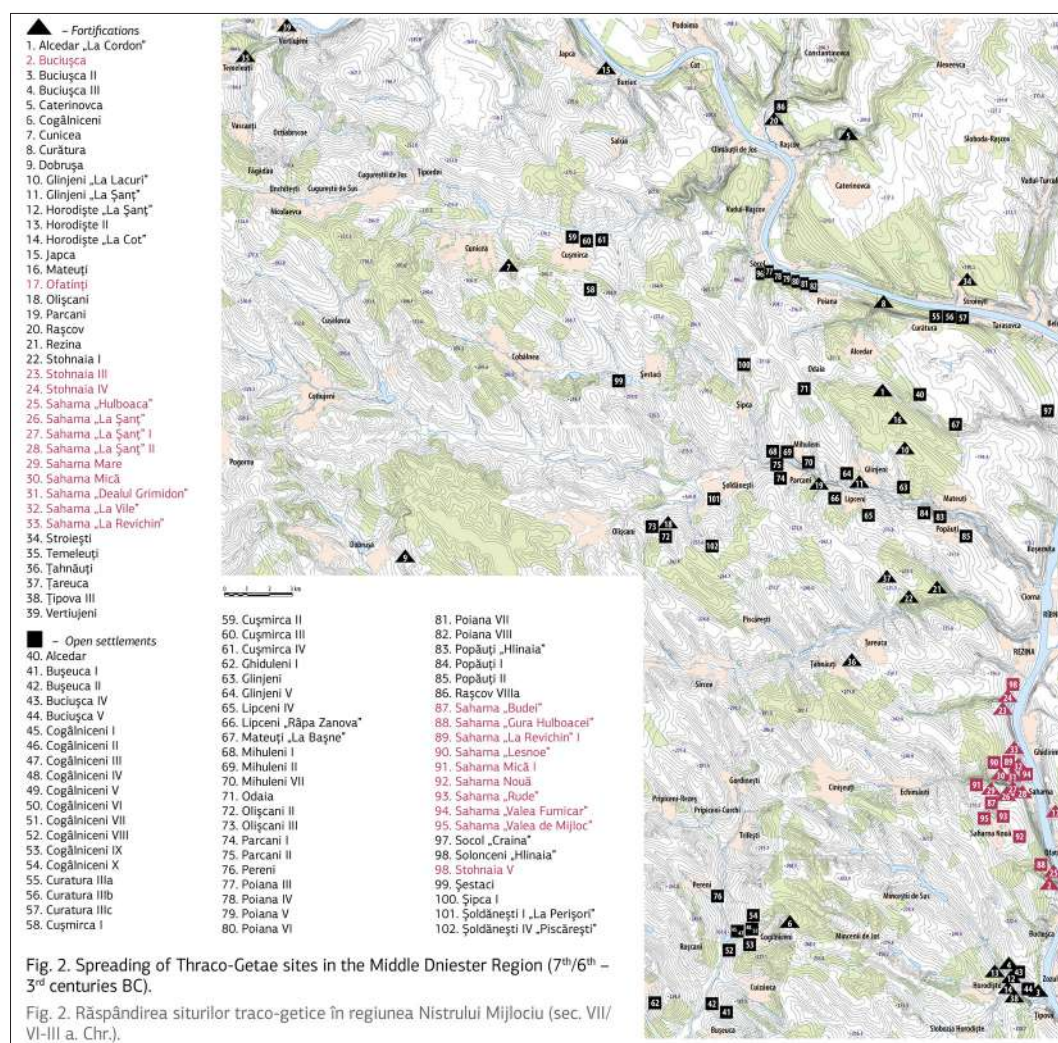

Fig. 3. Siturile traco-getice din macrozona Saharna (după Niculiță, Zanoci, Băț 2015).

Fig. 3. The Thracian-gehic sits from Saharna region (after Niculiță, Zanoci, Băț 2015).

129-142]. Analizând materialele din două situri apropiate – *Valea lui Voicu* și *Vadu Vacilor* (aflate la 800 m distanță unul de altul), autorul determină în baza sincronismului amforelor ștampilate cronologia siturilor în limitele a 50-75 de ani [Conovici 1986, 130,134]. S-a constatat, surprinzător, prezența mai multor toarte ștampilate provenite din mai multe centre de origine, fapt ce asigură abordări de cercetare cu totul speciale și durabile. Este vorba despre „pendularea” de locuire a populației în situri diferite, dar apropiate spațial. Luând în discuție siturile nominalizate mai sus, autorul ajunge la o concluzie originală. În primul sit (două faze de locuire) au fost depistate ștampile de amfore datate între al doilea sfert al sec. III și primul deceniu al sec. II a.Chr. pentru prima fază, pe când în cel de-al doilea s-au descoperit doar

exemplare datate între aproximativ în 190-108 a.Chr. Stratul de aici este subțire și, ce este important, acest nivel cronologic lipsește în primul sit. După încetarea vieții în al doilea sit reîncepe viața la *Valea lui Voicu* cu a doua fază de locuire. Starea de lucruri permite autorului să constate modalitatea consecutivă de locuire a populației în aceste situri, prin procedeul de „pendulare” [Conovici 1986, 133]. Este de presupus ca în virtutea unor circumstanțe (agrotehnice ori altele, nefiind vorba despre factori de violență antropogenă), populația să fi format o altă așezare, ca ulterior să revină în prima. O asemenea abordare este, în opinia noastră, dintre cele mai eficiente în urmărirea evoluției în timp a structurilor de habitat sau în precizarea cadrului temporal al altora. În legătură cu descoperirile din ultimul timp a unor concentrații de

situri traco-getice – microzona Saharna din partea de sud a Nistrului Mijlociu: 102 monumente, dintre care 39 de fortificații și 63 așezări deschise [Niculiță, Zanoci, Băț 2015, 22, fig. 2], suntem obligați să schimbăm statutul ei geo-social în *macro-zonă* (fig. 3). Este drept, în cadrul macrostructurii respective, în aceeași culegere, autorii evidențiază aparte microzona Horodiște-Țipova, în care pe o suprafață de aproximativ 6 km² au fost semnalate 7 fortificații și 2 așezări deschise de epocă [Zanoci, Niculiță, Băț 2015, 81-100, fig. 2]. Revenind la harta macrozonei [Niculiță, Zanoci, Băț 2015, fig. 2] și continuând analiza spațială a siturilor, suntem siguri că se mai pot evidenția încă câteva microzone, dintre care cea de la Poiana reprezintă amplasarea în șir a obiectivelor – de-a lungul Nistrului, altele formând cuiburi, în cazul când aceste situri sunt contemporane. Nu mai puțin relevant este cazul microzonei Horodca Mică cu siturile (3 fortificații, 11 așezări deschise) amplasate în șir de-a lungul luncii râului Botna [Munteanu 2015, 78, fig. 24]. În legătură cu structurile de habitat ale tracilor septentrionali, de curând, Al. Levinschi, mai ales în baza unor situri cu sistem defensiv, dar în lipsa stratului de cultură, evidențiază obiective ce ar fi fost stâne sau loc pentru vite în afara localităților (Levinschi 2011, 237-244). Este o supoziție prea pripită, dacă nu chiar eronată. Dintotdeauna aceste structuri erau interpretate în calitate de fortificații de refugiu sau avanposturi [Nikulitse 1977, 39].

Nemijlocit la planigrafia internă a structurilor de habitat – dispunerea locuințelor, după cum reiese din nivelul de cercetare oarecum nesatisfăcător, este posibil doar de conturat tendința acestora. Pentru fortificații lucrurile sunt oarecum mai clare. Pentru acest tip de situri este caracteristică amplasarea locuințelor în imediata apropiere a valului/zidului sau alipite acestuia, încât peretele din spate era constituit din zidul fortificației. Spre centru numărul locuințele scade sau practic lipsesc. Se presupune că situația era dictată din considerente de securitate în cadrul asediului. Este doar o supoziție, deoarece situațiile concrete demonstrează realități diverse. Planurile generale

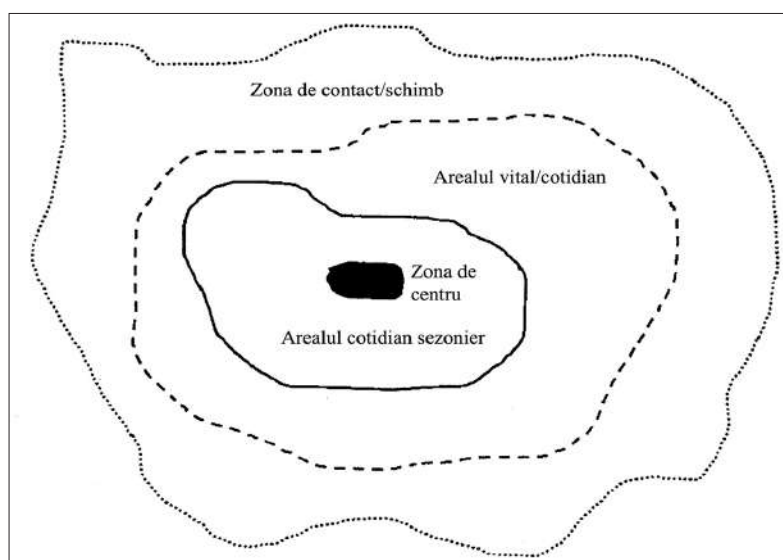

Fig. 4. Schema grafică a unui spațiu comunitar/intercomunitar uman (după Smirnov 2010).

Fig. 4. Graphical scheme of a communal/intercommunal space (after Smirnov, 2010).

de la Stâncești [Florescu, Florescu 2005, Fig. 1], Butuceni [Niculiță, Teodor, Zanoci 2002] demonstrează prezența locuințelor în cele mai diverse locuri ale sitului, inclusiv în partea centrală. La puținele situri în care s-au făcut investigații mai de amploare cu publicarea planurilor generale de săpătură locuințele se prezentau în formă de aglomerații și mai rar prezentau forme conștiente de plasare, formând șiruri paralele (fig. 6). La Poiana, resturile de locuințe, reprezentate de podine din lut ars, aglomerații de pereți de multe ori se suprapun din cauza perioadei îndelungate de viață în unul și același loc. De remarcat că locuințele de forme rectangulare, de dimensiuni mari (10x6 m, două încăperi și două vetre), fiind de suprafață sau puțin adâncite, erau simple în aspect arhitectural, fără fundație stabilă și cu utilizarea a foarte puține materiale stabilizatoare dure, doar structură de lemn la pereți. Locuințele aveau uși și ferestre. Acoperișul vegetal era în două ape. La acest sit au fost cercetate multiple suprafețe pavate cu straturi de lut cu prundiș, inclusiv locurile destinate unor piețe [Teodor 2004, 367]. În unele locuri s-a observat rânduirea locuințelor în șiruri paralele orientate NV-SE. Autorii cercetării nu exclud utilizarea la edificarea locuințelor de aici a vâlătucilor sau a cărămizilor nearse [Teodor 2004, 368]. Aceeași situație a fost semnalată și la Brad, unde s-a descoperit o piață centrală, în apropierea căreia se aflau

edificii mai speciale, cu caracter sacru sau de folos obștesc, inclusiv un sanctuar [Ursache 1995, 51-53]. Deși multe dintre situri reprezentau centre politico-administrative și religioase, cu importante descoperiri de vestigii de prestigiu, inclusiv depozite, tezaure [Bazarciuc 1983, 249-273; Căpitanu 1984, 61-83; Ursache, Mihăilescu-Bârliba 1992, 97-105; Teodor 2004,], locuințele erau simple, de cele mai dese ori dintr-o singură încăpere.

Unul dintre componentele importante ale structurilor de trai îl constituie obiectivele specializate în producția meșteșugărească. Mai multe dintre aceste îndeletniciri erau casnice și nu necesitau construcții aparte – țesutul, torsul etc., diverse activități necomplicate de prelucrare a lemnului, osului, lutului (în afară de ceramică) se realizau nemijlocit în cadrul structurilor de trai. Dar un șir de activități meșteșugărești necesitau încăperi speciale – ateliere, locuri acoperite etc. fiind de neconceput și fără existența personalului de meșteri specializați – producerea ceramicii, prelucrarea metalelor de la procesul de reducere până la obținerea pieselor finite, lemnărit, petrărit, prelucrarea pieilor etc. Existența atelierelor meșteșugărești a fost demonstrată arheologic, deși numărul lor nu este prea mare. Credem necesar de a preciza aici anumite artefacte în legătură cu activitățile în discuție. Este vorba despre cele două construcții de la Hansca-Limbări, interpretate de către autorul săpăturii drept ateliere meșteșugărești [Nikulitse 1987, 113-117, ris. 33.2]. Ne-am expus de curând asupra acestor obiective [Haheu 2016, 184], punând la îndoială interpretarea lor în calitate de ateliere. Dacă la primul dimensiunile apreciabile (9x6 m) mai lasă loc pentru speculații, atunci adâncimea de peste doi metri ar pune la îndoială o asemenea destinație. Într-un asemenea bordei, în lipsa unui flux suficient de aer, prelucrarea metalelor ar fi fost imposibilă. Și mai discutabilă ar fi interpretarea celui de-al doilea obiectiv, care are dimensiunile de doar 3x2,8 m și adâncimea de 2,6 m de la nivelul antic de călcare. Într-o asemenea structură ar fi fost imposibilă topirea și prelucrarea metalelor. Aici ar fi fost mai probabil locul de păs-

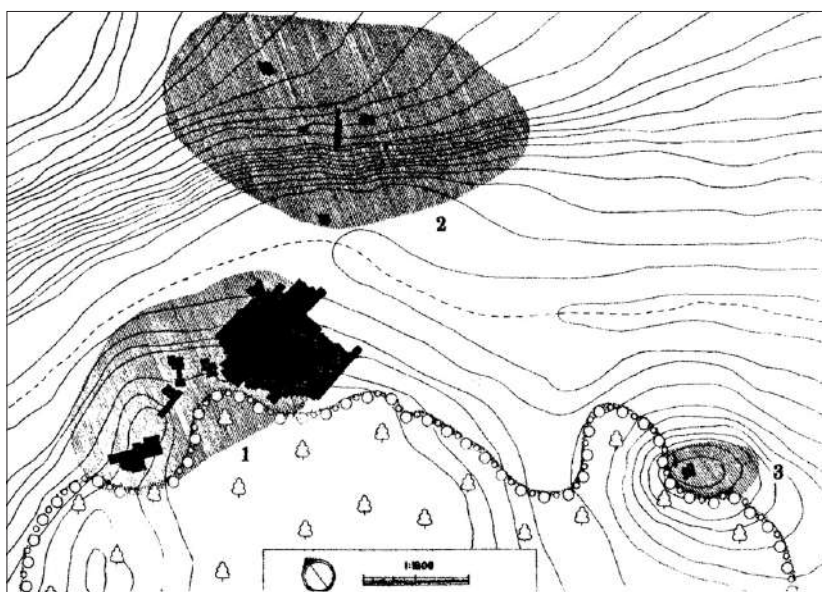

Fig. 5. Siturile traco-getice din microzona Hansca (după Nikulitse 1987).

Fig. 5. The Thracian-gethic sits from Hansca (after Nikulitse 1987).

trare a uneltelor și a materiei prime. Unica analogie pe care o invocă autorul este un cuptor pentru reducerea minereului de la Bragadiru (Turcu 1972, 90), dar care se afla în aer liber.

În cadrul structurilor de habitat ale tracilor septentrionali se mai evidențiază un component important – *spațiul sacru*. Ultimul prezintă un veritabil *loc sfânt*, de regulă amenajat în partea centrală a sitului, zonă ce constituie piața, epicentrul economic, social și politic comunitar. În cazurile structurilor cu statut de centru aceasta mai avea și competențe intercomunitare. Referitor la credințele religioase și tot ce este legat de sacralitate, pentru traco-geți există deja o bibliografie impunătoare. În cazul de față ne interesează doar spațiul respectiv în cadrul structurii de habitat. Taxonomic vorbind, cele ce țin de credințele religioase sunt de trei nivele – private (casnice), comunitare și intercomunitare. Primele au fost atestate mai des arheologic – Hansca [Nikulitse 1985, 95-117; Belotcaci 2004, 323-327], Bunești [Bazarciuc 1983, 249-273], dar pentru studiul nostru nu sunt relevante. Cu referire la ultimele două (limita dintre ele fiind doar convențională), spațiile sacre sunt de două tipuri: cele naturale, din cadrul naturii – *locus consecratus* (fluvii/râuri, păduri/crânguri, izvoare/fântâni, munți/dealuri etc.) și artificiale, edificate în cadrul structurilor de habitat sau anumite locuri speciale. Acestea au fost documentate foarte concludent și sigur prin

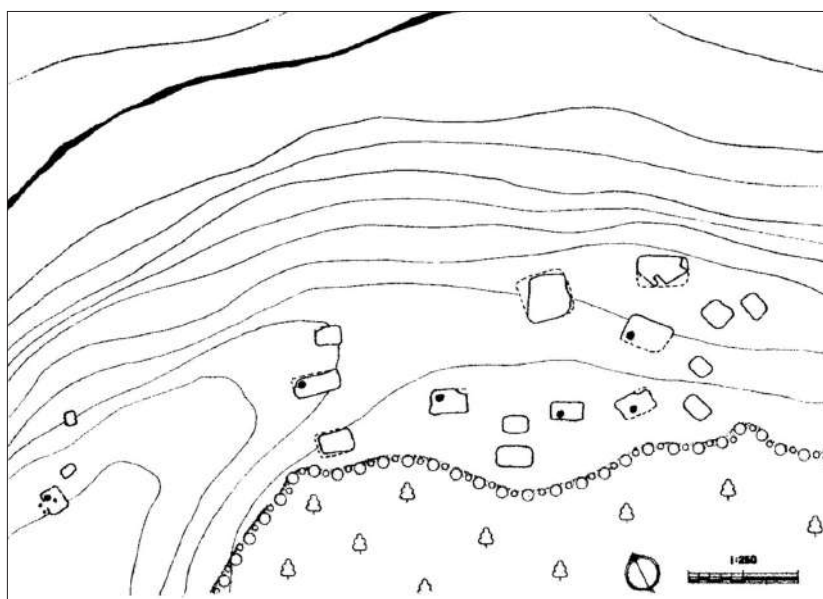

Fig. 6. Planul general al investigațiilor de la Hansca (după Nikulitse 1987).

Fig. 6. The plan of investigations from Hansca (after Nikulitse 1987).

sanctuale. Pentru perioadă și regiune sunt cunoscute obiectivele de la Butuceni [Nikulitse 1987, 73-79; ris. 7-10] și Brad [Ursachi 1995, 62-71], primul fiind și dintre cele mai timpurii. Structura de la Butuceni face parte din categoria *sanctuale circulare* și a fost descoperită în partea centrală a sitului între a treia și a patra linie defensivă. Reprezenta trei cercuri marcate de 21 de gropi pentru pilonii de lemn ce constituiau construcția de suprafață a obiectului. Pe centru se afla o amenajare de pietre de formă ovală – altarul (cu diametrul de 1,3x2,0 m și înălțimea de 20-30 cm), marcat de trei gropi dispuse în triunghi. Autorul descoperirii interpretează structura ca având o funcție dublă: sanctuar și calendar [Nikulitse 1987, 73-79]. La Brad a fost cercetat un sanctuar cu absidă, aflat în imediata apropiere a „pieții”. Reprezintă o platformă de lut ars de formă dreptunghiulară (14x8 m), delimitată de gropile stâlpilor din lemn, interiorul fiind împărțit în două camere. Autorul atribuie construcția respectivă în categoria *sanctuale rectangulare*, fiind datată în secolele IV-III a.Chr. [Ursachi 1995, 62-71]. Într-o etapă ulterioară aceasta se modifică, adăugându-i-se o absidă. Dintre obiectivele de tip asemănător, dar dateate într-o perioadă mai târzie (sec. II-I a.Chr.), amintim construcția de la Dolineni ridicată pe o platformă amenajată/constituită din pământul provenit din excavarea unei gropi din centru și care

era înrămată de 36 de stâlpi, desemnată de asemenea în calitate de sanctuar-calendar [Smirnova 1976, 309-312]. În opinia unor autori, aici se oficiau diverse ritualuri dedicate unor divinități prestigioase adorate de către întreaga comunitate ca Zalmoxis, Zeul Războiului, omologul lui Dionysos etc. [Arnăut 2014, 76]. Nu este exclus ca aceste structuri (oricum rare – *n.n.*) să fi servit ca loc de pelerinaj și pentru populația de prin împrejurimi, reprezentând veritabile „centre religioase”. Ulterior, în perioada dacică sanctuarele capătă o răspândire largă – sunt

semnalate la Sarmisegetusa Regia (11), Cărlomănești, Barboși, Popești, Piatra Roșie, Bâta Doamnei, Blidaru, Pecica, Căpâlna etc. Încercăm să facem aici o remarcă. Practic, din perioada timpurie avem doar un singur obiectiv – Butuceni, cercetat și publicat de către I. Niculiță [Nikulitse 1987, 73-79]. În rest, toate artefactele de acest tip din zona carpatonisteană se datează nu mai devreme de sec. II a.Chr. și în continuare, perioadă în care apare mulțimea de sanctuare din lumea dacică. Sanctuarul de la Butuceni este de unul singur și ne întrebăm, oare a fost corect interpretată și datată această structură? Un răspuns univoc la această întrebare este greu de găsit, dar arheologic gândind, temerile ne par îndreptățite.

În ultimul timp o atenție sporită se acordă unui aspect mai complex al existenței/locuirii omului epocilor istorice – peisajului (*landscape*) cultural arheologic (fig. 3). Geograful german Otto Schlüter, specialist în studiul așezărilor umane, propune termenul de *Landschaftkunde* – știința peisajului, conform căruia grupurile umane modelează și transformă regiunea în care au locuit, procese în care așezările umane devin epicentrul discursului, generalizat în calitate de *Kulturlandschaft*. Capătă o pondere aparte în acest discurs noțiunile de *loc* și *spațiu*, în care spațiul are o conotație abstractă, fără substanță materială, în timp ce locul prezintă modalitatea prin care individul/comunitatea este atrasă conștient de un anumit segment al spațiului. Este prin esență o *localizare creată prin intervenția experienței umane*.

Dintre schemele existente ce caracterizează această noțiune, mai acceptabilă ne pare cea compusă din trei elemente ale peisajului cultural arheologic în calitate de sistem natural și uman: *natural, social și de producție*. Fiecare dintre acestea în parte prezintă o multitudine de componente diferite, dar care se completează, creând un ansamblu armonios. Unii specialiști ai școlii anglo-americane de antropologie definesc structura ca prezentând un peisaj natural creat de un grup cultural, unde cultura este agentul, mediul natural – fundamentul, peisajului cultural arheologic fiind rezultatul. O altă definiție antropologică originală a fost expusă de curând de către Setha M. Low și Denise Lawrence Zűniga, conform căreia „interesul pentru *spațiu și loc* nu este unul accidental, acesta este necesar pentru înțelegerea lumii pe care o construim” [Low, Lawrence-Zűniga 2003, 2]. De curând A. Marga generalizează starea de lucruri în domeniu, constatând că „unii autori au început să vorbească despre dezvoltarea antropogeografiei de la o *știință a spațiului* la o *știință a societății*” [Marga 2013, 5].

Deși a pornit de la sensul creării/modelării unor structuri speciale (cognitive, de agrement etc.) în anumite contexte naturale unde sunt prezente și elemente istorico-arheologice (antropogene) mai deosebite (rezervații, complexe etc.), o asemenea abordare este valabilă și pentru reconstituirea unor realități concrete. În ultimul timp au apărut și la noi o serie de lucrări care au drept obiect de studiu peisajul cultural (Onica 2016; Onica 2016a). De curând o asemenea lucrare a fost realizată de către O. Munteanu în baza siturilor arheologice din microzona Horodca Mică. Abordarea este realizată mai mult în ce privește situația natural-geografică a zonei (relieful, condițiile climaterice, caracteristicile solului, vegetația, resursele acvatice) și mai puțin elementul antropogen [Munteanu 2015, 63-80]. Fiind o procedură complexă, acesta cuprinde în sine abordări din mai diverse științe naturale și sociale: istorie, arheologie, antropologie, etnologie, geografie, ecologie etc. Într-un fel, este problema organizării funcționale a spațiului în contextul sedentarizării unor comunități umane [Ștefan, Ștefan, Căvruș 2012, 14; Munteanu 2015, 64]. O asemenea abordare în contextul și prin prisma arheologiei spațiale a fost propusă ceva mai înainte, dar mai mult în aspectul organizării sociale a comunităților umane din

preistorie [Doxiadis 1968; Peterson 1977, 53-68; Chapman 1989, 33-54; Smirnov 2010, 253-262; Masson 1974, 5-9]. Geograful V. Mihăilescu menționa în acest sens că „Geografia omului, antropogeografia sau geografia umană ar trebui să facă parte din geografia vieții sau biogeografie. Din cauza deosebitei importanțe a omului ca locuitor și produs al mediului geografic (natural și social) și ca agent al transformării peisajului, această disciplină face însă corp aparte în geografie ca știință”. Se subliniază rolul geografiei istorice, înțelegerea faptului că omul este *producător și consumator* în același timp, punând accentul pe *peisajul umanizat* [Mihăilescu 1969, 226]. După Emrys Jones, este necesar de perceput așa-numitele *pattern-uri*, linii directoare, generate de diverse grupuri sociale în propriul lor spațiu de manifestare, dar și a proceselor ce au evoluat între acestea [Jones 1960, 1]. În cazul unui peisaj cultural arheologic se încearcă evidențierea existenței (sau nu) a unor legături între particularitățile peisajului natural (inițial) și siturile arheologice ale unei culturi arheologice – în cazul nostru sedentare de agricultori (tricii septentrionali), de aici caracterul atractiv al primului. Epoca și nivelul de dezvoltare a purtătorilor culturii presupunea ca locurile care urmau să fie valorificate pentru trai să dispună de maximum posibilități pentru ocupațiile cotidiene ale acestora, din care reieșea asigurarea cu hrană, resurse materiale naturale, asigurarea securității comunitare etc. Tuturor dezideratelor corespundea regiunea de silvostepă a spațiului carpato-nistean, unde se și concentrează majoritatea siturilor traciilor septentrionali. [Nikulitșe 1987, karta 3; Arnăut 2003, harta 1; Teodor 2005, harta 1]. Dar și în cadrul acestui teritoriu se observă preferințe pentru anumite zone cu concentrații de habitat, constatându-se, totodată, și suprafețe în care siturile traco-getice lipsesc cu desăvârșire ori sunt reprezentate doar sporadic. Este vorba despre stepa Bugacului (cu excepția luncii Prutului nemijlocit), stepa Bălților și Podișul Moldovei de Nord, pentru ultimul, cel puțin extrema vestică. Într-un fel sau altul, cartografierea siturilor indică și o discrepanță în ce privește răspândirea diferitelor tipuri de monumente – fortificații și așezări deschise. Prezintă interes și harta localizării siturilor de epocă, realizată de către A. Levinschi într-un stil strict de „purificare” a artefactelor, din care rezultă concentrarea structurilor doar în anumite limite geogra-

face. Pentru interfluviul Nistru-Prut acestea sunt bazinul mijlociu al Nistrului, luncile râurilor Răut, Bâc și Botna [Levinski 2010, rys. 2] (fig. 2). Mediul natural are o mare influență asupra condițiilor de viață a oamenilor, pe care aceștia îl completează și îl schimbă pe parcursul istoriei. Caracterul interacțiunii acestora se schimbă în legătură cu schimbările de mediu, dar și a omului în calitate de ființă biologică și socială [Kishliaruk 2004, 217].

Relieful. Pentru epocă, condițiile de relief mai speciale constituie un criteriu important în alegerea locurilor de habitat. Foarte probabil, dezideratul era impus din considerente de securitate. Teritoriul dintre Nistru și Carpați este caracterizat de un relief în general segmentat mai ales în plan meridional. Aceasta a cauzat prezența masivă în regiune a promontoriilor înalte, teraselor, platourilor, înălțimilor. Anume aceste forme de relief erau preferabile pentru tracii septentrionali. Teritoriul este cuprins între altitudinile absolute de 429 m (Dealul Bălănești, Nisporeni) și 4 m, în lunca Nistrului (satul Palanca, Ștefan-Vodă). Dintre zonele cu o concentrație mai mare de situri traco-getice nominalizăm Câmpia Nistrului Inferior cu altitudinile de 20-60 m. În unitățile de podiș și deal altitudinile ajung la 280-300 m în Colinele Tigheciului și în Podișul Moldovei de Nord, de 320-350 m în Podișul Nistrului și 400-429 în Podișul Codrilor (Constantinov 2010, 8). O caracteristică importantă a reliefului este densitatea fragmentării globale, dintre care pentru Podișul Codrilor aceasta este de 2,8 km/km², în unele locuri ajungând la 3,0-3,5 km/km². Pentru Colinele Tigheciului valorile sunt de 1,2-1,6 km/km², în Podișul Nistrului – 1,9-2,1 km/km² [Constantinov 2010, 10]. Arealul se atribuie la zona periorogenică a Carpaților Orientali. Pe parcursul timpului, sub influența unor procese endogene și exogene, relieful s-a modelat esențial. Unul dintre factorii ce au condus la formarea reliefului au fost procesele fluviale. Dezvoltarea în timp a acestora a dus la apariția diferitor categorii de văi – în formă de canion (valea Nistrului în amonte de Dubăsari), valea Răutului pe cursul lui de mijloc și inferior, văi în formă de chei ale afluenților Nistrului – Ciorna, Saharna, Țipova etc. [Constantinov 2010, 12]. Spațial, zona se limitează la câteva subunități ale Subcarpaților Răsăriteni și Podișul Moldovenesc. Ultimul, în calitate de unitate geografică „constituie un uluc depresionar cuprins între r. Moldo-

va, la nord și r. Trotuș, la sud” [Tufescu 1966, 81]. Prezentând un masiv unic, aspectul fizico-geografic al acestuia este deosebit de variat, dar în general, cu aspect colinar. Spre r. Siret apare o zonă de depresiuni, confluente de ape, terase largi, având, de asemenea, un aspect colinar. Înălțimile care închid depresiunea externă nu sunt altceva decât niște platforme ce se termină în valea Siretului [Tufescu 1966, 119]. Podișul Moldovei, format în general de dealuri și coline succesive, este limitat la est de r. Prut, deși de fapt continuă până aproape de r. Bug [Mihailescu 1969, 117], incluzând desigur și teritoriul Republicii Moldova, în partea de nord trece în forme de relief de tip podolian, spre sud ajungând până la Câmpia Bârladului. Dintre ariile fizico-geografice, ca parte componentă a Podișului Moldovei evidențiem Podișul Sucevei, format de văi aluvionare și dealuri înalte cu 300-500 m altitudine [Mihailescu 1969, 119]. Aceste zone sunt afectate de alunecări de teren cauzate de solurile litologice, cum sunt cele de la Frumoasa, Cucuteni, Băiceni ș.a. [Sârcu 1971, 368]. Dealurile cu coaste abrupte și platourile litologice prezintă posibilități ideale pentru apărare naturală [Sârcu 1971, 368].

Depresiunea Jijiei sau Jijia-Bahlui conține un pasaj dominat de vai cu fundurile largi, terase bine evidențiate, dealuri și coline cu altitudinea de până la 200 m. Partea de la nord de Iași o constituie dealurile înalte cu altitudinea de peste 200 m [Mihailescu 1969, 120, 259].

Podișul Bârladului, foarte asemănător cu cel al Sucevei, are un relief format din dealuri înalte și platforme litologice străbătute de o rețea largă de ape curgătoare, care separă culoare și culmi cu peste 400 m altitudine [Mihailescu 1969, 121, 259]. Colinele Tutovei, cuprinzând zona dintre rr. Bârlad și Siret, dispun de culmi paralele supuse eroziunilor, dispersate de afluenții râurilor și care se termină la sud în aspectul de câmpie Nicorești [Sârcu 1971, 370]. Pentru toate spațiile menționate sunt specifice întreg spectrul de aspecte proprii zonelor de silvostepă.

În ce privește teritoriul dintre Prut și Nistru, arealul amplasării fortificațiilor traco-getice, care în linii mari se reduce la zona de silvostepă, constituie o parte componentă a Podișului Central Moldovenesc [Mihailescu 1969, 117]. Relieful este de podiș deluros, puternic întretăiat de înălțimi dominante având altitudini nu prea mari, dar care

datorită fragmentărilor aproape verticale de am-ploare este similar celui premontan [Rymbu 1980, 4]. Constituie o zonă de câmpie deluroasă cu frag-mentări frecvente mai înalte în zona de centru și de nord-est. Deși nu are înălțimi mai mari decât 150 m deasupra nivelului mării, relieful este des-tul de variat și complicat, determinat de secționări verticale și orizontale mari [Rymbu 1980, 16].

Raionările geomorfologice ale acestui spațiu se prezintă în felul următor. În partea de nord – Platoul Moldovei de Nord, care este, în general, puțin fragmentat. Între r. Nistru și principalul său afluent de stânga Răut se situează Înălțimea Nistreană, relieful căreia este puternic fragmentat de o rețea de râpe și hârtoape alungite, având un caracter de înălțimi eșalonate. Zona centrală este ocupată de Înălțimea Codrilor, relieful ei fiind maximal înălțat și puternic fragmentat. Ea conține o rețea largă de văi, hârtoape, râpe [Rymbu 1980, 25]. O răspândire largă o au spațiile cu culmi de scurgere a apelor, de obicei în formă de dealuri eșalonate și platouri [Rymbu 1980, 55]. Pantele văilor și vâlculelor, de cele mai dese ori sunt abrup-te sau stâncoase, puternic erodate [Rymbu 1980, 59-65]. Pe lângă râurile mari (Nistru) sunt răs-pândite zone cu terase înalte, abrupte și joase, ale râurilor mici (Răut, Bâc, Botna, Cogâlnic), fiind caracteristice terasele de câmpie [Rymbu 1980, 67-68]. Condițiile natural-geografice, ca și la vest de r. Prut, corespund în general formelor de reli-ef și pentru spațiul în discuție sunt reprezentate de Silvostepa Nord-Moldovenească și de pădurile Moldovei Centrale – Codrii [Rymbu 1980, 72].

Caracteristicile solului. Solul s-a format în decurs de milenii pe anumite forme de relief, pe parcursul evoluției devenind un corp natural mul-tifuncțional, strict necesar existenței ecosisteme-lor terestre și ale biosferei [Constantinov 2010, 31-39]. Condițiile bioclimatice fiind neomogene, au determinat formarea unui înveliș de sol com-plex și variat. Mai mult de 70% de sol este consti-tuit din cernoziomuri și 80% de relief accidentat în pante, ultimul formând terenuri agricole. După clasificarea solurilor, acestea constau din cele au-tomorfe, formate în condiții bioclimatice normale, caracteristice regiunii respective, geneza cărora nu a fost influențată de condiții specifice. La acestea se atribuie solurile brune, cenușii și de cernoziom. *Solurile brune* (tipice și luvice) ocupă cele mai în-alte coline ale Podișului Codrilor și s-au format în

condițiile pădurilor de fag și gorun la altitudinea de 280-430 m. Conținutul de humus este de 4-5% și scade spre adâncime. *Solurile cenușii* s-au for-mat sub pădurile de stejar, gorun, carpen din Po-dișul Moldovei de Nord, Podișul Nistrului, și Co-linele Tigheciului. Cernoziomurile ocupă 70% din suprafața solurilor. Se caracterizează printr-un ni-vel înalt de humus – 5-7%. Pe teritoriul Republicii Moldova se evidențiază trei zone pedogeografice: silvostepa deluroasă a Moldovei de Nord (soluri cenușii și cernoziomuri), zona pădurilor Podișului Codrilor (soluri brune și cenușii) și zona de stepă a Câmpiei Moldovei de Sud (cernozioni tipice și carbonatice) [Constantinov 2010, 47-59]. Solu-urile Moldovei au fost dintotdeauna foarte favora-bile dezvoltării agriculturii.

Clima. Mai mulți cercetători din domeniul paleoclimatologiei afirmă că pe parcursul epocii fierului clima era apropiată celei contemporane, deși se subliniază că chiar pentru fragmente tem-porale nu prea mari clima istorică este destul de complicată și se caracterizează prin fluctuații dese [Volontir 1989]. Clima este temperat continentală. Iarna este blândă și scurtă, vara călduroasă și lun-gă. În medie, în partea nordică se înregistrează 1 950 de ore cu soare. Temperatura medie anuală a aerului în aceeași zonă este de 9,1°C, fiind pozitivă din martie până în noiembrie. Cantitatea medie de precipitații oscilează între 400 și 620 mm. Căderea precipitațiilor este instabilă. Pe teritoriul în discuție radiația solară globală atinge 4 309 M/m² sau 102,8 kcal/cm². Unele forme de relief (Podișul Codrilor, Podișul Nistrului, Colinele Tigheciului etc.) creea-ză câmpuri sezoniere de precipitații. Cele mai mari cantități de precipitații cad pe sectoarele mai înalte, aflate în calea curenților de aer saturat cu umezeală. Iarna, pe întreg teritoriul în discuție predomi-nă vânturile dinspre nord și nord-vest, în partea centrală mai fiind semnalate și cele dinspre est și sud-est. După gradul de asigurare cu umezeală și căldură, zonele agroclimatice se caracterizează în felul următor. La nord suma temperaturilor medii diurne ale aerului în decursul perioadei de vegeta-ție activă a plantelor constituie 2 750-3 100°C, suma de precipitații – 400-475mm, iar coeficientul hidro-tehnic – 1,2-1,0, situații când se asigură o umezeală optimă. În regiunea centrală indicii sunt respectiv de 3 000-3 300°C; 395-495 mm și 1,1-0,8, aceas-ta fiind mai bine asigurată cu căldură și umezeală [Constantinov 2010, 31-39].

Sursele acvatice. Nu în ultimul rând evocăm bazinele acvatice atât de importante pentru menținerea vieții și activității economice a oamenilor. Acestea sunt reprezentate de ape curgătoare (râuri), ape stătătoare (lacuri) și ape subterane. Majoritatea râurilor aparțin bazinului Mării Negre. Densitatea medie a rețelei hidrografice este de 0,57 km/km², fiind mai mare în partea de nord – 0,84 km/km². Cea mai mare apă curgătoare este fluviul Nistru, care traversează pe teritoriul Moldovei 660 km. Până la satul Ofatinți valea acestuia este adâncă, având forma unui canion cu lățimea de 0,4-3,0 km. Afluenții principali de dreapta ai Nistrului sunt Răutul, Bâcul și Ichelul. Râul Prut nu intră în intenția studiului nostru, deoarece aici nu au fost atestate situri traco-getice. Râul Răut curge pe o distanță de 286 km și are o rețea hidrografică bine dezvoltată, printre afluenții acestuia fiind Soloneț, Cula, Căinar, Cogâlnic. Văile râurilor mici au pe cursurile mijlocii și inferioare forma de trapez cu lățimi de 1-5 km. Majoritatea lacurilor sunt de luncă, formate în albiile vechi ale râurilor sau în locuri depresionare [Constantinov 2010, 40-46].

Vegetația. Poziția geografică și diversitatea realităților naturale a spațiului tracilor septentrionali au condiționat formarea unei vegetații bogate și totodată amestecate după componența sa. Teritoriul se află în două zone naturale geobotanice – de silvostepă și stepă. În cadrul acestora trec granițele a trei regiuni botanico-geografice: european cu frunza lată, mediteranean de pădure și euroasiatic de stepă. În prezent aici sunt cunoscute în jur de 1900 – 2014 specii de plante superioare [Constantinov 2010, 59], dintre care 14% relict și rare. Teritoriul este limita răspândirii unor așa reprezentanți ai lumii vegetale vest-europene și mediteraneene cum ar fi mesteacănul negru, stejarul pubescent, fagul silvatic, carpenul, vița de vie sălbatică etc. [Rymbu 1985, 31]. Cele mai numeroase sunt *magnoliofitele* (plantele cu flori) – 1830 de specii. Dintre cele mai numeroase familii ale acestora sunt: *Asteraceae*, *Poaceae*, *Rosaceae*, *Luminaceae* și *Cyperaceae*. 129 de specii sunt plante arborescente (3 tipuri de liane), 81 specii de arbuști și 45 de arbori [Constantinov 2010, 59]. Arealele speciilor de nord-est, nord și nord-vest includ specii holarctice, palearctice și europene, spre vest și sud-vest – cele mediteraneene, balcanice și panonice și spre est – pontice, sarmatice și euroasiatice de sud. Ecosistemele respective includ

peste 850 de specii forestiere și circa 650 specii de luncă. După structura landșafturilor fiecare zonă (nord, centru sud) are vegetația sa caracteristică. În partea de nord este dezvoltată vegetația silvică (stejar, cireș – 90%) și cea de stepă, în care predomină mezofitele – ierburile de pădure. În văile râurilor, pe versanții calcaroși este prezentă vegetația petrofită, de-a lungul albiei râurilor – cea de luncă, toate formând microraioul Saharna. Regiunea centrală, având suprafețe ridicate cu multe dealuri și pante cu diverse expoziții, a condiționat diversitatea comunităților de gorun, fag, stejar etc. La sud este vegetația de stepă cu specii halofite. Ecosistemele agricole de asemenea sunt destul de variate. Predomină fitocenozele cerealiere (grâu, orz, secară), pomicole (măr, prun, cireș, vișin, cais, nuc etc.), viticole, legumicole (roșii, ceapă, castraveți etc.), culturi tehnice (în, cânepă etc.) și furajere [Constantinov 2010, 69].

Vegetația regiunii contribuie la menținerea echilibrului în natură, reglează regimul hidrologic al bazinelor acvatice, servește ca sursă de hrană pentru animale și om, sursă de lemn, bază medicamentară naturală, precum și servește ca fond pentru obținerea noilor specii și soiuri de cultură. Reconstituirea condițiilor de activitatea gospodărească a oamenilor în perioada antică este în legătură cu determinarea componenței învelișului vegetal al perioadei respective, ultimul direcționând activitățile umane. Respectiv și activitatea gospodărească a omului influența flora regiunii.

Lumea animală. Diversitatea lumii animale a regiunii este determinată de însăși poziția acesteia la interferența a trei zone biogeografice – pădurile de foioase central-europene, silvostepa mediteraneană și stepa est-europeană, care formează o fâșie de tranziție între elementele faunei de silvostepă europeană și cele ale stepei asiatice continentale. Deseori speciile ecosistemelor se suprapun. Acestea sunt influențate pe parcurs de factorii naturali și antropici. După originea zoogeografică fauna este alcătuită preponderent din elemente europene. Pentru pădurile de foioase sunt caracteristice pisica sălbatică, jderul de pădure, dihorul de pădure, nevăstuica, mistrețul, bursucul, cerbul comun, căpriorul etc. În trecut pădurile erau populate de bour, zimbru, urs, mistreț, lup, vulpi etc. În stepă se întâlnea tarpanul, antilopa-saiga, iepurele de câmp, ultimul fiind prezent în toate zonele. Dintre păsări enumerăm dropia, fazanul,

potârnichea, culicii etc. Majoritatea acestora au constituit în toate timpurile obiectul vânatului, care era o sursă auxiliară de completare a rezervelor de hrană umană. La tracii septentrionali era pe larg practică creșterea animalelor domestice. Pe primul plan erau vitele mari cornute și ovicaprinele. Acestea asigurau populația cu carne, dar și cu produse lactate – lapte, brânză, urdă. Pentru confecționarea unor haine și a încălțămintei se utilizau pieile de animale domestice și sălbatice. Într-o măsură oarecare se foloseau la confecționarea unor dispozitive de apărare în luptă – scuturi, cnemide, coifuri etc. În gospodărie se mai creșteau porci și păsări de casă. Lâna se utiliza la țesutul pânzei pentru haine. Izvoarele antice păstrează mărturie despre creșterea cailor.

Peisajele geografice. Situat în partea de sud-est a continentului european, în zona de interferență a diferitor provincii morfotectonice și bioclimatice, teritoriul în discuție dispune de câteva categorii de landșafturi/peisaje geografice: podișuri puternic fragmentate cu vegetație de pădure, podișuri moderat fragmentate și câmpii de silvostepă, câmpii și dealuri moderat și puternic fragmentate cu vegetație de stepă. Diferențierea aceasta a fost determinată de caracteristicile morfometrice ale reliefului, specificul și intensitatea proceselor de modelare a substratului, care la rândul său determină modul de repartitie spațială a elementelor biopedoclimatice – temperatură, umiditate, vegetație și soluri. Se evidențiază două categorii zonale de peisaje geografice: de silvostepă și de stepă [Constantinov 2010, 89-93].

Pentru epocă, deși cu o mare doză de probabilitate, este posibil de abordat și problemele de

ecologie. Unul dintre argumente în această privință îl prezintă prezența gropilor menajere din cadrul structurilor de habitat.

Componentele antropice ale peisajului cultural arheologic sunt reprezentate de totalitatea vestigiilor descoperite în siturile cercetate prin săpătură (așezări, locuințe, structuri auxiliare și gospodărești, categoriile de piese descoperite etc.). Important este de a urmări constituirea și evoluția ultimelor într-un cadru natural concret, implicat, inter-influența acestora.

Un aspect important al problemei îl constituie peisajul cultural-arheologic antropocentric din regiune, reflectat prin prezența în zonă a sciților, începând cu mijlocul – sfârșitul sec. VII a.Chr. Este unanim acceptat caracterul intrusiv al acestora în regiune, dar care oricum contactează cumva cu populația locală pe întreaga perioadă de existență a culturilor, care practic apar și dispar concomitent aici. Este dificil de stabilit exact caracterul relațiilor dintre ei. Probabil, erau diferite: când violente, când pașnice. Este cert un lucru, acestea sunt relațiile dintre două sisteme social-economice diferite – nomad (păștoresc) și sedentar (de agricultori). Cu toate că primele elemente scitice apar în silvostepa regiunii, ulterior aceștia se stabilesc în nișe ecologice diferite: traco-geții în silvostepă (unde și erau până atunci), iar sciții în stepă. Prezentând sisteme economice diferite, este de presupus că aceștia se completau, generând diverse relații de schimb. Spusele sunt valabile și pentru grecii coloniști, care toți împreună reprezintă una dintre fațetele peisajului cultural arheologic antropocentric din zonă.

Bibliografie

- Andreescu, Bailey 1999:** R. Andreescu, D. Bailey, Observații preliminare privind locuirea neo-eneolitică pe valea Teleormanului. In: *Civilizația Boian pe teritoriul României* (Călărași 1999), 11-113.
- Arnăuț 2003:** T. Arnăuț, Vestigii ale sec. VII-III a.Chr. în spațiul de la răsărit de Carpați (Chișinău 2003).
- Arnăuț 2014:** T. Arnăuț, Spații sacre și practici funerare din mileniul I a.Chr. în arealul carpato-balcanic (Chișinău 2014).
- Bazarciuc 1983:** V. Bazarciuc, Cetatea geto-dacică de la Bunești (jud. Vaslui). *SCIVA* 34, 3, 1983, 249-273.
- Căpitanu 1984:** V. Căpitanu, Fibulele de tip Latène descoperite în așezarea de tip „dava” de la Răcătău, com. Horgești, jud. Bacău. *Carpica* XII, 1984, 61-83.
- Chapman 1989:** J.C. Chapman, Early Balkan village. In: *Varia Archaeologica Hungarica* (Budapesta 1989), 33-54.
- Conovici 1986:** N. Conovici, Repere cronologice pentru datarea unor așezări geto-dacice. *CCDJ* II, 1986, 129-142.
- Constantinov 2010:** A. Constantinov, Natura. In: *Republica Moldova. Ediție enciclopedică* (Chișinău 2010), 8-107.
- Banaru 2009:** V. Banaru, Cu privire la modalitățile necomerciale de difuzare a produselor grecești în nordul și

- nord-vestul Pontului Euxin. In: *Studia archaeologiae et historiae antiquae* (Chişinău 2009), 191-196.
- Belotcaci 2004:** A. Belotcaci, Spaţiul sacru şi obiectele cu semnificaţie magică de la aşezarea getică Hansca „Toloacă”. In: *Thracians and Circumpontic World. Proceedings of the Ninth International Congress of Thracology*, Chişinău-Vadul lui Vodă, 6-11 septembrie 2004, II (Chişinău 2004), 323-327.
- Dzis-Raiko 1966:** G.A. Dzis-Raiko, *Arheologicheskie issledovaniia gorodoshcha u sela Nadlimanskoe*. MASP, vypusk 5 (Odessa 1966), 163-175 // Г.А. Дзис-Райко, *Археологические исследования городища у села Надлиманское*. МАСП, выпуск 5 (Одесса 1966), 163-175.
- Dzis-Raiko, Okhotnikov, Redina:** G.A. Dzis-Raiko, S.B. Okhotnikov, E.F. Redina, *Gorodishche Nadlimanskoe IV-III vv. do n.e. v Nijnem Podnestrov'e* (Odessa 2012). // Г.А. Дзис-Райко, С.Б. Охотников, Е.Ф. Редина, *Городище Надлиманское IV-III вв. до н.э. в Нижнем Поднестровье*. (Одесса 2012).
- Doxiadis 1968:** C.A. Doxiadis, *Ekistics. An introduction to the sciens of human settlements* (London 1968).
- Gorodenko 1988:** A.A. Gorodenko, *Prostranstvennyi analiz tipov rasseleniia*. TDK „Teoreticheskie problemy sovremennoi arkheologii” (Kishinev 1988), 60-62 // А. Городенко, *Пространственный анализ типов расселения*. ТДК «Теоретические проблемы современной археологии» (Кишинев 1988), 60-62.
- Haheu 1998:** V. Haheu, *Cercetări arheologice la cetatea traco-getică Alcedar-La Cordon din raionul Şoldăneşti*. RA 2, 1998, 111-135.
- Haheu 2008:** V. Haheu, *Sisteme de fortificaţii traco-getice de la est de Carpaţi* (Chişinău 2008).
- Jones 1960:** E. Jones, *A social geography of Belfast* (Oxford 1960).
- Kishliaruk 2004:** V. Kishliaruk, *Prirodnaia sreda kak faktor razvitiia zemledeliia i skotovodstva v Nizhnem Podnestrov'e vo vtoroi polovine I tys. do n.e.* In: *Thracians and Circumpontic World. Proceedings of the Ninth International Congress of Thracology*, Chişinău-Vadul lui Vodă, 6-11 septembrie 2004, II (Chişinău 2004), 217-240 // В. Кишлярук, *Природная среда как фактор развития земледелия и скотоводства в Нижнем Поднестровье во второй половине I тыс. до н.э.* В сб.: *Thracians and Circumpontic World. Proceedings of the Ninth International Congress of Thracology*, Chişinău-Vadul lui Vodă, 6-11 septembrie 2004, II (Chişinău 2004), 217-240.
- Levinskii 2010:** A.N. Levinskii, *Istoriia getov v lesostepi Iugo-Vostocinoi Evropy (conets VI – vtoraiia polovina IV vv. do n.e.)*. Stratum plus 3, 2010, 14-127 // А.Н. Левинский, *История гетов в лесостепи Юго-Восточной Европы (конец VI – вторая половина IV вв. до н.э.)*. Stratum plus 3, 2010, 14-127.
- Levinskii 2011:** A.N. Levinskii, *Novaia kategoriia getskikh drevnostei v moldavskoi lesostepi*. In: Stratum plus 3, 2011, 237-244 // А.Н. Левинский, *Новая категория гетских древностей в молдавской лесостепи*. In: Stratum plus 3, 2012, 237-244.
- Leviţki 1994:** O. Leviţki, *Culturi din epoca Hallstattului Timpuriu şi Mijlociu*. Thraco-Dacica XV, 1-2, 1994, 159-214.
- Low, Lawrence-Zùñiga 2003:** S.M. Low, D. Lawrence-Zùñiga, *The anthropology of space and place: locating culture* (Malden 2003).
- Marga 2013:** A. Marga, *Noul concept al spaţiului*. Geographia Napocensis VII, 1, 2013, 5-8.
- Masson 1974:** V.M. Masson, *Voprosy sotsiologicheskoi interpretatsii drevnikh zhilishch i poselenii*. In: *Rekonstruktsiia drevnikh obshchestvennykh otnoshenii po arkheologicheskim materialam zhilishch i poselenii* (Leningrad 1974), 5-8 // В.М. Массон, *Вопросы социологической интерпретации древних жилищ и поселений*. В сб.: *Реконструкция древних общественных отношений по археологическим материалам жилищ и поселений* (Ленинград 1974), 5-8.
- Mihăilescu 1968:** V. Mihăilescu, *Geografie teoretică. Principii fundamentale. Orientare generală în ştiinţele geografice* (Bucureşti 1968).
- Munteanu 2015:** O. Munteanu, *Landscape and Getic populations in the upper course of the Botna river*. In: *Fortified sites from the 1st millennium BC in central and south-eastern Europe. Material of the Moldovan-Romanian-German Colloquium*. Saharna, July 24th – 26th 2014 (Chişinău 2015), 63-80.
- Nikulitse 1977:** I.T. Nikulitse, *Gety IV-III vv. do n.e. v Dnestrovsko-Karpatskikh zemliakh* (Kishinev 1977) // И.Т. Никулицэ, *Геты IV-III вв. до н.э. в Днестровско-Карпатских землях* (Кишинев 1977).
- Nikulitse 1985:** I.T. Nikulitse, *Izuchenie severofrakiiskikh poselenii v Khanskom mikroraione*. In: AIM v 1981 g. (Kishinev 1985), 95-117 // И.Т. Никулицэ, *Изучение северофракийских поселений в Ханском микрорайоне*, АИМ в 1981 г. (Кишинев 1985), 95-117.
- Nikulitse 1987:** I.T. Nikulitse, *Severnye frakiitsy VI-I vv. do n.e.* (Kishinev 1987) // И.Т. Никулицэ, *Северные фракийцы в VI-I вв. до н.э.* (Кишинев 1987).
- Niculită, Teodor, Zanoci 2002:** I. Niculită, S. Teodor, A. Zanoci, *Butuceni. Monografie arheologică* (Bucureşti 2002).

- Niculică, Zancoci, Arnăuț 2008:** I. Niculică, A. Zancoci, T. Arnăuț, Habitatul din mileniul I a.Chr. în regiunea Nistrului Mijlociu (siturile din zona Saharna) (Chișinău 2008).
- Niculică, Zancoci, Băț 2015:** I. Niculică, A. Zancoci, M. Băț, Thraco-Getic fortifications in Middle Dniester regions. Sites from Saharna micro-zone. In: Fortified sites from the 1st millennium BC in central and south-eastern Europe. Material of the Moldovan-Romanian-German Colloquium. Saharna, July 24th – 26th 2014 (Chișinău 2015), 21-47.
- Onica 2016:** D. Onica, Taxonomia peisajelor culturale rurale. In: Conferința internațională a doctoranzilor „Tendințe contemporane ale dezvoltării științei: viziuni ale tinerilor cercetători”, ediția a V-a (Chișinău 2016), 155-158.
- Onica 2016a:** D. Onica, Peisajul cultural rural dintre Prut și Nistru (sfârșitul secolului al XIX-lea – începutul secolului al XX-lea), Autoref. Tezei de doctor în istorie (Chișinău 2016).
- Peterson 1977:** N. Peterson, Teritorial adaptations among desert hunter-gatherers. The king and Australians compared, In: American Anthropologist (1977), 53-68.
- Rymbu 1982:** N.L. Rymbu, Prirodno-geograficheskoe raionirovanie Moldavskoi SSR (Kishinev 1982) // Н.Л. Рымбу, Природно-географическое районирование Молдавской ССР (Кишинев 1982).
- Rymbu 1985:** N.L. Rymbu, Prirodnye usloviia i resursy Moldavskoi SSR (Kishinev 1985) // Н.Л. Рымбу, Природные условия и ресурсы Молдавской ССР (Кишинев 1985).
- Sal'nikov 1966:** A. Sal'nikov, Itogi polevykh issledovaniy u s. Pivdennoe (1960-1962). MASP, vyp. 5 (Kiev 1966), 176-225 // А. Сальников, Итоги полевых исследований у с. Пивденное (1960-1962). МАСП, вып. 5 (Одесса 1966), 176-225.
- Sava et al. 1995:** E. Sava, I. Manzura, M. Tcaciuc, S. Kurciatov, V. Bubulici, R. Rabinovici, V. Guchin, R. Alaiba, M. Bădău-Wittenberger, Investigațiile istorico-arheologice efectuate în microzona istorico-naturală Rudi-Tătărauca Nouă-Arionești (raionul Dondușeni, Republica Moldova). CAANT I (București 1995), 281-357.
- Simion 1997:** G. Simion, La site de Celic-Dere. Interprétations ethno-culturelles et implications dans la chronologie du hallstatt final. In: Prima epocă a fierului la gurile Dunării și în zonele circumpontice (Tulcea 1997), 231-252.
- Smirnov 2010:** A.S. Smirnov, O granitsakh arkheologicheskikh kul'tur (o edinstve i razlichiiakh v neolite basseinov Sozha, Desny i Oki). In: Chelovek i drevnosti: pamiati A.A. Formozova (1928-2009) (Moskva 2010), 253-262 // А.С. Смирнов, О границах археологических культур (о единстве и различиях в неолите бассейнов Сожа, Десны и Оки). В сб.: Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928-2009) (Москва 2010), 253-262.
- Teodor 1999:** S. Teodor, Regiunile est-carpătice ale României în secolele V-II î.Hr. Considerații generale și repertoriu arheologic (București 1999).
- Teodor 2004:** S. Teodor, Contribuții la cunoașterea spațiului de locuit în așezările geto-dacice, Thracians and Circumpontic World. Proceedings of the Ninth International Congress of Thracology, Chișinău-Vadul lui Vodă, 6-11 septembrie 2004, II (Chișinău 2004), 366-372.
- Turcu 1972:** M. Turcu, Geto-dacii din Câmpia Munteniei (București 1972).
- Ursache 1995:** V. Ursache, Zargidava. Cetatea dacică de la Brad (București 1995).
- Ursache, Mihălescu-Bârliba 1992:** V. Ursache, V. Mihălescu-Bârliba, Descoperirile monetare din așezarea de la Brad. AM XV, 1992, 97-105.
- Vitov 1974:** M. Vitov, Geografia sel'skogo rasseleniia Zapadnogo Pomor'ia v XVII-XVIII vv. (Moskva 1974) // М. Витов, География сельского расселения Западного Поморья в XVII-XVIII вв. (Москва 1974).
- Zancoci, Niculică, Băț 2015:** A. Zancoci, I. Niculică, M. Băț, Fortifications and open settlements of the 1st millennium BC in the micro-zone of Horodiște-Țipova. In: Fortified sites from the 1st millennium BC in central and south-eastern Europe. Material of the Moldovan-Romanian-German Colloquium. Saharna, July 24th – 26th 2014 (Chișinău 2015), 81-100.

Vasile Haheu, cercetător științific, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt, 1. MD 2001, Chișinău, Republica Moldova, e-mail: vasile.haheu@gmail.com

Cosorul în viticultura Moldovei: origini, evoluție, tradiții

Keywords: viticulture, bill-hook, cutting and cleaning vine.

Cuvinte cheie: viticultură, cosor de vie și de luptă, tăierea și curățirea viei.

Ключевые слова: виноградарство, виноградный и боевой нож, обрезка и чистка винограда.

Vasile Haheu Dumitru Bratco

The bill-hook in Moldovan viticulture: origins, evolution, traditions

The work for growing, caring and maintaining vine needed a set of tools more or less specialized, the bill-hook being one of the most stand out. In time, it has become a trademark of the industry. In essence, this object is a knife with a wide blade, straight at its base and arched towards the end. It was used for cutting and cleaning vine as well as cutting grapes. For both historical eras the bill-hook was uniformed, the one characteristic that was specific being the curved blade. The variations of this kind of tool are determined by its dimensions, some of them being 10 cm and others ranging all the way up to 50 cm. Those that are bigger have a wider blade, especially in its back. They are more typical for the ancient period in western Romania and are interpreted as fighting weapons. Currently several attempts have been made to classify these objects from an archaeological point of view (the way the handle is fixed) and ethnological (the presence or lack of axe on the back of the tool). Some researchers interpret them as variations of a scythe, although it might be an unsuitable analogy. More attractive is the idea that they have evolved from arched knives. They have existed since ancient times with the thraceans, the earliest times being examples from Cotu Morii, some being discovered in Poiana, Husi, Lozna, Odobesti, Grsdistea Muncelului. Very similar objects have been seen in settlements from V-X centuries and ultimately in Trebujeni, Hansca, Costești, Belcești, Vrancea, Jariștea, Baia, Fedești, Gugești, Buzău, Dumești, Dodești etc. Some researchers mention the presence of the bill-hook in the region as an indication of the continuity of population in the region.

Vasile Haheu, Dumitru Bratco

Cosorul în viticultura Moldovei: origini, evoluție, tradiții

Lucrările pentru cultivarea, îngrijirea și întreținerea viței de vie necesitau un șir de unelte mai mult sau mai puțin specializate, dintre care se evidențiază cosorul, devenit pe parcursul vremii o unealtă cu adevărat emblematică a domeniului. Prin esență, acest obiect prezintă un cuțit cu lama lată, la bază dreaptă, încovoiată/curbată puternic spre vârf. Se utiliza la tăierea, retezarea, curățitul viței de vie, precum și la tăiatul strugurilor. Pentru ambele epoci istorice cosorul apare morfologic uniformizat, trăsătura specifică care le unește fiind anume forma încovoiată/curbată a lamei. Variațiile în cadrul acestui tip de piese sunt determinate de dimensiunile lor – de la 10 până la peste 50 cm. Cele mari au lama mai îngroșată mai ales în zona spinării, sunt caracteristice mai mult perioadei antice din vestul României și le interpretăm ca arme de luptă. În prezent au fost făcute și câteva încercări de clasificare tipologică a acestor obiecte în aspect arheologic (modul de fixare a mânerului) și etnologic (prezența sau lipsa toporiștii pe spatele piesei). Unii cercetători le interpretează ca derivate din seceri, deși credem că este o abordare nereușită. Mai atractivă ar fi evoluția acestora din cuțitașele curbe. Cosoarele sunt atestate începând cu epoca antică la tracii septentrionali, cele mai timpurii fiind exemplarele de la Cotu Morii, mai descoperindu-se la Poiana, Huși, Lozna, Odobesti, Grădiștea Muncelului. Piese absolut similare au fost atestate în mai multe așezări din secolele V-X și ulterior: la Trebujeni, Hansca, Costești, Belcești, Vrancea, Jariștea, Baia, Fedești, Gugești, Buzău, Dumești, Dodești etc. Unii cercetători invocă în general prezența de-a lungul secolelor a viței de vie (implicit a cosorului) drept argument al continuității populației în regiune.

Василе Хахей, Думитру Братко

Виноградный нож в виноградарстве Молдовы: истоки, эволюция, традиции

Работы, связанные с культивацией винограда требовали применения ряда более специализированных инструментов, среди которых выделяется виноградный нож, ставший со временем символом отрасли. Данное изделие по сути представляет собой нож с широким лезвием, сильно согнутым к заостренному концу. Использовался для обрезки и чистки винограда и для резки гроздей. Для обеих исторических эпох он морфологически унифицирован, и объединяет их единая характерная черта – форма лезвия. Внутри типа имеются варианты в зависимости от размеров – от 10 до 50 см. Крупные экземпляры, скорее всего, боевые. Имеются попытки типологической классификации этих предметов: археологической (способ фиксации рукояти) и этнологической (наличие или отсутствие топорика на спинке лезвия). Некоторые исследователи считают, что они тоже представляют собой дериваты серпов, что маловероятно. Скорее всего, они эволюционировали из кривых ножигов, хотя не исключается их греческое происхождение. Виноградные ножи появляются в античное время у северных фракийцев, самые ранние экземпляры найдены в Коту

Морий, Пояна, Хушь, Лозна, Одобешть, Грэдиштя Мунчелулуй. Абсолютно идентичные экземпляры (с небольшими дополнительными деталями) обнаружены на многих поселениях V-X веков и позже: в Требужень, Ханска, Костешть, Белчешть, Вранчя, Жариштя, Бая, Федешть, Гужешть, Бузэу, Думешть, Додешть и др. Некоторые исследователи предполагают, что занятие виноградарством на протяжении многих веков и присутствие одинаковых виноградных ножей – это аргумент континуитета населения в регионе.

Dintre ocupațiile de bază ale populațiilor locale antice și medievale evidențiem, în primul rând, agricultura cu diversele sale ramuri, în cazul de față viticultura. Au fost expuse mai multe opinii asupra caracterului originilor viței de vie în regiune: eterogen sau local, cu extinderea ulterioară a procesului. Există deja și o bibliografie impunătoare asupra problemelor vitiviniculturii regiunii [Teodorescu 1964; Teodorescu, Teodorescu, Mihaica 1966; Comșa 1982 57-79; Teodor 1985-1986, 131-148; Peliakh 1970; Pușcă 1991, 69-80; Haheu, Bratco 2012, 284-290; Haheu, Bratco 2013, 218-227; Haheu, Bratco 2014, 237-246]. Într-un studiu amplu despre ocupațiile geto-dacilor în baza izvoarelor scrise C. Belcin acordă o mare atenție viței de vie și vinului în perioada antică (Platon, Claudius Aelianus, Pausanias, Strabon, Pomponius Mela, Ovidiu etc.) [Belcin 1968, 66-68].

Între timp au apărut și câteva studii de sinteză având în calitate de subiect cosorul ca tip de unealtă, în contextul inventarului vitivinicol în general, dintre care invocăm, în primul rând, ampla prezentare a M. Comșa din 1982, în care se analizează uneltele pentru prelucrarea viței de vie la geto-daci [Comșa 1982, 57-79]. Studii pentru epoca daco-romană au fost redactate de către C. Borangic [Borangic 2010, 10-21], precum și S. Reger și O. Tutilă, pentru ultimul propunându-se și o tipologie a cosoarelor în baza principiului de prindere de mâner – cu tijă și cu tub pentru înmănușat (bucșă) [Reger, Tutilă 2010, 27-43]. C. Borangic, de asemenea menționează o „tipologie morfologică în cadrul căreia, deși există unele variațiuni, forma este una destul de unitară”, invocându-se morfologia și dimensiunile lamei acestora. În studiul redactat de către Al. Mironescu și P. Petrescu de asemenea se conține o încercare de clasificare a cosoarelor (în baza materialului etnografic), aceasta fiind bazată pe prezența sau absența „securii”/toporiștii pe spatele piesei. Tot aici sunt invocate exemplarele cu ornament pe lamă sau mâner [Mironescu, Petrescu 1966, 66-67] (fig. 3,17,20). Un interes aparte îl prezintă abordarea realizată de către D. Teodor privind analiza comparativă a

uneltelor respective din epoca geto-dacică și medievală, în care se demonstrează continuitatea tipologică/morfologică și implicit a funcționalității pieselor în discuție [Teodor 1985-1986, 131-148]. Expuse în diferite perioade de timp (unele nu demult), credem că toate aceste scheme tipologice sunt insuficiente și incomplete, deși de fapt criteriile de evidențiere ale acestora sunt la vedere. G. Bilavski a propus de curând propria ordonare tipologică a cosoarelor medievale din Moldova, dar care de fapt a fost inspirată din sistemele de clasificare vest-europene [Bilavski 2016, 178-179, notele 937-943], piesele de aici fiind suprapuse acestora, mai mult mecanic decât în baza trăsăturilor caracteristice. Autorul are dreptate când susține că piesele „nu au suferit modificări majore din evul mediu și până în epoca modernă...suferind ușoare modificări în favoarea calității, dimensiunilor și robusteții” [Bilavski 2016, 178]. Deosebirea de bază ale tipurilor cercetătorul le vede corect în dimensiuni (până la și mai mult de 20 cm), restul detaliilor fiind nesemnificative [Bilavski 2016, 179-181]. Este dificil în prezent a determina cu precizie dacă exemplarele „lungi, cu lamele bine diferențiate, prevăzute cu dinte, coadă și peduncul de fixare” pătrund în Moldova prin schimb comercial din Transilvania sau Europa Centrală, autorul având dreptate în privința necesității efectuării analizelor metalografice [Bilavski 2016, 182]. De fapt, aceste piese (fig. 3,17-21) prezintă un tip aparte absolut distinct de celelalte, făcând parte din cadrul celora „cu toporișcă” (tăișul cărora este drept sau segmentat), deosebindu-se categoric de restul descoperirilor contemporane, și poate că autorul are dreptate. Lamele sunt drepte, la două exemplare scurte, în două cazuri mai lungi, vârfurile puternic încovoiate. Două dintre ele sunt ornamentate – una cu „solzi” de la toporișcă în jos spre mâner (fig. 3,20), alta având unghiuri pe mâner (fig. 3,17). După cum reiese din aspectul morfologic, se pare că acest tip de cosoare erau polifuncționale, toporișca și lama servind la tăiere, inclusiv prin lovire, iar partea inferioară, delimitată de un prag, servea, posibil, la afânarea solului

din jurul butucului, dacă nu se îmbrăca în plăsele. Afilindu-ne opiniei lui D. Teodor [Teodor 1985-1986, 131-148], susținem că schimbări în morfologia pieselor practic nu au prea fost din perioada traco-getică până la apariția pieselor realizate în serie la uzine de la mijlocul sec. XX (N.I. Vinokur, *după*: Bruiako, Sekerskaia 2016, 110-111). Referitor la ultimul citat credem necesară o precizare. Ceea ce este ilustrat la acești autori la fig. 29,5, p. 105 și pe care autorii îl interpretează ca „târâncop-săpăligă”, iar N.I. Vinokur îl desemnează îndubitabil în calitate de cuțit pentru vița de vie este, de fapt un otic pentru curățatul fierului de plug. În ce ne privește, având în vedere că ceea ce unește acest tip de piese (cosoarele – *n.n.*) este forma lamei, în general lată, oarecum dreaptă și puternic încovoiată/curbată în interior către vârful ascuțit, credem că un prim criteriu de divizare a acestora ar fi cel dimensional, în baza căruia se poate face o primă delimitare principală a artefactelor: unelte de muncă sau arme de luptă. Fără a intra în detalii și discuții, nu credem că piesele masive cu lungimea de peste 30-40 cm, cu lama mai îngroșată, sunt unelte de muncă – acestea fiind cosoare de luptă [Borangic 2010, 12-15], similare celor reprezentate pe Columna lui Traian [Vulpe 1988, 133, pl. LXVI]. Cu certitudine sunt arme de luptă și piesele invocate în calitate de cosoare de către V. Pârvan [Pârvan 1982, 283, fig. 337]. Că orice armă poate fi utilizată în calitate de unealtă de muncă și invers este o axiomă. Este arhicunoscut faptul că la originea majorității armelor din preistorie, antichitate și evul mediu au fost unelte de muncă și armele de vânătoare. O privire doar fugară asupra ilustrațiilor invocate de către autor ne întărește convingerea că morfologic și funcțional avem reprezentate două tipuri deosebite de piese: certe cosoare de luptă [Borangic 2010, fig. 9, 12-15, 17] și exemplare în calitate de unelte viticole [Borangic 2010, fig. 3-8, 10-11, 16, 18-19]. Credem că și exemplarul descoperit de către V. Bauman în anul 1991 în situl antic (sec. I-IV p.Chr.) Telița-Valea Morilor este o armă [Bauman 1995, 309; Pl. LXXIV; 2] (fig. 2,2). Repetăm, una dintre caracteristicile de bază în atribuirea acestora sunt dimensiunile și grosimea lamei. Acest criteriu ar forma categoriile de bază ale pieselor: arme sau unelte. Și în cadrul unor asemenea tipuri sunt dimensiuni foarte diferite, dar în interiorul acestora criteriul nu mai este relevant. Urmează variațiile

de ordin morfologic (forma lamei și a mânerului) și stilistic (ornamentul pe lamă sau mâner). Este importantă și modalitatea de fixare pe mâner (tijă sau bucsă pentru înmănușat). Se mai pot evidenția câteva elemente mai singulare, dar suntem siguri, nici ele, nici cele invocate supra, nu sunt relevante.

Cosoarele din fier se utilizau pentru anumite ocupații viticole, mai ales legate de cultivarea, îngrijirea viței de vie (ordonarea și orientarea corzilor, eliminarea părților bătrâne sau uscate etc.) și tăierea strugurilor. Se mai foloseau la altoit. Sunt cunoscute observațiile autorilor antici Teofrast și Columella despre faptul că „nici una din lucrările aplicate viilor nu depășește în importanță tăierea” (*după*: Pușcă 1991, 69). Despre importanța tăierii la vița de vie ne vorbește și faptul că în Roma antică pentru ofrande era obligatoriu de a folosi doar vin provenit din struguri de viță de vie tăiați cu cosorul, iar în Grecia a fost introdusă sărbătoarea tăiatului viței de vie [Teodorescu, Teodorescu, Mihalca 1966, 277]. Pentru perioada antică (fig. 1,1-24) asemenea artefacte au fost descoperite în așezările getice datate în sec. IV-III a.Chr. de la Poiana și Huși-Corni [Teodor 1981, 186; fig. 31,2,4; Teodor 1999, fig. 18,3], iar pentru perioada sec. II a.Chr. sunt cunoscute la Lozna [Teodor 1999, fig. 18,8], Odobești, Mănăstioara, Căndești (Vrancea), Cărlionănești (Buzău) [Bobi 1999, 112]. Mult mai numeroase devin aceste descoperiri pentru epoca Laténe târzie și romană. Morfologic aceste piese sunt oarecum asemănătoare, comun pentru toate fiind lama curbată spre vârf și cu tăișul pe partea concavă, deosebirile fiind dimensionale, detaliile în gradul de curbura, precum și a compartimentului de fixare. S-au descoperit exemplare cu tijă în prelungirea lamei ce se fixa în mânerul de lemn sau os [Glodariu, Iaroslavschi 1979, 75; fig. 66,2,4,5,11,15,19,22; Turcu 1979, 93; Planșa IV,7-8]. Sunt cunoscute exemplare cu toc pentru mâner [Glodariu, Iaroslavschi 1979, 75, fig. 66,3; Turcu 1979, 93, pl. IV,1-2] (fig. 1,19-21). Dintre cele mai timpurii piese sunt cele de la Cotu Morii [Iconomu, Tanasachi 1992, 39; fig. 14,8] (fig. 1,9). Cosoarele descoperite la Huși-Corni (fig. 1,7,22) au lungimea lamei de circa 7-10 cm, lama curbă și vârful ușor întors. Unul dintre cosoarele de la Lozna a fost executat dintr-o bandă metalică, limba de mâner fiind plată, dreptunghiulară. Un alt cosor de la Lozna are limba de mâner mai lungă, măsurând o treime din lungimea totală a piesei, circulară în secțiune, executată dintr-o bară circulară. Ambele sunt datate în

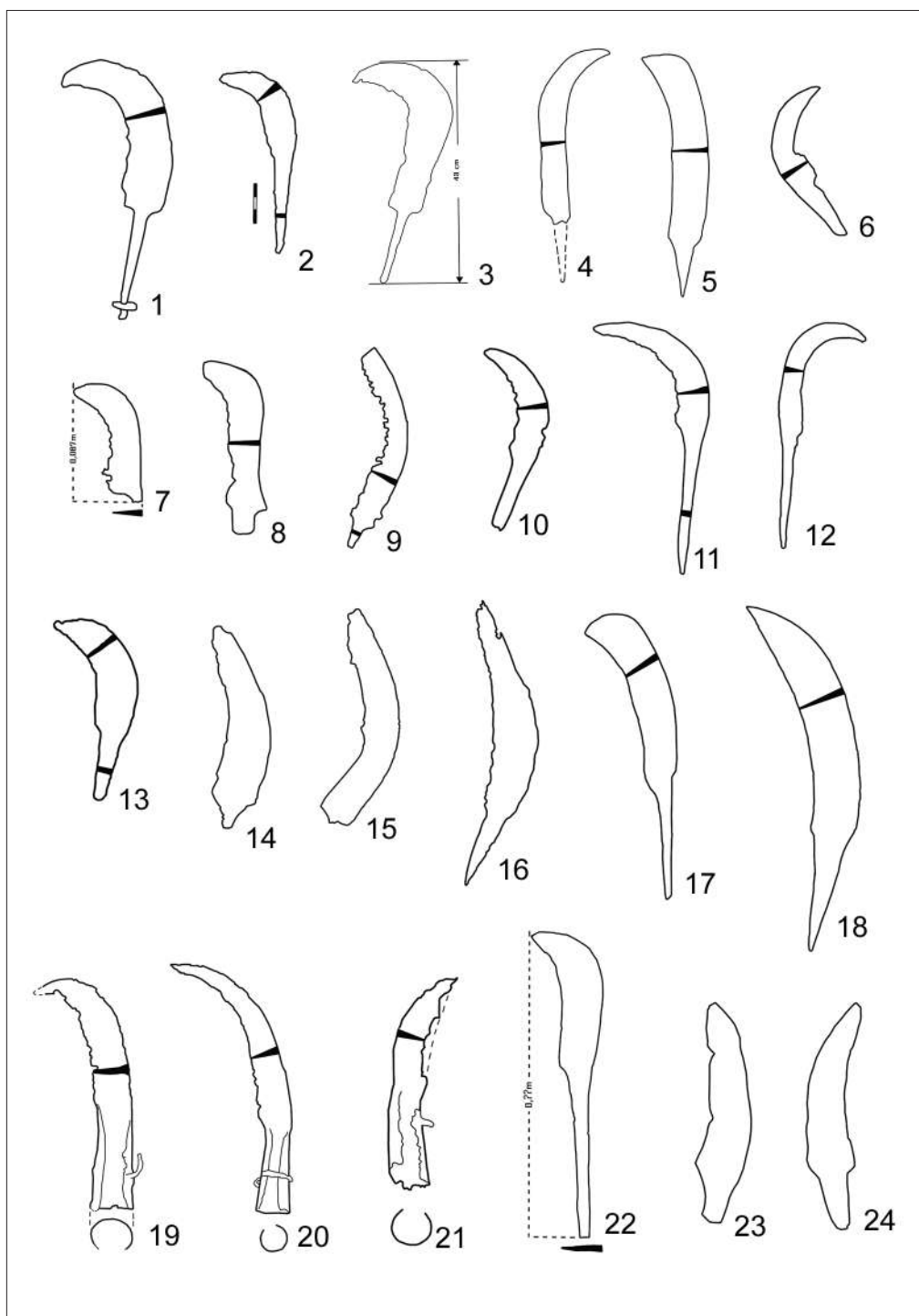

Fig. 1. Cosoare din perioada antică și antică târzie. 1. Grădiștea Muncelului (după Teodor 1985-1986); 2. Adâncata (după Irimia 1999); 3. Alba Iulia (după Teodor 1985-1986); 4-5,17-18. Odobești, Mănăstioara, Cândești, Cârliomănești (după Bobi 1999); 6,8,9,10. (după Glodariu, Iaroslavschi 1979); 7,22. Huși-Corni (după Teodor 1981); 11-12. (după Comșa 1982); 13,16. Cătănaș (după); 14,15. (după Ursachi 1995); 19-21. București-Cățelu Nou (după Comșa 1982); 23-24. Răcătău (după Căpitanu 1992).

Fig 1. Bill-hooks from ancient times. 1. Grădiștea Muncelului (after Teodor 1985-1986); 2. Adâncata (after Irimia 1999); 3. Alba Iulia (after Teodor 1985-1986); 4-5,17-18. Odobești, Mănăstioara, Cândești, Cârliomănești (after Bobi 1999); 6,8,9,10. (after Glodariu, Iaroslavschi 1979); 7,22. Huși-Corni (after Teodor 1981); 11-12. (after Comșa 1982); 13,16. Cătănaș (after); 14,15. Brad (after Ursachi 1995); 19-21. București-Cățelu Nou (after Comșa 1982); 23-24. Răcătău (after Căpitanu 1992).

sec. II – începutul sec. I a.Chr. [Teodor 1999, 62]. În așezările din sec. I a.Chr. – I p.Chr. de pe teritoriul Moldovei cosoarele sunt de dimensiuni mai mici [Teodor 1999, 62]. Referitor la dimensiunile și forma acestor piese M. Comșa evidențiază un tip hibrid de asemenea piese: cuțite-cosor [Comșa 1982, 73], indicând la posibila origine a cosoarelor din cuțitașele curbe de epocă din mediul *geto-iliric* (sublinierea noastră – V.H., D.B.). Cosoarele antice în general au lama mai rar cu profilul drept și doar vârful puternic curbat (fig. 1,4-5,7,17,22). La majoritatea descoperirilor profilul este curbat sau puternic curbat (fig. 1,1-3,9-21,23-24).

Cosoarele prezintă cea mai numeroasă și relevantă categorie de unelte pentru „îngrijirea” viței de vie și pe parcursul evului mediu în regiune (fig. 2,1-14; 3,1-21). Pentru etapa timpurie (sec. V-VII) exemplarele descoperite (Hansca) sunt încă slab profilate, pedunculul care se fixa într-un mâner de lemn sau os era egal cu lungimea lamei [Rafalovich 1973, 152, fig. 10,6]. Ulterior (sec. X-XIII) este utilizat un cosor de forme zvelte, bine profilat, curbura mai pronunțată, de dimensiuni mai mari (Hansca, Trebujeni-Scoc) [Postică 1999, 268-279; Postică 2007, 152]. Doar atragem atenția aici că piesa de la Trebujeni-Scoc, ca și cea de la Hansca, este inclusă greșit de către S. Musteață la categoria seceri [Musteață 2005, 57, fig. 23,5,6]. Unul dintre exemplarele de la Dodești-Vaslui are lama puternic curbată, mânerul lucrat aparte este fixat de lamă prin două nituri [Spinei 1979, fig. 1,3], iar altul este prins doar printr-unul (Teodor 1984, fig. 29,3). Exemplarul de la Jariștea-Vrancea prezintă un cosor cu toporișcă, lungimea totală a piesei fiind de 41 cm, cu mânerul mai lung decât lama. Capătul mânerului este ascuțit, fapt ce presupune încă o latură de utilizare a acestuia, probabil pentru afânarea solului din jurul butucului [Constantinescu 1991, fig. 3,1] (fig. 3,20). Un cosor la care capătul de fixare este mult mai mare decât lama a fost descoperit la Costești [Polevoi 1974, ris. 62,1] (fig. 2,6). Din aceeași zonă provine și o piesă de la Sârbi-Tifești [Constantinescu 1991, 112, nota 19]. Cosorul de la Coșna (sec. XII-XIII) a fost găsit într-un mormânt dublu [Spinei 1982, 205] (în catalogul realizat de G. Bilavski este specificat că s-a găsit într-un mic depozit: Bilavski 2016, 264 – *n.n.*). Își au originea directă în piesele similare din epoca traco-getică și daco-romană [Glodariu, Iaroslavski 1979; Teodor 1985-1986, 131-148]. Re-

feritor la cosoarele medievale din regiune, în linii mari acestea se împart în două variante distincte – cu toporișcă pe spinare și simple. Se pare că prezența toporiștii prezintă o inovație în comparație cu artefactele din epocile precedente. În cadrul ambelor variante se disting exemplare cu lama dreaptă și vârful puternic încovoiat (fig. 2,1,2,7,13; 3,17-21), precum și cu întreaga lama curbată sau puternic curbată (fig. 2,3-6,8-12,14). Două dintre piesele descoperite la Dodești sunt formate din două părți distincte – lamă și mâner, unite între ele cu unul (fig. 2,7) sau două (fig. 2,12) nituri. Nu credem aici că este vorba despre un procedeu tehnologic intenționat, mai degrabă fiind un rezultat al reparațiilor ulterioare. Exemplarul de la Iași pe locul vechii Curți domnești (interpretat de autori în calitate de „cuțit de grădinărie” – *n.n.*) are capătul pedunculului îndoit la 90° și se fixa pe mâner cu ajutorul unei sârme [Andronic, Neamțu 1964, fig. 4,1] (fig. 2,9).

Pentru ultimele trei secole ale mileniului trecut cosorul prezintă mai mult un artefact istorico-etnografic, în același timp, aceasta fiind perioada când cunoștințele noastre despre funcționalitatea piesei în discuție sunt dintre cele mai complete. S-a constatat că unealta nu era *mono*-funcțională, dar *poli*-funcțională. Retrospectiv, putem presupune că tot așa a fost și în epocile istorice precedente. Dintre operațiile de bază la care se utiliza cosorul invocăm curățatul sau tăiatul viței de vie – înlăturarea (parțială sau deplină) a lăstarilor anuali și a corzilor mai vechi în scopul reglării rodirii, precum și crearea dimensiunilor și formei tufelor – *conducerea corzilor*; asigurarea durabilității și a puterii de creștere. În cadrul acestor activități se ținea cont de două elemente esențiale – *ochi* (în jur de trei) și *cep*, ultimul asigurând rodul. Tăierea în uscat era completată cu anumite operațiuni în verde, realizate tot cu cosorul: scurtarea lăstarilor cu rod, plivitul, ciupitul, incizia inelară. Nu vom stăruia aici prea mult asupra procedurii, dar aceasta avea loc de două ori pe an – toamna (parțială) și primăvara (definitivă). Columella recomandă drept cea mai bună tăiere pe cea de primăvară, înainte de înmugurire (*după*: Teodorescu, Teodorescu, Mihalca 1966, 278). De cele mai dese ori acțiunea se făcea cu ajutorul unui cuțit special – cosor, care avea lama încovoiată, netedă. Au fost semnalate doar bibliografic (I. Krasil'shchik, K. Tarden), fără confirmări ulterioare de teren exemplare de lame cu ascuțișul zimțat [Tarden 1862, 87].

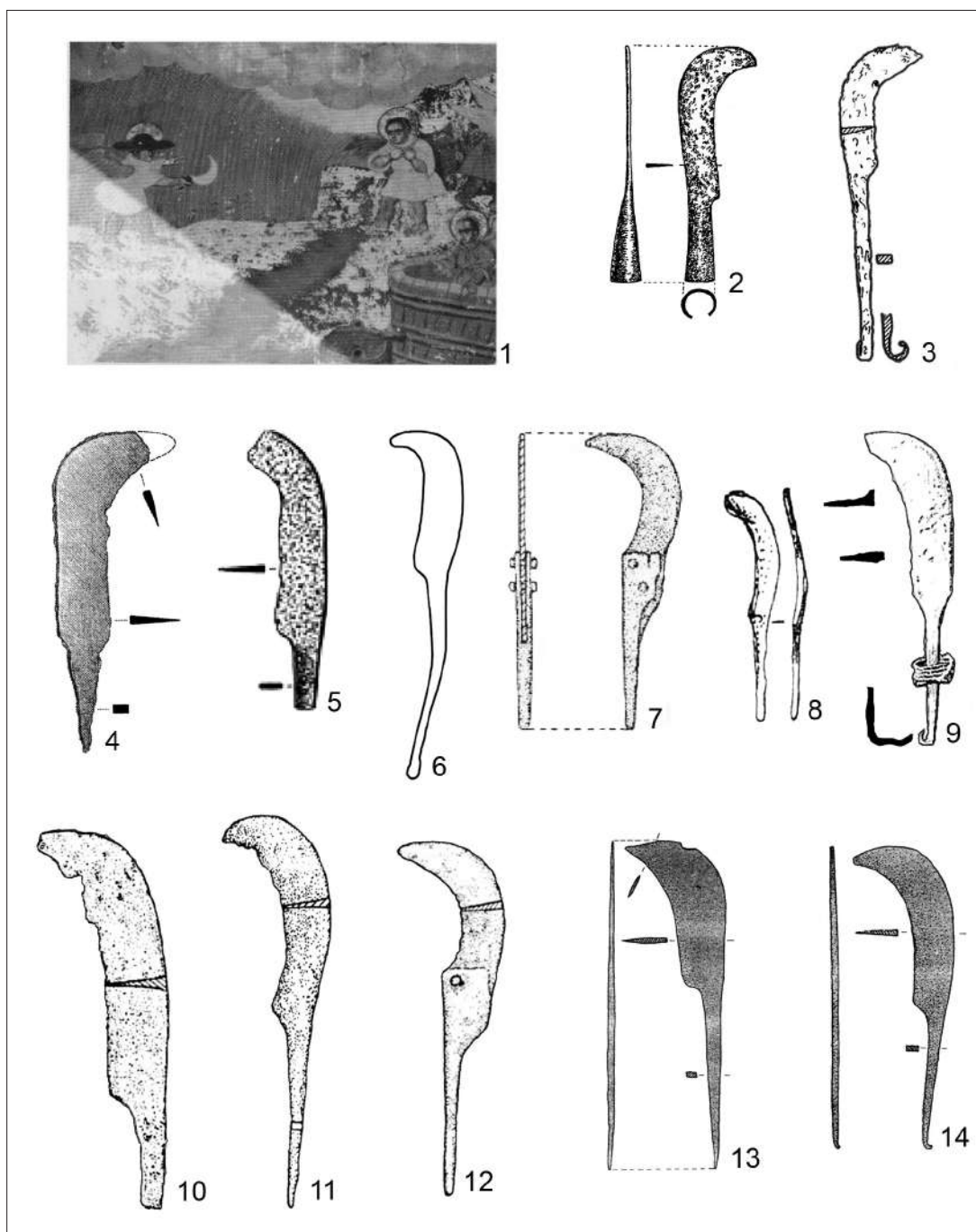

Fig. 2. Cosoare medievale. 1. Mănăstirea Sucevița, exonartextul sudic. Reprezentarea cosorului în tema „Apocalipsa Sf. Ioan”, scena „Tăierea capului Sf. Ioan Botezătorul” (după Bilavski 2016); 2. Telița-Valea Morilor (după Bauman 1995); 3. Lunca-Galați (după Ioniță 1979); 4. Cartal (după Bruiako, Sekerskaia 2016); 5. Hansc II (după Rafalovich 1973); 6. Costești (după Polevoi 1974); 7. Dodești (după Teodor 1978); Hansca (după Rafalovich 1973); Iași (după Andronic, Neamțu 1964); 10. Belcești (după Chirica, Tănăsache 1984); 11. Fedești (după Bilavski 2016); 12. Dodești (după Teodor 1984); 13-14. Mândrești (după Croitoru 2016).

Fig 2. Bill-hooks from medieval times. 1. Sucevita monastery, south view. Representation of the bill-hook in the theme “The apocalypse of St. John”, scene “Cutting of the head of John the Baptist” (after Bilavski 2016).); 2. Telița-Valea Morilor (after Bauman 1995); 3. Lunca-Galați (after Ioniță 1979); 4. Cartal (after Bruiako, Sekerskaia 2016); 5. Hansc II (after Rafalovich 1973); 6. Costești (after Polevoi 1974); 7. Dodești (after Teodor 1978); Hansca (after Rafalovich 1973); Iași (after Andronic, Neamțu 1964); 10. Belcești (after Chirica, Tănăsache 1984); 11. Fedești (after Bilavski 2016); 12. Dodești (after Teodor 1984); 13-14. Mândrești (after Croitoru 2016).

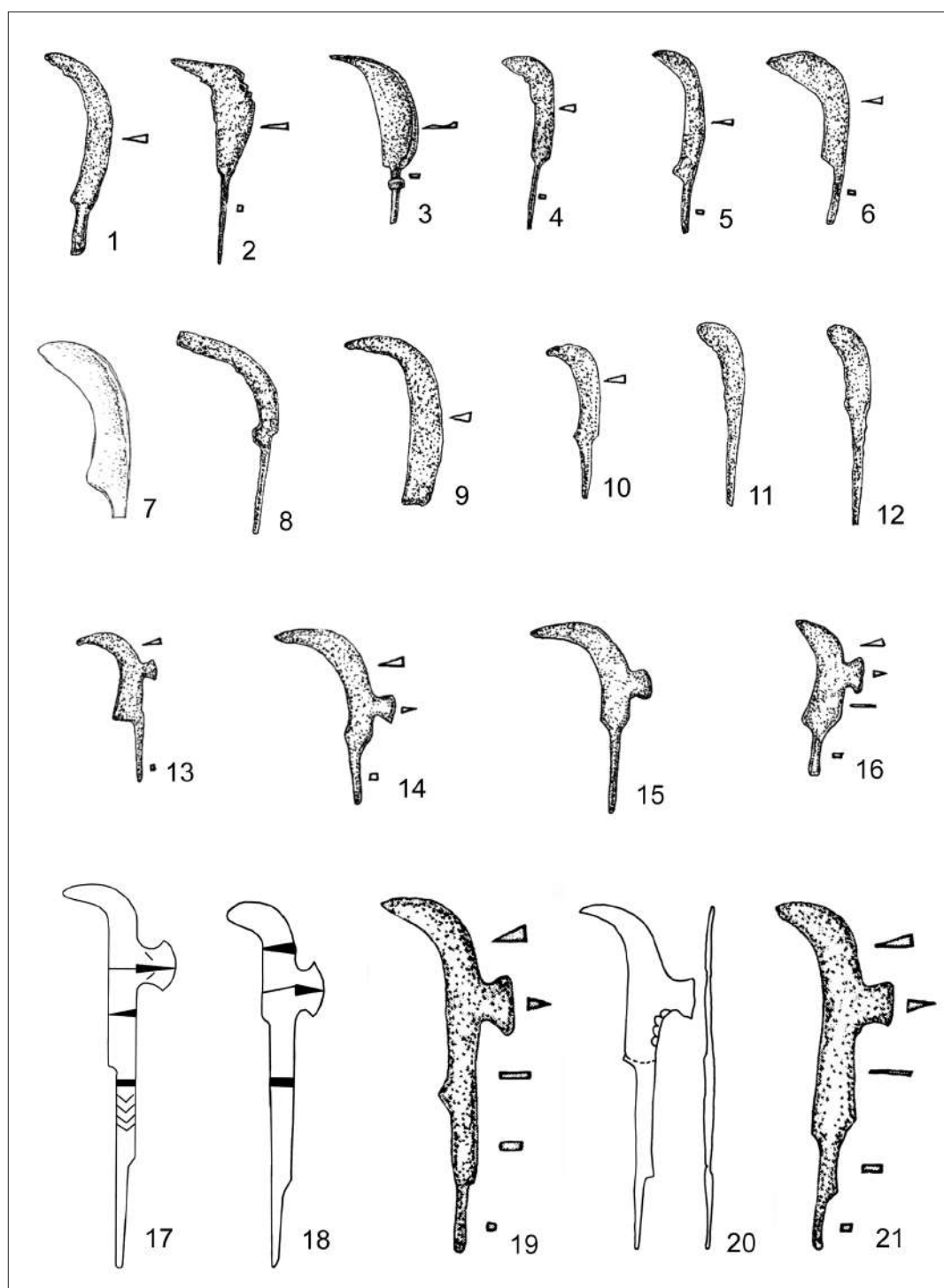

Fig. 3. Cosoare medievale. 1. Bârlălești 2. Baia; 3.Tg. Neamț; 4. Tg. Trotuș; 5-6. Buzău (după Bilavski 2016); 7. Trebujeni-Scoc (după Musteață 2005); 8. Gârbovăt; 9, 14. Murgeni; 10. Gugești; 11-12 Gârbovăt (după Bilavski 2016); 13. Dumești; (după Teodor 1985); 15. Coșna; 16,20 Jariștea; 17-19. Vrancea-Buzău; 21. (?) (după Bilavski).

Fig. 3. Bill-hooks from medieval times. 1. Bârlălești 2. Baia; 3.Tg. Neamț; 4. Tg. Trotuș; 5-6. Buzău (after Bilavski 2016); 7. Trebujeni-Scoc; (after Musteață 2005); 8. Gârbovăt; 9, 14. Murgeni; 10. Gugești; 11-12 Gârbovăt (after Bilavski 2016); 13. Dumești; (after Teodor 1985); 15. Coșna; 16,20 Jariștea; 17-19. Vrancea-Buzău; 21. (?) (after Bilavski 2016).

Ulterior acestea au fost substituite de niște ferăstraie nu prea mari, cu partea funcțională ușor curbată și zimții mici [Demchenko 1978, fig. 2,10]. În schimb, au fost semnalate etnografic o mulțime de artefacte cu lama netedă, care se deosebesc (și aici nu categoric) după dimensiuni, în primul rând ale lamei. Nu credem relevantă modalitatea de realizare și fixare a mânerului, deși cunoaștem, de asemenea două tipuri mai generalizate – cu tijă și cu tub/bucșă pentru înmănușat. Este secundară, credem, atestarea unor elemente adăugătoare de fixare – inele (fig. 1,1), sârmă (fig. 2,9), găuri pentru cuie în cazul bucșelor etc. Elementul definitoriu comun al tuturor acestor piese este lama curbată cu tăișul pe partea interioară, concavă. Este drept, în cadrul acestui tip general se evidențiază o variantă – cosorul-toporaș. Sunt acele piese, care pe partea centrală sau inferioară a spatelui lamei sunt prevăzute cu o „ieșitură” ca o continuare a lamei prin batere la cald modelată în formă de toporișcă, ușor îngroșat la bază, mai fiind denumită *secure* [Mironescu, Petrescu 1966, 66-67] sau „dinte” [Bilavski 2016, 181] (fig. 3, 13-21). Era destinat pentru tăierea corzilor mai groase și curățarea bazei/trunchiului butucului. Mai avea rolul de a ușura munca lucrătorului, reprezentând două unelte în unul [Kipen 1908, 99]. În opinia lui S.A. Semenov, specialist recunoscut în problemele evoluției agriculturii universale, „curățarea corzilor, transplantarea, altoirea, despicarea, înlăturarea trunchiurilor moarte, a corzilor, disocierea nodozităților – toate acestea se făceau cu un instrument care înlocuia cuțitul, toporașul, foarfecele, ferăstraiele și alte unelte” [Semenov 1974, 268]. Asemenea piese combinate au fost semnalate arheologic și pentru epocile antice, medievale timpurii (sec. X-XI) și târzii (sec. XV-XVI). Într-un studiu amplu despre vița de vie și vinul din Balcani, de fapt în aspect etno-lingvistic, cercetătoarea O. Mladenova pomenește acest tip de cosoare invocând materiale din Grecia (Leukas, Erotimatologio) și Albania (Andrásfalvi) ultimele având toporașul evidențiat ca jumătate de lamă sau dreptunghiular alungit [Mladenova 1998, 291-292; Fig. 3-6, 10]. Cosorul este un fenomen generalizat pentru spațiul carpato-balcanic [Mladenova 1998, 284-296]. Conform observațiilor lui N. Mironescu și P. Petrescu, în spațiul dintre Carpați și Prut etnografic prevala numeric unealta cu toporișcă (Mironescu, Petrescu 1966, 66), pe când în interfluviul Nistru-Prut a fost atestat pentru toate timpurile doar cosorul simplu cu lama netedă [Demchenko 1978, 54].

D. Teodor într-un studiu ce are drept subiect tradițiile culturii materiale ale geto-dacilor în secolele V-X de pe teritoriul României face o analiză comparativă și a cosoarelor din cele două epoci istorice [Teodor 1985-1986, 131-148]. O ultimă remarcă referitor la acest tip de piese. N. Demcenco le denumește „în formă de seceră” [Demchenko 1978, 51-54]. Probabil termenul are dreptul la existență, deși credem o desemnare mai adecvată prin termenul „cuțit cu lama încovoiată”.

În prezent este dificil a determina cu precizie arealul, perioada, dar și originea de apariție a cosoarelor. G. Bilavski susține că la baza apariției acestora au fost cuțitele și secerile [Bilavski 2016, 176]. Tot acolo autorul presupune că acestea încep a fi utilizate în perioada greco-romană(?), deși noi credem că este vorba despre perioada traco-getică. Dacă este să analizăm un artefact asemănător cosoarelor – cuțitele (despre care susținem că au stat la originea pieselor în discuție), pentru perioada traco-getică acestea sunt, în general de dimensiuni mici și majoritatea au spinarea curbă [Haheu 1998, fig. 3,4-5,7], la unele exemplare fiind ușor curbată și lama [Haheu 1998, fig. 3,4]. M. Comșa, invocând acest tip de obiecte, consideră că cele curbate nu puteau fi folosite la prepararea hranei din cauza incomodității lor (fiind descoperite și artefacte cu tăișul drept) – deci, inițial în activitățile viticole de tăiere ar fi fost utilizate anume cuțitele curbate [Comșa 1982, 59].

Termenul de *cosor* în aspect etno-lingvistic se întâlnește la mai multe popoare balcanice, fiind de origine slavă veche – *kosorī*. În limba sârbă – *kosor*, în maghiară – *koszor* [Mladenova 1998]. În Dicționarul Etimologic Român, A. Scriban și A. Ciorănescu, de asemenea îi atribuie o origine slavă, interpretându-l ca pe un derivat de la *kosa-coasă*, evocând prima atestare a cuvântului în lucrarea mitropolitului Dosoftei *Viața și petrecerea svinților*.

Atestarea cosorului, în calitate de unealtă de bază în lucrările viticole pentru o perioadă de aproximativ două milenii și jumătate de un tip morfologic aproape neschimbat permite lui I. Pușcă de a invoca viticultura în calitate de argument al continuității de populație. La aceasta autorul mai aduce raționamentul că lăsată fără îngrijire vița de vie cultivată sălbăticește, calitatea viței, ca și calitatea vinului, este posibil de a se obține doar pe parcursul generațiilor continue la care mai adaugă prezența unor dispozitive „stabile” de prelucrare a strugurilor și păstrare a vinului (linuri, teascuri, butoaie) [Pușcă 1991, 70].

Bibliografie

- Andronic, Neamțu 1964:** Al. Andronic, E. Neamțu, Cercetări arheologice pe teritoriul orașului Iași în anii 1956-1960, AM II-III, 1964, 409-438.
- Bauman 1995:** V. Bauman, Așezări rurale antice în zona gurilor Dunării. Contribuții arheologice la cunoașterea habitatului rural (sec. I-IV p. Chr.) (Tulcea 1995).
- Belcin 1968:** C. Belcin, Ocupațiile daco-geților în lumina literaturii antice. Revista de etnografie și folclor. Tomul 13, 1 (București 1968), 63-73.
- Bilavski 2016:** G. Bilavski, Unelte agricole din Moldova medievală (Brăila 2016).
- Bobi 1999:** V. Bobi, Civilizația geto-dacilor de la curbură Carpaților (sec. VI î.Chr. – II d.Chr.) (București 1999).
- Borangic 2010:** C. Borangic, Câteva observații privind cosoarele din lumea dacică. NEMUS, an. V, nr. 9-10, 2010, 10-21.
- Bruiaiko, Sekerskaia:** I. Bruiaiko, E. Sekerskaia, Oчерки ekonomiki naseleniia Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia v antichnuiu epokhu (Odessa 2016) // И. Бруйко, Е. Секерская, Очерки экономики населения Северо-Западного Причерноморья в античную эпоху (Одесса 2016).
- Căpitanu 1992:** V. Căpitanu, Noi contribuții la cunoașterea civilizației geto-dace în bazinul Siretului Mijlociu. Cetatea dacică de la Răcătău (antica Tamasidava). Carpica XXIII, 1, 1992, 131-192.
- Chirica, Tanasache 1984:** V. Chirica, M. Tanasache, Repertoriul arheologic al județului Iași, I (Iași 1984).
- Comșa 1982:** M. Comșa, Date privind cultivarea viței de vie la traco-daci (sec. VI î.e.n. – sec. I e.n.) în lumina cercetărilor arheologice. Pontica XV, 1982, 57-79.
- Constantinescu 1991:** Gh. Constantinescu, Unelte folosite pe teritoriul județului Vrancea în sec. IV-XII. StșiCom VIII-X, 1991, 109-119.
- Croitoru 2016:** C. Croitoru, Valea Mărului. Contribuții arheologice și documentare (I) (Brăila 2016).
- Demchenko 1978:** N. Demchenko, Vinogradarstvo i vinodelie Moldavii v XIX – nachale XX v. (istorico-etnograficheskoe issledovanie) (Kishinev 1978) // Н. Демченко Виноградарство и виноделие Молдавии в XIX-начале XX в. (историко-этнографическое исследование) (Кишинев 1978).
- Glodariu, Iaroslavski 1979:** I. Glodariu, E. Iaroslavski, Civilizația fierului la daci (Cluj-Napoca 1979).
- Glodariu, Moga 1989:** I. Glodariu, V. Moga, Cetatea dacică de la Căpâlna (București 1989).
- Haheu 1998:** V. Haheu, Cercetări arheologice la cetatea traco-getică Alcedar La Cordon din raionul Șoldănești. RA 2, 1998, 111-135.
- Haheu, Bratco 2012:** V. Haheu, D. Bratco, Originea și evoluția viței de vie în spațiul dintre Nistru și Prut. RA VIII, 1-2, 2012, 237-246.
- Haheu, Bratco 2013:** V. Haheu, D. Bratco, Unelte și dispozitive, tehnici și practici vitivinicole la traco-geto-daci. RA IX, 1-2, 2013, 284-290.
- Haheu, Bratco 2014:** V. Haheu, D. Bratco, Vitivicultura Moldovei în epoca medievală. RA X, 1-2, 2014, 237-246.
- Iconomu, Tanasachi 1992:** C. Iconomu, M. Tanasachi, Descoperirile arheologice din necropola hallstattană timpurie de la Cotu Morii-Iași, AM XV, 1992, 23-44.
- Ioniță 1971:** I. Ioniță, Elemente autohtone în cultura Sântana de Mureș (sec. IV e.n.) din Moldova. Carpica IV, 1971, 197-206.
- Irimia 1999:** M. Irimia, Unelte de fier din așezarea getică fortificată de la Adâncata (com. Aliman, jud. Constanța). Pontica XXXII, 1999, 73-82.
- Khynku 1969:** I. Khynku, Poseleniia XI-XIV vekov v Orgeevskikh kodrah Moldavii (Kishinev 1969) // И. Хынку, Поселения XI-XIV веков в Оргеевских кодрах Молдавии (Кишинев 1969).
- Kipen 1908:** F. Kipen, Osnovy ratsional'nogo vinogradarstva v srednei Bessarabii (Sankt Petersburg 1908) // Ф. Кипен, Основы рационального виноградарства в средней Бессарабии (СПб. 1908).
- Lupu 1989:** N. Lupu, Tilișca. Așezările arheologice de pe Cătânaș (București 1989).
- Mironescu, Petrescu 1966:** Al. Mironescu, P. Petrescu, Cu privire la instrumentarul viticol tradițional. Contribuții la cunoașterea etnografică a viticulturii. Cibinium (Sibiu 1966), 61-78.
- Mladenova 1998:** O. Mladenova, Grapes and Wine in the Balcan. An Ethno-Linguistic Stude (Harrassowitz Verlag-Wiesbaden 1998).
- Musteață 2005:** S. Musteață, Populația spațiului pruto-nistean în secolele VIII-IX (Chișinău 2005).
- Pârvan 1982:** V. Pârvan, Getica. O protoistorie a Daciei (București 1982).
- Peliakh 1970:** M. Peliakh, Istoriia vinogradarstva i vinodeliia Moldavii (Kishinev 1970) // М. Пелях, История виноградарства и виноделия Молдавии (Кишинев 1970).

- Polevoi 1974:** L. Polevoi, Pamiatniki zolotoordynskogo vremeni (XIV v.). In: DKM (Kishinev 1974), 151-168 // Л. Полевой, Памятники золотоордынского времени (XIV в.). В сб.: ДКМ (Кишинев 1974), 151-168.
- Postică 1999:** Gh. Postică, Agricultura medievală timpurie în spațiul pruto-nistean. In: Studia in honorem Ion Niculiță (Chișinău 1999), 268-279.
- Postică 2007:** Ch. Postică, Civilizația medievală timpurie din spațiul pruto-nistean (secolele V-XIII) (București 2007).
- Pușcă 1991:** I. Pușcă, Viticultura – argument al continuității poporului român. StșiCom. VIII-X, 1991, 69-80.
- Rafalovich 1973:** I. Rafalovich, Issledovanie ranneslavianskikh poselenii v Moldavii In: AIM v 1970-1971 gg. (Kishinev 1973), 134-154 // И. Рафалович, Исследования раннеславянских поселений в Молдавии. АИМ в 1970-1971 гг. (Кишинев 1973), 134-154.
- Reger, Tutila 2010:** S. Reger, O. Tutila, Aspecte ale cultivării viței de vie în Dacia romană. BHAUT XII, 2010, 27-43.
- Semenov 1974:** S. Semenov, Proiskhozhdenie zemledeliia (Leningrad 1974) // С. Семенов, Происхождение земледелия (Ленинград 1974).
- Spinei 1979:** V. Spinei, Aspecte economice și sociale ale evoluției comunităților locale din spațiul est-carpatic în secolele X-XIII. Hierasus I, 1979, 217-242.
- Tardan 1862:** K. Tardan, Vinogradarstvo i vinodelie, sostavlennoe primenitel'no k Novorosiiskomu kraiu i Bessarabii (Odessa 1862) // К. Тардан Виноградарство и виноделие, составленное применительно к Новоросийскому краю и Бессарабии (Одесса 1862).
- Teodor 1978:** D. Teodor, Teritoriul est-carpatic în veacurile V-XI e.n. Contribuții arheologice și istorice la problema formării poporului român (Iași 1978).
- Teodor 1984:** D. Teodor, Continuitatea populației autohtone la est de Carpați în secolele VI-XI e.n. (Iași 1984).
- Teodor 1985:** D. Teodor, Autohtoni și migratori la est de Carpați în secolele VI-X e.n. AM X, 1985, 50-73.
- Teodor 1985-1986:** D. Teodor, Tradiții geto-dacice în cultura materială și viața spirituală din secolele V-X e.n. de pe teritoriul României. AMM VII-VIII, 1985-1986, 131-148.
- Teodor 1981:** S. Teodor, Așezarea geto-dacică de la Huși-Corni, Thraco-Dacica II, 1981, 169-195.
- Teodor 1999:** S. Teodor, Regiunile est-carpatică ale României în secolele V-II î.Hr. Considerații generale și repertoriu arheologic (București 1999).
- Teodorescu 1964:** I. Teodorescu, Pe urmele unor podgorii ale geto-dacilor (București 1964).
- Teodorescu, Teodorescu, Mihalca 1966:** I. Teodorescu, Șt. Teodorescu, Gh. Mihalca, Vița de vie și vinul de-a lungul veacurilor (București 1966).
- Turcu 1979:** M. Turcu, Geto-dacii din câmpia Munteniei (București 1979).
- Ursachi 1968:** V. Ursachi, Cercetări arheologice efectuate de Muzeul de Istorie din Roman. Carpica I, 1968, 111-188.
- Vulpe 1988:** R. Vulpe, Columna lui Traian. Monument al etnogenezei românilor (București 1988).

Vasile Haheu, cercetător științific, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM, bd. Ștefan cel Mare, 1. MD 2001, Chișinău, Republica Moldova, e-mail: vasile.haheu@gmail.com

Dumitru Bratco, doctor în științe agricole, cercetător științific superior, Instituția Publică „Institutul de Cercetări Științifice pentru Horticultură și Tehnologii Alimentare”, str. Vieru 59. MD 2004, Chișinău, Republica Moldova, e-mail: dbratco@gmail.com

Vlad Vornic

Istoricul cercetării arheologice a orașului medieval de la Costești-Gârlea

Keywords: Costești-Gârlea, the archeological ensemble, medieval city, the XIV-th century, history of the research.

Cuvinte cheie: Costești-Gârlea, ansamblu arheologic, oraș medieval, sec. XIV, istoricul cercetării.

Ключевые слова: Костешть-Гырля, археологический ансамбль, средневековый город, XIV в., история исследований.

Vlad Vornic

History of the archaeological research of Costesti-Gârlea medieval city

The archeological ensemble of the XIV-th century from Costești-Gârlea medieval city (Ialoveni district) is one of the most important medieval complexes in the Prut-Dniester area. The settlement from the Botna river meadow and the fortress to the north of the medieval town were introduced in the scientific circuit in 1924 by the historian Ștefan Ciobanu. Teodor Porucic carried out the first excavations in Costești in 1934. Surface archaeological investigations in the perimeter of the earth fortification in Costesti-Gârlea and in the related area were undertaken in the first post-war year by the archaeologist G.D. Smirnov. G.B. Fedorov carried out prospecting researches in 1950. Some explanations regarding the extent and the chronological and cultural framing of the archaeological ensemble from Costesti-Gârlea have been brought by Em. Rekman's research from 1954, carried out both in the urban settlement and in the earth fortress. Nicolae Chettraru carried out a surface archaeological research in 1956. The excavations and prospectings undertaken by L.L. Polevoi in 1957 and 1959 occupy a special place in the investigations at Costesti. The author presented the results of the research in two scientific reports, some articles and in a monograph. In 1978, E.N. Abyzova resumed the archaeological excavations in the settlement of the XIV-th century from Costesti-Gârlea. The investigator continued the investigations the following year, being carried out both in the craft sector and in the Botna meadow. In 1993, N. Telnov and T. Reaboi also executed archaeological rescue excavations in the medieval town of Costesti. N. Russev and A. Gorodenco carried out extensive archaeological researches in 2005, but their results were not valorized. The most recent archaeological investigations in the medieval settlement at Costesti-Gârlea were undertaken by the National Archaeological Agency in 2016. Thus, during the period between 1934 and 2016, nine campaigns of archaeological excavations were organized in Costesti. All of these researches, however, had a more rescue character, focusing on the exploration of complexes affected by landslides or various earthworks.

Vlad Vornic

Istoricul cercetării arheologice a orașului medieval de la Costești-Gârlea

Ansamblul arheologic din sec. XIV de la Costești-Gârlea (r-nul Ialoveni) reprezintă unul dintre cele mai importante complexe medievale din spațiul pruto-nistrean. Așezarea din lunca râului Botna și cetatea de la nord de orașul medieval au fost introduse în circuitul științific în anul 1924 de istoricul Ștefan Ciobanu. Primele săpături la Costești a efectuat în anul 1934 Teodor Porucic. Investigații arheologice de suprafață în perimetrul fortificației de pământ de la Costești-Gârlea și a zonei aferente au fost întreprinse în primul an postbelic de arheologul G.D. Smirnov. Cercetări periegetice a mai realizat în anul 1950 G.B. Fedorov. Anumite precizări privind întinderea și încadrarea cultural-cronologică a ansamblului arheologic de la Costești-Gârlea au fost aduse prin cercetările lui Em. Rikman în anul 1954, efectuate atât în așezarea urbană, cât și la cetatea de pământ. O cercetare arheologică de suprafață a realizat în anul 1956 Nicolae Chettraru. Un loc aparte în cadrul investigațiilor de la Costești îl ocupă săpăturile și periegezele întreprinse de L.L. Polevoi în anii 1957 și 1959. Autorul a prezentat rezultatele cercetărilor în două rapoarte științifice, câteva articole și într-o monografie. În anul 1978 E.N. Abâzova a reluat săpăturile arheologice în așezarea din sec. XIV de la Costești-Gârlea. Cercetătoarea a continuat investigațiile și în anul următor, ele fiind desfășurate atât în sectorul meșteșugăresc, cât și în lunca Botnei. Săpături arheologice de salvare au mai executat în orașul medieval de la Costești în anul 1993 N. Telnov și T. Reaboi. Cercetări arheologice mai extinse au fost efectuate în anul 2005 de N. Russev și A. Gorodenco, dar rezultatele lor au rămas nevalorificate. Cele mai recente investigații arheologice în așezarea medievală de la Costești-Gârlea au fost întreprinse în anul 2016 de Agenția Națională Arheologică. Astfel, în perioada cuprinsă între anii 1934 și 2016, la Costești au fost organizate în total nouă campanii de săpături arheologice. Toate aceste cercetări însă au avut mai mult un caracter de salvare, axându-se pe explorarea complexelor afectate de alunecările de teren sau de diferite lucrări de excavare a solului.

Vлад Ворник

История археологических исследований средневекового города Костешть-Гырля

Археологический ансамбль XIV века Костешть-Гырля (Яловенского р-на) является одним из наиболее важных средневековых комплексов в Пруто-Днестровском междуречье. Поселение в долине реки Ботна и крепость севернее средневекового города были введены в научный оборот историком Штефаном Чобану в 1924 году. Первые раскопки на

поселении Костешть осуществил в 1934 году Теодор Поручик. Археологические разведки в периметре земляных укреплений Костешть-Гырля и прилегающих зон были предприняты в первый послевоенный год археологом Г.Д. Смирновым. Разведывательные исследования в 1950 году, также, провел Г.Б. Федоров. Некоторые уточнения, касающиеся распространения и культурно-хронологической классификации археологического ансамбля Костешть-Гырля, были сделаны благодаря исследованиям Ем. Рикмана 1954 года, проведенным как на городском поселении, так и в земляной крепости. Археологические разведки осуществил здесь в 1956 году и Николай Кетрару. Особое место в исследованиях поселения Костешть занимают разведывательные раскопки, предпринятые Л.Л. Полевым в 1957 и 1959 годах. Автор представил результаты исследований в двух научных докладах, нескольких статьях и опубликовал монографию. В 1978 году Е.Н. Абызова возобновила археологические раскопки на поселении XIV века Костешть-Гырля. Она продолжила исследования, которые проводились как в ремесленном секторе, так и в пойме реки Ботна, и в следующем году. В 1993 наши коллеги Н. Тельнов и Т. Рябой, также, осуществили спасательные раскопки в средневековом городе Костешть. Более обширные археологические исследования были проведены в 2005 году Н. Русевым и А. Городенко, но их результаты не были опубликованы. Последние археологические исследования в средневековом поселке Костешть-Гырля проводились в 2016 году Национальным агентством археологии. Таким образом, в период между 1934 и 2016 годами, на поселении Костешть были организованы девять сезонов археологических раскопок. Все эти исследования, однако, имели скорее всего спасательный характер, будучи сосредоточены, в основном, на изучение комплексов, пострадавших от оползней или иной выемки грунта.

Între complexele medievale importante din spațiul pruto-nistrean un loc distinct îl ocupă ansamblul arheologic din sec. XIV de la Costeşti (r-nul Ialoveni), care cuprinde o aşezare deschisă cu caracter urban de mari dimensiuni, una sau două cetăţi de pământ, două necropole cu morminte de înhumăţie şi alte obiective.

Unele situri din cadrul vastului complex arheologic medieval de pe moşia satului actual Costeşti au fost introduse în circulaţie ştiinţifică în anul 1924 de către cunoscutul istoric Ştefan Ciobanu, care scria: „...La o distanţă de vre-o doi kilometri de la satul Gârlele, pe malul stâng al Botnei se găsesc urmele unui oraş vechi. În vale, în imediata apropiere de râuleţ se văd urmele fostelor clădiri şi a unui iaz mare, iar pe o sprânceană de deal, tăiată de o vâlcică care dă în râu, s-a păstrat valul şi urmele şanţului unei cetăţi, care are forma unui trapez şi cuprinde o suprafaţă de pământ de 7-10 ha” [Ciobanu 1924, 49]. Referitor la cetate, academicianul basarabean mai presupunea că ar fi avut şi zid de piatră, atribuind-o ori tătarilor, ori moldovenilor, care ar fi ridicat-o împotriva tătarilor. Cu privire la problema datării şi apartenenţei etnice a fortificaţiei, istoricul a ţinut totuşi să sublinieze că aceasta se va putea clarifica „...numai făcând săpături...” [Ciobanu 1924, 49]. Ulterior, la doar câţiva ani, în legătură cu descoperirea în valul de pământ al cetăţii a unei inscripţii lapidare, presupuse turceşti (de fapt, arabe), Ştefan Ciobanu îşi va exprima mai categoric opinia în această

chestiune, identificând, greşit însă, fortificaţia de pământ de la Costeşti cu vechea capitală a tătarilor nogai din Bugeac – Hansca [apud Rikman 1955, 95; Polevoi 1969, 15].

Primele săpături în cuprinsul complexului medieval de la Costeşti au fost efectuate în anul 1934 de T. Porucic, care a „găsit un oraş întreg îngropat în pământ”, fiind descoperite „4 case făcute din piatră”, „o conductă de apă din tuburi de olane” ce trecea pe la temelia caselor şi „vreo patru cuptoare destul de mari pentru arderea vaselor de lut” [Porucic 1934, 63-64]. Drept materiale arheologice, au fost depistate o cantitate „enormă” de cioburi, „un mare număr de oase omeneşti şi de animale” şi diferite „instrumente de cremene, de bronz, de piatră şi... de fier”, care „erau în număr foarte mare” [Porucic 1934, 63-64]. Bazându-se pe vestigiile scoase la lumină, în special pe aspectul cuptoarelor şi al ceramicii, T. Porucic a tras corect concluzia că „acolo era un mare centru de producţie de olărie şi că se fabricau şi mai multe calităţi de vase după cerinţele cumpărătorilor”, dar a atribuit greşit situl arheologic de la Costeşti perioadei antice greceşti [Porucic 1934, 63-64]. Aceeaşi încadrare cronologică eronată a antichităţilor de la Costeşti o face şi Constanţa Dimitriu, care în anul 1934 publică un mic lot de fragmente de vase ceramice găsite „întâmplător, fără săpături sistematice” în situl arheologic de pe valea Botnei [Dimitriu 1934, 62]. În ceea ce priveşte complexele şi cea mai mare parte a ma-

terialelor arheologice descoperite de T. Porucic, acestea au rămas nepublicate, cu toate că primul autor al săpăturilor de la Costești nutrește speranța că va „da amănunte” asupra tuturor acestor descoperiri cu o altă ocazie” [Porucic 1934, 64].

Următoarele cercetări arheologice de suprafață în perimetrul fortificației de pământ de la Costești-*Gârlea*, numită deja „horodiștea medievală Costești”, și a zonei aferente au fost întreprinse în primul an postbelic (1946) de către arheologul G.D. Smirnov. Este interesant de menționat că, potrivit documentelor de arhivă, la sfârșitul anului 1945 se planificase chiar organizarea în toamna anului următor la Costești a unei expediții arheologice pentru investigarea prin săpături metodice a cetății de pământ, care însă, din motive necunoscute, nu au mai fost executate [Matveev 2016, 358-359, tab. 1]. În urma cercetărilor periegetice efectuate în anul 1946, de pe suprafața cetății de la Costești au fost recuperate patru monede de cupru tătarești¹ și o cantitate semnificativă de ceramică lucrată la roată – de uz comun și smălțuită, între care predomina cea dintr-o categorie. Vasele smălțuite prezentau ornamente vegetale, glazura având culoare verde-închisă sau verde-deschisă. Ceramică similară a fost găsită și pe versantul opus al văii, la nord-vest de cetăție, care era afectat puternic de alunecările de teren. Aici, în malurile râpei formate de aceste deplasări ale solului și de apele freatice au fost observate „locuințe de tipul bordeielor” și s-a înregistrat profilul unui cuptor de redus minereul(?), cu înălțimea de 1,5 m și diametrul de 1,25 m, având pereții clădiți din piatră de calcar. Pe panta lină de la poalele cetății au fost găsite resturile unui sistem de aducțiune a apei format din tuburi ceramice cu diametrul de 10-12 cm [Smirnov 1949, 197-198].

La Costești cercetări arheologice au mai fost efectuate în anul 1950 sub coordonarea lui G.B. Fedorov. La fel ca și în anul 1946, periegetele au avut un caracter restrâns și s-au concentrat cu precădere în zona cetății de pământ, numită de cercetătorul moscovit „horodiștea *Gârlea*”. Potrivit observațiilor făcute pe teren, materialul arheologic de suprafață, constând din ceramică uzuală și smălțuită, se gă-

sea mai ales în partea de nord-vest a fortificației. Pentru studierea stratigrafiei și descoperirea unor eventuale complexe de locuire, G.B. Fedorov a executat în acest sector un sondaj de documentare, în cuprinsul căruia au fost găsite doar o cantitate mică de cioburi de vase roșietice lucrate la roată. În perimetrul cetății a fost descoperită și o monedă de tip Hoarda de Aur. Cu toate acestea, G.B. Fedorov a formulat ipoteza că cetăția de la Costești-*Gârlea* ar reprezenta ruinele unui oraș din perioada statului medieval moldovenesc [apud Polevoi 1969, 16-17], ipoteză care în lumina cercetărilor ulterioare s-a dovedit a fi greșită.

Anumite precizări privind întinderea, semnificația și încadrarea cultural-cronologică a ansamblului arheologic de la Costești-*Gârlea* au fost aduse prin cercetările lui Em. Rikman în anul 1954, efectuate atât în așezarea urbană, cât și la cetatea de pământ de pe platoul dinspre nord-est de oraș.

Într-o zonă joasă cu multă ceramică de la baza sudică a platoului fortificat au fost descoperite ruinele unei locuințe de suprafață, distruse prin incendiere. Locuința, cu dimensiunile de 3,0x5,5 m, avea temelia construită din piatră de calcar, iar pereții – din piatră și lemn și prezenta în colțul ei nord-vestic un cuptor din cărămidă și lut. Din dărâmăturile locuinței au fost recuperate două fragmente de tuburi ceramice zgurificate, folosite probabil în construcția instalației de încălzire, mai multe cuie de fier și numeroase fragmente de vase ceramice de culoare roșietică, atât de uz comun, cât și glazurată.

După aprecierea lui Em. Rikman, datele cele mai interesante au fost furnizate de cercetările efectuate în sectorul de pe versantul vestic al văii ce se deschide spre râul Botna, unde anterior G.D. Smirnov a semnalat urmele unor locuințe adâncite și ale unui cuptor. În scopul salvării de la distrugere completă a unor complexe afectate de alunecările de teren, în această zonă au fost trasate două secțiuni de mici dimensiuni. Drept urmare, au fost dezvelite o locuință adâncită de tip bordei și un cuptor de ars cărămizi(?), ambele parțial distruse prin surparea malurilor. Locuința avea formă rectangulară, cu dimensiunile de 3,0x4,5(?) m și adâncimea de circa 1,5 m, fiind prevăzută cu două instalații de foc. Cuptorul, aflat la circa 50 m spre sud, era rectangular în plan, cu dimensiunile de 2,3x3,7 m și înălțimea păstrată până la 1,5 m, având pereții construiți din cărămizi. În ceea ce

1. G.D. Smirnov a crezut inițial că monedele sunt turcești. Dar, după determinările numismatei S.A. Ianina, toate patru piesele găsite de G.D. Smirnov, precum și cele două recuperate ulterior din incinta cetății de G.B. Fedorov și Em.A. Rikman, s-au dovedit a fi tătarești, bătute în capitala Hoardei de Aur, orașul Saray al-cedid, la începutul celei de-a doua jumătăți a sec. XIV (Rikman 1955a, 77).

privește categoria de obiecte arse în cuptor, Em. Rikman menționează că acest fapt este mai dificil de stabilit. Bazându-se însă pe descoperirea în interior a câtorva fragmente ceramice, autorul săpăturilor a presupus că instalația a fost folosită și pentru arderea vaselor de lut.

Referitor la cetatea de pe platoul din partea de nord-est a orașului medieval, potrivit estimărilor lui Em. Rikman, aceasta era de formă trapezoidală, mărginită de un val cu înălțimea maximă păstrată de 2,4 m și un șanț adiacent adânc de 0,9 m și lat de 9 m, suprafața fortificației fiind de 7,9 ha. În partea de nord și de vest valul și șanțul nu s-au păstrat, fiind distruse de plugul de plantaj. După observațiile cercetătorului, colțurile cetății erau puțin ieșite în exterior față de linia valului, fiind mai înalte decât valul cu circa 1 m, ceea ce l-a făcut să presupună că acolo ar fi existat niște turnuri ușoare. Urmele porților fortificației, cu lățimea de 12 m, au fost surprinse în colțul ei de nord-vest.

În scopul studierii structurii valului sudic al cetății, Em. Rikman a trasat perpendicular pe val o secțiune cu dimensiunile de 1x23 m. La adâncimea de 0,5 m de la suprafața solului, pe versantul sudic al valului au fost surprinse urmele palisadei de lemn, constând din bârne de stejar putrezite, situate la 0,3-0,4 m distanță una de alta. Șanțul cetății, de forma literei „V” în secțiune, avea adâncimea de 1,9 m. Umplutura șanțului consta din cernoziom, în care au fost găsite câteva fragmente de vase roșietice lucrate la roată, caracteristice pentru perioada Hoardei de Aur. Alte câteva asemenea cioburi și unul smălțuit au fost depistate și în stratul de cernoziom de sub val, ceea ce l-a determinat pe autorul cercetărilor să considere că cetatea de pământ și lemn a fost ridicată pe locul unei așezări medievale deschise. O cantitate ceva mai mare de materiale arheologice a fost găsită în sondajul executat în incinta cetății, în colțul ei sud-vestic, unde s-a putut constata că stratul de cultură atinge grosimea de 1 m. Cu privire la cronologie, bazându-se pe materialul ceramic și, mai ales, pe monedele tătareși databile la începutul celei de-a doua jumătăți a sec. XIV, Em. Rikman a exprimat opinia că cetatea a funcționat o perioadă scurtă de timp, între hotarul primei și celei de a doua jumătăți ale sec. XIV [Rikman 1955a, 77].

În afară de sondajele de documentare și salvare, Em. Rikman a efectuat și cercetări periegetice în zona orașului propriu-zis, considerând

greșit că acolo ar fi existat câteva așezări deschise de tip rural. În două puncte, și anume într-o ruptură de mal de la baza pantei de la vest de cetate și la marginea de est a satului Costești, au fost reperate resturile a două apeducte alcătuite din tuburi de lut ars. De asemenea, pe versantul vestic al cetății, cu circa 25 m mai jos de platou, a fost identificat un cimitir cu morminte de înmormântare. Prin săpături a fost cercetată o singură înmormântare, care avea groapa rectangulară și scheletul depus în poziție întinsă, cu capul orientat spre nord, iar ca piese de inventar s-au găsit mai multe cuie de fier, rămase probabil de la sicriul de lemn.

Datele arheologice obținute prin cercetările din anul 1954 au fost reflectate de Em. Rikman într-un raport științific preliminar [Rikman 1955a], publicat într-o formă prescurtată în anul 1955 [Rikman 1955b]. Bogatul material ceramic recuperat însă, deși a fost analizat pe scurt de autor, a rămas în cea mai mare parte inedit.

O cercetare arheologică de suprafață în cuprinsul așezării urbane medievale de la Costești a mai efectuat în anul 1956 N.A. Chetraru. În marginea de est a satului Costești, la distanța de circa 300 m de localitate și la 30 m de drum, pe un teren plan din partea dreaptă a râului Botna, au fost descoperite două plăci de calcar cu inscripții, câteva fragmente de coloane cilindrice, sculptate sau neornamentate, și alte câteva plăci de piatră, de formă pătrată sau dreptunghiulară, dispuse orizontal, provenind de la un complex funerar musulman somptuos, care „putea fi mausoleu” [Ketraru 1961, 127]. Potrivit determinărilor cercetătoarei V.A. Krachkovskaia, inscripțiile lapidare sunt în limba arabă și au caracter elegiac, în stilul marelui poet Abu-l-'Atahiya (748-828 p.Chr.) [Krachkovskaia 1960], fiind cel mai vechi text literar atestat în Moldova. În aceeași zonă a sitului s-au mai găsit câteva monede de bronz giucide, trei inele sigilare, o cheie de lacăt și fragmente de vase lucrate la roată de culoare roșietică, de uz comun sau smălțuită [Ketraru 1961, 127].

Un loc aparte în cadrul investigațiilor arheologice de la Costești îl ocupă periegetele și săpăturile efectuate de L.L. Polevoi în anii 1957 și 1959. Cercetările de suprafață s-au desfășurat mai ales în perimetrul așezării din lunca Botnei și a zonei aferente, urmărindu-se stabilirea limitelor acestui mare sit arheologic. După prima campanie, L.L. Polevoi a formulat supoziția că aici ar fi exis-

tat tocmai cinci așezări rurale deschise, aflate în apropiere imediată unele de altele [Polevoi 1958]. Prin investigațiile din anul 1959, s-a putut stabili clar caracterul urban al acestui sit, orașul ocupând ambele maluri ale râului Botna pe o lungime de circa 2,5 km și o lățime de aproximativ 2 km [Polevoi 1960, 3]. În urma cercetărilor perieghetice, la distanța de circa 300 m de marginea nord-vestică a orașului, pe o mică înălțime ovală de pe malul stâng al Botnei, numită de localnicii vârstnici *Cetate*, L.L. Polevoi a mai identificat un complex arheologic de formă rectangulară, cu dimensiunile de 50x70 m, prevăzut cu un val(?). Complexul a fost datat pe baza materialului arheologic găsit la suprafață (ceramică, cărămizi) în sec. XIV, adică în perioada de existență a așezării urbane. După autorul descoperirii, aici ar fi putut exista un „castel feudal, reședința conducătorului militar”, problema urmând a fi elucidată de săpăturile ulterioare [Polevoi 1960, 4; Polevoi 1969, 23]. În același timp, în partea de nord a orașului, pe panta stângă a văii râului Botna, a mai fost descoperit un cimitir, afectat și acesta de alunecările de teren, dar care, conform observațiilor asupra unor schelete ieșite la suprafață prin eroziunea solului, conține morminte de înhumatie orientate vest-est [Polevoi 1960, 4; Polevoi 1969, 23]. Tot prin recunoașterile arheologice efectuate în anul 1959, s-au putut stabili limitele unei așezări rurale din sec. XV-XVI identificate prin periegezele anterioare. Aceasta ar suprapune sectorul nord-estic al orașului oriental din sec. XIV, de pe partea stângă a văii râului Botna, ocupând o suprafață de circa 100x200 m [Polevoi 1960, 6]. În plus, cercetările întreprinse de L.L. Polevoi au dovedit că în diferite zone ale orașului mai există resturi de locuire din a doua epocă a fierului (cultura getică), perioada romană târzie (cultura Sântana de Mureș-Cherniakhov) sau evul mediu timpuriu (sec. XI-XIII) [Polevoi 1969, 17, 19].

În ceea ce privește săpăturile arheologice, ele au fost axate în primul rând pe salvarea unor complexe din sectorul nordic al sitului², afectate de alunecările de teren. De asemenea, prin deschiderea câtorva secțiuni în perimetrul așezării urbane propriu-zise de pe șesul Botnei, s-a urmărit studierea stratigrafiei și dezvelirea unor locuințe și a altor complexe.

2. Această zonă a orașului a fost numită inițial de L.L. Polevoi „posad”, iar ulterior „cartierul olarilor”.

Astfel, în anul 1957 au fost trasate două secțiuni de dimensiuni diferite și un sondaj cu scopul cercetării unor cuptoare de olărie distruse parțial de eroziunea solului. În același timp, s-au mai executat trei sondaje: unul – în lunca râului Botna, unde se află așezarea urbană, altul – în perimetrul necropolei descoperite de Em. Rikman și al treilea – în incinta cetății. Drept rezultat, în „cartierul olarilor” au fost dezvelite patru cuptoare de tipuri diferite, dintre care unul (nr. 1) prevăzut cu groapă de acces, două construcții de suprafață distruse și suprapuse prin alunecările de teren, o groapă menajeră și resturile unui apeduct din tuburi ceramice. Ca inventar arheologic, au fost găsite 26 monede de cupru și argint tătarești și o monedă de cupru bizantină din sec. XIV³, diferite piese de fier, bronz și lut ars, precum și o cantitate însemnată de ceramică, lucrată la roata cu turație înceată sau rapidă, de uz comun și smălțuită. În cuprinsul sondajului trasat în perimetrul necropolei a fost descoperit un mormânt de înhumatie (notat nr. 2), având scheletul în poziție întinsă, orientat nord-sud, fără inventar. Al treilea sondaj a fost executat în zona centrală a cetății, stabilindu-se că aici stratul de cultură are o grosime mică, de numai circa 40 cm, și conține puțin material ceramic. Avându-se în vedere aceste date și constatarea făcută de Em. Rikman că la baza valului se află un strat arheologic cu ceramică de tip Hoarda de Aur, L.L. Polevoi a formulat ipoteza că cetatea respectivă a avut un caracter temporar și a funcționat în a doua jumătate a sec. XIV, după părăsirea așezării urbane, sau, „în cel mai bun caz, a fost ridicată în ultimii ani de existență a așezării pentru apărarea ei și ca loc de refugiu pentru locuitorii orașului” [Polevoi 1965, 71, nota 20; Polevoi 1969, 17]. Ulterior, cercetătorul și-a exprimat mai categoric opinia, considerând că fortificația nu a avut legătură cu așezarea deschisă din lunca Botnei și a apărut după distrugerea ei, spre sfârșitul sec. XIV” [Polevoi, Byrnia 1974, 29].

În anul 1959 au fost executate patru secțiuni de dimensiuni diferite, dintre care două – în sectorul nordic, ce conține numeroase complexe meșteșugărești, iar alte două – în lunca Botnei, pe niște ridicături de pământ din partea stângă a râului, unde au fost sesizate vestigiile unor complexe

3. Alte 30 de monede giucide și una moldovenească din prima jumătate a sec. XV au fost recuperate de pe suprafața așezării urbane de pe șesul Botnei.

de locuire. Prin săpături, în așa-numitul „cartier al olarilor” au fost scoase la lumină un bordei de mari dimensiuni, parțial distrus prin eroziunea solului, și un cuptor cu pereții construiți din lut și cu vatra amenajată din cărămizi. În secțiunile deschise în lunca râului au fost identificate și parțial cercetate două locuințe de suprafață, dintre care una cu pereții construiți din lemn și nuiele unse cu lut, iar alta, de dimensiuni mai mari, având pereții clădiți din piatră, era prevăzută și cu apeduct din tuburi ceramice, identificat la nivelul temeliei. În zona celei de a doua locuințe, din apropierea apei Botnei, au fost semnalate ruinele unei impunătoare construcții de piatră de formă rectangulară, cu dimensiunile de 20x30 m, care a avut, probabil, o destinație obștească. Spre sud și spre vest de această construcție, a carei funcționalitate a rămas neprecizată, au fost observate ruinele unor case de piatră și alte complexe. După aprecierea lui L.L. Polevoi, în acest sector al așezării de pe malul stâng al râului Botna, ce corespunde în mare cu partea ei centrală, erau concentrate și „cartierele aristocrației urbane” [Polevoi 1969, 18-19, pl. II]. În celelalte zone ale așezării, deși se întâlnesc și construcții din piatră, predomină locuințele construite din lemn, nuiele și lut, atribuite populației sărace.

În urma cercetărilor din anul 1959, la Costești a fost descoperit și un bogat material arheologic, cuprinzând 53 de monede de cupru și argint (marea majoritate tătarești) și diferite obiecte lucrate din bronz (un inel, un nasture, câteva plăcuțe), fier (candelabre, cuțite, o cheie, un amnar ș.a.), corn/os (o săpăligă și un vârf de săgeată), lut ars (sfeșnice, o formă de turnat, o fusaiolă, tuburi de apeduct) și alte materiale, la care se adaugă o cantitate importantă de ceramică.

L.L. Polevoi a prezentat rezultatele cercetărilor sale în două rapoarte științifice [Polevoi 1958; 1960], câteva articole [Polevoi 1965; 1965a; 1965b; 1967] și într-o lucrare monografică dedicată olăritului din spațiul pruto-nistean în sec. XIV [Polevoi 1969a], care se bazează în principal pe vestigiile scoase la lumină de la Costești. Ținem să amintim în context că cercetătorul a pus în legătură cu practicarea olăritului toate complexe descoperite în sectorul nordic al așezării, pe care l-a și denumit „cartierul olarilor”. Complexele adâncite de tip bordei ori semibordei și cele de suprafață au fost considerate ateliere de olărie, iar instalațiile de foc – cuptoare folosite, dacă nu exclusiv, atunci

preponderent, pentru arderea vaselor ceramice. Judecând însă după construcția și caracteristicile acestor complexe, care se deosebesc între ele, după analogiile cunoscute și ținând cont de faptul că aici ulterior au fost cercetate câteva locuințe și cuptoare de ars piatră de var, această opinie nu poate fi susținută decât parțial. De asemenea consemnăm că, deși autorul face în monografie o analiză mai mult sau mai puțin amănunțită a olăriei descoperite la Costești, cea mai mare parte a ceramicii nu a fost și ilustrată, rămânând, deci, de fapt nepublicată.

În același timp, trebuie arătat că într-un studiu aparte L.L. Polevoi a semnalat, pe baza descoperirilor din propriile săpături de la Costești, primele monede medievale de cupru bătute pe teritoriul Moldovei la mijlocul sec. XIV, dar fără a le ilustra [Polevoi 1969b]. Aceste emisiuni, intrate în literatură sub numele de Costești-Gârlea (Gârlea), vor fi caracterizate, cu desene și fotografii, mult mai târziu, într-un studiu al lui E. Nicolae, bazat pe descoperiri întâmplătoare provenind în cea mai mare parte tot de la Costești [Nicolae 2005].

În anul 1978, o expediție științifică condusă de E.N. Abâzova a reluat săpăturile arheologice în așezarea din sec. XIV de la Costești-Gârlea, scopul de bază fiind „studierea stratului de cultură al așezării, studiarea caracterului complexelor dezvelite și adunarea materialului ceramic” [Byrnia, Abyzova 1979]. Cercetările s-au desfășurat în „cartierul olarilor”, fiind executate două secțiuni, la distanța de 30 m una de alta, cu suprafața totală de circa 100 m.p. Au fost descoperite un atelier de olărie, prevăzut cu un cuptor de ars vase cu reverberație și cu o instalație de foc de tip *tandâr*, o groapă mare și adâncă, considerată „fântână”, o porțiune de șanț, câteva gropi de dimensiuni mici, precum și opt monede de cupru tătarești, o cantitate însemnată de ceramică, câteva obiecte de metal și lut ars.

E.N. Abâzova a continuat cercetările arheologice la Costești și în anul 1979, efectuând acum săpături atât în sectorul meșteșugăresc din partea nordică a așezării, cât și în lunca râului Botna. În zona de pe malul stâng al râului Botna a orașului medieval au fost deschise, la mică distanță una de alta, două secțiuni, cu suprafața totală de 111 m.p., fiind scoase la lumină două cuptoare, o groapă menajeră și alte patru complexe adâncite, care însă, din cauza apelor subterane, n-au putut fi

cercetate complet. Ca material arheologic, au fost găsite 14 monede de cupru din sec. XIV, ceramică și alte câteva piese de metal și lut ars. Cât privește cercetările din „cartierul olarilor”, într-o zonă afectată de alunecări, cuprinsă între secțiunile I și II executate în anul precedent, au fost trasate alte trei secțiuni de dimensiuni diferite, cu aria totală de 191 m.p., în cuprinsul cărora au fost descoperite două locuințe îngropate parțial în sol, înzestrate cu diferite instalații de foc, un complex adâncit cu funcționalitatea neprecizată, șapte gropi și opt cuptoare în aer liber, iar ca inventar arheologic – șapte monede de cupru, un bogat material ceramic și câteva obiecte lucrate din fier, bronz, sticlă, piatră și lut ars.

Rezultatele principale ale investigațiilor din anii 1978-1979 au fost prezentate de E.N. Abâzova și P.P. Bârnea în două rapoarte științifice [Byrnia, Abyzova 1979; Byrnia, Abyzova 1980], iar atelierul de olărie și cele două locuințe scoase la lumină în „cartierul olarilor” au fost publicate în două articole speciale [Abyzova 1982; Abyzova 1988]. O parte dintre complexe și cea mai mare parte a materialului arheologic însă au rămas până acum inedite.

Săpături arheologice de salvare, având drept obiectiv principal „cercetarea complexelor afectate de lucrările de teren” [Tel'nov, Reaboi 1997, 139], au mai fost efectuate în orașul medieval de la Costești în anul 1993 de către N. Tel'nov și T. Reaboi. Și în această campanie investigațiile s-au derulat în așa-numitul „cartier al olarilor”, o parte considerabilă a căruia între timp „a fost distrusă ca rezultat al lucrărilor de construcție a unui lac artificial... și o lutărie, care avansează an de an în direcția monumentului” [Tel'nov, Reaboi 1997, 139-140]. Au fost deschise trei secțiuni și trei sonde, cu suprafața totală de circa 175 m.p., deasupra malurilor lutăriei, a râpei formate prin eroziunea solului și a unui drum săpat cu buldozerul, în locurile unde au fost observate diferite complexe arheologice. Drept rezultat, au fost scoase la lumină o locuință construită din piatră, prevăzută cu *sufa* și *khan*, un cuptor din cărămidă pentru arderea pieselor ceramice(?) și trei cuptoare de ars piatra de var, toate complexe fiind doar parțial păstrate. De asemenea, au fost descoperite două monede de cupru, o cantitate însemnată de ceramică și câteva obiecte din metal, os și piatră. Datele științifice obținute prin săpăturile arheologice de salvare din anul 1993 au fost prezentate de autorii săpăturilor

într-un raport preliminar [Tel'nov 1993], publicat într-o formă prescurtată în anul 1997 [Tel'nov, Reaboi 1997]. Precizăm însă că materialul arheologic recuperat nu a fost decât în mică parte examinat și publicat [Riaboi, Tel'nov, 1998; Tel'nov, Riaboi 2000].

Cercetări arheologice mai extinse, care se preconizau a fi sistematice, au fost efectuate în orașul medieval de la Costești în anul 2005 de către N. Russev și A. Gorodenco, în colaborare cu Muzeul Armatei din Chișinău, la săpături participând și soldați ai Armatei Naționale. Spre regret însă, nu cunoaștem decât foarte puțin despre aceste cercetări arheologice, întrucât autorii săpăturilor nu au elaborat și prezentat raportul științific corespunzător obligatoriu și nici nu au publicat ulterior vreun articol privind rezultatele obținute. Din informația prezentată în două reportaje video, realizate în cursul cercetărilor de teren [<https://www.youtube.com/watch?v=w3TWq0PgPms>; <https://www.youtube.com/watch?v=v6BE5QvEctQ>], am putut deduce că săpăturile s-au desfășurat în trei sectoare diferite („cartierul olarilor”, orașul propriu-zis de pe șesul Botnei și cimitirul de la marginea de nord-vest a așezării) și s-au soldat cu descoperiri importante: o locuință cu temelie de piatră, diferite instalații de foc, între care și un cuptor de ars piatra de var, un segment de apeduct format din tuburi de lut ars, un mormânt de înhumatie, alte complexe, precum și o cantitate mare de materiale arheologice, inclusiv peste 300 de monede.

Cele mai recente investigații arheologice în așezarea medievală de la Costești-*Gârlea* au fost întreprinse în anul 2016 de Agenția Națională Arheologică, cu suportul Primăriei Costești și al Asociației Obștești „Liman-T”. Săpăturile au constatat din două mici secțiuni și o casetă, cu suprafața totală de circa 60 m.p., și au avut un caracter de salvare, fiind executate ca urmare a unor lucrări de excavație neautorizate. Primele două secțiuni au fost trasate pe șesul din partea stângă a râului Botna, în zona unui șanț săpat ilegal, iar caseta – în „cartierul olarilor”, deasupra malului nordic al fostei cariere de lut, unde a fost observat un complex adâncit de dimensiuni mari. Drept rezultat, în secțiunile din sectorul nord-estic al orașului au fost dezvelite parțial sau complet două complexe adâncite de tip bordei și cinci gropi menajere, iar în cuprinsul sondajului de salvare din „cartierul olarilor” – un cuptor de ars piatra de var de mari

dimensiuni, prevăzut cu o groapă de alimentare cu combustibil, și parte dintr-un mare complex adâncit de tip semibordei. Concomitent, au fost efectuate și cercetări perieghetice, având drept obiective determinarea stării de conservare a siturilor ce alcătuiesc ansamblul arheologic de la Costești-Gârlea, precizarea limitelor așezării urbane și recuperarea de la suprafața solului a materialelor arheologice mai semnificative. Ca urmare a săpăturilor de salvare și a recunoașterilor de suprafață, au fost găsite peste 50 de monede de cupru și argint, câteva obiecte de port de bronz și sticlă, mai multe piese de fier, o piatră fragmentară de râșniță, câteva pietre de ascuțit din gresie, o bogată colecție de ceramică și o mare cantitate de resturi faunistice. Majoritatea absolută a acestor descoperiri se atribuie perioadei de existență a orașului Hoardei de Aur, care corespunde *grosso modo* primelor șapte decenii ale sec. XIV. Totodată, trebuie subliniat că pentru prima dată au fost descoperite prin săpături arheologice și monede din a doua jumătate a sec. XIII, cea mai veche fiind atribuită epocii lui Mengü Timur (1266-1280)⁴. Unele materiale aparțin altor epoci istorice: bronzului târziu, primei epoci a fierului, perioadei de început a migrațiilor sau evului mediu târziu [Vornic et al. 2017]. Datele și vestigiile arheologice dobândite prin cercetările din anul 2016 sunt în curs de prelucrare, urmând a fi prezentate și analizate în curând într-un raport științific, iar apoi publicate.

Din publicațiile de până acum și istoricul cercetării orașului medieval de la Coștești-Gârlea prezentat mai sus rezultă cât se poate de clar că ne aflăm în fața unui ansamblu de monumente de însemnătate majoră pentru arheologia și istoria sec. XIV a regiunii dintre Prut și Nistru. Cu toate acestea, vastul și valorosul complex arheologic de pe valea Botnei, mai ales în ultimele decenii, nu s-a bucurat de atenția cuvenită a specialiștilor. Așa cum am arătat, în perioada cuprinsă între anii 1934 și 2016, la Costești au fost organizate în total nouă campanii de săpături arheologice. Dar, aproape toate aceste săpături au fost de mică anvergură și au avut mai mult un caracter de salvare, axându-se în principal pe explorarea complexelor afectate

de alunecările de teren sau de diferite lucrări de excavare a solului. Pentru comparație, notăm că, pe parcursul ultimelor șapte decenii, începând cu anul 1947, în orașul medieval de la Orheiul Vechi au fost organizate peste 50 de campanii arheologice [Postică 2006, 14], fiind cercetată sistematic o suprafață de câteva zeci de ori mai mare decât cea investigată în așezarea de la Costești.

Deși restrânse și departe de a oferi date suficiente pentru elucidarea problemelor ridicate, investigațiile arheologice efectuate până în prezent au dovedit că orașul medieval de pe valea Botnei era alcătuit din câteva sectoare, unele reprezentând adevărate cartiere, ce cuprindeau, printre altele, case din piatră și cărămidă, prevăzute cu sistem de aducțiune a apei prin tuburi din ceramică, dar și locuințe îngropate în sol sau diferite ateliere meșteșugărești. La marginile așezării au fost identificate două cimitire cu morminte de înhumatie și un mausoleu(?), iar în apropiere de oraș – două situri fortificate, a căror cronologie și semnificație nu sunt încă clarificate. La fel ca și orașul oriental de la Orheiul Vechi, așezarea urbană de la Costești se datează în etapele finale de stăpânire a Hoardei de Aur asupra spațiului prutonistean, care corespunde parțial cu perioada formării și extinderii spre Nistru a Țării Moldovei. Așa cum dovedesc descoperirile de până acum, în special cele monetare [Polevoi 1969b; Abyzova, Travkin 2000; Nicolae 2005], orașul de pe cursul mijlociu al râului Botna a reprezentat și un însemnat centru politic cu emisiune monetară proprie, poate și mai puternic decât cel din sec. XIV de la Orheiul Vechi, care s-a numit, după inscripțiile monetare, inițial *Yangi-şehr* și apoi *Şehr al-cedid* (ambele denumiri se traduc prin Orașul Nou). Subliniem faptul că suprafața orașului de la Costești era de peste 400 ha, fiind de cel puțin două ori mai mare decât cea a Orheiului Vechi.

Ținând cont de valoarea științifică deosebită a ansamblului arheologic medieval de la Costești-Gârlea și având în vedere împrejurarea că acest mare complex este grav afectat de factorii naturali, de diferite lucrări și de „căutătorii de comori”, se cere stringent explorarea lui complexă, atât prin săpături de salvare și sistematice ample, cât, mai ales, prin cercetări interdisciplinare cu utilizarea metodelor moderne nedistructive. În plus, pentru structurile din piatră, cărămidă și lut ars mai bine păstrate se impune executarea unor lucrări de conservare preventivă *in situ* și restaurare, iar ulterior – punerea lor în valoare cultural-turistică.

4. Determinarea monedelor a fost efectuată de dl dr. Eugen Nicolae, căruia îi mulțumim și pe această cale.

Bibliografie

- Abyzova 1982:** E.N. Abyzova, Goncharnaia masterskaia na poselenii XIV v. u sela Koteshty. AIM v 1977-1978 gg., 1982, 160-171 // Е.Н. Абызова, Гончарная мастерская на поселении XIV в. у с. Костешты. АИМ в 1977-1978 гг, 1982, 160-171.
- Abyzova 1988:** E.N. Abyzova, Jilye postroiiki poseleniia XIV v. u s. Koteshty Kutuzovskogo raiona. In: Srednevekovye pamiatniki (Kishinev 1988), 106-111 // Е.Н. Абызова, Жилые постройки поселения XIV в. у с. Костешты Кутузовского района. В сб.: Средневековые памятники (Кишинев 1988), 106-111.
- Abyzova, Byrnia 1979:** E.N. Abyzova, P.P. Byrnia, Otchet o polevykh rabotakh srednevekovoi ekspeditsii na poselenii XIV v. u s. Koteshty za 1978 g. (Kishinev 1979). Arhiva MNIM // Е.Н. Абызова, П.П. Бырня, Отчет о полевых работах средневековой экспедиции на поселении XIV в. у с. Костешты за 1978 г. (Кишинев 1979). Архив НМИМ.
- Abyzova, Byrnia 1980:** E.N. Abyzova, P.P. Byrnia, Otchet o polevykh rabotakh Moldavskoi srednevekoii arkheologicheskoi ekspeditsii na poselenii XIV v. u s. Koteshty v 1979 g. (Kishinev 1980). Arhiva MNIM // Е.Н. Абызова, П.П. Бырня, Отчет о полевых работах Молдавской средневековой экспедиции на поселении XIV в. у с. Костешты в 1979 г. (Кишинев 1980). Архив НМИМ.
- Abyzova, Travkin 2000:** E.N. Abyzova, S.N. Travkin, Nekotorye osobennosti mednykh dzhuchidskikh monet s poseleniia Koteshty: (Bessarabia). In: Stepi Evropy v epokhu Srednevekov'ia (Donetsk 2000), 351-359 // Е.Н. Абызова, С.Н. Травкин, Некоторые особенности медных джучидских монет с поселения Костешты: (Бессарабия). В сб.: Степи Европы в эпоху Средневековья (Донецк 2000), 351-359.
- Ciobanu 1924:** Șt. Ciobanu, Biserici vechi din Basarabia. Buletinul Comisiunii Monumentelor Istorice. Secțiunea din Basarabia (Chișinău 1924), 1-70.
- Dumitriu 1934:** C. Dimitriu, O colecție preistorică în Chișinău. Arhivele Basarabiei VI, I, 1934, 62.
- Ketraru 1961:** N.A. Ketraru, Materialy k arkheologicheskoi karte Moldavii. Trudy GIKM MSSR I, 1961, 113-128 // Н.А. Кетрару, Материалы к археологической карте Молдавии. Труды ГИКМ МССР I, 1961, 113-128.
- Krachkovskaia 1960:** V.A. Krachkovskaia, Novaia arabskaia nadpis' iz Moldavskoi SSR. Epigrafika Vostoka XIII (Moskva 1960), 48-58 // В.А. Крачковская, Новая арабская надпись из Молдавской ССР. Эпиграфика Востока XIII (Москва 1960), 48-58.
- Matveev 2016:** S. Matveev, Începuturile arheologiei în RSSM. Tyragetia X [XXV], 1, 2016, 357-368.
- Nicolae 2005:** E. Nicolae, Monedele de tip Costești-Gârlea. In: Simpozion de Numismatică dedicat centenarului Societății Numismatice Române (1903-2003), Chișinău 2003. Comunicări, Studii și Note (Chișinău 2005), 89-104.
- Polevoi 1958:** L.L. Polevoi, Pruto-Dnestrovskaia arkheologo-etnograficheskaia ekspeditsiia „Koteshty” (1957 g.) (Kishinev 1958). Arhiva MNIM, nr.382 // Л.Л. Полевой, Пруто-Днестровская археолого-этнографическая экспедиция «Костешты» (1957 г.) (Кишинев 1958). Архив НМИМ, №382.
- Polevoi 1960:** L.L. Polevoi, Otchet o polevykh rabotakh na poselenii Koteshty Kotovskogo raiona v 1959 g. (Kishinev 1960). Arhiva MNIM, nr.392 // Л.Л. Полевой, Отчет о полевых работах на поселении Костешты Котовского района в 1959 г. (Кишинев 1960). Архив НМИМ, №392.
- Polevoi 1965a:** L.L. Polevoi, Goncharnaia masterskaia XIV v. iz poselenia Koteshty. Izvestiia MF AN SSSR 12, 1965, 68-73 // Л.Л. Полевой, Гончарная мастерская XIV в. из поселения Костешты. Известия МФ АН СССР 12, 1965, 68-73.
- Polevoi 1965b:** L.L. Polevoi, Arkheologicheskie materialy k istorii Moldavii. SA 3, 1965, 66-80 // Л.Л. Полевой, Археологические материалы к истории Молдавии. СА 3, 1965, 66-80.
- Polevoi 1967:** L.L. Polevoi, Poselenie XIV v. u s. Koteshty. In: Zapiski Odesskogo arkheologicheskogo obshchestva II (35), 1967, 119-130 // Л.Л. Полевой, Поселение XIV в. у с. Костешты. В сб.: Записки Одесского археологического общества II (35), 1967, 119-130.
- Polevoi 1969a:** L.L. Polevoi, Gorodskoe goncharstvo Pruto-Podnestrov'ia v XIV veke (Kishinev 1969) // Л.Л. Полевой, Городское гончарство Пруто-Поднестровья в XIV веке (Кишинев 1969).
- Polevoi 1969b:** L.L. Polevoi, Monety iz raskopok i sborov na poselenii Koteshty-Gyrlia. In.: Dalekoe proshloe Moldavii (Kishinev 1969), 146-161 // Л.Л. Полевой, Монеты из раскопок и сборов на поселении Костешты-Гырля. В сб.: Далекое прошлое Молдавии (Кишинев 1969), 146-161.
- Polevoi, Byrnia 1974:** L.L. Polevoi, P.P. Byrnia, Srednevekovye pamiatniki XIV-XVII vv. AK MSSR, vyp. 7 (Kishinev 1974) // Л.Л. Полевой, П.П. Бырня, Средневековые памятники XIV-XVII вв. АК МССР, вып. 7 (Кишинев 1974).
- Porucic 1934:** T. Porucic, Câteva cuvinte asupra stațiunilor preistorice dintre Prut și Nistru. Arhivele Basarabiei VI, I, 1934, 63-64.

Postică 2006: Gh. Postică, Orheiul Vechi. Cercetări arheologice 1996-2001 (Iaşi 2006).

Riaboi, Tel'nov 1998: T.F. Riaboi, N.P. Tel'nov, Koseshty – zolotoordynskii tsentr XIV v. po proizvodstvu polivnoi keramiki v Dnestrovsko-Prutskom mezhdurech'e. In: Istoriko-kul'turnye svyazi Prichernomor'ia i Sredizemnomor'ia X-XVIII vv. po materialam polivnoi keramiki. (Simferopol' 1998), 177-179 // Т.Ф. Рябой, Н.П. Тельнов, Костешты – золотоордынский центр XIV в. по производству поливной керамики в Днестровско-Прутском междуречье. В сб.: Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X-XVIII вв. по материалам поливной керамики. (Симферополь 1998), 177-179.

Rikman 1955a: E.A. Rikman, Otchet ob arkheologicheskikh rabotakh v 1954 g. (Kishinev 1955). Arhiva MNIM, nr.2 // Э.А. Рикман, Отчет об археологических работах в 1954 г. (Кишинев 1955). Архив НМИИ, №2.

Rikman 1955b: E.A. Rikman, Arkheologicheskie raboty v 1954 g. na gorodishche u s. Koseshty. Izv. MFAN SSSR 5 (25), 1955, 95-112 // Э.А. Рикман, Археологические работы в 1954 г. на городище у с. Костешты. Изв. МФ АН СССР 5(25), 1955, 95-112.

Smirnov 1949: G.D. Smirnov, Itogi arkheologicheskikh issledovaniy v Moldavii v 1946 g. UZIIIAL (Kishinev 1949), 189-202 // Г.Д. Смирнов, Итоги археологических исследований в Молдавии в 1946 г. УЗИИЯЛ (Кишинев 1949), 189-202.

Tel'nov 1993: N. Tel'nov, Raport despre cercetările de câmp ale expediției arheologice la aşezarea de lângă satul Costeşti din anul 1993 (Chişinău 1993). Arhiva MNIM.

Tel'nov, Reaboi 1997: N. Tel'nov, T. Reaboi, Cercetarea oraşului Hoardei de Aur Costeşti-Gârlea. Tyragetia IV-V, 1997, 139-146.

Tel'nov, Riaboi 2000: N.P. Tel'nov, T.F. Riaboi, Zolotoordynskii gorod u s. Koseshty v Moldavii. Stratum plus 5, 2000, 108-118 // Н.П. Тельнов, Т.Ф. Рябой, Золотоордынский город у с. Костешты в Молдавии. Stratum plus 5, 2000, 108-118.

Vornic et al. 2017: V. Vornic, S. Tabuncic, S. Popovici, I. Ciobanu, Cercetările arheologice de salvare în situl medieval de la Costeşti-Gârlea. In: Cercetări arheologice în Republica Moldova. Campania 2016 (Chişinău 2017), 71-73.

Vlad Vornic, doctor în istorie, conferențiar, cercetător științific superior, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural al AŞM/ Director al Agenției Naționale Arheologice. Chişinău, str. Eminescu, 50, MD 2065, e-mail vornic.vlad@yahoo.com

MATERIALE ȘI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

Игорь Бруяко, Сергей Агульников

Погребения эпохи раннего – среднего бронзового века на территории предместья городища Картал

Keywords: burials, Bronze Age, fortified settlement, Pit-Grave Culture.

Cuvinte cheie: morminte, epoca bronzului, cetate, cultura Iamnaia.

Ключевые слова: погребения, бронзовый век, городище, Ямная культура.

Igor Bruiaiko, Serghei Agul'nikov

The Early-Middle bronze ages tombs from the Kartal fortress

The burials of Early- and Middle Bronze Age discovered by excavations of Kartal hill fort are analyzed in this article. One part of them belongs to the Pit-Grave Culture (later period), another – to the Culture Mnogovalikovaja. All burials are situated in the vicinity of ancient site, abandoned during the most part of the Bronze Age. The part of Pit-Grave burials represents flat/ pit graves (non-kurgan). We assume that the seasonal settlement was located here in some periods of Bronze Age, while in the steppe of Eastern Europe dominated the populations of cattle-breeders.

Igor Bruiaiko, Serghei Agul'nikov

Mormintele din perioada epocii bronzului timpuriu și mijlociu din apropierea cetății Cartal

În lucrarea de față se analizează o serie de morminte din perioada timpurie și mijlocie a epocii bronzului, descoperite în urma cercetărilor fortificației de la Cartal. O parte dintre ele sunt atribuite culturii Iamnaia (perioada târzie), altele culturii Mnogovalikovaia. Complexele funerare au fost semnalate în apropierea fortificației care a fost abandonată în cea mai mare parte a epocii bronzului. O parte din complexele Iamnaia sunt reprezentate de morminte plane. Presupunem existența în spațiul dat a unei stațiuni sezoniere ce a funcționat în perioade diferite ale epocii bronzului, timp în care stepele Europei de Est au fost dominate de populațiile păstorești.

Игорь Бруяко, Сергей Агульников

Погребения эпохи раннего – среднего бронзового века на территории предместья городища Картал

В статье анализируются погребения раннего и среднего бронзового века, обнаруженные при раскопках городища Картал. Часть из них относится к ямной культуре (поздний период), другие – к культуре Многоваликовой керамики (КМК). Все захоронения находятся в непосредственной близости от городища, заброшенного в течение большей части бронзового века. Часть ямных захоронений представляют собой грунтовые могилы (бескурганные). Мы предполагаем, что здесь могла располагаться сезонная стоянка в определённые периоды бронзового века, в то время когда в степях Восточной Европы доминировали популяции скотоводов.

Городище Картал расположено вблизи с. Орловка (Ренийский район Одесской обл.), на правом берегу Дуная. Местонахождение венчает вершину субширотного высокого мыса первой надпойменной террасы. Ядро памятника (акрополь) находилось на господствующей возвышенности (эрозионный выступ, или попросту вершина древней горы) имеющей официальный топоним – «Каменная гора». С востока (СВВ и ЮВВ) к акрополю примыкала территория радиусом 300-400 м. Это площадь представляла собой предместье городища (или посада).

Все публикуемые комплексы были обнаружены в ходе раскопок на территории посада за период с 2004 г. по настоящее время (рис. 1).

Памятник многослойный, однако, слоя, который бы соответствовал местонахождению с постоянным циклом обитания для большей части бронзового века, пока не зафиксировано. Эпоха энеолита – первый большой период в истории памятника – завершается вместе с финалом поселения культуры Чернавода I. Следующий раз крупное поселение возникает в Картале только в эпоху поздней бронзы.

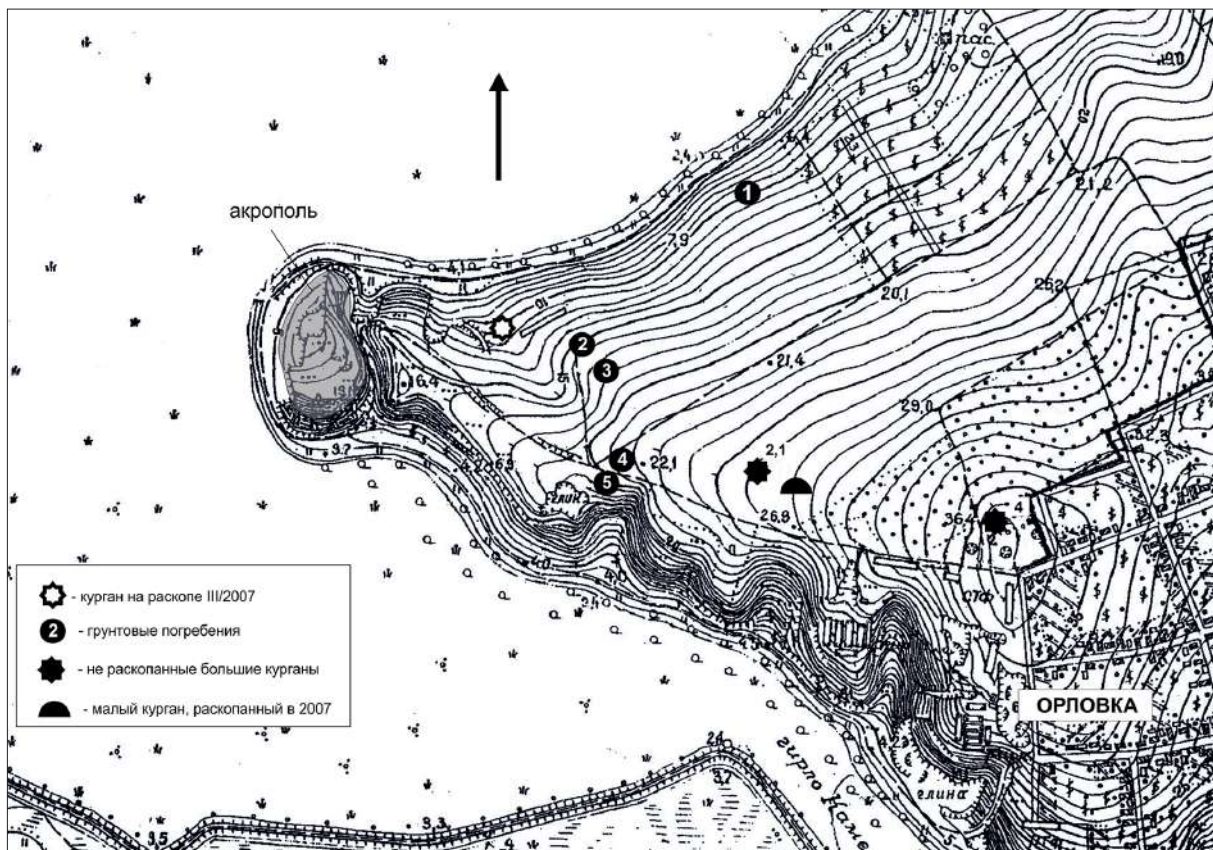

Рис.1. Расположение объектов в окрестностях городища Картал. 1 – погребение №24; 2 – погребение №162; 3 – погребение №203; 4 – погребение №532; 5 – погребение №3. (уч. «Юго-Восточный», раскоп I)

Fig. 1. Situation of archaeological objects near Kartal fortress. 1 – Tomb 24; 2 – Tomb 162; 3 – Tomb 203; 4 – Tomb 532; 5 – Tomb 3 (The South-Vest section).

Таким образом, публикуемые материалы отражают обширный и слабо насыщенный период, соответствующий раннему и среднему бронзовому веку.

В то же время, эта эпоха сравнительно плохо изучена в прилегающих районах между озёрами Кагул и Ялпуг. Преимущественно, речь идёт о погребальных памятниках курганного типа. Многолетними работами на этой территории было исследовано более 70 курганов различных культурно-исторических эпох, образующие как компактные могильники, так и изолированные курганные насыпи, расположенные на значительном расстоянии друг от друга. Подавляющее количество курганов возникло в различные периоды раннего и среднего бронзового века. В курганных группах «межозерья» отмечается преобладание основных захоронений ямной культуры, с которыми связано сооружение большинства курганных насыпей [Toshchev 1992, 48]. Исследовались курганы и в окрестностях с. Ор-

ловка. Первым таким объектом был курган, раскопанный в 1974 году, в котором были открыты захоронения среднего бронзового века [Subbotin 1984, 43-48]. Ещё один крупный курган (высотой до 3 м) исследовался к северу от Орловки в 1981 г.¹ Здесь, наряду с основным погребением периода позднего энеолита – раннего бронзового века, находились также впускные погребения раннего – позднего бронзового века [Bondari, Subbotin 2000, 154-162]. В 2007 г. рядом с городищем, в 200 м восточнее границы посада, был раскопан небольшой курган с основным погребением эпохи энеолита и впускными периода ранней и средней бронзы [Bruiako, Dzigovskii 2011, 273-278]. Этим исчерпывается перечень памятников эпохи ранней-средней бронзы, изученных ранее в окрестностях городища Картал. И мы переходим к публикации объектов этого времени, раскопанных непосредственно на тер-

1. Начальник экспедиции Р.Д. Бондарь. Раскопки кургана проводил И.А. Алексеев.

ритории городища. Описание погребений даётся по годам раскопок.

2005 г.

Погребение №24 (рис. 8,3). На участке скошенного кукурузного поля в промоине, рабочие экспедиции обнаружили человеческий череп. Расчистка квадратом 1,5x1,5 м выявила погребение. Захоронение находилось северо-восточнее городища и довольно далеко от него – 750 м к СВ от акрополя, и, примерно 500 м от границы посада (рис. 1). Не вполне обычна и топография объекта. Погребение расположено в северной, пойменной части мыса, которая в периоды сильных паводков покрывалась водой.

Несмотря на то, что костяк залегал практически у самой поверхности земли (по современным условиям), погребальную яму удалось проследить. В плане, она овальной формы, вытянута по линии ССЗ-ЮЮВ. Размеры – 140x90 см. Глубина – 3-4 (до 5) см. Погребенный лежал на левом боку в сильно скорченном состоянии, головой на ЮВ. Кости ног согнуты в коленях. Правое колено подтянуто к животу, левое находилось на уровне груди. Правая рука согнута в локте под острым углом, левая вытянута вдоль туловища.

За исключением небольшого фрагмента лепной керамики, найденного в западной части ямы ниже конечностей, других вещей в погребении не обнаружено. Да и сам фрагмент мог попасть в контур погребальной ямы случайно. Тем не менее, полагаем, что данное погребение можно датировать эпохой средней(?) бронзы.

2007 г. Раскоп III

Раскоп III (рис. 2) был заложен для изучения участка поселения раннего железного века. Однако кроме объектов этого периода в раскопе открыто 8 погребений, 5 из которых уверенно датируются эпохой бронзы (ямная культура и КМК). Три остальных сильно разрушены, но, по ряду соображений, их, скорее всего, также можно отнести к эпохе средней бронзы (КМК). Расположение этих погребений, а также разрез восточного борта раскопа, свидетельствуют о том, что захоронения были перекрыты курганной насыпью. К этому

же, по-видимому, небольшому кургану, снивелированному ещё в древности², относится и погребение №15, размытое водой и доисследованное в 2005 г.³. Погребения №№1-8, судя по круговой планировке, вероятно, обозначают один из секторов древнего кургана, скорее всего западную часть насыпи.

Погребение №1. Одиночный череп зафиксирован на отметке –40см. Череп фрагментирован, лежал на левой стороне, лицевой частью на ЮЗ. Примерно в 10 см к ЮЗ от черепа человека лежал череп собаки, а к СВ, на таком же расстоянии – небольшой плоский камень. Череп окружал очень плотный суглинистый грунт. Вероятно, погребальная яма была им забутована. Разрушение захоронения, скорее всего, связано с ямой №9 античного времени. Судя по наличию некоторых признаков, отмеченных в других, надёжно атрибутированных погребениях КМК (использование камня, глинистая забутовка), погребение №1 можно отнести к этому же культурно-хронологическому горизонту.

Погребение №2 (рис. 3). Погребённый лежал в сильно скорченной позе на правом боку головой на ЮЮВ. Кости рук согнуты в локте под прямым углом и перекрещены таким образом, что лучевые кости левой руки лежали поверх плечевой (чуть выше локтя) правой. Кости ног согнуты под очень острым углом. Колено левой ноги вплотную подведено к левой руке.

Костяк был обложен сланцевыми камнями, поставленными на ребро. Два крупных камня находились за спиной. Маленький камень лежал плашмя сверху на верхней грани крупного, поставленного на ребро. Перед грудью, на коленном суставе правой ноги и костях левой руки стоял ещё один камень. Небольшой камень находился за головой.

Хотя погребальная яма не прослежена, однако, судя по конфигурации камней, которые вероятно опирались на стенки погребальной ямы, последняя должна была иметь форму близкую к овальной. Отметки камней: верх

2. Об этом косвенным образом свидетельствует тот факт, что курган не отмечен на топольёмке местности, впервые проведённой в 1848 г. экспедицией графа А.С. Уварова. В то же время, на плане отмечены другие насыпи, в том числе и практически полностью спланированные в настоящее время.

3. Погребение в неглубокой яме. Костяк лежал вытянуто на спине головой на запад. Инвентарь отсутствовал.

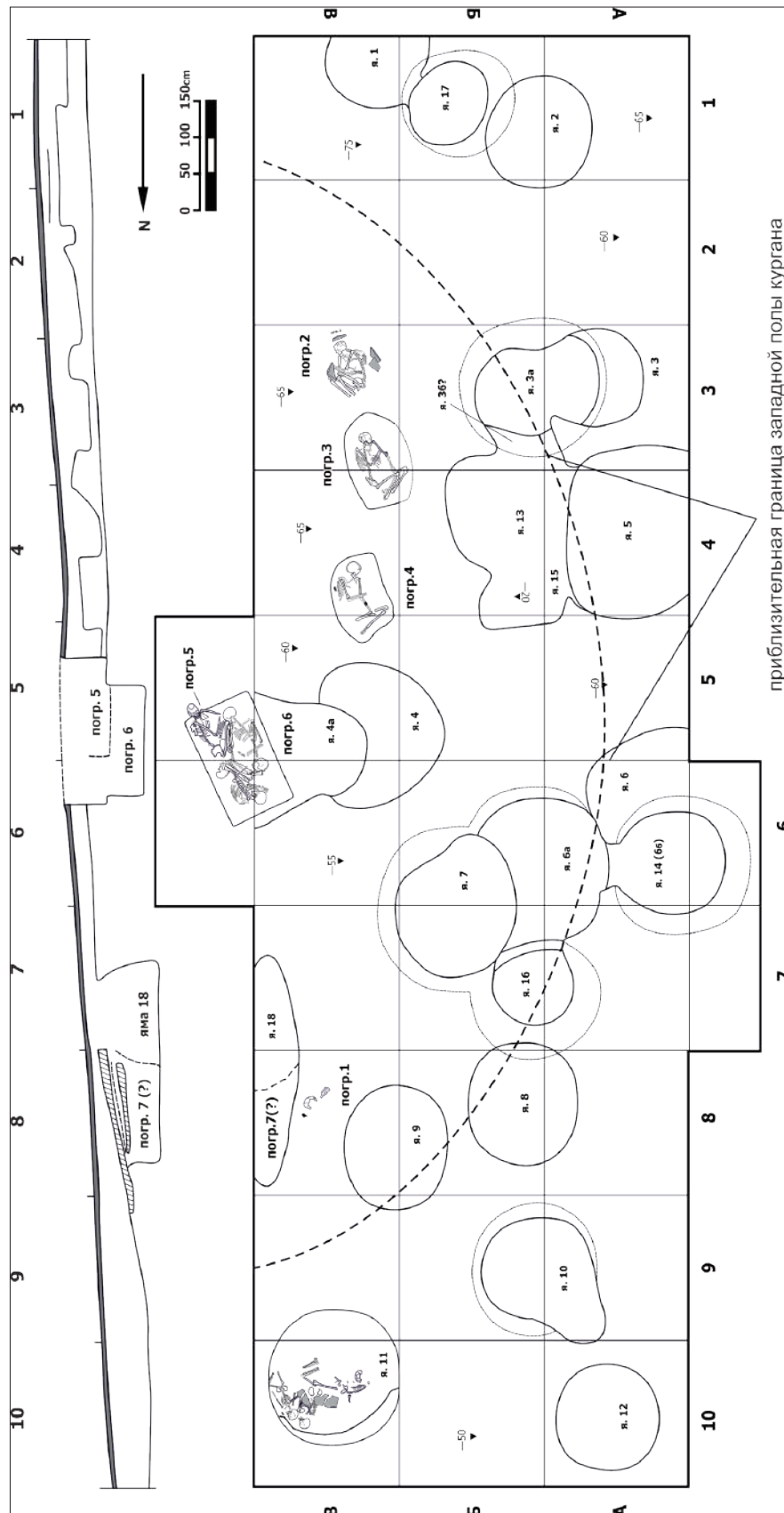

Рис. 2. Раскоп III/2007 г.

Fig. 2. Plane of Section III/2007.

–55–57, низ –75 см. Костяк залегал на уровне –75–77 см. Заполнение над костяком суглинистое, исключительно плотное, по фактуре похожее на сырцовую массу.

Погребение №3 (рис. 3). Расположено в 1 м к северу от погр. №2 (рис. 2). Яма имеет форму близкую к овалу. Западная стенка прослеживается плохо. Контур ямы зафиксирован на отметке –77 см, череп проступил на отметке –72 см. Дно ямы имеет отметку –85–88 см. Погребённый лежал в среднескорченном положении на левом боку головой на ЮЮВ. Левая рука вытянута вдоль туловища под углом к нему. Правая согнута в локте под прямым углом, кисть должна была лежать на плечевой кости левой руки. Кости ног сильно согнуты в коленях. Грунт заполнения ямы аналогичен двум предыдущим погребениям – плотный, суглинистый.

Инвентарь. Под локтем левой руки находилась круглая вогнутая костяная пряжка с центральным сквозным отверстием (рис. 4,3). Тип пряжки позволяет датировать погребение ранним этапом КМК.

Погребение №4 (рис. 3). Располагалось в нескольких десятках сантиметров от края ямы погребения №3 (рис. 2). Погребальная яма имеет форму близкую к овалу (западная, длинная стенка почти ровная), вытянутому по линии С-Ю. Контур зафиксирован на отметке –68–75 см. Размеры ямы 125x70 см, глубина – 5–10 см.

Костяк лежал в скорченном положении на левом боку головой на ЮЮВ. Сохранность плохая. Отсутствуют кости таза и позвоночного столба. Череп (отметка –67 см) наклонён вниз к левому плечу. Левая рука чуть согнута в локте, лежит вдоль туловища. Кости правой согнуты в локте под прямым углом и лежат поверх плечевой кости левой руки чуть выше локтя. Кости ног сильно согнуты в коленях.

Инвентарь. За спиной на уровне грудных позвонков остриём к спине лежал длинный плоский хорошо зашлифованный камень. Одна из его длинных сторон закруглена, другая клиновидная в сечении (рис. 4,5). На середине

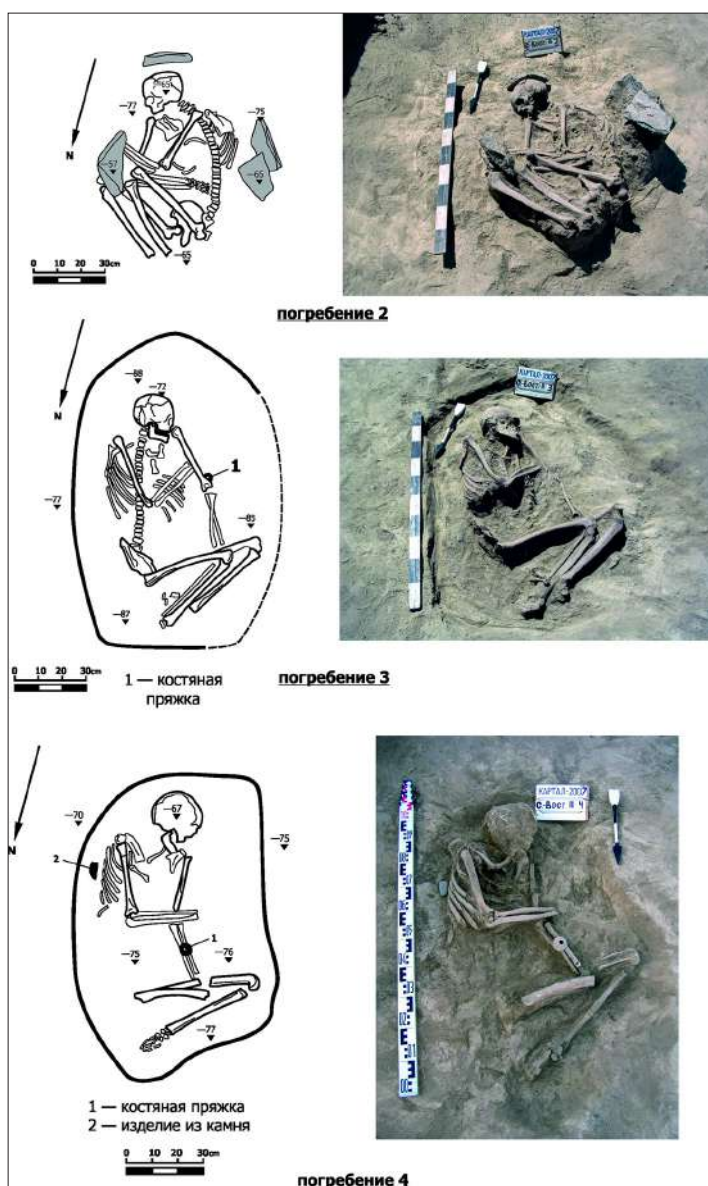

Рис. 3. Раскоп III/2007 г. Погребения №№2, 3, 4.

Fig. 3. Section III/2007. The tombs 2, 3-4.

длины лучевых костей левой руки, поверх них лежала пряжка, изготовленная из какого-то белого, зернистого минерала, похожего на алебастр. Изделие отлично зашлифовано, имеет центральное отверстие, снабжённое втулкой и небольшое отверстие на широкой плоскости пряжки (рис. 4,4).

Погребение относится к КМК. В отличие от предыдущих захоронений данного периода, в заполнении ямы не отмечены следы глинистой забутовки.

Погребение №5 (рис. 4,1). Располагалось на прирезке по восточному борту раскопа (рис.

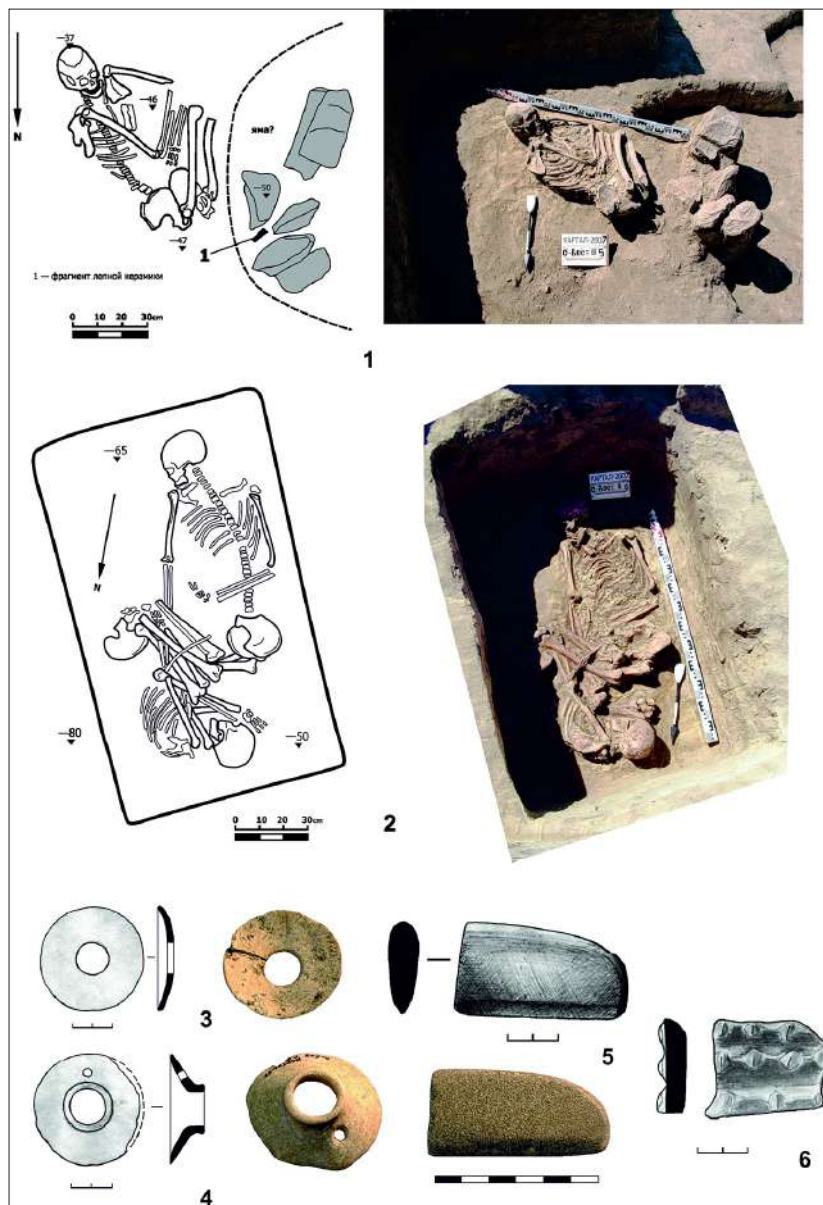

Рис. 4. Раскоп III/2007 г. Погребения №№5, 6. Инвентарь из погребений №3 (3), №4 (4, 5) и фрагмент керамики, предположительно из погребения №7 (6).

Fig. 4. Section III/2007. Tombs 5-6; archaeological inventory from tombs 3 (3), 4 (4, 5); and one fragment of pottery from Tomb 7 (6).

2). Погребальная яма не прослеживалась. Костяк лежал на спине с поворотом на левый бок, головой на ЮВ. Руки были сложены на животе так, что лучевые кости располагались параллельно друг другу (аналогично погр.№2). Ноги согнуты в коленях, которые первоначально, возможно были подняты кверху. Кости голеней не сохранились, вероятно, они были срезаны

при сооружении ямы античного времени (№4а).

Западнее костяка, буквально в 10-15 см расчищено скопление сланцевых камней средних размеров. Камни уложены плашмя. Полагаем, что это скопление связано с упомянутой античной ямой. Череп погребения №5 проступил на отметке –32 см. Уровень залегания костяка –46-47 см. Отметки верха камней –32, –40, –50 см. При расчистке скелета отмечался исключительно плотный грунт, аналогичный погребениям №№1–3.

Погребение №6 (рис. 4,2). Располагалось непосредственно под погр.№5 с незначительным смещением к западу. Яма правильной прямоугольной формы, ориентирована с ССЗ на ЮЮВ. Её контур зафиксирован на отметке –80-85 см. Размеры ямы: 155х95 см, глубина –60-65 см. В яме находилось 2 костяка, которые были уложены головами в противоположные стороны («валетом»). Первый скелет (южный), был ориентирован головой на ЮЮВ. Он занимал бо́льшую часть ямы и

лежал на спине в положении средней скорченности. Кости правой руки вытянуты вдоль туловища, левой – согнуты под прямым углом, при этом, лучевые кости лежали поперёк живота. Между левой плечевой костью и позвоночным столбом прослежены интенсивные включения ярко-белой мелкой крошки. Кости ног согнуты под острым углом и уложены вправо. Пятки располагались у лицевой части черепа второго скелета, который находился в положении очень сильной скорченности. Настолько сильной, что занимал всего лишь четвертую часть ямы (северо-восточный угол). Судя по костям рук, они обхватывали ноги чуть ниже

колен. Коленные суставы находились почти у самой груди.

Костяки залегали на подсыпке грунта толщиной до 5 см. Оба достаточно густо посыпаны охрой. Инвентарь в погребении отсутствовал. Захоронение следует отнести к ямной культуре.

Погребение №7. Одиночный череп и разрозненные кости скелета обнаружены в заполнении ямы №18 эпохи среднего гальштата (рис. 2). Наряду с типичной гальштатской керамикой, в заполнении найден столь же типичный фрагмент венчика лепного горшка КМК. Он украшен тремя параллельными валиками с пальцевыми вдавлениями (рис. 4,6). Вероятно, при сооружении ямы №18 было разрушено ещё одно погребение КМК.

Погребение №8. Представляло собой беспорядочное скопление костей (крестец, ребра, отдельные кости рук), которое залегало в слое толщиной 40 см между погр.№5 и уровнем фиксации контуров ямы погр.№6. Хронологический диапазон между этими двумя погребениями определяет и время совершения погребения №8 и время его разрушения. Однако, нельзя исключить и то, что погребение №8 предшествовало по времени погребению №6. Процесс вторичного (беспорядочного) «захоронения» костей скелета погребения №8 мог происходить двумя путями. Первый. Яма погребения №6 имела уступ (довольно широкий) на котором в основном и оказались кости погребения, разрушенного при сооружении этой ямы. Второй. Первоначально яму для погр.№6 начали копать чуть восточнее. Натолкнувшись на более раннее захоронение и разрушив его, строители сместились к востоку. При последующей просадке грунта на месте ямы погребения №6, в её контуре и могли оказаться отдельные кости погр.№8. В этом случае, погр. №8, очевидно, не может относиться к кругу захоронений КМК.

Открытие погребения ямной культуры в окружении захоронений КМК свидетельствует о том, что в древности на этом низком, пологом склоне мыса, вероятно, находился небольшой курган. В определённой мере это подтверждают наблюдения над разрезом восточного борта раскопа III (рис. 2). Здесь, в кв.8 отмечаются повышающиеся с севера на юг прослойки суглинка. С чем они связаны, сказать трудно. Но, очевидно, что прослойки

залегали на склоне какой-то невысокой (до 30 см) насыпи. Таким образом, ансамбль погребений ранней и средней бронзы раскопа III является курганным и составляет западную часть насыпи кургана. Возможно, ямное погребение №6 является центральным. Однако не исключено и то, что основное захоронение находится где-то восточнее. В любом случае, расширение раскопа в этом направлении пока невозможно, так как с этой стороны вплотную к раскопу примыкает полевая дорога.

2009 г. Раскоп IV

Погребение №162 (рис. 5). Прямоугольная яма со слегка закруглёнными углами выявлена на отм. –88-98 см (поверхность понижается с юга на север). На глубине 1 м (10-12 см от уровня контура) в южном секторе ямы зафиксирован уступ, который полностью обрамляет южную (короткую) стенку. Его ширина здесь до 35 см. Далее, поворачивая вслед за восточной и западной стенками, уступ постепенно сужается и, примерно на середине длины ямы сливается с длинными стенками. Размеры ямы по верхнему контуру 270х130-135 см.

Погребённый лежал на грунтовой подсыпке толщиной до 30 см. Причём, в этой подсыпке прослежен контур прямоугольной ямы (130х75 см) в которой собственно, и находился костяк. Ему было придано положение средней скорченности на правом боку. Ориентировка южная, хотя голова была опущена вниз, к области груди. То есть, лицевой частью череп был обращён на север. Левая рука согнута в локте под прямым углом, причём плечевая кость лежит параллельно позвоночному столбу. Правая была вытянута так, что её кисть находилась вблизи правого колена. Ноги согнуты в коленях.

Инвентарь. Под правой скуловой частью черепа лежала тонкая круглая серебряная пластина с двумя симметричными отверстиями по краю (рис. 5,1).

Предполагалось, что этот комплекс ямного времени мог быть впущен в насыпь небольшого кургана, сооружённого над захоронением №160 эпохи позднего энеолита, расположенного в 1,5-2 м юго-западнее (рис. 9)⁴.

4. Не опубликовано. Костяка в погребении не было. Зато была обнаружена оранжевоглиняная амфорка позднетрипольского типа.

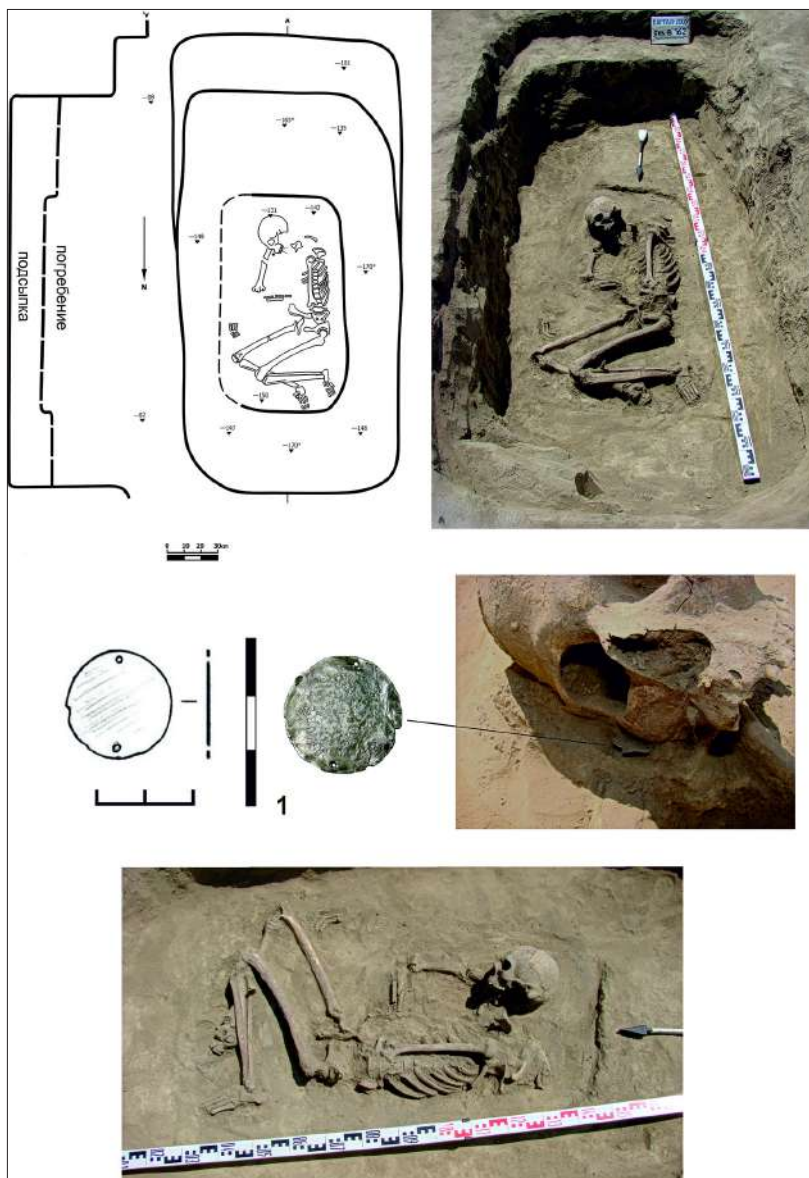

Рис. 5. Раскоп IV/2009 г. Погребение №162. Серебряная пластина-подвеска (1) и её место нахождения.

Fig. 5. Section IV/2009, Tomb 162; The silver plate from the tomb 162 (1) and his position in the tomb.

Раскоп V

Погребение №203 (рис. 6,1). Погребение парное. Яма имеет вид широкого прямоугольника. Контур, размерами 175-180х110-115 см, выявлен на уровне -85 см. Глубина в материке – 60 см. На уровне материка контур данного погребения сливался с контуром погр.№202 эпохи среднего Гальштата. Восточная, длинная стенка погребальной ямы была разрушена при сооружении ямы погр.№202. Тогда же, были серьёзно потревожены костяки погр.№203, особенно тот, кото-

рый располагался у восточной стенки. И, тем не менее, можно сказать, что погребённые были уложены спинами друг к другу. Правый, западный костяк лежал практически на животе. Если бы не кости ног, согнутые в коленях и уложенные вправо, можно было бы сказать, что умерший лежал ничком. Череп был обращён теменной частью кверху, нижняя челюсть упиралась в дно ямы. Плечевые кости располагались параллельно позвоночному столбу. Второй костяк сильно разрушен, но можно думать, что он был уложен в сильно скорченном положении на правом боку, головой на ЮВ. Костяки были посыпаны охрой, концентрированные следы которой отмечались вблизи черепов. Оба погребённых были уложены на подстилку органического происхождения. Инвентарь отсутствовал.

2011 г. Участок «Юго-Восточный».

Раскоп I

Погребение №3 (рис.7,1-2). Большая квадратная в плане яма (210х200 см по верхнему контуру) была открыта на прирезке к раскопу. Яма ори-

ентирована по сторонам света. Ниже контура с трёх сторон на различной глубине располагаются уступы. Вдоль северной стенки находится самый мелкий уступ – 5-10 см. Уступ вдоль южной стенки сооружён на глубине 22 см. Оба этих уступа имеют прямоугольную форму и ширину от 30-35 до 50 см. Третий уступ – треугольный в плане – устроен вдоль западной стенки на глубине 60-65 см. Восточная стенка уступа не имеет. Она лишь слегка наклонена и чуть сужается ко дну.

Оставшееся пространство в форме косоугольника (185 и 135х125-130 см) фактически образует погребальную камеру. На её дне (глубина 85-90 см от верхнего края) находился

костяк обильно посыпанный охрой. Наиболее интенсивно окрашены череп и область шейных позвонков. Погребенный находился в скорченном положении на правом боку головой на ВСВ. Ноги уложены влево. Кости правой руки вытянуты по диагонали, кисть положена на колено правой ноги. Левая рука согнута в локте под прямым углом, кисть касается середины левой берцовой кости. На лицевой части черепа зафиксирована *глиняная маска* – заклепаны глазницы и носовая полость⁵. Инвентарь отсутствовал.

К особенностям обряда нужно отнести исключительно чистое и весьма плотное суглинистое заполнение. Местами по цвету и плотности оно почти не отличалось от материковых границ ямы. Конструкция ямы более всего соответствует обрядности ямной культуры. В то же время, глиняные маски характерны для носителей катакомбной культуры и в древностях ямной нам не известны.

2016 г. Раскоп VI

Погребение №532 (рис. 8,1).

Большая овальная в плане яма зафиксирована на глубине 65-80 см. Яма ориентирована по линии С-Ю. Размеры ямы по верхнему контуру – 200x150-155 см. В придонной части вдоль восточной, западной и южной стенок оборудован сплошной уступ. Глубина до уступа от верха ямы – 45-50 см, в средней части ямы, под погребением – 60-65 см. Ширина уступа у восточной стенки до 30 см, южной – 25, западной – 10 см.

Костяк лежал по центру ямы в скорченном положении, на спине, с поворотом на правый бок, головой на юг. Правая рука чуть согнута в локте, левая сильнее и лежала на тазе. Ноги согнуты под острым углом и уложены влево. На

5. Отсутствие глиняной пробки в левой глазнице – результат излишне тщательной (в данном случае) зачистки костяка девушками-студентками и кратковременной потери контроля над происходящим со стороны руководства экспедиции.

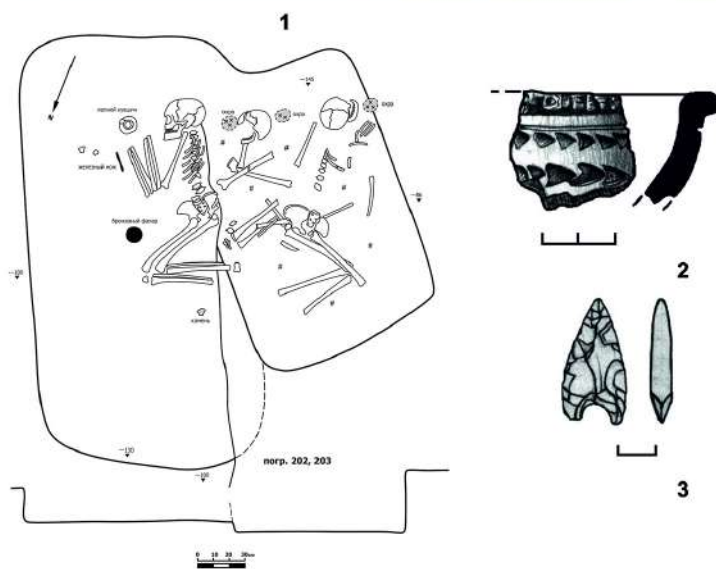

Рис. 6. Раскоп V/2009 г. Погребение №203 (1), фрагмент керамики (2) и наконечник стрелы (3) с территории поселения (подъемный материал).

Fig. 6. Section V/2009 г. Tomb 203 (1), fragment of pottery (2) and one silex arrow (3) from Kartal territory (material from the settlement suprafaction).

костях скелета замечены следы охры. За головой стоял небольшой лепной горшок (рис. 8,2). Погребение относится к ямной культуре.

В дополнение к публикуемым материалам, считаем полезным присоединить данные антропологических исследований, имеющиеся для большинства погребений⁶.

6. Коллекцию независимо изучали Липатов К.С. (Одесский Национальный университет им. И.И. Мечникова), а также канд. ист. наук Моисеев В.А. и канд. ист. наук Селезнёва В.И. (Музей антропологии и этнографии РАН, Санкт-Петербург).

№	Погребение	Половозрастные определения	
		Липатов К.С.	Моисеев В.А., Селезнёва В.И.
1.	№24 (КМК?)	не определял	♂ Maturus
2.	p.III, погр.1 (КМК)	♀ Adultus	не определяли
3.	p.III, погр.2 (КМК)	♀ Adultus	возм. ♀ Adultus
4.	p.III, погр.3 (КМК)	♂ Adultus	♂ Maturus
5.	p.III, погр.4 (КМК)	♂ Maturus	♂ Maturus
6.	p.III, погр.5 (КМК)	не определял	♂ Maturus
7.	p.III, погр.6 (ЯК) парное	♂ Maturus ♀ Adultus	♂ Maturus ♂ Maturus
8.	Уч. «Юго-Вост.», погр.1 (ЯК)	не определял	♀ Adultus

Культурная принадлежность и хронология комплексов

К погребениям ямной культуры относятся пять комплексов, выявленных на разных участках посада городища (рис. 1).

Погребение №6 (раскоп III) было расположено в центре предполагаемой курганный насыпи. Захоронение парное. Скелет 1, уложен в скорченном положении на спине. Сильная скорченность и позиция рук соответствует группе 5, свойственной позднеямному, а скорее постъямному времени. Скелет 2, уложенный в СЗ части погребальной камеры, находился в сильно скорченном положении, на левом боку, частично перекрывая кости ног скелета 1. Поза и ориентировка также соответствует постъямному времени, при этом его позиция свойственна захоронениям позднеямного времени. В целом, погребальный обряд в погребении 6 соответствует группе IV- коллективные (или точнее – парные) захоронения по типологии Е.В. Ярового. Для группы IV характерны следующие позиции, когда скелет взрослого лежит в скорченном положении на спине, или же на спине с наклоном вправо, как в нашем случае, а детский скелет находится в скорченном положении на боку, но ориентирован в противоположную от взрослого костяка сторону [Iarovoï 1985, 71-72, рис.15,IV]. С другой стороны, комплекс парного ямного захоронения 6 можно рассматривать и как подзахоронение, в данном случае, скелет 2, уложенный в позе «адорации», является разновидностью доминирующей позы, с которой образует единую группу [Iarovoï 2000, 22]. Погребальный обряд 6-й группы для одиночных захоронений, в первую очередь, характеризу-

ется скорченным положением на спине, с разворотом вправо, когда правая рука вытянута, а левая согнута поперек туловища. Включения ярко-белой крошки между плечевой костью и позвоночным столбом являются специально положенными в погребальную камеру конкрециями глины-«белоглазки». Этот обычай неоднократно встречается в захоронениях ямной культуры региона и используется на перекрытиях, в заполнении и на дне погребальных камер [Iarovoï 1985, 65].

Погребение №162, совершённое в погребальной камере с уступом, содержало костяк, скорченный на спине с разворотом вправо, левая рука согнута, а правая была вытянута вдоль туловища. Позиция скелета соответствует группе 6-позднеямные, с которыми связано 28 случаев или 65% основных погребений в курганах [Iarovoï 2000, 22]. Под скелетом была совершена подсыпка из глины вперемешку с песком. Аналогичное явление имело место и в позднеямном погребении 6, кургана 3 у с. Вадулуй Исака, когда подобной по составу подсыпкой было засыпано специальное углубление под костяком [Aguľnikov, Ursu 2009, 68, fig. 7,1]. Металлическая (серебряная) подвеска из погребения 162 не имеет прямых аналогий в инвентаре ямной КИО Северо-Западного Причерноморья. Не исключено, что данное изделие нашивалось на одежду, или являлось деталью другого, плохо сохранившегося нашивного украшения (очелье?). Следует отметить значительное количество серебряных украшений, правда, иного типа (височных колец в 1,5-2 оборота), в комплексах ямной культуры региона [Nikulitsa 2009, 157-169]. Из 22 выявленных на данный момент ювелирных изделий ямной культуры только два

предмета изготовлены из золота, тогда как все остальные из серебра. Ко времени распространения на территории современной Молдовы племен носителей ямной культуры относятся височные кольца, выполненные из драгоценных металлов (серебра, золота) выявленные при раскопках погребений в 15 курганах Пруто-Днестровского междуречья [Nikulitsa 2009, 159].

Парное погребение №203, судя по позициям находящихся в нем скелетов, следует отнести к позднеямному времени. В данной ситуации наличие наклона или же разворота вправо у скелета 1 и влево у скелета 2 подтверждает мнение о том, что в пределах одной хронологической группы позиции погребенных не всегда совпадают [Iarovoï 2000, 22].

Погребение №532, судя по положению скелета, относится к группе 6 «позднеямные» погребения, характерные для поздних фаз ямной культуры в Северо-Западном Причерноморье [Iarovoï 2000, 27], хотя, зачастую подобная поза скелета имеет место и в «постъямных» памятниках. Горшок из погребения №532 относится к типу I («горшковидные» сосуды), что составляет почти треть керамического комплекса в регионе [Iarovoï 1985, 83, рис. 19, I]. Эти сосуды характеризуются округлым выпуклым туловом со слегка зауженным горлом, небольшим отогнутым венчиком и плоским дном. В большинстве случаев они неорнаментированы. Лишь в трёх случаях присутствует орнамент, как правило, шнуровой (Оргеев 1/3, Оланешты 13/8, Нерушай 9/56), но иногда на корпусе есть насечки [Iarovoï 1985, 83]. Здесь следует отметить, что подобная керамика встречается и в более ранних комплексах ямной культуры, соответствующих типу IV («собственно ямные» памятники), продолжая существовать вплоть до позднеямного и постъямного времени.

Погребение №3 (участок «Юго-Восточный», раскоп 1), судя по погребальному обряду, также относится к позднеямной серии, для которой ха-

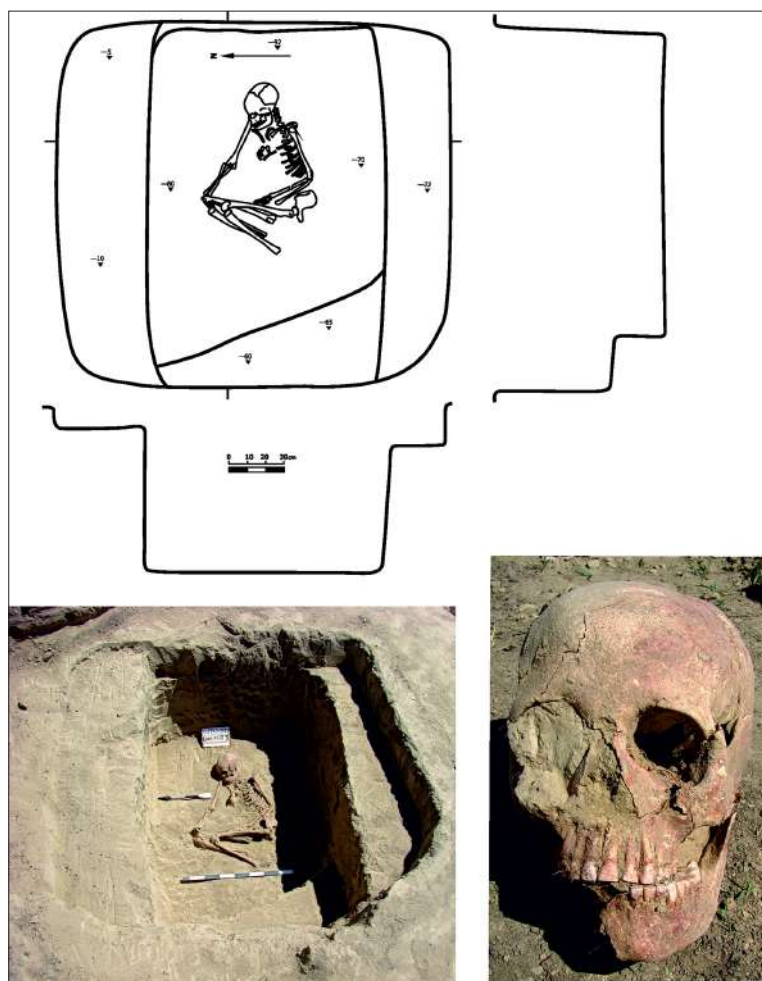

Рис. 7. Участок «Юго-Восточный». Раскоп I. Погребение №3.

Fig. 7. Kartal. Sector «South-Vest». Section I. Tomb 3.

актерны погребальные камеры с уступами различной конфигурации. Позиция скелета скорченная с разворотом вправо, когда правая рука вытянута, а левая уложена на таз или рядом с ним. Подобная поза является доминирующей для позднеямных памятников и включает в себя 248 или 16% захоронений ямной культуры [Iarovoï 2000, 22]. Наличие же глиняной маски на черепе погребенного может служить прямым доказательством контактов носителей позднеямной или же буджакской культуры региона с населением катакомбной культуры.

Учитывая, что позднеямные памятники доживают в бассейне Ялпуга и Кагула до периода средней бронзы и смыкаются с комплексами культуры Многоваликовой керамики, вполне возможно, что между позднеямными и катакомбными племенами имели место определен-

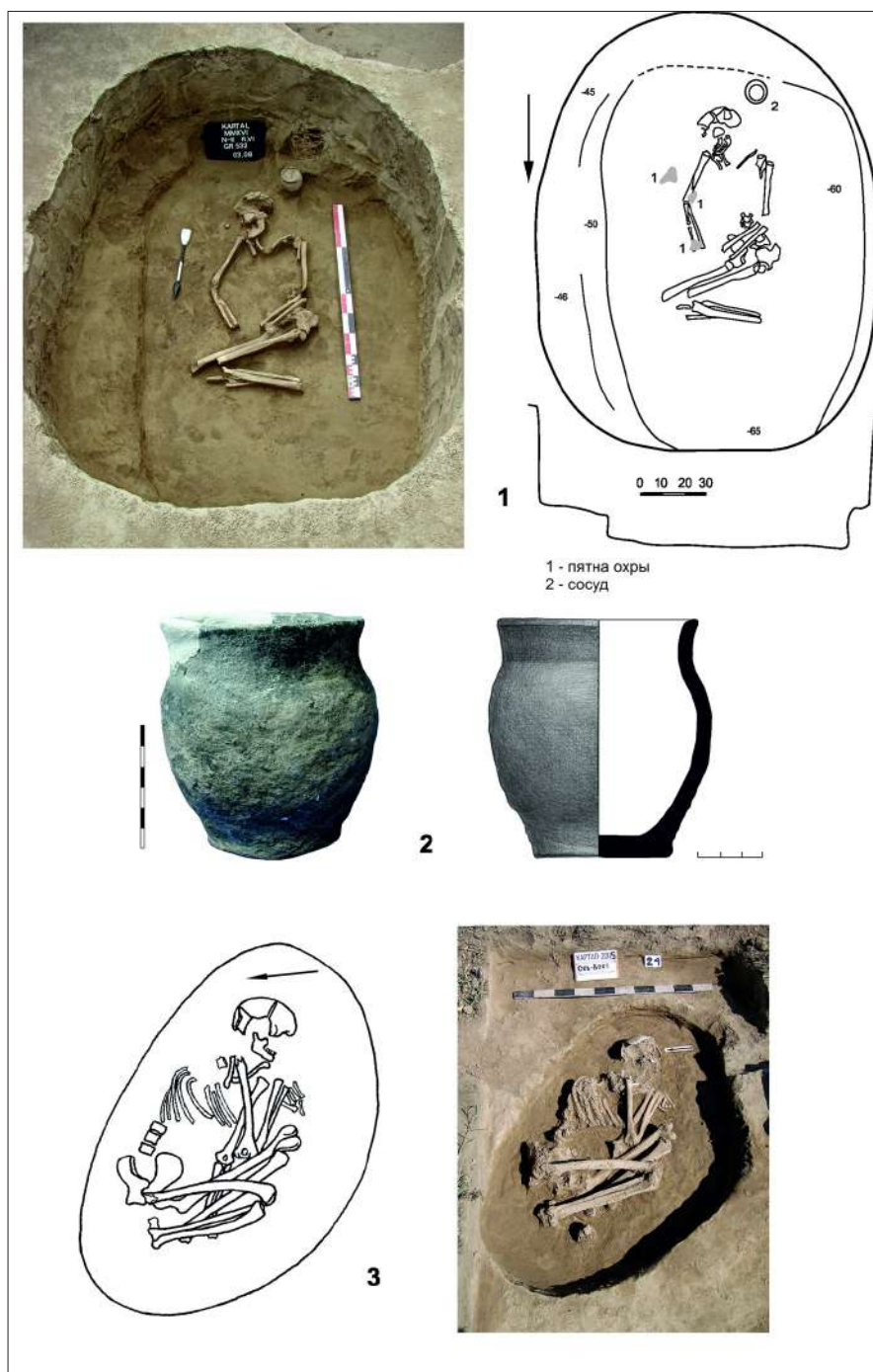

Рис. 8. Раскоп VI/2016 г. Погребение №532 (1) и сосуд из него (2). Погребение №24/2005 г. (3).

Fig. 8. Section VI/2016, Tomb 532 (1); The vessel from Tomb 532 (2); Tomb 24/2005 (3).

ные контакты и заимствования. Косвенным подтверждением таких контактов может служить находка кремневого наконечника стрелы с выемкой у основания, более свойственного катакомбной культуре (рис. 6,3), а также фрагмента открытого, чашеобразного сосуда. Последний орнаментирован треугольными на-

колами и насечками по венчику (рис. 6,2)⁷. Что же касается глиняной маски, то ближайшие находки такого типа отмечены в курганах у с. Ясски на Нижнем Днестре [Alekseeva 1989, 4-5]

7. Оба предмета представляют собой подъемный материал. Они обнаружены в юго-западной части посада неподалёку друг от друга.

и в погребениях катакомбной культуры в курганах Приазовья и Северного Крыма [Toshchev 2007, 120, ris. 61,1-2]. В свою очередь, находки ямного инвентаря в ингильских погребениях КК, и наоборот ингильской керамики в позднейших погребениях, ямная поза в ингильских катакомбах, а в том числе и появление глиняной маски в ямном комплексе очередной раз доказывает длительное сосуществование позднейшей и ингильской культур [Pustovalov 1999, 252]. Характерно, что в ямной культуре, по мнению З.П. Мариной, этот обряд соответствовал высокому социальному статусу умершего [Marina 1990, 45-46]. Моделировка на черепе встречена не только у ингильского населения КК, но и у позднейшего и раннекатакомбного, однако в значительно меньшей мере [Pustovalov 1999, 253]. Поэтому наличие моделированного черепа в Картале вполне закономерно и является результатом взаимодействия в регионе Нижнего Подунавья носителей позднейшей и катакомбной культур. В целом можно согласиться с мнением Г.Н. Тощева о том, что в междуречье Ялпуга и Кагула и далее на юг вплоть до Дуная практически отсутствуют памятники катакомбной культуры, а позднейшие погребальные комплексы смыкаются с памятниками КМК. Какая-то группа позднейшего населения, определяемая как «бужакская» [Dergachev 1986, 88], препятствовала проникновению носителей катакомбной культуры в регион и доживала в этом, своеобразном рефугиуме, ограниченном нижним течением Прута-Дуная с одной стороны, а придунайскими озерами с другой [Toshchev 1992, 48]. Подобная картина отмечается также и в междуречье Кагул-Прут, где памятники катакомбной культуры также отсутствуют [Agu'nikov 2014, 29-38]. Носители катакомбной культуры не смогли проникнуть на территорию рассматриваемого участка, и ямные племена обитали здесь довольно продолжительное время, смешавшись позже с носителями КМК, передав им при этом определенные традиции материальной культуры [Toshchev 1991, 21-22].

Погребения культуры Многоваликовой керамики.

Всего на посаде Картала было исследовано 6(?) погребений КМК. Возможно, сюда нужно отнести и погр.№24. Группа захороне-

ний, выявленная на участке раскопа III (№№ 1-4,5,7), представляла собой своего рода могильник периода средней бронзы, вписанный в насыпь небольшого кургана ямного времени.

Погребения №№1 и 7, основываясь на их стратиграфических данных, могут быть отнесены к КМК.

Погребение №2, соответствует типу А, позиция 3, где скелет погребенного находится в сильно скорченном положении [Savva 1992, 21, ris. 3 А], а каменная оградка представляет собой имитацию «каменного ящика», что соответствует типу VII – захоронения в каменных ящиках [Savva 1992, 18].

Погребение №3, совершенное в яме овальной формы, соответствует типу В, позиция 4, где скелет погребенного, как правило, лежит на левом боку в состоянии средней скорченности. При этом правая рука уложена поперек туловища, а левая вытянута вдоль корпуса, но может быть и слегка согнута в локтевом суставе [Savva 1992, 21, ris. 3, В, позиция 4]. В ориентации костяков преобладают северо-восточный и юго-восточный сектора курганов. Погребальная камера овальной формы относится к типу А для погребальных сооружений КМК и является преобладающей для данного культурного образования [Savva 1992, 18, ris. 1А]. Всего в этой группе насчитывалось (по данным на 1992 г.) 166 погребальных камер овальной формы.

Инвентарь погр.№3 представлен костяной пряжкой округлой формы, с выпуклой внешней поверхностью. Подобные пряжки относятся к типу I [Savva 1992, 42, ris. 11, I], который считается достаточно ранним, и, по аналогиям в культуре Монтеору, датируется периодом 1С-3-1А, что соответствует XVII–XV вв. до н.э. [Savva 1992, 173].

Погребение №4 интерпретируется следующим образом. Погребальная камера неправильной овальной формы соответствует типу А. Скорченная на левом боку позиция скелета относится к типу В, позиция 4, где скелет обычно средне скорчен на левом боку, а кости правой руки положены поперек туловища на левую руку. Инвентарь представлен каменной пряжкой, по своей форме относящейся к типу III [Savva 1992, 44, ris. 12]. Пряжки III-го типа имеют дополнительное малое отверстие. Они

выпуклые в сечении, с выделенным бортиком вокруг большого отверстия. Пряжки подобной формы преобладают в данной культурной группе, но всего 5 из них в регионе изготовлены из камня [Savva 1992, 44-45]. Территориально ближайшей аналогией является каменная пряжка из кургана 1, погр. 9 у с. Фрикацей [Toshchev, Sapozhnikov 1990, 14, рис. 11,12]. В Днестровско-Дунайском междуречье подобные находки известны из курганов у сс. Вишневое, Траповка [Dvorianinov, Subbotin, Dzigovskii 1985, 132-173]. Еще один экземпляр найден на левобережье Дуная в Брэилице [Națușche 2002, 227, fig. 84,1-12]. В междуречье Прута и Кагула обломок подобной пряжки из мраморизированного известняка найден в погребении 5 кургана 5 у с. Гаваноаса [Agul'nikov 1998, 66-67, рис. 1,4-5]. Изделие из камня в погр. №4 (рис. 4,5), скорее всего, является фрагментом оселка.

Фрагмент керамики с множеством расчлененных пальцевыми вдавлениями валиков (рис. 4,6), возможно, связанный с погр. 7, происходит от сосуда I-го типа (по типологии Е. Саввы). Эти сосуды, как правило, имеют баночную, но чаще биконическую форму, и дополнительно к множеству валиков, сопровождаются элементами как пластического, так и прорезного орнамента, с преобладанием треугольных фигур и «ёлочно-паркетного» узора [Savva 1992, 32-33, рис. 7,1].

Безинвентарное погребение №24, судя по степени скорченности, ориентировке в южном направлении, типу погребальной камеры (тип I), скорее всего, также относится к группе захоронений КМК, исследованных на участках Картал-посад. Хотя, в данной ситуации, можно предположить его более позднее совершение в сабастиновское или в белозерское время⁸. В свою очередь, такое же безинвентарное погребение №5 раскопа III следует отнести к КМК, учитывая его расположение и ориентировку (ЮВ) как в инвентарных захоронениях №№2-4.

Что касается памятников периода средней бронзы, открытых на местности, примыкающей непосредственно к памятникам археологического комплекса Картал-Орловка, то следует отметить материалы кургана у с. Орловка, ис-

следованного в 1974 г. [Subbotin 1984, 43-48]. В данном кургане, возведенном над основным погребением КМК, все 11 погребений, образующих под курганом определенные «ряды», относились к данному культурному образованию, и этот курган являлся своеобразным родовым кладбищем [Subbotin 1984, 47]. Имелись впускные захоронения, атрибутируемые КМК, и в кургане, исследованном у Орловки в 1981 году, где предшествующие культурные образования были представлены поздним энеолитом и ранним бронзовым веком [Bondari, Subbotin 2000, 154-162]⁹. Шесть впускных захоронений «последнего» времени (№№ 2,4-6, 12-13) имели черты, присущие курганным культурам Северо-Западного Причерноморья среднего и позднего периодов бронзового века. Группировка их в южном секторе кургана, скорченное на левом боку положение, слабые следы охры на костях дают основание предполагать, что эти погребения представляют в культурном плане единую группу, сопоставимую с КМК [Bondari, Subbotin 2000, 161]. В целом же, более 60 захоронений КМК имелись в курганных могильниках межозерья Ялпут–Кагул, где в период расселения носителей КМК часть ямного населения была ими ассимилирована [Toshchev 1992, 48]. Не менее полутора десятков захоронений КМК имелось и в курганных могильниках у с. Плавни в низовьях Дуная, в зоне, также примыкающей к участкам расположения комплексов Картал-Орловка [Andrukh et al. 1985, 88-89].

В заключение, хотелось бы высказать несколько соображений общего характера, которые, как кажется, не противоречат аналитической части данной публикации. Материалы Картала позволяют вновь поднять проблему существования грунтовых (бескурганных) погребений в ямной (позднеямной) культуре. Да, и не только в ней, но и в прочих курганных культурах скотоводов Восточной Европы эпохи энеолита-бронзы. Неизменные ссылки на наличие в подобных случаях «маленьких», а потому, не сохранившихся, курганных насыпей над такими погребениями, в нашем случае наталкиваются на одно довольно серьезное препятствие. Все публикуемые погребения

8. На этом же участке поля в 2010 г. на поверхности была обнаружена бронзовая булава с кольцевидным навершием (Bruiaiko, Kiosak, Chernienko 2015).

9. Одно погребение КМК открыто и в кургане №3, раскопанном на посаде городища Картал в 2007 г. (Bruiaiko, Dzigovskii 2011, рис. 3,4).

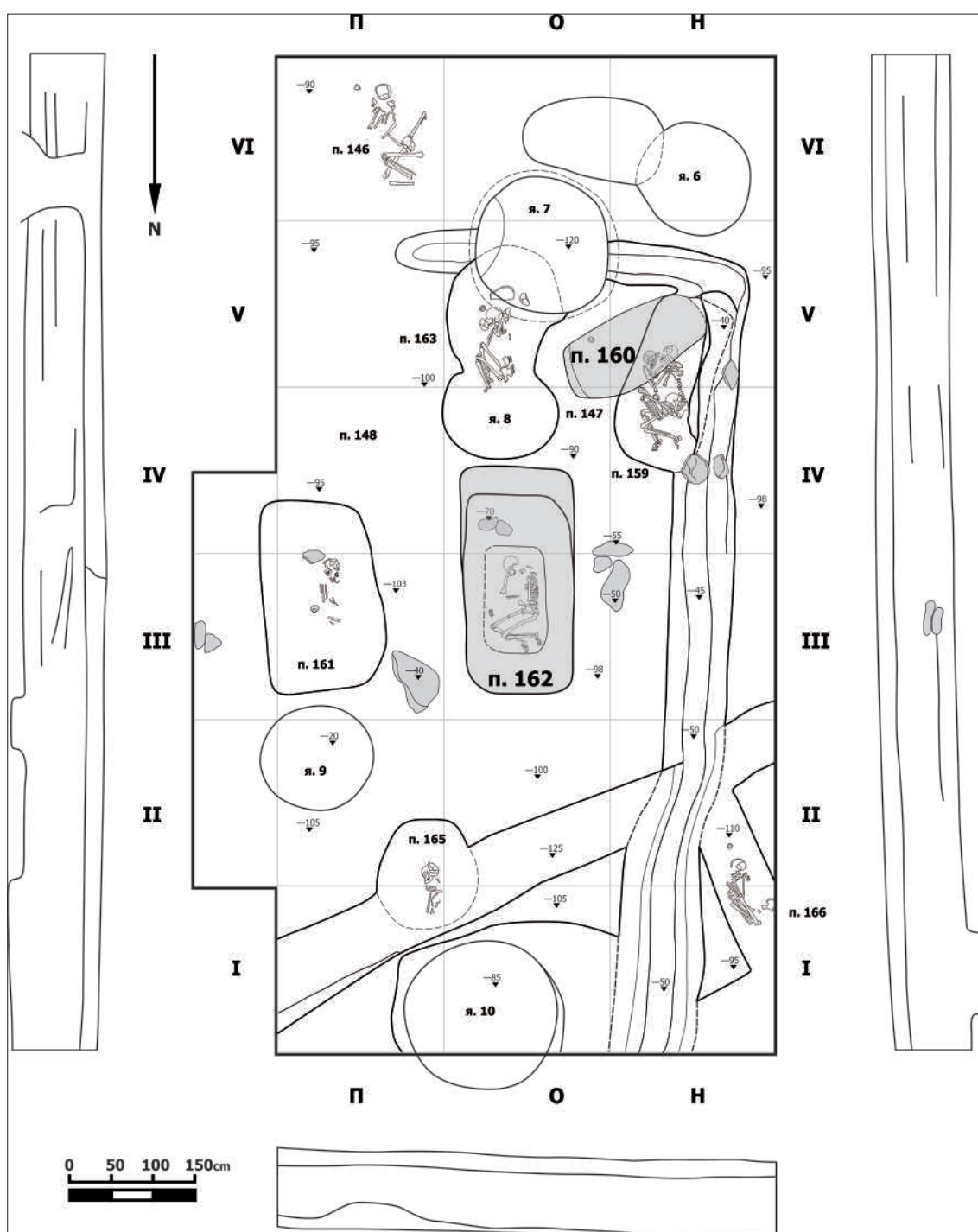

Рис. 9. План раскопа IV/2009 г. с указанием места расположения погребений №160 (период Черновода I) и №162 (ямная культура).

Fig. 9. Plane of section IV/2009 with a place of Tomb 160 (the Chernavoda I culture) and Tomb 162 (Pitt-grave culture – Iam-naia).

были открыты в результате сплошного исследования площади грунтового могильника раннего железного века. Все раскопы представляли собой участки длиной от 20 до 30

и шириной от 4 до 6 метров. Таким образом, любая курганная насыпь диаметром от 6 м неизбежно попала бы на один из профилей раскопа. Ничего подобного (исключая очевидный

курган в раскопе III/2007) зафиксировано не было. Казалось, наиболее многообещающей в этом плане была ситуация в раскопе IV/2009 г. В 1-2 метрах от погребения №162 (в центре раскопа) располагалось позднеэнеолитическое захоронение-кенотаф с инвентарём – погр.160 (рис. 9). Подобное сочетание делало весьма вероятным наличие здесь небольшой насыпи, сооружённой в период Чернавода I, куда позднее было впущено погр.162. Однако, поиски следов этой насыпи, которые выражались в неоднократных зачистках бортов раскопа в сухом, влажном состоянии, наблюдении разрезов в разное время дня, под разным углом, при разном освещении – все эти усилия результата не дали. Мы полагаем, что позднеямные погребения Кар тала следует считать бескурганными. Хотя, они, так или иначе, тяготеют к курганным насыпям, которые расположены выше по водоразделу (рис. 1)¹⁰. Причём, в этих насыпях также содержатся позднеямные захоронения, о чём свидетельствует материалы одного из раскопанных, малых курганов [Bruiako, Dzigovskii 2011, 273-278].

Концентрация бескурганных погребений на весьма ограниченном участке водораздела, окружённом с трёх сторон обширными пойменными угодьями, вполне допускает наличие здесь какого-то сезонного местонахождения, возможно, зимника. Плавневая зона при этом могла служить зоной непосредственного обитания популяции. А плато водораздела использовалось, в том числе, и для совершения захоронений, которые также могли носить сезонный характер¹¹. Долговременная цикличная эксплуатация данного участка в периоды ранней – средней бронзы вполне объясняет наличие погребений, не требовавших каких-то монументальных наземных маркеров (курганов). Сооружение таких объектов могло противоречить представлениям о стратегии хозяйственной эксплуатации этого участка, а, возможно, оно попросту ограничивалось его крайне малой полезной площадью. Любопытна ландшафтная позиция единственной достаточно надёжно зафиксированной «скры-

той» курганный насыпи (раскоп III). Она располагается не на водоразделе, и даже не в пойме, а на склоне мыса. Пожалуй, это самое неудобное место, какое только можно было здесь выбрать для сооружения кургана.

В литературе отмечается преобладание в данном регионе, включая и округу Кар тала, памятников характерных именно для позднеямного (или даже постъямного) населения. Подобную особенность можно попробовать объяснить исходя из двух положений. Первое уже давно имеет статус аксиомы, которая сводится к историко-географическому феномену Кар тала. Местонахождение позволяло занимавшему его населению контролировать переправу через Дунай, расположение которой здесь, в самом нижнем течении реки оставалось неизменным на протяжении тысячелетий. Второе положение развивает первое применительно к конкретному историческому периоду с соответствующим культурным контекстом. Для местонахождения в Кар тале стратегический статус был характерен не всегда. Он становился очевидным для тех эпох, когда течение Дуная служило границей между разнокультурными блоками, провинциями, народами и цивилизациями, то есть являлось, по сути, этнокультурным водоразделом. Когда же низовья реки находились внутри одного такого, более или менее гомогенного блока, то Дунай утрачивал геополитический статус и переходил на положение заурядной физико-географической единицы, имевшей главным образом экономическое значение.

В результате передвижения носителей ямной КИО из степей Восточной Европы на запад весь бассейн Нижнего Дуная вплоть до Железных Ворот оказался внутри этого культурного ареала. Одним из главных терминалов этой миграции в направлении Карпато-Дунайского бассейна была переправа вблизи Кар тала. Используя её, племена ямников расселялись в частности в Добрудже и далее в Северной Болгарии. И, если в межозерье Кагул-Ялпуг действительно отсутствуют комплексы ямной культуры, характерные для ранних этапов её становления, то это может свидетельствовать о том, что соответствующие группы населения, в основном здесь не задерживались, проходя данную территорию транзитом. Со временем активная фаза миграции замедляется. Популяционные общ-

10. От ближайшего кургана ямные погребения находятся на расстоянии от 250 до 400 м.

11. Такому заключению не противоречат отдельные находки в раскопах и в качестве подъёмного материала (рис. 6,2,3).

ности утрачивают мотивацию к дальнейшим странствиям и стабилизируют свои ареалы. Историческое действие приобретает характер мизансцены, когда каждое действующее лицо занимает статичное положение. В бассейне Ялпуг-Кагул, оседает группа позднеямного населения, которая, существует здесь весьма длительное время. Настолько, что, как уже отмечалось, какое-то время вполне могла сосуществовать с

ранней волной населения КМК, постепенно в ней растворяясь. Носители КМК, освоив данную область, так же, как и их предшественники открывают для себя путь через Дунай, переходят его и расселяются в Северо-Восточной Добрудже. Местонахождение Картал остаётся по-прежнему необитаемым как стратегический пункт. Необходимость в таком его качестве возникнет только в позднем бронзовом веке.

Библиография

- Agul'nikov 1998:** S.M. Agul'nikov, Pogrebal'nye komplekсы kul'tury Mnogovalikovoі keramiki mezhdures'ia Kagul-Prut. In: Problemy izucheniia KKIO i KMK (Zaporozh'e 1998), 65-70 // С.М. Агульников, Погребальные комплексы культуры Многоваликовой керамики междуречья Кагул-Прут. В сб.: Проблемы изучения Катакомбной культурно-исторической общности ККИО и культурно-исторической общности Многоваликовой керамики (КИОМК) (Запорожье 1998), 65-70.
- Agul'nikov 2014:** S.M. Agul'nikov, Kurgany eneolita-rannei bronzy v Pruto-Kagul'skom mezhdures'e. In: Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Orenburg 2014), 29-38 // С.М. Агульников, Курганы энеолита-ранней бронзы в Пруто-Кагульском междуречье. В сб.: Археологические памятники Оренбуржья (Оренбург 2014) 29-38.
- Agulnicov, Ursu 2008:** S. Agulnicov, I. Ursu, Complexe funerare tumulare din zona Prutului Inferior. RA IV, 1-2, 2008, 61-79.
- Alekseeva 1989:** I.L. Alekseeva, K voprosu o nekotorykh osobennostiakh katakombnogo pogrebal'nogo obriada. In: Problemy istorii ta arkheologii dav'ogo naselennia Ukrain's'koi RSR (Kiev 1989), 4-5 // И.Л. Алексеева, К вопросу о некоторых особенностях катакомбного погребального обряда. В сб.: Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР (Київ 1989), 4-5.
- Andrux et al. 1985:** S.I. Andrux, A.O. Dobroliubskii, G.N. Toshchev, Kurgany u s. Plavni v nizoviakh Dunaia (monografia deponirovana v INION AN SSSR 13.06.1985 g., №21110) // С.И. Андрух, А.О. Добролюбский, Г.Н. Тощев, Курганы у села Плавни в низовьях Дуная (Монография депонирована в ИНИОН АН СССР 13.06.1985 г., №21110).
- Bondari, Subbotin 2000:** R.D. Bondari, L.V. Subbotin, Kurgan epokhi eneolita-bronzy u s. Orlovka. SSPK VIII (Zaporozh'e 2000), 154-162 // Р.Д. Бондарь, Л.В. Субботин, Курган эпохи энеолита-бронзы у с. Орловка. ССПК VIII (Запорожье 2000), 154-162.
- Bruiako, Dzigovskii 2011:** I.V. Bruiako, A.N. Dzigovskii, Raskopki kurgana v okrestnostiakh gorodishcha Kartal. Stratum plus 2, 2011, 273-278 // И.В. Бруяко, А.Н. Дзиговский, Раскопки кургана в окрестностях городища Картал. Stratum plus 2, 2011, 273-278.
- Bruiako, Kiosak, Chernienko 2015:** I.V. Bruiako, D.V. Kiosak, Iu.A. Chernienko, O nekotorykh tipakh ukrashenii epokhi srednei – pozdnei bronzy iuga Vostochnoi Evropy. RA XI, 1-2, 2015, 27-46 // И.В. Бруяко, Д.В. Киосак, Ю.А. Черниенко, О некоторых типах украшений эпохи средней – поздней бронзы юга Восточной Европы. RA XI, 1-2, 2015, 27-46.
- Dergachev 1986:** V.A. Dergachev, Moldavia i sosednie territorii v epokhu bronzy // В.А. Дергачев, Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы (Кишинев 1986).
- Dvorianinov, Subbotin, Dzigovskii, 1985:** S.A. Dvorianinov, L.V. Subbotin, A.N. Dzigovskii, Raskopki kurgannoi gruppy u s. Vishnevoe, Novye materialy po arheologii Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Kiev 1985), 123-174 // С.А. Дворянин, Л.В. Субботин, А.Н. Дзиговский, Раскопки курганной группы у с. Вишневое. Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья (Киев 1985), 123-174.
- Hartuche 2002:** N. Hartuche, Complexul Arheologic Brăilița. Bibliotheca Thracologica XXXV (București 2002).
- Iarovoi 1985:** E.V. Iarovoi, Drevneishie skotovodcheskie plemena Iugo-Zapada SSSR (Kishinev 1985) // Е.В. Яровой, Древнейшие скотоводческие племена Юго-Запада СССР (Кишинев 1985).
- Iarovoi 2000:** E.V. Iarovoi, Skotovodcheskoe naselenie Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia epokhi rannego metal-la. Avtoreferat na soiskanie uchenoi stepeni doktora istoriceskikh nauk (Moskva 2000) // Е.В. Яровой, Скотовод-

ческое население Северо-Западного Причерноморья эпохи раннего металла. Автореферат на соискание ученой степени доктора исторических наук (Москва 2000).

Marina 1990: Z.P. Marina, Pozdneiamnye pogrebeniia levoberezh'ia Dnepra i ikh sootnosheniia s pamiatnikami Katakombnoi kul'tury. Problemy izucheniia Katakombnoi kul'turno-istoricheskoi obshchnosti (Zaporozh'ie 1990), 45-46 // З.П. Марина, Позднеямные погребения Левобережья Днепра и их соотношения с памятниками Катакомбной культуры. Проблемы изучения Катакомбной культурно-исторической общности (Запорожье 1990), 45-46.

Nikulitse 2009: A.I. Nikulitse, Iuvelirnye izdeliia iz zolota i serebra, obnaruzhennnye pri raskopkakh pamiatnikov eneolita i bronzy (po materialam iz fondov NMAIM). Tyragetia III [XVIII], 1, 2009, 157-168 // А.И. Никулицэ, Изделия из золота и серебра, обнаруженные при раскопках памятников энеолита и бронзы (по материалам из фондов НМАИМ). Tyragetia III (XVIII), 1, 2009, 157-168.

Pustovalov 1999: S.Zh. Pustovalov, Modelirovanie litsa po cherepu u naseleniia Ingul'skoi katakombnoi kul'tury. Stratum plus 2, 1999, 222-256 // С.Ж. Пустовалов, Моделирование лица по черепу у населения Ингульской Катакомбной культуры, Stratum plus 2, 1999, 222-256.

Rymbu 1982: N.L. Rymbu, Prirodno-geograficheskoe raionirovanie Moldavskoi SSR (Kishinev 1982), 145 // Н.Л. Рымбу, Природно-географическое районирование Молдавской ССР (Кишинев 1982).

Savva 1992: E.N. Savva, Kul'tura Mnogovalikovoï keramiki v Pruto-Dnestrovskom Mezhdurech'e (Kishinev 1992) // Е.Н. Сава, Культура Многоваликовой керамики в Пруто-Днестровском междуречье (Кишинев 1992).

Subbotin 1984: L.V. Subbotin, Mogil'nik kul'tury Mnogovalikovoï keramiki u s.Orlovka. Novye arheologicheskie issledovaniia na Odeschine (Kiev 1984), 43-48 // Л.В. Субботин, Моги́льник культуры Многоваликовой керамики у с. Орловка, Новые археологические исследования на Одесчине (Киев 1984), 43-48.

Toshchev 1991: G.N. Toshchev, Kurgannnye drevnosti Ialpugo-Kagul'skogo mezhozer'ia epokhi bronzy. Arheologiya i Istoriia Nizhnego Podunav'ia, vyp. II (Reni 1991), 21-22 // Г.Н. Тощев, Курганные древности Ялпуго-Кагульского межозерья эпохи бронзы. Археология и История Нижнего Подунавья, вып. II (Рени 1991), 21-22.

Toshchev 1992: G.N. Toshchev, Kurgany epokhi bronzy v mezhozer'ie Ialpuga i Kagula (Zaporozh'ie 1992) // Г.Н. Тощев, Курганы эпохи бронзы в межозерье Ялпуга и Кагула (Запорожье 1992).

Toshchev 2007: G.N. Toshchev, Krym v epokhu bronzy (Zaporozh'ie 2007) // Г.Н. Тощев, Крым в эпоху бронзы (Запорожье 2007).

Toshchev, Sapozhnikov 1990: G.N. Toshchev, I.V. Sapozhnikov, Kurgannaia gruppa u stantsii Frikatsei. DSPK, t. I (Zaporozhie 1990), 13-31 // Г.Н. Тощев, И.В. Сапожников, Курганная группа у станции Фрикацей. ДСПК, т. I (Запорожье 1990), 13-31.

Игорь Бруяко, доктор исторических наук, Одесский Археологический Музей НАН Украины, ул. Ланжероновская 4, 65026-Одесса, Республика Украина, e-mail: ibruiyako@yandex.ru

Сергей Агульников, научный сотрудник, Центр Археологии, Институт Культурного Наследия АНМ, бульвар Штефан чел Маре, 1. МД 2001, Кишинэу, Республика Молдова, e-mail: agulnikov-budjak@mail.ru

Василий Ильчишин

**Погребение коней в кургане эпохи бронзы
около Гусятина Тернопольской области
(по результатам спасательных исследований 2015 года)**

Keywords: burial-mound, rescue investigations, bronze age, burial of horses.

Cuvinte cheie: tumul, cercetări de salvare, epoca bronzului, mormânt cu cai.

Ключевые слова: курган, спасательные исследования, эпоха бронзы, погребение коней.

Vasilii Ilchishin

Burial place of the bronze age horses in the burial – mound near Gusiatin Ternopil region (by results of archeological excavations 2015)

The article shows the results of rescue archaeological investigations of the burial-mound near the town of Husiatyn, Ternopil Region. In particular the article tells about ritual burial of pair of horses. Description of the burial complex and implements is given.

Vasilii Ilchishin

Mormântul cu cai din tumulul epocii bronzului de lângă Gusiatin, regiunea Ternopil (în baza rezultatelor cercetărilor de salvare din anul 2015)

În articol sunt prezentate parțial rezultatele cercetărilor arheologice de salvare din cadrul tumulului din apropierea orașului Gusiatin, regiunea Ternopil. În special, ne-am axat pe mormântul cu o pereche de cai. Sunt relatate caracteristicile complexului funerar și ale inventarului descoperit.

Василий Ильчишин

Погребение коней в кургане эпохи бронзы около Гусятина Тернопольской области (по результатам спасательных исследований 2015 года)

В статье частично освещаются результаты спасательных археологических исследований кургана около пгт. Гусятин Тернопольской области. В частности, речь идет о погребении пары коней. Дана характеристика погребального комплекса и инвентаря.

Осенью 2015 года, экспедицией ГП «ОАСУ Подольская археология» совместно с Тернопольской областной инспекцией охраны памятников истории и культуры¹ начаты спасательные археологические исследования кургана около пгт. Гусятин. Исследования кургана были обусловлены угрозой его разрушения из-за перспективной застройки данной территории². Памятник располагался на высоком плато, окруженном с северо-запада обрывистым берегом р. Збруч,

которая протекает по северо-западной окраине Гусятина. На момент проведения исследований курган был практически сnivelирован долговременной распашкой и скорее напоминал рельефное овальное возвышение плато, чем курганную насыпь. Размер возвышения составил 40×30 м, высота до 0,6 м над окружающей местностью. При снятии насыпи встречались единичные находки фрагментов лепной керамики, некоторые из них были с включениями в тесте пережженного кремня и гранита. Кроме того, в юго-восточной секторе кургана, у его подошвы, на глубине 0,5 м от уровня дневной поверхности найдена железная стрела раннескифского времени (рис. 1,2). Ближайший аналог ей находим среди материалов из кургана V в Братишове (раскопки Т. Сулимирского 1936 г.), который датируется концом VII – первой четвертью VI

1. Теперь Тернопольский областной центр охраны и научных исследований памятников культурного наследия.

2. Курган был открыт автором статьи в 2012 году. Поздней Тернопольской областной инспекцией охраны памятников истории и культуры была разработана учетная документация на курган и приказом Департамента культуры, религий и национальностей Тернопольской областной госадминистрации от 15.05.2014 года №76-од он был взят на учет как новый объект культурного наследия (археологии).

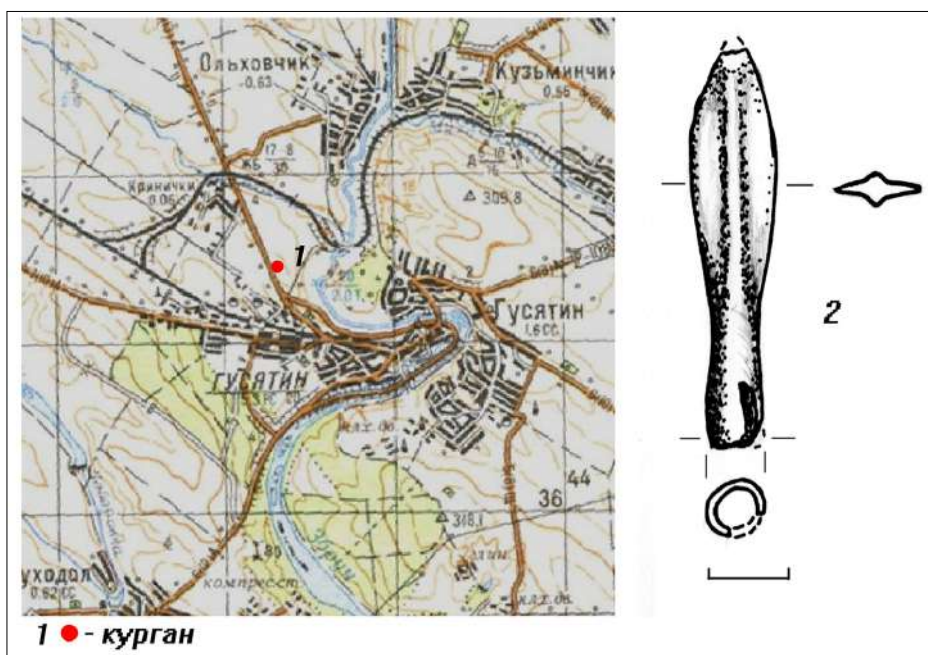

Рис. 1. 1 – место расположения кургана; 2 – железный наконечник стрелы раннескифского времени из насыпи кургана.

Fig. 1. 1 – placement burial-mound; 2 – iron arrow Early-Scythian time of the embankment burial mound.

в. до н.э. [Bandrivskii 2010, 100]. В центральной части кургана, сразу под пахотным слоем выявлено погребение женщины в деревянном гробу XVII ст. [Iagodins'ka, Il'chishin, Mineiko 2016].

В южном секторе кургана, в 5 м южнее центра, на глубине 0,6 м от дневной поверхности зафиксирована погребальная камера со следами деревянного перекрытия. Погребальная конструкция была размерами 3,2×2,4 м, подпрямоугольной формы, ориентирована длинной стороной по линии север–юг. Стенки камеры были прямые и уходили на глубину 0,4 м от уровня фиксации (рис. 2). С восточной и западной сторон ямы фиксировались выбросы материкового суглинка. На дне камеры, по оси север–юг, головами на юг на боку лежали два скелета коней. Передние конечности их были подогнуты и касались друг друга, а задние были переплетены между собой. Фрагменты костей хвоста находились между ногами вдоль туловища, значит при совершении погребения, их хвосты были специально загнуты вниз к животу. Следует отметить, что скелеты коней принадлежали паре жеребцов, по определению Р. Кройтора.

С восточной стороны скелета коня №1 (западного) лежал целый костяной псалий (рис. 2), который был сдвинут со своего первоначального

места и находился на 10 см выше уровня черепа. Псалий был 14,8 см в длину и 1,5 см в диаметре в средней части, имел два сквозных овальных отверстия. Отверстия расположены в средней части, их размеры 1,5×0,4 см, между ними находится еще одно отверстие, расположенное в перпендикулярной плоскости. Его размеры 0,9×0,5 см. Сохранился костяной колок, который фиксировал ремень. Изделие в верхней, средней и нижней части украшено резным симметричным «арочным» орнаментом. С одной торцевой стороны псалий украшен резным солярным знаком, с другой – прорезанной канавкой (рис. 3,3; 6,3). На черепе коня в районе лобной части (№1) и в районе переносицы (№2) выявлено по одной круглой костяной накладке. Накладка №1 диаметром 4,5 см и толщиной 0,3 см. Посередине сохранился бронзовый гвоздик-заклёпка длиной 1,3 см и диаметром 0,3 см. Накладка изготовлена из костяной пластины и пышно орнаментирована фигурной шестиконечной звездой, концы которой оформлены в виде капелек с точечками по центру. По внешнему краю накладка орнаментирована резным кругом, поделенным на секции серией косых насечек, которые расположены симметрично лучей звезды. Между лучами также симметрично расположены точечные ямки (рис. 3,1; 6,1). Накладка №2, с переносицы, диа-

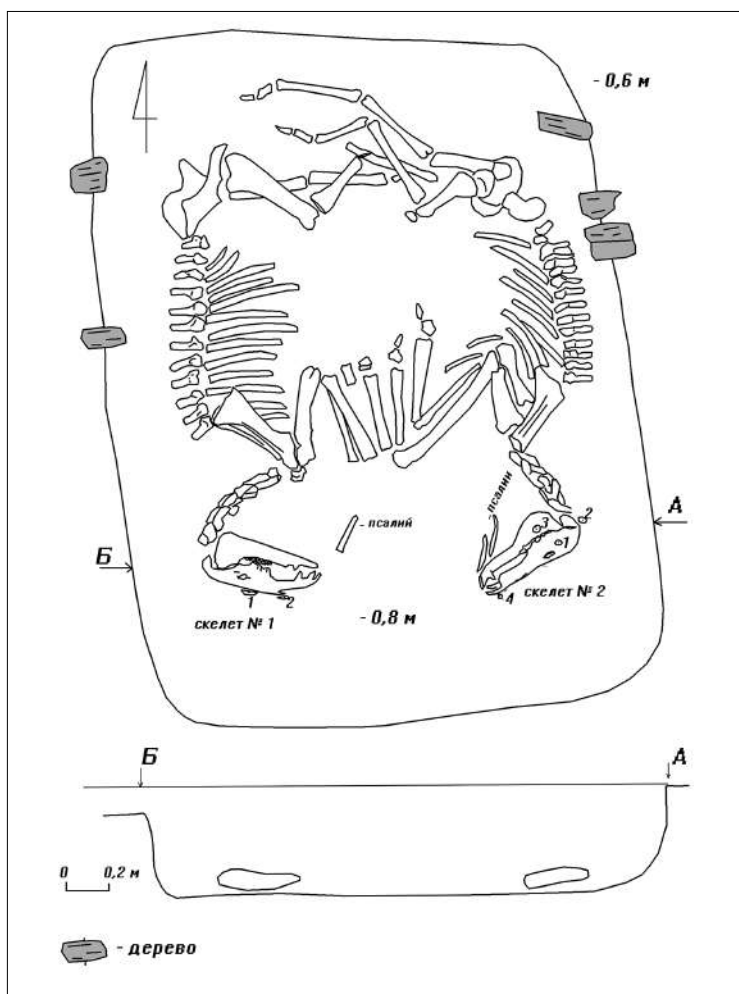

Рис. 2. Общий план и разрез погребения коней из кургана в Гусятине.

Fig. 2. General plan and section burial mound of horses in Gusyatin.

метром 2,3 см, так же как и предыдущая, имеет в центре бронзовую заклёпку и орнаментирована по краю аналогично, только шестиконечная звезда в центре накладки сделана в геометрическом стиле, в виде паутинки из трех параллельных линий (рис. 3,2; 6,2).

Более пышным инвентарём сопровождался восточный конь (№2), на черепе которого были выявлены пять костяных накладок и два псалия около нижней челюсти (рис. 2; фото 1). К тому же следует отметить, что это животное было не только с более богатым инвентарём, но и занимало доминирующее место в могиле, по сравнению со вторым животным. На это указывает факт расположения её задних конечностей поверх конечностей другого коня в парном погребении (рис.

2). Два псалия, практически идентичные, лежали вместе, вплотную к нижней челюсти коня. Изделия были 18 и 18,4 см в длину и 2,2×1,6 см в средней части. Размеры и расположение отверстий аналогично предыдущему псалию, но в отличие от него, нижняя часть данных изделий имеет полувыгнутый стержень с закруглённым концом. В верхней части псалия один из протуберанцев орнаментирован «S»-образным меандровым орнаментом. Ниже уровня протуберанцев, основной стержень отделен тремя горизонтальными линиями, ниже которых располагаются три параллельных пояса из ряда кругов циркульного орнамента, которые, соединяясь, так же образуют меандры. По краю псалии орнаментированы продольной линией параллельно стержню с гирляндным мотивом в виде углублений (рис. 4,5-6; рис. 7,1-2).

Костяные накладки скелета коня №2 располагались в следующей последовательности. Накладка №1 находилась в районе лобной части черепа; №2 – в затылочной части (между ушами) №3 – ниже коренных зубов в заднем углу нижней челюсти, как и накладка №5 с противоположной стороны; №4 – в районе переносицы (рис. 2, рис. 5). Все накладки, как и в предыдущем случае, были изготовлены из костяных пластин, имели линзовидное сечение и по центру бронзовый гвоздь-заклепку длиной от 0,7 до 1,2 см, диаметром 0,3 см. Накладка №1 орнаментирована по краю двумя параллельными резными линиями, по центру паутинообразной восьмиконечной звездой с четырьмя диаметрными линиями в центре. Диаметр накладки составляет 2,6 см (рис. 4,1; рис. 7,3). Накладка №2, диаметром 2,7 см, по краю орнаментирована аналогично предыдущей. В центре расположена фигурная композиция из трех симметричных секироподобных рисунков, выполненных резным циркульным орнаментом, внутри которых и между ними находились шесть циркульных солярных элементов (рис. 4,2; рис. 7,4). Накладка №3, диаметром 3,6 см, в отличие от предыдущей, по краю орнаментирована только одной резной

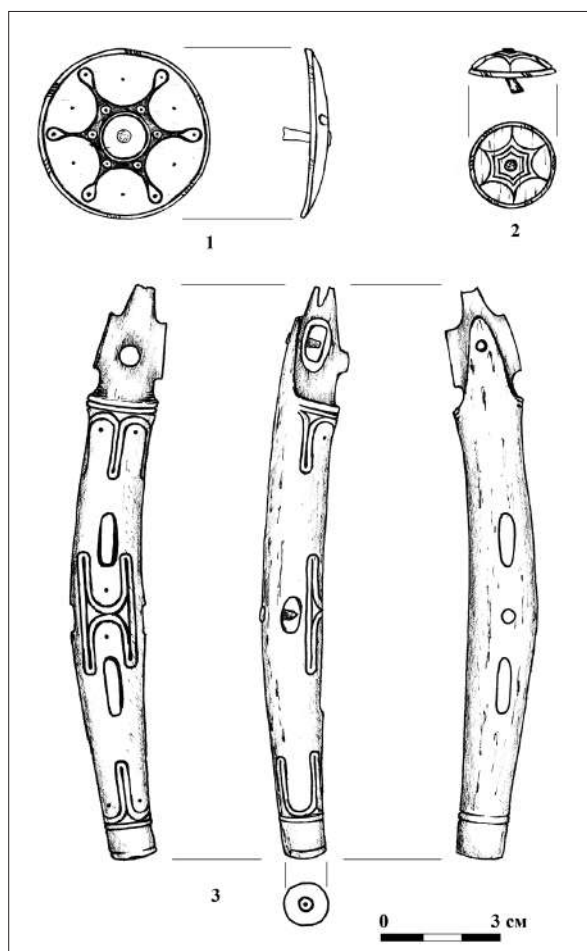

Рис. 3. Инвентарь коня №1: 1, 2 – костяные накладки, 3 – костяной псалий (зарисовала З. Ильчишин).

Fig. 3. Harness horse nr. 1: 1, 2 – bone lining; 3 – cheek-piece bone (drawn by Z. Il'chishin).

линией. От центра и до края примерно на 2/3 плоскости она украшена восемью concentрическими резными линиями (рис. 4,3; рис. 7,5). Накладка №5, которая находилась симметрично накладке №3, то-есть с другой стороны черепа на другой челюсти, сохранилась во фрагментах. Но, судя по уцелевшим кускам, она была, пожалуй, абсолютной копией предыдущей (рис. 7,7). Накладка №4, диаметром 3,1 см, частично истлела. Она орнаментирована сложным циркульным орнаментом, при реконструкции которого удалось проследить симметричность в виде двух крестообразных мотивов – внешнего и внутреннего. Симметричные круги, соединяясь между собой, образуют восьмиконечную паутинообразную звезду в центре накладки (рис. 4,4; рис. 7,6).

При отсутствии центрального захоронения, учитывая отсутствие четких культуроо-

пределяющих материалов, наиболее актуален вопрос культурной атрибуции и датировки данного комплекса.

В эпоху средней и поздней бронзы факты находки лошадей в курганных насыпях известны в погребальных памятниках комаровско-тщинецкого культурного круга. Так, в Малополовецком могильнике, в захоронении №108 был обнаружен череп лошади [Lysenko, Lysenko 2003, 172]. На тщинецком могильнике Габултов (Малополевская возвышенность, Польша), под курганной насыпью в одном из объектов были обнаружены кости двух лошадей [Makarowicz 2010, 259]. О захоронении пары лошадей известно из сообщений Я. Брига (1932) и И. Свешникова (1967). А именно, на комаровском могильнике в Буковне под насыпью кургана номер V обнаружена пара коней, которые лежали в аналогичной позе, как и в нашем случае. По мнению П. Макаревича,

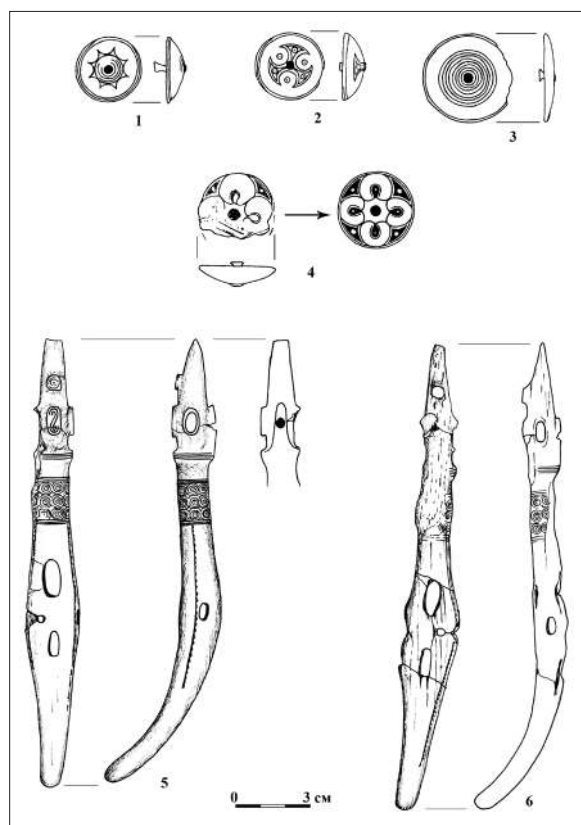

Рис. 4. Инвентарь коня № 2; 1-4 костяные накладки (накладка № 4 – вид и реконструкция), 5, 6 – костяные псалии (зарисовала З. Ильчишин).

Fig. 4. Harness horse nr. 2: 1-4 – bone lining (lining nr. 4 in natural form and reconstruction); 5, 6 – cheek-piece bone (drawn by Z. Il'chishin).

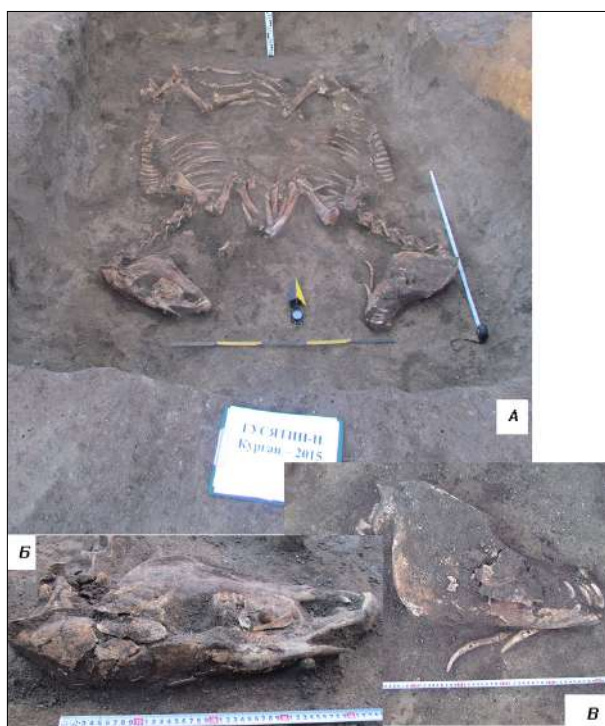

Рис. 5. А – общий вид погребения. Детали погребения: Б – череп коня № 1, В – череп коня № 2.

Fig. 5. A – general view burial. Details of burial: B – skull horse nr. 1; B – skull horse nr. 2.

такое положение животных характерно для культурного круга Бабино и культуры шаровидных амфор [Makarowicz 2010, 259].

Наиболее загадочным является инвентарь, обнаруженный в погребении лошадей, а именно псалии. У скелета лошади №1 обнаружен псалий с системой овальных «ремешковых» отверстий, классический для типа Борияш. На территории Украины такой тип псалиев был распространен на памятниках культуры Ноуа и Сабатиновка (Магала, Бовшив, Остривец, Чикаловка). Ещё один экземпляр (г. Бэлз Львовской обл.) территориально можно отнести к комаровской культуре, но скорее всего он является импортом.

Несколько отличным типом являются два одинаковых псалия, выявленных около второго коня. Система ремешковых отверстий аналогична предыдущему, но центральное отверстие в средней части стержня более округлое. Эта же часть стержня псалия несколько шире, и один из концов является изогнутым и закругленным. Ближайшие аналогии такому типу псалиев находим в культуре Монтеору (Румы-

ния), тип Fuzesabony (экз. Tuszeg) (по A. Oancea 1976), который датируется автором в пределах XV-XIV вв. до н.э. [Oancea 1976, 75, fig. 6,6]. Орнаменты на костяных изделиях культуры Монтеору, горизонты I-a и II-A, которые подобны «гусятинским», автор связывает с влияниями микенской культуры Балкан, которые начали распространяться на Карпаты в XVI в. до н.э. [Oancea 1976, 75].

Последние два псалия, согласно типологии H-G. Huttel, 1981, можно отнести к типу Spis (Спиш) [Huttel 1981, 91; Taf. 9]. По его же типологии, тип Борияш является одним из подвариантов типа Spis (Спиш) и функционирует хронологически до НаА.

Подобным комплексу находок из захоронения у Гусятина является комплекс из трех псалиев и двух костяных накладок с аналогичным орнаментом из отоманского захоронения из Нижней Мишли (Словакия). Комплекс, так же как и гусятинский, состоит из двух различных типов псалиев. Авторы исследований дати-

Рис. 6. Инвентарь коня № 1 (фото материалов).

Fig. 6. Harness horse nr. 1 (photos of the materials).

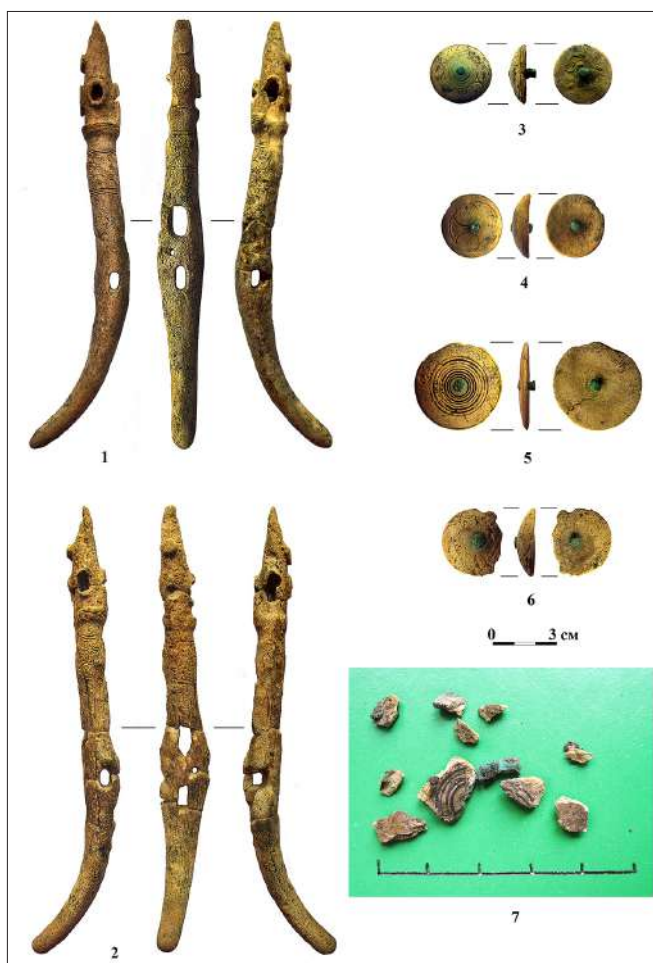

Рис. 7. Инвентарь коня № 2 (фото материалов).

Fig. 7. Harness horse nr. 2 (photos of the materials).

руют комплекс периодом перехода от средней к поздней бронзе. Меандровый и циркульный орнамент на псалиях и накладках связывают с влиянием крито-микенской цивилизации и синхронизируют с IV и V горизонтами микенских шахтных захоронений [Olexa, Pitorák 2004, 317].

Относительно удревнения даты псалиев типа Боряш в свое время высказалась Л.И. Крушельницкая, в частности, относительно «Бэлзского» псалия, который имеет очень близкие аналогии с псалиями культуры Отомань Словакии и культуры Будапешт-Ладьяманьош

Венгрии, в том числе и меандровый орнамент [Krushel'nits'ka 2006, 124].

Учитывая вышеприведенные аргументы, на данном этапе исследований можем предположить, что обнаруженный нами погребальный комплекс однозначно привязать к конкретной археологической культуре сложно. Скорее всего, он является ярким примером взаимосвязей культурных миров Центральной и Восточной Европы. В нашем случае, связь комаровско-тшцинецкого культурного круга с культурой Ноуа и Монтеору дальше на запад и юг. Ведь место, где был расположен исследованный курган, находится на одной из переправ через реку Збруч, которая перерезает с севера на юг Подолье и является левым притоком Днестра. Именно в таких местах известны самые большие курганные могильники того времени, в частности комаровский могильник у Буковны на Ивано-Франковщине [Lisenko et al. 2015, 77].

Комплекс костяных изделий, обнаруженных в захоронении, является едва ли не единственным в Украине образцом высокого уровня развития косторезной техники, геометрических знаний и математических расчетов периода поздней бронзы. Для того, чтобы так точно и пышно орнаментировать обнаруженные накладки, необходимо было иметь не только ювелирную ловкость, но и математическую смекалку.

Эта статья не является завершенным исследованием, а только началом дальнейших полевых и лабораторных исследований, результаты которых привнесут ясность относительно окончательной датировки памятника и его культурной принадлежности. На данном этапе мы можем только радоваться, что, благодаря согласованным усилиям структур охраны памятников Тернопольщины, был спасен от разрушения уникальный комплекс эпохи бронзы европейского значения.

Бібліографія

Bandrivs'kii 2010: M. Bandrivs'kii, Pam'iatki serednodnestrovs'koï (zakhidnopodils'koï) grupi rann'ozaliznogo viku v tsentral'noevropejs'kii khronologichnii shkali ta problemi periodizatsii. In: MDAPV. Vip. 14 (L'viv 2010), 76-113 // М. Бандрівський, Пам'ятки середньодністровської (західноподільської) групи ранньозалізного віку

в центральноевропейській хронологічній шкалі та проблеми періодизації. В сб.: МДАПВ. Вип. 14 (Львів 2010), 76-113.

Huttel 1981: H-G. Huttel, Bronzenzeitliche Tensen in Mittel- und Osteuropa. PBF XVI/2 (Munchen 1981), 255.

Iagodins'ka, Il'chishin, Mineiko 2016: M. Iagodins'ka, V. Il'chishin, O. Mineiko, Pokhovannia piznogo serednovichchia z kurganu bilia Gusiatina. In: Novi doslidzhennia pam'iatok kozats'koї dobi v Ukraїni. Vip. 25, 2016 (podano do druku) // М. Ягодинська, В. Ільчишин, О. Мінейко, Поховання пізнього середньовіччя з кургану біля Гусятина. В сб.: Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні. Вип. 25, 2016 (подано до друку).

Krushel'nits'ka 2006: L. Krushel'nits'ka, Kul'tura Noa na zemliakh Ukraїni (L'viv 2006) // Л. Крушельницька, Культура Ноа на землях України (Львів 2006).

Lisenko et al. 2015: S.D. Lisenko, E.I. Sheliarevs'kii, S.M. Razumov, P.K. Makarovich, Kurgannii mogil'nik komarivs'koї kul'turi bilia s. Bukivna. Arkheologіia 3, 2015, 58-78 // С.Д. Лисенко, Є.І. Шеляревський, С.М. Разумов, П.К. Макарович, Курганний могильник комарівської культури біля с. Буківна. Археологія 3, 2015, 58-78.

Lysenko, Lysenko 2003: S.D. Lysenko, S.S. Lysenko, Issledovaniia na mogil'nike Malopolovetskoe-3 v 2002 g. In: AVU 2001-2002 rr. (Kiev 2003), 168-179 // С.Д. Лысенко, С.С. Лысенко, Исследования на могильнике Малополовецкое-3 в 2002 г. В сб.: АБУ 2001-2002 pp. (Киев 2003), 168-179.

Makarowicz 2010: P. Makarowicz, Trzciniecki krąg kulturowy – wspólnota pogranicza Wschodu i Zachodu Europy. Archaeologia Bimaris. Monografie 3 (Poznań 2010), 445.

Oancea 1976: A. Oancea, Branches de mors au corps en forme de disque. Thraco-Dacica I, 1976, 59-75.

Olexa, Pitorák 2004: L. Olexa, M. Pitorák, Parohové bočnice zubadiel z Nižnej Myšle. In: Einflüsse und Kontakte alteuropäischer Kulturen: Festschrift für Jozef Vladár zum 70. Geburtstag (Nitra 2004), 309-317.

Василий Ильчишин, научный сотрудник ГП «ОАСУ Подольска археология» 46029, г. Тернополь, ул. Бродовская, 44, e-mail: w_ilchyshyn@ukr.net

Oleg Levițki, Livia Sirbu

Investigațiile arheologice din anul 1984 în situl Trinca „Izvorul lui Luca”

Keywords: settlement, archeological complexes, Early Hallstatt, Trinca „Izvorul lui Luca”.

Cuvinte cheie: așezare, complexe arheologice, hallstatt timpuriu, Trinca „Izvorul lui Luca”.

Ключевые слова: поселение, археологические комплексы, ранний гальштат, Тринка «Изворул луй Лука».

Oleg Levițki, Livia Sirbu

The archaeological investigations of 1984 at Trinca “Izvorul lui Luca” site

The article presents the archaeological researches carried out at Trinca “Izvorul lui Luca” settlement in 1984. The paper is part of the series of articles initiated by the authors in order to include the research results of this unusual site. The discovered archaeological remains were treated in a complex way, presented on layers, complexes, categories and types. Thus, the discovered complexes were described, the pieces of inventory systematized according to the categories of materials from which they were made, while the ceramics is presented by categories, types and variants. The most relevant findings have been analysed in more detail, being related to those specific of other synchronous or partially synchronic neighbouring cultures. As a result, the existence of a set of artefacts has been established, having analogies in the Hallstattian Carpathian-Nistrian cultural environment and, respectively, in the Middle Danube area.

Oleg Levițki, Livia Sirbu

Investigațiile arheologice din anul 1984 în situl Trinca „Izvorul lui Luca”

În articol se prezintă cercetările arheologice efectuate în așezarea Trinca „Izvorul lui Luca” din anul 1984. Lucrarea face parte din seria de articole inițiate de autori în vederea includerii în circuit științific a rezultatelor cercetărilor acestui sit, rămase inedite. Vestigiile arheologice descoperite au fost tratate în complexitate, prezentându-se pe straturi, complexe, categorii și tipuri. Astfel, complexele descoperite au fost descrise, piesele de inventar sistematizate pe categoriile de materiale din care au fost lucrate, iar ceramica prezentată pe categorii, tipuri și variante. Cele mai relevante descoperiri au fost analizate mai detaliat, fiind puse în legătură cu cele specifice altor culturi vecine sincrone sau parțial sincrone. Ca urmare, s-a stabilit existența unui lot de artefacte care au analogii în mediul cultural hallstattian carpato-nistrian și, respectiv, în zona Dunării de Mijloc.

Олег Левицкий, Ливия Сырбу

Археологические исследования в 1984 году на памятнике Тринка «Изворул луй Лука»

В статье представлены результаты археологических исследований, проведенных на поселении Тринка «Изворул луй Лука» в 1984 году. Работа является очередной публикацией в серии статей, начатых авторами для введения в научный оборот неопубликованных результатов раскопок. Обнаруженные археологические находки были изучены, систематизированы и представлены по слоям, комплексам, категориям и типам. Также описаны выявленные сооружения, а находки распределены по материалу, из которого они были изготовлены. Керамика представлена по категориям, типам и вариантам. Наиболее значимые находки проанализированы более детально и сопоставлены со специфическими элементами других синхронных или частично синхронных соседних культур. Таким образом, было установлено существование определенного количества артефактов, имеющих аналогии в культурной среде гальштатта карпато-днестровского региона и, соответственно, в зоне Среднего Дуная.

Introducere

Lucrarea de față reprezintă o altă etapă în introducerea în circuitul științific a materialelor arheologice descoperite drept rezultat al cercetărilor arheologice din așezarea Trinca „Izvorul lui Luca”, rămase încă inedite. Anul trecut, autorii au inițiat o serie de articole, prin publicarea rezultatelor investigațiilor arheologice din anul 1989 [Levițki, Sirbu 2016, 237-249]. Acum ne propunem să prezentăm

cercetările arheologice efectuate în anul 1984, de rând cu complexele și vestigile descoperite. Menționăm că situl a fost descoperit în anul 1981 de către arheologul Ilie Borzic, iar din anul următor, sub conducerea lui Oleg Levițki au fost efectuate săpături arheologice sistematice de-a lungul mai multor campanii, cea din 1984 fiind a doua.

Este bine cunoscut, că investigațiile arheologice în cadrul acestui sit au fost condiționate de

faptul că printre ceramica atribuită primei epoci a fierului, colectată de pe suprafața petelor, se aflau și fragmente de la vase de culoare neagră lustruită la exterior și galben-oranj în interior, ornamentate cu caneluri orizontale, dar și de la alte tipuri, în special străchini negre-cenușii cu marginea invazată, ornamentate cu caneluri orizontale în partea superioară a corpului – parametri specifici ceramicii hallstattiene timpurii est-carpătice de tip Chișinău-Corlăteni [Levitiskii 1984, 413-414].

Monumentul de la Trinca reprezintă o așezare cu mai multe niveluri de locuire, iar existența celei hallstattiene timpurii a fost confirmată încă în baza materialelor furnizate de primele săpături (Secțiunea I din anul 1982). Ulterior, așezarea a fost definitiv certificată prin vestigiile descoperite în Secțiunea III din anul 1989. Subliniem că toate cele trei secțiuni au fost amplasate în perimetrul a trei pete, aflate de-a lungul laturii de nord a promontoriului.

Localizarea monumentului

Așezarea Trinca „Izvorul lui Luca” este amplasată pe un promontoriu, care la momentul descoperirii se ara anual, ceea ce a și facilitat descoperirea ei (fig. 1,a). Pe suprafață se evidențiau clar mai multe pete de culoare cenușie, de formă ovală, cu diametrele de circa de 16x18 m, iar distanța dintre ele varia între 20-25 m. Petele erau dispuse în grupuri în felul următor: una în centrul promontoriului, cinci de-a lungul laturii de nord, patru de-a lungul celei de sud, una în extremitatea sud-vestică spre nord-vest, de la care sub un unghi de 45° se aflau încă trei pete [Levitiskii 1986, 55]. Acestea se prezentau sub forma unor aglomerări de pietre, fragmente de ceramică, oase de animale, așchii de silex, lipitură ș.a. Trebuie să menționăm că în spațiul adiacent petelor vestigiile arheologice erau mai sporadice sau lipseau.

În urma investigațiilor s-a stabilit că petele cenușii corespund unor complexe locativ-gospodărești (locuințe de suprafață, vetre, platforme și gropi), atribuite perioadei hallstattiene timpurii, distruse de un incendiu. Acest fapt ne permite de a încadra convențional celelalte pete (vizibile la etapa descoperirii) aceluiași nivel de locuire, dar și de a opina că partea promontoriului, actualmente acoperită cu pădure, a fost populată inclusiv și în perioada respectivă. Totodată, putem conchide că

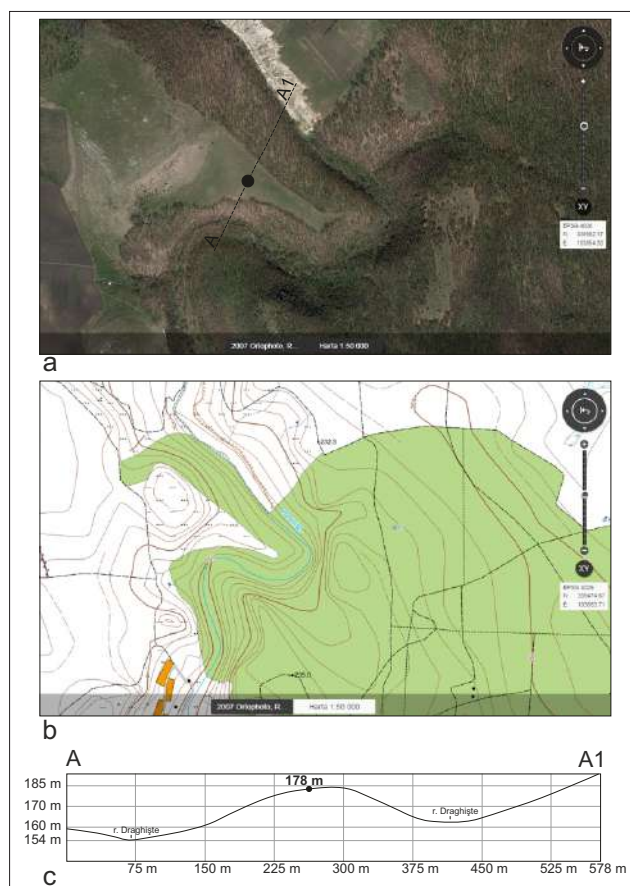

Fig. 1. Așezarea Trinca „Izvorul lui Luca”: a – ortofotoplan; b – schiță topografică; c – profil de elevație.

Fig. 1. Trinca „Izvorul lui Luca” settlement: a – orthophoto map; b – topographic sketch; c – elevation profile.

modul de amplasare a petelor-locuințe ar corespunde unui plan intern de organizare a așezării de la Trinca în perioada hallstattiană timpurie. Având în vedere că dispunerea acestora formează un oval neregulat, cu o pată pe centru, cu anumite rezerve, ar putea fi atribuit tipului *circular*. Totodată, este foarte important să remarcăm că amplasarea petelor-locuințe în primul rând a fost condiționată de particularitățile topografice ale reliefului, care nu doar a determinat modul de amplasare, dar a și dictat mărimea suprafeței populate (fig. 1,b-c).

Stratigrafia Secțiunii II și statistica generală a materialelor

Secțiunea II (numerotată în continuarea celei cercetate în anul 1982) a fost trasată la periferia de nord-est a așezării, pe una din petele cenușii, fiind amplasată la 50-60 m spre sud-est de cea cercetată în anul 1982. Reprezenta un patruleter cu suprafața totală de 192 m.p., orientată cu latura lungă pe axa

sud-nord (fig. 2). Săpăturile au fost efectuate până la stratul steril, adâncimea variind între 0,75 și 1,0 m. În perimetrul secțiunii au fost descoperite și cercetate urmele unei locuințe de suprafață, a unei încăperi auxiliare, o groapă dar și o serie de ustensile, unelte, arme și o cantitate considerabilă de material arheologic de masă. Trebuie subliniat că printre artefactele specifice primei epoci a fierului, sporadic, se întâlnesc și fragmente de ceramică caracteristică perioadei de tranziție de la eneolitic la epoca bronzului, și piese de silex atribuite paleoliticului superior.

Stratul I prezenta sol vegetal în amestec cu cenușă, ceramică, oase de animale, câteva piese de inventar, iar silex și pietre s-au descoperit numai sporadic.

Stratul II conținea sol negru-cenușiu în amestec cu multă cenușă și un bogat material arheologic (ceramică, oase de animale, silex, pietre, lipitură și multiple piese de inventar). În colțul de sud-est al

Resturile locuinței ocupau practic integral carourile D/1-3; E/1-3 și F/1-3, reprezentând o platformă de formă aproape rectangulară, axată sud-vest – nord-est (fig. 2). Dimensiunile laturilor lungi sunt de circa 5,6 și respectiv 4,7 m, iar a celor scurte – 4,2 și 3,6 m, astfel, ocupând o suprafață totală de circa 20 m.p. Vestigiile locuinței sunt reprezentate prin dărâmături de fragmente de chirpic și lipituri de diferite dimensiuni în amestec cu cenușă și cărbuni de lemn. Fragmentele de chirpic poartă amprente de la nuiele cu diametrul diferit pe o parte, cea opusă fiind relativ netedă, majoritatea lor atestând un grad puternic de ardere. Alocuri, pe laturile locuinței sunt prezente pietre de calcar rupt de dimensiuni mijlocii și mici, precum și pietre de râu. În perimetrul aglomerației au fost colectate multiple fragmente de ceramică (unele dintre care atestă ardere secundară), așchii de silex, zgură de lut, oase de animale (multe calcinate).

Categoria materialelor	Str. I	Str. II	Str. III	Str. IV	Gr. I	Loc. II.	Total
Ceramică din perioada de tranziție	1	3	7	6	-	3	20
Ceramică din prima epocă a fierului	188	417	162	36	11	140	954
Oase de animale	42	175	232	24	36	18	527
Silexuri	8	28	21	9	7	1	74
Lipitură	2	10	7	9	2	-	30
Pietre de râu	1	2	3	-	-	-	6

Tabelul nr. 1. Materiale descoperite în cadrul Secțiunii II.

Tabel nr.1. The materials discovered in the Section II.

secțiunii s-au descoperit vestigiile unei locuințe de suprafață.

Stratul III prezenta sol negru-cenușiu în amestec cu cenușă, pe alocuri fiind vizibilă trecerea la un sol brun-cenușiu. Vestigiile arheologice colectate sunt reprezentate printr-o cantitate considerabilă de fragmente ceramice și oase de animale, silexul și pietrele fiind mai puține la număr. De rând cu acestea, au mai fost descoperite și diverse piese de inventar. În procesul degajării acestui strat au fost sesizate urmele unei platforme din lut crud.

Stratul IV consta din sol brun-cenușiu, care la bază trecea în sol gălbui-nisipos steril. Vestigiile arheologice sunt mult mai sporadice, printre care se regăsesc și câteva piese de inventar.

Locuința de suprafață nr. II a fost depistată la adâncimea de 0,45 m de la nivelul orizontului actual.

În partea de sud-vest a locuinței au fost identificate vestigiile unei instalații de încălzire care reprezintă o *vatră portativă* modelată din lut în amestec cu mult nisip. Bordura cu înălțimea de 20 cm treptat se subțiază către marginea rotunjită. Diametrul vetrei este de circa 0,70 m (fig. 2). Printre vestigiile vetrei se aflau și câteva fragmente mici de ceramică din prima epocă a fierului.

În perimetrul locuinței, în total au fost colectate 143 de fragmente ceramice, dintre care trei de tip Gordinești, restul se atribuie primei epoci a fierului. Din punct de vedere tehnologic, se atestă prezența a două categorii principale: *fină* și de *uz comun*, raportul procentual dintre ele fiind de 13,6% la 86,4%. Prima categorie include ceramica modelată din pastă bine frământată având ca degresant cioburi pisate mărunț. A doua – ceramica modelată dintr-o pastă mai grosieră, în amestec cu cioburi pisate de granulație mare. Unele fragmente ceramice, atât fine cât și de uz comun, de rând cu șamota, conțin în pasta de modelare și degresanți de altă natură: silex ars pisat, granule de calcar, microprundișuri.

În cadrul *ceramicii fine*, din punct de vedere morfologic, se evidențiază: *străchini* (deschise cu corpul tronconic rotunjit către gură cu marginea

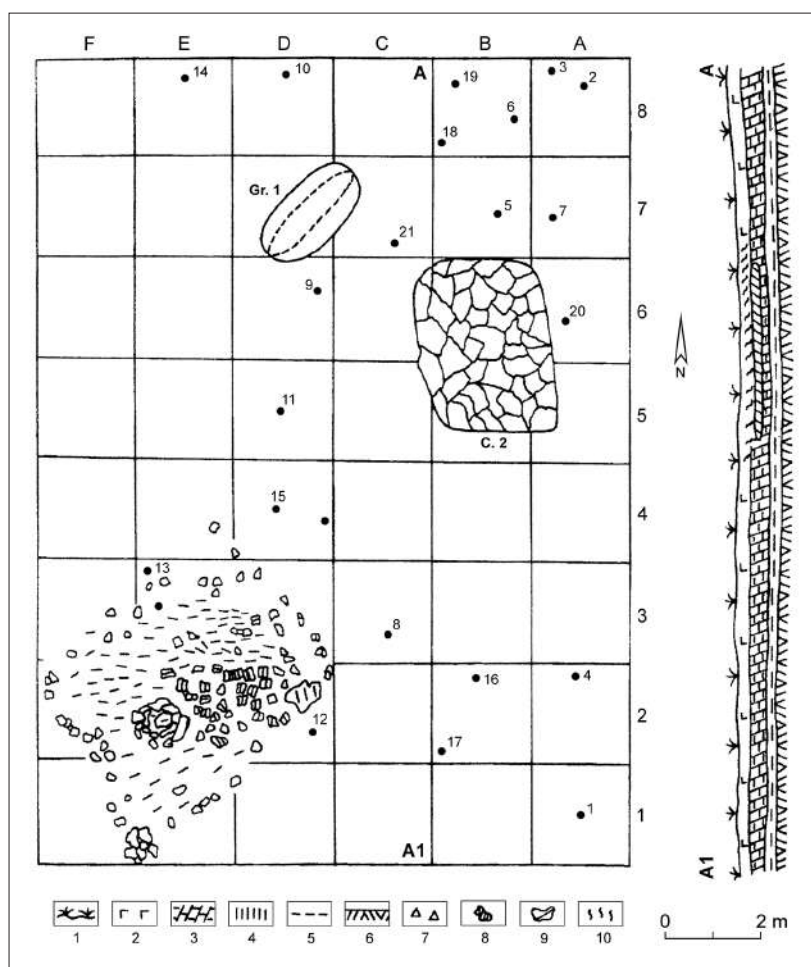

Fig. 2. Planul și profilul suprafeței investigate: 1 – nivelul actual de călcare; 2 – strat vegetal; 3 – strat de cenușă; 4 – sol negru-cenușiu; 5 – sol galben-cenușiu; 6 – lut galben viu; 7 – fragmente de ceramică; 8 – fragmente de lipitură; 9 – pietre; 10 – cărbune de lemn.

Fig. 2. Plan and profile of the investigated surface: 1 – current tread level; 2 – topsoil; 3 – layer of ash; 4 – black-gray soil; 5 – yellow-gray soil; 6 – bright yellow clay; 7 – ceramics fragments; 8 – fragments of plaster; 9 – stone; 10 – charcoal.

invazată); *chiupuri* (cu pereții groși, lustruiți, de culoare neagră la exterior și galben-oranj în interior); *căni* (cu corpul ușor profilat și toarta supraînălțată) și *cupe* (cu corpul în formă de „S”).

Ceramica de uz comun este reprezentată prin: vase de tip lălea și de tip borcan ornamentate cu un șir de orificii complete sub buză, cu brâu alveolat pe umăr sau cu combinații formate din aceste elemente.

Platforma de lut crud a fost descoperită preponderent în carourile B/5-6 și parțial în A/5-6 și C/5-5, la 5 m spre nord-est de Locuința nr. 2 (fig. 2). Probabil, reprezintă o locuință de suprafață sau o încăpăre auxiliară, în construcția pereților căreia nu a fost utilizat lutul. Podeau acestea reprezenta o platformă cvasidreptunghiulară de lut crud de culoare galben-deschis, cu grosimea de 15-20 cm, lipită deasupra cu o fețuială subțire. Platforma a fost amenajată pe nivelul antic, avea dimensiunile de 2,4x3,4 m și era orientată pe axa sud-nord.

Deasupra platformei se afla un strat de cenușă ușoară, de culoare gri-deschisă, dispusă sub

forma unei lentile cu grosimea de 20 cm și care depășea limitele acesteia cu 1-1,5 m, ceea ce ar putea fi rezultatul arderii pereților și acoperișului care erau construiți din stuf sau nuiele și crengi.

Groapa nr. 1 a fost depistată la adâncimea de circa 0,8 m de la nivelul terenului actual în carourile C/7 și D/7, la circa 6 m spre nord de locuință și la 2 m spre nord-vest de platforma de lut crud (fig. 2). La nivelul identificării, groapa avea o formă ovală-alungită (lungimea de circa 2,4 m și lățimea de 1,2 m). Pereții transversali erau verti-

Stratul Categorii	I		II		III		IV		Loc. II		Gr. 2		Total	
	nr.	%	nr.	%	nr.	%	nr.	%	nr.	%	nr.	%	nr.	%
Ceramica fină	43	77,1	138	33,1	45	72,2	11	30,6	19	86,4	2	18,2	258	72,9
Ceramica de uz comun	145	22,9	279	66,9	117	27,8	25	69,4	121	13,6	9	81,8	695	27,1
Total	188		417		162		36		140		11		953	

Tabelul nr. 2. Raportul procentual dintre ceramica fină și cea de uz comun, fixată pe straturi.

Tabel nr. 2. Procentual report between fine and coarse ceramics, fixet by levels.

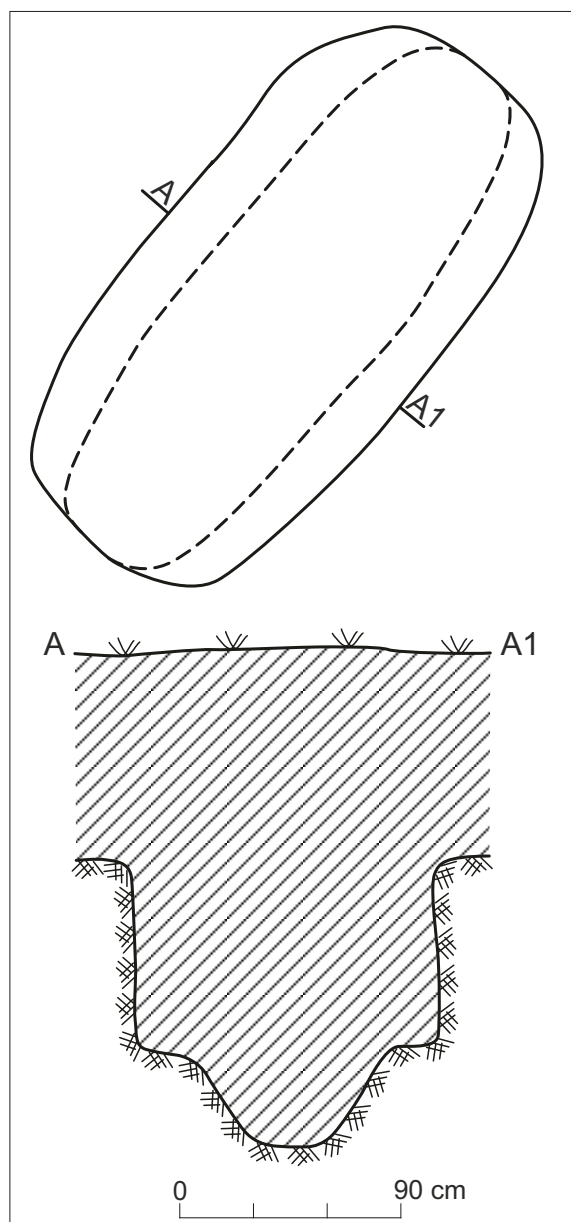

Fig. 3. Planul și profilul gropii: 1 – nivelul actual de călcare; 2 – sol negru-cenușiu; 3 – lut galben viu.

Fig. 3. Plan and profile of the pit: 1 – current tread level; 2 – black-gray soil; 3 – bright yellow clay.

cali, iar cei laterali – verticali până la adâncimea de 0,75 m, după care formează trepte și se îngustează către fundul albiat. Adâncimea gropii este de 1,14 m (fig. 3).

Umplutura gropii constă din sol negru-cenușiu în care s-au găsit pietre de calcar de diferite dimensiuni, fragmente de lipituri și chirpici, fragmente de oase de animale, așchii de silex și 11 fragmente de ceramică din prima epocă a fierului. Ceramica, din punct de vedere al tehnicii de modelare, reprezintă

exclusiv vase lucrate cu mâna, care conform parametrilor tehnico-tehnologici se atribuie la două categorii convenționale principale: *fină* și de *uz comun*. În cadrul primei se identifică două fragmente de *cupe* cu profil în formă de „S” cu marginea evazată subțiată, neornamentate și partea superioară (gâtul) a unui *chiup* (vas bitronconic) decorat cu caneluri orizontale, iar două fragmente de pereți ornamentați cu brâie alveolate aparțin celei de-a doua categorii.

Piesele de inventar

Atât în cadrul complexelor cercetate, cât și în straturile de săpătură, au fost descoperite diverse piese de inventar, reprezentate în special prin ustensile și unelte lucrate din lut, piatră, silex, os, bronz.

Din categoria *pieselor de lut* fac parte câteva fusaiole și o piesă nedeterminată. *Fusaiiolele* (fig. 4,1-4) sunt reprezentate prin trei exemplare întregi și un fragment. Sunt modelate din pastă fină de lut în amestec cu șamotă de granulație mică. Au formă circulară în plan, iar în secțiune bitronconică, una din ele fiind ușor applatizată (fig. 4,2), iar alta deformată (fig. 4,3). Au suprafața netezită, culoarea variază de la gălbui-roșiatic la cenușiu. Un exemplar este acoperit cu angobă și este ornamentat pe diametrul maxim cu incizii verticale fine (fig. 4,1). Dimensiuni: diametrul pieselor variază între 3,1 și 3,6 cm; diametrul orificiului între 0,4 și 0,6 cm și înălțimea între 1,7 și 2,1 cm. *Piesa* este modelată din pastă compactă de lut și are culoare cărămizie. S-a păstrat doar un fragment cu lungimea de 5,6 cm, care are capătul ascuțit.

Piesele de silex (fig. 5,1-12) sunt reprezentate prin două gratoare, două unelte, un vârf și 18 lame. *Gratoarele* sunt lucrate pe lame de silex de culoare cenușie deschisă cu pete albe. Un exemplar are formă ovală neregulată, cu retușe pe extremitatea distală și dimensiunile de 3,5x2 cm (fig. 5,8). Al doilea exemplar are formă neregulată cu retușe pe extremitatea distală și dimensiunile de 6,3x2,6 cm. *Uneltele* (una întreagă și un fragment) sunt lucrate pe așchii de silex. *Piesa* întreagă are formă triunghiulară, ambele suprafețe patinizate, partea distală retușată mărunț și dimensiunile de 4x2,5 cm. A doua unealtă are formă neregulată, vârful retușat mărunț, urme de utilizare reprezentate prin luciu și dimensiunile de 3,5x2,6 cm. *Vârful* (fig. 5,9) reprezintă o piesă bifacială lucrată din silex de culoare maronie cu urme de patină. Are formă tri-

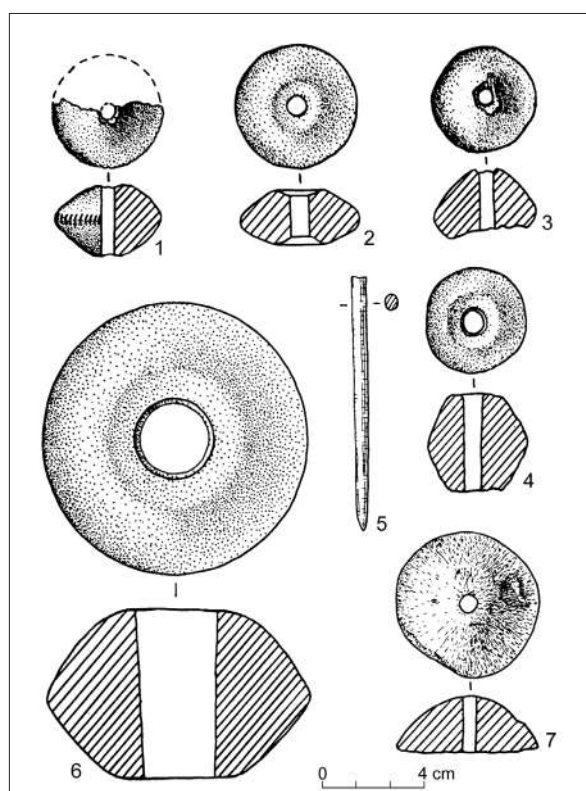

Fig. 4. Pieșe de inventar: 1-4, 11 – lut ars; 5 – bronz; 6 – granit; 7 – os.

Fig. 4. Findings: 1-4 – baked clay; 5 – bronze; 6 – granite; 7 – bone.

unghiulară cu baza rotunjită, vârful bine ascuțit cu urme de luciu și uzură, iar dimensiunile de 5,5x3 cm. Funcțional, probabil a fost utilizată ca vârf de suliță. *Lamele* (10 întregi și opt fragmentare) sunt lucrate din silex de culoare cenușie, cafenie (închis, deschis) și neagră, cu sau fără pete (albe, cenușii deschise). Pieșele fragmentare reprezintă partea distală, mediană sau proximală a lamelor. Majoritatea dintre ele sunt retușate (scarleoform, mărunț sau paralel) pe margini unilateral sau bilateral și prezintă urme de utilizare (luciu sau uzură). Unele din ele nu sunt retușate, dar conțin urme de uzură. Dimensiuni: lungimea variază între 3,5 și 8 cm; lățimea între 1,5 și 4 cm. O piesă a fost utilizată în calitate de lamă de cuțit, iar șase sunt lame pentru seceri (fig. 5, 2,5-6). Menționăm că din numărul total de 18 lame, cinci exemplare sigur pot fi atribuite paleoliticului superior. Din colecția de piese de silex, un loc aparte îl ocupă *așchiile* (15 întregi și trei fragmentare). Sunt lucrate din aceleași tipuri de silex utilizat pentru lame. Unele dintre ele sunt retușate și atestă urme de utilizare. Un exemplar

are câteva fațete-retușe paralele realizate sub formă de encoches. Dimensiuni: lungimea variază între 2,5 și 8,5 cm; lățimea între 2,3 și 5,5 cm.

Pieșele din piatră sunt reprezentate printr-o măciucă de granit, o unealtă de șist și o piesă din piatră de prund. *Măciuca* (fig. 4,6) în plan este de formă rotundă, iar în secțiune bitronconică, prevăzută cu un orificiu tronconic de fixare a cozii. Este lucrată dintr-o rocă dură de culoare neagră și are suprafața bine lustruită. Diametrul în zona mijlocie a piesei este de 7,5 cm, înălțimea de 4,8 cm, diametrul orificiului – 2-2,3 cm. *Unealta* lucrată din șist are suprafața bine șlefuită și dimensiunile de 3,6x2,9x2,9 cm. Piesa lucrată pe o așchie de piatră de prund despicată prezintă urme de așchiere artificială pe unul din capete, iar pe celălalt urme de prelucrare prin fațetare.

Din categoria **pieșelor din os** face parte doar o *fusaioală* (fig. 4,7) lucrată pe epifiza unui os de animal. Este de formă circulară în plan, cu secțiunea conică, suprafața bine șlefuită, iar pe centru are perforat un orificiu cu diametrul de 0,6 cm. Dimensiuni: diametrul 4,4 cm și înălțimea 1,7 cm.

Pieșele de bronz sunt reprezentate printr-o singură piesă (fig. 4, 5) – fragmentul unei *tije de*

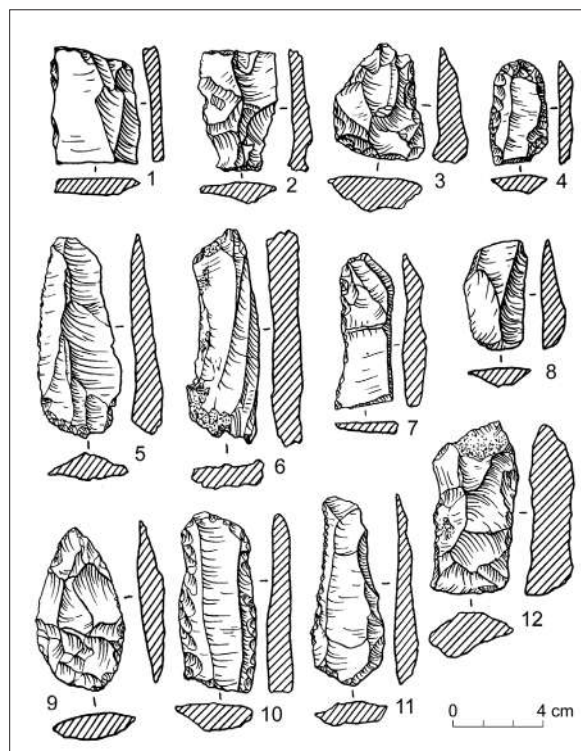

Fig. 5. Pieșe de silex.

Fig. 5. Flint findings.

ac cu lungimea de 7,5 cm și diametrul de 0,5 cm, având unul dintre capete bine ascuțit.

Ceramica din straturile de săpătură

Colecția ceramică descoperită în straturile de săpătură, din punct de vedere al tehnicii de modelare, reprezintă exclusiv vase lucrate cu mâna, iar în baza parametrilor tehnico-tehnologici poate fi împărțită convențional în două categorii principale: fină și de uz comun. Raportul procentual dintre ceramica fină și cea de uz comun este de 29,5% (237 fragmente) la 70,5% (566 fragmente).

Ceramica primei categorii este modelată din pastă bine frământată în amestec cu cioburi pisate mărunț, ardere bine controlată, suprafața lustruită și culoare ce variază de la negru până la galben-cenușiu, de diverse nuanțe. În funcție de culoare și gradul de netezire a suprafeței, pot fi deosebi-

te: vase cu suprafața exterioară neagră și minuțios prelucrată, iar cea interioară galben-oranj; vase negre mai îngrijit lucrate la interior și cenușiu-închise la exterior; vase cu lustruire pe ambele părți, de culoare neagră, cenușiu-întunecată sau galben-deschisă. Pentru a doua categorie este specifică ceramica modelată din pastă mai grosieră, în amestec cu cioburi pisate de granulație mare, ardere de calitate inferioară, prelucrarea mai neglijentă a suprafeței și culoare galben-cenușie sau cărămizie-cafenie cu pete cenușii. Neomogenitatea ceramicii acestei categorii la fel se remarcă în aspectul veselei, evidențiindu-se: vase cu suprafața lucrată mai puțin îngrijit; cu suprafața netezită și șlefuită; vase cu suprafața zgrunțuroasă-aspră.

Totodată, s-a stabilit că pentru un lot de 2,3% din ceramica fină și de circa 4% din cea de uz comun, de rând cu șamota se utilizau și degresanți

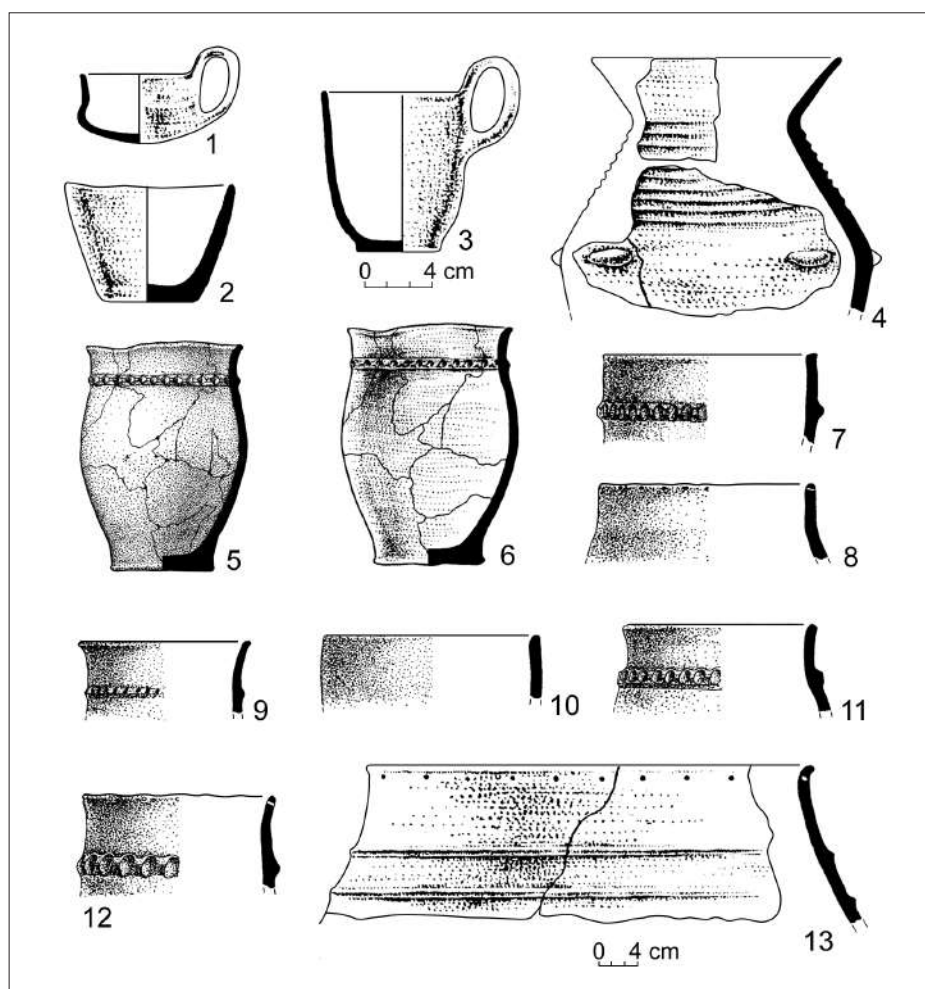

Fig. 6. Ceramică fină din straturile de săpătură.

Fig. 6. Fine ceramics from the excavation layers.

de altă natură: silex pisat ars, granule de calcar, microprundișuri sau mica (doar pentru vesela de uz comun).

Ceramica fină. Din punct de vedere morfologic, din colecția de ceramică fină descoperită doar 109 fragmente sunt relevante pentru atribuire tipologică, ceea ce constituie 46,45%. În urma analizei este posibilă identificarea următoarelor tipuri:

- I. Străchini – 51 fragmente (46,78%);
- II. Chiupuri – 28 fragmente (25,68%);
- III. Cupe – 21 fragmente (19,26%);
- IV. Căni – 9 fragmente (8,25%).

Tipul I. Străchini (fig. 7) – este una dintre cele mai reprezentative forme. Fragmentele provenind de la părțile superioare ale acestui tip de vase permit identificarea următoarelor variante:

a. Străchini larg deschise, de formă tronconică, cu corpul mai mult sau mai puțin rotunjit către gură (fig. 7,1,5), marginea invazată (fig. 7,6-7) și fundul relativ îngust, neprofilat sau ușor profilat. Marginea poate fi: subțiată, rotunjită sau tăiată oblic. Ornamentul acestei variante constă din caneluri orizontale în partea superioară a corpului, situate sub buză, sau mânere-apucători plasate sub margine sau pe corpul vasului (fig. 7,4).

b. Străchini larg deschise, tronconice, cu marginile tăiate oblic. Recipientele acestei variante nu sunt ornamentate.

c. Străchini larg deschise, tronconice, cu marginile tăiate drept (fig. 7,2-3,8). Un exemplar este prevăzut pe margine cu proeminențe triunghiulare perechi (fig. 7,8).

Tipul II. Chiupuri (vase bitronconice de proporții). Particularitatea specifică acestui tip de vase o constituie bicromatismul – suprafața exterioară este neagră, îngrijit prelucrată, iar cea interioară – de culoare galbenă sau oranj, circumstanță ce în mare înlesnește atribuirea la acest tip a fragmentelor indiferent de la ce parte a vasului provin. În cadrul acestui tip, pornind de la părțile superioare ale unor recipiente, reconstituite grafic, pot fi evidențiate chiupuri cu corp bitronconic, gât în formă de pâlnie, buza evazată și fundul relativ îngust. Partea superioară (gâtul) este decorată cu caneluri orizontale, iar în zona diametrului maxim vasele sunt prevă-

zute cu proeminențe simple (fig. 6,4).

Tipul III. Cupe. Atribuirea anumitor fragmente ceramicii cu pereții subțiri cupelor este determinată de absența torții. Cu toate acestea, trebuie să remarcăm că o parte din ele prezintă, din punct de vedere morfologic, o asemănare oarecare cu unele căni cu corpul profilat. Pot fi distinse doar cupe cu profil în formă de „S” mai mult sau mai puțin pronunțat, cu marginea evazată și subțiată. De regulă, ele nu sunt ornamentate.

Tipul IV. Căni. În baza unor exemplare întregibile se identifică următoarele variante:

- a.** Căni scunde cu profil în formă de „S”, mai

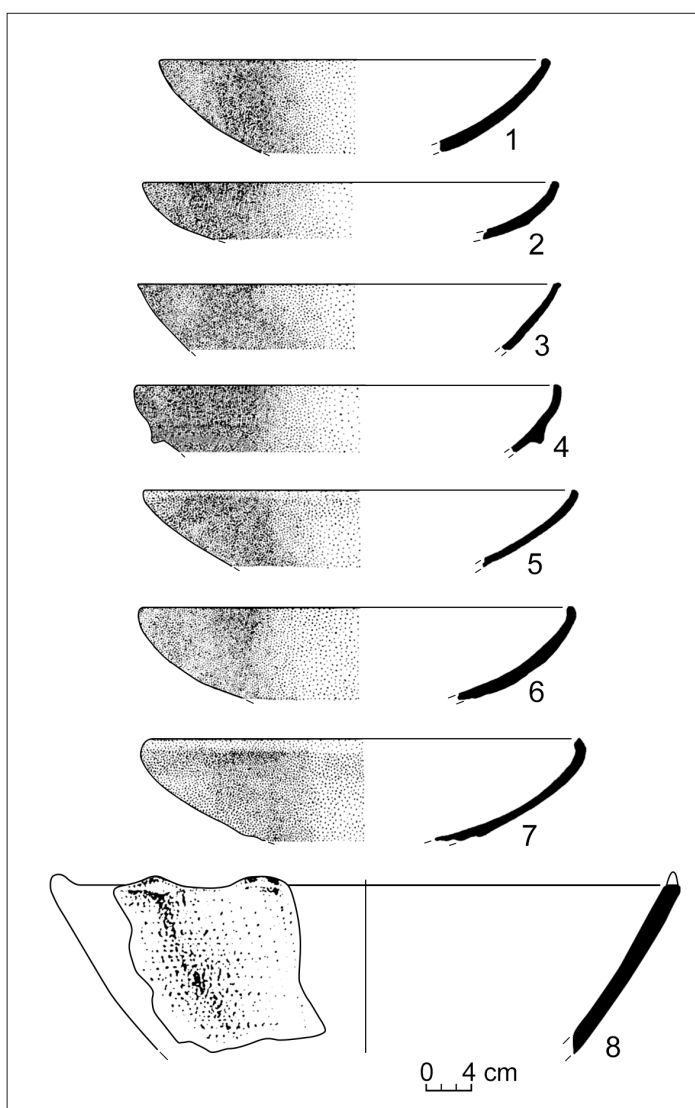

Fig. 7. Ceramică din straturile de săpătură: 1-4 – fină; 5-13 – de uz comun.

Fig. 7. Ceramics from the excavation layers: 1-4 – fine; 5-13 – household.

clar sau mai slab accentuat, cu fundul plat, prevăzute cu torți supraînălțate vertical. Aceste câni sunt lipsite de ornament (fig. 6,1).

b. Câni tronconice înalte, cu fundul profilat, drept și cu toarta supraînălțată. De regulă, sunt neornamentate (fig. 6,3).

Ceramica de uz comun. Relevante din punctul de vedere al tipului morfologic sunt doar 94 fragmente, ceea ce reprezintă 16,6%, fiind atribuite următoarelor tipuri:

I. Vase în formă de lalea – 77 fragmente (81,9%);

II. Vase de tip borcan – 13 fragmente (13,82%);

III. Vase cu corpul slab bitronconic – 4 fragmente (4,25%);

IV. Strecurători – 1 fragment.

Tipul I. Vase în formă de lalea. 39% dintre aceste vase sunt ornamentate:

22,1% – cu un șir de orificii dispuse sub buză (fig. 6,8); 10,4% – cu un brâu alveolat amplasat la o anumită distanță de marginea vasului (fig. 6,5-6,9,11); 6,5% – cu un șir de orificii sub buză în asociere cu un brâu alveolat pe umărul vasului (fig. 6,12).

Tipul II. Vase de tip borcan. 15,4% dintre aceste vase sunt ornamentate cu brâu alveolat amplasat la o anumită distanță de marginea vasului (fig. 6,7,10).

Tipul III. Vase cu corpul slab bitronconic. Marginea acestor vase în unele cazuri este dreaptă orizontală, în altele – subțiată, puțin evazată. Unele recipiente sunt ornamentate cu: un șir de orificii sub margine în asociere cu două brâie continui paralele dispuse mai jos (fig. 6,13).

Tipurile morfologice ale ceramicii de uz comun, luând în considerație pereții cu ornament, cu precădere erau decorați cu brâie alveolate (84,4%); cu mânere-suporturi ovale sau proeminențe conice (6,25%); cu brâie simple (3,1 %); mai rar, cu șiruri orizontale de alveole și linii incizate dispuse în plan vertical.

Tipul IV. Strecurătoare. Acest tip de vase este reprezentat doar printr-un fragment care conține perforații circulare complete, dar care nu ne permite reconstituirea întregului profil.

Materialul osteologic

Ca urmare a cercetării Secțiunii II din anul 1984, de rând cu colecția ceramică și piesele de in-

Specia	Oase	Indivizi	%	Total oase
<i>Domestice</i>				
Ovis et capra (ovicaprine)	109	41	21,05%	518 / 98,48%
Bos Taurus (bovine)	336	60	64,86%	
Equus caballus (cal)	13	13	2,9%	
Sus. scrofa dom. (porcine)	53	21	10,23%	
Canis familiaris (câine)	5	5	0,96%	
<i>Sălbatic</i>				
Bos / Bison (taur, bison)	2	1	25%	8 / 1,52%
Lepus europaeus (iepure de câmp)	1	1	12,5%	
Cervus elaphus (cerb nobil)	3	3	37,5%	
Vulpes (vulpe)	2	2	25%	

Tabelul nr. 3. Tabelul sinoptic al materialului osteologic descoperit în Secțiunea II.

Tabel nr. 3. Synoptic tabel with osteological material discovered in Section II.

ventar, au mai fost descoperite și 527 oase de animale, din care a fost posibil de identificat 137 de indivizi. Din numărul total de oase, 518 (98,48%) provin de la animalele domestice și doar 8 (1,52%) de la cele sălbatic. Speciile domestice sunt reprezentate, preponderent, prin bovine, ovicaprine, porcine și mai rar prin cal și câine. Resturile osteologice ale speciilor sălbatic aparțin cerbului nobil, taurului, vulpii și iepurelui de câmp. Datele statistice referitoare la fiecare specie de animale se regăsesc în tabelul sinoptic al materialului osteologic.

Concluzii

Rezultatele investigațiilor din anul 1984, în ansamblu, diferă puțin de cele obținute în prima campanie (1982) și a celor ulterioare, deja introduse în circuitul științific. Totodată, se impune menționarea aportului săpăturilor în cauză la cunoașterea mai amplă a specificului acestei așezări.

Referitor la complexele cercetate, atragem atenția, în primul rând, asupra platformei de lut crud și a gropii.

Platforma de lut crud, probabil, reprezintă o locuință de suprafață sau o încăpăre auxiliară, la construcția pereților căreia nu a fost utilizat lutul. Pereții și acoperișul erau din stuf sau nuiele și crengi. Podeaua locuinței reprezenta o platformă cvasidreptunghiulară de lut crud de culoare galben-deschis, cu grosimea de 15-20 cm, lipită deasupra cu o fețuială subțire. Acest tip de construcție mai este cunoscut în literatura de specialitate ca locuință de suprafață

de tip colibă. Arheologul român Ion Nestor consideră că asemenea locuințe au existat în așezarea de la Corlăteni [Nestor 1951, 68-73]. În susținerea ideii respective vine și unul dintre autorii acestui studiu, catalogând platforma de lut descoperită în campania din 1984 drept o locuință auxiliară [Levițki 1994, 60], ca temei servind amplasarea ei în coraport cu Locuința de suprafață nr. II și groapa menajeră.

În ceea ce privește *groapa de proporții*, menționăm că complexe adâncite similare acesteia, atât din punct de vedere al formei în plan, cât și în secțiune, nu ne sunt cunoscute nici în așezările de epocă, și nici în cele din mediile culturale precedente sau ulterioare.

Cu privire la specificul inventarului depistat, cea mai deosebită piesă este *măciuca de piatră/granit*. Această piesă a fost invocată pentru prima dată în monografia lui O. Levițki despre cultura hallstattului canelat la răsărit de Carpați [Levițki 1994, 113-114]. Examinarea ei mai complexă a fost realizată într-un studiu special, cu privire la unele piese de inventar din epoca bronzului descoperite în așezarea Trinca „Izvorul lui Luca” [Levițki 2007, 138-154].

În ambele studii se menționează faptul, că astfel de piese nu sunt atestate în mediul cultural hallstattian din Europa de Sud-Est și că această categorie, cu precădere, este caracteristică epocii bronzului, fiind prezentate și alte desoperiri de acest tip, cunoscute în spațiul est-carpatic. S-a constatat, că piesele de tipul examinat, de rând cu faptul că au un diapazon cronologic destul de mare (întreaga epocă a bronzului), au avut și un areal de răspândire foarte vast: zonele de stepă și silvostepă ale spațiului nord-pontic din regiunea râului Volga și a munților Caucaz până la Dunărea de Jos (culturile: Catacombilor, Srubnaia, Mnogovalikovaia, Komarov, Noua, Belogradovka etc.); sud-estul Transilvaniei și zona Carpaților de Curbură (culturile: Monteoru, Wietenberg, Otomani, Mureș, Tei etc.) și că din punct de vedere tipologic sunt diverse, iar aspectul morfologic al pieselor nu constituie un indicator cronologic, dat fiind faptul că ele sunt atestate în complexe ce datează atât din perioada inițială, cât și din cea finală de circulație a lor.

În același timp, ținem să menționăm, că în teritoriile de la est de Nistru, măciucile de piatră șlefuită sunt arestate sporadic și în unele morminte cimeriene [Terenozhkin 1976, 139, ris. 65,2;

Dubovskaja 1997, Abb. 12,2], precum și scitice timpurii [Il'inskaia 1975, 107, tabl. VII,9]. Totodată, conducându-ne de parametri ca: corpul bitronconic (partea superioară a căruia este mai scundă în raport cu cea inferioară); prezența unei muchii pe linia diametrului maxim (mai mult sau mai puțin accentuată); coraportul dintre diametrul maxim și înălțime (diametrul depășind cu mult înălțimea); secțiunea tronconică a orificiului de înmănușare și dimensiunile, am stabilit că măciuca de la Trinca atesta similitudini mai apropiate cu piesele descoperite în așezările din perioada târzie a epocii bronzului, unde vestigiile culturii Noua sunt suprapuse de cele hallstattiene timpurii (de exemplu, Siliștea Scheii din Podișul Sucevei) [Ignat 1981, 136, fig. 2,6]. Astfel, piesa de la Trinca poate fi atribuită unuia dintre orizonturile culturale din perioadele timpurie sau mijlocie a epocii bronzului, inclusiv celui hallstattian timpuriu, atestate în așezare.

Referitor la ceramică, se cuvine de remarcat, că atât categoriile tehnologice prezente, cât și repertoriul, ponderea tipurilor morfologice și a motivelor ornamentale caracteristice, sunt similare celor proprii colecției ceramice deja studiate din așezare.

În același timp, menționăm că în cadrul ceramicii fine a fost identificat un tip morfologic nou – *cănila tronconice înalte* cu fundul profilat și drept, toarta supraînălțată și lipsite de ornament. Vase asemănătoare însoțeau uneori mormintele de incinerare în urne din necropolele plane de tip Cruceni-Belegiș din Banatul românesc – Cruceni [Radu 1973, fig. 8,5], Bobda [Radu 1973, 505], și Banatul iugoslav – Idoș-Livade (Budžak) [Bukvić 2000, 137, Tabla 48,7]. Ele sunt cunoscute și în cadrul monumentelor culturii Gava [Kemenczei 1984, fig. CXXXI/23; CXXXII/8] și ale culturii câmpurilor cu urne [Patek 1968, 258, fig. VII,2] de pe teritoriul Ungariei etc.

În așa mod, din informațiile prezentate cu privire la complexe, piese de inventar, tipuri de vase ceramice, mai puțin caracteristice primei epoci a fierului din spațiul est-carpatic, reiese că, cu excepția gropii de dimensiuni mari, celelalte (platforma de lut crud, măciuca de piatră și cănila tronconice) au paralele în mediul cultural hallstattian carpato-nistrean și, respectiv, în zona Dunării de Mijloc.

Bibliografie

- Bukvić 2000:** L. Bukvić, Kanelovana keramika Gava komplekca u Banatu (Novi Sad 2000).
- Dubovskaja 1997:** O. Dubovskaja, Zur ethnischen und Kulturellen Einordnung der „Novocerkassk-Gruppe”. EA, Band 3, 1997, 277-328.
- Ignat 1981:** M. Ignat, Contribuții la cunoașterea epocii bronzului și a Hallstattului timpuriu în județul Suceava. Thraco-Dacica II, 1981, 133-146.
- Il'inskaia 1975:** V.A. Il'inskaia, Ranneskifskie kurgany basseina r. Tiasmin (Kiev 1975) // В.А. Ильинская, Ранне-скифские курганы бассейна р.Тясмин (Киев 1975).
- Kemenczei 1984:** T. Kemenczei, Die Spätbronzezeit Nordostungarn (Budapest 1984).
- Levitskii 1984:** O.G. Levitskii, Poselenie rannego zheleznogo veka u s. Trinka. AO v 1982 g. (Moskva 1984), 413-414 // Левицкий О.Г. Поселение раннего железного века у с. Тринка. АО в 1982 г. (Москва 1984), 413-414.
- Levitskii 1986:** O.G. Levitskii, Poselenie rannego zheleznogo veka u s. Trinka. AIM v 1982 g. (Kishinev 1986), 54-71 // Левицкий О.Г. Поселение раннего железного века у с. Тринка. АИМ в 1982 г. (Кишинев 1986), 54-71.
- Levițki 1994:** O. Levițki, Cultura hallstattului canelat la răsărit de Carpați. B.THR. VII (București 1994).
- Levițki 2007:** O. Levițki, Despre unele piese de inventar din epoca bronzului depistate în așezarea Trinca „Izvorul lui Luca”. RA III, 1-2, 138-154.
- Levițki, Sirbu 2016:** O. Levițki, L. Sirbu, Rezultatele investigațiilor arheologice din situl Trinca „Izvorul lui Luca”. Campania anului 1989. RA XII, 1-2, 2016, 237-249.
- Nestor et al. 1951:** I. Nestor și colab., Săpăturile de pe șantierul Valea Jijiei (Iași-Botoșani-Dorohoi) în anul 1950. SCIV II, 1, 1951, 68-73.
- Patek 1968:** E. Patek, Die Urnenfelderkultur in Transdanubien (Budapest 1968).
- Radu 1973:** O. Radu, Cu privire la necropola de la Cruceni (jud. Timiș). SCIV 24, 3, 1973, 503-520.
- Terenozhkin 1976:** A.I. Terenozhkin, Kimmeriitsy (Kiev 1976) // А.И. Тереножкин, Киммерийцы (Киев 1976).

Oleg Levițki, doctor habilitat în științe istorice, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM, bd. Ștefan cel Mare 1, MD 2001, Chișinău, Republica Moldova, email: levitkioleg_ipc@yahoo.com

Livia Sirbu, cercetător științific, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM, bd. Ștefan cel Mare 1, MD 2001, Chișinău, Republica Moldova, email: livermur@yahoo.com

Александр Назаров, Сергей Скорый, Денис Гречко

**Новое о погребениях скифской архаики
в Днепровском Лесостепном Правобережье**

Keywords: Dnieper's Right-Bank Forest-Steppe, early Scythian time, burrow, pintaderae, warrior burial.

Cuvinte cheie: silvostepa din dreapta Niprului, perioada scitică timpurie, tumul, pintaderă, mormânt de luptător.

Ключевые слова: Днепровское Лесостепное Правобережье, раннескифское время, курган, пинтадера, воинское погребение.

Aleksandr Nazarov, Sergey Skory, Denis Grechko

New dates about the graves of Scythian archaic in the Dnieper's Right-Bank Forest-Steppe

Two new complexes of the early Scythian time from the Dnieper's Right-Bank Forest-Steppe are published. Burial in the burrow near village Pochapinci, probably, belonged to the representative of the local agricultural population. Pintaderae, which was found in this complex, may got in the region along with migrants from the Northern Caucasus and Transcaucasia after the end of the Front-Asian campaigns of the nomads.

The warrior burial with dagger, axe and spear in the frame near village Voronovka belonged to the representative of the nomads, which came from the southeast and brought the early Scythian material complex.

These complexes complement the source base for studying complex processes, which occurred in the east of Eastern Europe in the early Scythian time.

Aleksandr Nazarov, Sergei Skoryi, Denis Grechko

Date noi despre mormintele arhaice scitice în silvostepa din dreapta Niprului

În articol se publică două complexe funerare din perioada scitică timpurie, descoperite recent în silvostepa din dreapta Niprului. Mormântul din tumulul situat în preajma s. Pochapintsy, probabil, aparținea unui reprezentant al populației locale de agricultori. Pintadera, care a fost găsită în acest complex, putea să ajungă în această regiune împreună cu migratorii din Caucazul de Nord și Transcaucazia după încheierea incursiunilor acestor nomazi în Asia Anterioară.

Mormântul de luptător având drept inventar o spadă, un topor și o lance (complexul funerar reprezentând o construcție din bușteni de lemn), de lângă s. Voronovka, este atribuit nomazilor ce au venit dinspre sud-est și au adus complexul culturii materiale de tip scitic timpuriu.

Aceste complexe completează baza de date pentru studiul proceselor etnoculturale complicate, care aveau loc la sudul Europei de Est în perioada scitică timpurie.

Александр Назаров, Сергей Скорый, Денис Гречко

Новое о погребениях скифской архаики в Днепровском Лесостепном Правобережье

В статье публикуются два новых комплекса раннескифского времени из Днепровского Лесостепного Правобережья. Захоронение в кургане у с. Почапинцы, вероятно, принадлежало представителю местного земледельческого населения. Пинтадера, найденная в данном комплексе, могла попасть в данный регион вместе с мигрантами с Северного Кавказа и Закавказья после окончания переднеазиатских походов кочевников.

Захоронение воина с кинжалом, топором и копьем в срубе у с. Вороновка принадлежало представителям nomadov, которые пришли с юго-востока и привнесли комплекс материальной культуры раннескифского типа.

Данные комплексы пополняют источниковую базу для изучения сложных этнокультурных процессов, которые происходили на юге Восточной Европы в раннескифское время.

Памятники скифской эпохи, в том числе погребальные, в Днепровской Правобережной Лесостепи исследуются, по крайней мере, – с середины XIX в. За довольно продолжительный период, в результате археологических раскопок, получен весьма обширный матери-

ал, проливающий свет на похоронный ритуал автохтонных племён или пришельцев, сопутствующий погребальный инвентарь. Это, в свою очередь, позволяет в определённой степени реконструировать различные стороны жизнедеятельности древнего населения регио-

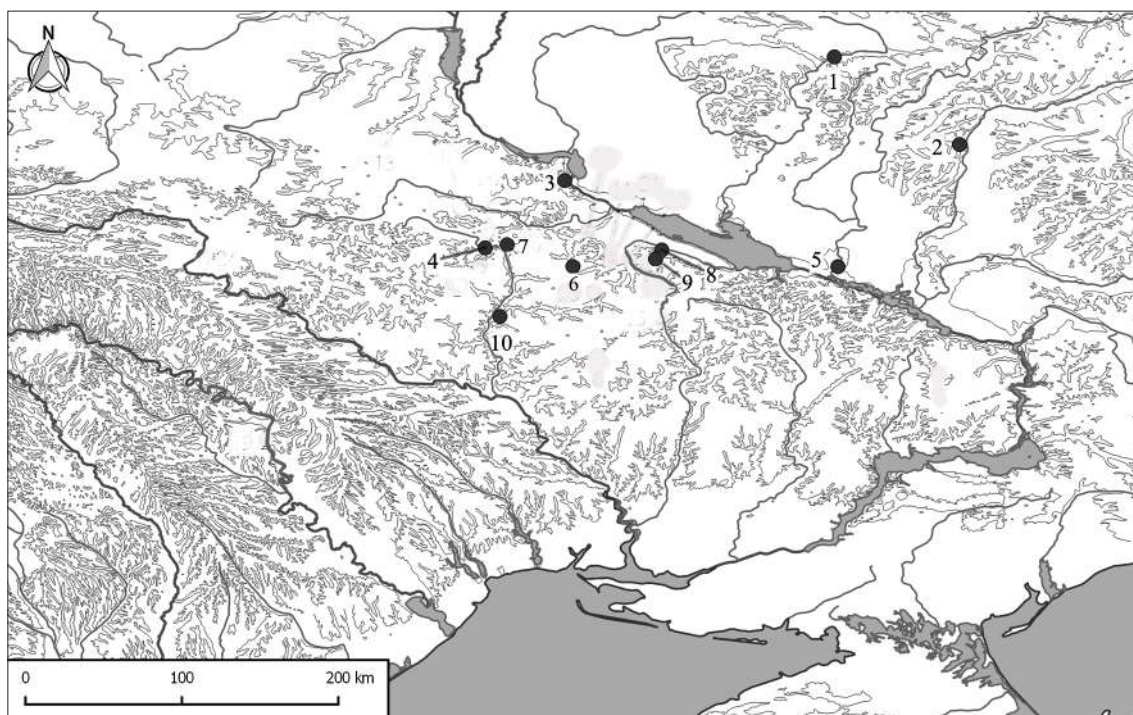

Рис. 1. Некоторые погребения пред- и раннескифского времени восточноевропейской Лесостепи: 1 – Аксютинцы; 2 – Бельск; 3 – Бобрица; 4 – Бужанка; 5 – Волошино; 6 – Вороновка; 7 – Почапинцы; 8 – Гуляй-Город; 9 – Жаботин; 10 – Журовка.

Fig. 1. Some Pre-and early Scythian time burials of the Eastern European Forest-Steppe. 1 – Aksyutintsy; 2 – Belsk; 3 – Bobritsa; 4 – Buzhanka; 5 – Voloshino; 6 – Voronovka; 7 – Pochapintsy; 8 – Gulyai-Gorod; 9 – Zhabotin; 10 – Zhurovka.

на. Казалось бы, в связи со сказанным, трудно ожидать обнаружения ныне каких-либо новых данных о погребальной обрядности или материальном комплексе обитателей данного ареала. Тем не менее, не столь давно исследованные погребальные памятники скифской поры на Черкасщине¹ вносят коррективы в наши представления.

Курган №1 у с. Вороновка Городищенского района

Входил в состав курганный группы из 16 насыпей, располагавшихся вдоль автодорог в сс. Толстая и Вороновка-Вербовка (рис. 1). Исследованный курган находился на мысовидном останце плато водораздела рек Ольшанка и Шполка, в начале склона к безымянному ру-

чью, на расстоянии около 3 км к юго-западу от центра села и в 100 м к юго-западу от автодороги Вороновка-Вербовка.

На момент раскопок, в 2002 г., курган имел высоту около 0,4 м при диаметре около 15 м. На поверхности после глубокой вспашки были найдены древесный тлен и несколько фрагментов лепной лощёной посуды. Раскопки проводились вручную с оставлением центральной бровки шириной 0,5 м, ориентированной по линии запад-восток (рис. 2). Уже на глубине 0,3 м от репера начали проследиваться остатки могильной конструкции, вещевой комплекс и останки погребенного.

Захоронение было сильно повреждено вспашкой. Погребальное сооружение представляло собой сруб со сторонами около 2,6х3 м, ориентированный по линии северо-запад-юго-восток. О других параметрах гробницы информация отсутствует, так как сохранился только нижний венец сруба. Диаметр бревен составлял 0,2-0,3 м. Сруб находился на древнем горизонте и был слегка (до 10 см) углублен ниже его уровня. В центре конструкции,

1. Оба кургана, о которых пойдёт речь далее, были раскопаны в 2002-2003 гг. соавтором настоящей публикации, старшим научным сотрудником Археологической инспекции Управления культуры Черкасской областной государственной администрации А.В. Назаровым. В работе использованы научные отчёты исследователя, хранящиеся в Научном архиве Института археологии НАН Украины [Nazarov 2002; 2003].

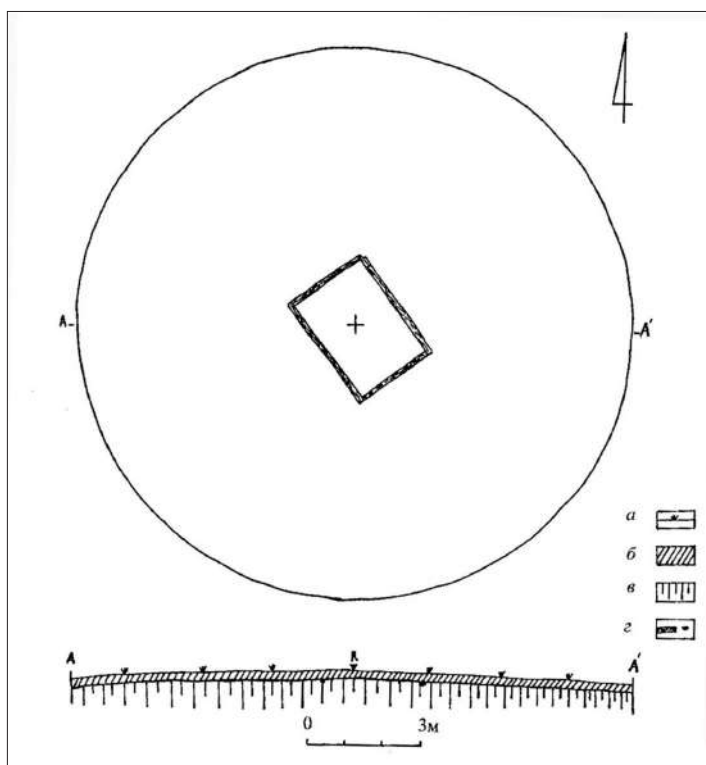

Рис. 2. План и разрез кургана у с. Вороновка.

Fig. 2. Plan and section of the barrow near the village of Voronovka.

на остатках деревянного настила из плах толщиной 2-3 см, шириной до 0,2 м, находились плохо сохранившиеся останки покойного, несомненно, мужчины (рис. 3). Скорее всего, он лежал вытянуто на спине, головой на юго-восток. Длина костяка составляла 1,65-1,70 м. Помост восточнее покойного и у черепа отсутствовал. Наличие здесь угольков свидетельствует о проведении в процессе захоронения определённого огненного ритуала, в результате чего сгорела часть помоста. К востоку от плеча и головы покойного лежали железные кинжал (или меч?) и топор (рис. 3,1,2-3), а к западу, практически между бревен сруба, – слегка изогнутый железный наконечник копья (рис. 3,1,1). В северном углу гробницы находились развалы лепных сосудов: корчаги и черпака (рис. 3,1,4). Корчага при вспашке почти не пострадала, так как попала между ножей плугов, нижняя же часть черпака оказалась нарушенной. Захоронение в кургане было основным и единственным.

Деревянные гробницы, сооружённые на уровне древнего горизонта, встречаются сре-

ди архаических погребений Днепро-вского Лесостепного Правобережья, хотя их доля крайне невелика. Достоверно известно всего шесть комплексов: курганы №№49 у с. Гуляй-Город; 1, 524 у с. Жаботин; 220 на р. Тенетинка в бассейне р. Тясмин [П'inskaia 1975, 16, 19-20, 50]; №2 у станции Цветково в Поросье [Kovrapenko, Bessonova, Skoryi 1989, 32]; Андрушевский курган на западной периферии Киевского Поднепровья [Vorontsov, Skoryi 2012]. Деревянные гробницы захоронений в Гуляй-Городе, на р. Тенетинке, в Цветково в той или иной степени носили следы ритуального горения.

Наличие сруба достоверно засвидетельствовано лишь в кургане №1 у с. Жаботин в бассейне Тясмина. Стоит подчеркнуть, что это единственная известная до последнего времени деревянная гробница подобной конструкции. Поскольку она сохранилась

довольно хорошо, следует напомнить её описание. Это был «прекрасно сохранившийся склеп из громадных брусев, сложенных срубом. Брусья (из дерева породы вяза) имели в длину до 5 м, ширину до 70 см и толщину до 30 см. Они были обтёсаны при помощи узкого орудия (очевидно, тесла)» [П'inskaia 1975, 19]. Полные размеры жаботинского сруба, к сожалению, не известны. В любом случае, это была более обширная погребальная конструкция, нежели публикуемая гробница. Погребение в кургане №1 у с. Жаботин было ограблено, однако в числе обнаруженного инвентаря (греческая разбитая амфора, лепные сосуды скифской поры – не сохранились) присутствовала золотая бляшка в виде козла с поджатыми ногами и повернутой назад головой [П'inskaia 1975, 19, tab. VI,12], что позволяет относить упомянутый памятник ко второй половине – концу VII в. до н.э.

Совершенно иная ситуация с использованием срубов в скифскую эпоху имела место в Левобережной Лесостепи. Особенно показателен в этом плане район Посулья, где в курганах раннескифского времени сооружение срубов, но в могильных ямах, было довольно обычным явлением [например: П'inskaia 1968,

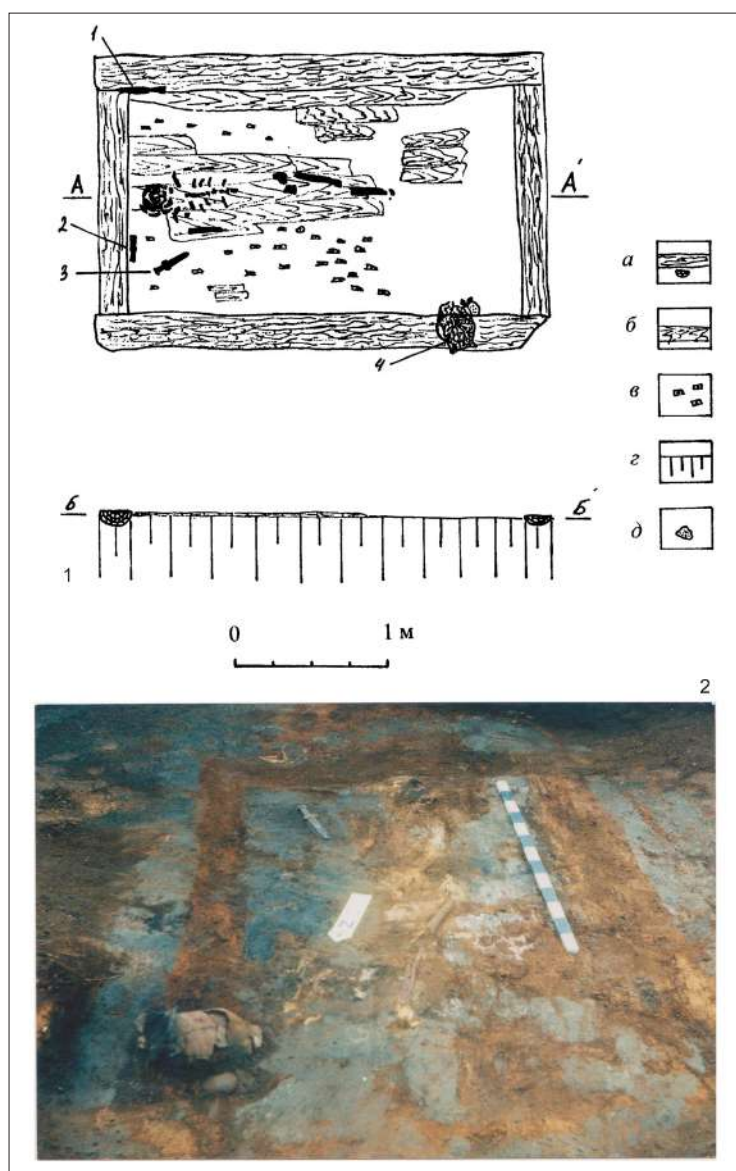

Рис. 3. План, разрез (1) и фото (2) погребения в кургане у с. Вороновка. а – остатки деревянных конструкций; б – остатки плах настила; в – древесный уголь; г – погребённая почва; д – керамика. 1 – наконечник копья; 2 – топор; 3 – кинжал или меч; 4 – развалы сосудов.

Fig. 3. The plan, the section (1) and the photo (2) of the grave in the barrow near village of Voronovka. a – the remains of wooden structures; b – remnants of plow flooring; c – charcoal; d – buried soil; e – pottery. 1 – spearhead; 2 – axe; 3 – dagger or sword; 4 – the collapses of the vessels.

25, ris. 13; 26, ris. 14; 27, ris. 15; 28, ris. 16; 81].

Кинжал (или меч?) имел частично обломанный клинок и сохранился в длину на 29 см. Лезвия клинка практически параллельны по всей длине, сужения не наблюдается. По этой причине говорить о том, был ли это

кинжал или меч – сложно. Сохранность оружия – средняя. Навершие меча – массивное, брусковидное. Ручка трёхтавровая, т.е. состоит из трех хорошо выделенных валиков. Перекрестье также массивное, сердцевидной формы. На одной из сторон его – отслоение и облом металла. Клинок в сечении линзовидной формы. Ширина его до 2 см, толщина 3 мм (рис. 4, 2-2а).

Данное оружие относится к мечам или кинжалам келермесского типа, не столь давно выделенным в особую группу на материалах Донской Лесостепи [Ворошилов 2011]. Ареал таких архаических мечей и кинжалов обширен, охватывая, по сути, Восточноевропейскую Лесостепь [например: Belozor, Skoryi 1985; Kovpanenko, Bessonova, Skoryi 1994, 55, ris. 6,1; Voroshilov 2011; Voroshilov, Zolotarev 2013; Shelekhan' 2015, 161, ris. 1,3a], Северопричерноморскую Степь [например: Chernenko 1980], Кавказ [например: Есаян, Погребова 1985, 41, ris. 1,16; 47], Среднее Поднестровье [например: Toral, Bruiaiko 2012, 135, ris. 1,2]. В последние годы хорошо сохранившиеся образцы аналогичного оружия встречены в Крыму [Skoryi, Zimovets 2014, 20-21, nr. 3-4].

Ближайшими аналогиями данной находке являются короткие мечи из расположенных неподалеку, в Поросье, комплексов – погребения №1 кургана №6 у с. Яснозорье [Kovpanenko, Bessonova, Skoryi 1994, 55, ris. 6,1] и кургана 1906 г. у с. Медвин [Kovpanenko 1977, 46, ris. 36,13]. Несмотря на ограбление, оба комплекса надёжно датируются второй половиной VII в. до н.э.

Подобные изделия являются древнейшими образцами клинкового оружия раннескифского времени. Их появление можно связывать с Кавказом (в том числе и Закавказьем), где они могут датироваться в пределах первой половины VII в. до н.э. На территорию Восточноевропейской Лесостепи кинжалы и мечи

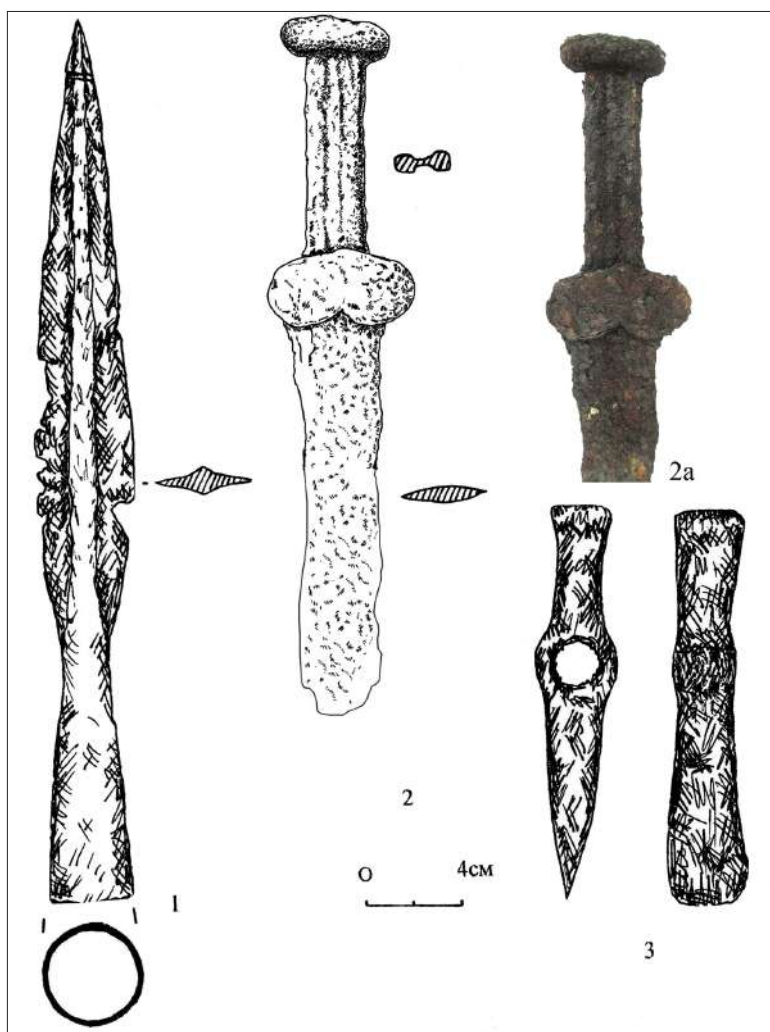

Рис. 4. Железное оружие из погребения в кургане у с. Вороновка: 1 – наконечник копья; 2-2а – кинжал или меч; 3 – боевой топор.

Fig. 4. Iron weapons from the grave in barrow near the village of Voronovka: 1 – spearhead; 2-2a – dagger or sword; 3 – battle axe.

келермесского типа были привнесены около середины VII в. до н.э. номадами, носителями раннескифского материального комплекса [см. подробнее: Grechko 2013; Shelekhan' 2015].

Боевой топор имеет длинное (около 10 см), довольно узкое (до 3,5 см), слегка скруглённое лезвие и близкий по ширине, удлинённый (около 6 см), обух, со слегка конусовидным окончанием. Диаметр круглого в плане проуха 1,8 см (рис. 4,3).

По классификации В.А. Ильинской, такие образцы вооружения относятся к боевым топорам-молотам с прямой спинкой, у которых обух и лобная часть лезвия находятся на одной пря-

мой линии [Illin'ska 1961, 36]. По сути, аналогичным данной дефиниции является типологическое определение подобного оружия, предложенное А.И. Мелюковой: топоры-молоты с длинным узким обухом и прямой спинкой, у которых прямой край лобной части находится на одной линии с верхним краем обуха [Meliukova 1964, 66]. Достаточно сходной является и типологическая характеристика подобных образцов, предложенная недавно: клиноподобные топоры с прямой лобовой частью [Shelekhan' 2012, 5].

Боевые топоры с указанными характеристиками достаточно широко присутствуют в скифской панолии, что отмечали ещё В.А. Ильинская и А.И. Мелюкова [Illin'ska 1961, 36; Meliukova 1964, 66-67]. Стоит отметить, что близкое по внешнему виду вооружение известно и на территории т.н. скифских групп Средней Европы, где топоры-молоты, наряду с акинаками, являлись основным оружием ближнего боя: в указанном ареале известно до 100 экз. [Skoryi 1983, 7-10].

Несмотря на довольно широкое распространение в скифских древностях топоров данного типа, прямых аналогий находке из кургана у с. Вороновка крайне мало. Пожалуй, наиболее близким является топор из кургана №1 в урочище Скоробор вблизи Бельского городища, исследованного в 1906 г. В.А. Городцовым [Shramko 1987, 150, ris. 70,3]. По общему силуэту и почти одинаковой ширине лезвия и обуха подобен топору из Вороновки и экземпляр из кургана у с. Малая Офирна на Киевщине [Petrovs'ka 1968, 168, ris. 4,10], который по сохранившемуся инвентарю [Petrovs'ka 1968, ris. 4-6] надёжно датируется концом VII – началом VI в. до н.э. [Skoryi 2003, 34-35].

Не столь близкими аналогиями оружию из Вороновки являются топоры данного типа из кургана №1 у с. Ленковцы [Meliukova 1953, 62, ris. 28,2] и кургана №1 у с. Круглик

[Smirnova 1968, 16, ris. 2,3] в Западной Подолии. Г.И. Смирнова в своё время обоснованно отнесла погребение в первом из курганов ко второй четверти – середине VII в. до н.э., во втором кургане – к последней четверти VII в. до н.э. [Smirnova 1993, 108, 111].

Наконечник копья имеет удлинённо-лавролистное перо с хорошо выраженным ребром-нервюрой посередине. Общая длина наконечника 38 см, длина пера 26 см, наибольшая ширина пера 4,5 см, толщина с ребром 1,5 см. Втулка усеченно-конической формы с максимальным диаметром 3,6 см (рис. 4,1). Длина древка копья не ясна.

Наконечник копья относится к типичным образцам раннескифского времени, широко известным в скифской панолии на территории Восточноевропейской Лесостепи [Meliukova 1964, 36-37], особенно в Днепро́вском Левобережье (Посулье). К числу наиболее близких аналогий относятся наконечники из кургана №8 у с. Лихачёвка в бассейне Ворсклы [Meliukova 1964, tab. 12,7], кургана Старшая Могила в Посулье [P'inskaia 1968, tab. I,4], в Днепро́вском Левобережье, кургане Репяховата Могила (гробница №2) [P'inskaia, Mozolevskii, Terenozhkin 1980, 42, ris. 11,4] в бассейне Тясмина, в Днепро́вском Правобережье. Названные погребальные памятники надёжно датируются, по крайней мере, концом VII – началом VI вв. до н.э. Вместе с тем, чрезвычайно близкий аналог наконечнику копья из Вороновки найден в уже упоминавшемся кургане №1 у с. Круглик в Западной Подолии [Smirnova 1968, 16, ris. 2,6].

Корчага имеет тюльпановидный профиль с широко отогнутым венчиком, высокой шейкой, округло-вытянутым туловом и плоским дном без закраины (рис. 5,1). Её высота составляет 27 см, диаметр горла по краю 18 см, диаметр дна 10 см, максимальный диаметр тулова 21 см. Поверхность лощенная, тёмно-коричневого цвета. В тесте присутствует значительная примесь серого кварцевого песка разного состояния. Сосуд имеет достаточно архаический облик, свойственный ещё керамике предскифского времени. Несомненно, ближайшей аналогией данному сосуду является корчага из погребения №1 кургана №1 группы II у с. Волошино на юге Приднепровской Левобережной террасовой Лесостепи. Примечательно, что

оба сосуда не только близки по профилировке и характеру оформления внешней поверхности, но и по размерам. Параметры волошинской корчаги: высота 25 см, диаметр горла по краю 17 см, дна – 9,6 см, максимальный диаметр тулова до 18 см. Упомянутое погребение близ с. Волошино вполне обоснованно отнесено к первой половине VII в. до н.э. [Kulatova, Skoryi, Suprunenko 2006, 50, 52, ris. 5].

Черпак – с прямым венчиком, высокой шейкой, довольно глубокой, округло-донной чашечкой, и петельчатой высокой ручкой, украшенной цилиндрическим отростком. Диаметр по венцу 8 см, высота без ручки 8 см, с ручкой – 12 см. Поверхность сосуда лощёная, коричневато-чёрного цвета, без орнамента. Примеси почти идентичны примесям корчаги (рис. 5,2).

Подобные черпаки в Днепро́вском Лесостепном Правобережье особенного распространения не получили, хотя и фиксируются в пределах всего региона. Так, весьма сходные сосуды обнаружены в Киевском Поднепровье (например, курган у с. Малая Офирна) [Petrovs'ka 1969, 170, ris. 6,3-4,6], бассейне Тясмина (например, гробница №2 Репяховатой Могилы) [P'inskaia, Mozolevskii, Terenozhkin 1980, 53, ris. 25,7]. Известны они и в более близких территориально раннескифских памятниках Поросья [Kovranenko 1981, 83, ris. 51,8-9, 85]. Хронологические рамки бытования подобных сосудов не отличаются узостью: середина VII – первая половина VI вв. до н.э. [Peliashenko 2014, 56].

Погребение в кургане №1 у с. Вороновка, в свете приведённых аналогий предметам погребального инвентаря, можно отнести к келермесскому времени, и предложив для него достаточно широкую датировку в пределах середины – второй половины (предпочтительнее третьей четверти) VII в. до н.э.

Данное воинское захоронение, помимо совершения его в конструкции типа сруба – что, само по себе, является чрезвычайной редкостью для погребальных памятников скифской эпохи в Днепро́вском Правобережье – обладает ещё одной особенностью, решительно выделяющей его из круга древностей скифской эпохи, в том числе – архаики. Дело в том, что при наличии полного комплекта наступатель-

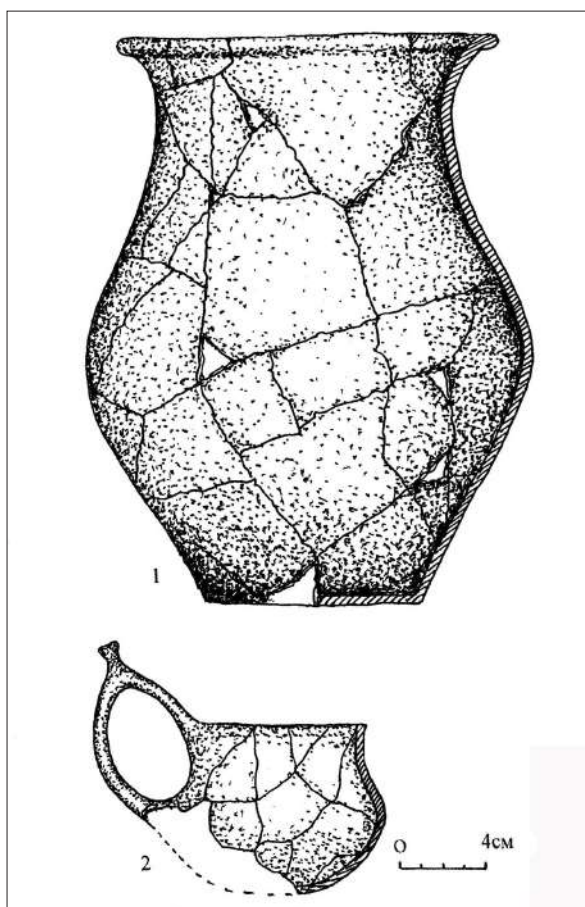

Рис. 5. Глиняные сосуды из погребения в кургане у с. Вороновка.

Fig. 5. Clay vessels from the grave in the barrow near the village of Voronovka.

ного вооружения ближнего боя – меча или кинжала, боевого топора и копья, в могиле отсутствует достаточно обычное для скифских захоронений оружие дальнего боя – стрелы и – что ещё более интересно – какие-либо детали конской узда. Особенно важно, что мы имеем дело с целиком сохранившимся погребением, нетронутым ограблением. Иными словами, это – объективная реальность, свидетельствующая о том, что перед нами уникальное захоронение, осмысление которого требует специального рассмотрения. Нельзя исключать, что в воинских подразделениях эпохи скифской архаики, наряду с широко представленными в это время конным воинством, существовали контингенты пеших воинов.

Погребальное сооружение в виде сруба нехарактерно для погребального обряда скифской поры в Днепровском Правобережье, что

в комплексе с набором погребального инвентаря может указывать на инокультурное происхождение воина, похороненного в кургане у с. Вороновка.

Курган №1 у с. Почапинцы Лысянского района

Входил в группу из 40 насыпей на северо-восточной окраине упомянутого села, на склоне и вершине плато водораздела рек Рось и Гнилой Тикич (рис. 1). Большая часть насыпей находится в лесу и имеет высоту до 1 м, при диаметре до 10 м. Часть курганов располагается на огородах местных жителей и сильно распаханна. Их высота не превышает 0,2-0,5 м при диаметре до 5 м. Размеры насыпей курганов наводят на мысль, что данный могильник оставлен рядовым населением.

Исследованный в 2003 г. курган находился на северо-восточной окраине могильника, в лесу. Необходимость в его раскопках возникла из-за осуществлённого в этом же году ограбления: в центре насыпи сохранилась яма подквадратной формы, ориентированная по оси запад-северо-запад-восток-юго-восток.

Курган имел круглую в плане форму, диаметр до 7 м при высоте около 0,3 м и был поросший деревьями. По этой причине был раскопан вручную, с помощью траншеи шириной 3 и длиной 7 м, ориентированной по линии запад-восток (рис. 6,1).

Насыпь кургана состояла из твердой лесной почвы каштанового цвета с вкраплением древесного угля и мелких фрагментов лепной керамики. На глубине около 0,3 м от репера (здесь и далее – наиболее высокая точка насыпи), в центральной части ямы, была зафиксирована линия пропечённой до красного цвета почвы, с включением древесных угольков – контур погребальной ямы, стенки которой были обожжены вследствие действия огня. В разрезе, на этой же глубине был зафиксирован древний горизонт (рис. 6,2). На его уровне отмечены отдельные угольки, возможно, остатки сгоревшего деревянного перекрытия, которое, правда, четко не фиксировалось ни в плане, ни в разрезах.

Заполнение могильной ямы состояло из твердой лесной почвы каштанового цвета, с вкраплением древесного угля. Стенки ямы со-

хранились не по всему периметру. Практически невредимыми были две из них – северная и западная. Они прослеживались от уровня погребенной почвы и несколько сужались ко дну. Верхние их части, примерно на 0,3-0,4 м, были обожжены на глубину около 5 см до красного цвета. Две другие стенки были повреждены грабителями. Кроме того, в южной стенке фиксировалось пятно древней грабительской ямы с очень твердым грунтовым затёчным заполнением черного цвета, с тонкими прослойками (до 1 см) светлого грунта.

Могила имела прямоугольную в плане форму, с несколько закруглёнными углами, размерами около 2,9х1,9 м и была ориентирована по линии запад-восток, с небольшим отклонением по оси на северо-запад – юго-восток (рис. 6,2). Дно, часть которого была перекопана вследствие двух ограблений, фиксировалось на глубине около 1,5 м от репера. В заполнении перекопов были обнаружены кальцинированные кости покойного или покойных, древесный уголь и керамический штамп (пинтадера). В северо-западной части могилы, которая избежала ограбления, на дне ямы были зафиксированы остатки плохо сохранившегося обожженного черепа покойного (рис. 6,2).

Обряд захоронения в кургане №1 у с. Почапінці находит широкие параллели в кругу комплексов Днепровского Лесостепного Правобережья и характерен, прежде всего, для памятников эпохи архайки. Так, погребения в простых ямах составляют более половины захоронений раннескифского времени в данном регионе. Широтная ориентировка могилы более характерна для бассейна Тясмина, хотя известна и в Поросье [Kovpanenko, Bessonova, Skoryi 1989, 52, 54]. Неполная кремация в могиле, при которой элементы деревянных конструкций и кости погребенных обуглены, хорошо известна в пределах всего Киево-Черкасского региона Днепровского Лесостепного Правобережья в погребениях эпохи скифской архайки: в Киевском Поднепровье (курганы у сс. Глеваха, Малая Офирна, Новая Котельня, Иванковичи и др.) [Terenozhkin 1954, 83, ris. 2; Petrovs'ka 1968, 164-165; Kovpanenko, Bessonova, Skoryi 1989, 34], Поросье (курганы №№35 и 86 у с. Бобринца, курганы №№3 и 4 группы I, №2 группы III у с.

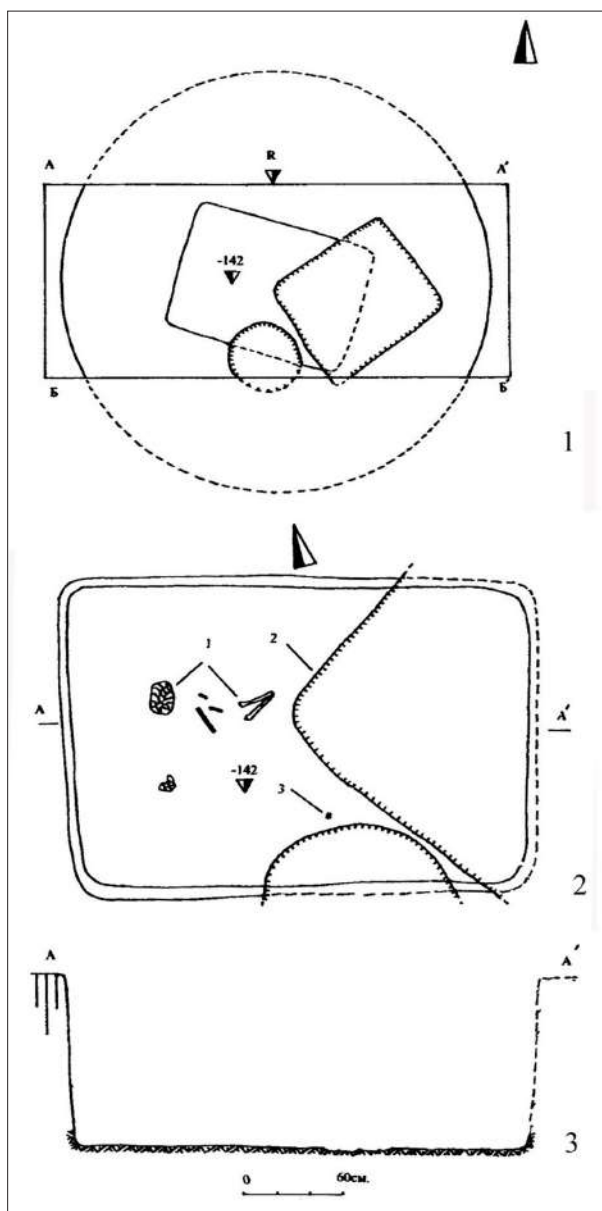

Рис. 6. План и разрез кургана у с. Почапінці.

Fig. 6. Plan and section of the barrow near the village of Pochapintsy.

Медвин и др.) [Kovpanenko 1977, 45, 49, 61; 1981, 13-15, 16], в бассейне Тясмина (Червона Могила у с. Флярковка, в курганах у сс. Цветково, Оситняжка, Прусы и пр.) [Kovpanenko 1984; Kovpanenko, Bessonova, Skoryi 1989, 34]. В целом кремационные захоронения составляют более 36% от общего числа комплексов. Западная ориентировка умерших преобладает в Поросье и в бассейне Тясмина [Kovpanenko, Bessonova, Skoryi 1989, 34-35, tab. 5]. Таким образом, по характеристикам погребального обряда комплекс

из Почапинцов является достаточно типичным для древностей раннескифской поры Киевско-Черкасского региона.

Несомненно, уникальной находкой для восточноевропейской Лесостепи скифского времени является обнаруженная в данном погребении керамическая пинтадера. Она имеет форму четырёхгранной пирамиды со срезанной уплощенной вершиной, плоским основанием и несколько скругленными гранями. На её плоском основании, представляющем собой штамп, имеется орнамент в виде четырёх, слегка различающихся между собой, бабочковидных углублений, разделённых крестовидной врезной комбинацией на четыре подквадратных сектора. На уплощенной вершине также присутствует прочерченный орнамент в виде креста. Поверхность находки лощёная, коричневого цвета (рис. 7).

Использование глиняных штампов-пинтадеров имеет глубокую историю, уходя своими истоками в эпоху энеолита-эпохи бронзы стран Древнего Востока, Малой и Передней Азии и Юго-Восточной Европы [Krupnov 1962; 1965, 194; 1969, 105]. Эти изделия получили довольно широкое распространение в культурах Северного Кавказа и Закавказья с конца бронзового века, в том числе – в ареале кобанской культуры, где их количество достигает более сотни находок [Krupnov 1962; 1965, 194; 1969, 105; Kozenkova 1982, 66-67, 168, Tab. XLI,9-21]. Известны они, между тем, и в памятниках скифской эпохи указанного региона [Kozenkova 1982, 194]. При этом штампы встречаются на поселениях и в погребальных памятниках достоверно не зафиксированы.

Иным регионом, где пинтадеры представлены столь же массово, как на Северном Кавказе и Закавказье, является Карпатский бассейн, в частности ареал культуры Векерзуг, прежде всего, в пределах Большой Венгерской низменности (Альфёльд) [например: Párducz 1965, 278-289; Chochorowski 1985, Abb. 23; Kisfaludi 1997, 75-107; Khokhorovski 2017, ris. 11]. При этом следует подчеркнуть два обстоятельства, отличающие их от кавказских аналогов: 1) они относятся к скифскому времени (VI-V вв. до н.э.); 2) практически все пинтадеры происходят из погребений, нередко принадлежащих женщинам.

Ряд исследователей считает, что упомянутые среднеевропейские пинтадеры привнесены в данный регион мигрантами (сигиннами) с территории Северного Кавказа. Именно они, по мнению этих авторов, являлись носителем культуры Векерзуг [например: Khokhorovski 2017, ris. 11]. В V в. до н.э. пинтадеры в незначительном количестве использовались населением Днестро-Сиретского междуречья. И.В. Бруяко связывает их появление в данном регионе с дезинтеграцией культуры Векерзуг [Bruiaiko 2014, 46].

Назначение пинтадер до сих пор не трактуется однозначно. Е.И. Крупнов в своё время полагал, что они могли использоваться как при орнаментации тканей, так и раскраске тел [Krupnov 1962, 204]. Несколько позже он пришёл к выводу, что группа пинтадеров с углублённым орнаментом предназначались для орнаментации культовых хлебцов, что подтверждается кавказской этнографией [Krupnov 1965, 195; 1969, 108-109]. Близкого мнения о назначении пинтадеров придерживаются и современные венгерские исследователи, в частности Ю. Кишфалуди, которая допускает, что часть пинтадеров предназначалась

Рис. 7. Фото пинтадеры из погребения в кургане у с. Почапинцы.

Fig. 7. Photo of the pintaderae from the grave in the barrow near the village of Pochapintsy.

для раскраски тел, часть – для орнаментации тканей [Kisfaludi 1997, 78-79]. О полифункциональности глиняных штампов писал и Т. Кеменцеи [Kemenczei 2009, 94].

Изделие из Почапинцов можно отнести к первой группе штампов, выделенной Ю. Кишфалуди для территории современной Венгрии: крупные (5-10 см) четырехугольные либо удлинённые с массивной ручкой без отверстий [Kisfaludi 1997, 76]. Абсолютных аналогий публикуемой пинтадере отыскать не удалось. Среди многочисленных экземпляров с квадратным основанием штампа можно упомянуть экземпляр, найденный в кавказском регионе (Абхазия), который лишь в определённой степени напоминает публикуемое изделие. Основание у него разделено не крестом, а свастикой, а каждый из четырёх секторов покрыт более сложным «ёлочным» выемчатым орнаментом [Krupnov 1960, 157, ris. 19,6; Khokhorovski 2017, ris. 11,27].

Итак, в результате раскопок было исследовано погребение, совершённое по обряду кремации в грунтовой яме. Положение скелета, который мог быть и парциальным, как это фиксируется для Медвина [Levchenko, Levchenko, Grechko 2015, 213-214], неизвестно. Засыпание ямы и сооружение насыпи кургана осуществлялось после того, как сгорела деревянная кон-

струкция, о чём свидетельствуют обожжённые стенки ямы, но не заполнения.

В силу отсутствия точных (или очень близких) аналогий пинтадере из Почапинцев, датировать данное погребение, принимая во внимание особенности погребального обряда, следует широко – VII-VI вв. до н.э.

Захоронение в кургане у с. Почапинцы, судя по погребальному обряду, принадлежало представителю местного земледельческого населения раннескифского времени. Пинтадера могла попасть в данный регион вместе с мигрантами с Северного Кавказа и Закавказья, завершающего периода или окончания скифских переднеазиатских походов [Skoryi 2003, 77-82].

К представителям кочевников, носителей нового для Поднепровья раннескифского материального комплекса, пришедших как раз с юго-востока, судя по всему, относится захоронение воина в срубке у с. Вороновка. Тем не менее, нельзя исключать, что его появление на Правобережье опосредованно связано с пребыванием последнего в составе воинского контингента, оставившего курганы в бассейне Сулы.

Данные, несомненно, важные комплексы пополняют источниковую базу для изучения сложных этнокультурных процессов, которые происходили на юге Восточной Европы в раннескифское время.

Библиография

- Bruiaiko 2014:** I.V. Bruiaiko, Pintadery rannego zheleznogo veka mezhdu Karpatami i Pontom. *Stratum plus* 3, 2014, 39-49 // И.В. Бруйяко, Пинтадеры раннего железного века между Карпатами и Понтом. *Stratum plus* 3, 2014, 39-49.
- Belozor, Skoryi 1985:** V.P. Belozor, S.A. Skoryi, Arkhaicheskii skifskii mech iz Kiieva. *SA* 1, 1995, 255-256 // В.П. Белозор, С.А. Скорый, Архаический скифский меч из Киева. *СА* 1, 1995, 255-256.
- Chernenko 1980:** E.V. Chernenko, Drevneishie skifskie mechi (Mel'gunov i Kelermess). In: *Skifia i Kavkaz* (Kiev 1980), 7-30 // Е.В. Черненко, Древнейшие скифские мечи (Мельгунов и Келермес). В сб.: Скифия и Кавказ (Киев 1980), 7-30.
- Chochorowski 1985:** J. Chochorowski, Die Vekerzug-kultur. Charakteristik der Funde (Warszawa-Kraków 1985).
- Khokhorovski 2017:** Ia. Khokhorovski, Kavkaz i Karpatskii bassein v rannem zheleznom veke (problema proiskhozhdeniia siginnov). In: *Starozhitnosti rannogo zaliznogo viku* (ADIU) 2 (23), 228-244 // Я. Хохоровски, Кавказ и Карпатский бассейн в раннем железном веке (проблема происхождения сигиннов). В сб.: Старожитності раннього залізного віку (АДІУ) 2 (23), 228-244.
- Esaian, Pogrebova 1985:** S.A. Esaian, M.N. Pogrebova, Skifskie pamiatniki Zakavkaziia (Moskva 1985) // С.А. Есаян, М.Н. Погребова, Скифские памятники Закавказья (Москва 1985).
- Grechko 2013:** D.S. Grechko O pamiatnikakh kimmeriitsev i „ranneskifskoi” kul'ture. *Stratum plus* 3, 2013, 133-154 // Д.С. Гречко, О памятниках киммерийцев и „раннескифской” культуре. *Stratum plus* 3, 2013, 133-154.
- Illins'ka 1961:** V.A. Illins'ka, Skifs'ki sokiri. *Arkheologiiia* XII, 1961, 27-52 // В.А. Іллінська, Скіфські сокири. *Археологія* XII, 1961, 27-52.
- Il'inskaia 1968:** V.A. Il'inskaia, Skify Dneprovskogo lesostepnogo Levoberezh'ia (kurgany Posul'ia) (Kiev 1968) //

- В.А. Ильинская, Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья (курганы Посулья) (Киев 1968).
- П'inskaia 1975:** V.A. P'inskaia, Ranneskifskie kurgany basseina r. Tiasmin (Kiev 1975) // В.А. Ильинская, Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (Киев 1975).
- П'inskaia et al. 1980:** V.A. P'inskaia, B.N. Mozolevskii, A.I. Terenozhkin, Kurgany VI v. do n.e. u s. Matusov. In: Skifiia i Kavkaz (Kiev 1980), 30-63 // В.А. Ильинская, Б.Н. Мозолевский, А.И. Тереножкин, Курганы VI в. до н.э. у с. Матусов. В сб.: Скифия и Кавказ (Киев 1980), 30-63.
- Kemenczei 2009:** T. Kemenczei, Studien zu den Denkmälern skythisch geprägter Alföld Gruppe (Budapest 2009).
- Kisfaludi 1997:** J. Kisfaludi, Tonstempel und Knochenzylinder aus der mittleren Eisenzeit im Karpatenbecken. In: Communicationes Archaeologicae Hungariae, 1997, 75-107.
- Kovpanenko 1977:** G.T. Kovpanenko, Kurgany skifskogo vremeni u s. Medvin v Poros'e. In: Skify i sarmaty (Kiev 1977), 40-72 // Г.Т. Ковпаненко, Курганы скифского времени у с. Медвин в Поросье (Киев 1977), 40-72.
- Kovpanenko 1981:** G.T. Kovpanenko, Kurgany ranneskifskogo vremeni v basseine r. Ros' (Kiev 1981) // Г.Т. Ковпаненко, Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось (Киев 1981).
- Kovpanenko 1984:** G.T. Kovpanenko, „Chervona mogila” u s. Fliarkovka. In: Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremia (Moskva 1984), 107-113 // Г.Т. Ковпаненко, «Червона могила» у с. Фляровка. В сб.: Древности Евразии в скифо-сарматское время (Москва 1984), 107-113.
- Kovpanenko, Bessonova, Skoryi 1989:** G.T. Kovpanenko, S.S. Bessonova, S.A. Skoryi, Pamiatniki skifskoi epokhi Dneprovskogo Lesostepnogo Pravoberezh'ia (Kievo-Cherkasskii region) (Kiev 1989) // Г.Т. Ковпаненко, С.С. Бессонова, С.А. Скорый, Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Левобережья (Киево-Черкасский регион) (Киев 1989).
- Kovpanenko Bessonova, Skoryi 1994:** G.T. Kovpanenko, S.S. Bessonova, S.A. Skoryi, Novye pogrebeniia rannego zheleznoogo veka v Poros'e. In: Drevnosti skifov (Kiev 1994), 41-63 // Г.Т. Ковпаненко, С.С. Бессонова, С.А. Скорый, Новые погребения раннего железного века в Поросье. В сб.: Древности скифов (Киев 1994), 41-63.
- Kozenkova 1982:** V.I. Kozenkova, Tipologiia i khronologicheskaiia klassifikatsiia predmetov kobanskoi kul'tury: Vostochnyi variant. SAI B2-05 (Moskva 1982) // В.И. Козенкова, Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры: Восточный вариант. САИ B2-05 (Москва 1982).
- Krupnov 1960:** E.I. Krupnov, Drevniaia istoriia Severnogo Kavkaza (Moskva 1960) // Е.И. Крупнов, Древняя история Северного Кавказа (Москва 1960).
- Krupnov 1962:** E.I. Krupnov, Kaukasisches Pintaderas. MAGW 92, 1962, 197-205.
- Krupnov 1965:** E.I. Krupnov, Novye „pintadery” iz sel. Serzhen-Yurt (Checheno-Ingushetiia). In: Novoe v sovetskoi arkheologii (Moskva 1965), 192-195 // Е.И. Крупнов, Новые „пинтадеры” из сел. Сержень-Юрт (Чечено-Ингушетия). В сб.: Новое в советской археологии (Москва 1965), 192-195.
- Krupnov 1969:** E.I. Krupnov, Novye „pintadery” iz Checheno-Ingushetii. In: Drevnosti Vostochnoi Evropy (k 70-letiiu A.P. Smirnova). MIA 169, 1969, 105-110 // Е.И. Крупнов, Новые пинтадеры из Чечено-Ингушетии. В сб.: Древности Восточной Европы (к 70-летию А.П. Смирнова). МИА 169, 1969, 105-110.
- Kulatova, Skoryi, Suprunenko 2006:** I.N. Kulatova, S.A. Skoryi, A.B. Suprunenko, Ranneskifskoe pogrebenie na iuge Ukrainiskoi terrasvoi Lesostepi (k voprosu o peredneaziatskikh innovatsiakh v vostochnoevropskom zverinom stile). ALLU 1, 2006, 46-60 // И.Н. Кулатова, С.А. Скорый, А.Б. Супруненко, Раннескифское погребение на юге Украинской террасовой Лесостепи (к вопросу о переднеазиатских инновациях в восточноевропейском зверином стиле). АЛЛУ 1, 2006, 46-60.
- Levchenko, Levchenko, Grechko 2015:** B.M. Levchenko, N.B. Levchenko, D.S. Grechko, Kurgany ranneskifskogo vremeni u s. Medvin v Poros'e (po materialam raskopok 1984-1985 gg.). ADIU, vyp. 2, 2015, 202-218 // Б.М. Левченко, Н.Б. Левченко, Д.С. Гречко, Курганы раннескифского времени у с. Медвин в Поросье (по материалам раскопок 1984-1985 гг.). АДІУ, вып. 2, 202-218.
- Meliukova 1953:** A.I. Meliukova, Pamiatniki skifskogo vremeni na Srednem Dnestre. KSIIMK, vyp. 51, 1953, 60-73 // А.И. Мелюкова, Памятники скифского времени на Среднем Днестре. КСИИМК, вып. 51, 1953, 60-73.
- Meliukova 1964:** A.I. Meliukova, Vooruzhenie skifov. SAI. D1-4 (Moskva 1964) // А.И. Мелюкова, Вооружение скифов. САИ. Д1-4 (Москва 1964).
- Nazarov 2002:** O.V. Nazarov, Zvit pro riativni arkheologichni doslidzhennia kurganu skifs'kogo chasu bilia s. Voronivka Gorodyshchens'kogo raionu. NA IA NANU, 2002/132 // О.В. Назаров, Звіт про р'ятивні археологічні дослідження кургану скіфського часу біля с. Воронівка Городищенського району. НА ІА НАНУ, 2002/132.
- Nazarov 2003:** O.V. Nazarov, Zvit pro riativni arheologichni doslidzhennia kurganiv skifs'kogo chasu bilia s. Nesterivka Mankivskogo raionu, s. Pochapintsy Lisianskogo raionu, poselen' skifs'kogo chasu bilia m. Gorodyshe i s. V'iazivok Gorodyshchens'kogo raionu ta rozvidki na teritorii Lisians'kogo raionu Cherkas'koї oblasti. NA IA NANU, 2003/170 //

- О.В. Назаров, Звіт про рятівні археологічні дослідження курганів скіфського часу біля с. Нестерівка Манківського району, с. Почапинці Лисянського району, поселень скіфського часу біля м. Гордище і с. В'язівок Гордищенського району та розвідки на території Лисянського району Черкаської області. НА ІА НАНУ, 2003/170.
- Párducz 1965:** M. Párducz, Western relations of the Scythian age culture of the Great Hungary Plain. *Acta Antiqua Hungarica* XIII, 1965, 273-301.
- Peliashenko 2014:** K.Iu. Peliashenko, Kruzhkovidnye cherpaki ranneskifskogo vremeni lesostepnoi chasti Srednego Podneprov'ia. *Stratum plus* 3, 2014, 51-64 // К.Ю. Пеляшенко, Кружковидные черпаки раннескифского времени лесостепной части Среднего Поднепровья. *Stratum plus* 3, 2014, 51-64.
- Petrovs'ka 1968:** E.O. Petrovs'ka, Kurgan VI st. do n.e. bilia s. Mala Ofirna. *Arkheologiya* XXI, 1968, 164-174 // Е.О. Петровська, Курган VI ст. до н.е. біля с. Мала Офірна. *Археологія* XXI, 1968, 164-174.
- Skoryi 1983:** S.A. Skoryi, Vooruzhenie skifskogo tipa v Srednei Evrope (k voprosu o svyaziakh Skifii i naseleniia Srednei Evropy). Avtoref. diss. kand. ist. nauk (Kiev 1983) // С.А. Скорый, Вооружение скифского типа в Средней Европе (к вопросу о связях Скифии и населения Средней Европы). Автореф. дисс. канд. ист. наук (Киев 1983).
- Skoryi 2003:** S.A. Skoryi, Skify v Dneprovskoi Pravoberezhnoi Lesostepi (problema vydeleniia iranskogo etnokul'turnogo elementa) (Kiev 2003) // С.А. Скорый, Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента) (Киев 2003).
- Skoryi, Zimovets 2014:** S. Skoryi, R. Zimovets, Skifskie drevnosti Kryma. Materialy odnoi kollektsii (Kiev 2014) // С. Скорый, Р. Зимовец, Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции (Киев 2014).
- Smirnova 1968:** G.I. Smirnova, Raskopki kurganov u sel Kruglik i Doliniany na Bukovine. *ASGE*, вып.10, 14-27 // Г.И. Смирнова, Раскопки курганов у сёл Круглик и Долиняны на Буковине. *АСГЭ*, вып.10, 14-27.
- Smirnova 1993:** G.I. Smirnova, Pamiatniki Srednego Podnestrov'ia v khronologicheskoi skheme ranneskifskoi kul'tury. *RA* 2, 1993, 101-118 // Г.И. Смирнова, Памятники Среднего Поднестровья в хронологической схеме раннескифской культуры. *РА* 2, 1993, 101-118.
- Terenzhkin 1954:** A.I. Terenzhkin, Kurgan bilia s. Glevakha. *Arkheologiya* IX, 1954, 80-97 // О.И. Тереножкин, Курган біля с. Глеваха. *Археологія* IX, 1954, 80-97.
- Topal, Bruiako 2012:** D.A. Topal, I.V. Bruiako, Nakhodka klinkovogo oruzhiia rannikh kochevnikov iz Orgeevskogo raiona (Respublika Moldova). *Stratum plus* 3, 2012, 133-144 // Д.А. Топал, И.В. Бруйко, Находки клинкового оружия ранних кочевников из Ореевского района (Республика Молдова). *Stratum plus* 3, 2012, 133-144.
- Shelekhan' 2012:** O.V. Shelekhan, Boiovi sokory skifs'kogo typu z Pivnichnogo Prichornomor'ia. *Arkheologiya* 2, 2012, 5-13 // О.В. Шелехань, Бойові сокори скіфського типу з Північного Причорномор'я. *Археологія* 2, 2012, 5-13.
- Shelekhan' 2015:** A.V. Shelekhan, Znakhidky klinkovoi zbroi rannokelermess'kogo chasu z Ukrain's'kogo Lisostepu. In: *Starozhitnosti rannogo zaliznogo viku (ADIU)* 2, 2015, 160-168 // О.В. Шелехань, Знахідки клинкової зброї ранньокелермеського часу з Українського Лісостепу. В сб.: *Старожитності раннього залізного віку (АДІУ)* 2, 2015, 160-168.
- Shramko 1987:** B.A. Shramko, Bel'skoe gorodishche skifskoi epokhi (gorod Gelon) (Kiev 1987) // Б.А. Шрамко, Бельское городище скифской эпохи (город Гелон) (Киев 1987).
- Vorontsov, Skoryi 2012:** D. Vorontsov, S. Skoryi, Andrushevskii kurgan. *RA* VIII, 1-2, 2012, 136-153 // Д. Воронцов, С. Скорый. Андрушевский курган. *РА* VIII, 1-2, 2012, 136-153.
- Voroshilov 2011:** A.N. Voroshilov, Akinaki kelermesskogo tipa v Donskoi Lesostepi. In: *Vostochnoevropaiskie drevnosti skifskoi epokhi (Voronezh 2011)*, 156-168 // А.Н. Ворошилов, Акинаки келермеського типа в Донской Лесостепи. В сб.: *Восточноевропейские древности скифской эпохи (Воронеж 2011)*, 156-168.
- Voroshilov, Zolotarev 2013:** A.N. Voroshilov, P.M. Zolotarev, Nakhodka akinaka kelermesskogo tipa v Pravoberezh'e Srednego Dona. In: *Vostochnoevropaiskie drevnosti (Voronezh 2013)*, 58-62 // А.Н. Ворошилов, П.М. Золотарёв, Находка акинака келермеського типа в Правобережье Среднего Дона. В сб.: *Восточноевропейские древности (Воронеж 2013)*, 58-62.

Александр Назаров, заведующий Сектором археологии и охраны культурного наследия Государственного историко-культурного заповедника «Трипольская культура», Украина, с. Легедзино Тальновского района Черкасской области, e-mail: aleks.soks@yandex.ua

Сергей Скорый, доктор исторических наук, профессор, Институт археологии, Национальная Академия наук Украины, пр. Героев Сталинграда, 12, 04210, Киев, Украина, e-mail: idanfirs@ukr.net

Денис Гречко, кандидат исторических наук, Институт археологии, Национальная Академия наук Украины, пр. Героев Сталинграда, 12, 04210, Киев, Украина, e-mail: ukrspadshina@ukr.net

Василь Чекурков

**Археологические исследования могильника XVI-XVIII вв. в г. Ровно
(по материалам раскопок 2007 г.)**

Keywords: necropolis of the 16th-18th century, Rovno city, western part of Ukraine.

Cuvinte cheie: necropolă medievală, sec. XVI-XVIII, or. Rovno, partea de vest a Ucrainei.

Ключевые слова: могильник XVI-XVIII вв., г. Ровно, западная часть Украины.

Vasil' Chekurkov

Archaeological research of the 16th-18th centuries necropolis from Rovno city (based on excavations in 2007)

The subject of the publication is the results of archaeological excavations of the 16th-18th century burial ground in western part of Ukraine, Volyn. For the first time ever during rescue excavations in the central historical part of Rovne city a Christian necropolis dating to Lithuanian-Polish period was explored. The time of its operation was established, peculiarities of burial rites were explored in the located burial grounds. During the excavations all explored burial places were divided into four categories according to the kind of corresponding grave goods, detailed analysis of findings was made, similar burial places with grave goods dating to 16th-18th centuries were also found in neighbouring territories.

Vasil' Chekurkov

Cercetările arheologice în necropola din sec. XVI-XVIII din or. Rovno (după materialele săpăturilor din 2007)

În lucrare sunt examinate rezultatele săpăturilor arheologice efectuate în necropola medievală din sec. XVI-XVIII, descoperită în partea de vest a Ucrainei, în Volynia. Pentru prima oară, în procesul unor investigații arheologice de salvare, în centrul istoric al orașului Rovno a fost cercetată o necropolă creștină din perioada lituaniano-polonă. Au fost evidențiate perioadele ei de funcționare și studiate particularitățile ritualului funerar în baza complexelor descoperite. Pe parcursul lucrului, toate mormintele examinate au fost împărțite în patru categorii, în conformitate cu inventarul descoperit, fiind realizată o analiză amănunțită a materialului și găsite analogii după morminte din sec. XVI-XVIII cu inventar similar din zonele învecinate.

Василь Чекурков

Археологические исследования могильника XVI-XVIII вв. в г. Ровно (по материалам раскопок 2007 г.)

В публикации рассматриваются результаты археологических раскопок могильника XVI-XVIII вв., выявленного в западной части Украины на Волыни. Впервые в процессе спасательных археологических работ в центральной исторической части г. Ровно был исследован христианский некрополь литовско-польского периода. Выделены периоды его функционирования, исследованы особенности погребального обряда на примере обнаруженных погребальных комплексов. В процессе работ все исследованные захоронения по характеру сопровождающего инвентаря разделены на четыре категории, произведен подробный анализ находок, а также найдены аналогии погребений с инвентарем на соседних территориях, которые датируются XVI-XVIII вв.

Погребальные памятники, которые оставило население после себя, являются важным источником для изучения демографии, социально-культурных и идеологических процессов, происходивших на Волыни в XVI-XVIII вв. Информация об их функционировании встречается в письменных источниках, на исторических планах, а также собрана во время археологических исследований. Среди известных на сегодняшний день захоронений, обнаруженных археологами за последнее десятилетие, выделяется средневековый некрополь

в г. Ровно, который существовал у христианского храма.

В 2007 г. в г. Ровно по ул. Школьной, №69, к западу от костела Святого Антония (ныне зал камерной и органной музыки), были проведены научно-спасательные археологические раскопки. В ходе работ на памятнике обнаружен участок, на котором в XVI-XVIII вв. находилось городское кладбище [Prishchera 2008, 88; 2009, 285-290]. Из архивных документов известно, что в середине XVI в. Беатой Острожской здесь был основан римско-католический костел Успения

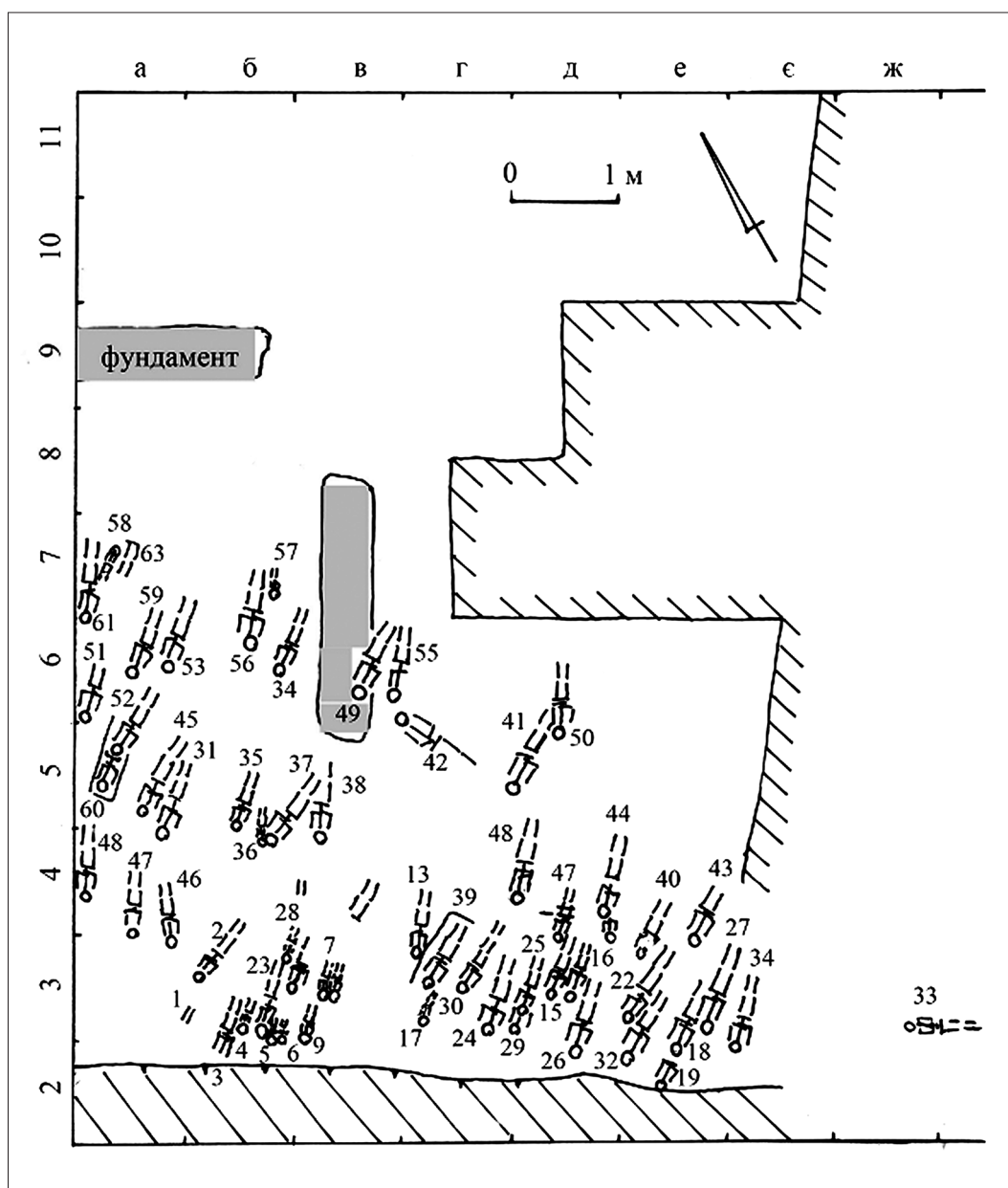

Рис. 1. Общий план захоронений XVI-XVIII вв. раскопанных в городе Ровно.

Fig. 1. Map of 16th-18th century burial places found and explored in Rovno city.

Пресвятой Богородицы [Teodorovich 1889, 457].

В ходе проведенных исследований в раскопе было обнаружено 63 разновременные захоронения, которые иногда залегали двумя, а то и тремя ярусами. Некоторые ранние захоронения были разрушены более поздними. Они были расположены на глубине от -1,4 м до -2 м от уровня дневной поверхности. Захоронения осуществлены по христианскому обряду (рис. 1). Покойники были положены головой на запад, или чаще на юго-запад, вытянутые,

на спине, руки сложены на животе или груди (рис. 2). Такое положение связано с канонами христианской религии. Христианская традиция предполагала захоронения головой на запад, поскольку после Страшного Суда человек должен восстать лицом на восток, откуда пришел Иисус [Ivakin 2008, 65]. Из выявленных 63 захоронений, только в пяти обнаружен сопровождающий погребальный инвентарь. Проведенные исследования, в основу которых были положены ориентация покойников и дати-

ровка сопровождающего инвентаря, дают нам возможность выделить ранний (XVI – начало XVII вв.) и поздний (первая половина XVII–XVIII вв.) хронологические периоды функционирования средневекового могильника.

К **раннему периоду** (XVI – начало XVII вв.) отнесены 11 захоронений с западной традиционной ориентацией [Prishchepa 2008, 88]. Все они достоверно осуществлялись после 1570 г., когда г. Ровно был разорён крымскими татарами, а костел уничтожен [Teodorovich 1889, 457], и такая ориентация определялась по точкам восхода и захода солнца [Gening 2003, 139]. Среди них выделяются два погребальных комплекса, которые по характеру захоронения инвентаря можно отнести к следующим категориям: захоронения с украшениями и захоронения с христианскими древностями.

Захоронение с украшениями. Захоронение №16, скелет девочки(?) в возрасте около 10 лет, найдено на глубине -1,4 м. Скелет лежал в вытянутом положении на спине, головой на запад. В процессе исследования в районе грудной клетки погребённой были найдены вещи, нанизанные на шнуры:

- *медальон* (рис. 3,12) – изделие, от которого сохранилось только стекло овальной формы;

- *ожерелье* (рис. 3,1-9) – собранное из бисера разных оттенков синего и коричневого цвета, где доминирующими украшениями были пять бусин: серого, жёлтого цветов и цвета морской волны. Подобные бусины известны из материалов раскопок захоронений XVI-XVIII вв. в Белоруссии [Duchyts 2001, 135];

- *украшение* (рис. 3,13) – от которого сохранился только камень зелёного цвета;

- *перстень со щитком* (рис. 3,10) – изделие имеет пластинчатую дужку и овальный щиток со вставкой (камень синего цвета). К центральной части щитка примыкают по три гнезда с вставками – мелкими синими камнями;

- *перстень пластинчатый* (рис. 3,11) – изделие по середине имеет сомкнутые концы. Аналогии этим изделиям встречаются в археологических материалах XV-XVII вв. в Белоруссии и России [Kaliadzinski 2001, 292; Sedova 1959, 223-262]. Аналогичные захоронения с таким комплектом погребальных вещей были обнаружены и исследованы на церков-

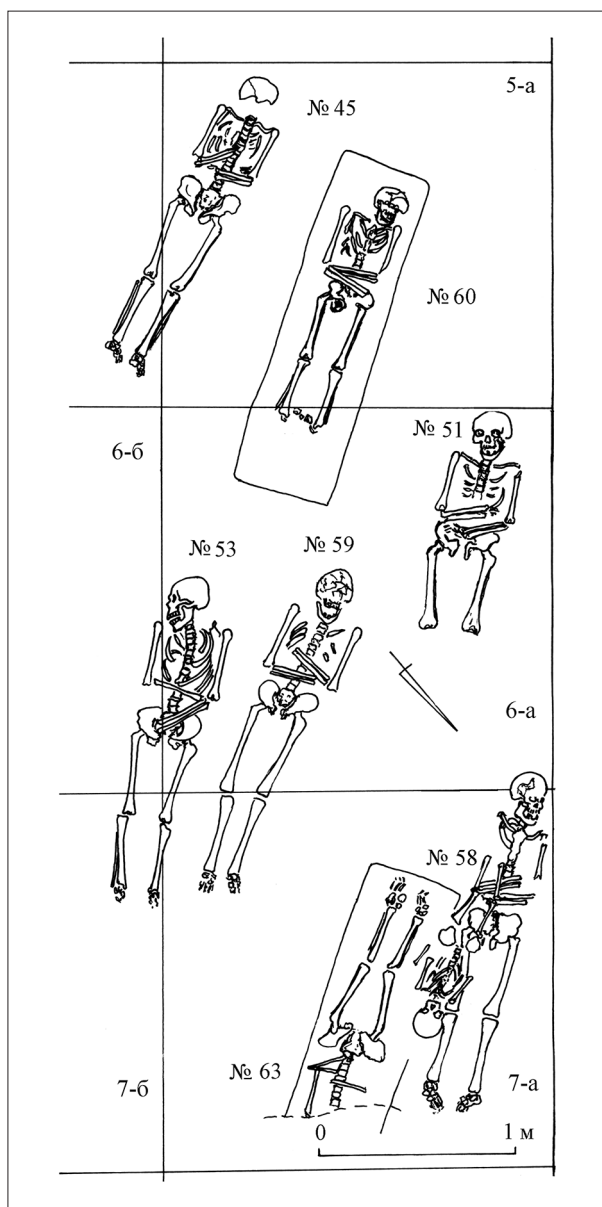

Рис. 2. Захоронения №№ 45, 51, 53, 59, 60, 61, 63 исследованные в городе Ровно.

Fig. 2. Maps of burial places №45, 51, 53, 59, 60, 61, 63 explored in Rovno city.

ном кладбище в с. Городок вблизи г. Витебска, датируемые XVII в. [Duchyts 2001, 132-133]. Такая традиция погребения умерших с украшениями известна на Волини еще с древнерусских времен [Prishchepa 2008, 155-164].

Захоронение с христианскими древностями. Захоронение №18, скелет женщины(?) в возрасте 40-45 лет, обнаружен на глубине -1,65-1,75 м. Скелет лежал в вытянутом положении на спине, головой на запад. Руки согнуты в локтях,

Рис. 3. Погребальный инвентарь из захоронений № 16: 1-4 – бусы, 5-9 – ожерелье, 10, 11 – кольца, 12 – стекло от медальона, 13 – вставка.

Fig. 3. Grave goods from burial places №16: 1-4 – beads, 5-9 – necklace, 10, 11 – rings, 12 – glass from the locket, 13 – inset.

сложены на животе. В процессе исследования захоронения у черепа усопшей была обнаружена «каменная подушка». «Каменная подушка» – это плоский кирпич-пальчатка, с каннелюрами (следами пальцев) на одной из сторон. Положение/Расположение? под голову умершему кирпича считалось монашеским обычаем. Аналогичные захоронения известны по материалам исследования средневекового пантеона в г. Дубно и датируются второй половиной XVI – началом XVII вв. [Guralo 2006, 167]. Подобные захоронения с христианскими древностями встречаем в археологических материалах XII в., собранных в городах: Киеве, Полоцке, Чернигове и в северо-восточной Польше [Makarov 1981, 111-117; Ivakin 2008, 72; Koperkiewicz 2011, 267-284].

Поздний период (первая половина XVII – XVIII в.) отмечается захоронениями с отклонением от традиционной христианской ориентации. Из документальных источников известно, что в 1606 г. в г. Ровно был восстановлен разрушенный костел [Teodorovich 1889, 457] и, по нашему мнению, эти отклонения могут быть связаны с ориентацией стен культового сооружения, которое, вероятно, было построено из дерева и, к сожалению, не сохранилось, или разрушено более поздними перекопами. Подобное расположение захоронений известно из раскопок могильника в г. Киеве. Здесь обнаруженные захоронения были расположены параллельно стенам культового сооружения вместо традиционной ориентации на запад [Ivakin 2008, 66]. В процессе работ удалось определить 45 захоронений с юго-западной, одно с северной и два с восточной ориентацией. Среди них выявлено три захоронения с сопровождающим инвентарем, которые были отнесены к следующим категориям: захоронения с монетами и захоронения с элементами одежды.

Захоронение с монетами. Захоронение №45, скелет взрослого человека, обнаружено на глубине -1,8 м. Захоронение сохранилось плохо. Скелет лежал в вытянутом положении, на спине, головой на юго-запад. Руки согнуты в локтях: левая – на животе, правая – на груди (рис. 2). Во время раскопок захоронения, у позвоночника, в районе костей предплечья, была найдена монета – грош Сигизмунда III Вазы (1587-1632) (рис. 5,1). Аналогичные захоронения с монетами «оболов мертвых» обнаружены в Белоруссии и датируются XVI-XVII вв. [Duchyts 2001, 133-135]. Эта давняя традиция осталась с языческих времен. Известно, что в Древнем Риме покойному в рот клали монету (обол), которой душа должна была оплатить Харону за перевозку через реку Стикс в царство мертвых [Petrechko 2012, 51].

Захоронение с элементами одежды. Захоронение №59, скелет мужчины(?) в возрасте 40-50 лет, найден на глубине -1,4 м. Сохранился плохо. Он лежал на спине, головой на юго-

запад. Руки согнуты в локтях, правая – на животе, левая – на груди (рис. 2). В ходе раскопок захоронения, в районе грудной клетки, выявлены следующие предметы:

- *шпилька* (рис. 4,3) – изделие с тонким стержнем и сферической головкой. На территории Белоруссии время ее бытования определяется XIV-XVIII вв. [Kaliadzinski 2001, 291];

- *застежки от одежды* (рис. 4,4) – изделия изготовлены из проволоки и состоят из крючка и петли. Аналогичные изделия были обнаружены в ходе раскопок на поле Берестецкой битвы и датируются серединой XVII в. [Sveshnikov 1993, 177, ris. 33,1-15]. На территории Белоруссии время их использования определяется XIV-XVIII вв. [Kaliadzinski 2001, 291].

Захоронение №61, скелет женщины(?) в возрасте 25-35 лет, обнаружено на глубине -1,45 м. Скелет лежал в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. Руки согнуты в локтях, сложены на груди. В захоронении была обнаружена пуговица, которая лежала в районе грудной клетки покойной. *Пуговица* (рис. 4,2) – изделие полусферическое, пустотелое, на тыльной стороне есть два отверстия для крепления. Такие изделия известны из археологических материалов г. Самарь и Богородицкой крепости и датируются XVII-XVIII вв. [Kovalova 2007, 46, ris. 17,4-8,22,23,28,30].

По христианским канонам, человек должен уйти из этого мира такой, каким пришёл в него, то есть лишенным любых предметов. В то же время на могильнике в г. Ровно был зафиксирован сопровождающий инвентарь в пяти погребальных комплексах. Инвентарь, характерный для канонических христианских древностей, зафиксирован в комплексе №18. Остальные предметы в погребениях свидетельствуют о наследии языческих традиций. Сюда следует отнести захоронение №19 с украшениями, захоронения №59 и №61 с элементами одежды и комплекс №45 с монетой. Очевидно, обнаруженные в захоронениях находки подчеркивали принадлежность покойников к определенному социальному слою.

Стоит упомянуть об еще одной особенности погребального обряда – погребение в

Рис. 4. Погребальный инвентарь из захоронений: 1 - № 45; 2 - № 61; 3, 4 - № 59.

Fig. 4. Grave goods from burial places: 1 - № 45; 2 - № 61; 3, 4 - № 59.

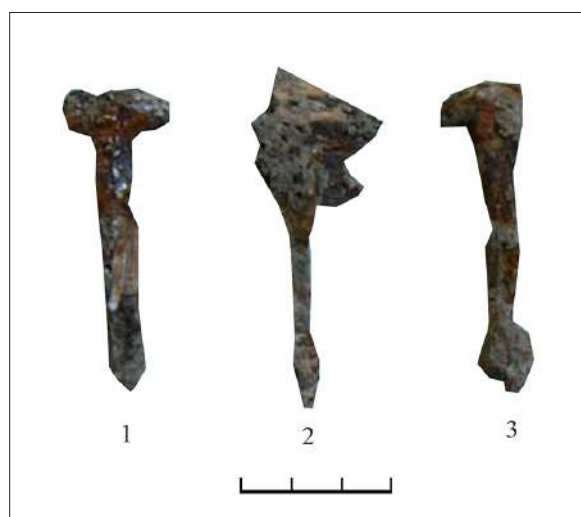

Рис. 5. Железные гвозди для скрепления гроба, обнаруженные в культурном слое XVI-XVIII вв.

Fig. 5. Iron coffin nails found in 16th-18th century archaeological horizon.

гробах. Во время исследования могильника зафиксировано одно захоронение в гробу и найдено восемь гвоздей от разрушенных захоронений (рис. 5,1-3), что скрепляли гроб [Prishchepa 2008, 88]. Дерево, из которого изготавливали гробы, быстро разрушалось в грунте, поэтому не всегда фиксируется во время раскопок. Так что, возможно, какой-то процент этих захоронений имел гробы, которые не были видны при их обнаружении. Этим можно объяснить низкий процент захоронений в гробах на могильнике.

Также в ходе исследований на средневековом могильнике были зафиксированы захоронения без гробов, выполненные непосредственно в могильных ямах. Возможно, эти захоронения принадлежали самым низким социальным слоям, которые не способны были похоронить родственников в гробу. Таких покойников хоронили в могильной яме в саванах. Аналогичные захоронения были обнаружены в г. Киеве во время земляных работ в 2001 г. [Ivakin 2008, 72]. Проведенные археологические исследования средневековых захоронений в г. Ровно дали нам возможность проследить хронологию функционирования средневекового могильника. Эти захоронения осуществлялись в два периода: XVI – начало XVII вв., в первой половине XVII – XVIII вв. и имели особенности погребального обряда, которые были известны и на сопредельных территориях в литовско-польский период.

Итак, в результате проведенных раскопок на территории г. Ровно были открыты и обследованы около 63 христианских захоронений, среди них пять захоронений с сопровождающим инвентарем, который дает нам представление о деталях христианского погребального обряда и свидетельствует о социальных отличиях этого периода. Следует отметить, что при общих приметах можно выделить комплексы, объединяющие погребальные памятники литовско-польского периода с предыдущим древнерусским временем. По таким общим признакам выделяются: захоронения без инвентаря и захоронения с предметами канонических христианских древностей, с украшениями и деталями одежды. Также стоит упомянуть и о погребальном комплексе с «оболом мертвых», который отражает традиции языческого мировоззрения жителей средневекового г. Ровно в XVI-XVIII вв.

Бібліографія

- Gening 1985:** V.V. Gening, Metod opredeleniia drevnikh traditsii orientirovok pogrebennykh po storonam gorizonta. In: *Arheologii i metody istoricheskikh rekonstruktsii* (Kiev 1985), 136-152 // В.В. Генинг, Метод определения древних традиций ориентировок погребенных по сторонам горизонта. В сб.: *Археология и методы исторических реконструкций* (Киев 1985), 136-152.
- Gupalo 2006:** V.D. Gupalo, Seredn'ovichnii tsvintar pri kosteli sv. Andriia u Dubni. Materiali i doslidzhennia z arheologii Prikarpatia i Volini 10, 2006, 166-184 // В.Д. Гупало, Середньовічний цвинтар при костелі св. Андрія у Дубні. Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині 10, 2006, 166-184.
- Duchyts 2001:** L.U. Duchyts, Arkhealagichnae vyvuchenne garadskikh i viaskkovykh mogil'nikau. Arkhealogiia Belarusi. T. 4, 2001, 132-139k // Л.У. Дучыц, Археалагічнае вывучэнне гарадскіх і вясковых могілнікаў. Археалогія Беларусі. Т. 4, 2001, 132-139.
- Ivakin 2008:** V.G. Ivakin, Khristians'kii pokhovaľnii obriad naselennia davn'orus'kogo Kieva (XI-XIII st.). Arkheologii 3, 2008, 60-76 // В.Г. Івакін, Християнський поховальний обряд населення давньоруського Києва (XI-XIII ст.). Археологія 3, 2008, 60-76.
- Kaliadzinski 2001:** L.U. Kaliadzinski, Vyraby z kaliarovaga metalu. Arkhealogiia Belarusi. T. 4, 2001, 287-296 // Л.У. Калядзінскі, Вырабы з каляровага металу. Археалогія Беларусі. Т. 4, 2001, 287-296.
- Koperkiewicz 2011:** A. Koperkiewicz, «Dumne Podlasianki, dumne Mazowszanki» – o naszymi na wcześnie-snosredniowiecznych cmentarzyskach polnocno-wschodniej Polski. «Insilvis, campis... eturbe» sredniowieczny obrzadek pogrzebowy na pograniczu polsko-ruskim. *Collectio archaeologica ressoviensis*. T. XIV, 267-284.
- Kovaľova 2007:** I.F. Kovaľova, Katalog starozhitnostei dobi piznogo seredn'ovichchia mistechka Samar' ta Bogorodits'koi fortetsi (Dnipropetrovs'k 2007) // І.Ф. Ковальова, Каталог старожитностей доби пізнього середньовіччя містечка Самар' та Богородицької фортеці (Дніпропетровськ 2007).
- Makarov 1981:** N.A. Makarov, Kamennye podushki v pogrebeniakh drevnerusskikh gorodskikh nekropolei. SA 2, 1981, 111-117 // Н.А. Макаров, Каменные подушки в погребениях древнерусских городских некрополей. СА 2, 1981, 111-117.
- Petrechko 2012:** O. Petrechko, Pokhovaľnii obriad rimlian ta iogo evoliutsiia v dobu. Visnik Kiivs'kogo natsional'nogo universitetu im. T. Shevchenka 110, 2012, 50-53 // О. Петречко, Поховальний обряд римлян та його еволюція в добу. Вісник Київського національного університету ім. Т. Шевченка 110, 2012, 50-53.

Prishchepa 2008: B.A. Prishchepa, Zvit pro arkeologichni rozkopki u 2007 rotsi bagatosharovogo poselennia tamogilnika u misti Rivnomu na diliantsi po vul. Shkil'niy №69. Arkhiv IA NANU, nr. 165 (Rivne 2008) // Б.А. Прищеп, Звіт про археологічні розкопки у 2007 році багатшарового поселення та могильника у місті Рівному на ділянці по вул. Шкільній №69. Архів ІА НАНУ, №165 (Рівне 2008).

Prishchepa 2008: B.A. Prishchepa, Arkheologichni doslidzhennia slov'iano-ruskikh pam'iatok u tsentral'niy chastini Rivnogo. Naukovi zapiski RDGU 14, 155-164 // Б.А. Прищеп, Археологічні дослідження слов'яно-руських пам'яток у центральній частині Рівного. Наукові записки РДГУ 14, 155-164.

Prishchepa 2009: B.A. Prishchepa, Arheologichni rozkopki v tsentralniy chastini m. Rivne. Arheologichni doslidzhennia v Ukraini (2006-2007 rr.), 285-290 // Б.А. Прищеп, Археологічні розкопки в центральній частині м. Рівне. Археологічні дослідження в Україні (2006-2007 рр.), 285-290.

Sveshnikov 1993: I.K. Sveshnikov, Bitva pid Berestechkom (L'viv 1993) // І.К. Свешніков, Битва під Берестечком (Львів 1993).

Sedova 1959: M.V. Sedova, Iuvelirnye izdeliia drevnego Novgoroda (X-XV vv.). MIA 65, 1959, 223-262 // М.В. Седова, Ювелирные изделия древнего Новгорода (X-XV вв.). МИА 65, 1959, 223-262.

Teodorovich 1889: N.I. Teodorovich, Istoriko-statisticheskoe opisanie tserkvei i prikhodov Volynskoi eparkhii. T. 2 (Pochaev 1889) // Н.И. Теодорович, Историко-статистическое описание церквей и приходов Волынской епархии. Т. 2 (Почаев 1889).

Василь Чекурков, соискатель Ровенского государственного гуманитарного университета, руководитель клуба «Юный археолог» Ровенского городского Дворца детей и молодежи, e-mail: wasilij_tschekurkow@ukr.net

Adrian Adamescu, Tudor Mandache

**Descoperiri arheologice aparținând secolelor VIII-X p.Chr.
din situl arheologic de la Suceveni-Stoborăni, județul Galați**

Keywords: South-East Moldavia, Prut river, VIIIth-Xth centuries.

Cuvinte cheie: sud-estul Moldovei, râul Prut, secolele VIII-X.

Ключевые слова: юго-восток Молдовы, река Прут, VIII-X века.

Adrian Adamescu, Tudor Mandache

Archaeological discoveries of the VIIIth-Xth centuries A.D. from Suceveni-Stoborăni site, Galați county

In the following lines, we intend to present, to the interested public, a range of materials that can be chronologically classified in VIIIth-Xth centuries A.D., discoveries that are a part of the archaeology collection of the "Paul Păltănea" Museum of History from Galați. These traces of material culture come from the archaeological dig undertaken at Suceveni-Stoborăni, a site that was excavated by Ion T. Dragomir, between 1968 and 1977, and, also, by Dan Nanu-Basarab, from 1988 to 1990. After the end of his excavations, Ion T. Dragomir publishes a series of articles, studies and, also, a monograph about the archaeological discoveries from the Eneolithic period, without rigorously describing the rest of the artifacts from other historical periods. In 2010, after we gained access to Ion T. Dragomir's archaeological field notebooks and plans of the archaeological dig he had undertaken, we aimed to present the results of archaeological discoveries pertaining to the Early Iron Age. The aim was reached, and in the years 2011 and 2014, in the *Peuce* magazine, two articles were published with specific reference to these findings. The present article strives to continue the effort of publishing inedited materials and archaeological contexts that are part of the archaeological research carried out in the Stoborăni dig site and which refer, at this time, to the Early Middle Ages.

Adrian Adamescu, Tudor Mandache

Descoperiri arheologice aparținând secolelor VIII-X p.Chr. din situl arheologic de la Suceveni-Stoborăni, județul Galați

În rândurile de mai jos, ne propunem să facem cunoscut publicului interesat o serie de materiale ce pot fi încadrate cronologic în secolele VIII-X p.Chr., descoperiri care se regăsesc în colecția de arheologie a Muzeului de Istorie „Paul Păltănea” Galați. Aceste urme ale culturii materiale provin din situl arheologic de la Suceveni-Stoborăni, sit ce a fost cercetat în perioada anilor 1968-1977 de către Ion T. Dragomir și 1988-1990 de Dan Nanu-Basarab. Fără a sta prea mult pe gânduri, Ion T. Dragomir publică o serie de articole, studii, dar și o monografie cu privire la descoperirile din perioada eneolitică, tratând cu superficialitate restul artefactelor. În anul 2010, având acces la carnetele de șantier și la planurile cercetărilor, ne propuneam să prezentăm rezultatele descoperirilor arheologice ce țineau de prima epocă a fierului. Scopul a fost atins, iar în anul 2011 și în 2014, în revista *Peuce*, erau publicate două articole cu referire specială la aceste descoperiri. Articolul de față vine să continue efortul de publicare a materialelor și a contextelor arheologice rămase inedite din cadrul cercetărilor realizate în punctul Stoborăni și care fac referire, de această dată, la perioada evului mediu timpuriu.

Адриан Адамеску, Тудор Мандаке

Археологические материалы VIII-X вв. из поселения Сучевень-Стоборэнь, жудец Галац

Авторы вводят в научный оборот серию материалов из археологической коллекции Исторического Музея «Паул Пэлтэня» г. Галац, которые могут быть датированы VIII-X вв. Эти находки происходят с поселения Сучевень-Стоборэнь, исследованного И.Т. Драгомиром в 1968-1977 гг. и Д. Нану-Басараб в 1988-1990 гг. И.Т. Драгомир опубликовал серию статей и монографию, посвященные материалам энеолитической эпохи, не уделяя нужного внимания материалам из других археологических культур. В 2010 г., на основании сохранившейся полевой документации, авторы настоящей статьи поставили перед собой цель опубликовать результаты этих раскопок, относящихся к раннежелезному веку. Цель была достигнута, а в 2011 и 2014 гг., в журнале *Peuce*, вышли еще две статьи, посвященные находкам этого периода. Данная статья является продолжением осуществления поставленной цели и содержит публикацию археологического материала и контекстов из Стоборэнь, относящихся к раннесредневековой эпохе.

Date generale. Situl arheologic Suceveni-Stoborăni este amplasat, din punct de vedere fizico-geografic, în zona de nord-est a Podișul Covurlui-

ului, formă de relief care ocupă, de altfel, cea mai mare parte a teritoriului județului Galați. Așezarea menționată a fost identificată, mai exact, într-o sub-

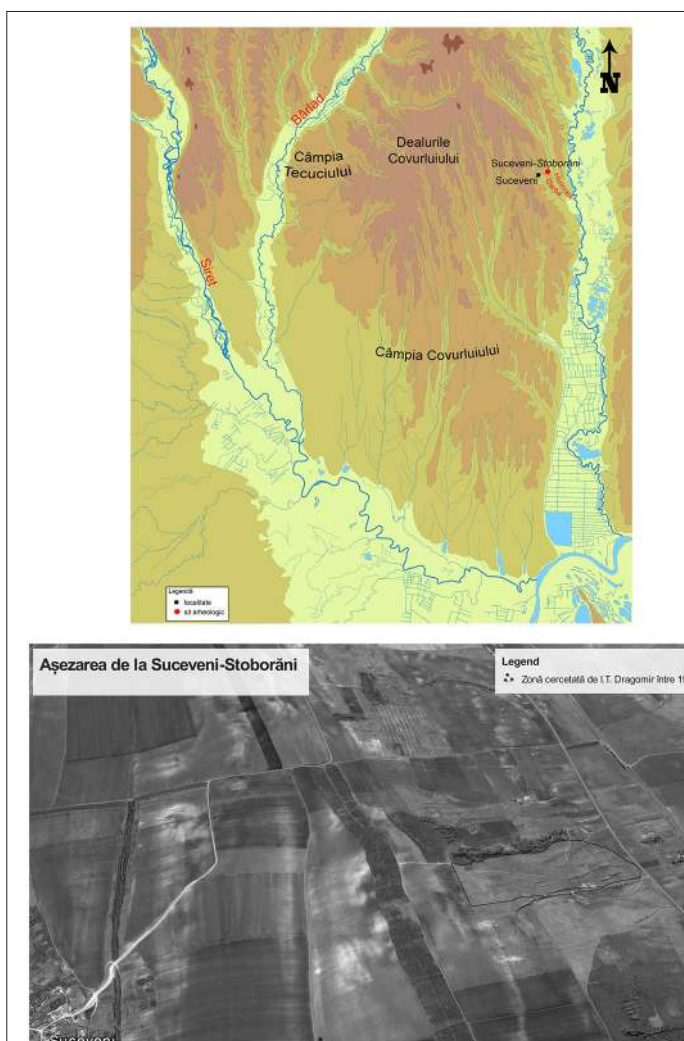
unitate a acestui podiș, și anume Dealurile Covurluiului [Oancea, Swizewski 1979, 16-17]. Punctul *Stoborăni* este situat pe versantul de vest al Dealului Stoborăni, în imediata apropiere a râului Horincea, precum și a râului Prut (pl. 1).

Cercetările au debutat în anul 1968 sub coordonarea arheologului Ion T. Dragomir¹ [Dragomir 1970; Dragomir 1971; Dragomir 1983a,b; Dragomir 1996] (pl. 2) și s-au finalizat în anul 1990, cu o pauză de aproape un deceniu, având drept scop principal investigarea așezării eneolitice fortificate, atribuite aspectului cultural Stoicani-Aldeni [Dragomir 1983a]. Pe timpul cercetărilor au fost înregistrate o serie de informații cu privire la locuirile din perioada epocii bronzului, primei epoci a fierului, perioada migrațiilor și perioada medievală, multe dintre aceste informații fiind menționate sumar în diferite articole [Dragomir 1970; Dragomir 1971; Dragomir 1983a; Dragomir 1983b; Dragomir 1996; Nanu-Basarab 1990]. Totuși, în ceea ce privește descoperirile aparținând primei epoci a fierului, după cum a fost deja menționat, se poate spune că au fost tratate într-o manieră mai elaborată în cadrul unor studii mai recente [Adamescu 2011; Ailincăi, Constantinescu, Adamescu 2014].

Istoricul cercetării și stadiul actual

al cercetărilor. La începutul anilor '50 se simțea nevoia acută de a se pune accentul pe originea și formarea poporului român, motiv pentru a se înființa în anul 1955, în cadrul Academiei RPR, „Comisia pentru studiul formării limbii și poporului român”. Fiind la început de drum, profesorul Ion Nestor demara un program de cercetare menit să elucideze o serie de probleme pentru mileniul I. La data de 9 iunie 1955, profesorul Ion Nestor susținea un referat cu titlul „Originea poporului

1. Ion T. Dragomir (1923-2012) s-a născut la 17 ianuarie 1923 în satul Malul Roșu, județul Ialomița. Din anul 1948 a urmat cursurile Facultății de Istorie din cadrul Universității din București, pe care a absolvit-o în 1951. Între anii 1951-1985 a activat ca muzeograf și, apoi, director al Muzeului de Istorie din Galați, putând fi considerat „un adevărat părinte al muzeografiei științifice gălățene”. Arheolog cu o susținută activitate științifică, a efectuat cercetări în așezări și necropole preistorice și antice de la Galați, Băneasa, Largu, Smârdan, Lișcoteanca, Tămășeni, Smulți, Puricani, Suceveni, Berești, Barboși și Enisala.

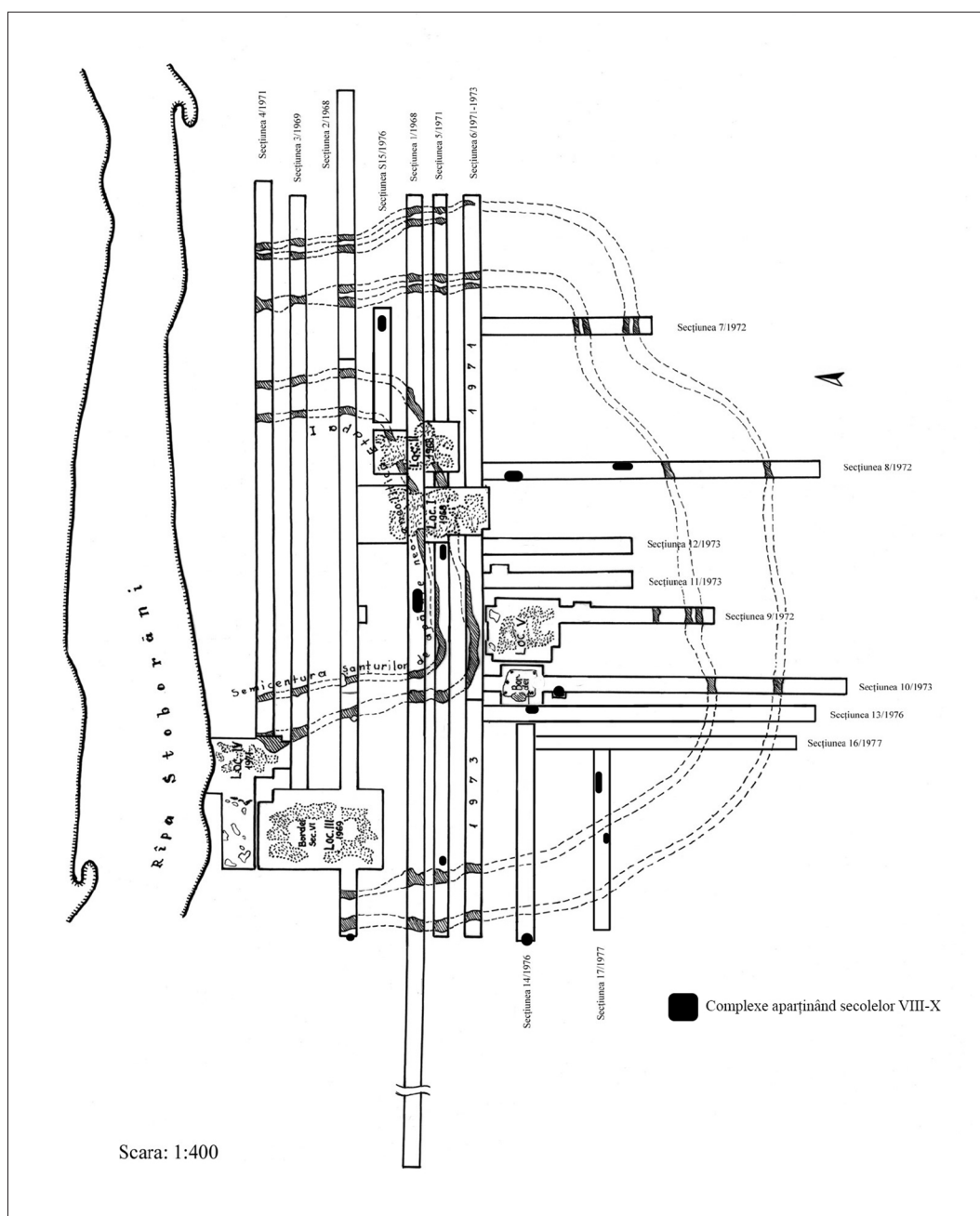

Planșa 1. Harta geomorfologică a județului Galați și localizarea sitului arheologic de la Suceveni(sus). Imagine satelitară a sitului de la Suceveni-Stoborăni (jos).

Plan 1. The geomorphologic map of Galați County and the localization of the archaeological dig site from Suceveni (above); Satellite imagery of the archaeological site Suceveni-Stoborăni (below).

român după datele arheologice”, referat prin care prezenta stadiul cercetărilor arheologice la acea dată [Nestor 1959, 58-59; Nestor 1962, 1426]. Conceptul de cultură Dridu a apărut pentru prima oară în literatura de specialitate datorită efortului profesorului Ion Nestor, care la acea dată efectua cercetări arheologice în așezarea de la Dridu [Nestor 1958].

În anul 1970 apărea o lucrare elaborată de Nicolae Zaharia, Mircea-Petrescu Dîmbovița și Emilia Zaharia, unde erau repertoriate toate descoperirile din Moldova, din paleolitic până în pe-

Planșa 2. Așezarea de la Suceveni-Stoborâni. Planul general al cercetărilor arheologice din anii 1968-1970 (după I.T. Dragomir).

Plan 2. The settlement from Suceveni-Stoborâni. General plan of the archaeological excavations undertaken between 1968-1977 (after I.T. Dragomir).

rioada medievală [Zaharia, Petrescu-Dîmbovița, Zaharia 1970]. În ultimele decenii s-au realizat o serie de cercetări arheologice ce au vizat în mod special această epocă. Contribuțiile deosebite aduse de arheologi și istorici au făcut ca secolele VIII-IX, uneori și secolul X, să fie considerate ca o etapă finală a etnogenezei românilor [Teodor 1978, 86-87; 1981, 47; Mitrea 2012, 276]. Cum nu a existat

un consens din partea cercetătorilor cu privire la procesul de formare a poporului român, cercetătorii au optat pentru o încadrare mai largă, adică, secolele VIII-X [Mitrea 2012, 276].

Revenim la zona de sud-est a Moldovei și menționăm că pentru această perioadă, numărul mare de descoperiri arheologice și numismatice se datorează eforturilor întreprinse de Mircea-Petres-

cu Dîmbovița [Petrescu-Dîmbovița, Dinu 1974], Dan Gheorghe Teodor [Teodor 1997], Ion T. Dragomir [Dragomir 1967], Mihalache Brudiu [Brudiu 1999] sau Ghenuță Coman [Coman 1969a,b]. Până astăzi s-a reușit înregistrarea unui număr de 76 de obiective, majoritatea fiind cercetări de suprafață, cu o datare în secolele VIII-X. În ultimii ani, în așezările de la Negrilești și Cavadinești, județul Galați, s-au făcut cercetări arheologice completând tabloul enigmatic pentru secolele VIII-X [Nicu, Ilie 2008; Nicu et al. 2009; Ilie et al. 2011; Ilie, Ciobotaru 2014; Ilie 2015; Ilie et al. 2015].

Descrierea cercetării. Complexe arheologice. Înainte de a începe descrierea complexelor, dorim să facem cunoscut publicului faptul că majoritatea complexelor identificate ca aparținând perioadei medievale timpurii nu au fost înregistrate corespunzător. Pentru o mai bună înțelegere a descrierii vom utiliza o numerotație proprie, de la 1 la 12, iar în paranteză vom folosi marcajul inițial, așa cum a fost el descris de către autorul cercetării.

1968. A fost deschisă o unitate de cercetare denumită Secțiunea S1/1968 cu dimensiunile de 40x2 m și orientată E-V. Pe timpul cercetărilor au mai fost deschise și două casete, una pe latura de V a secțiunii S1/1968, între m.17 și m.24 cu dimensiunile de 7x4 m, denumită Cas. B, și cea de-a doua, denumită Cas. B1 cu dimensiunile de 5x4 m, deschisă pe latura de E a secțiunii. Scopul deschiderii celor două casete a fost acela de a evidenția limitele locuinței eneolitice. Pentru perioada medievală timpurie nu a putut fi identificat vreun complex arheologic. Cea de-a doua unitate de cercetare deschisă a fost S2/1968 cu dimensiunile de 40x2 m, având aceeași orientare precum S1/1968, E-V. Nici în această unitate de cercetare nu s-au putut identifica urme de locuire din perioada medievală timpurie.

1969. Secțiunea S1/1969, cu dimensiunile de 39x2 m, a fost deschisă în continuarea S1/1968, cu aceeași orientare, E-V. Scopul realizării acestei secțiuni a fost acela de a delimita șanțurile de apărare neolitice. La punctul terminal de V al S1/1968 și capătul de E al S1/1969 au fost surprinse mai multe fragmente ceramice datând din perioada evului mediu timpuriu, care ar putea indica existența unui complex de locuire, caracterizat prin recipiente ceramice de tipul vaselor borcan lucrate la roată, ornamentate cu un decor vălurit și linii orizontale incizate.

Complex 1 (Vatră). Pe latura de nord a S1/1969, între m.1-4, pe o lățime de 0,65 m în suprafață, s-a

surprins o masă de pietre calcaroase, de aspectul unui pavaj. Toate acestea au fost sesizate la adâncimea de -1,45 m -1,50 m de la suprafața actuală a solului. În plan, I.T. Dragomir identifica o vatră cu formă rectangulară. În unele locuri, pe suprafața pavajului se aflau câteva fragmente ceramice legate între ele cu un strat subțire de lut. De asemenea, suprafața vetrei era presărată cu cenușă, mici bucăți de cărbuni și oase de animale (fig. 1,1). Fragmentele ceramice descoperite pe vatră și în jurul ei provin de la vase borcan de diferite dimensiuni, lucrate la roată, cu un decor alcătuit din serii de valuri și linii incizate dispuse orizontal. Pe lângă aceste vase borcan a mai fost identificat și un fragment ceramic ce ar putea proveni de la un vas de tip ulcior², dar care nu a putut fi regăsit în colecția de arheologie.

Secțiunea S2/1969 a fost deschisă în continuarea celei din anul precedent (S2/1968) cu dimensiunile de 40x2 m. În planurile și carnetele de șantier, I.T. Dragomir nu menționează descoperiri care pot fi atribuite perioadei medievale timpurii.

1970. Secțiunea S1 a fost trasată în continuarea celei din anul 1969, având aceeași orientare, E-V. Are dimensiunile de 60x2 m. Nu deținem informații cu privire la identificarea vreunui complex datând din perioada timpurie a evului mediu. Secțiunea S2, cu dimensiunile de 10x2 m, a fost trasată în campania din anul 1970, în prelungirea lui S2/1969, paralel cu S1/1970.

Complex 2 (Bordei de sec. X și pietrar). Pe profilul secțiunii de sud, între m.8,50 m și m.12,50, a fost surprins un complex de locuire în cadrul unui strat de pământ negru cenușos. Putem deduce, din documentația avută la dispoziție, că locuința a apărut sub forma unor aglomerări de pietre calcaroase, masate sau pavate. Deasupra acestor pietre s-au găsit câteva fragmente ceramice specifice secolului al X-lea. Pietrele, de diferite dimensiuni, prezentau urme de ardere și erau în amestec cu chirpic ars și cărbuni. Au fost descoperite câteva unelte de os, fiind vorba despre două împungătoare sau suvace pentru găurit pieile și două unelte pentru lustruit, confecționate din coaste late. Artefactele din os, datate de către autorul cercetării în perioada secolelor VIII-X, nu se regăsesc în colecția de arheologie a instituției.

Aceste urme materiale ne fac să concludem că ne aflăm în jurul unei instalații de foc de tipul cuptor. După demontarea pietrelor au mai fost

2. Informație preluată din carnetul de șantier.

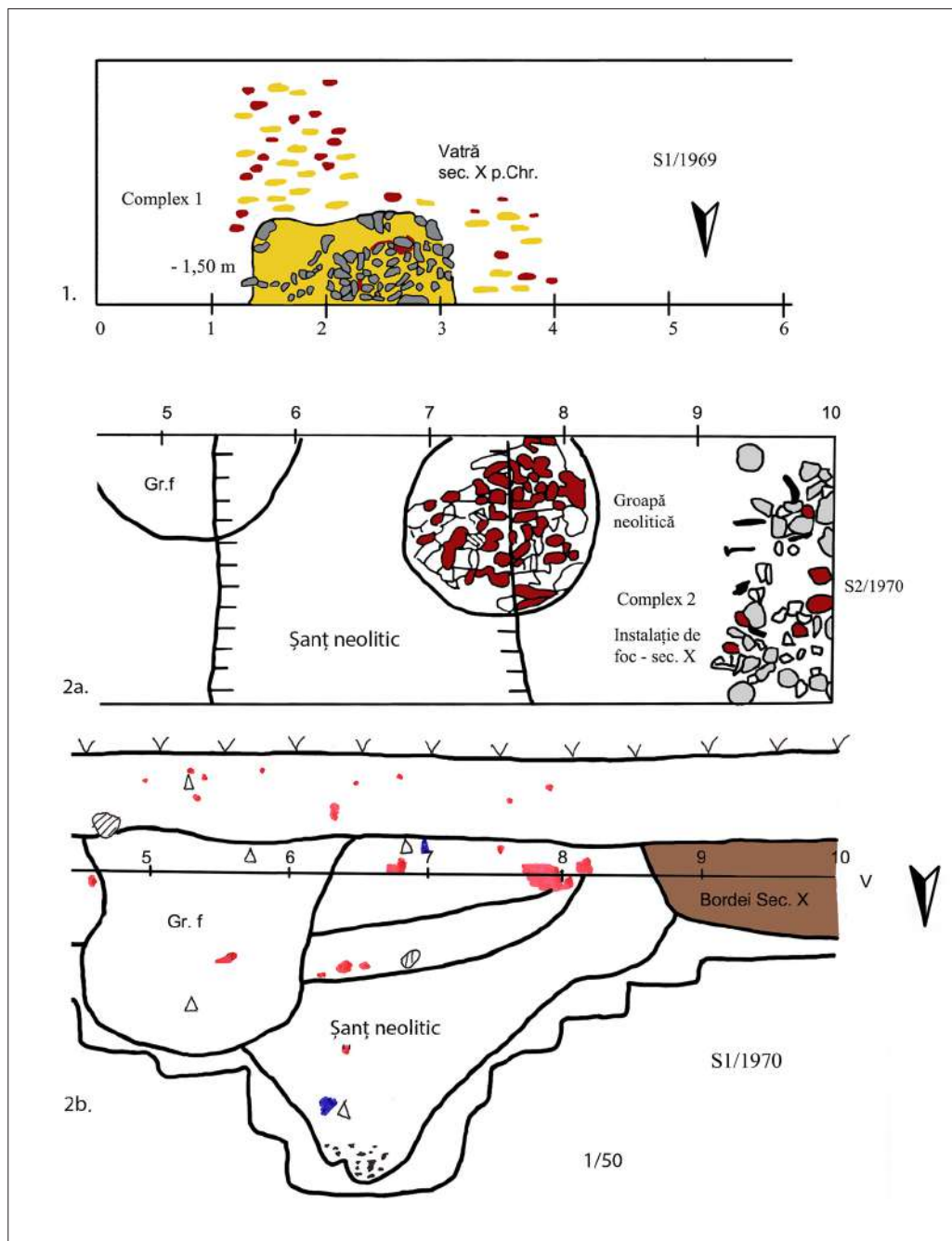

Fig. 1. Așezarea de la Suceveni-Stoborăni. Plan S1/1969; plan și profil S1/1970 (după I.T. Dragomir).

Fig. 1. The settlement from Suceveni-Stoborăni. Plan S1/1969; plan and stratigraphical profile S1/1970 (after I.T. Dragomir).

descoperite alte câteva fragmente ceramice, precum și două împungătoare. Baza locuinței a fost atinsă la adâncimea de -1,40 m. Locuința a fost cercetată parțial, deoarece nu a reprezentat o prioritate pentru autorul cercetării (fig. 1, 2a-b).

Secțiunea S3, cu dimensiunile de 57x2 m (114 m.p.), a fost trasată în aceeași campanie din anul 1970 la nord de S1/1970 și S2/1970. Scopul prin-

cipal a fost identificarea șanțurilor de apărare ale așezării neolitice atribuite aspectului cultural Stoi-cani-Aldeni. Din păcate, această unitate de cercetare nu a furnizat complexe care pot fi încadrate în perioada medievală timpurie.

1971. Cercetările arheologice din anul 1971 au avut ca scop general verificarea sectorului de S al așezării de la Suceveni, precum și urmărirea traseu-

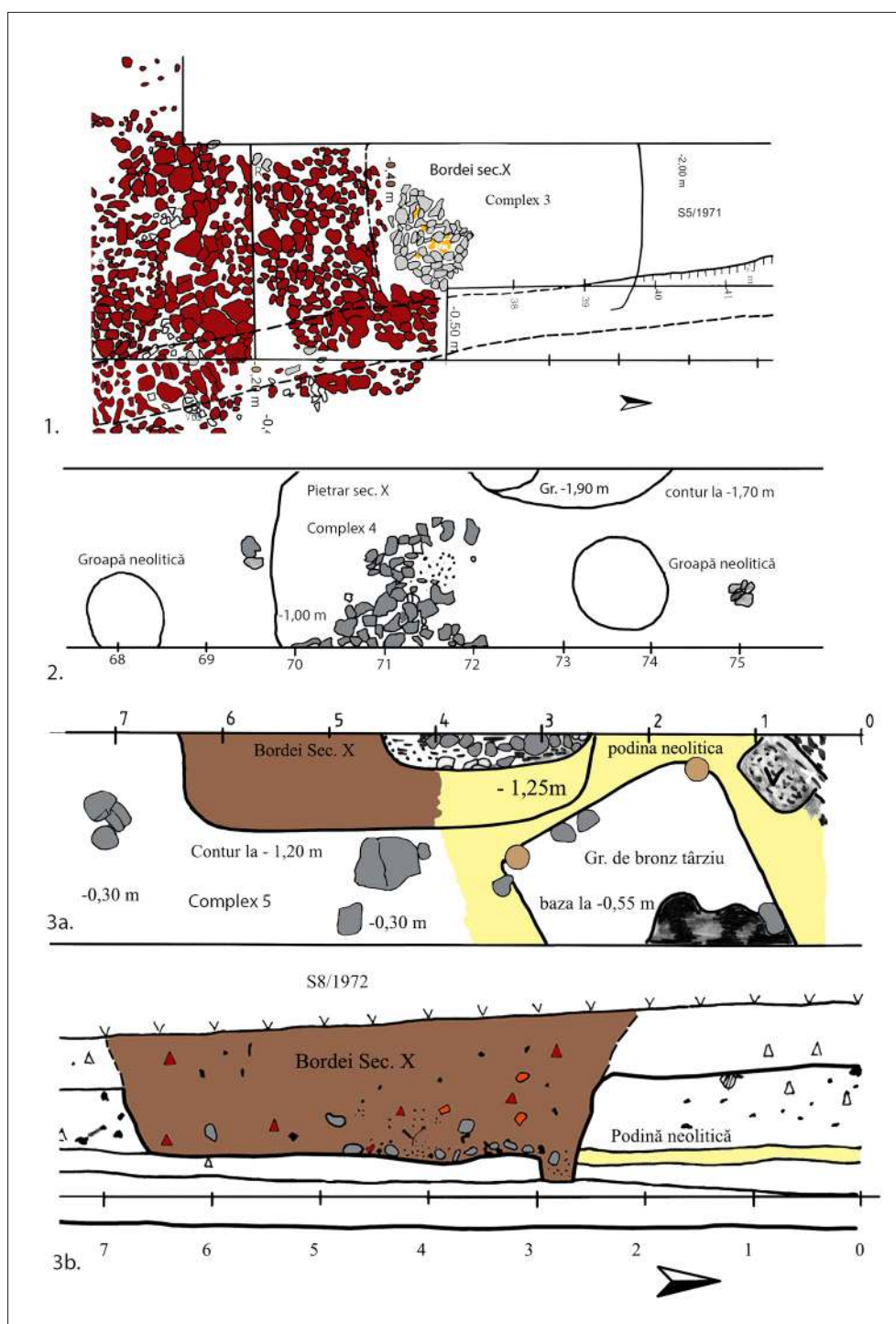
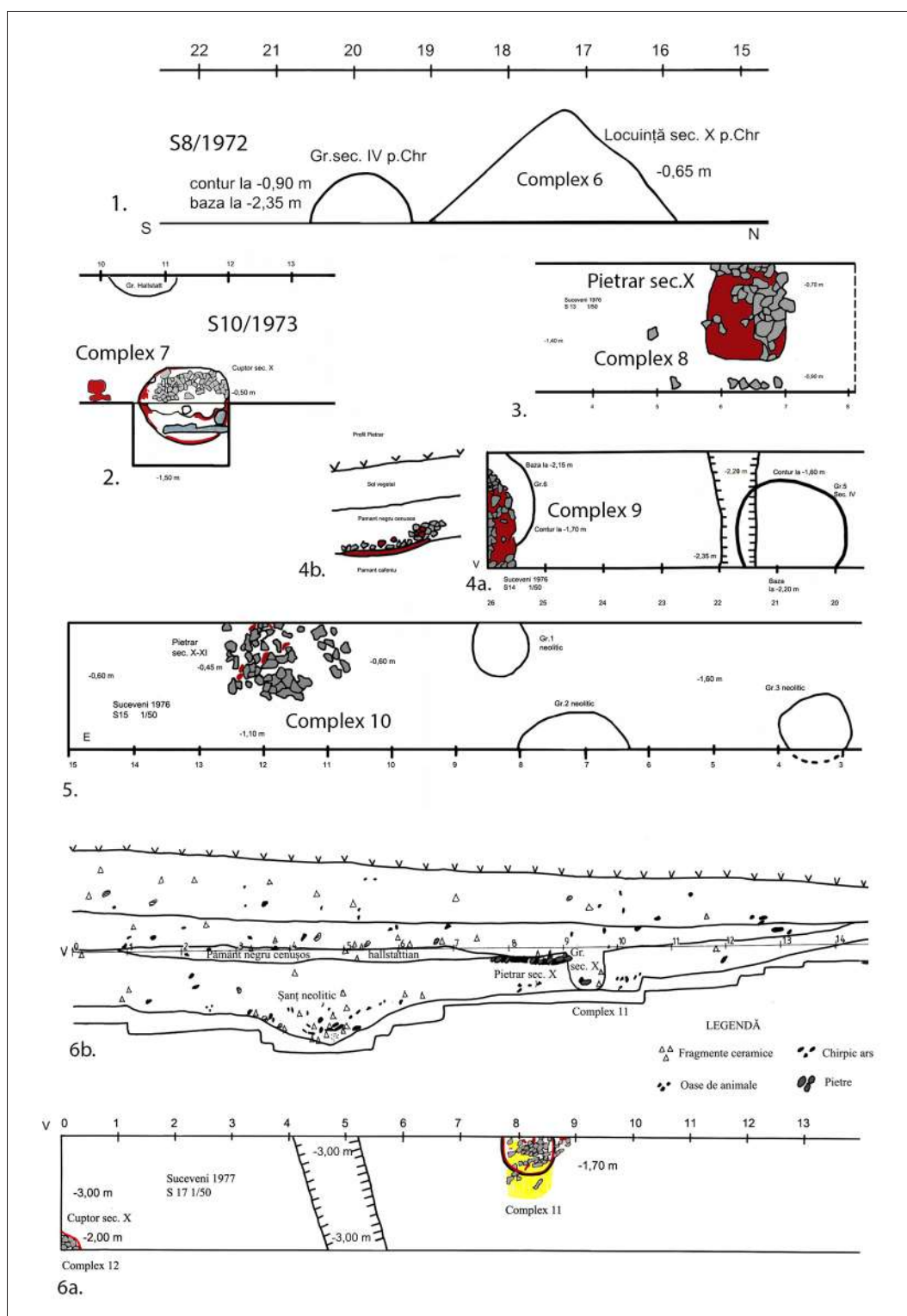

Fig. 2. Așezarea de la Suceveni-Stoborăni. Plan S5/1971; plan și profil S8/1972 (după I.T. Dragomir).

Fig. 2. The settlement from Suceveni-Stoborăni. Plan S5/1971; plan and stratigraphical profile S8/1972 (after I.T. Dragomir).

lui șanțurilor de apărare. Secțiunea S4 a fost trasată în 1971 la 2 m nord de traseul S3 și avea dimensiunea de 50x2 m (100 m.p.). Scopul acestei noi unități de cercetare era acela de a urmări amplasamentul locuințelor neolitice. Nu deținem informații despre

vreun complex care să aparțină perioadei medievale timpurii. Secțiunea S5, de 80x2 m (160 m.p.), a fost trasată la o distanță de 1 m N față de S1/1968 și avea aceeași orientare E-V. Scopul deschiderii S5/1971 a fost de a delimita perimetrul așezării

neolitice, precum și de a urmări traseul șanțurilor de apărare neolitice. Pe parcursul cercetării au fost surprinse două complexe ce pot fi încadrate în perioada evului mediu timpuriu.

Complex 3 (Bordei sec. X). Un prim complex a fost identificat în dreptul m. 37-40, la adâncimea de -0,70 m. Din notițele lui I.T. Dragomir reiese că ar fi vorba despre o instalație de foc (cuptor), încadrată în perioada secolelor VIII-X. Autorul mai menționează că pe vatra cuptorului s-au descoperit mai mulți cărbuni, arsură și cenușă. Deși alte informații despre această instalație de foc nu mai sunt trecute în carnetul de șantier, totuși, autorul menționează pe plan termenul de locuință. Nu deținem date suplimentare privind acest complex de locuire, știm doar că în profilul secțiunii „se putea vedea conturul bordeiului”³. De asemenea, nu putem specifica dacă cuptorul era în centrul locuinței sau într-unul dintre colțuri, putem doar să deducem că în plan, locuința era de formă rectangulară (fig. 2,1).

Complex 4 (Pietrar sec. X). O a doua instalație de foc a fost descoperită între m.70-72. Pietrarul, așa cum a fost el notat pe plan, a fost surprins la adâncimea de -1,70 m și se prezintă sub forma unor pietre masate și resturi de cărbuni dispuse pe o suprafață de aproximativ 1,50-1,60 m. Din păcate, autorul nu mai menționează alte detalii referitoare la acest complex (fig. 2,2).

Secțiunea S6 a fost trasată la 2 m S față de S5, având o lungime inițială de 60 m, pentru a fi prelungită în anul 1973 cu încă 26,50 m (173 m.p.). Scopul acesteia a fost de a urmări traseul șanțurilor de apărare din partea de E a așezării, precum și de a verifica sectorul de S al așezării, fără a se putea identifica vreun complex arheologic datând din perioada evului mediu timpuriu.

1972. În campania arheologică din anul 1972 au fost trasate încă trei secțiuni denumite S7, S8 și S9, poziționate în partea de S a așezării, cu scopul de a surprinde traseul centurii a doua a șanțurilor de apărare ale așezării neolitice Stoicani-Aldeni.

Secțiunea S7 avea dimensiunile de 20x2 m (40 m.p.) și era orientată N-S. A fost trasată la 15 m de capătul de E al secțiunii S6/1971. Nu deținem date despre vreun complex ce ar aparține perioadei medievale timpurii, însă avem informații despre descoperirea unor fragmente ceramice ce pot fi încadrate în perioada secolelor VIII-X.

3. Informație preluată din carnetul de șantier.

Este vorba despre mai multe artefacte ce au fost surprinse la m.17, într-un strat de pământ negru cenușos, și la adâncimea de -0,60 m.

Secțiunea S8, orientată N-S, avea dimensiunile de 32x2 m (64 m.p.). A fost deschisă la 15 m distanță față de S7/1972, adică la 32 m distanță față de capătul de E al S6/1971.

Complex 5 (Bordei sec. X). La capătul de nord al S8, tangent cu S6/1971 (orientată E-V), a fost surprins parțial conturul unei locuințe din perioada medievală timpurie. A fost identificată la adâncimea de -0,60-0,70 m de la baza solului vegetal, între m.2-7. La aceeași adâncime a fost descoperită podina unei locuințe neolitice. Această podină a fost perforată parțial de groapa bordeiului medieval timpuriu menționat mai sus⁴. În jurul gropii locuinței adâncite s-au descoperit mai multe pietre calcaroase plate. Una dintre ele este alveolată circular, întocmai ca un platou care, desigur, a servit drept rășniță. În apropierea acesteia s-au descoperit mai multe valve de scoici. În pământul de umplutură a locuinței s-a descoperit un fragment ceramic lucrat la roată, caracteristic secolului al IV-lea⁵ și câteva fragmente ceramice specifice secolelor VIII-X (fig. 2,3a-b).

Complex 6 (Bordei sec. X). Pe partea de E a secțiunii S8, între m.15-20 a fost posibilă delimitarea parțială a conturului unei locuințe adâncite aparținând secolelor VIII-X. În plan, aceasta se prezintă sub formă rectangulară. În pământul de umplutură al complexului de locuire s-au putut descoperi mai multe fragmente ceramice de la vase borcan cu un decor incizat orizontal și în valuri, două suvace, oase de animale ș.a. Conturul gropii locuinței s-a putut delimita la adâncimea de -0,70 m de la suprafața solului actual, într-un strat de pământ cafeniu (fig. 3,1)⁶.

Secțiunea S9, orientată N-S, avea dimensiunile de 25x2 m (50 m.p.), numerotarea făcându-se de la S spre N. Secțiunea a fost trasată perpendicular pe S6/1971. Nu deținem date despre evidențierea vreunui complex ce ar putea aparține perioadei medievale timpurii, doar o serie de fragmente ceramice descoperite în cursul cercetării.

4. În notițele de șantier, acest complex de locuire apare cu denumirea de locuință aparținând secolului al IV-lea.

5. Informații preluate din carnetul de șantier al lui Ion T. Dragomir, Suceveni-Stoborâni, 1972.

6. Informații preluate din carnetul de șantier al lui Ion T. Dragomir, Suceveni-Stoborâni, 1972.

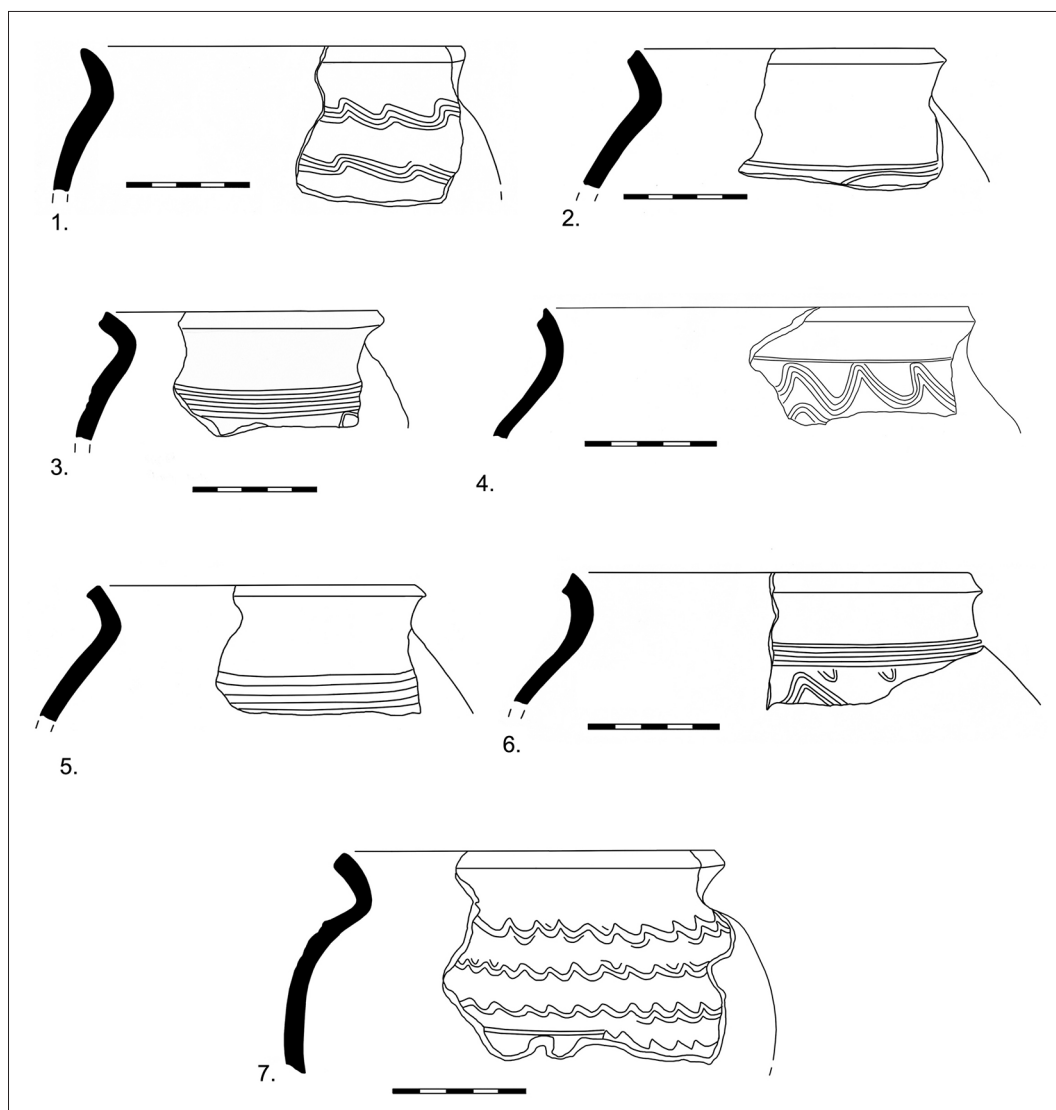

Fig. 4. Așezarea de la Suceveni-Stoborăni. S1/1969, m.2,4-5. 1-7.

Fig. 4. The settlement from Suceveni-Stoborăni. S1/1969, m.2,4-5. 1-7.

1973. Campania din anul 1973 și-a propus să urmărească cea de-a doua semicentură a șanțurilor eneolitice de apărare. Pentru ca acest scop să fie îndeplinit, s-au deschis trei unități de săpătură, numerotate S10, S11 și S12. Secțiunea S10, orientată N-S, avea dimensiunile de 43x2 m (86 m.p.), fiind deschisă perpendicular pe secțiunea S6/1971. Studiarea planurilor și a notițelor ne-au dus la identificarea câtorva fragmente ceramice aparținând perioadei medievale timpurii, dar și a unui complex identificat drept instalație de foc.

Complex 7 (Cuptor sec. X). Pe latura de V a secțiunii, între m.10-12, la adâncimea de -0,50 m, a fost surprinsă în plan o instalație de foc de tip

cuptor. Pentru a prinde tot complexul în plan, s-a procedat la deschiderea unei case, cu dimensiunile de 1,5x1 m. În plan, cuptorul se prezintă sub formă circulară, cu vatră și cu un pat de pietre. Pe vatra cuptorului s-au descoperit câteva fragmente ceramice, de tipul borcan, specifice secolelor VIII-X (fig. 3,2).

Secțiunile S11 și S12 orientate N-S, ambele cu dimensiunile de 18,80x2 m (37,6 m.p.), nu au furnizat complexe specifice perioadei timpurii a evului eediu, excepție făcând o serie de fragmente ceramice ce pot fi încadrate în această perioadă.

1976. Cercetările întreprinse în anul 1976 au avut ca obiectiv principal urmărirea șanțurilor

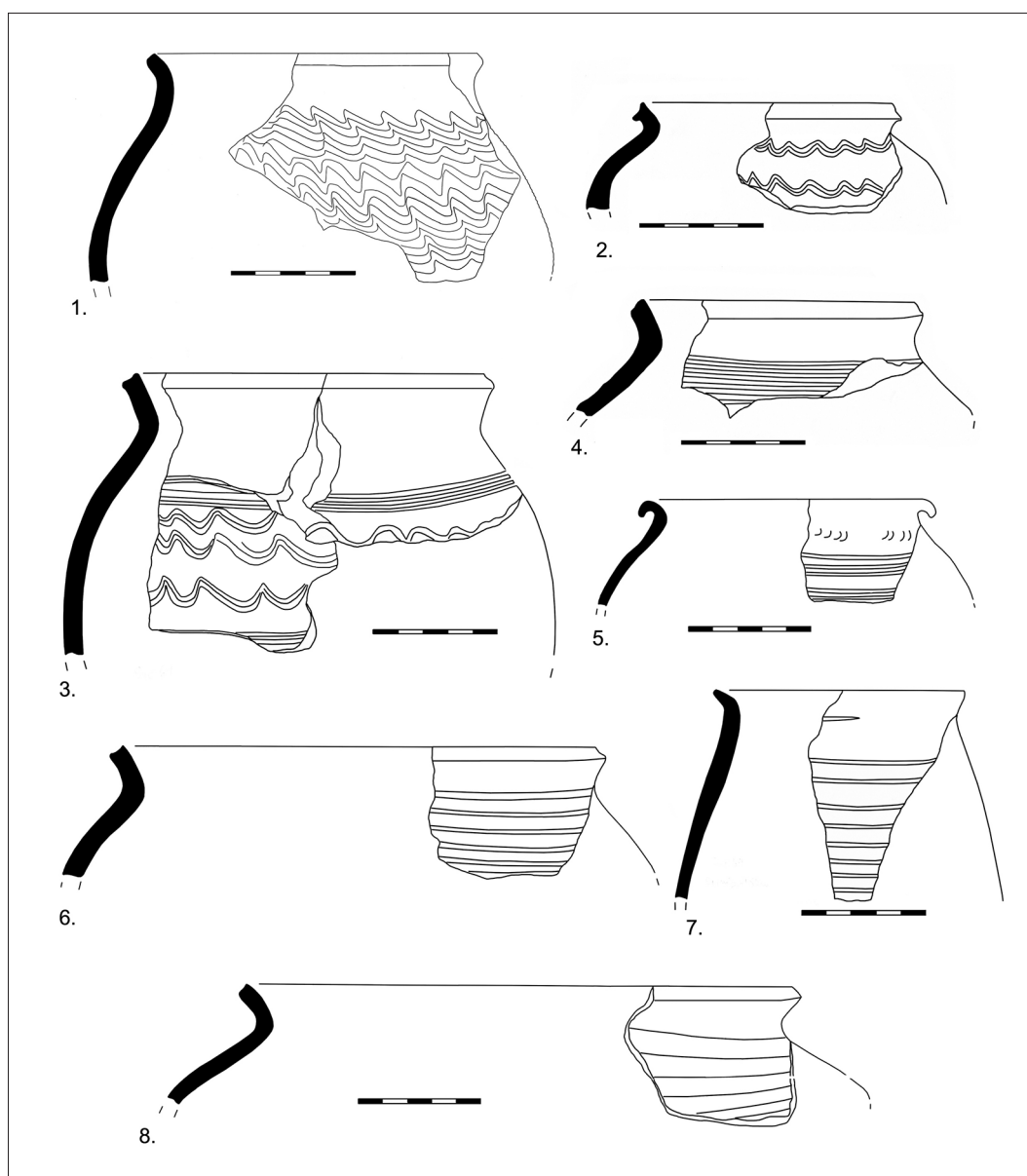

Fig. 5. Așezarea de la Suceveni-Stoborăni. S1/1969, m.3. 1-8.

Fig. 5. The settlement from Suceveni-Stoborăni. S1/1969, m.3. 1-8.

de apărare din partea de V a așezării eneolitice. În acest sens au fost trasate trei secțiuni numerotate S13, S14 și S15. Secțiunea S13 a fost trasată pe direcția N-S cu dimensiunile de 40x2 m (80 m.p.). Pe timpul cercetării au fost descoperite o serie de fragmente ceramice datând din perioada medievală timpurie. Alte informații cu privire la această perioadă au fost preluate din carnetul de șantier coroborat cu planurile de șantier și astfel a fost posibilă identificarea unui singur complex, o instalație de foc, de tip cuptor. Nu deținem date despre

tipul concret de cuptor, dar presupunem că ar fi fost vorba despre un cuptor construit din pietre legate cu lut.

Complex 8 (Pietrar sec. X). Pe latura de E a secțiunii, între m.5-7, la adâncimea de -0,70 m, au apărut o serie de pietre masate ce aparțin unui „pietrar” din sec. VIII-X. În plan, instalația de foc are o formă rectangulară cu colțurile rotunjite. Dimensiunile complexului se prezintă astfel: L. 1,50 m și l. 1,20 m. În jurul „pietrarului” s-au descoperit numeroase fragmente ceramice, oase de ani-

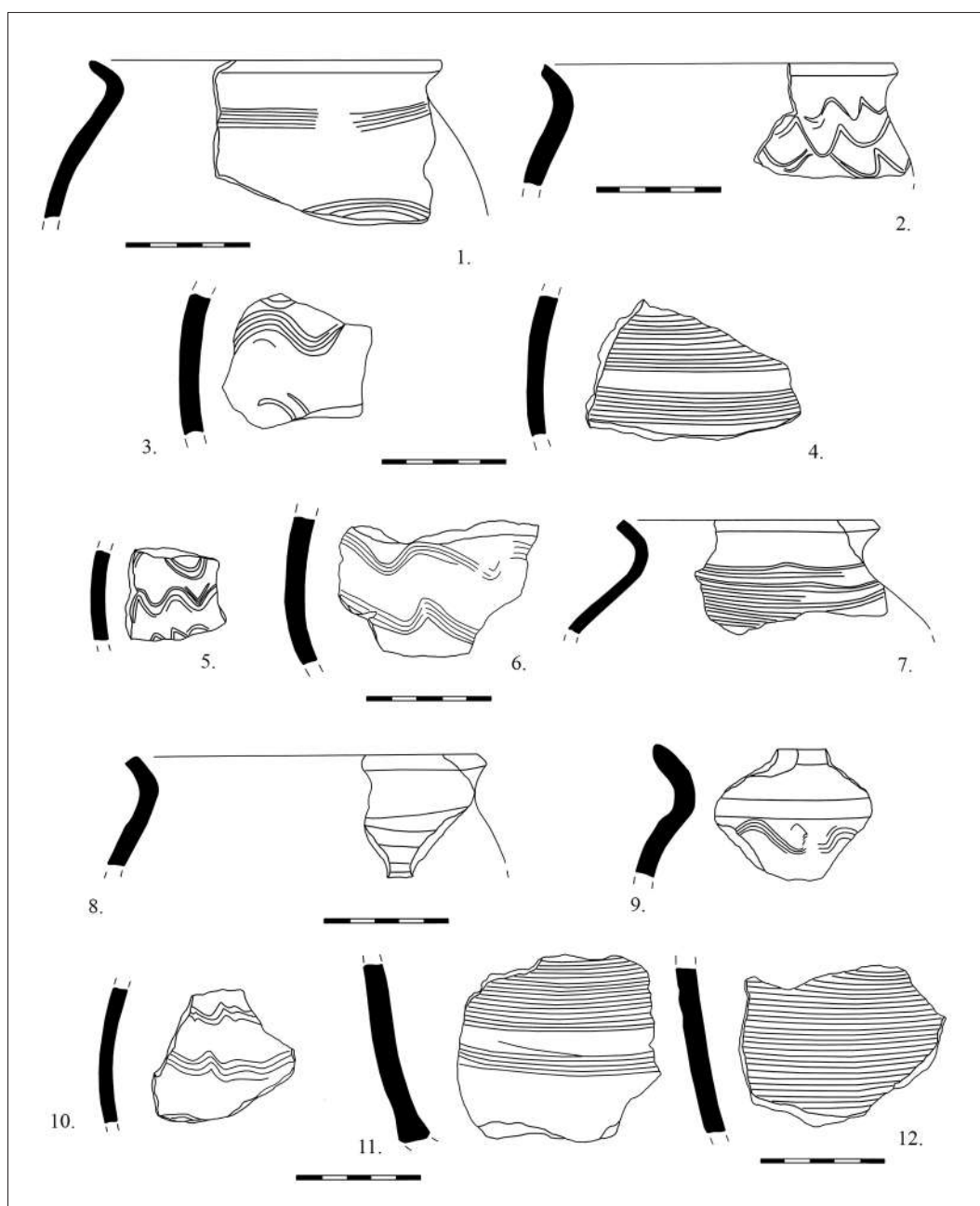

Fig. 6. Așezarea de la Suceveni-Stoborăni. S1-S2/1970. 1-4; S5/1971. 5-7; S7/1972, m.16. 8-9; S8/1972, m.17Br. 10-12.

Fig. 6. The settlement from Suceveni-Stoborăni. S1-S2/1970. 1-4; S5/1971. 5-7; S7/1972, m.16. 8-9; S8/1972, m.17Br. 10-12.

male, arsură, cenușă, etc. (fig. 3,3).

Secțiunea S14, orientată E-V cu o lungime de 26×2 m (52 m.p.). Pe timpul cercetării au fost surprinse și documentate o serie de complexe ce aparțin eneoliticului, sec. IV p.Chr. și pentru perioada evului mediu timpuriu, autorul cercetării ne strecoară în carnetul de șantier o serie de informații despre o instalație de foc descoperită în această unitate de săpătură.

Complex 9 (Pietrar sec. X). În capătul de V al secțiunii S14, m.25-26, la adâncimea de -1,30 m de la suprafața actuală a solului, a fost surprinsă parțial o masă de piatră ce aparțin unei instalații de foc ce datează din perioada medievală timpurie. După degajarea pietrelor, a fost descoperită o vatră arsă puternic. Pe suprafața acesteia s-a găsit o cantitate consistentă de cenușă, cărbuni și câteva fragmente ceramice. În profil, baza vetrei este ușor

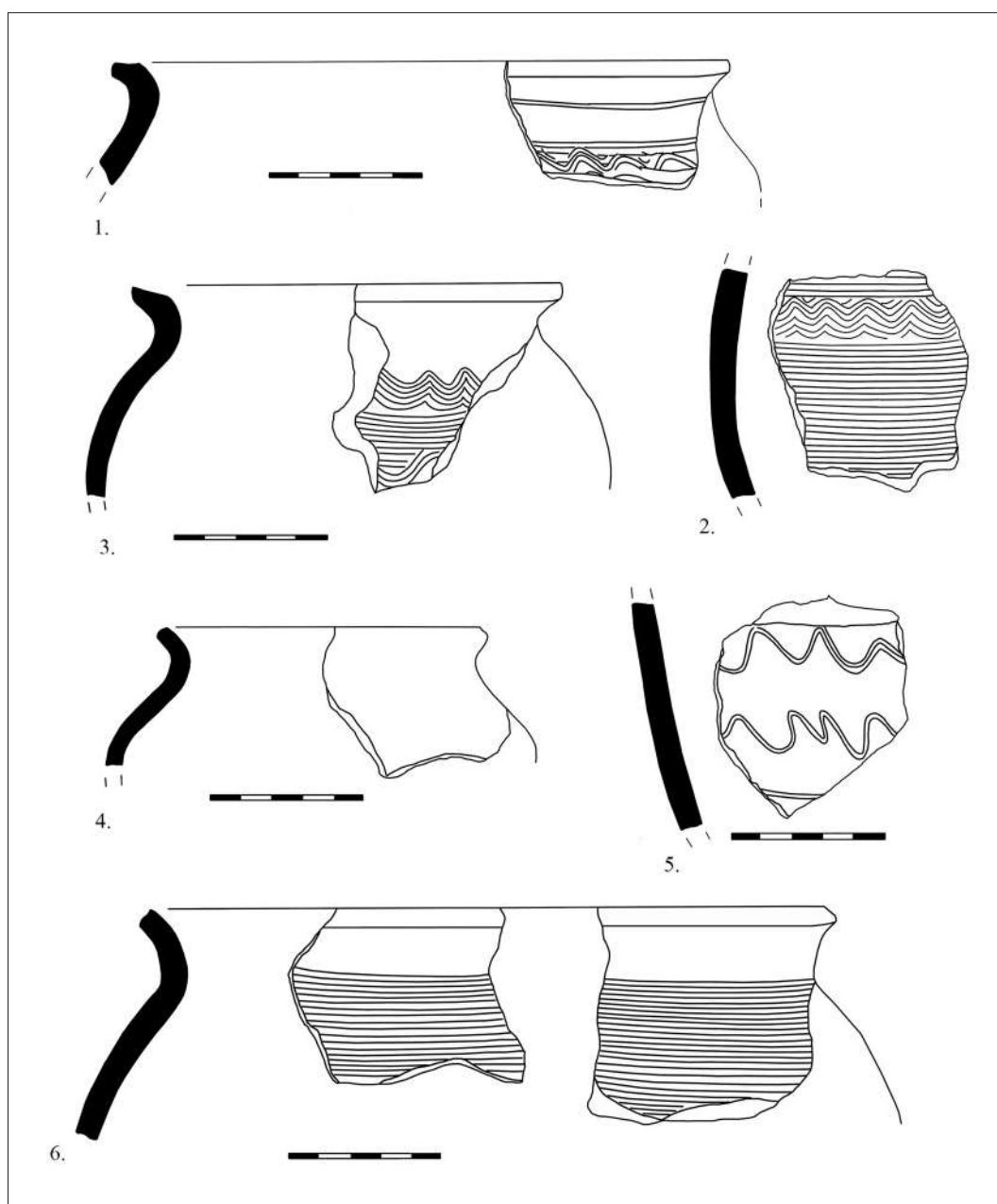

Fig. 7. Așezarea de la Suceveni-Stoborăni. S9/1972, m.15-35. 1-2; S10/1973. 3-6.

Fig. 7. The settlement from Suceveni-Stoborăni. S9/1972, m.15-35. 1-2; S10/1973. 3-6.

convexă cu o grosime de 2-3 cm, iar deasupra ei erau pietrele legate cu lut. Este posibil ca vatra să fi fost prevăzută cu o gardină, confecționată din lut sau din pietre de diferite dimensiuni (fig. 3,4a-b).

Secțiunea S15 avea aceeași orientare precum S14, dimensiunile sale fiind de 15x2 m (30 m.p.). Pe perioada cercetării, I.T. Dragomir consemnează în carnetul de șantier, dar și pe planuri o serie de complexe din perioada eneoliticului, și un complex ce datează din perioada evului mediu timpuriu.

Complex 10 (Pietrar sec. X). Spre capătul de E al secțiunii, în dreptul m.11-12, la -0,45-0,60 m, s-a surprins o suprafață masată de pietre, fiind vorba, probabil, despre o instalație de foc din sec. VIII-X. Nu deținem date suplimentare cu privire la acest complex, cu excepția formei în plan a cupratorului, care este ovală (fig. 3,5).

1977. În campania din anul 1977, autorul cercetării, I.T. Dragomir, a decis finalizarea săpăturilor din punctul *Stoborăni*, ultima problemati-

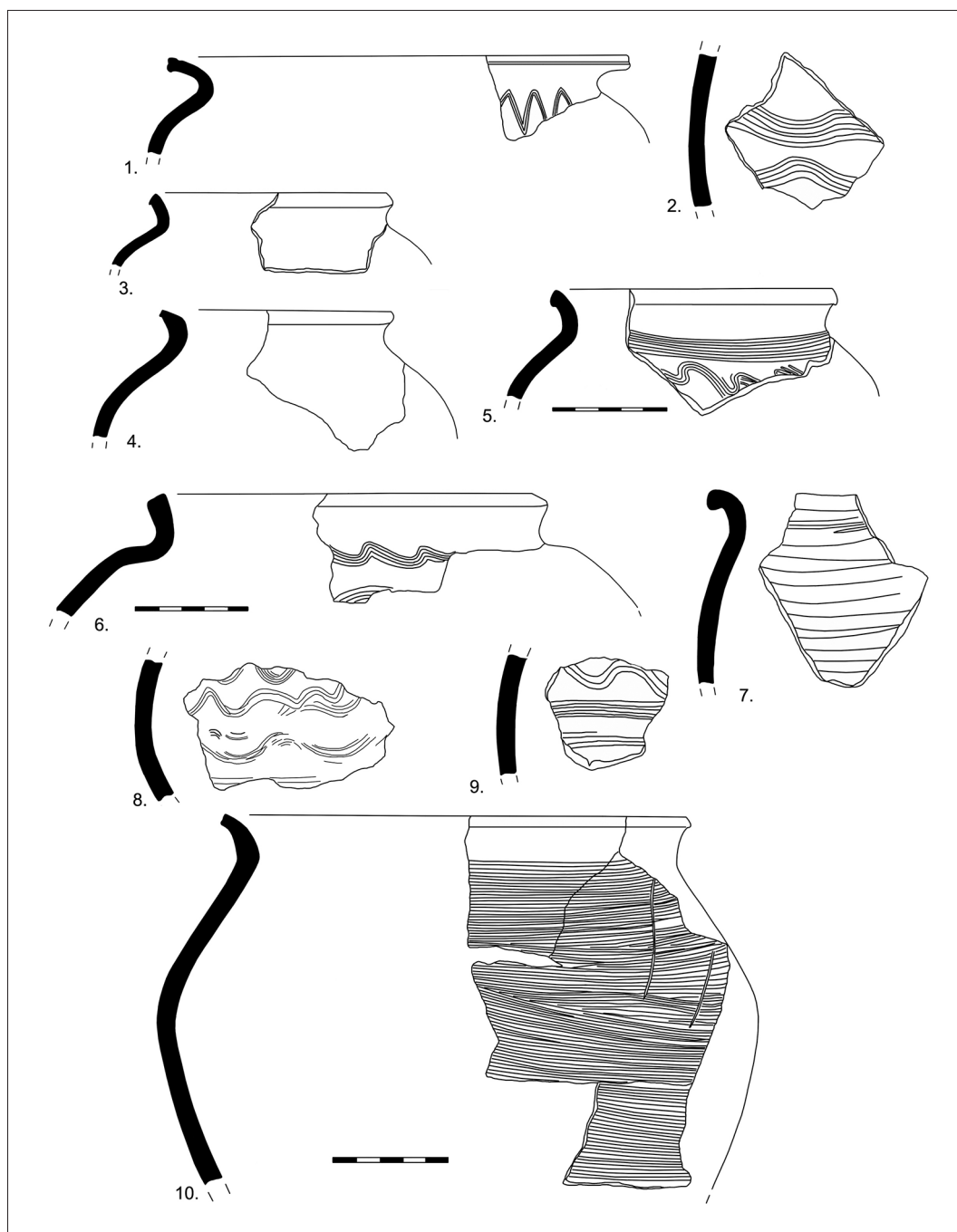

Fig. 8. Așezarea de la Suceveni-Stoborăni. S13/1976. 1-10.

Fig. 8. The settlement from Suceveni-Stoborăni. S13/1976. 1-10.

că atacată fiind urmărirea traseului șanțurilor de apărare periferice ale așezării din sectorul de SV, prin trasarea a două secțiuni – S16 și S17.

Secțiunea S16, orientată N-S, avea dimensiunile de 30x2 m (60 m.p.), fiind amplasată la 2 m V de secțiunea S13/1976. De aici provin mai multe fragmente ceramice specifice perioadei medievale timpurii, materiale ceramice identificate prin vase

borcan decorate cu linii orizontale și vălurite (fig. 9).

Secțiunea S17, orientată E-V, avea dimensiunile de 19,5x2 m (39 m.p.). Trebuie să menționăm faptul că în jumătatea de V a secțiunii, în cadrul unui strat de pământ negru cenușos, la adâncimea de -1,40-1,95 m, au fost descoperite foarte multe pietre de calcar împrăștiate. Cel mai probabil, acestea au aparținut unor „pietrare”, cuptoare din

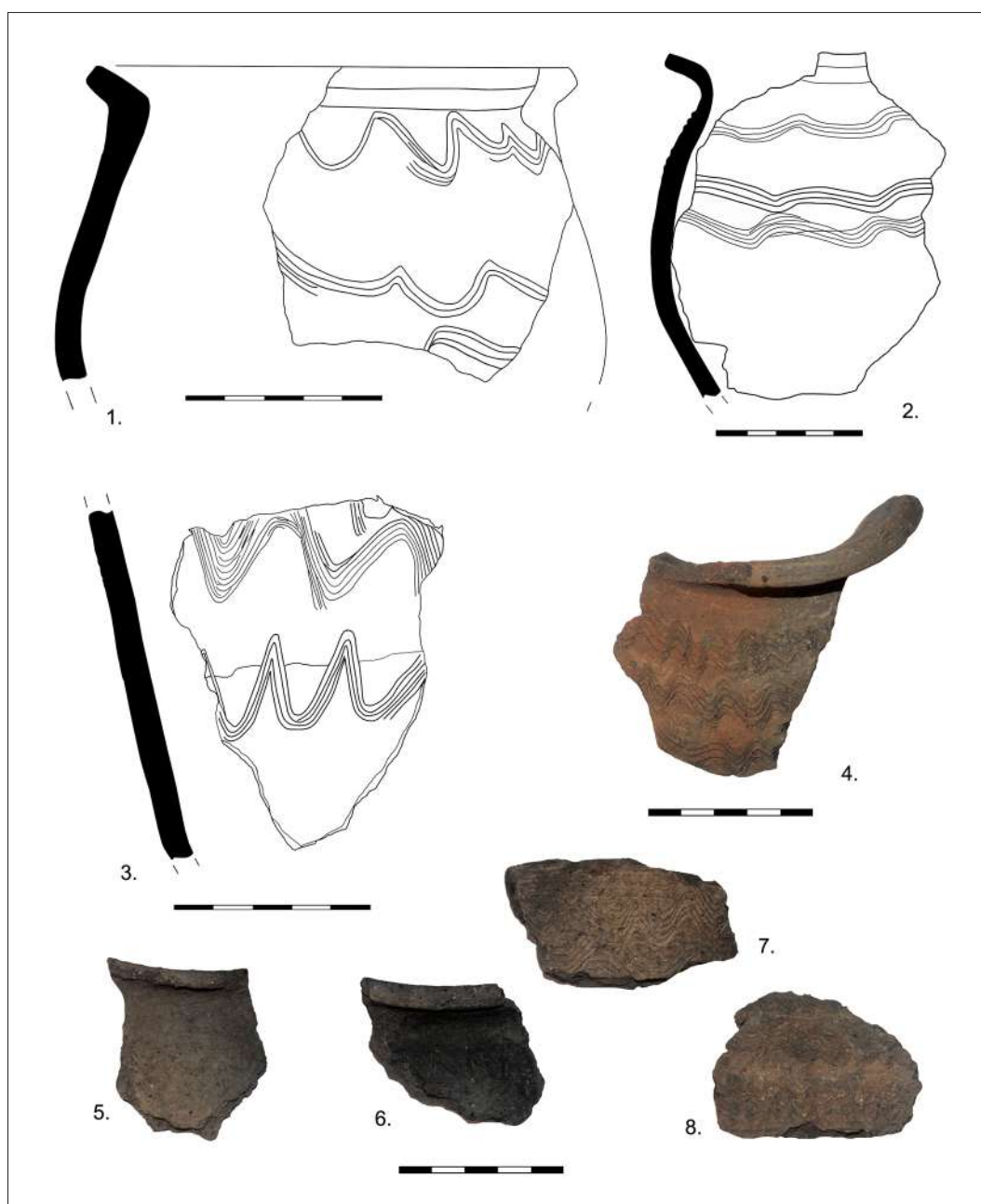

Fig. 9. Așezarea de la Suceveni-Stoborăni. S16/1977, m.16-20. 1-8.

Fig. 9. The settlement from Suceveni-Stoborăni. S13/1976. 1-10.

sec. VIII-X p.Chr, având în vedere că au fost sesizate și fragmente ceramice din aceeași perioadă.

Complex 11 (Pietrar sec. X). O primă instalație de foc a fost surprinsă în profilul de V al secțiunii S17, între m.8-9, la adâncimea de -1,7 m de la suprafața actuală a solului. O serie de pietre masate apărute în această zonă au dus la identificarea unui cuptor specific perioadei menționate. În plan, cuptorul avea formă circulară, cu un diametru de 1-1,20 m. Vatra

cuptorului prezenta o suprafață netedă și „crăpăcioasă”, de aspectul unui mozaic cu partea inferioară de culoare roșie-cărămizie. În dreptul cuptorului s-au descoperit numeroase fragmente ceramice specifice sec. VIII-X. Totuși, în profilul secțiunii, realizat de autorul cercetării, apare și o groapă cu pereții drepecți și colțurile rotunjite, sesizată în imediata apropiere a cuptorului. I.T. Dragomir nu menționează în carnetul de șantier legătura dintre cele două complexe, deși

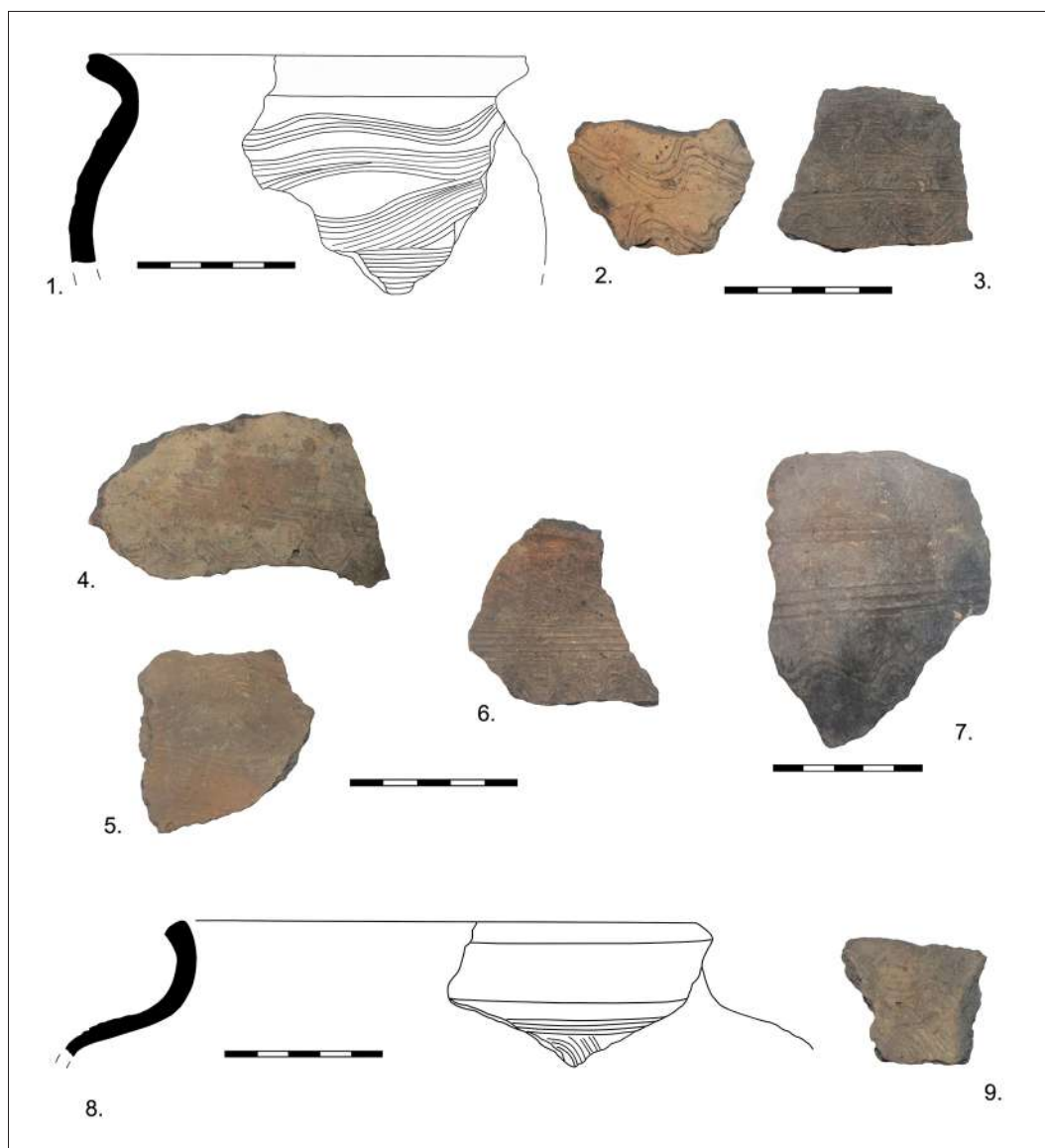

Fig. 10. Așezarea de la Suceveni-Stoborăni. S17/1977, m.1-20. 1-9.

Fig. 10. The settlement from Suceveni-Stoborăni. S17/1977, m.1-20. 1-9.

pe desenul profilului apare indicativul de „Gr. sec. X”⁷. Există posibilitatea ca groapa și cuptorul să facă parte dintr-o locuință, care nu a fost sesizată de către autorul cercetării (fig. 3,6a-b).

Complex 12 (Cuptor sec. X). Cea de-a doua instalație de foc a fost identificată în colțul de NE al secțiunii, la adâncimea de -2 m. Nu deținem date suplimentare despre acest complex (fig. 3,6a).

Am ajuns într-un punct al discuției noastre

7. Informații preluate din carnetul de șantier al domnului Ion T. Dragomir, Suceveni-Stoborăni, 1976-1977.

în care este necesară o discuție despre complexele de locuire descoperite în așezarea de la Suceveni, punctul *Stoborăni*. În anul 2012 apărea un material semnat de colegul Ciupercă Bogdan, studiu dedicat locuințelor din Muntenia în secolele VIII-X [Ciupercă 2012]. De la bun început autorul atrage atenția asupra lipsei informațiilor sau a publicării sumare a unor astfel de complexe de locuire. Publicarea deficitară a datelor cu privire la locuirea din a doua jumătate a mileniului I se regăsește și pentru așezarea de la Suceveni.

Locuințe

Din datele culese și prezentate mai sus s-au

descrie un număr de cinci complexe de locuire cercetate parțial. Planimetric vorbind, am putut deduce că locuințele se prezentau sub formă dreptunghiulară sau rectangulară. În profil nu s-a putut determina forma lor, excepție fac locuințele nr.2 din S1/1970, 5 din S8/1972, 11 din S17/1977 de formă trapezoidală cu pereții oblici. Dintre acestea complexul de locuire cu nr.5 (S8/1972) prezintă un colț rotunjit, iar celălalt drept. Aceste colțuri rotunjite/drepte sugerează modalitatea mixtă de fixare în ceea ce privește structura de rezistență, prin tălpi și stâlpi îngropați [Ciupercă 2012, 209]. O situație similară a fost identificată în Moldova, la Șipot-Suceava în B9 și B13 (date în sec. VI-VII) [Teodor 1969, 259, fig. 2], Vădeni-Vaslui [Teodor 1978, 183, fig. 24,1]. Situații de genul acesta s-au găsit în Muntenia la București-Alba, în B2 [Panait 1963, 108; Ciupercă 2012, 209], București-Măicânești, în B30 [Constantiniu, Panait 1968, 65; Ciupercă 2012, 209]. În zona pruto-nistreană, locuințe adâncite cu un colț sau două rotunjite s-au descoperit la Ivancea, în L1 [Musteață 2005, 328, fig. 8,3], Etulia, în L5, L10 [Musteață 2005, 330, fig. 10,2, 331, fig. 11,5], Hligeni, în L6 [Musteață 2005, 331, fig. 11,2], Durlești-Valea Babei, în L25 [Musteață 2005, 331, fig. 11,4].

Instalații de foc

Principala dotare din interiorul locuințelor, fie că vorbim de locuințe de suprafață sau adâncite, o reprezentau instalațiile de foc, instalații care erau folosite pentru prepararea hranei și pentru încălzit [Ciupercă 2012, 211]. Pe timpul cercetărilor din așezarea de la Suceveni s-a putut identifica un număr de 11 instalații de foc, majoritatea construite din piatră de diferite dimensiuni. Din cele 11 instalații de foc, șapte au fost înregistrate ca fiind cuptoare din piatră (complexele 2,3,4,8,10,11,12) și patru (complexele 1,5,7,9) – cuptoare din piatră cu vetre. În ceea ce privește forma lor, cinci instalații de foc sunt rectangulare (complexele 1, 3, 5, 8 și 10), două instalații de formă circulară (Complexul 7 și Complexul 11), o instalație de foc se prezintă sub formă ovală (Complexul 4). Despre trei instalații – Complexele 2, 9, și 12 – nu putem spune prea multe, neavând date suficiente. În Muntenia astfel de cuptoare, construite din piatră și legate cu lut, au fost descoperite în așezările de la Șirna [Olteanu, Neagu 1983, 385; 1986, 157; Olteanu, Grigore, Olteanu 2007, 52-54], Căscioarele-Șuvița Hotarului [Sâr-

bu et al. 1996, 122], Căscioarele-Valea Coșarului [Sârbu et al. 1996, 125], Căscioarele-Suharna [Sârbu et al. 1996, 124], Dridu [Zaharia 1967, 44, 47, 50, fig. 21, 25, 29, 30], Fetești-Vlașca [Popa et al. 2003, 166, fig. 4,2], Greaca-La Stână [Sârbu et al. 1996, 127], Târgșoru Vechi [Constantinescu 1960, 168, Păunescu 1975, 231; Tzony, Diaconu 1979, 264], Vadu Săpat [Diaconu 1978, 294] sau Bucov-Tioca [Comșa 1978, 18-19, 22, 25-26, fig. 6,2,7-8; 9,2-3; 13,2-3; 25,8].

Revenind la unul din complexe menționate anterior, nr. 11, putem observa în profilul secțiunii S17/1977, între m.9-10, o groapă ce se află la marginea instalației de foc. Având în vedere umplutura gropii, care conținea cenușă, cărbuni și mici fragmente ceramice, putem presupune că aceasta deservea instalația de foc și avea, mai degrabă, o funcție auxiliară, de menaj și protecție a locuinței împotriva izbucnirii unui incendiu. Așadar, cele două complexe pot fi considerate un întreg care făcea parte din amenajarea spațiului unei locuințe ce nu a fost identificată de către autorul cercetării.

Complexele 1, 3, 5, 8 și 10, cu o formă rectangulară în plan, reprezintă, cel mai probabil, cuptoare cu boltă semicirculară construite din piatră de la nivelul podelei și peste o vatră de lut care este ușor adâncită față de podeaua propriu-zisă a locuinței. Astfel de cuptoare au fost evidențiate, în Moldova, la Mănăstirea-Lișcov (Mălușteni) [Coman 1970, 171, fig. 3; 1980, 106, fig. 19,5], Bogdănești-Fălcu [Coman 1980, 106, fig. 19,1-2], Vădeni-Vaslui [Teodor 1967, 133, fig. 2], Gura Idrici-Vaslui [Coman 1980, 105, fig. 18], Șendreni-Galați [Teodor 1978, 162, fig. 3,1-3; 223, fig. 64,2]; în Dobrogea la Mihai Bravu [Mănușu-Adameșteanu 1990, 187, pl. II,1-2], Aegyssus-Tulcea [Vasilie, Mănușu-Adameșteanu 1984, 143] și în Muntenia la Dridu [Zaharia 1967, 44, 47, 50, fig. 21, 25, 29, 30], Radovanu [Comșa 1988-1989, 148, fig. 1] sau Vlădeni-Blagodeasca [Corbu 2013, 271, pl. III].

Vetrele cuptoarelor se găsesc și ele sub diferite forme, de la simple lătuiele până la platforme realizate din pietre sau fragmente ceramice [Ciupercă 2012, 213]. Cele patru vetre descoperite la Suceveni, Complexele 1, 5, 7 și 9, se înscriu în repertoriul instalațiilor de foc din secolele VIII-X construite sub forma unor platforme realizate din pietre lipite între ele cu lut. În ceea ce privește forma lor în plan, vatra complexelor 1 și 5 este rectangulară, iar cele ale complexelor 7 și 9 circulare.

Situații similare au fost găsite în Muntenia la Bucov-Tioca [Comșa 1978, 25, fig. 11,1; 12,3; 15,3b].

Analiza materialului ceramic

Fără a intra în prea multe detalii, am observat, și nu o dată, lipsa contextului arheologic, iar în alte cazuri, materialul arheologic fiind doar sumar menționat. Nu putem recurge la o analiză, cât de cât corectă, a materialului ceramic fără să putem lua în calcul o serie de criterii, cum ar fi: contextul arheologic, analiza pastei, tipologia formelor sau decorul [Voinea, Neagu 2006]. Din câte știm noi, pentru Moldova nu există nici un studiu privind o analiză tipologică a ceramicii medievale timpurii. Neavând alte elemente de datare, ceramica va reprezenta principalul indiciu cronologic pentru descoperirile din așezarea de la Suceveni-Stoborâni.

Inventarul arheologic descoperit în așezarea de la Suceveni este alcătuit din recipiente, toate fragmentare, realizate din lut. Acestea au fost modelate atât la roata înceată cât și la roata rapidă. Vasele au fost realizate dintr-o pastă nisipoasă, arse oxidant și decorate prin serii de linii orizontale incizate și/sau valuri de linii incizate. Din literatura de specialitate reiese că un element definitoriu pentru această perioadă, sec. VIII-X [Ciupercă, Mitrea 2010, 121], îl reprezintă ceramica cenușie lustruită, prezentă și ea destul de rar în așezări, dar, în cazul nostru, în așezarea de la Suceveni lipsește cu desăvârșire. Totuși, în ceea ce privește ceramica de uz comun, se remarcă suprafețele exterioare ale vaselor cu o culoare roșie-portocalie sau brun-roșcată, care pare a fi tipică perioadei medievale timpurii [Postică et al. 1999, 283].

La prima vedere, am putut observa că ceramica descoperită în așezarea de la Suceveni-Stoborâni se poate împărți în două categorii: ceramică modelată la roata înceată și ceramică modelată la roata rapidă. Ceramică modelată la roata înceată este lucrată din pastă amestecată cu nisip având bobul fin. În funcție de degresanții din pastă, suprafața vaselor era netedă sau zgrunțuroasă. Forma caracteristică este reprezentată de *oalaborcan*, fără torți, de diferite dimensiuni, cu corpul piriform, cu gura larg deschisă și cu umerii proeminenți.

În ceea ce privește buza vaselor (sau marginea), am putut diferenția mai multe modalități de realizare: o primă variantă este reprezentată de vase cu *marginea trasă spre exterior cu urme de șanțuire*

(fig. 4,2-4,6; 5,2-4,6,8; 6,2; 7,1,3,6; 8,1,4,10; 10,1). Astfel de vase au mai fost evidențiate în zona de sud a Moldovei, pe ambele maluri ale Prutului, pentru așezările de la Vădeni-Murgeni [Coman 1969a, 303, fig. 15,7], Epureni-Vaslui [Teodor 1978, 214, fig. 55,3], Dodești-Vaslui [Teodor 1984, 102, fig. 53,1; 104, fig. 56,1; 120, fig. 65,1; Coman 1969, 303, fig. 15,6], Cîrja-Murgeni [Coman 1969a, 289, fig. 7,8], Giurgiulești-Râpa Chitei [Postică et al. 1999, 297, fig. 6,3; 298, fig. 7,1-3], Slobozia-Mare I (r. Cahul) [Ceban 2013, 121, abb. 4,2,4-7,9]. O altă așezare importantă pentru perioada medieval timpurie este cea de la Hansca, din zona centrală a Republicii Moldova, unde Gheorghe Postică a analizat sistematic descoperirile ceramice. Autorul elaborează un întreg sistem de analiză a ceramicii, bazat pe totalitatea caracteristicilor morfologice disponibile. Astfel, fragmentele ceramice descoperite în așezarea de la Suceveni își găsesc puternice analogii, din punctul de vedere al formei marginilor vaselor, în variantele 3 (buză răsfrântă cu marginea în formă de nervură) [Postică 1994, 169, fig. 10,14-19] și 4 (buză răsfrântă cu grosime constantă) [Postică 1994, 170, fig. 11,25-32].

Altă variantă identificată în ceramica de la Suceveni este cea cu *marginile trase spre exterior și ușor ascuțite* (fig. 4,1; 5,7; 6,1,9), care își găsesc corespondențe în așezările de la Sărățeni-Școală [Coman 1971, 489, fig. 6,3], Dodești-Vaslui [Teodor 1984, 101, fig. 52,2], Fălcu-Vaslui [Teodor 1978, 213, fig. 54,1]. De asemenea, în așezarea de la Hansca, această formă a marginii vasului a fost evidențiată prin variantele 1 (buză înclinată) și 4 (buză răsfrântă cu grosime constantă) [Postică 1994, 169, fig. 10,3-4,6; 170, fig. 11,21-24]. De asemenea, trebuie să menționăm varianta de *marginile oblice* (fig. 4,5,7; 5,1; 6,7-8; 8,3,5-6; 9,2; 10,8), prezentă în majoritatea așezărilor din sec. VIII-X. O ultimă variantă identificată în așezarea de la Suceveni este cea cu *marginile transbordate și ușor îngroșate* (fig. 5,5; 8,7), care își găsește un posibil corespondent în ceramica de la Hansca, varianta 13.05.00.06 (oale borcane bitronconice scunde) [Postică 1994, 32; 183, fig. 25,16] sau în așezarea de la Șerbești Vechi, jud. Galați [Brudiu, 1999, 126, pl. II,1].

Am observat că unele vase erau decorate mai pronunțat, iar altele superficial. Decorul pornește imediat de sub gâtul vaselor și se desfășoară pe zona umărului, a corpului și uneori și în partea

inferioară a vasului. Ornamentarea a fost realizată exclusiv prin incizie, iar tipul de decor este alcătuit din serii de linii incizate dispuse orizontal sau registre de linii dispuse în val.

Concluzii

Rezultatele cercetărilor realizate în situl arheologic de la Suceveni-*Stoborăni*, deși nu sunt spectaculoase, ne prezintă o imagine un pic mai clară privind așezarea și locuințele specifice secolelor VIII-X din zona de sud-est a Moldovei.

Trebuie, mai întâi, să menționăm faptul că, deși I.T. Dragomir a reușit să creeze o imagine clară a planimetriei așezării fortificate eneolitice, totuși, în ceea ce privește celelalte epoci istorice, detaliile sunt mult mai sumare. Așezarea medievală timpurie de la Suceveni-*Stoborăni* nu poate fi descrisă într-un mod clar din punct de vedere spațial, însă se poate observa că în stadiul actual al cercetărilor aceasta pare a fi de tip deschis. De altfel, nu au fost identificate urme ale unor fortificații în afara celor eneolitice deja existente.

Disponerea locuințelor identificate pe versantul de vest al dealului *Stoborăni* pare a fi realizată, mai degrabă, în funcție de configurația terenului, iar, în ceea ce privește structura lor, cele mai multe

sunt de tipul semiadâncit. Forma dominantă este cea de tip rectangular, cu colțuri mai mult sau mai puțin rotunjite. Deși, în general, nu au fost identificate clar gropile elementelor de susținere a pereților și a acoperișului, totuși, trebuie menționat complexul de locuire nr.5 (S8/1972) care prezintă un sistem mixt de realizare a structurii de rezistență, prin stâlpi îngropați și tălpi de lemn. Podeaua locuințelor este, întotdeauna, finisată prin bățatorire, urme de lipitură fiind descoperite, mai degrabă, în legătură cu instalațiile de foc.

Cercetările din așezarea de ev mediu timpuriu de la Suceveni-*Stoborăni* au dus la identificarea unui număr de 11 instalații de foc, însă pentru puține dintre acestea a fost descoperită și locuința pe care o deserveau. De regulă, au fost observate cuptoare din piatră cu boltă semicirculară, care sunt folosite atât pentru prepararea hranei cât și pentru încălzirea locuinței. Trebuie menționat complexul nr.11, unde putem observa în profilul secțiunii S17/1977 o groapă lângă instalația de foc.

Materialul ceramic descoperit de I.T. Dragomir în așezarea de la Suceveni-*Stoborăni*, deși în totalitate în stare fragmentară, se înscrie în tipologia specifică vaselor din perioada timpurie a evului mediu.

Bibliografie

- Adamescu 2011:** A. Adamescu, Descoperiri din prima epocă a fierului în așezarea de la Suceveni-*Stoborăni*, jud. Galați. Peuce 9, 2011, 377-436.
- Ailincăi et al. 2014:** S.C. Ailincăi, M. Constantinescu, A. Adamescu, Observații referitoare la înmormântările hallstattiene timpurii din așezarea de la Suceveni-*Stoborăni*, jud. Galați. Peuce 12, 2014, 269-288.
- Brudiu 1999:** M. Brudiu, Cercetări privind secolele VIII-XI în zona de sud a interfluviului Prut-Siret. Mousaios V, 1999, 119-132.
- Ciupercă, Mitrea 2010:** B. Ciupercă, P. Mitrea, Sud-Vestul Munteniei în secolele VIII-X. BMJT S.A. 2, 2010, 115-162.
- Ciupercă 2012:** B. Ciupercă, Locuințele așezărilor din Muntenia în secolele VIII-X. BMJT S.A. 4, 2012, 197-226.
- Coman 1969a:** Gh. Coman, Cercetări arheologice cu privire la secolele V-XI în sudul Moldovei (stepa colinară Horincea-Elan-Prut). AM VI, 1969, 277-315.
- Coman 1969b:** Gh. Coman, Cercetări arheologice în sudul Moldovei cu privire la secolele V-XI. SCIV 20, 2, 1969, 287-314.
- Coman 1970:** Gh. Coman, Instalații de foc în așezările Culturii Dridu în sudul Moldovei, Danubius, 4, 161-184.
- Coman 1971:** Gh. Coman, Evoluția culturii materiale din Moldova de Sud în lumina cercetărilor arheologice cu privire la secolele V-XIII, MA III, 1971, 479-497.
- Coman 1980:** Gh. Coman, Contribuții la cunoașterea satului din teritoriul est-carpatic în perioada secolelor V-XI. Acta Moldaviae Meridionalis II, 1980, 81-119.
- Comșa 1988-1989:** M. Comșa, Tipuri de locuințe din secolele IX-X de la Radovanu „Valea lui Petcu”. CCDJ V-VII, 1988-1989, 143-152.
- Comșa 1978:** M. Comșa, Cultura materială veche românească. Așezările din secolele VIII-X de la Bucov-Ploiești (București 1978).
- Constantinescu 1960:** N. Constantinescu, Noi observații în legătură cu stratul prefeudal de la Târgșor. SCIV 11, 1,

1960, 167-176.

Constantiniu, Panait 1968: M. Constantiniu, I.P. Panait, Șantierul Băneasa-Străulești. Cercetările din sectorul Măicânești (1964-1966) (București 1968) 6, 43-82.

Corbu 2013: E. Corbu, Vlădeni-Popina Blagodească. Volumul I (Brăila 2013).

Diaconu 1978: Gh. Diaconu, Sondajul arheologic de la Vadu Săpat (secolul VIII). SCIVA 29, 2, 1978, 291-302.

Dragomir 1967: I.T. Dragomir, Descoperiri arheologice pe actualul teritoriu al Galațiului din cele mai vechi timpuri și până la întemeierea orasului, Danubius 1, 1967, 179-212.

Dragomir 1970: I.T. Dragomir, 1970. Aspectul cultural Stoicani-Aldeni în lumina săpăturilor de la Lișcoteanca, Băneasa și Suceveni. MA 2, 1970, 25-38.

Dragomir 1971: I.T. Dragomir, Așezarea neolitică fortificată din aria aspectului cultural Stoicani-Aldeni de la Suceveni. MA 3, 1971, 143-155.

Dragomir 1983a: I.T. Dragomir, Eneoliticul în sud-estul României: aspectul cultural Stoicani-Aldeni (București 1983).

Dragomir 1983b: I.T. Dragomir, Mărturii hallstattiene traco-geto-dacice în regiunea de sud a Moldovei. Istros 2-3, 1983, 81-111.

Dragomir 2011: I.T. Dragomir, Mormântul colectiv de la Suceveni, județul Galați. Danubius 16, 1996, 365-372.

Ilie et al. 2011: C. Ilie, M. Nicu, A. Adamescu, P. Ciobotaru, D. Alecsa, The preventive research from Negrilești – School Yard Site, 2011 Campaign. Danubius XXIX, 2011, 7-19.

Ilie, Ciobotaru 2014: C. Ilie, P. Ciobotaru, Raport de cercetare arheologică Cavadinești-Râpa Glodului, com. Cavadinești, jud. Galați, Cronica Cercetărilor Arheologice din România – campania 2013. CiMeC, 2014.

Ilie, Ciobotaru, Nicu 2015: C. Ilie, P. Ciobotaru, M. Nicu, Descoperiri arheologice recente în situl Negrilești, jud. Galați, Danubius XXXIII, 2015, 119-154.

Ilie 2015: C. Ilie, Cercetări arheologice recente în situl „Râpa Glodului”, comuna Cavadinești, jud. Galați. Danubius XXXIII, 2015, 201-219.

Mitrea 2012: I. Mitrea, Din arheologia și istoria Moldovei în primul mileniu creștin (Bacău 2012).

Mustață 2005: S. Mustață, Populația spațiului pruto-nistean în secolele VIII-IX (Chișinău 2005).

Mănucu-Adameșteanu 1990: Gh. Mănucu-Adameșteanu, Raport preliminar asupra săpăturilor arheologice de salvare de la Mihai Bravu, jud. Tulcea – așezarea nr. 2. Pontica XXIII, 1990, 183-219.

Nanu-Basarab 1990: D. Nanu-Basarab, Forme și ornamente pe ceramica descoperită în așezarea tracică de la Suceveni-Stoborâni, jud. Galați. SympThrac 8, 1990, 135-136.

Nestor 1958: I. Nestor, Nestor, I., Contribution archéologiques au problème des proto-roumains. La civilisation de Dridu. Note preliminare. Dacia, N.S., 2, 1958, 371-382.

Nestor 1959: I. Nestor, Slavii pe teritoriul R.P.R. în lumina documentelor arheologice. SCIV 10, 1, 1959, 49-80.

Nestor 1962: I. Nestor, Arheologia perioadei de trecere la feudalism pe teritoriul R.P.R. Studii. Revista de istorie 15, 6 (București 1962), 1425-1438.

Nicu, Ilie 2008: M. Nicu, C. Ilie, Raport cercetare arheologică preventivă Negrilești Curtea Școlii. Cronica Cercetărilor Arheologice din România. Campania 2007. CiMeC, 2008.

Nicu et al. 2009: Nicu, M., C., Ilie, A. Adamescu, P. Ciobotaru, Raport cercetare arheologică preventivă Negrilești Curtea Școlii, Cronica Cercetărilor Arheologice din România, Campania 2008. CiMeC, 2009.

Panait 1965: I.P., Panait, Săpăturile de la Bucureștii Noi din 1960, Sector Alba. Cercetări Arheologice în București 1, 1965, 104-138.

Păunescu 1975: A. Păunescu, 1975. Șantierul arheologic Târgșoru Vechi. Raport de săpătură. Cercetări Arheologice 1, 1975, 231-233.

Petrescu-Dîmbovița, Dinu 1974: M. Petrescu-Dîmbovița, M. Dinu, Noi cercetări arheologice la Stoicani (Județul Galați). SCIVA 25, 1, 1974, 71-98.

Popa et al. 2003: R. Popa, Gh. Matei, V.Șt. Nițulescu, E. Rența, Așezarea medieval timpurie de la Fetești-Vlașca, jud. Ialomița. In: (coord. D. Marcu-Istrate, A. Istrate, C. Gaiu) In memoriam Radu Popa. Temeiuri ale civilizației românești în context European. Biblioteca Muzeului Bistrița. Seria Historica 7 (Cluj Napoca 2003), 163-175.

Postică, Hîncu, Tentiuc 1999: Gh. Postică, I. Hîncu, I. Tentiuc, Așezarea din secolele IX-XI de la Giurgiuilești și unele considerații privind siturile medievale timpurii din zona lacurilor dunărene. In: Studia in honorem Ion Nițuliță (Chișinău 1999), 280-298.

Postică 1994: Gh. Postică, Românii din Codrii Moldovei în evul Mediu Timpuriu (Studiu arheologic pe baza ceramicii din așezarea de la Hansca) (Chișinău 1994).

Oancea, Swizewski 1979: D. Oancea, C. Swizewski, Județul Galați (București 1979).

Olteanu, Neagu 1986: Șt. Olteanu, N. Neagu, Rezultatele cercetărilor arheologice de la Șirna-Prahova. MCA 15,

1983, 384-387.

Olteanu, Neagu 1986: Șt. Olteanu, N. Neagu, Așezările din secolele III-XI de la Șirna, jud. Prahova. MCA 16, 1986, 155-157.

Olteanu, Grigore, Nicolae 2007: Șt. Olteanu, N. Grigore, V. Nicolae, Comunitatea sătească de la Șirna, jud. Prahova (secolele II-X d.Hr.) în lumina izvoarelor arheologice (București 2007).

Sîrbu et al. 1996: V. Sîrbu, P. Damian, O. Damian, E. Alexandrescu, S. Pandrea, E. Safta, Al. Niculescu, Așezări din zona Căscioarele-Greaca Prundu, mileniul I î.Hr.- mileniul I d.Hr. (Observații asupra unor habitate de pe malurile lacului Greaca) (Brăila 1996).

Teodor 1967: D.Gh. Teodor, Descoperirile arheologice de la Șendreni-Galați. Danubius 1, 1967, 128-136.

Teodor 1969: D.Gh. Teodor, Unele probleme privind evoluția culturii materiale din Moldova în secolele VI-X. Carpica 2, 1969, 253-308.

Teodor 1978: D.Gh. Teodor, Teritoriul est-carpatic în veacurile V-XI e.n. (Iași 1978).

Teodor 1997: D.Gh. Teodor, Descoperiri arheologice și numismatice la est de Carpați în secolele V-XI (Iasi 1997).

Tzony, Diaconu 1979: M. Tzony, Gh. Diaconu, Raport asupra cercetărilor arheologice de la Târgșoru Vechi, jud. Prahova. MCA 13, 1979, 263-264.

Vasiliu, Mănucu-Adameșteanu 1984: I. Vasiliu, Gh. Mănucu-Adameșteanu, Considerații finale asupra locuirii feudal-timpurie (sec. X-XI) de la Aegyssus-Tulcea (campaniile 1959-1980). Peuce IX, 1984, 143-155; 541-563.

Voinea, Neagu 2006: V. Voinea, G. Neagu, Ceramica Hamangia III. Pontica 39, 2006, 9-34.

Zaharia 1967: E. Zaharia, Săpăturile de la Dridu. Contribuție la arheologia și istoria poporului român (București 1967).

Zaharia, Petrescu-Dîmbovița, Zaharia 1970: N. Zaharia, M. Petrescu-Dîmbovița, E. Zaharia, Așezări din Moldova de la paleolitic până în secolul al XIII-lea (Iași 1970).

Adrian Adamescu, muzeograf-arheolog, Muzeul de Istorie „Paul Păltânea” Galați, str. Al.I. Cuza, nr.80, Galați, România, e-mail: nutuadamescu@yahoo.com

Tudor Mandache, muzeograf-arheolog, Muzeul de Istorie „Paul Păltânea” Galați, str. Al.I. Cuza, nr.80, Galați, România, e-mail: tudor.mandache@gmail.com

Serghei Curceatov

Indicii ale pătrunderii timpurii a islamului în zona nord-vest pontică (considerații pe marginea problemei)

Keywords: Prut-Dniester region, North-Western Black Sea region, XIth-XIIth centuries, religion, shamanism, Islam.

Cuvinte cheie: interfluviul pruto-nistean, nord-vestul Mării Negre, sec. XI-XII p.Chr, religie, șamanism, islam.

Ключевые слова: Днестровско-Прутское междуречье, Северо-Западное Причерноморье, XI-XII вв., религия, шаманизм, ислам.

Sergei Curceatov

Signs of early penetration of Islam in the North-West Black Sea (to the problem)

In the study of the natural hilly taken as burial mounds, our attention was attracted little of Late burial, burial, which turned out to have been committed at rates consistent with the basic provisions of orthodox Islam (orientation buried facing Mecca (Kaaba), the body turn to the right, the lack of accompanying materials). Despite the evidence of written sources, pointing to the early penetration of Islam in the nomadic environment, IXth-XIIth centuries, like the burial were not detected previously by researchers as a Muslim. The result then, appeared information gap there between and archaeological research materials. Presumably, further detailed skeletal fixation position in without inventory graves later nomads in a variety of scattered in the Northern Black Sea steppes, will select among them the burial committed by the Muslim rite.

Serghei Curceatov

Indicii ale pătrunderii timpurii a islamului în zona nord-vest pontică (considerații pe marginea problemei)

În procesul de cercetare a unei movile de proveniență naturală, considerată inițial drept tumul, atenția ne-a fost atrasă de o mică necropolă a nomazilor târzii. Mormintele corespundeau normelor de bază ale islamului ortodox: orientarea decedaților cu fața spre Mekka (Kaaba), întorși spre deapta, lipsa inventarului funerar. Cu toate că izvoarele scrise mărturisesc despre răspândirea timpurie a islamului în mediul nomazilor – în sec. IX-XII, asemenea morminte nu erau considerate drept musulmane anterior. Drept rezultat, a apărut o neconcordanță/ruptură informațională între izvoare și materialele cercetărilor arheologice. Considerăm că pentru viitor fixarea detaliată a poziției scheletului în mormintele lipsite de inventar, larg răspândite în stepele nord-vest pontice, va permite evidențierea complexelor musulmane printre celelalte.

Сергей Курчатков

Признаки раннего проникновения ислама в Северо-Западное Причерноморье (к постановке проблемы)

При исследовании естественного всхолмления принятого за курганный насыпь, наше внимание привлек небольшой позднекочевнический могильник, погребения которого оказались совершены по нормам, соответствовавшим основным положениям ортодоксального ислама (ориентировка погребенных лицом в сторону Мекки (Каабы), разворот тела вправо, отсутствие сопроводительных материалов). Несмотря на свидетельства письменных источников, указывающих на раннее проникновение ислама в кочевническую среду, в IX-XII вв., подобные захоронения не определялись ранее исследователями как мусульманские. Результатом чего явился информационный разрыв между ними и материалами археологических исследований. Надо полагать, в дальнейшем детальная фиксация положения скелета в безинвентарных захоронениях поздних кочевников, во множестве разбросанных в северопричерноморских степях, позволит выделить среди них захоронения, совершенные по мусульманскому обряду.

Tradițional, drept bază a culturii spirituale a nomazilor târzii din nordul Mării Negre în perioada de până la dominația Hoardei de Aur era considerat păgânismul în tradiția sa șamanistă. Între timp, contactele strânse cu purtătorii religiilor mondiale – islamul la răsărit și creștinismul la sud și vest, – nu puteau să nu se reflecte asupra concepțiilor religioase ale nomazilor. Analiza unui

grup aparte de înmormântări nomade târzii cu un complex de particularități specifice evidențiate, necaracteristice pentru nomazii est-europeni, permite să punem problema privind posibilitatea pătrunderii în stepele nord-pontice a unor noi concepții religioase.

În timpul cercetării grupului de tumuli în partea de nord a interfluviului Prut-Nistru, la vest

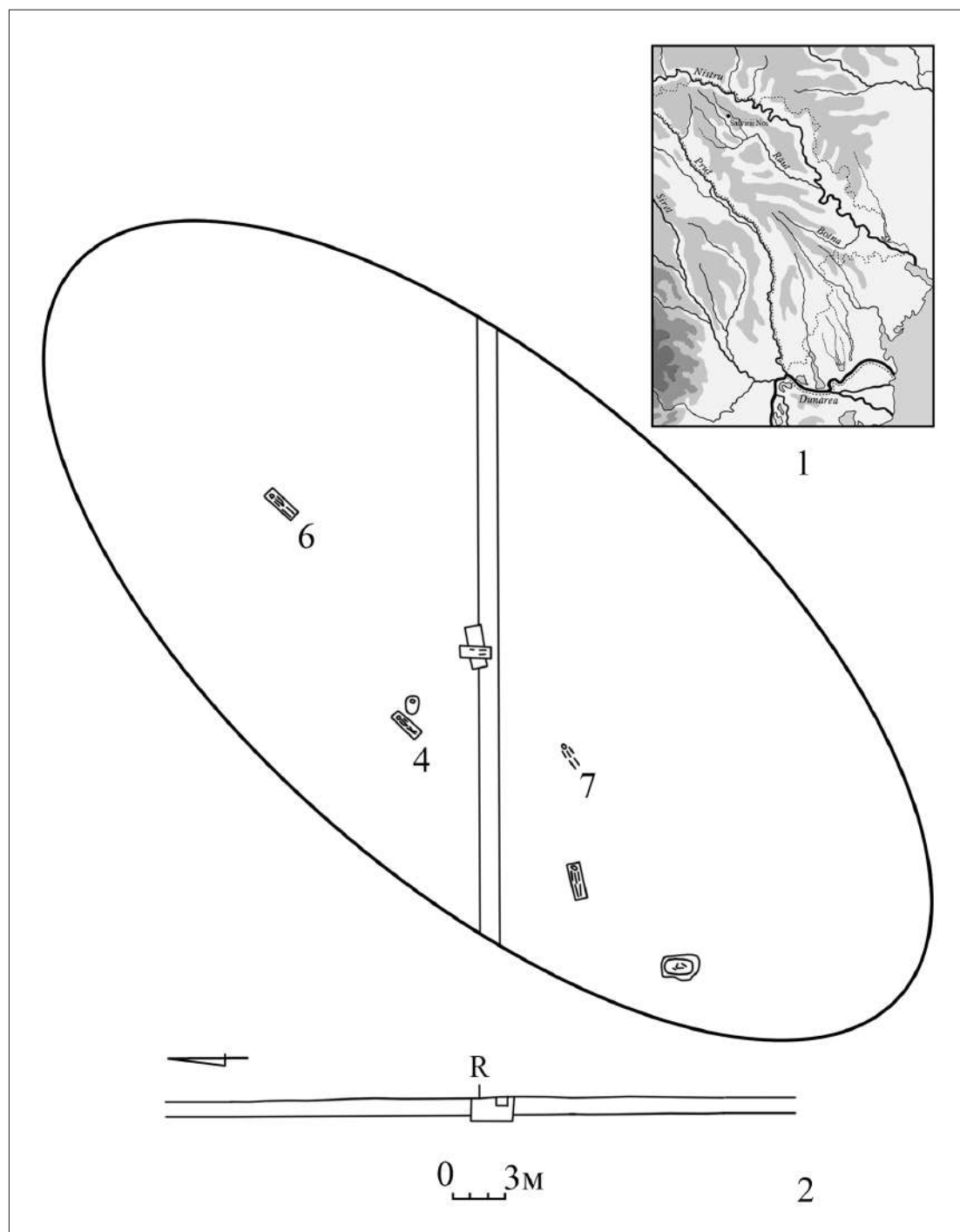

Fig. 1. Amplasarea sitului în interfluviul pruto-nistrean – 1; Planul general al necropolei – 2.

Fig. 1. The location of the monument in the Dniester-Prut interfluve – 1; general view of the burial ground – 2.

de s. Șalvirii Noi, în regiunea înălțimii dominante asupra spațiului din jur, punctul geodezic 246,6 m, a fost săpată o movilă naturală, considerată drept manta de tumul (tumulul 7) (fig. 1,1). Către în-

ceputul săpăturilor înălțimea ei constituia 0,2 m. Mamelonarea consta dintr-un strat nu prea consistent de cernoziom, amestecat cu nisip cu bobul mărunț, care suprapunea un strat de nisip curat,

cu trecere spre stânca de calcar în proces de distrugere. În total în ea au fost dezvelite opt morminte sarmatice și nomade târzii. Dintre acestea din urmă, pentru noi prezintă interes mica necropolă nomadă târzie (mormintele 4, 6, 7), amplasată în linie pe panta de sud-vest a movilei (fig. 1,2). Necropola, probabil, s-a constituit într-o perioadă scurtă de timp și a aparținut unui grup de populație, ce avea concepții religioase comune, reflectate în ritul funerar. În cazul nostru ea apare ca un fundal cultural unic, pe care particularitățile observate nu neagă, ci scot suplimentar în evidență partea ei componentă religioasă.

Mormântul 4 – a fost descoperit în sectorul de sud-vest al mamelonării, la adâncimea de 0,6 m, fiind efectuat într-o cameră funerară de formă rectangulară, orientată pe direcția nord-vest – sud-est. Pereții sunt verticali, fundul albiat. Lungimea gropii este de 1,85 m, lățimea de 0,5 m, adâncimea fixată – 0,1 m.

Scheletul unui adult era în poziție întins pe spate cu o mică întoarcere spre dreapta, cu capul spre nord-vest și partea facială spre dreapta. Mâna dreaptă, ușor îndoită din cot, avea palma pe bazin; cea stângă era întinsă pe lângă corp. Falangele lipseau. Piciorul drept era întins, cel stâng – îndoit și așezat la nivelul genunchilor pe cel drept. Oasele tălpilor s-au păstrat parțial (fig. 2,1). Inventarul era lipsă.

Mormântul 6 – se găsea în sectorul de sud-vest al movilei, la adâncimea de 1,1 m. În mormântarea a fost efectuată într-o groapă de formă rectangulară, săpată în roca cretoasă, orientată pe direcția nord-vest – sud-est. Groapa avea pereții verticali, fundul albiat. Lungimea camerei funerare era de 2 m, lățimea 0,7 m, adâncimea fixată 0,2 m.

Scheletul unui adult se afla în poziție întins pe spate cu o mică întoarcere spre dreapta, cu capul spre nord-vest și partea facială în sus. Mâna dreaptă era întinsă pe lângă corp, cu palma deschisă; cea stângă – ușor îndoită din cot și așezată cu palma deschisă pe bazin. Picioarele erau drepte, întoarse cu genunchii și labele spre dreapta (fig. 2,2). Sub cap a fost semnalat un strat de nisip rudimentar de culoare roșcată-închisă.

Sub palma mâinii stângi se afla un amnar în formă de colăcel cu limba alungită, slab evidențiată. Capetele sunt executate în formă de volute întoarse spre exterior. Amnarul este forjat dintr-o tijă de fier, rectangulară în secțiune. Lungime am-

narului constituie 6 cm, înălțimea 4 cm. Dimensiunile plăcii 1,2-0,6x0,5 cm (fig. 2,3). În interiorul amnarului s-a păstrat montura de formă triughulară neregulată, cu scobitură pe muchia de jos, confecționată din silex de culoare cenușiu-închisă. Înălțimea monturii – 2,1 cm, lățimea 2,3-1,4 cm, grosimea 0,8 cm (fig. 2,4).

Mormântul 7 – a fost descoperit în sectorul de sud-vest al tumulului, la adâncimea de 0,8 m, în baza oaselor tibiale. Conturul camerei funerare nu se citea în stratul de cernoziom. Scheletul unui adult era în poziție întins pe spate, cu capul spre nord-vest și partea facială orientată în sus. Mâinile se aflau întinse pe lângă corp. Palma dreaptă era deschisă, cea stângă lipsea. Picioarele erau întinse drept, alăturate în genunchi. Labele s-au păstrat parțial (fig. 2,5). Inventarul lipsea.

Amnarul din mormântul 6 ne permite să determinăm cu o mai mare exactitate perioada de constituire a necropolei. Analizând piesele de acest fel în sistemul cronologiei vestigiilor Marelui Novgorod, B.A. Kolchin le-a atribuit numerosului grup de amnare de tip 1, ce au fost în uz în mediul orășenesc preponderent din sec. X până la mijlocul sec. XII (Kolchin 1982, 161, ris. 4). În continuare, analiza minuțioasă a celor mai constante particularități au permis să fie evidențiate amnarele similare exemplarului nostru într-un grup puțin numeros de amnare în formă de colăcel, lamiforme de varianta a doua, cu limba alungită. Cel mai des ele se întâlnesc în complexe din sec. XI-XII. Către sec. XIV astfel de amnare practic dispar din utilizare (Evglevskii, Potemkina 2000, 183, 185, 192).

Generalizând detaliile separate ale ritului funerar, caracteristic preponderent pentru vestigiile nomade târzii anterioare apariției în nordul Mării Negre a vestigiilor Hoardei de Aur, precum și diapazonul cronologic de utilizare a tipului analizat de amnare, putem determina, ca mai mult verosimilă, perioada de constituire a necropolei de la Șalvirii Noi în limitele sec. XI – posibil, începutul sec. XIII.

Dacă determinarea etnoculturală a grupurilor de morminte nomade târzii, anterioare sau sincrone perioadei de timp nominalizate în istoria nordului Mării Negre la general și a interfluiului Prut-Nistru în particular, cu o probabilitate mai mare sau mai mică este clară, atunci poziția grupului analizat de vestigii este mai puțin clară. Sărăcia ei absolută pe fundalul majorității complexelor

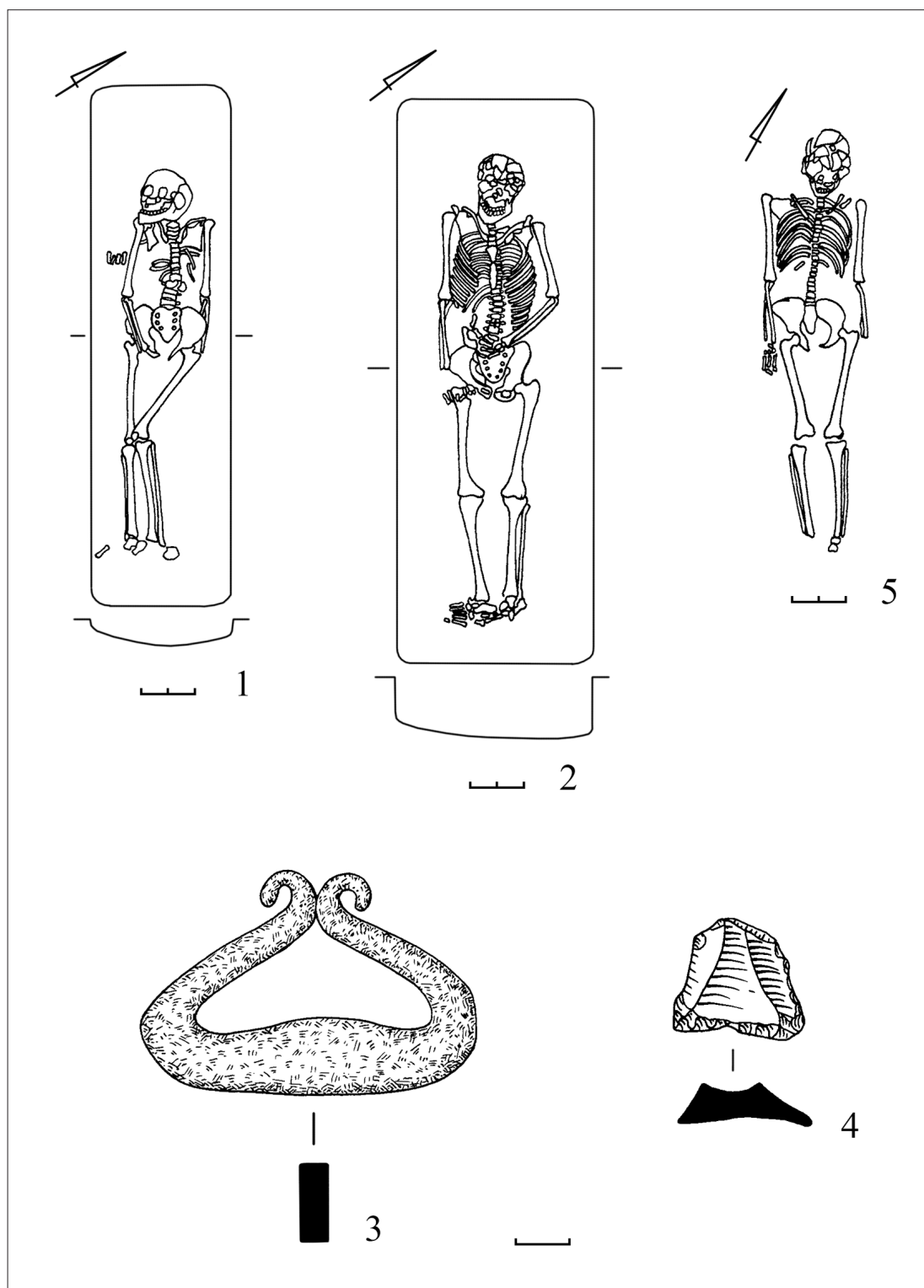

Fig. 2. Mormântul 4 – 1; Mormântul 6 – 2; Mormântul 7 – 5; Amnarul din mormântul 6 – 3,4.

Fig. 2. Burial 4 – 1; burial 6 – 2; burial 7 – 5; he was baptized from burial 6 – 3, 4.

nomade târzii, s-ar părea, nu are o explicație convingătoare. Un număr destul de mare de vestigii de acest fel, împrăștiate larg pe întinsurile stepelor nord-pontice, nu ne permite să vedem în ele noi migratori sau anumiți paria ai comunității nomade. Popoarele, ce au locuit stepele nord-pontice, au rămas aceleași, s-au schimbat doar prioritățile lor religioase.

Pentru argumentarea specificului cultural-ideologic al necropolei în discuție, vom apela la unele detalii ale ritului funerar al populației ce a lăsat-o. Un șir de particularități specifice (întoarcerea parțială a corpului defunctului pe o parte, orientarea cu fața spre sud-est și lipsa completă a inventarului funerar), ne îndreaptă spre problema neelucidată anterior în literatura științifică despre pătrunderea islamului în mediul nomad din interfluviul Prut-Nistru.

Analizând lucrările juriștilor medievali musulmani, E.A. Khalikova a scos în evidență normele de bază ce corespundeau ritului funerar islamic, care permit să le punem în legătură cu materialele grupului de înmormântări analizate. Orientarea celor înmormântați în sectorul de vest al orizontului, cu devierile sezoniere, nu se înscrie în canoanele strict regulamentate. În stepele est-europene ea era pe larg utilizată în practica funerară a nomazilor târzii. Pe de altă parte, orientarea similară a defuncților domina absolut în cimitirele musulmane din regiunea Volgăi și în înmormântările tumulare din regiune (Khalikova 1986, 97; Izmailov 2001, 65; Vasil'ev 2007, 45, 92-93; 2008, 54).

O importanță deosebită în ritualul canonic era acordată poziției celor înmormântați cu fața sau tălpile picioarelor în direcția spre Ierusalim (în perioadele timpurii), iar mai târziu spre Meka (Kaaba) (Khalikova 1986, 45-46, 97; Izmailov 2001, 62; Vasil'ev 2007, 38, 43; 2008, 95, 104). S-ar părea, că în zona nord-vest pontică orientarea defuncților ce practicau islamul ar fi trebuit să corespundă sectorului de sud-vest, cu fața spre sud-est.

Este greu de spus, pe cât de vaste erau cunoștințele geografice ale nomazilor din regiunile de la nord de Marea Neagră. Nu se știe, dacă utilizau oarecare instrumente/aparate de măsurat. Cel mai probabil, toate cunoștințele lor despre amplasarea locurilor sacre pentru musulmani depindeau de particularitățile regionale ale teritoriilor, din care era realizată activitatea misionară. Dacă este să presupunem, că misionarii veneau dinspre

Volga, ceea ce corespundea orientării spre vest-nord-vest, atunci și în locurile noi decedații erau înmormântați în sectorul obișnuit al orizontului. Deosebit de variată un timp îndelungat în ritualul funerar s-a dovedit a fi poziția brațelor și a picioarelor morților, care s-a stabilizat numai în etapa târzie de funcționare a necropolelor.

Un indiciu sigur al înmormântărilor musulmane ortodoxe este considerată lipsa în mormânt a oricărui inventar, cu excepția giulgiului (Khalikova 1986, 49; Izmailov 2001, 61-62; Vasil'ev 2007, 35). În același timp, prezența amnarului în mormântul 6 nu poate contrazice normele islamului (Izmailov 2001, 64-65). Trebuie de avut în vedere, că în etapa timpurie de răspândire a islamului în noile teritorii era nevoie de o perioadă de statornicire a noilor tradiții, care permitea o oarecare abatere de la canoanele prescrise (Khalikova 1986, 49; Izmailov 2001, 63).

Există un șir de izvoare scrise despre pătrunderea timpurie a islamului în stepele est-europene. Primele informații, în mare parte legendare, referitoare la răspândirea noii religii în Bulgaria Dunăreană, sunt legate de activitatea misionară a musulmanilor hazari în zona de la nord de Marea Neagră în secolul IX. La sfârșitul acestui secol, se presupune, anumite grupuri de musulmani pătrund în regiunea Câmpiei Carpatice împreună cu populațiile ungare (Khalikova 1986, 141). Următoarea migrație importantă din punct de vedere cronologic o constituie cea a unei mari hoarde de „ismaeliți” din a doua jumătate a secolului X, spre Dunăre și Pusta Ungară, unde urmele existenței unei comunități musulmane au fost înregistrate până la mijlocul sec. XIV (Khalikova 1986, 147).

Din sec. XI în stepele ruse de sud încep să migreze numeroasele triburi ale căpciacilor, multe dintre care deja erau cunoscute cu islamul. Generalizând informațiile geografilor medievali care au scris în limbile arabă și persană, B.N. Zakhoder citează o legendă preluată de la geograful arab al-Bakri despre trecerea la islam a pecenegilor la începutul sec. XI (Zakhoder 1962, 31). O prețioasă mărturie istorică referitoare la răspândirea islamului în Europa de Sud-Est reprezintă și mărturia călătorului și misionarului de la mijlocul sec. XII Abu Khamid al-Kharnati. El rămâne unicul călător arab, ce a efectuat personal o călătorie pe Volga, în Rusia și Ungaria în anii 1150-1153. Menționând abaterile localnicilor de la canoane-

le islamice, al-Kharnati amintește cum i-a învățat pe pecenegii-musulmani să practice rugăciune de vineri, iar în Ungaria i-a îndrumat pe pecenegii de acolo, care se închinau lui Allakh în taină sau deschis (Puteshestvie... 1971, 37, 38-39).

Astfel, judecând după izvoarele arheologice și cele scrise, putem presupune că în sec. XI-XII nomazii de la nord de Marea Neagră deja erau familiarizați cu bazele islamului de tradiție sufică (Fletcher 2004, 244; Vasilev 2007, 51; 2011, 16). Institutul de derviși ai acestui curent era aproape și pe înțelesul nomazilor-șamaniști. Extazul mistic, în care cădeau dervișii în timpul predicii, era asemănător, pentru aborigeni, cu extazul șamanilor la oficierea ritualurilor specifice lor.

Pe cât de larg a pătruns noua religie în mediul nomazilor nord-pontici în perioada de până la năvălirea mongolă, se poate stabili numai după o examinare mai detaliată a subiectului respectiv. Avem toate premisele pentru a presupune, că grupul de morminte analizat de la Șalvirii Noi reprezintă o manifestare timpurie a pătrunderii islamului în interfluviul Prut-Nistru. Mult mai pe larg religia musulmană s-a răspândit în stepă deja în epoca dominației tătaro-mongole. Tot atunci a început să pătrundă în zona stepică și creștinismul (Fedorov-Davydov 1966, 201, 205), ce avea, mai degrabă, un caracter declarativ și nu a avut în mediul nomad o răspândire largă.

Bibliografie

- Evglevskii, Potemkhina 2000:** A.V. Evglevskii, T.M. Potemkhina, Kresala v pozdnekochevnicheskikh pogrebeniiakh Vostochnoi Evropy. In: Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia. T. 1 (Donetsk 2000), 181-208 // A.B. Евглевский, Т.М. Потемкина, Кресала в позднекочевнических погребениях Восточной Европы. В сб.: Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1 (Донецк 2000), 181-208.
- Fedorov-Davydov 1966:** G.A. Fedorov-Davydov, Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov. Arkheologicheskie pamiatniki (Moskva 1966) // Г.А. Федоров-Давыдов, Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники (Москва 1966).
- Fletcher 2004:** Dzh. Fletcher, Srednevekovye mongoly: ekologicheskie i sotsial'nye perspektivy. In: Mongol'skaia imperiia i kochevoi mir. Vyp. 1 (Ulan-Ude 2004), 212-253 // Дж. Флетчер, Средневековые монголы: экологические и социальные перспективы. В сб.: Монгольская империя и кочевой мир. Вып. 1 (Улан-Удэ 2004), 212-253.
- Izmailov 2001:** I.L. Izmailov, K voprosu o kanonichnosti i iazycheskikh perezhitkakh v musul'manskom pogrebal'nom obriade Volzhskikh Bulgar. In: Voprosy drevnei istorii Volgo-Kam'ia (Kazan' 2001), 60-69 // И.Л. Измаилов, К вопросу о каноничности и языческих пережитках в мусульманском погребальном обряде Волжских Булгар. В сб.: Вопросы древней истории Волго-Камья (Казань 2001), 60-69.
- Kolchin 1982:** B.A. Kolchin, Khronologiiia novgorodskikh drevnostei. In: Novgorodskii sbornik. 50 let raskopok Novgoroda (Moskva 1982), 156-177 // Б.А. Колчин, Хронология новгородских древностей. В сб.: Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода (Москва 1982), 156-177.
- Puteshestvie... 1971:** Puteshestvie Abu Khamid al Garnati v Vostochnuiu i Tzentral'nuiu Evropu (1131-1152 gg.) (Moskva 1971) // Путешествие Абу Хамид ал Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131-1152 гг.) (Москва 1971).
- Khalikova 1986:** E.A. Khalikova, Musul'manskii nekropoli Volzhskoi Bulgarii X – nachala XIII v. (Kazan' 1986), 159 // Е.А. Халикова, Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII в. (Казань 1986), 159.
- Vasilev 2007:** D.V. Vasilev, Islam v Zolotoi Orde (istoriko-arkheologicheskoe issledovanie) (Astrakhan' 2007), 190 // Д.В. Васильев, Ислам в Золотой Орде (историко-археологическое исследование) (Астрахань 2007), 190.
- Vasilev 2008:** D.V. Vasilev, Islamizatsiia i pogrebal'nye obriady v Zolotoi Orde (arkheologo-statisticheskoe issledovanie) (Astrakhan' 2008), 205 // Д.В. Васильев, Исламизация и погребальные обряды в Золотой Орде (археолого-статистическое исследование) (Астрахань 2008), 205.
- Vasilev 2011:** D.V. Vasilev, Sufizm i islamizatsiia Zolotoi Ord. In: Voprosy istorii I arkhologii srednevekovykh kochevnikov I Zolotoi Ord. sbornik nauchnykh statei pamiati V.P. Kostiuksa (Astrakhan' 2011), 16-21 // Д.В. Васильев, Суфизм и исламизация Золотой Орды. В сб.: Вопросы истории и археологии средневековых ко-

чевников и Золотой Орды: сборник научных статей памяти В.П. Костюкова. Отв. ред. Д.В. Марыксин, Д.В. Васильев. (Астрахань 2011), 16-21.

Zakhoder 1962: B.N. Zakhoder, Kaspiiskii svod o Vostochnoi Evrope. Gorgan i Povolzh'e v IX-X vv. (Moskva 1962)
// Б.Н. Заходер, Каспийский свод о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX-X вв. (Москва 1962).

Serghei Curceatov, cercetător științific, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM, bd. Ștefan cel Mare, 1, MD-2001, Chișinău, e-mail: serg-kurchatov@mail.ru

Сергей Семенчук

**О языческих древностях левобережной части Среднего Поднестровья:
история и археология**

Keywords: anthropomorph, idol, the stone «woman», monumental sculpture, Middle Dniester region, paganism.

Cuvinte cheie: idol antropomorf, sculptură, „babă” de piatră, sculptură monumentală, Nistrul Mijlociu, păgânism.

Ключевые слова: истукан, скульптура, каменная «баба», монументалистика, Среднее Поднестровье, язычество.

Sergei Semenchuk

About pagan antiquities of the left bank side of Middle Dniester region: history and archeology

Certain pagan sculptures of the specified territory are characterized in the article. The westernmost by their location are statue-menhirs of the Bronze Age from village Myshkiv in Zalischyky district of Ternopil region. The information about the results of archaeological explorations of the author in 1999 (anthropomorphic idol near the village Pyzhivka, Novoushitskiy district of Khmelnytsky region, bust of the Scythian “woman” near the village Berezivka, Novoushitskiy district of Khmelnytsky region) is given. The ancient pagan anthropomorph of Ancient Rus times which was discovered in the borders of the village Berezivka, Novoushitskiy district of Khmelnytsky region; its identification; analogy; dating have been scientifically mentioned for the first time.

Serghei Semenchuk

Despre antichitățile păgâne de pe malul stâng al Nistrului Mijlociu: istorie și arheologie

În articol se prezintă câteva sculpturi păgâne izolate din teritoriul menționat, în special statuile-menhire din epoca bronzului din s. Myshkiv, raionul Zaleshchiki, regiunea Ternopol. Informații cu privire la rezultatele cercetărilor arheologice au fost prezentate de autor în anul 1999 (un idol antropomorf din preajma s. Pyzhovka, raionul Novoushitsk, regiunea Khmelnytsk, un bust al unei „femei” scitice în apropierea satului Berezovka, raionul Novoushitsk, regiunea Khmelnytsk). Pentru prima dată au fost introduse în circuitul științific informații referitoare la statuile păgâne din perioada rusă veche, descoperite în apropierea s. Berezovka, raionul Novoushitsk, regiunea Khmelnytsk; identificare; analogie; date.

Сергей Семенчук

О языческих древностях левобережной части Среднего Поднестровья: история и археология

В статье дается характеристика отдельных языческих скульптур указанной территории, в частности статуи-менгиры эпохи бронзы из с. Мышков Залещицкого района Тернопольской области. Представлена информация о результатах археологических исследований автора в 1999 году (антропоморфный истукан вблизи с. Пыжовка Новоушицкого района Хмельницкой области, бюст скифской «бабы» возле с. Березовка Новоушицкого района Хмельницкой области). Впервые вводится в научный оборот информация о языческом изваянии древнерусского времени, который обнаружен в пределах с. Березовка Новоушицкого района Хмельницкой области; идентификация; аналогия; датировка.

Важное место в выяснении формирования истоков духовной культуры дохристианских времен принадлежит язычеству, как одному из составляющих тогдашней религии. Именно регион левого берега Днестра, как и правого, благодаря благоприятным природно-климатическим условиям стал локальным для развития язычества на этой территории [Semenchuk 2014, 192]. Исследуемая территория находится южнее Авратинской (Верхнебужской) возвышенности, снижаясь в направлении Днестра. В литературе принято называть эту территорию Левобережным Поднестровьем (Приднестро-

вьем) [Gerenchuk 1980, 6]. В административно-территориальном делении указанный регион охватывает Каменец-Подольский, Дунаевецкий, Новоушицкий, частично Чемеровецкий, Городоцкий, Ярмолинецкий и Виньковецкий районы Хмельницкой, а также левобережье Тернопольской и Винницкой областей, образующие площадь около 5000 км². На указанной территории находится ряд памятников язычества, которые давно попали в поле интересов исследователей.

Составляющими этой темы являются языческие статуи Поднестровья [Semenchuk 2010,

71]. Публикация языческих древностей указанного региона, несомненно, будет способствовать постепенной ликвидации белых пятен в знаниях из истории изучения язычества. Начало исследования антропоморфных скульптур в Среднем Поднестровье приходится на конец XIX – начало XX веков. Полевые работы обобщены в трудах В.К. Гульдмана [Gul'dman 1901, 300] и Е.И. Сецинского [Setsinskii 1901, 205-210], в которых представлен ряд пунктов, где в разное время обнаружены языческие древности. Это села: Иванковцы-Олешинские, Березная, Березовая, Хоньковцы, Козлов, Пыжовка, Хребтиев, Кузьминчик, Ольховец. К сожалению, не все из открытых каменных языческих скульптур стали достоянием науки [Semenchuk 2010, 47].

Плодотворными в истории изучения язычества Поднестровья оказались исследования археолога И.С. Винокура, материалы которых нашли отражение в монографических работах «Історія і культура Черняхівських племен» [Vinokur 1972, 104-142], «Давні слов'яни на Дністрі» [Vinokur, Timoshchuk 1977, 36-46], «Буша» [Vinokur et al. 1991, 110-132], «Бакота. Столиця давньоруського пониззя» [Vinokur, Gorishnii 1994, 20-46], «Черняхівська культура, витоки і доля» [Vinokur 2000, 123-173]. На страницах этих работ систематизирован обширный материал по языческой культуре населения первой половины I тыс. н.э. в Поднестровье. В конце XX века археологи И.П. Русанова и Б.А. Тимошук исследовали место на городище-святилище Богит, где когда-то был установлен Збручский идол. Об этом научном открытии говорится в их совместной монографии «Языческие святилища древних славян» [Rusanova, Timoshchuk 1993, 5-135].

Язычеству посвящены также монографии российского археолога Б.А. Рыбакова – «Язычество древних славян» [Rybakov 1981, 6], «Язычество Древней Руси» [Rybakov 1987, 280]. Информация о языческих изображениях бронзового века изложена в статьях А.С. Тура и Ю.М. Малеева «Мышковский идол» [Tur, Maleev 1977, 383-384], Р.В. Забашты «Ідол із села Мишків» [Zabashhta 1990, 24-25], В.И. Олейника «Антропоморфні стели із села Мишків на

Тернопільщині» [Oliynyk 2000, 96-100]. Подробное описание Березовской скульптуры скифского времени представлено в статье В.А. Гуцала и С.А. Семенчука «Кам'яна статуя із Лоївець на Середньому Дністрі» [Hutsal, Semenchuk 2004, 116-118]. Целью этого сообщения является отображение историко-культурной сущности каменной скульптуры региона в хронологических границах раннего железного века. Древнейшими в хронологическом поле западного региона Украины и Среднего Поднестровья считаются две статуи-менгиры из с. Мышков Залецицкого района Тернопольской области. Одна из них была открыта в 1976 году местными жителями во время земляных работ в урочище «Новина» на расстоянии 100-150 м [Oliinik 2000, 96-100] от правого берега р. Серет. Недалеко от северо-западной окраины села найден обломок статуи, лежащий на глубине 35-40 см от поверхности, обращенный головой на северо-запад. На месте нахождения идола обнаружены фрагменты керамики – трипольской, гава-голиградской и черняховской культур [Tur, Maleev 1977, 383-384]. Уцелевшая часть идола (рис. 1) имеет высоту 1,07 м, ширину 0,42-0,45 м и толщину 0,14-0,15 м.

Скульптура изображает человеческую фигуру в полный рост, выполненную на каменной плите. Детали переданы резьбой в технике низкого рельефа. Контрастно выделена только голова, которая поднята на достаточно длинной, но грубой шее, которая плавно переходит в наклонное узкое надплечие шириной

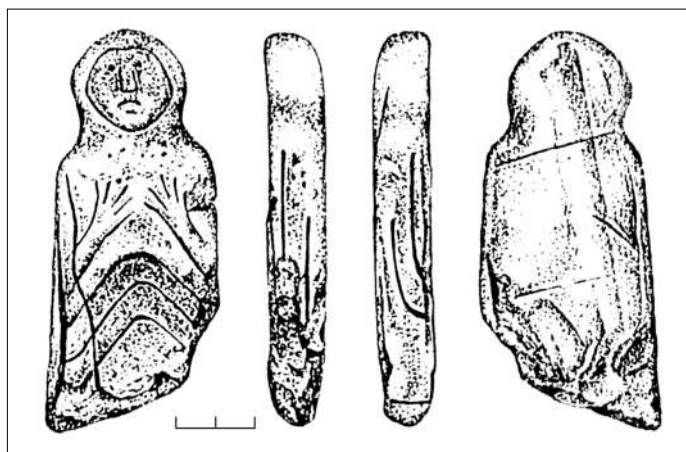

Рис. 1. Антропоморфная статуя из урочища «Новина» с. Мышков – находка 1976 г.

Fig. 1. Anthropomorphic statue of the tract «Novyna» in Myshkov village – discovery of 1976 p.

0,42 м. Лицевая часть головы отражает очертания широкого, скуластого лица с низким лбом и массивным подбородком (высота и ширина 0,23 м). Темя нависает надо лбом. Заметными углублениями обозначены широко расставленные глаза и длинный прямой нос (длина 0,08 м и ширина внизу 0,04 м). Искривленной врезной чертой показан рот, ниже которого изображено овальное углубление длиной 0,075 м и шириной 0,06 м. Руки согнуты в локтях: на груди, под незначительным наклоном одна к другой. Кисти рук отображены частично, отдельными линиями обозначены растопыренные пальцы. Контуры рук и пояса фиксируются также и на боковых гранях статуи. Ниже мастер поместил три параллельных дугообразных линии, расположив их вершинами вверх (расстояние между ними 0,06-0,08 м). Поверхность повреждена: излом под дугообразными линиями, значительное выщербление лицевой части, а также сколы и глубокие царапины [Oliinik 2000, 97-98].

Исследователи А.С. Тур и Ю.М. Малеев высказали мнение относительно Мышковской статуи, что она вписывается в ряд славянских идолов, изображая женское божество [Tur, Maleev 1977, 384]. Другую версию высказал Р.В. Забашта, относя ее к стелам эпохи бронзы [Zabashhta 1990, 24-25]. По его мнению, ближайшей аналогией этого памятника является статуя из с. Белогрудовка, что недалеко от г. Умань [Zabashhta 1998, 230].

Версия исследователя Р.В. Забашты объективно отражает историко-культурную сущность обозначенной статуи. Во-первых, она является самой древней среди выявленных антропоморфных изображений на территории Среднего Поднестровья, открывая собой исторический ряд языческой монументальной скульптуры региона. Во-вторых, Мышковская скульптура обозначает западную границу среди статуй бронзового века на Украине и является северной границей для аналогичных памятников, исследованных также в Болгарии, Молдове, Трансильвании (статуй Баяд-Крыш). Итак, Мышковская находка является своеобразным географическим индикатором распространения скульптур бронзового века в Восточной и

Западной Европе. История Мышковского идола имеет продолжение в находке еще одного образца идола, который открыт в 1981 г., опять же вблизи с. Мышков, на пахотном поле в урочище «Новина», недалеко от источника Скала. Найдена – фрагмент антропоморфной статуи, которая изготовлена из известняка (рис. 2).

Высота находки 1,28 м. Ширина верхней части – 0,42 м, нижней – 0,51 м, толщина сверху – 0,13 м, внизу – 0,15 м. Торцевая часть статуи имеет толщину 0,08 м. Резные линии изображений на лицевой стороне идола достигают ширины 0,003-0,006 м и глубины 0,003-0,005 м. В пересечении статуя четырехгранная, с закругленными боковыми гранями. На лицевой стороне, в нижнем рельефе изображены согнутые в локтях руки, прижатые к груди. Пальцы рук растопырены. На боковых гранях имеется предплечевая часть рук, ниже прорезаны дугообразные линии. Нижняя часть частично повреждена, голова скульптуры отсутствует. На обратной стороне стелы есть шесть косо расположенных прямых углубленных линий. В нижнем контуре рельефа, на торцах, имеются очертания плечевой части рук. Исследователь В.И. Олейник считает, что указанный фрагмент статуи – это вторая составляющая часть языческого скульптурного комплекса из с. Мышков

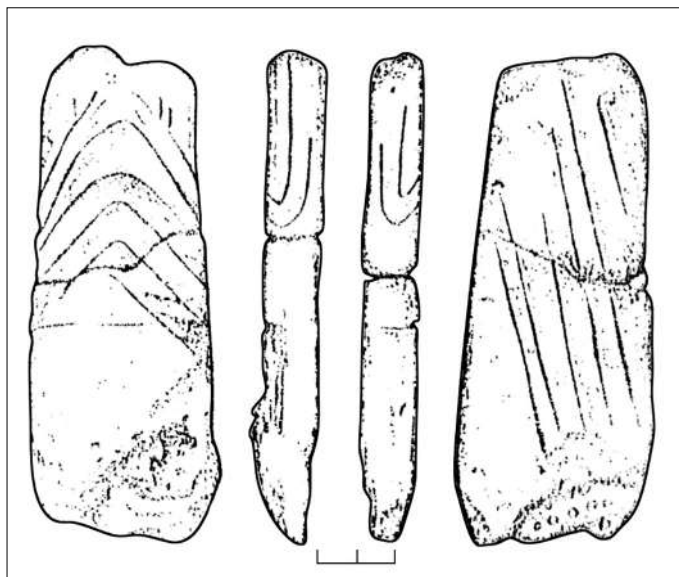

Рис. 2. Антропоморфная статуя из урочища «Новина» с. Мышков – находка 1981г.

Fig. 2. Anthropomorphic statue of the tract «Novyna» in Myshkov village – discovery of 1981.

Тернопольской области, который функционировал во времена эпохи бронзы [Semenchuk 2010, 175-177].

Группу языческих древностей дополняет находка из Хмельницкой области, которую автор обнаружил в 1999 году во время археологической разведки в Новоушицком районе. Она найдена на территории усадьбы жителя с. Березовка В.Д. Стадницкого, который перевез статую из группы курганов урочища «Колач», которое находится в 3 км южнее указанного села [Gutsal, Semenchuk 2004, 116]. Находка является изваянием треугольной формы, изготовленным из песчаника белого цвета с прослойкой кварцита (рис. 3).

Нижняя часть статуи не сохранилась. С лицевой стороны она передает человеческую фигуру в низком рельефе резьбы. Голова склонилась на грудь, шея не выражена. Лицо несколько удлиненное, размером 20,2х23 см. Нос слегка скошен, глаза и рот оформлены овальными линиями. С левой стороны головы изображены контуры серьги. Такой же знак, но затертый, есть и с правой стороны. Двумя линиями глубиной 1,5 см мастер изобразил гривну, которая размещена ниже головы. Торс скульптуры закрывает одежда покроя кафтана. Мастер показал даже двойные швы и металлические украшения вдоль борта кафтана. Предположительно, березовская статуя имеет все признаки раннескифских каменных скульптур VII в. до н.э., сообразуясь с аналогичными материалами, которые рассматривала исследовательница Л.И. Крушельницкая [Semenchuk 2013, 177].

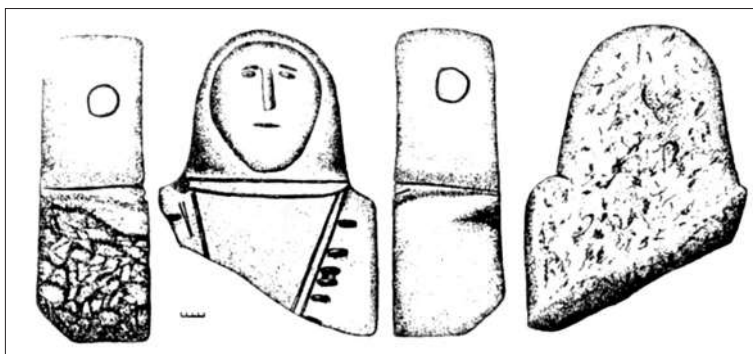

Рис. 3. Каменная статуя из с. Березовка на Среднем Днестре.

Fig. 3. Stone statue in Berezovka village in Middle Dniester region.

На археологической карте Подолья Ю.И. Сецинского возле с. Пыжовка, ныне Новоушицкий район Хмельницкая область, есть информация еще об одной статуе в регионе: «на границе с с. Лоевцами есть каменный столбъ въ 2½ саж. высоты, назыв. «Бабой»» [Setsinskii 1901, 191]. Его поиски затянулись вплоть до 1999 г. Осуществляя очередную археологическую разведку, автор обнаружил указанную каменную скульптуру в 3 км к юго-востоку от с. Пыжовка в направлении бывшего с. Лоевцы, в урочище «Пижівська Дубина».

Идол представляет собой прямоугольный четырехгранный каменный столб, изготовлен из местного известняка и глубоко закопан в землю (рис. 4). Скульптура зафиксирована в поврежденном состоянии: отсутствует голова. Высота наземной части 2,3 м, ширина ее основы – 0,47 м, толщина – 0,17 м.

В верхней части туловища статуи прослеживается расширение в виде плеч. Фронтальная часть скульптуры отображает композицию из трех ромбов, один из которых меньше, но правильной геометрической формы. В верхней левой части скульптуры прослеживается углубление в виде полукруга. Изображение повреждено. Третий ромб расположен на 0,6 м ниже группы двух других. По рассказам старожилов с. Пыжовка, скульптуру использовали как пограничный знак между полями некогда существовавшего с. Лоевцы и с. Пыжовка в Староушицком, ныне Новоушицком районе Хмельницкой области. Где первоначально была установлена скульптура, сейчас определить трудно [Semenchuk 2010, 98].

В 2000 году ее местонахождение обследовала археологическая экспедиция Каменец-Подольского национального университета имени Ивана Огиенка, непосредственным участником которой был автор. На месте обнаружения скульптуры археологические исследования не проводились. Археолог И.С. Винокур, который проводил тогда разведывательные работы, скульптуру из с. Пыжовка относит к группе среднестровских языческих идолов черняховской культуры III-IV ст. н.э. [Vinokur 2000, 128].

Рис. 4. Скульптура из с. Пыжовка – находка 1999 года (фото автора).

Fig. 4. Sculpture in Pyzhovka village – discovery of 1999 (author's photo).

Рис. 5. Каменная скульптура из с. Березовка (фото В.А. Захарьева).

Fig. 5. A stone sculpture in Berezivka village (photo by Zahar'ev V. A.).

В июле 2010 года на место обнаружения находки выезжала археологическая экспедиция Каменец-Подольского национального универ-

ситета имени Ивана Огиенка под руководством А.Ф. Гуцала. Исследованиями на местонахождении скульптуры (заложен шурф размером 5x5 м) обнаружен растиральный сферической формы, одна из сторон которого носит следы сработанности. Выявлены также окончательные размеры идола и стратиграфия шурфа. Опираясь на находки и семантические признаки, пыжовскую скульптуру исследователи датируют началом раннего железного века [Gutsal, Boltaniuk 2010, 164].

В группу среднестроковских языческих скульптур включена и статуя, которая находилась на северо-западе с. Березовка, на расстоянии 0,5-0,8 км от села в направлении с. Шибутинцы Новоушицкого района Хмельницкой области (рис. 5).

Идол представляет собой прямоугольный четырехгранный каменный столб, найденный закопанным в землю и наклоненным к земле. Высота скульптуры 1,3 м, толщина 35x25 см. Исследователь В.А. Захарьев, обследовав скульптуру в мае 2004 года, идентифицировал ее как аналог фалоподобного каменного идола, обнаруженного им во время археологических исследований Соколецкого древнерусского могильника XII-XIII вв. в урочище «Батарей» (Дунаевецкий район, Хмельницкая область) [Zakhar'ev 2000, 46]. Дальнейшая судьба идола неизвестна.

Таким образом, эта информация существенно дополняет ряд языческих скульптур в районе левого берега среднего течения Днестра и свидетельствует об их значительном скоплении в регионе, как некое локальное проявление языческих артефактов эпохи бронзы, раннего железного века и раннего средневековья.

Библиография

- Gerenchuk 1980:** K.I. Gerenchuk, Priroda Khmel'nits'koï oblasti (L'viv 1980) // К.И. Геренчук, Природа Хмельницкой области (Львів 1980).
- Gul'dman 1901:** V.K. Gul'dman, Pamiatniki stariny v Podolii (Kamenets-Podol'skii 1901) // В.К. Гульдман, Памятники старины в Подолии (Каменец-Подольский 1901).
- Gutsal, Boltaniuk 2010:** V.A. Gutsal, P.A. Boltaniuk, Idol iz sela Pizhivka. In: (vidp. red. L.V. Bazhenov) Materialy XIII Podil's'koi istoriko-kraeznavchoi konferentsii (prisviachenoi 80-richchiu vid dnia narodzhennia I.S. Vinokura) (Kam'ianets'-Podil's'kii 2010), 161-164 // В.А. Гуцал, П.А. Болтанюк, Идол из села Пижівка. В зб.: (відп. ред. Л.В. Баженов) Матеріали XIII Подільської історико-краєзнавчої конференції (присвяченої 80-річчю від дня на-

родження І.С. Винокура) (Кам'янець-Подільський 2010), 161-164.

Gutsal, Semenchuk 2004: V.A. Gutsal, S.O. Semenchuk, Kam'iana statuia iz Loivets' na Serednomu Dnistri. In: (vidp. red. N.O. Gavriiliuk) Arkheologichni vidkrittia v Ukraïni 2002-2003 rr. 6 (Київ 2004), 116-118 // В.А. Гуцал, С.О. Семенчук, Кам'яна статуя із Лоївець на Середньому Дністрі. В зб.: (відп. ред. Н.О. Гаврилюк) Археологічні відкриття в Україні 2002-2003 рр. 6 (Київ 2004), 116-118.

Oliinik 2000: V.I. Oliinik, Antropomorfni steli z sela Mishkiv na Ternopil'shchini. In: (vidp. red. Iu.I. Blazhevich) Materiali X Podil's'koï istoriko-kraeznavchoï konferentsii (Kam'ianets'-Podil's'kii 2000), 96-100 // В.І. Олійник, Антропоморфні стели з села Мишків на Тернопільщині. В зб.: (відп. ред. Ю.І. Блажевич) Матеріали X Подільської історико-краєзнавчої конференції (Кам'янець-Подільський 2000), 96-100.

Rusanova Timoshchuk 1993: I.P. Rusanova, B.A. Timoshchuk, Iazycheskie sviatilishcha drevnikh slavian (Moskva 1993) // И.П. Русанова, Б.О. Тимошук, Языческие святилища древних славян (Москва 1993).

Rybakov 1981: B.A. Rybakov, Iazychestvo Drevnikh slavian (Moskva 1981) // Б.А. Рыбаков, Язычество Древних славян (Москва 1981).

Rybakov 1987: B.A. Rybakov, Iazychestvo Drevnei Rusi (Moskva 1987) // Б.А. Рыбаков, Язычество Древней Руси (Москва 1987).

Semenchuk 2013: S.O. Semenchuk, Livoberezhna chastyna Serednogo Podnistrov'ia v dokhristians'kii period. In: (vidp. red. V.O. Parandiy) Istoriia, kul'tura ta osvita: khristians'kii vimir (do 125-richchia Khreshchennia Kyïvs'koï Rusi ta 20-richchya Khmel'nyts'koi yeparkhiyi UPTS) (Khmel'nyts'kii 2013), 176-183 // С.О. Семенчук, Лівобережна частина Середнього Подністров'я в дохристиянський період. В зб.: (відп. ред. В.О. Парандій) Історія, культура та освіта: християнський вимір (до 125-річчя Хрещення Київської Русі та 20-річчя Хмельницької єпархії УПЦ) (Хмельницький 2013), 176-183.

Semenchuk 2014: S.O. Semenchuk, Livoberezhnii Seredno-Pridnistrov'skii osередok – lokal'nii region dlia rekonstruktsii iazychnits'kikh kul'tiv v VII st. do n.e. – XIII st. n.e. In: (vidp. red. V.O. Parandiy) Istoriia, kul'tura ta osvita: khristians'kii vimir (Khmel'nyts'kii 2014), 192-200 // С.О. Семенчук, Лівобережний Середньо-Подністровський осередок – локальний регіон для реконструкцій язичницьких культів в VII ст. до н.е. – XIII ст. н.е. В зб.: (відп. ред. В.О. Парандій) Історія, культура та освіта: християнський вимір (Хмельницький 2014), 192-200.

Semenchuk 2010: S.O. Semenchuk, Istoriografichnii ohliad ta dzherel'na baza doslidzhen' iazychnits'koi kul'turi livoberezhnoi chastini Serednogo Podnistrov'ia v I tys. do n.e. – pershoi polovini I tys. n.e. In: (vidp. red. L.V. Bazhenov) Materiali XIII Podil's'koï istoriko-kraeznavchoï konferentsii (prisviachenoi 80-richchiiu vid dnia narodzhennia I.S. Vinokura) (Kam'ianets'-Podil's'kii 2010), 46-50 // С.О. Семенчук, Історіографічний огляд та джерельна база досліджень язичницької культури лівобережної частини Середнього Подністров'я в I тис. до н.е. – першій половині I тис. н.е. В зб.: (відп. ред. Л.В. Баженов) Матеріали XIII Подільської історико-краєзнавчої конференції (присвяченої 80-річчю від дня народження І.С. Винокура) (Кам'янець-Подільський 2010), 46-50.

Semenchuk 2010: S.O. Semenchuk, Iazychnits'ka skul'ptura z Arkheologichnoi karti Iu.Y. Sitsyn's'kogo v Serednomu Podnistrov'i. In: (vidp. red. L.P. Stanislav's'ka) Materialy Vseukrains'koï naukovopraktichnoi konferentsii (prisviachenoi 120-tii richnitsi zasnuvannia Kam'ianets'-Podil's'kogo derzhavnogo istorichnogo muzeiu-zapovidnika) (Kam'ianets'-Podil's'kii 2010), 97-100 // С.О. Семенчук, Язичницька скульптура з Археологічної карти Ю.Й. Сіцинського в Середньому Подністров'ї. В зб.: (відп. ред. Л.П. Станіславська) Матеріали Всеукраїнської науково-практичної конференції (присвяченої 120-тій річниці заснування Кам'янець-Подільського державного історичного музею-заповідника) (Кам'янець-Подільський 2010), 97-100.

Semenchuk 2010: S.O. Semenchuk, Iazychnits'ki skul'ptury epokhi bronzi livoberezhnoi chastini Serednogo Podnistrov'ia. Visnik Kam'ianets'-Podil's'kogo natsional'nogo universitetu imeni Ivana Ogienka (do 20-richchia kafedry istorii Ukraïni) 3 (Kam'ianets'-Podil's'kii 2010), 172-177 // С.О. Семенчук, Язичницькі скульптури епохи бронзи лівобережної частини Середнього Подністров'я. Вісник Кам'янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка (до 20-річчя кафедри історії України). 3 (Кам'янець-Подільський 2010), 172-177.

Semenchuk 2010: S.O. Semenchuk, Iazychnits'ki skul'pturi ta skel'ni rel'iefi Serednogo Podnistrov'ia. In: (vidp. red. P.P. Tolochko) Arkheologichni studii 4 (Chernivtsi 2010), 71-79 // С.О. Семенчук, Язичницькі скульптури та скельні рельєфи Середнього Подністров'я. В зб.: (відп. ред. П.П. Толочко) Археологічні студії 4 (Чернівці 2010), 71-79.

Setsinskii 1901: E.I. Setsinskii, Arkheologicheskaiia karta Podol'skoi gubernii. Trudy XI arkheologicheskogo s"ezda I, 1901, 205-210 // Е.И. Сецинский, Археологическая карта Подольской губернии. Труды XI археоло-

гического съезда I, 1901, 205-210.

Tur, Maleev 1977: A.S. Tur, Iu.N. Maleev, Myshkovskii idol. In: (otv. red. B.A. Rybakov) Arkheologicheskie otkrytiia 1976 g. (Moskva 1977), 383-384 // A.C. Тур, Ю.Н. Малеев, Мышковский идол. В сб.: (отв. ред. Б.А. Рыбаков) Археологические открытия 1976 года (Москва 1977), 383-384.

Vinokur, Horishnii 1994: I.S. Vinokur, P.A. Horishnii, Bakota. Stolitsia davn'orus'kogo Ponizzia (Kam'ianets'-Podil's'kii 1994) // I.C. Винокур, П.А. Горішній, Бакота. Столиця давньоруського Пониззя (Кам'янець-Подільський 1994).

Vinokur et al. 1991: I.S. Vinokur, O.M. Al'oshkin, O.V. Zabashta, M.B. Petrov, V.M. Petrov's'kii, O.M. Pirniak, V.S. Stepankov, Busha: istoriko-kraeznavchi narisi (Khmel'nits'kii 1991) // I.C. Винокур, О.М. Альошкін, Р.В. Забашта, М.Б. Петров, В.М. Петровський, О.М. Пірняк, В.С. Степанков, Буша: історико-краєзнавчі нариси (Хмельницький 1991).

Vinokur, Timoshchuk 1977: I.S. Vinokur, B.O. Timoshchuk, Davni slov'iani na Dnistri (Uzhgorod 1977) // I.C. Винокур, Б.О. Тимошук, Давні слов'яни на Дністрі (Ужгород 1977).

Vinokur 1972: I.S. Vinokur, Istorii ta kul'tura cherniakhivs'kikh plemen (Kiiv 1972) // I.C. Винокур, Історія та культура черняхівських племен (Київ 1972).

Vinokur 2000: I.S. Vinokur, Cherniakhivs'ka kul'tura: vitoky i dolia (Kam'ianets'-Podil's'kii 2000) // I.C. Винокур, Черняхівська культура: витоки і доля (Кам'янець-Подільський 2000).

Zabashta 1998: O.V. Zabashta, Antropomorfni skul'ptury paleometalu z tereniv Verkhnoï Naddnistrianshchiny (Katalogizatsiia i atributivni propozitsii). Zapiski naukovoï tovaristva im. Shevchenka: Pratsi Komisii obrazotvorchogo ta uzhitkovogo mistetstva ССХХХVI (Lviv 1998), 230 // Р.В. Забашта Антропоморфні скульптури палеометалу з теренів Верхньої Наддністрянщини (Каталогізація і атрибутивні пропозиції). Записки наукового товариства ім. Шевченка: Праці Комісії образотворчого та ужиткового мистецтва ССХХХVI (Львів 1998), 230.

Zabashta 1990: R.V. Zabashta, Idol iz sela Mishkiv (Do pitannia atributsii). In: (vidp. red. I.S. Vinokur) VIII Podil's'ka istoriko-kraeznavcha konferentsiia (Kam'ianets'-Podil's'kii 1990), 24-25 // Р.В. Забашта, Ідол із села Мишків (До питання атрибуції). В зб.: (відп. ред. I.C. Винокур) VIII Подільська історико-краєзнавча конференція (Кам'янець-Подільський 1990), 24-25.

Zakhar'ev 2000: V.A. Zakhar'ev, Tretii sezon doslidzhen' u Sokil'tsi. In: (vidp. red. M.Iu. Videiko) Arkheologichni doslidzhennia v Ukraïni v 1994-1996 rokakh (Kiiv 2000), 46 // В.А. Захар'єв, Третій сезон досліджень у Сокильці. В зб.: (відп. ред. М.Ю. Відейко) Археологічні дослідження в Україні в 1994-1996 роках (Київ 2000), 46.

Сергей Семенчук, старший преподаватель кафедры гуманитарной подготовки и туризма ЧВУЗ «Хмельницький економічний університет», 290002 г. Хмельницький, ул. Каменецкая 159/2, e-mail: semechuk@mail.ru

DISCUȚII – ДИСКУССИИ – DISCUSSIONS

Victoria Surdu

Caracteristicile ritualului funerar al culturii Iamnaia în spațiul carpato-nistrean

Keywords: Early Bronze Age, Iamnaia culture, funerary ritual, Carpathian-Dniester space.

Cuvinte cheie: epoca bronzului timpuriu, cultura Iamnaia, ritual funerar, spațiul carpato-nistrean.

Ключевые слова: эпоха ранней бронзы, Ямная культура, ритуальный обряд, Карпато-Днестровский регион.

Victoria Surdu

Characteristics of the funeral ritual of the Iamnaia culture in the Carpathian- Dniester space

In this article, there are briefly presented the characteristic features of the funeral ritual of Iamnaia culture. The archaeological material discovered from the burial mounds was structured, systematized and described by scientists in this realm. Thus, there have been highlighted some characteristics of the funeral practices, which contributed to the cultural attribution of the later discovered monuments. Specific traits of the Iamnaia culture are: a rectangular grave-pit; supine body positions, bent knee legs, or crouching position of the deceased; the skeletons painted with ochre; ceramic pots shaped and burned unevenly, sometimes ornamented; several artifacts: arrowheads, axes; earrings made of spirals or twisted metal bracelets. After the funeral inventory was deposited, the pit was sometimes covered with wooden beams or stone slabs.

Victoria Surdu

Caracteristicile ritualului funerar al culturii Iamnaia în spațiul carpato-nistrean

În articolul de față sunt prezentate concis trăsăturile specifice ale ritualului funerar al culturii Iamnaia. Materialul arheologic descoperit din mormintele tumulare a fost structurat, sistematizat și descris de către specialiștii în domeniu. Astfel, a fost evidențiat un șir de caracteristici ale practicilor funerare, ce au contribuit la atribuirea culturală a monumentelor ulterior descoperite. Specifice culturii Iamnaia sunt camera mortuară de formă dreptunghiulară; poziția decubitus dorsal, cu picioarele îndoite din genunchi, sau poziția chircită a defunctului; scheletele vopsite cu ocru; prezența în morminte a unor obiecte: vase ceramice modelate și arse inegal, uneori ornamentate; vârfuri de săgeată, topoare; inele de buclă sau brățări articulate din foițe de metal răsucite. După depunerea inventarului funerar camera sepulcrală era acoperită cu pământ, iar uneori, cu bârne din lemn sau lespezi piatră, peste care era ridicată mantaua tumulului.

Виктория Сурду

Характеристика погребального обряда Ямной культуры в Карпато-Днестровском регионе

В статье кратко охарактеризованы специфические черты погребального обряда Ямной культуры. Археологический материал, происходящий из курганных захоронений, был структурирован, систематизирован и описан специалистами. В результате был выделен ряд критериев, позволяющих охарактеризовать основные черты культуры. Характерными для погребений являются: прямоугольная яма; скорченное положение костяка на спине, с различными вариантами согнутых в коленях ног или же скорченное положение на боку захороненного; следы охры в могилах; керамическая посуда с неровной поверхностью (иногда наблюдается орнамент на сосудах). В качестве погребального инвентаря, также, встречаются наконечники стрел, топоры; спиралевидные колечки в один или несколько оборотов и составные браслеты из свернутых в трубку пластинок. После проведения погребальных обрядов, в ряде случаев, могильная камера перекрывалась деревянными бревнами или камнем.

Introducere

În spațiul carpato-nistrean cultura Iamnaia este cunoscută doar datorită mormintelor, descoperite și cercetate în necropolele tumulare, alte tipuri de vestigii, inclusiv situri de habitat sau așezări de scurtă durată în spațiul analizat nefiind atestate [Dergachev 1986, 28-29]. Datorită descoperirilor și cercetărilor intense, au fost sistema-

tizate practicile funerare ale culturii în discuție [Iarovoi 1985; Dergachev 1986 etc.]. Caracteristicile generale de reper ale acestora sunt camera sepulcrală de formă dreptunghiulară (deseori cu colțurile rotunjite); poziția defunctului în decubitus dorsal, cu picioarelor îndoite din genunchi, sau poziționarea chircită a defunctului; anumite forme de ceramică – amfore globulare sau ovoida-

le cu torți tubulare sau urechiușe, vase tronconice, vase-borcan, cești și cupe; armele tipice pentru cultura Iamnaia – vârfuri de săgeată, pumnale, iar obiectele de podoba sunt reprezentate prin inele de buclă executate din fire metalice în una sau mai multe spire, brățări metalice din foite răsucite; vopsirea cu ocră a defunctului sau a gropii funerare; ridicarea mantalei tumulare deasupra mormintelor etc. [Dergaciov 2010, 279-288].

Specialiștii din domeniu au analizat ritualul funerar în baza unui număr impunător de morminte atestate în spațiul carpato-nistrean. Numărul acestora variază la diferiți cercetători și este în creștere: 2000 de morminte [Dergaciov 1994, 123], 1558 de morminte [Iarovoi 2000, 17], 2500 de morminte [Ivanova 2013, 223]. Evidențierea criteriilor nominalizate supra a permis constatarea caracterului în general uniform al practicilor funerare, în ciuda variațiilor de ritualuri, care diferă de la o regiune la alta. Însă sunt cazuri când se constată deosebiri considerabile [Gogâltan 2013, 36]. Foarte probabil, acestea au o explicație de ordin spațial și cronologic.

I. Camera mortuară

Forma generală a gropii funerare este dreptunghiulară (uneori având colțurile rotunjite) cu pereții drepecți [Dergaciov 1994, 124]. Alte forme atestate cu o frecvență mai mică sunt cele trapezoidale neregulate, ovale, pătrate sau cvasirombice neregulate [Iarovoi 1985, 63-64]. Fundul gropii, de obicei, era plat, orizontal. De foarte multe ori în colțurile acestora s-au depistat gropițele parilor verticali ce sprijineau acoperișul lemnos. Desori asemenea gropițe s-au semnalat și pe mijlocul pereților camerei funerare. Prezența uneia sau a câtorva trepte pe marginea gropii funerare este o altă caracteristică a mormintelor tumulare. Acestea aveau scopul de a menține malul de pământ din jurul camerei, deși, probabil este și un element de ritual. De foarte multe ori la nivelul treptei se aranja învelișul din bârne de lemn al camerei

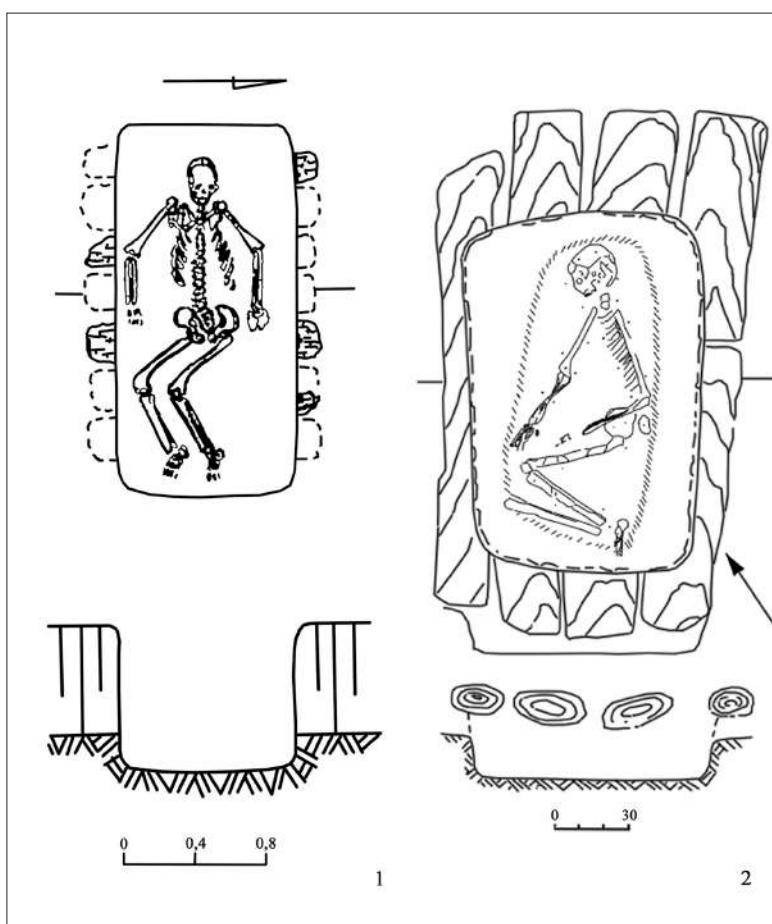

Fig.1. Tipurile distinctive de poziționare a defunctului. 1- Decubitus dorsal, picioarele îndoite din genunchi și ridicate (Doibani, 1/3); 2- Poziția chirăită a defunctului (Brăviceni, 19/4).

Fig. 1. Main positions of the deceased. 1- Supine body positions (Doibani, 1/3); 2- Crouched position (Brăviceni, 19/4).

sepulcrale, dispuse longitudinal sau transversal [Dergaciov 2010, 286-287]. De regulă, pe fundul gropii era așternut un strat de materiale vegetale, în timpul săpăturilor fiind semnalate urme de putregai de culoare brun-închisă, cenușie deschisă sau albă. Purtătorii culturii Iamnaia practica depunerea pe fundul camerei mortuare a diverselor materiale: cretă, ocră, nisip, lemn (uneori coji de copac) [Dumitroaia 2000, 113], cărbuni de lemn, piatră [Iarovoi 1985, 31, 65; Ivanova 2013, 225]. Cu lemn ori piatră era căptușit fundul sau pereții gropii, lemnul fiind întâlnit mult mai des [Iarovoi 1985, 63]. În unele cazuri, pereții erau unși cu lut [Dergaciov 1986, 35]. În afară de bârne și scânduri de lemn, camera funerară mai putea fi acoperită cu lespezi de piatră, însă cu frecvență foarte redusă.

II. Poziționarea defunctului

După amenajarea camerei mortuare, fiind respectate practicile funerare, era depus defunctul. Pot fi remarcate câteva poziții caracteristice pentru fazele mai timpurii și mai târzii ale culturii (fig. 1), care au, însă, o multitudine de variații. Cea mai des întâlnită poziție este decubitus dorsal, brațele întinse, iar picioarele îndoite și ridicate din genunchi (grupa II) [Dergachev 1986, 37]. Ulterior, picioarele cădeau pe una din părți (dreapta sau stânga) ori și de-o parte, și de alta [Gogăltan 2013, 40]. Alt mod în care era poziționat frecvent defunctul era chircit moderat sau accentuat pe partea dreaptă ori pe partea stângă (grupa III și IV) [Dergachev 1986, 37-39]. S-au realizat tipologii în care au fost identificate 4 situații [Dergachev 1986, 36-42]; 60 de variante de poziționare a defunctului, împărțite în 4 grupe mari [Iarovoi 1985, 38-42]; 5 poziții [Ivanova 2013, 224]. Un ritual funerar practicat era inhumarea defuncților în morminte colective. Cel mai des erau înmormântați adulți împreună cu copii, dar se cunosc și morminte colective numai cu adulți [Iarovoi 1985, 69]. A fost atestată o legitate în orientarea scheletului și a gropii funerare. Principiul de ordonare a defuncților în complexe funerare este identic: în centrul tumulului se află un mormânt principal, iar în jurul acestuia sunt mormintele secundare, orientate împotriva acelor ceasornicului și invers [Dergachev 1986, 40; Dergachev 1994, 124-125].

III. Presărarea cu ocră

Elementul ritualului funerar ce reprezintă cultura Iamnaia este vopsirea cu ocră a mormintelor. În literatura de specialitate purtătorii culturii sunt cunoscuți și cu denumirea „cultura mormintelor cu ocră” [Dumitroaia 2000, 102]. Acest ritual era respectat cu regularitate, însă pot fi depistate câteva variații ale lui. În fazele mai timpurii ale culturii defunctul era integral vopsit cu un strat gros de ocră, ulterior – doar anumite părți ale corpului (craniul, mâinile, bazinul), ca la etapele târzii să fie presărate cu ocră foarte puține morminte. Argila de nuanță roșietică a fost atestată în complexe funerare în formă de incluziuni, pete, praf și bulgări. Bulgărașii și petele au fost descoperite lângă craniu, humerus, mâini

sau la picioare. Ritualul se distinge și prin faptul că au fost observate câteva nuanțe de ocră. În tumulul de lângă satul Frunză (Ocnița) două morminte aveau urme de ocră roșu și vișiniu închis. În necropola de lângă satul Brăviceni (Orhei) erau 48 de morminte ale culturii Iamnaia cu urme de ocră. Nuanțele prezente sunt: roșu aprins (2), roșu (26), zmeuriu (6), bordo (14), purpuriu (6), violet (2). Merită de evidențiat mormântul 12 din tumulul I [Larina et al. 2008, 10, ris. 4,3], în care au fost semnalate 2 nuanțe de ocră: părțile corpului erau vopsite în purpuriu, iar lângă umărul stâng era un bulgăre de ocră zmeuriu. În complexul funerar de lângă satul Vadul lui Isac (Cahul) erau 8 morminte cu urme de ocră de trei nuanțe: roșu aprins (3), roșu (6) și brun (1).

IV. Inventarul funerar

S-a menționat faptul că mormintele tumulare sunt destul de rar însoțite de inventar funerar [Surdu 2016, 514]. Acesta poate fi divizat în câteva categorii: ceramică (întâlnită cel mai frec-

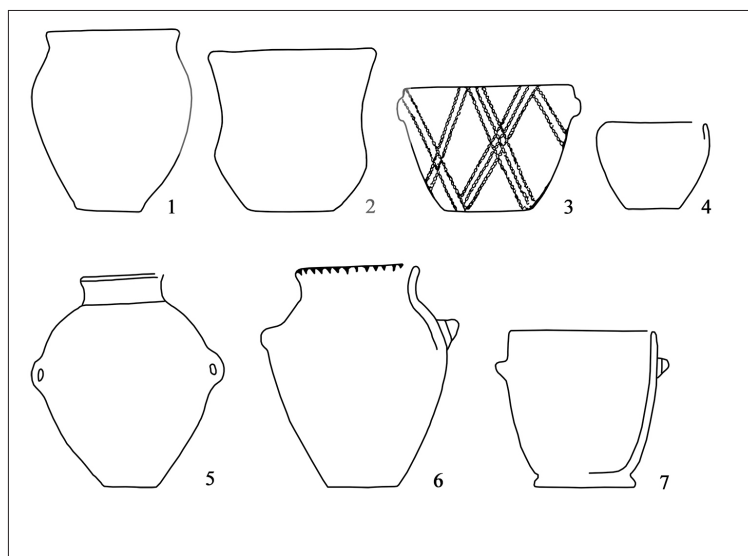

Fig. 2. Tipurile de ceramică. 1- Vase-borcan (Etulia, 1/14); 2- Cupe în formă de clopot (Glubokoe, 2/8); 3- Vase tronconice fără suport (Gura Bicului, 5/13); 4- Cești (Cioburciu, 1/2); 5- Amfore cu torți perforate orizontal (Efimovka, 10/7); 6- Amfore cu torți tubulare sau cu orificii verticale (Tudora, 2/manta); 7- Vase tronconice cu suport (Bashtanivka, 4/25).

Fig. 2. Types of ceramics. 1- Jar (Etulia, 1/14); 2- Bell-shaped cups (Glubokoe, 2/8); 3- Conical vessels without circular support (Gura Bicului, 5/13); 4- Cups (Cioburciu, 1/2); 5- amphora with relatively flat handles, horizontally perforated (Efimovka, 10/7); 6- Amphorae with tubular handles or flat handle with vertical holes (Tudora, 2/ layer); 7- Conical vessels with circular support (Bashtanivka, 4/25).

vent), unelte din silex, os și metal, arme, obiecte de podoabă din metale prețioase și semiprețioase. Au fost descoperite și oase de animale. Un caz deosebit a fost atestarea unei carapace de broască țestoasă (Cimișlia 1/3) [Dergachev 1973, 25].

a. Ceramică

Cel mai des întâlnit inventar funerar îl reprezintă piesele ceramice. Pasta ceramică este cu amestec de șamotă și uneori în compoziția argilei intră scoici mărunțite [Iarovoi 1985, 82, Burtănescu 2002, 294-295]. Modelarea și netezirea cu mâna oferă un aspect neuniform vaselor ceramice [Dergachev 1994, 125]. Sunt arse inegal [Dumitroaia 2000, 114], culorile după ardere fiind gri închis (cenușiu), negru, cafeniu-roșietic și uneori galben deschis [Iarovoi 1985, 82; Dergachev 1994, 125]. Categoriile de ceramică (fig. 2, 1-7) descoperite în complexele funerare sunt: amfore cu corpul globular sau ovoidal cu două torți late perforate orizontal; amfore globulare sau ovoidale cu torți tubulare și urechiușe plate semicirculare, cu orificii verticale; cupe/pahare în formă de clopot, cu corp globular, gura deschisă și gât înalt tronconic; vase tronconice cu sau fără suport circular, urechiușe cu orificii verticale; cești și cupe simple, semisferice sau tronconice; vase-borcan cu corp ovoidal, buză răsfrântă etc. [Dergachev 1994, 125]. Cele mai cunoscute tipuri de ceramică descoperite în mormintele tumulare sunt vasele-borcan (grupa I), vase tronconice cu sau fără suport (grupul II și III), cupe (grupa IV), cești (grupa V) și amfore (grupa VI) [Iarovoi 1985, 83-88]. Vasele se găseau în fața craniului, la spatele acestuia sau, uneori, la picioare. După analiza materialului arheologic s-a constatat, că fiecărei perioade îi corespund câteva tipuri de ceramică. În baza materialului disponibil, specialiștii în domeniu au identificat mai multe forme de vase de ceramică: 13 [Iarovoi 1985, 83-89] 6 [Dergachev 1986, 42-54] și 8 categorii de recipiente de ceramică [Ivanova 2013, 242].

b. Unelte și arme

Unelte și armele sunt confecționate din metal, os, piatră și silex (fig. 3, 1-3). Ele reprezintă artefacte destul de rare pentru fenomenul tumular. Pot fi identificate câteva tipuri de unelte și

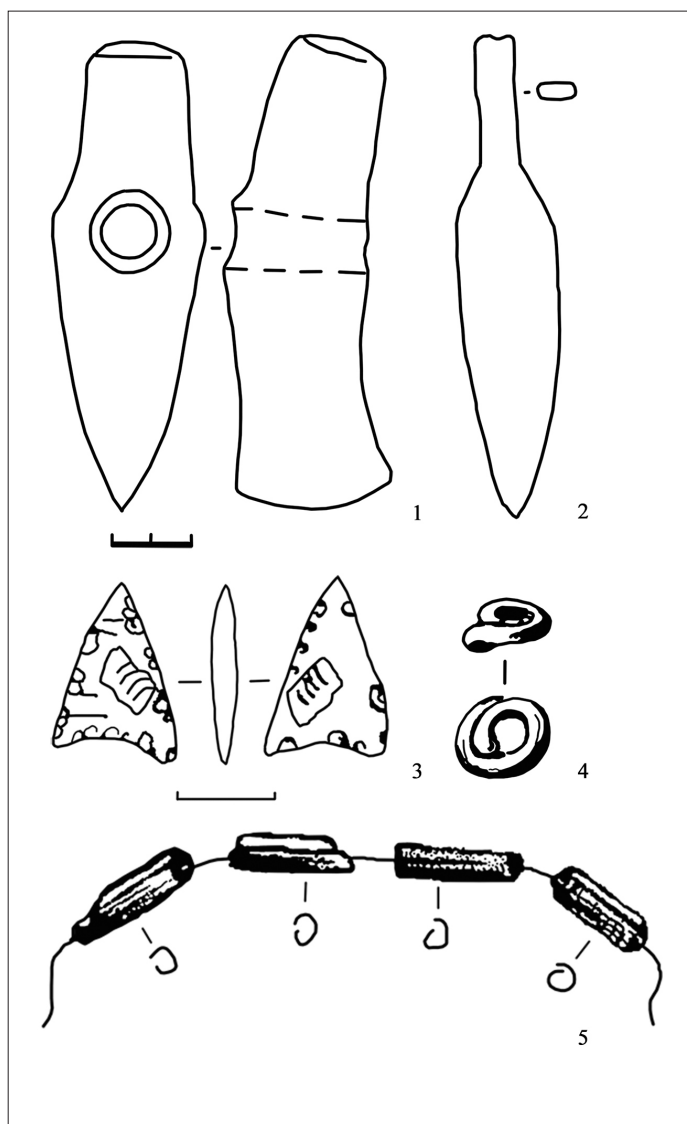

Fig. 3. Unelte, arme și obiecte de podoabă. 1- Topoare din silex sau piatră dură (Semenivka, 8/16); 2- Cuțite-pumnale miniaturale (Căușeni, 1/10); 3- Vârfuri de săgeată din silex sau os (Brăviceni, 18/3); 4- Inele de buclă cu una sau mai multe spire (Corpaci, 2/12); 5- Brățări din mai multe tuburi mici răsucite din foițe de metal (Roșcani, 1/13).

Fig. 3. Labor tools, arms and jewelries. 1- Axes with hole for holding from hard rock or flint (Semenivka, 8/16); 2- Miniature knives (Căușeni, 1/10); 3- Arrowheads from bone or flint (Brăviceni, 18/3); 4- Rings with one or more metal coils (Corpaci, 2/12); 5- Bracelets composed of several small tubes twisted from metal foil (Roșcani, 1/13).

arme: topoare din silex în formă de pană, topoarele-ciocan, pumnale miniaturale, lamele, cuțite, așchii răzuitoare, străpungătoare. În calitate de arme se mai întâlnesc vârfuri de sulite din os și din silex [Iarovoi 1985, 78-80; Dergachev 1986, 54-56]. Vestigiile din metal sunt în minoritate

comparativ cu uneltele și armele lucrate în alte materiale. Acestea au fost descoperite în regiunea părții superioare a scheletului, în special, în regiunea craniului. Un tip specific de descoperiri este reprezentat de componente ale carului de lemn cu patru roți, fiind depistate rămășițe de roți cu bucsă (Taraclia, Căușeni, Giurgiulești) [Dergachev 1994, 125; Haheu, Popovich 2010, 133].

c. Obiecte de podoabă

În calitate de inventar funerar, în morminte se întâlnesc obiecte de podoabă. (fig. 3,4-5) Acestea sunt din aur, argint, bronz, cupru, os și scoici. Tipurile de podoabe cunoscute sunt: inele de buclă (Iabloana 1/17, Gura Bîcului 5/3, Cioburciu (1968) 1/11) [Dergachev 1986, 56] alcătuite din una sau mai multe spire (greutatea variază între 0,36 - 6,49 gr și cu diametrul de aproximativ 18 mm) [Niculitse 2009, 159-162]; brățări simple; brățări compuse din foițe răsucite din metal (Plavni 9/12, Borisivka 9/6, Roșcani 1/13, Cuconești Vechi, Burlănești) [Dergachev 1986, 57; Ivanova 2015, p. 27-29]; salbe din dinți de animale și scoici [Frînculeasa et al. 2015, 47]. Cele mai des întâlnite sunt inelele de buclă din argint descoperite pe oasele temporale [Iarvoi 1985, 80], având un grad înalt de puritate, precum și brățările din foițe de cupru descoperite la încheietura mâinii stângi și mai rar la mâna dreaptă [Dergachev 1986, 57; Dergachev 1994, 125].

V. Acoperirea gropii funerare

Deasupra mormintelor erau ridicate movile de diferite dimensiuni și înălțimi [Dergachev 1986, 30; Ivanova 2013, 223]. Un tumul simplu era alcătuit dintr-o singură manta, în timp ce un tumul complex presupune câteva straturi de mantale, în care au fost descoperite mai multe morminte aproximativ sincronice sau ale altor culturi. Acest ritual este considerat unul definitoriu pentru cultura Iamnaia, cu excepția câtorva morminte plane (Taraclia, Harmațca) [Dergachev 1994, 123]. În mantaua tumulului de multe ori au fost descoperite fragmente de ceramică sau chiar vase întregi, deosebită fiind prezența stelelor antropomorfe de piatră, ce deseori acopereau camera mortuară (Balabanu 13/6, Ias'ki 2/4, Kholmskoe 2/5) [Iarvoi 1985, 96-98].

Concluzii

În baza caracteristicilor evidențiate, poate fi descris succint ritualul funerar. Etapele acestuia sunt: săparea gropii; poziționarea defunctului; presărarea cu ocră; depunerea inventarului mortuar alcătuit din recipiente ceramice, unelte, arme și obiecte de podoabă; acoperirea camerei funerare. Din cauza numărului mare de monumente tumulare, există mai multe variații de interpretare ale ritualului funerar, din care cauză, în circuitul științific continuă să persiste diverse clasificări sau catalogări.

Bibliografie

- Burtănescu 2002:** F. Burtănescu, Epoca timpurie a bronzului între Carpați și Prut (București 2002).
- Dergachev 1973:** V.A. Dergachev, Pamiatniki epokhi bronzy. AKM. Vyp. 3 (Kishinev 1973) // В.А. Дергачев, Памятники эпохи бронзы. АКМ. Вып. 3 (Кишинев 1973).
- Dergachev 1986:** V.A. Dergachev, Moldaviia i sosednie territorii v epokhu bronzy (Kishinev 1986) // В.А. Держачев, Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы (Кишинев 1986).
- Dergachev 1994:** V. Dergachev, Epoca Bronzului. Perioada timpurie. Thraco-Dacica XV, 1-2, 1994, 121-140.
- Dergaciov 2010:** V. Dergaciov, Evoluția comunităților patriarhale. Epoca bronzului. In: (red. V. Dergaciov) Istoria Moldovei. Epoca preistorică și antică (până în sec. V) (Chișinău 2010), 265-311.
- Dumitroaia 2000:** Gh. Dumitroaia, Comunități preistorice din nord-estul României. De la cultura Cucuteni până în bronzul mijlociu (Piatra-Neamț 2000).
- Frînculeasa, Preda, Heyd 2015:** A. Frînculeasa, B. Preda, V. Heyd. Pit-Graves, Yamnaya and Kurgans along the Lower Danube: Disentangling IVth and IIIrd Millenium BC burial customs, equipment and chronology. Praehistorische Zeitschrift 90 (1-2), 2015, 45-113.
- Gogâltan 2013:** F. Gogâltan, Transilvania și spațiul nord-pontic. Relații interculturale între sfârșitul epocii cuprului și începutul epocii bronzului (cca 3500-2500 a.Chr.). Terra Sebus. Acta Musei Sabesiensis 5, 2013, 31-76.
- Haheu, Popovici 2010:** V. Haheu, S. Popovici, Rascopki kurganov u s. Giurgiulești v Nizhnem Popruče. RA VI, 1,

2010, 130-150 // В. Хахей, С. Попович, Раскопки курганов у с. Жюржюлешть в Нижнем Попрутье. RA VI, 1, 2010, 130-150.

Iarovoi 1985: E.V. Iarovoi, Drevneishie skotovodcheskie plemena Iugo-Zapada SSSR (Kishinev 1985) // Е.В. Яровой, Древнейшие скотоводческие племена Юго-Запада СССР (Кишинев 1985).

Iarovoi 2000: E.V. Iarovoi, Skotovodcheskoe naselenie Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia epokhi rannego metal-la. Avtoreferat diss. na soisk. uc. stepeni dok. ist. nauk (Moskva 2000) // Е.В. Яровой, Скотоводческое население Северо-Западного Причерноморья эпохи раннего металла. Автореф. дисс. на соиск. уч. степени докт. ист. наук (Москва 2000).

Ivanova 2013: S.V. Ivanova, Iamnaia (Budzhakskaiia) kul'tura. In: (eds. I.V. Bruiako, T.L. Samoilova) Drevnie kul'tury Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Odessa 2013), 211-255 // С.В. Иванова, Ямная (Буджакская) культура. В сб.: (Отв. ред. И.В. Бруяко, Т.Л. Самойлова) Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (Одесса 2013), 211-255.

Ivanova, Toshchev 2015: S.V. Ivanova, G.N. Toshchev, Late eneolithic and bronze age prologue Pontic societies. Forest-steppe Middle Dniester and Prut drainage basins in the 4th/3rd-2nd millennium BC: a history of investigations. Baltic-Pontic Studies 20, 2015, 7-39.

Larina, Manzura, Haheu 2008: O. Larina, I. Manzura, V. Haheu, Brevichenskie kurgany (Kishinev 2008) // О. Ларина, И. Манзура, В. Хахей, Брэвиченские курганы (Кишинев 2008).

Niculitse 2009: A. Niculitse, Iuvelirnye izdeliia iz zolota i serebra, obnaryzhennye pri raskopkakh pamiatnikov epokh eneolita i bronzy (po materialam iz fondov NMAIM). Tyragetia S.N. III [XVIII], 2009, 157-168 // А. Никулцэ, Ювелирные изделия из золота и серебра, обнаруженные при раскопках памятников эпох энеолита и бронзы (по материалам из фондов НМАИМ). Tyragetia S.N. III [XVIII], 2009, 157-168.

Surdu 2016: V.V. Surdu, Istoriograficheskie aspekty issledovaniia Iamnoi kul'tury Karpato-Dnestrovskogo regiona. Starodavne prichornomor'ia XI, 2016, 512-517 // В.В. Сурду, Историографические аспекты исследования ямной культуры Карпато-Днестровского региона. Стародавнэ причорномор'я XI, 2016, 512-517.

Victoria Surdu, cercetător științific stagiar, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural AȘM, bd. Ștefan cel Mare 1, Chișinău, MD 2001, Republica Moldova, e-mail: vicasurdu@yahoo.com

Алексей Крютченко

Городища-убежища скифского времени Днепро-Донской лесостепи

Keywords: Scythian culture, the system of settlements, hillfort, the Dnieper-Don Forest-steppe.

Cuvinte cheie: cultura scitică, structură de habitat, aşezări-adăposturi, silvostepa Nipru-Don.

Ключевые слова: скифская культура, поселенческая структура, городища-убежища, Днепро-Донская лесостепь.

Alexey Kryutchenko

Scythian-time fortified refuges from the Dnieper-Don forest-steppe

Today more than 227 Scythian-time hillforts are known in the Dnieper-Don forest-steppe. Among them 33 enclosures considered as fortified refuge were distinguished in special group. Poor cultural stratum and lack of permanent constructions are typical for these monuments.

Analysis of the known fortified refuges shows absence of common opinion about such a meaningful feature as thickness of the cultural layer. But this criterion could be very useful. There are no detected artifacts on some of the fortified refuges whereas on another monuments cultural layer could have thickness not more than 0,25-0,3 m. There are several reasons for origination a fortified refuge. External invasions and internal conflicts are among them. In addition, progress in social and economy field should be noted. One can considered that thickness of the cultural layer was conditioned by short-term habitation. Also it is impossible to agree with symbolic or religious significance of the fortified refuges because of lack of material. And possible hypothesis about their usage as fortified pastures requires more proofs.

Due to presented in this article material one can suppose that so-called fortified refuges it is remains of the fortified settlements. But life activity here was interrupted on the initial stage of monuments development. Analysis of the hillforts with poor cultural layer shows that they function was primarily as defensive structures.

Alexey Kryutchenko

Fortificații – adăposturi scitice din silvostepa Nipru-Don

La momentul de față, în zona de silvostepă Nipru-Don sunt cunoscute cel puțin 227 fortificații specifice perioadei scitice, dintre care 33 au fost catalogate de cercetători drept adăposturi. Pentru această categorie de monumente sunt caracteristice stratul cultural slab reprezentat și lipsa construcțiilor de habitat de lungă durată.

Analiza materialelor din cadrul aşezărilor-adăposturi cunoscute demonstrează că în rândurile specialiștilor nu există încă un consens cu privire la importanța delimitării unui asemenea criteriu pentru acestui grup, precum consistența stratului cultural. În unele cazuri, vestigiile epocii care ne interesează în general nu sunt surprinse, iar în altele, grosimea stratului ajunge până la 0,25-0,30 m. Printre cauzele apariției adăposturilor sunt specificate atât agresiunea externă și conflictele interne, cât și schimbările de ordin social-economic. În opinia noastră, anume exploatarea de scurtă durată a fortificațiilor a condiționat consistența slabă a stratului cultural. La întrebarea „Aveau fortificațiile-adăposturi funcția de sanctuare?”, în baza materialelor de care dispunem, este imposibil să dăm un răspuns univoc, iar ipoteza utilizării lor în calitate de grajduri pentru animale necesită argumente suplimentare.

În baza materialului expus în articol, putem doar presupune că fortificațiile-adăposturi reprezintă mărturii ale primelor etape în dezvoltarea aşezărilor fortificate, adică acele monumente, evoluția cărora din motive necunoscute s-a întrerupt încă în etapa incipientă. Având în vedere rolul fortificațiilor cu stratul de cultură mai puțin consistent, nu avem argumente convingătoare referitor la alte funcții, cu excepția celor de apărare.

Алексей Крютченко

Городища-убежища скифского времени Днепро-Донской лесостепи

В настоящее время в Днепро-Донской лесостепи известно не менее 227 городищ скифского времени, 33 из них исследователи выделяют в отдельную группу убежищ. Для этой категории памятников характерен слабонасыщенный культурный слой и отсутствие долговременных сооружений жизнедеятельности человека.

Обзор материалов известных убежищ показывает отсутствие среди учёных единого мнения о таком важном для выделения данной группы признаке, как мощность культурного слоя. В одних случаях находки интересующей нас эпохи не обнаружены вовсе, в других мощность слоя, хоть и невыразительного, достигает 0,25–0,3 м. К причинам появления убежищ относят как факторы внешней агрессии и внутренних междоусобиц, так и изменения в социальной и экономической сферах. По нашему мнению, именно кратковременное использование городищ обусловило слабую насыщенность их культурного слоя. На вопрос «Выполняли ли городища-убежища культовые функции?» в свете име-

ющего материала ответить невозможно. А гипотеза об их использовании в качестве загонов для скота требует дополнительной аргументации.

На основе изложенного в статье материала мы можем предположить, что городища-убежища являются свидетельствами первых фаз развития (становления) укрепленных поселений, то есть теми памятниками, развитие которых по неизвестным причинам прервалось на начальном этапе. Рассматривая функциональное назначение всех укреплений со слабонасыщенным культурным слоем, мы не видим убедительных доказательств какой-либо иной их функции, кроме оборонительной.

Термин «городище-убежище» используют для характеристики укрепленных поселений со слабонасыщенным либо практически отсутствующим культурным слоем. Он широко применяется исследователями и охватывает хронологический диапазон от периода бронзы до развитого средневековья. География его также обширна и связана с памятниками населения лесного и лесостепного поясов Евразии.

Зачастую набор количественных признаков, характеризующих данный тип памятников, определяют обособленно в рамках отдельно взятых культур, регионов и эпох. Но в общепризнанном виде для них характерен чрезвычайно слабонасыщенный культурный слой и отсутствие долговременных сооружений [Kashuba, Khakheu, Levitskii 2002, 203]. Не характерны для них и жилые предграды. Это свидетельствует о том, что городища не развивались во времени, застывая в своей первоначальной форме [Shramko 1962, 188].

Одним из первых применительно к лесостепным памятникам скифского времени термин «городище-убежище» использовал М.И. Артамонов. Исследователь выделял два типа городищ: заселенные и служившие только убежищами на время военной опасности [Artamonov 1974, 94]. К их числу автор относил Немировское, Бельское, Пастырское, где на отдельных участках, тем не менее, постоянно проживало население. П.Д. Либеров в своей докторской диссертации, посвященной памятникам Подонья, выделял группу городищ, в культурном слое которых отсутствовали либо присутствовали, но в незначительном количестве, бытовые остатки. Исследователь считал, что данный тип укрепленных поселений использовался в качестве «загонов для скота или оборонительных пунктов в период набегов или военной опасности» [Liberov 1971, II, 46].

Развивая мысль П.Д. Либерова, А.П. Медведев, наряду с городищами-убежищами, рас-

сматривает среди памятников раннего железного века Подонья особую категорию: «большие городища без признаков постоянного обитания или же с крайне невыразительным культурным слоем типа Шубного, Аверинского и некоторых Волошинских городищ» и связывает их со следами деятельности лесостепных кочевников [Medvedev 1999, 65–66; Medvedev 2004, 25–26].

А.А. Шевченко в своей кандидатской диссертации, посвященной городищам скифского времени Верхнего и Среднего Подонья, отмечает, что на серии укреплений, связываемых с «городищами-загонами», входы располагались по всему периметру системы обороны. По мнению автора, в случае возникновения военной опасности подобное строение укреплений позволяло значительно ускорить время захода скота внутрь площадки городища. Ввиду этого расположение входов было продиктовано «практическими требованиями скотоводства» [Shevchenko 2010, 48–49].

Городище Кудеярово находится на высоком коренном берегу р. Битюг (рис. 1,5; табл. 1,5). С напольной стороны и в центральной части памятник укреплен валами и рвами (рис. 2). Разведывательные раскопки, проводившиеся на территории городища, не дали никаких материалов, и лишь под насыпью внутреннего вала было обнаружено большое количество золы и углей, которые свидетельствовали о сожжении ранее существовавшей здесь деревянной стены [Liberov 1965, 108–110]. Городище в урочище Тромбаки расположено на мысу и образовано двумя оврагами. С юга, помимо основной линии укреплений, городище отделено от напольной стороны ровом и валом, имеющим один въезд. С юго-запада на северо-запад от вала расположены три возвышенности, имеющие между собой достаточно широкие пространства. «По своей структуре поселения Тромбаки и Кудеярово очень схожи. Скорее всего, оба эти памятника имели

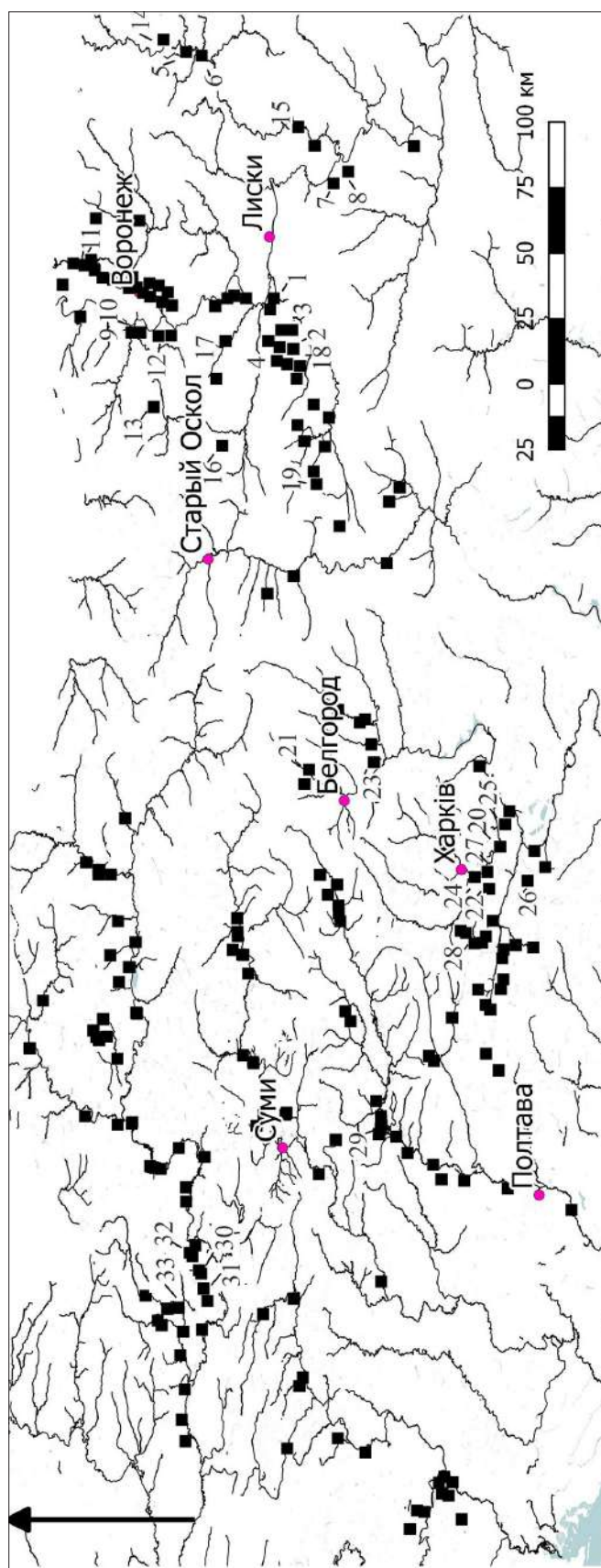

Рис. 1. Карта городищ скифского времени Днепро-Донской лесостепи. Городища-убежища, загоны и укрепления «без слоя»: 1. Авериное; 2. Волошино III; 3. Волошино IV; 4. Волошино VI; 5. Кудеярово; 6. Трамбаки; 7. Большое Костомаровское; 8. Малое Костомаровское; 9. Рамонь I; 10. Рамонь II; 11. Староживотинное I; 12. Устье II; 13. Верхнее Турово; 14. Шестаково; 15. Липовка; 16. Скупая Потудань; 17. Гора Бела II; 18. Шубное; 19. Верхняя Покровка I; 20. Водяное; 21. Сабань; 22. Яковлевское; 23. Филиппово 2; 24. Донецкое; 25. Мохначанское; 26. Тарановское; 27. Хорошевское; 28. Чернецкий Яр; 29. Сосонка 3; 30. Новая Слобода II; 31. Линово; 32. Бунякино I; 33. Ротовка.

Fig. 1. Map of ancient settlements of Scythian time of the Dnieper-Don forest-steppe. Settlements-shelters, pens and fortifications "without a layer": 1. Averiino; 2. Voloshino III; 3. Voloshino IV; 4. Voloshino VI; 5. Kudeiarovo; 6. Trambaki; 7. Bol'shoe Kostomarovskoe; 8. Maloe Kostomarovskoe; 9. Ramon I; 10. Ramon II; 11. Starozhivotinnoe I; 12. Uste II; 13. Verkhnee Turovo; 14. Shestakovo; 15. Lipovka; 16. Skupaia Potudan; 17. Gora Belaia II; 18. Shubnoe; 19. Verkhniaia Pokrovka I; 20. Vodiano; 21. Sabyino; 22. Iakovlevskoe; 23. Filippovo 2; 24. Donetskoe; 25. Mokhnachanskoe; 26. Taranovskoe; 27. Khoroshevskoe; 28. Chernetskii Iar; 29. Sosonka 3; 30. Novaia Sloboda II; 31. Linovo; 32. Buniakino I; 33. Rotovka.

№ п.п.	Название памятника	Бассейн реки	Площадь (в га)	Мощность культурного слоя (в метрах)	Тип по А.А. Морузенко		Исследованная площадь м ²	Датировка (века до н.э.)
					класс	тип		
1	Авериное	Средний Дон	12	-	I	I	<200	V - начало III
2	Волошино III	Средний Дон	6	0,6	I	VII	Шурф	V - начало III
3	Волошино IV	Средний Дон	4,5	0,4	I	I	Шурф	V - начало III
4	Волошино VI	Средний Дон	6	0,4-0,6	II	III	Шурф	V - начало III
5	Кудеярово	Средний Дон	10	-	II	II	Шурф	V - начало III
6	Трамбаки	Средний Дон	6	-	II	VII	Шурф	V - начало III
7	Большое Костомаровское	Средний Дон	30	-	I	I	Шурф	V - начало III
8	Малое Костомаровское	Средний Дон	7	-	I	I	Шурф	V - начало III
9	Рамонь I	Верхний Дон	1	0,3	I	?	Шурф	V - начало III
10	Рамонь II	Верхний Дон	0,4	0,25	I	I	Шурф	V - начало III
11	Староживотинное I	Верхний Дон	0,25	-	I	X	Шурф	V - начало III
12	Устье II	Верхний Дон	0,1	0,2	I	I	Шурф	V - начало III
13	Верхнее Турово	Верхний Дон	0,5	-	I	I	Шурф	V - начало III
14	Шестаково	Верхний Дон	0,15	-	I	I	Шурф	V - начало III
15	Липовка	Средний Дон	Н.д	-	II	III	Шурф	V - начало III
16	Скупая Потудань,	Средний Дон	0,35	0,25	I	I	Шурф	V - начало III
17	Гора Белая II,	Верхний Дон	0,2	0,25	I	I	Шурф	V - начало III
18	Шубное	Средний Дон	10	-	I	II	Шурф	V - начало III
19	Верхняя Покровка I	Средний Дон	0,4	-	I	I	Шурф	V - начало III
20	Водяное	Северский Донец	2,5	-	I	I	2677	V-IV
21	Сабынино	Северский Донец	≈ 2,6	-	II	II	Шурф	V-IV
22	Яковлевское	Северский Донец	1,14	0,2	I	I	25	V-IV
23	Филиппово 2	Северский Донец	≈ 2,30	-	I	I	Шурф?	V-IV
24	Донецкое	Северский Донец	2	0,2-0,3	I	IV	1100	V-IV
25	Мохначанское	Северский Донец	1,4	отдельные находки	I	I	1600	V-IV
26	Тарановское	Северский Донец	2,2	0,3	I	VII	17	V-IV
27	Хорошевское	Северский Донец	33	отдельные находки	I	III	83	V-IV
28	Чернецкий Яр	Северский Донец	1,2	До 0,5	I	VI	27,5	V-IV
29	Сосонка 3	Ворскла	≈ 6,5	-	I	I	0	V-IV
30	Новая Слобода II	Сейм	0,4	0,2-0,4	I	I	Шурф	Вт. пол. V-IV
31	Линово	Сейм	0,8	0,3-0,4	I	I	Шурф	Вт. пол. V-IV
32	Бунякино I	Сейм	1,8	0,25-0,3	I	I	Шурф	Вт. пол. V-IV
33	Ротовка	Сейм	≈1	0,25-0,35	I	I	Шурф	Вт. пол. V-IV

Табл. 1. Каталог городищ-убежищ Днепро-Донской лесостепи.

Tab. 1. List of refuges from the Dnieper-Don forest-steppe.

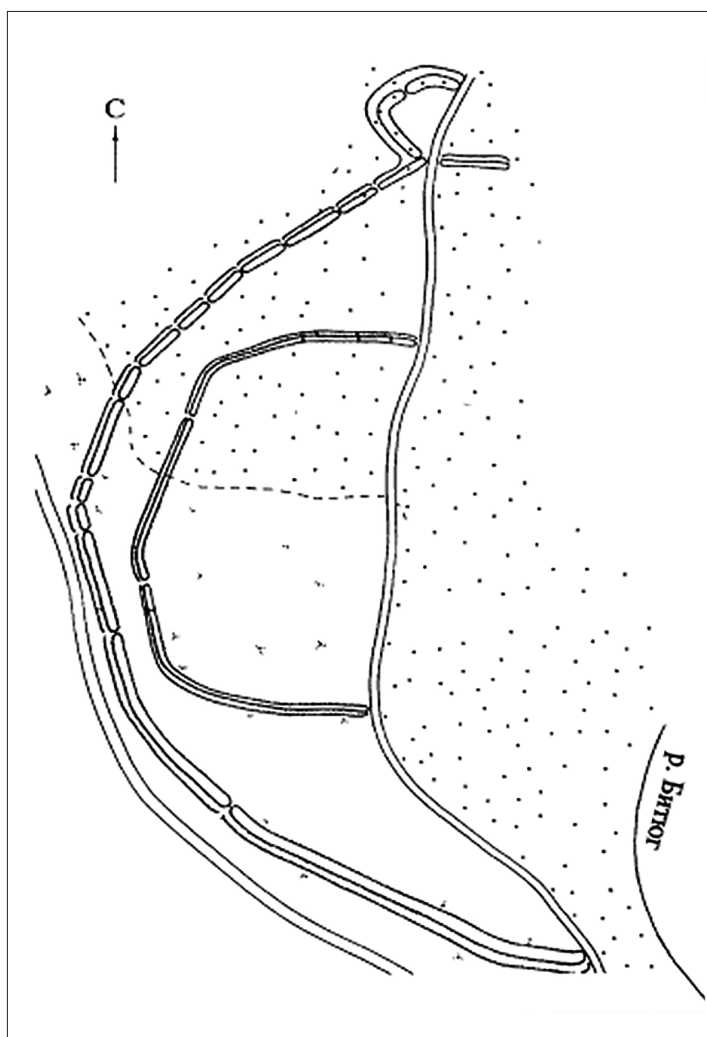

Рис. 2. Городище Кудеярово (по А.И. Пузиковой).

Fig. 2. The Hillfort Kudeiarovo (by A.I. Puzikova).

особое значение в системе поселенческих структур Среднего Дона в раннем железном веке: во-первых, они значительно удалены от основной массы городищ, а во-вторых, практически не имеют культурного слоя». Исходя из этого, А.А. Шевченко вслед за П.Д. Либеровым утверждает, что данные пункты выполняли функцию загон для скота в период длительных откоёвок или же использовались как временные убежища, защищавшие скот и жителей окрестных неукреплённых поселений в периоды военной опасности [Liberov 1965, 10; Shevchenko 2010, 45–46].

Исследователь объединял данный тип памятников с городищами-убежищами в отдельную группу, включив в неё такие памятники, как Аверино, Волошино III, IV, VI, Кудеярово, Тромбаки, Большое и Малое Костомаровские

городища [Shevchenko 2010, 38]. В работе А.П. Медведева, посвященной изучению раннего железного века Подонья, приведена более широкая база городищ, включившая в себя памятники Верхнего Дона. В частности, кроме вышеизложенных поселений в перечень городищ-убежищ и загонв включены такие памятники как Рамонь I, II, Староживотинное I, Устье II, Верхнее Турово, Шестаково, Липовка, Скупая Потудань, Гора Белая II, Шубное, Верхняя Покровка I [Medvedev 1999]. Сегодня на территории Подонья известно более 60 городищ, 19 из них авторы относят к категории убежищ (рис. 1,1–19, табл. 1,1–19).

В настоящее время в бассейне р. Северский Донец известно более 30 городищ скифского времени [Grechko 2010; D'iachenko 2016; Okatenko, Slediuk 2017]. Девять из них исследователи выделяют в особую группу – городища-убежища (рис. 1,20–28, табл. 1,20–28). На наличие в данном регионе наряду с заселёнными городищами временных убежищ впервые указал Б.А. Шрамко. Исследователь назвал в числе их отличительных черт слабонасыщенный культурный слой и отсутствие жилых предградий [Shramko 1962, 188]. К их

числу автор отнёс городища у с. Водяное, Сабынино и Яковлевское [Shramko 1962, 176, 188, 189]. В совместной статье Д.С. Гречко и Г.Е. Свистун значительно расширили данный перечень, добавив в него Донецкое, Мохначанское, Тарановское, Хорошевское и городище Чернецкий Яр [Grechko, Svistun 2006, 22]. Исходя из набора количественных признаков, к списку можно добавить недавно описанное А.Г. Дьяченко городище Филиппово 2 [D'iachenko 2016].

В список убежищ Тарановское городище авторы ставили под вопросом [Grechko, Svistun 2006], т.к. работы на нём до недавнего времени ограничивались лишь сбором подъёмного материала. Впервые оно упоминается в объяснительном тексте к археологической карте Харьковской губернии [Bagalei 1905, 35].

Тарановское городище расположено на южном (высоком) берегу озера Жуковка, обра-

зовавшегося в результате насыпки дамбы на правом безымянном притоке р. Ольшанка (левый приток р. Мжа) (рис. 1,26). Площадь поверхности городища, вписанной в укрепления, составляет 2,2 га. Городище занимает мыс подтреугольной в плане формы (треугольник обращён вершиной на север), с запада и востока окружено ярами, северо-западная его часть выходит к озеру Жуковка. В северной оконечности мыса прослеживается тонкий перешеек, соединяющий его с коренным берегом. В этом месте разрыв в линиях валов и эскарпа образует древний въезд на городище. Оборонительные валы чётко прослеживаются в западной, южной, восточной и северо-восточной части укрепления. Общая длина чётко прослеживаемого вала составляет 420 м, а рва – 411 м (рис. 3). Это связано с тем, что в западной части укрепления ров выходит к яру, где сходит на нет, в то время как вал проходит дальше на север вдоль площадки городища. В северо-западной части, со стороны эскарпированного склона к озеру Жуковка, валы визуально не прослеживаются. О вероятном существовании древних насыпей на этом участке может свидетельствовать специфический растительный покров, идентичный фиксируемому на валу и отличный от растительного покрова внутренней площадки городища. Ров прослеживается в западной части укрепления, где начинается с эскарпированной площадки и далее проходит вдоль южной и восточной части укрепления, на севере он сходит на нет у входа на городище на подходе к эскарпу.

Укрепления городища во многом подчинены рельефу местности. Городищенский мыс с юга на север проходит под уклоном. В связи с этим, в северной оконечности высота площадки городища над уровнем озера составляет 17 м, в южной части мыса она составляет порядка 23 м. Укрепления городища представлены валом, рвом и эскарпом.

С южной (напольной) стороны городище отсекает участок мыса валом и рвом. В этом ме-

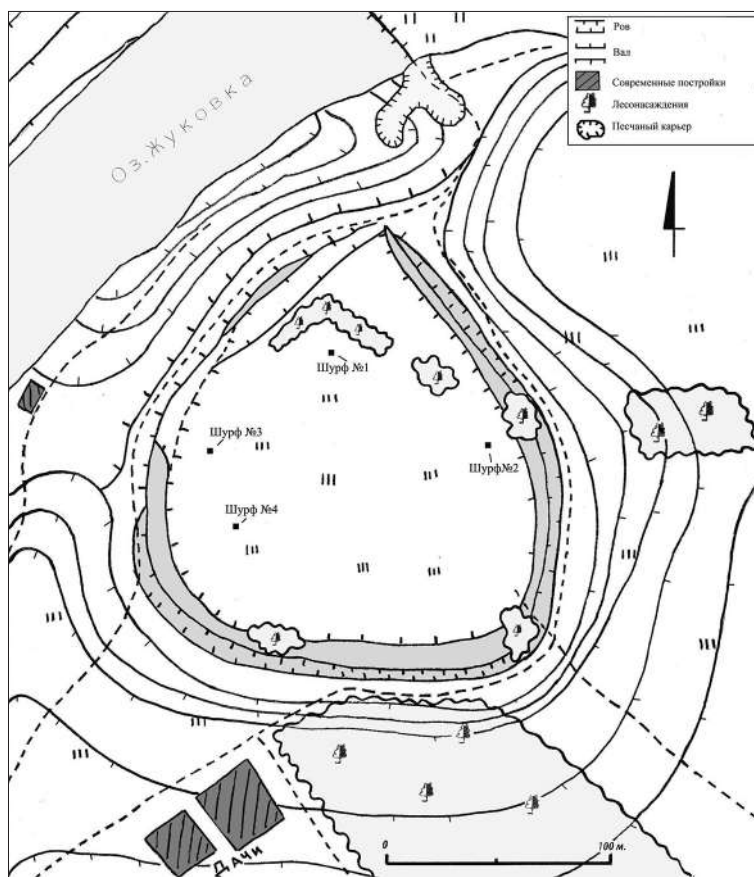

Рис. 3. Городище Тарановское.

Fig. 3. The Hillfort Taranovskoe.

сте невысокий (1,3 м) вал имеет ширину около 14 м. Ров шириной 9 м выходит на глубину 1,2 м. На юго-западном участке склон мыса подрезан и упирается в ров, глубина которого от поверхности городища составляет 2,45 м. Невысокий (до 0,7 м) вал на этом участке имеет ширину 11 м. В северо-восточной части городища вал имеет ширину 18 м, высота его составляет 1,3 м, ров шириной 12 м выходит на глубину 1,9 м. На западном участке крутизна склона увеличена с 10° до 15–20° на глубину 4,3 м. Северо-западный участок, выходящий к озеру Жуковка по краю городища, проходит небольшое возвышение в 0,05–0,1 м, склон к озеру эскарпирован, его крутизна увеличена до 30°, на глубине 4,3 м он выходит на площадку шириной 3 м и переходит во второй эскарп, который далее проходит под углом 20° к озеру.

На поверхности городища собран подъёмный материал, представленный в основном фрагментами лепной керамики скифского времени. Следует отметить, что большинство фраг-

ментов обнаружено в северной части городища. Часть артефактов найдена за пределами укреплений городища на грунтовых дорогах, которые обходят городище на севере и северо-востоке. В 2014 г. на поверхности городища было заложено четыре шурфа площадью по 4 кв.м. В них под задернованной поверхностью прослеживался чернозёмный слой мощностью от 0,2 до 0,35 м, содержащий в себе материалы, позволяющие отнести памятник к V–IV вв. до н.э. [Kriutchenko 2017b].

Яковлевское городище выявлено в 1925 г. группой харьковских археологов (Н.К. Фукс, А.О. Потапов, И.М. Луцкевич) [Fuks 1931, 91–111]. В 1951 г. на нём экспедицией под руководством Б.А. Шрамко были произведены разведки с шурфовой. Городище расположено в лесу, на левом высоком берегу р. Ржавчик (левый приток р. Мерефа), в 2 км на север от с. Яковлевка Харьковского района. Во время разведок Б.А. Шрамко был снят план этого городища. Его площадь составила 1,14 га.

С напольной стороны городища прослеживается небольшой вал и ров, а склон к реке на расстоянии 6 м от края городища эскарпирован и упирается в небольшой ров шириной 2 м и глубиной 0,5 м. Перед рвом прослеживается небольшая искусственная терраса шириной до 12 м. С северо-западной и юго-восточной стороны разрывы в системе укреплений образуют входы. На момент осмотра в 1951 г. вся поверхность городища была задернована и с целью изучения культурного слоя были заложены шурфы общей площадью 25 кв.м. В шурфах наблюдалась следующая стратиграфическая картина: под 10 см слоем дёрна до глубины 30 см шел культурный слой, а ниже – подзолистый, переходящий в бурый суглинок. Насыщенность культурного слоя чрезвычайно слабая [Shramko 1951, 45]. По сообщению сотрудников Харьковского областного управления культуры И.В. Билько и В.В. Дидыка, вблизи городища расположен курганный могильник, состоящий из порядка 30 насыпей.

Сабынино городище находится в верховьях Северского Донца у с. Сабынино Белгородской области РФ. Расположено на невысоком мысу, образованном двумя оврагами. Состоит из главного двора и предградья. Близость к поверхности грунтовых вод, а также практически отсутствующий культурный слой позволили Б.А.

Шрамко отнести его в разряд убежищ. Наличие предградья исследователь объяснял его сугубо оборонительной функцией [Shramko 1962, 187].

Городище у Чернецкого Яра обнаружено П.Д. Либеровым в 1953 г. в 1 км к юго-востоку от с. Байрак Харьковской области, на высоком правом берегу р. Чернечья. Высота мыса составляет порядка 12,5 м, с запада, севера и юга он ограничен глубокими лощинами, а с восточной напольной стороны примыкает к постепенно спускающемуся в направлении плато. Площадь городища составляет 0,7 га. С южной, западной и северной сторон вал усиливался крутизной ската, с восточной и северной стороны был выкопан ров, а земля использована для постройки вала. На западе и юге в настоящее время ров почти не прослеживается, за исключением юго-западной оконечности городища, наиболее не защищённой природными условиями. На востоке высота вала от дна рва составляет 1,9 м при ширине рва около 4 м, а на юге – 2,6 м [Korokhina, Okatenko 2004, 38–43]. Показательно, что в шурфах, заложенных А.В. Корохиной и В.Н. Окатенко, культурный слой был слабонасыщенным либо вообще отсутствовал, а в шурфе П.Д. Либерова, заложенном в центре городища, насыщенность культурного слоя была значительно больше [Liberov 1962]. Возможно, во втором случае раскоп был заложен над каким-то объектом.

Городище Филиппово 2 обнаружено А.Г. Дьяченко в 2 км к юго-востоку от с. Филиппово Валуйского района РФ на мысу, у слияния рек Верхний Моисей и Валуй. С напольной стороны прослеживаются укрепления подтреугольной в плане формы в виде вала высотой 0,1–1 м и рва глубиной 1,8 м. Ров заболочен. Въезд на городище представляет собой разрыв шириной 3,5 м в средней части укреплений. Культурный слой не выявлен [D'iachenko 2016].

Хорошевское городище у пгт. Хорошево Харьковского района Харьковской области – многослойный памятник. По данным Б.А. Шрамко, первые укрепления появились на нём ещё в скифское время, тогда городище охватывало мыс сложной конфигурации, который с севера ограничен береговым обрывом, а с запада и востока – большими оврагами. С напольной южной стороны городище местами было защищено ещё хорошо сохранившимся дуго-

образным валом и рвом, концы которых упирались в овраги. Протяжённость этой линии укреплений около 520 м. Высота валов местами доходит до 4–5 м. Общая площадь городища скифского времени превышала 33 га. Пока ещё не совсем ясен общий план укреплений городища в скифское время. Есть основания полагать, что оно состояло не из одного, а из двух укреплений (главный двор и предградье), как это часто наблюдается на лесостепных городищах скифской эпохи. В незначительном количестве присутствуют материалы скифского времени. Однако слои сильно пострадали в результате деятельности на более поздних этапах [Shramko 1991, 50–59].

Донецкое городище у с. Карачёвка Харьковского района Харьковской области – многослойный памятник, в культурных отложениях которого встречаются материалы эпохи бронзы, скифского времени, роменской и древнерусской культуры. Городище занимает узкий подтреугольный мыс, площадка которого возвышается над уровнем реки на 20 м. Вал и ров отделяют его от плато. На краю мыса два рва и вала «отсекают» от городища площадку детинца. На сегодня площадь городища составляет менее 2 га. По мнению Б.А. Шрамко, «именно в этот (скифский – А.К.) период на естественно хорошо защищённом мысу были сооружены первые укрепления. Судя по ряду признаков, городище скифского времени состояло из так называемого главного двора и предградья.» [Shramko 1962, 298–299]. Конфигурация укреплений скифского времени остается неясной. Обнаруженные в ходе раскопок материалы скифского времени, включая фрагменты греческих амфор, позволяют датировать городище в пределах V – начала IV вв. до н.э. [Grechko 2010, 104, 118]. Однако большая часть материала относится к средневековой эпохе [Shramko, Skirda 2004].

Городище у с. Мохнач Змиевского района Харьковской области известно с XVII века. Впервые упоминается в «Книге Большому чертежу» 1627 года. Городище расположено на правом коренном мысу реки Северский Донец. Высота площадки городища над уровнем поймы составляет 35–40 м. Укрепления прослеживаются по контуру мыса в виде валов и эскарпов, а также пятью поперечными линиями укреплений валов и рвов. Возведение оборонительных

сооружений относится к скифскому, салтовскому и роменскому периоду существования памятника. Отсутствие культурного слоя раннего железного века и немногочисленные находки данного периода позволили авторам раскопок прийти к выводу о том, что в древности оно выполняло функции убежища для населения расположенных вблизи синхронных селищ [Grechko, Svistun 2006]. Семь таких поселений было найдено в результате разведок, проведённых под руководством В.В. Колоды [Koloda, Koloda 2001, 42–45; Koloda, Svistun 2001].

Городище у с. Водяное Змиевского района Харьковской области многослойное. Памятник расположен на одном из мысов правого берега р. Уды. К укреплениям скифского времени относят лишь внешний вал, отгораживающий от плато участок мыса площадью 2,5 га. Исследования разведочного характера на памятнике проводили И.И. Ляпушкин и Б.А. Рыбаков. Первые, небольшие раскопки в 1951–1952 гг. тут провел Б.А. Шрамко. В 2002–2003, 2010 гг. работы были продолжены В.В. Колодой. Культурные отложения скифского времени представлены единичными находками и несколькими комплексами [Koloda, Grechko 2003].

Исследования площадки Филиппово 2, Сабынино, Тарановского, Яковлевского и городища Чернецкий Яр ограничились только шурфовкой, в результате которой на Яковлевском городище Б.А. Шрамко была исследована площадь в 25 кв.м, отмечено наличие слабонасыщенного культурного слоя мощностью в 20 см. В 2014 г. Тарановское городище было исследовано автором методом шурфовки, установлено наличие культурного слоя мощностью в 20–30 см и зафиксирована хозяйственная яма. На городище Чернецкий Яр также шурфами исследовано 27,5 кв.м. (П.Д. Либеров, Ю.В. Буйнов, А.В. Корохина и В.Н. Окатенко). Небольшая площадь была исследована Б.А. Шрамко на Хорошевском городище (83 кв.м.).

Мохначанское (более 1600 кв.м.), Водяное (2677 кв.м.), и Донецкое (1100 кв.м.) городища исследованы на более широкой площади по сравнению с другими. Эти памятники многослойные, и скифские слои на них подстилают средневековые. Однако данных раскопок, полученных на этих сравнительно больших площадях, бывает недостаточно для правильной

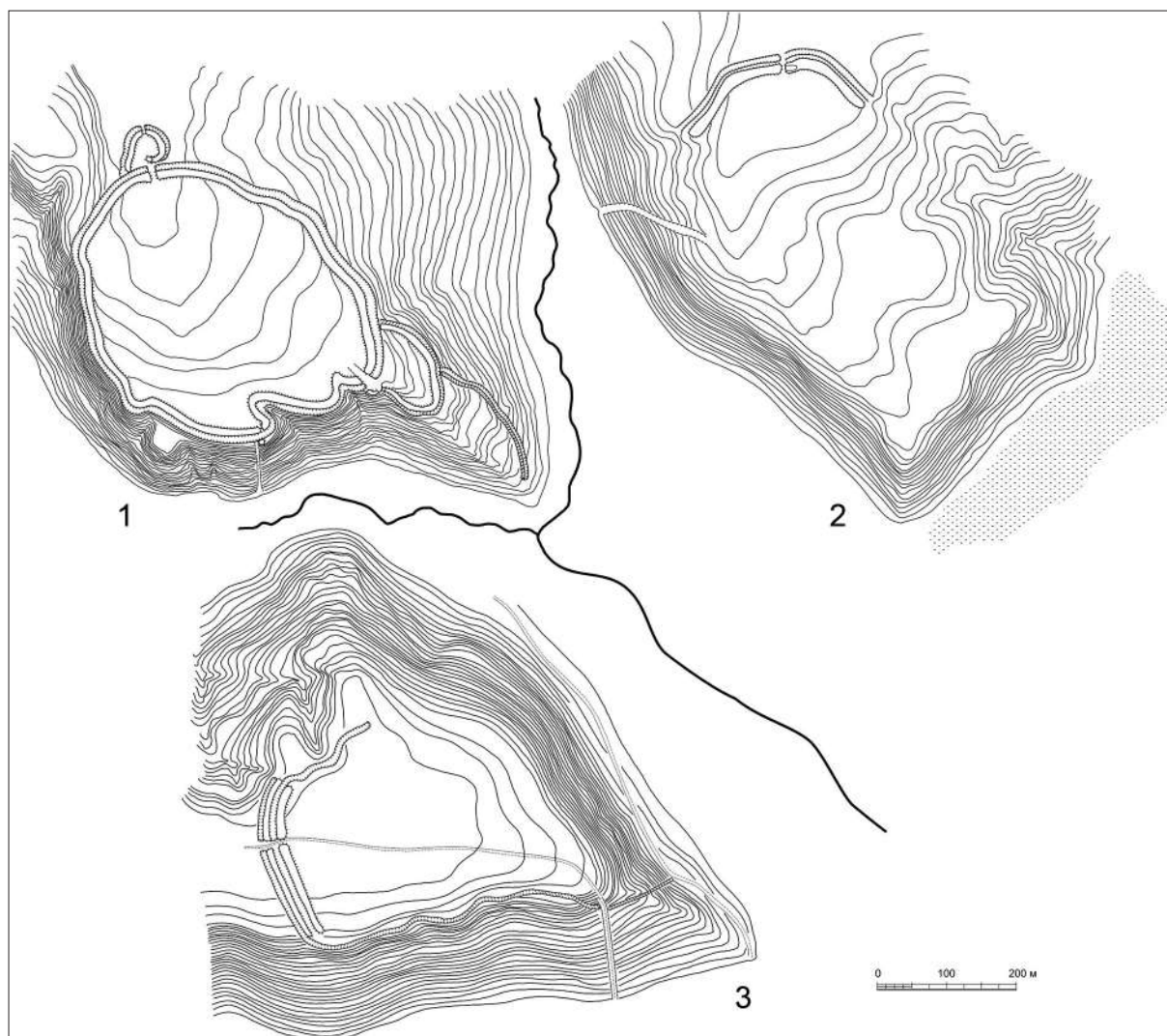

Рис. 4. Городища Сосонка 1-3 (по А.В. Короте и Е.Н. Осадчему).

Fig. 4. The Hillforts Sosonka 1-3 (by A.V. Korotia and E.N. Osadchii).

оценки назначения укрепленного поселения. Так, по результатам исследования Мохначанского городища складывалось представление о том, что слой скифского времени был слабо выраженным, а на некоторых участках отсутствовал вовсе. Но в результате раскопок 2010 г. были обнаружены комплекс помещения с углубленной постройкой и хозяйственная яма, отнесенные по характерному заполнению В.В. Колодой к скифскому времени. Культурного слоя, относящегося к раннему железному веку, вне комплексов, на городище не выявлено. Среди редких находок – изделия из бронзы, представлены двумя трехгранными наконечниками стрел с углублениями у основания [Koloda, Koloda 2001, 42–45].

Среди более 20 укрепленных поселений в бассейне Псла, городища-убежища на сегодня не известны, а все укрепленные поселения были местом постоянного проживания населения [Gavrish 2000, 64]. Хотя серия городищ (Картамышеве 1, Куриловка, Горналь 1–2) представляет собой многослойные памятники малой площади (не более 1,1 га) с мощностью культурного слоя, относящегося к РЖВ, в пределах 0,2 м [AKR 2000, 44, 129–131, 141]. Аналогичная ситуация прослеживается в бассейне Ворсклы (известно 29 городищ [D'iachenko 2014, 127–137; Sarapulkina 2014, 90–104; Moruzhenko 1975, 133–146; Kuchera, Sukhobokov 1971; Grechko et al. 2015, 210–231; Motsia 1968; Zhurko 1988; Shramko 1987; Moruzhenko 1988; Radzievskaia 1992, 177–

179; Fuks 1931]) и Сулы (18 укрепленных памятников [Illins'ka 1946; Shramko 1994; Morgunov 1983; Geiko 2000; Geiko 1997, 106–111; Bilousko, Suprunenko 2004. Liapushkin 1961, 76, 86]).

На всех известных сегодня городищах встречаются следы постоянного проживания населения. Единственным исключением можно считать недавно выявленное городище Сосонка 3, расположенное на северной окраине с. Сосонка, на мысу правого берега р. Сосонка (правого притока р. Ворскла). Городище подтреугольной в плане формы (445x295 м) с западной (напольной) стороны ограждено дугообразным валом шириной 13 м и высотой до 1,3 м и двумя рвами шириной до 8 м и глубиной до 1,3 м. Расстояние между рвами составляет порядка 2 м. Южная часть укрепленна рвом, проложенным на 2 м ниже уровня площадки городища. Ширина рва на данном участке составляет 6 м, а глубина 1,3 м. В восточной части городища ров проходит по склону к речной долине. В северо-восточной части городища укреплений проследить не удалось. Культурный слой не зафиксирован. [Grechko et al. 2015, 210–231]. Интересно заметить, что на соседнем мысу, через яр, расположено давно известное стационарное городище Сосонка 1 и малоисследованное поселение Сосонка 2 (рис. 4).

В Посеймье на сегодня известно порядка 70 городищ [Bilinskii 2011; Bilinskii 2012; Karavaiko 2015; Berezovets 1948; AKR 1998; AKR 2000]. По крайней мере 4 из них исследователи относят к категории убежищ (Новая Слобода II, Линове, Бунякино I, Ротовка) (рис. 1, 30–33). Одной из важных отличительных черт является отсутствие на них эскарпов и рва с напольной стороны. В культурных отложениях встречаются лишь единичные фрагменты посуды скифского времени [Karavaiko 2016, 24].

В настоящее время на просторах Днепро-Донской лесостепи известно не менее 227 городищ скифского времени (рис. 1), 33 из которых исследователи относят к категории городищ-убежищ (табл. 1). Беглый экскурс по ним показывает отсутствие среди учёных единого мнения о таком важном для выделения данной группы признаке как мощность культурного слоя. В одних случаях находки интересующей нас эпохи не обнаружены вовсе (в таком случае возникает вопрос о правомерно-

сти отнесения их к кругу скифских памятников), в других мощность слоя, хоть и не выразительного, достигает 0,25–0,3 м.

На территории Днепровского Правобережья убежища известны ещё в чернолесское время. Городища небольших размеров трактуют как родовые убежища [Fidel'skii 2015, 78]. На больших городищах основная масса материала фиксировалась под внутренней стороной вала, в то время как центральная часть укрепления оставалась свободной [Terenzhkin 1961, 31]. К подобным поселениям исследователи относят серию памятников скифского времени, которые в силу огромных площадей были заселены лишь частично, а свободная от застройки зона, по мнению исследователей, служила убежищем для скота. (Мотронинское, Немировское, Хотовское и др. [Daragan 2017, 398; Kovpanenko, Bessonova, Skoryi 1989, 23])

Вопрос о причинах возникновения и функциональном назначении городищ-убежищ упирается в недостаточный уровень исследованности или отсутствия на них полевых изысканий вообще [Kashuba, Haheu, Levitskii 2002, 203], а слабая насыщенность культурного слоя делает практически невозможным узкое определение времени их эксплуатации [Grechko, Svistun 2006, 22].

Не существует единого мнения относительно функционального назначения данной категории памятников. Рассматривая городища-убежища как особое явление, вне окружающего контекста, большинство исследователей склоняются к мысли о том, что это были заранее подготовленные места, куда укрывалось население окрестных селищ в случае военной опасности [Shramko 1962, 188; Nikulitse 1987, 109–110; Grechko, Svistun 2006]. Однако эта версия также подвергается критике: «Какой смысл в том, чтобы строить трудоёмкое сооружение только для того, чтобы иногда бежать к нему и прятаться в случае нападения противника или соседа-разбойника? Ведь намного безопаснее жить там постоянно – это городища, которые не успели обжить» [Levinskii 2010, 60].

Их роль в среде синхронных памятников связывают с объектами временной по-

левой фортификации или народной самообороны [Korobeinikov 2005, 18, 84]. Также памятники рассматривают как пункты ведения хозяйственной деятельности – загоны для скота [Medvedev 1999, 62–63; Liberov 1971, 46] или места хранения «неприкосновенного запаса» сельскохозяйственной продукции. Исследователи отмечают на них следы проведения неких культовых практик [Rusanova 2002, 21–23]. В случае наличия слабонасыщенного культурного слоя в сочетании с мощными оборонительными сооружениями ряд исследователей интерпретирует их как городища-ставки [Baipakov, Taimagambetov 2006, 318], или зимовники средневековых кочевников.

По мнению сторонников рефугиальной функции, городища-убежища использовались для приостановки передвижения противника вглубь жизненного пространства в ходе ведения военных действий, являясь форпостом городища-центра [Kashuba, Naheu, Levitskii 2002, 203]. Но в случае необходимости они также служили убежищем для жителей ближайших открытых селищ.

Наличие городищ-убежищ (там очень мощный культурный слой), окружённых сельскими поселениями, связывают с формированием у поздних скифов территориальной сельской общины [Vysotskaia 1968, 134; Shul'ts 1971, 134]. В V–IV вв. до н.э. проходил процесс оседания беднейшей части кочевников в Нижнем Поднепровье и Крыму, создания сельскохозяйственных поселений, усадеб, убежищ и городов [Shul'ts 1971, 128].

К причинам появления убежищ относят как факторы внешней агрессии и внутренних междоусобиц, так и изменения в социальной и экономической сферах. Так, М.И. Артамонов к причинам возникновения городищ относил фактор внешней агрессии и борьбу с «сильными воинскими соединениями противника», что повлекло за собой создание иных способов «борьбы» и иных форм общественной организации [Artamonov 1974]. К интересным выводам пришёл Д.В. Каравайко, основываясь на материалах памятников Посеймья. Исследователь сделал вывод об их сезонном характере и о том, что их появление обусловлено климатическими изменениями, повлёкшими за собой перемены в хозяйственном укладе местного на-

селения [Karavaiko 2016, 24]. А.М. Хазанов, рассматривая вопрос взаимоотношений степного и лесостепного населения Восточной Европы в скифское время, считал, что характер установления зависимости был обусловлен силой отпора. Наличие собственной аристократии вполне совместимо с данническими отношениями, так как данники в основном сохраняли свою социально-экономическую структуру, о чём, по мнению автора, и свидетельствуют лесостепные городища, племенные центры и убежища [Khazanov 1975, 230]. Появление убежищ у носителей милоградской культуры также рассматривают в связи с соприкосновением со скифами. Ранее мирно проживавшее на селищах население начинает строить болотные городища-убежища, на одном из которых также найден наконечник стрелы раннескифского типа [Eremenko 1997, 595].

Самым уязвимым местом в обороне дерево-земляных городищ скифского времени являлись входы. Ради их защиты возводили дополнительные предградия, отдельные линии или даже целые системы укреплений. В связи с этим нам непонятна обороноспособность линии укреплений с большим количеством не прикрытых «входов» на отдельном участке обороны. Прерывистость валов на «городищах-загонах», таких как Кудярово и Трамбаки, может указывать не на особую систему входов, а на незавершенный процесс строительства линии укреплений. Как показывают аналогии с английскими *оттидумами*, оборонительные сооружения могли возводить отдельными участками, охватывая одновременно весь необходимый периметр [Kriutchenko 2013, 160].

Существует ряд наблюдений, ставящих под сомнение обоснованность термина «загоны» при описании хозяйственного назначения серии городищ. Так, исходя из норм современного животноводства, для стада коров в 200 голов площадь загона на неорошаемых пастбищах колеблется от 6 до 10 га, а для отары овец в 800 голов – от 3 до 6 га. При соблюдении данных условий корма в загоне должно хватить на 4–6 дней. Ввиду этого на условной площадке городища площадью в 1 га на оптимальный период можно было бы разместить 20–33 коровы либо до 266 овец [Sheliuto 2008]. Эти расчеты не учитывают стравливание почвы при выпасе круп-

ного рогатого скота, а также деградацию травяного покрова при выпасе коз и овец. Исходя из этих данных, использование поселений в качестве загонов для скота требует дополнительной аргументации.

Сегодня мы располагаем крайне малым объемом сведений об организации, планировке и развитии поселенческих структур скифского времени. Это утверждение в полной мере верно и для городищ. Известно, что одна часть укреплений возводилась на уже существовавших ранее селищах, другая изначально строилась как укрепления [Kriutchenko 2017a, 60]. В ходе развития городища его жители могли кардинально изменять планировку линии укреплений.

Зачастую видимая на сегодняшний день конфигурация не отвечает реальной картине, неся на себе следы природных и антропогенных воздействий как в древности, так и в настоящее время. Развитие было довольно динамичным, и следующая фаза строительства могла проводиться поверх старых укреплений либо образовать новый двор, предградье, дополнительную оборонительную линию. Зафиксированы факты достройки жилых предградий по мере роста поселения. В подтверждение постепенного заселения также можно привести различную мощность культурного слоя в черте отдельно взятого городища на территории отдельных усадеб, главного двора и жилого предградья и т.д.

Большие городища играли роль племенных центров и выполняли функцию своеобразных «монументальных сооружений», ввиду этого, в них было необходимо отведение места для собрания большого количества людей. С этим, нам кажется, и связаны «участки без слоя» на городищах-гигантах.

Говоря об убежищах как о сезонных поселениях, следует учитывать тот факт, что само возведение и поддержка дерево-земляных со-

оружий в надлежащем состоянии было довольно трудоёмким занятием и требовало больших трудозатрат. Ввиду необходимости охраны поселения как важного стратегического объекта и частых ремонтных работ для обеспечения нормального функционирования, на городищах должна была постоянно проживать какая-то часть населения.

На основе вышеизложенного материала мы можем предположить, что городища-убежища являются свидетельствами первых фаз развития (становления) укреплений. Процесс перехода укрепленных поселений от убежищ к замкам зафиксирован на ряде средневековых памятников [Smirnov 1951, 28–29] – построенных и не обжитых, малозаселённых либо частично заселённых, тех памятников, развитие которых прервалось в начале. П.Д. Либеров отмечал, что парные городища следует воспринимать как «единое целое» [Liberov 1965, 8]. Вероятно, те случаи, когда городище-убежище близко соседствует с заселённым городищем, могут свидетельствовать о попытке вынести жилое предградье на соседний мыс ввиду невозможности расширить последнее в силу достижения определённых границ роста, обусловленных принципами фортификации и природными факторами. На вопрос «Выполняли ли городища-убежища культовые функции?» в свете имеющегося материала ответить невозможно. Рассматривая функциональное назначение всех укреплений со слабонасыщенным культурным слоем Днепровской правобережной и Днепро-Донской лесостепи, мы не видим убедительных доказательств какой-либо иной их функции, кроме оборонительной. При этом городища со слабонасыщенным культурным слоем, как и другие в случае опасности, служили убежищем для жителей окрестных селищ и их имущества. По нашему мнению, именно кратковременное использование городищ обусловило слабую насыщенность на них культурного слоя.

Библиография

- AKR 1998:** Arheologicheskaia karta Rossii: Kurskaia oblast' 1 (Moskva 1998) // Археологическая карта России: Курская область' 1 (Москва 1998).
AKR 2000: Arheologicheskaia karta Rossii: Kurskaia oblast' 2 (Moskva 2000) // Археологическая карта России: Курская область 2 (Москва 2000).

Artamonov 1974: M.I. Artamonov, Kimmeriitsy i skify (ot poiavleniia na istoricheskoi arene do kontsa IV v. do n.e.) (Leningrad 1974) // М.И. Артамонов, Киммерийцы и скифы (от появления на исторической арене до конца IV в. до н. э.) (Ленинград 1974).

Bagalei 1905: D.I. Bagalei, Ob"iasnitel'nyi tekst k arkheologicheskoi karte Khar'kovskoi gubernii. In: Trudy Dvenadtsatogo arkheologicheskogo s"ezda v Khar'kove 1902 g., 1905 I, 1–92 // Д.И. Багалеи, Объяснительный текст к археологической карте Харьковской губернии. Труды Двенадцатого археологического съезда в Харькове 1902 г., 1905 I, 1–92.

Baipakov, Taimagambetov 2006: K.M. Baipakov, Zh.K. Taimagambetov, Arkheologii Kazakhstana. Uchebnoe posobie dlia studentov vuzov (Almaty 2006) // К.М. Байпаков, Ж.К. Таймагамбетов, Археология Казахстана. Учебное пособие для студентов вузов (Алматы 2006).

Berezovets 1948: D.T. Berezovets, Otchet o raskopkakh ranneslavianskogo poseleniia i mogil'nika okolo s. Volyntsevo Putivl'skogo raiona Sumskoi oblasti 1948 g. NA IA NANU, fond ekspeditsii, nr. 1948/10 // Д.Т. Березовец, Отчет о раскопках раннеславянского поселения и могильника около с. Волинцево Путивльского района Сумской области 1948 г. НА ИА НАНУ, фонд экспедиций, № 1948/10.

Bilinskii 2011: O.O. Bilinskii, Materiali skifs'kogo chasu z gorodishcha bilia s. Vorgol. In: Arkheologii spadok vikiv (Kii'v 2011), 89–94 // О.О. Билинский, Матеріали скіфського часу з городища біля с. Воргол. В сб.: Археологія спадок віків (Київ 2011), 89–94.

Bilinskii 2012: O.O. Bilinskii, K istorii izuchenii pamiatnikov skifskogo vremeni v Srednem Poseime i sovremennoe sostoianie problemy. MIADL nr. IV, 2012, 110–116 // О.О. Билинский, К истории изучения памятников скифского времени в Среднем Посеймье и современное состояние проблемы. МИАДЛ № IV, 2012, 110–116.

Bilousko 2004: O.A. Bilous'ko, O.B. Suprunenko, Davnia istoriia Poltavshchini (XX tisyacholittia do n.e. – V stolittia) (Poltava 2004) // О.А. Білоусько, О.Б. Супруненко, Давня історія Полтавщини (XX тисячоліття до н.е. – V століття) (Полтава 2004).

Buinov 1976: Iu.V. Buinov, Otchet predskifskogo otriada skifo-slavianskoi ekspeditsii KhGU o razvedkakh i raskopkakh v 1976 godu. NA IA NANU, fond ekspeditsii, nr. 1976/111 // Ю.В. Буйнов, Отчет предскифского отряда скифо-славянской экспедиции ХГУ о разведках и раскопках в 1976 году. НА ИА НАНУ, фонд экспедиций, № 1976/111.

Daragan 2017: M.N. Daragan, Krupnye gorodishcha skifskogo vremeni v ukrainskoi Lecostepi (osobennosti raspolozheniia). In: (otv. red. S.A. Skoryi) Starozhitnosti Livoberezhnogo Podniprovia (Kiev 2017), 397–427 // М.Н. Дараган, Крупные городища скифского времени в украинской Лесостепи (особенности расположения). В сб.: (отв. ред. С.А. Скорый) Старожитності Лівобережного Подніпров'я (Київ 2017), 397–427.

D'iachenko 2014: A.G. D'iachenko, S.A. Zadnikov Nekotorye gorodishcha skifskogo vremeni v verkhov'iakh r. Vorskla. ADBG, 2014, 127–137 // А.Г. Дьяченко, С.А. Задников Некоторые городища скифского времени в верховьях р. Ворскла. АДБГ, 2014, 127–137.

D'iachenko 2016: A.G. D'iachenko. Nekotorye gorodishcha rannego zheleznogo veka v iugo-vostochnom areale lesostepnoi Skifii. Problemy istorii i arkheologii Ukrainy. Materialy X Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 125-letiiu professora K.E. Grinevicha. Khar'kov, 4-5 noiabria 2016 g. (Kharkov 2016), 22. // А.Г. Дьяченко. Некоторые городища раннего железного века в юго-восточном ареале лесостепной Скифии. Проблемы истории и археологии Украины. Материалы X Международной научной конференции, посвященной 125-летию профессора К.Э. Гриневича. Харьков, 4-5 ноября 2016 г. (Харьков 2016), 22.

Eremenko 1997: V.E. Eremenko, Otnositel'naia i absoliutnaia khronologii Evropeiskoi Skifii: vzgliad so storony. Stratum plus 2, 1997, 44–56 // В.Е. Еременко, Относительная и абсолютная хронология Европейской Скифии: взгляд со стороны. Stratum plus 2, 1997, 44–56.

Fidel'skii 2015: S. Fidel'skii, Chernoleskaia kul'tura X – pervoi poloviny VIII v. do n.e. Rukopis' kandidatskoi dissertatsii (Kishineu 2015) // С. Фидельский, Чернолесская культура X – первой половины VIII в. до н.э. Рукопись кандидатской диссертации (Кишинэу 2015).

Fuks 1931: M.K. Fuks, Pro gorodishcha skits'koї dobi na Kharkivshchini. Zapiski VUAK 1, 1931, 91–111. // М.К. Фукс, Про городища скитської доби на Харківщині. Записки ВУАК 1, 1931, 91–111.

Gavriliuk 1995: N.A. Gavriliuk, Skotovodstvo stepnoi Skifii. In: Skify – ekonomika i istoriia (Kiev 1995) // Н.А. Гаврилюк, Скотоводство степной Скифии. В сб.: Скифы – экономика и история (Київ 1995).

Gavrish 2000: P.Ia. Gavrish, Plemena skifs'kogo chasu v Lisostepu Dniprov'skogo Livoberezhzhia (za materialami Pripsillia) (Poltava 2000) // П.Я. Гавриш, Племена скіфського часу в Лісостепу Дніпровського Лівобережжя (за матеріалами Приписілля) (Полтава 2000).

Geiko 1997: A.V. Geiko, Keramika skifs'kogo chasu Sviridivs'kogo gorodishcha. Arkheologii 2, 1997, 106–111 //

- А.В. Гейко, Кераміка скіфського часу Свиридівського городища. *Археологія* 2, 1997, 106–111.
- Geiko 2000:** A.V. Geiko, *Gorodishche rannogo zaliznogo viku poblizu s. Glins'k*. *Arkheologiya* 3, 2000, 149–153 // А.В. Гейко, Городище раннього залізного віку поблизу с. Глинськ. *Археологія* 3, 2000, 149–153.
- Grechko 2010:** D. S. Grechko, *Naselennia skifs'kogo chasu na Sivers'komu Dintsi* (Київ 2010). // Д.С. Гречко, Населення скіфського часу на Сіверському Дінці (Київ 2010).
- Grechko et al. 2015:** D.S. Grechko, Yu.M. Berest, O.V. Korotia, E.M. Osadchii, O.O. Kriutchenko, *Arkheologichni rozvidki na Sumshchini u 2015 r.* *ADBG*, 2016, 210–231 // Д.С. Гречко, Ю.М. Берест, О.В. Коротя, Є.М. Осадчий, О.О. Крютченко, Археологічні розвідки на Сумщині у 2015 р. *АДБГ*, 2016, 210–231.
- Grechko, Svistun 2006:** D.S. Grechko, G.E. Svistun, *Deiaki pitannia vivchennia lisostepovikh gorodishch skifs'kogo chasu na Sivers'komu Dintsi*. *Arkheologiya* 4, 2006, 18–29 // Д.С. Гречко, Г.Є. Свистун, Деякі питання вивчення лісостепових городищ скіфського часу на Сіверському Дінці. *Археологія* 4, 2006, 18–29.
- Khazanov 1975:** A.M. Khazanov, *Sotsial'naia istoriia skifov* (Moskva 1975) // А.М. Хазанов, Социальная история скифов (Москва 1975).
- Illins'ka 1946:** V.A. Illins'ka, *Rozvidka pam'iatok skifs'kogo chasu na Posulli* (1946). *AP* 2, 1949, 139–141 // В.А. Іллінська, Розвідка пам'яток скіфського часу на Посуллі (1946). *АП* 2, 1949, 139–141.
- Karavaiko 2015:** D.V. Karavaiko, *Gorodishcha rannogo zaliznogo viku na Seimi*. *ADU* 2 (15), 2015, 65–76 // Д.В. Каравайко, Городища раннього залізного віку на Сеймі. *АДУ* 2 (15), 2015, 65–76.
- Karavaiko 2016:** D.V. Karavaiko, *O slabozaselennykh gorodishchakh na Seime. Problemy istorii i arkheologii Ukrainy. Materialy X Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviaschennoi 125-letiu professora K.E. Grinevicha*. Khar'kov, 4–5 noiabria 2016 g. (Khar'kov 2016), 24 // Д.В. Каравайко О слабозаселенных городищах на Сейме. Проблемы истории и археологии Украины. Материалы X Международной научной конференции, посвященной 125-летию профессора К.Э. Гриневича. Харьков, 4–5 ноября 2016 г. (Харьков 2016), 24.
- Kashuba, Khakheu, Levitskii 2002:** M.T. Kashuba, V.P. Khakheu, O.G. Levitskii, *Frako-getskie drevnosti v iuzhnoi lesostepi Srednego Dnestra (kul'turno-khronologicheskaiia sistematizatsiia materialov iz raskopok vtoroi poloviny XX veka)*. *Stratum plus* 3, 2001–2002, 118–223 // М.Т. Кашуба, В.П. Хахей, О.Г. Левицкий, Фрако-гетские древности в южной лесостепи Среднего Днестра (культурно-хронологическая систематизация материалов из раскопок второй половины XX века). *Stratum plus* 3, 2001–2002, 118–223.
- Koloda, Grechko 2003:** V.V. Koloda, D.S. Grechko, *Otchet o rabote otel'nogo otriada Srednevekovoi arkheologicheskoi ekspeditsii po issledovaniiu «skifs'kogo dvora» na gorodishche Vodiane v 2003 godu*. *NA IA NANU, fond ekspeditsii*, nr. 2003/67 // В.В. Колода, Д.С. Гречко, Отчет о работе отдельного отряда Средневековой археологической экспедиции по исследованию «скифского двора» на городище Водяное в 2003 году. *НА ІА НАНУ, фонд експедицій*, № 2003/67.
- Koloda, Koloda 2001:** V.V. Koloda, T.A. Koloda, *Starozhitnosti s. Mokhnach ta iogo okrug*. *ALLU* 2, 2001, 42–45 // В.В. Колода, Т.А. Колода, Старожитності с. Мохнач та його округи. *АЛЛУ* 2, 2001, 42–45.
- Koloda, Svistun 2001:** V.V. Koloda, G.E. Svistun, *Otchet o rabote osobogo otriada Srednevekovoi arkheologicheskoi ekspeditsii KhGPU im. G.S. Skovorody v s. Mokhnach na Khar'kovshchine*. *Arkhir NDAL KhNPU* // В.В. Колода, Г.Є. Свистун, Отчет о работе особого отряда Средневековой археологической экспедиции ХГПУ им. Г.С. Сковороды в с. Мохнач на Харьковщине. *Архів НДАЛ ХНПУ*.
- Korobeinikov 2005:** A.V. Korobeinikov, *Istoricheskaiia rekonstruktsiia po dannym arkheologii* (Izhevsk 2005) // А.В. Коробейников, Историческая реконструкция по данным археологии (Ижевск 2005).
- Korokhina, Okatenko 2004:** A.V. Korokhina, V.N. Okatenko, *Novye pamiatniki skifs'kogo vremeni v basseine Severskogo Dontsa*. In: *Aktual'ni problemi vitchiznianoi ta vsesvitnoi istorii* (Rivne 2004), 38–43 // А.В. Корохина, В.Н. Окатенко, Новые памятники скифского времени в бассейне Северского Донца. В сб.: *Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії* (Рівне 2004), 38–43.
- Kovpanenko, Bessonova, Skoryi 1989:** G.T. Kovpanenko, S.S. Bessonova, S.A. Skoryi, *Pamiatniki skifs'koi epokhi Dneprovskogo Lesostepnogo Pravoberezh'ia (Kievo-Cherkasskii region)* (Kiev 1989) // Г.Т. Ковпаненко, С.С. Бессонова, С.А. Скорый, Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион) (Киев 1989).
- Kryganov 2000:** A.V. Kryganov, *Arkheologicheskie razvedki na Khar'kovshchine v 1995–1996 godah*. *ADU* 1994–1996 rokiv, 2000, 59–61 // А.В. Крыганов, Археологические разведки на Харьковщине в 1995–1996 годах. *АДУ* 1994–1996 років, 2000, 59–61.
- Kriutchenko 2013:** A.A. Kriutchenko, *K voprosu o prednamerennom obzhige valov lesostepnykh gorodishch skifs'kogo vremeni*. *Drevnosti* 12, 2013, 155–162 // А.А. Крютченко, К вопросу о преднамеренном обжиге валов лесостепных городищ скифского времени. *Древности* 12, 2013, 155–162.

- Kriutchenko 2017a:** O. Kriutchenko, Pratzetrati na zvedennia lisostepovikh gorodishch skifs'kogo chasu. *MAG-ISTERIUM* 67, 2017, 60–65 // О. Крютченко, Працездатрати на зведення лісостепових городищ скіфського часу. *МАГІСТЕРІУМ* 67, 2017, 60–65.
- Kriutchenko 2017b:** O.O. Kriutchenko, Zvit pro rozvidki na teritorii Zmiiv's'kogo raionu Khar'kivskoi oblasti u 2014 r. *NA IA NANU, fond ekspeditsii*, nr. 2014/168 // О.О. Крютченко, Звіт про розвідки на території Зміївського району Харківської області у 2014 р. *НА ІА НАНУ, фонд експедицій*, № 2017/168.
- Kuchera, Sukhobokov 1971:** M.P. Kuchera, O.V. Sukhobokov, Zvit pro robotu Livoberezhnogo rozvidzagonu Institutu arheologii AN URSR za 1971 r. *NA IA NANU, fond ekspeditsii*, 1971/17a // М.П. Кучера, О.В. Сухобоков, Звіт про роботу Лівобережного розвідзакону Інституту археології АН УРСР за 1971 р. *НА ІА НАНУ, фонд експедицій*, 1971/17a.
- Levinskii 2010:** A.N. Levinskii, Istoriia getov v lesostepi Iugo-Vostochnoi Evropy (konets VI – vtoraiia polovina IV v. do n.e.) (Kishinev 2010) // А.Н. Левинский, История гетов в лесостепи Юго-Восточной Европы (конец VI – вторая половина IV в. до н.э.) (Кишинёв 2010).
- Liberov 1962:** P.D. Liberov, Pamiatniki skifskogo vremeni basseina Severskogo Dontsa. *MIA*, 1962, 5–85 // П.Д. Либеров, Памятники скифского времени бассейна Северского Донца. *МИА*, 1962, 5–85.
- Liberov 1965:** P.D. Liberov, Pamiatniki skifskogo vremeni na Srednem Donu. *SAI*, D1–31, 1965, 1–112 // П.Д. Либеров, Памятники скифского времени на Среднем Дону. *САИ*, D1–31, 1965, 1–112.
- Liberov 1971:** P.D. Liberov, Drevniaia istoriia naseleniia Podon'ia. *Rukopis' doktorskoii dissertatsii 2* (Moskva 1971) // П.Д. Либеров, Древняя история населения Подонья. Рукопись докторской диссертации 2 (Москва 1971).
- Liapushkin 1961:** I.I. Liapushkin, Dneprovskoe lesostepnoe Levoberezh'e v epokhu zheleza. *MIA* 104, 1961, 5–145 // И.И. Ляпушкин, Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. *МИА* 104, 1961, 5–145.
- Medvedev 1999:** A.P. Medvedev, Rannii zheleznyi vek Lesostepnogo Podon'ia. In: *Arkheologii i etnokul'turnaia istoriia I tysiacheletii do n.e.* (Moskva 1999) // А.П. Медведев, Ранний железный век Лесостепного Подонья. В сб.: Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э. (Москва 1999).
- Medvedev 2004:** A.P. Medvedev, Issledovaniia po arkheologii i etnografii lesostepnoi Skifii (Voronezh 2004) // А.П. Медведев, Исследования по археологии и этнографии лесостепной Скифии (Воронеж 2004).
- Morgunov 1983:** Iu.Iu. Morgunov, Drevnerusskie gorodishcha techeniia r. Romen. *KSIA* 175, 1983, 67–73 // Ю.Ю. Моргунов, Древнерусские городища течения р. Ромен. *КСИА* 175, 1983, 67–73.
- Moruzhenko 1975:** A.A. Moruzhenko, Oboronitel'nye sooruzheniia gorodishch Povorsk'ia v skifskuiu epokhu. In: *Skifskii mir* (Kiev 1975), 133–146 // А.А. Моруженко, Оборонительные сооружения городищ Поворскля в скифскую эпоху. В сб.: Скифский мир (Киев 1975), 133–146.
- Moruzhenko 1988:** A.A. Moruzhenko, K voprosu o pamiatnikakh rannego zheleznoogo veka v basseine r. Vorskly. *SA* 1, 1988, 65–70 // А.А. Моруженко, К вопросу о памятниках раннего железного века в бассейне р. Ворсклы. *СА* 1, 1988, 65–70.
- Motsia 1968:** A.P. Motsia, Otchet o rabote Dneprovskoi drevnerusskoi ekspeditsii v s. Zhuravnoe v 1986 g. *NA IA NANU, fond ekspeditsii*, nr. 1986/30 // А.П. Моця, Отчет о работе Днепровской древнерусской экспедиции в с. Журавное в 1986 г. *НА ІА НАНУ, фонд експедицій*, № 1986/30.
- Nikulitse 1987:** I.T. Nikulitse, Severnye frakiytsy v VI–I vv. do n. e. (Kishinev 1987) // И.Т. Никулицэ, Северные фракийцы в VI–I вв. до н. э. (Кишинев 1987).
- Okatenko, Slediuk 2017:** V.N. Okatenko, D.V. Slediuk, Izuchenie topologii arkhelogicheskikh ob'ektov fotogrammetricheskim metodom s ispol'zovaniem bespilotnykh letatel'nykh apparatov. In: (otv. red. S.A. Skoryi) *Starozhitnosti Livoberezhnogo Podniprovia* (Kiev 2017), 441–448 // В.Н. Окаренко, Д.В. Следюк, Изучение топологии археологических объектов фотограмметрическим методом с использованием беспилотных летательных аппаратов. В сб.: (отв. ред. С.А. Скорый) *Старожитності Лівобережного Подніпров'я* (Киев 2017), 441–448.
- Radzievskaia 1992:** V.E. Radzievskaia, Osnovnye itogi issledovaniia Kolomakskogo gorodishcha. In: *Problemi istorii ta arkheologii Ukrainy* (Kharkiv 1992, 177–179 // В.Е. Радзиевская, Основные итоги исследования Коломакского городища. В сб.: *Проблеми історії та археології України* (Харків 1992), 177–179.
- Rusanova 2002:** I.P. Rusanova, Istoki slavianskogo iazychestva: Kul'tovye sooruzheniia Tsentralnoi i Vostochnoi Evropy v I tys. do n.e. – I tys. n.e. (Chernovtsy 2002). // И.П. Русанова, Истоки славянского язычества: Культовые сооружения Центральной и Восточной Европы в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. (Черновцы 2002).
- Sarapulkina 2014:** T.V. Sarapulkina, Novye materialy skifskogo vremeni s teritorii Belgorodskoi oblasti. In: *Arkheologii i okhrana arkhelogicheskogo nasledii Tsentral'noi Rossii* (Kursk 2014), 90–104. // Т.В. Сарапулкина, Новые материалы скифского времени с территории Белгородской области. В сб.: *Археология и охрана археологического наследия Центральной России* (Курск 2014), 90–104.

- Sheliuto 2008:** B.V. Sheliuto, Pastbishchnoe hoziaistvo. Uchebnoe posobie (Gorki 2008) // Б.В. Шелюто, Пастбищное хозяйство. Учебное пособие (Горки 2008).
- Shevchenko 2010:** A.A. Shevchenko, Gorodishcha skifskogo vremeni na territorii Srednego Dona (kak istoricheskii istochnik). Rukopis' kandidatskoi dissertatsii (Moskva 2010) // А.А. Шевченко, Городища скифского времени на территории Среднего Дона (как исторический источник). Рукопись кандидатской диссертации (Москва 2010).
- Shramko 1951:** B.A. Shramko, O rabote Severo-Donetskoi skifskoi arheologicheskoi ekspeditsii KhGU im. A.M. Gor'kogo v 1951 godu. Arkhiv MAESU, F.1, O.1, D.2 // Б.А. Шрамко, О работе Северо-Донецкой скифской археологической экспедиции ХГУ им. А.М. Горького в 1951 году. Архив МАЭСУ, Ф.1, О.1, Д.2.
- Shramko 1962:** B.A. Shramko, Drevnosti Severskogo Donsa (Khar'kov 1962) // Б.А. Шрамко, Древности Северского Донца (Харьков 1962).
- Shramko 1987:** B.A. Shramko, Bel'skoe gorodische skifskoi epokhi (gorod Gelon) (Kiev 1987) // Б.А. Шрамко, Бельское городище скифской эпохи (город Гелон) (Киев 1987).
- Shramko 1991:** B.A. Shramko, Khoroshevskoe gorodische. In: Arkheologiya slavianskogo iugo-vostoka (Voronezh 1991), 50–59 // Б.А. Шрамко, Хорошевское городище. В сб.: Археология славянского юго-востока (Воронеж 1991), 50–59.
- Shramko 1994:** B.A. Shramko, Rozkopki kurganiv VII–IV st. do n.e. poblizu Bil's'ka. Arkheologiya, 1994, 4, 117–133 // Б.А. Шрамко, Розкопки курганів VII–IV ст. до н.е. поблизу Більська. Археологія, 1994 4, 117–133.
- Shramko, Skirda 2004:** B.A. Shramko, V.V. Skirda, Rozhdenie Khar'kova (Khar'kov 2004) // Б.А. Шрамко, В.В. Скирда, Рождение Харькова (Харьков 2004).
- Shul'ts 1971:** P.N. Shul'ts, Pozdneskifskaia kul'tura i ee varianty na Dnepre i v Krymu. In: Problemy skifskoi arheologii (Moskva 1971, 127–143 // П.Н. Шульц, Позднескифская культура и ее варианты на Днестре и в Крыму. В сб.: Проблемы скифской археологии (Москва 1971), 127–143.
- Smirnov 1951:** A.P. Smirnov, Volzhskie bulgary (Moskva 1951) // А.П. Смирнов, Волжские булгары (Москва 1951).
- Terenzhkin 1961:** A.I. Terenzhkin, Predskifskii period na dneprovskom Pravoberezh'e (Kiev 1961) // А.И. Терензкин, Предскифский период на днепровском Правобережье (Киев 1961).
- Vysotskaia 1968:** T.N. Vysotskaia, Pozdneskifskie gorodishcha i selishcha iugo-zapadnogo Kryma. SA 1, 1968, 185–193 // Т.Н. Высотская, Позднескифские городища и селища юго-западного Крыма. СА 1, 1968, 185–193.
- Zhurko 1988:** A.I. Zhurko, Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh poselenii cherniakhovskoi kul'tury u pgt. Krasnopol'e, s. V. Bobryk i razvedkakh v Sumskoi oblasti v 1988 g. NA IA NANU, fond ekspeditsii, nr.1988/123 // А. И. Журко, Отчет об археологических раскопках поселений черняховской культуры у пгт. Краснополье, с. В. Бобрык и разведках в Сумской области в 1988 г. НА ИА НАНУ, фонд экспедицій, №1988/123.

Алексей Крютченко, Аспирант Института археологии, Национальная Академия наук Украины, пр. Героев Сталинграда, 12, 04210, Киев, Украина, e-mail: spg9m@ukr.net

Игорь Цеунов, Дарья Черкасская

**Методологический перелом в советской археологии: взгляд из Киева
(по материалам НА ИА НАНУ)**

Keywords: turning point of methodology, archaeology, history of material culture, history of archaeology, Soviet archaeology, Soviet Ukraine

Cuvinte cheie: schimbări metodologice radicale, arheologie, istoria culturii materiale, istoria arheologiei, arheologie sovietică, Ucraina sovietică.

Ключевые слова: методологический перелом, археология, история материальной культуры, история археологии, советская археология, советская Украина

Ihor Tseunov, Daria Cherkaska

Methodological transformation of Soviet archaeology: Kyiv archaeologist vision

The topic discussed in this article is theoretical and methodological transformation of Soviet archaeology and the manifestation of this process in the Soviet Ukraine. There was a targeted science institution created in Kyiv the task of which was not only to implement ideas put forth by scientists from Moscow and Leningrad into the research process but also to create its own vision of Soviet archaeology. It is also worth noting that until 1934 Kyiv was not the capital of Soviet Ukraine. Vast majority of works created by Ukrainian Soviet scientists between the two World Wars never got published. However, they were presented at countrywide summits. In addition, documented evidence affirms that Ukrainian Soviet archaeologists were in close contact with representatives of other science centers, including not only domestic but also foreign ones. As of today some of such evidence is stored in archives of Scientific archive Institute of archaeology NAS of Ukraine and we are continuing the search for sources that would prove the existence of theoretical and methodological discussions in the network of Kyiv's archaeologists.

Ihor Tseunov, Daria Cherkaska

Schimbări metodologice radicale în arheologia sovietică: un punct de vedere din Kiev (în baza materialelor AȘ IA ANȘU)

În articolul de față ne referim la reorganizarea teoretico-metodologică a arheologiei sovietice și la manifestarea acestui proces în Ucraina sovietică. La Kiev s-a format un centru de cercetare specific, unde nu numai se implementau în activitatea științifică noile idei, propuse de savanți din centrele metropolitane – Leningrad și Moscova, dar, de asemenea, se forma și viziunea lor proprie despre arheologia sovietică. Concomitent, trebuie de avut în vedere faptul că, până în anul 1934, Kievul nu era capitala Ucrainei sovietice. Majoritatea lucrărilor științifice elaborate de cercetătorii sovietici din Ucraina în perioada interbelică așa au și rămas nepublicate. Totuși, ele au fost prezentate la toate congresele unionale. Mai mult, mărturiile documentare confirmă că arheologii sovietici ucraineni au fost în strânsă legătură cu alte centre de cercetare – nu doar sovietice, dar și de peste hotare. În prezent, unele dintre aceste documente sunt păstrate în Arhiva Științifică a Institutului de Arheologie al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (AȘ IA ANȘU), iar noi vom continua să căutăm sursele care ar confirma existența discuțiilor teoretico-metodologice în rândul arheologilor din Kiev.

Игорь Цеунов, Дарья Черкасская

Методологический перелом в советской археологии: взгляд из Киева (по материалам НА ИА НАНУ)

В данной статье идет речь о теоретико-методологической перестройке советской археологии и проявлении этого процесса в советской Украине. В Киеве формируется специфический научный центр, где не только внедрялись в научную деятельность идеи, предложенные учеными из столичных центров – Ленинграда и Москвы, но также создавалось свое виденье советской археологии. При этом следует учитывать, что до 1934 года Киев не являлся столицей советской Украины. Большинство работ украинских советских ученых, написанных в период между мировыми войнами, так и остались неопубликованными. Однако, они были представлены на общесоюзных съездах. К тому же документальные свидетельства подтверждают, что украинские советские археологи находились в тесной коммуникации с представителями других научных центров, причем не только советских, но и зарубежных. На сегодня часть из них хранится в НА ИА НАНУ и мы продолжаем дальнейший поиск источников, которые свидетельствовали бы о теоретико-методологических.

Двадцатые годы XX в. ознаменовались существенными преобразованиями во всех сферах жизни в Восточной Европе. В результате изменений военно-политического характера, в период 1917-1921 гг. большая часть территории Украины оказалась в составе СССР.

В 1918 г. Гетьманом Украинского Государства П. Скоропадским была основана Украинская Академия Наук (УАН). Советская власть, придя в Украину, решила сохранить уже созданную структуру. Археологические исследования сосредотачиваются вокруг различных организаций: комиссии по созданию археологической карты Украины, Археологического комитета, Археологической комиссии, Кабинета антропологии им. Хв.К. Вовка (Ф.К. Волкова). Более детально с организационной структурой науки о древностях можно ознакомиться в сводном труде «Институт археологии Национальной Академии Наук», не так давно вышедшей в Киеве [Institut Arkheologii... 2014].

На данный момент сведения об институциональной организации украинской науки в 30-х гг. XX века мы можем встретить в одиночных упоминаниях в литературе, а также в источниках, которые, в основной своей массе, хранятся в Научном архиве Института археологии Национальной академии наук Украины (далее в тексте – НА ИА НАНУ).

В литературе, посвященной изучению данной темы, исходя из указанной проблематики, нами было выделено три основные группы: труды, написанные исследователями-эмигрантами; исследования советских и современных российских историков археологии, а также работы, которые написаны в современной Украине. Разделение это является весьма условным и не может охарактеризовать все существующие историографические источники. Однако, используя данный принцип, мы можем достаточно четко проследить основные точки зрения касательно истории изучения методологического перелома в советской археологии. Особенность первой группы работ (написанные эмигрантами) состоит в том, что все авторы были непосредственными участниками событий, которые они описывали. Н.Д. Полонская-Василенко, М.А. Миллер, К.Т. Штеппа, А.П. Оглоблин и П.П. Куринный оставили после себя работы, в которых идет речь о событиях 30-х гг. XX века

в украинской археологии [Polons'ka-Vasilenko 1958a; 1958b; Miller, 1954 etc.].

Стоит отметить, что интеллектуалы-эмигранты сами осознавали свой субъективизм в восприятии украинской интеллектуальной истории 30-х гг. К примеру, Н.Д. Полонская-Василенко во введении к своему труду по истории Украинской Академии наук отмечает, что предмет изучения выходит за границы исключительно науки и обретает политический подтекст [Polons'ka-Vasilenko 1958a, 5].

Однако, труды ученых украинской диаспоры стали неоценимым источником, откуда мы можем черпать факты и воспоминания непосредственных участников тех процессов. В работах П.П. Куринного, Н.Д. Полонской-Василенко, К.Т. Штеппы, М.А. Миллера большое внимание отведено теме репрессий. Оценки реорганизации украинской науки более-менее сходные: в течении 30-х гг. партия постепенно получает полный контроль над украинскими (как и во всем СССР) интеллектуалами.

Подавляющая часть трудов по истории академической науки в советской Украине были написаны в Мюнхене под грифом Института по изучению истории и культуры СССР. Этот институт стал центром объединения украинской интеллектуальной эмиграции, начиная со второй половины 40-х гг. В трудах, написанных под грифом мюнхенского института, имеется информация для ученых-выходцев из СССР с приглашением к сотрудничеству вне зависимости от политических взглядов и национальностей (исключая только членов КПСС) [Polons'ka-Vasilenko 1958a, 7; Miller 1954, 5 etc.].

В СССР исследования в области истории науки имели специфические особенности. Главной темой публикаций было изучение достижений советских ученых, в первую очередь, в области технических наук. Особенности советской историографии повлияли на форму таких публикаций – четко выверенные, направленные на поднятие уровня патриотизма, лишённые возможности любой критики и упоминания неудачного опыта. В таком же духе создавались и биографии ученых. Ориентировка на технических дисциплинах практически полностью оставило без внимания изучение истории развития гуманитарных наук. Часто подобные работы сводились к мемориальным

статьям характера «Достижения советской археологии...» и подобного. Аналитическая составляющая в таких работах почти полностью отсутствует, разве что оценка советской археологии как «самой передовой» по сравнению с буржуазной западной наукой.

Начиная с 50-х гг. сферой интересов И.Г. Шовкопляса становится история археологических исследований. Назвать его работы полноценно историографическими нельзя. В основном, это короткие обзоры истории полевых исследований археологических памятников территории СССР. В его трудах только проскакивает формулировка «реорганизация ВУАК» в 1934 г. (в то время как эмигранты, в основной своей массе, данные события называют «разгромом») [Polons'ka-Vasilenko 1958b, 21-24]. Официальная точка зрения касательно реорганизации ВУАК такова: реорганизация произошла по причине того, что часть работников ВУАК находилась под влиянием «идеологии украинского буржуазного национализма», а также тенденция к изоляции ВУАК от РСФСР. И.Г. Шовкоплас отмечал: «Тенденция ВУАК к изоляции от научных организаций РСФСР нашла свое отображение, в частности, в том, что в его научных изданиях не было напечатано ни одной статьи московских и ленинградских археологов, и, наоборот, ни одна из статей сотрудников ВУАК не была отослана в археологические издания Российской Федерации» [Shovkopliias 1957, 14].

Л.М. Славин – исследователь античной Ольвии. Лазарь Моисеевич Славин был ученым, которого прислали из Ленинграда в Киев в 1938 г. Так или иначе, археолог был вынужден разбираться в сложившейся ситуации. Касательно событий 1934 г. в украинской науке он писал: «Чтобы перестроить археологическую работу в Украине, Академия наук УССР постановила в 1934 г. организовать на базе ВУАК и других археологических организаций, которые существовали при Академии наук, Институт истории материальной культуры» [Slavin 1947, 69]. То-есть, Лазарь Моисеевич наиболее нейтрально оценивал события, которые имели место быть, и называл их «реорганизацией» без негативной эмоциональной оценки. При этом, следует подчеркнуть, что именно Лазарь Моисеевич после своего пере-

езда в Киев вынужден был устранять последствия этой «реорганизации», так как в штате Института археологии остро ощущалась нехватка квалифицированных специалистов. Фактические сведения об археологических институтах собраны в вышеупомянутой работе «Институт археологии», а также в отдельных работах конкретных исследователей.

Также стоит отметить, что литература, посвященная тематике проявления методологического перелома в украинской археологии, фактически отсутствует. Собственно говоря, методологический перелом и институциональное изменение советской археологии в целом описано в работах А.А. Формозова, Л.С. Клейна, В.Ф. Генинга, Н.И. Платоновой и др. Ученые, о которых идет речь, свои исследования по истории археологии начали в позднесоветский период (80-е гг. XX в.), соответственно их отношение к украинской археологии наследует советскую традицию: киевская институциональная археология рассматривается исключительно в контексте общесоветской. При этом, все же, развернутой синтетичной истории методологических и институциональных изменений в археологии всего СССР нет. Указанные выше работы раскрывают максимум историю дискуссии между московскими и ленинградскими археологами. И при этом всем, сами санкт-петербургские историки археологии признают, что история ведущих археологических организаций СССР – РАИМК/ГАИМК/ИИМК остается написанной поверхностно [Academicheskaiia... 2013, 11]. Следует отметить, что современная российская история науки имеет свои корни в советской традиции. Большинство современных историков науки являются прямыми продолжателями советской традиции.

Современная украинская традиция изучения истории археологии, в основном, построена на биографистике. Также стоит отметить, что 30-е гг. XX в. – это лакуна. А из-за небольшого количества сохранившихся документов именно биографии ученых позволяют создать необходимый нарратив. История теоретических изменений в советской археологии для отечественной украинской истории археологии тема новая и неизученная, и наше исследование не претендует на полноту, а яв-

ляется лишь разведкой.

Для нас представляют интерес работы по истории взаимоотношений интеллектуалов-гуманитариев и власти. Ф. Рингер в своем труде «Закат немецких мандаринов» описывает состояние дел среди интеллектуалов Германии времен Веймарской республики, а также проникновения тоталитаризма (в виде национал-социализма) в науку [Ringer 2008]. Институтом истории Украины в 2016 г. была выпущена коллективная монография «Историк и власть» [Istorik 2016]. Основное внимание в монографии обращено на отношения отдельных ученых с властью, а также на политизацию истории. Возможна ли не политизированная история? – едва ли не основной лейтмотив монографии.

Основной задачей нашего исследования является выявление особенностей методологии украинской советской археологии, а также, каким образом и кем она внедрялась в полевые исследования. Прежде всего, следует пояснить, что имеется в виду под понятием *методологический перелом в советской археологии*. Начиная с 1925 г. в Москве действовало Общество историков-марксистов во главе с представителем «старой школы», первым российским историком-марксистом М.Н. Покровским. Это общество имело свой печатный орган – журнал «Историк-марксист». На страницах этого издания в 1929 г. появилась стенограмма заседания Общества от 4 ноября 1929 г. На заседании инициативной группой молодых археологов-марксистов А.Я. Брюсовым, С.В. Кисилевым, А.П. Смирновым и А.В. Арциховским был прочитан доклад о состоянии дел в археологии. Спикером и неформальным лидером группы был А.В. Арциховский. Иногда эту группу исследователей называют представителями «нового археологического направления» [Gening 1982, 103-106]. Этим докладом группа вынесла на обсуждение необходимость проведения методологической дискуссии в археологии. Археология и история были названы двумя параллельными науками, которые работают над созданием материала для социологических обобщений. А.Я. Брюсовым, С.В. Кисилевым и А.В. Арциховским был предложен метод восхождения. Фактически, это означало, что археология, в отличие от дореволюционной традиции изучения древнейшей истории как части естествознания – «преистории», стала частью

исторических наук, что подразумевало создание новой методологии как системы инструментов для проведения археологических исследований с точки зрения истории.

Стоит отметить, что представители «нового археологического направления» еще в 1927-1928 гг. делали первые доклады, в которых декларировали внедрение марксизма в археологию [Formozov 2006, 41]. Но такая попытка, на которую было обращено внимание научной общности, произошла в 1929 г. В советском археологическом интеллектуальном пространстве началась дискуссия касательно теоретико-методологических идей молодежи.

В 1928 г. на VII съезде ВЛКСМ И.В. Сталиным был объявлен массовый приход в науку молодых кадров [Sveshnikova 2009, 41]. То-есть, молодые, уже «советские» ученые, должны были создать конкуренцию представителям еще имперской дореволюционной археологической школы. В контексте этого процесса смены поколений также произошел ряд громких судебных процессов в первой половине 30-х гг. («Академическое дело» 1929 г., «дело славистов» 1933-1934 гг.) [Sveshnikova 2009, 41], что позволило уволить ряд известных ученых с мест их работы. Параллельно с этими процессами, подобными методами происходило и реформирование работы ИИМК в Киеве [Ianenko 2016, 60].

Еще в 1928 г. Ученый секретарь ВУАК Петр Петрович Куринной в ходе планирования очередной пятилетки писал о необходимости кардинальной перестройки археологии. Дата этого документа подчеркивает, что Петр Петрович не просто строил план развития археологии, опираясь на присланную из «центра» программу, а создавал его, опираясь на специфику именно киевской археологической школы. Согласно его труду, основной целью украинских археологических организаций (Всеукраинский центральный комитет охраны памятников культуры, Всеукраинский археологический комитет, кафедра искусствоведения, а также музеи) состояла в «социологическом штудировании памятников материальной культуры». А именно, необходимо было выявить происхождение гражданственности и культуры как отображение материальных процессов. Говоря иными словами, необходимо было показать социальную над-

стройку через изучение экономического базиса [NA IA NANU, F.10, №К-19]. Но эти слова оставались лишь на уровне деклараций. Однако, следует подчеркнуть что Петр Петрович видел в первую очередь развитие через социальные процессы, которые впоследствии должны были повлиять и подчинить экономические и политические. Не исключено, что значительное влияние на идеи ученого оказывал его учитель Д.М. Щербаковский. В своем проекте к создаваемым для музейных работников археологическим курсам, исследователь дал краткие характеристики основных предметных групп в учебном плане [NA IA NANU, F.9, №209, 4-5]:

- обучение базировалось на изучении исторического материализма – безусловной базы истории материальной культуры. Однако ученый указывал на то, что остальные политическо-идеологические предметы в цикле обучения следует читать факультативно;

- Д.М. Щербаковский использует понятие «истории первобытного общества». Данное понятие характерно для периода 30-х гг., а для 20-х гг. более традиционным было бы использование термина «преистория» или абстрактное «древности». Изучение древнего прошлого под углом истории первобытного общества свидетельствует о том, что представители киевской интеллигенции были хорошо ознакомлены с передовыми советскими идеями, которые только внедрялись в столичных центрах [NA IA NANU, F.9, №209, 4-5];

- изучение памятников классической археологии не выделено в отдельную группу для изучения, что характерно для дореволюционной системы. Изучение греческих и римских древностей лежало более в поле интересов искусствоведов, чем археологов, несмотря на технические инновации, внедряемые Б.В. Фармаковским при изучении Ольвии. Интересной деталью является то, что Д.М. Щербаковский (ориентировочно 1913 г.) сам советовал своему ученику П.П. Куренному ознакомиться с методикой работы Бориса Владимировича: «Вам необходима школа археологическая и Фармаковский даст Вам такую школу» [NA IA NANU, F.10, №К-56а, 34];

- Д.М. Щербаковский обозначил необходимость основательного курса природоведческих дисциплин, так как археологи и этноло-

ги в своих исследованиях должны учитывать природные факторы (географические, геологические, климатические и др.).

В 1930 г. в рамках ВУАК была создана Комиссия по методологии археологических исследований [NA IA NANU, F.VUAK, №375а, 5-6]. Одной из ее задач была разработка методики включения методов диалектического материализма в археологические студии путем работы с историографией и выделением основных археологических категорий (культуры, влияния культурного восприятия, материальной культуры и ее соотношение с базой, т.е. окружающей средой). В результате, работа украинских археологов должна была быть включена в общесоветскую археологию. В рамках этого процесса в 1931 г. П. П. Куренной стал делегатом от ВУАК на Первый все-союзный съезд по археологии и этнографии в Москве [NA IA NANU, F.VUAK, №376, 6]. К сожалению, пока не удалось выявить документальных свидетельств о том, имел ли ученый слово и если имел, то какова была тематика его доклада. Однако, исходя из выявленного корпуса источников, мы можем предположить, что исследователь излагал свое видение путей развития советской археологии, учитывая опыт киевских ученых.

Однако, кроме смены кадрового состава в археологических институтах, коренные изменения произошли непосредственно в целях и задачах археологии как науки. То, что В.Ф. Генинг [Gening 1982, 50-56] назвал реорганизацией структуры центральных археологических учреждений, в ходе которой в археологии были введены задачи и методы археологических исследований, подчиненных марксистско-ленинской идеи, М.А. Миллер [Miller 1954, 61-69] характеризует так: «Само слово «археология» было отвергнуто и запрещено, как означающее буржуазную, враждебную марксизму науку и заменено «марксистской историей материальной культуры». В это время сокращается количество археологических экспедиций и критикуются ученые-археологи старой школы, зарубежные ученые, травли испытывают и сотрудники археологических учреждений (А. Брейль, Г. Коссина, П. Буль и другие). Н.И. Платонова называет период с 1929 – начало 1930 г. «периодом разгрома и

ломки организационных структур» [Platonova 2010, 219].

В 20-х гг. именно в ГАИМК ученые имели возможность разрабатывать и внедрять новые методы ведения исследований (и поэтому этот институт стал пионером в переформатировании научной работы на новые догмы, которые внедрялись сталинским вариантом трактовки марксизма), а в первой половине 30-х именно в Ленинграде был отработан механизм «советизации» археологии, который впоследствии был введен и в других научных центрах СССР (в частности, в Киеве). Удачно данный период охарактеризовала О.С. Свешникова: «Власть больше не искала диалога с наукой, теперь целью стало подчинить науку интересам политики» [Sveshnikova 2009, 40]. Следует отметить, что этот процесс происходил в течение нескольких лет, и если Ленинград и Москва стали первыми мишенями, то эти тенденции распространились в Киеве за несколько лет, а, например, окончательная советизация львовской науки пришлось уже на вторую половину 40-х гг. XX в., после окончания Второй мировой войны.

Одним из проявлений советизации археологии стало провозглашение изменения основной цели археологического исследования конкретного памятника. Сама находка больше не была главным объектом изучения. Предметом изучения становится реконструкция того общества, которое оставило конкретный памятник. Важной стала комплексность в изучении материала, а не поиск отдельных находок (как часто делалось во время дореволюционных исследований).

Одним из нововведений был «метод восхождения», который декларировался представителями «нового археологического направления». Данный метод имел своей целью реконструировать производственные отношения прямо и непосредственно исходя из орудий труда. Метод восхождения, по удачному определению В.Ф. Генинга, собственно говоря, никогда и не был методом, а скорее, общенаучным принципом исследования археологических данных [Gening 1982, 105-107]. То есть, согласно идей А.В. Арциховского и его товарищей, археология способна самостоятельно, без привлечения этнографических данных, ре-

конструировать производственные отношения в древних обществах, фактически «написать» древнюю историю [Artsihovskii 1929, 137-140].

Данный доклад вызвал бурное обсуждение среди ученых цикла исторических дисциплин. Стоит отметить, что метод восхождения был жестко раскритикован. Идея отказа от использования этнографических данных, в конце концов, оказалась нежизнеспособной для советской археологии. Этнографические данные в дальнейшем очень широко использовались среди археологов, особенно тех, кто занимался древними периодами в истории человечества с достаточно ограниченным подбором источников. Стоит отметить, что все участники дискуссии 1929 г. в Москве признавали принадлежность археологии к комплексу исторических дисциплин или же единой синтетической исторической науки [Artsihovskii 1929, 142-154]. Фактически метод восхождения так и остался теоретической выкладкой, которая не имела связи с реальностью прошлого. В Украине приверженцев метода восхождения не оказалось.

В 1930 г. ленинградский аспирант Н.Я. Марра В.И. Равдоникас стал отстаивать право археологов привлекать этнографию для палеоисторических реконструкций. Вместе с тем, В.И. Равдоникас обрушился с критикой на дореволюционную археологию, а вместе с ней и археологию 20-х гг. Как удачно подметила Н.И. Платонова, сегодня мы зачастую воспринимаем археологию до методологического перелома как эмпирическую, без метода, то есть такую, которая и не мела собственно археологической мысли [Platonova 2002, 262].

В. И. Равдоникас поставил под сомнение существование археологии как науки из-за ее «буржуазной» сути. Археологические исследования должны бы быть фрагментом синтетической истории материальной культуры. Предметом исследований археолога должны быть не события, которые сопровождали жизнь вымерших поколений человечества, и, даже, не человек как таковой, а общество. Это позиция и стала основой для нового интеллектуального пути, которым пошла советская археология.

В февральском выпуске 1931 г. ИГАИМК увидела свет целевая программа ГАИМК. Резюмируя итоги деятельности «старой» археологии

в ГАИМК констатировали, что в Российской империи «вели исследования материальных памятников в отрыве от изучения форм общества и условий производства». Исследование отдельных археологических артефактов не могло быть целью для ученого, который бы занимался наукой о прошлом человечества. Действительный предмет изучения любого ученого – современность. Прошлое же может быть лишь инструментом для познания современности [Tselevaia... 1931, 2]. В это же время активно входит в обиход археологов-первобытников такое понятие как «первобытный коммунизм». Логика была такова: история повторяется, соответственно, если коммунизм был в далеком прошлом, то и будет в будущем.

Традиционно считается, что методологическая дискуссия – явление исключительно столичное, что, собственно, и отражено в работах современных российских исследователей, которые специализируются на изучении истории археологии [Formozov 2006; Klein 1993; 2014; Platonova 2010 etc.].

В советской Украине тщательно следили за ходом дискуссии о природе археологии. Так, киевский историк, декан исторического факультета Университета им. Т.Г. Шевченко, К. Штеппа конспектировал доклад представителей «нового археологического направления». В НА ИА НАНУ сохраняется работа К.Т. Штеппы в виде тезисов «К вопросу о методологической перестройке археологии (по поводу доклада А.В. Арциховского)» [NA IA NANU, F.VUAK, №686a; Addition №1]. Считаем должным отметить, что данная работа не подписана самим Штеппой. Но, исходя из архивных документов знаем, что К.Т. Штеппа подписывался как «К.Ш.», а авторство К.Т. Штеппы определяется рукописной рецензией Т. Гавриленко на работу К.Т. Штеппы «Проблемы классовой борьбы в античной формации по Марксу и Энгельсу» [NA IA NANU, F.VUAK/SIMK, №494]. Буквы «К.Ш.» идентичны подписи в вышеупомянутых работах. В НА ИА НАНУ также сохранились замечания ученых-коллег К.Т. Штеппы к докладу, посвященному указанной выше проблематике [NA IA NANU, F.VUAK/SIMK, №451]. В указанном документе обращают на себя внимание два важных аспекта, касательно изучения античных памятников на территории советской Украины. 1) Сам ав-

тор, при том, что его специализацией являлось изучение античности в широком смысле этого термина, упоминает, что: «эта тема требует доработки. В том числе, с материалами Надчерноморских колоний, докладчик признает себя мало ознакомленным, особенно в части выявления памятников материальной культуры [NA IA NANU, F.VUAK/SIMK, №451, 16]. Для первой половины 30 гг. такая ситуация абсолютно удивительна, так как крымские памятники, как часть РСФСР, изучали российские советские археологи, а Ольвия – самый крупный античный памятник на территории тогдашней УССР стал причиной споров между украинскими и российскими советскими археологами [Kariaka, 2015]. 2) Тогдашний руководитель СИМК Ф.А. Козубовский (в 1935 году руководитель Ольвийской археологической экспедиции) высказался о том, что вопросом изучения античных памятников занимаются также и зарубежные ученые. И исследования советских, в том числе и украинских, археологов должны стать противовесом для «буржуазной» науки. Собственно, в этот период отечественное антиковедение постепенно все больше переходит на изучение памятников древних греков и римлян с точки зрения изучения классовой борьбы, а не изучения произведений искусства, как мы могли видеть еще в курсах Д.М. Щербаковского.

В контексте данной статьи также стоит упомянуть о не рядовом исследователе древнего прошлого человечества К.Е. Коршаке. К.Е. Коршак в 1932 г. закончил аспирантуру в Археологическом музее ВУАН. В том же году молодой интеллектуал защитил промоционную работу на тему «К вопросу о началах обмена в первобытном обществе на Украине» и получил звание научного работника-историка материальной культуры [NA IA NANU, F.13, №15]¹. Фактически, работа К.Е. Коршака в 1932 г. ознаменовала оформление методологических перемен в советской археологии в формальные рамки. Археология позиционируется как буржуазное вещеведение и такое направление человеческой деятельности, которое недопустимо для реальности страны советов.

История материальной культуры имела целью исследовать вещи, которыми люди

1. Детально биография и процесс защиты промоционной работы описаны в статье А.С. Яненко [Ianenکو 2014].

пользовались в своей повседневной жизни. Предметом исследования ученых должны были стать люди, а не вещи. С этого времени можно было услышать такие лозунги как «увидеть за орудием труда человека».

В 1934 г. в Москве вышел в печати труд П. Федосеева «Как произошло человечество». К.Е. Коршак написал отзыв, где отмечал необходимость появления подобной работы. Но, в то же время, ученый фиксировал недостаточный уровень оформленности взгляда советской науки на древность. То-есть, «старая буржуазная периодизация» (палеолит, мезолит, неолит и т.д.) имеет место быть в работе П. Федосеева [НА ИА НАНУ, F.63, №418].

Интересно, что, критикуя П. Федосеева за использование понятий, связанных со «старой» периодизацией, К.Е. Коршак сам активно прибегает к использованию этих самих понятий. Так, исследователь описывал каменные орудия труда с Киево-Кирилловской стоянки, Чулатово и Искорости, а также трипольские коллекции, хранящиеся в Археологическом отделе Всеукраинского Исторического Музея. В коллекции хранились артефакты, собранные В.В. Хвойкой у с. Халепье, Веремья, Жуковцы и прочих. Вверенные ему коллекции К.Е. Коршак описывал по типологии отдельных вещей, а кроме того, размышлял об утилитарных функциях орудий труда [НА ИА НАНУ, F.13, №7; НА ИА НАНУ, F.13, №8].

Подобный подход К.Е. Коршак сохранил и в дальнейших своих работах. Так, статья «Земледелие древних родовых общин среднего Поднепровья» была раскритикована Ф. Ястребовым за то, что сам исследователь, по сути, придерживался тех же «буржуазных» позиций, которые и критиковал [НА ИА НАНУ, F.13, №3].

В марте 1936 г. К.Е. Коршак читал лекции по истории доклассовых обществ в Институте Красной профессуры в Москве. До нас дошли стенограммы лекций, в которых идет речь о том, что традиционным для марксистского подхода к пониманию истории является ее деление на доклассовую и классовую. История классовых (или первобытно-коммунистических) обществ, в первую очередь, делится на дороговую коммуну, родовую коммуну и сельскую общину. Важно отметить, что К.Е. Коршак в лекциях отмечал время сложения

родового устройства как верхний палеолит (традиционно в работах того периода считалось, что родовое устройство зародилось в неолите) [НА ИА НАНУ, F.13, №13].

К.Е. Коршак стал первым украинским историком материальной культуры. Фактически ученый стал первым, кто применил новый советский взгляд на первобытность на практике касательно палеолита. Деятельность К.Е. Коршака – это яркая иллюстрация 30-х гг. и атмосферы, что царила тогда в научном сообществе Украины. Критика своих коллег за использование схем буржуазных археологов и одновременно использование их же, отрицание использования понятий «старой» периодизации (палеолит, неолит и др.) и использование этих же понятий для объяснения периодизации «новой». По факту, для археологии первой половины 30-х гг. характерно понимание того, что пагубно, «буржуазно», но отсутствовало понимание того, на каких позициях должна строиться новая пролетарско-марксистская наука о древнейшем прошлом человечества.

Киев не обошла и компания по критике профессора В.А. Городцова. В НА ИА НАНУ сохранились тезисы на тему: «Буржуазная схема проф. Городцова в археологии и влияние ее на украинских исследователей». Тезисы состоят из 9 пунктов, большая часть из которых – общая критика городцовской теории и критика типологического метода как такового. Только последний пункт гласит о том, что схема проф. В.А. Городцова имела влияние на украинских исследователей. Только вот фамилий не названо и не понятно, каким именно образом эта самая схема имела влияние на украинских интеллектуалов [НА ИА НАНУ, Ф. Магуры (№12?), №4(7); Приложение 4].

1933-1934 гг. стали переломными для украинской советской археологии. П.П. Куренной предложил свое видение институции, которая бы курировала археологические исследования в УССР. Автор проекта указывал, что:

- следует избавиться от использования «бессмысленного, реакционного» термина «археология», а использовать более подходящий, по мнению ученого, термин «диалектическое исследование вещественных источников истории»;

- исходя из этого, он предложил изменить название институции на «Украинский коми-

тет диалектического исследования вещественных источников истории при втором отделении ВУАН (УКРДЖИ);

- основным заданием этой институции должно было стать исследование вещественного оформления (вещи) социальной деятельности, в контексте изучения социальных процессов, фактически указав предметом изучения истории древнейшего прошлого историю социо-экономических связей между разными археологическими культурами.

Археология, как наука, должна была стать не отдельной отраслью знаний, а инструментом для изучения динамики исторического развития древних обществ [NAIANANU, F. VUAK/SIMK, № 451, p. 84-85].

Следует отметить, что П.П. Куренной на основании своего полевого и исследовательского опыта пытался создать институцию, которая бы с одной стороны отображала особенности исследования памятников на территории именно советской Украины, но при этом его концепция основывалась на идеях, которые создавались в Ленинграде и Москве, что свидетельствует о том, что киевские исследователи были хорошо ознакомлены с процессами, кото-

рые происходили в столичных археологических институциях.

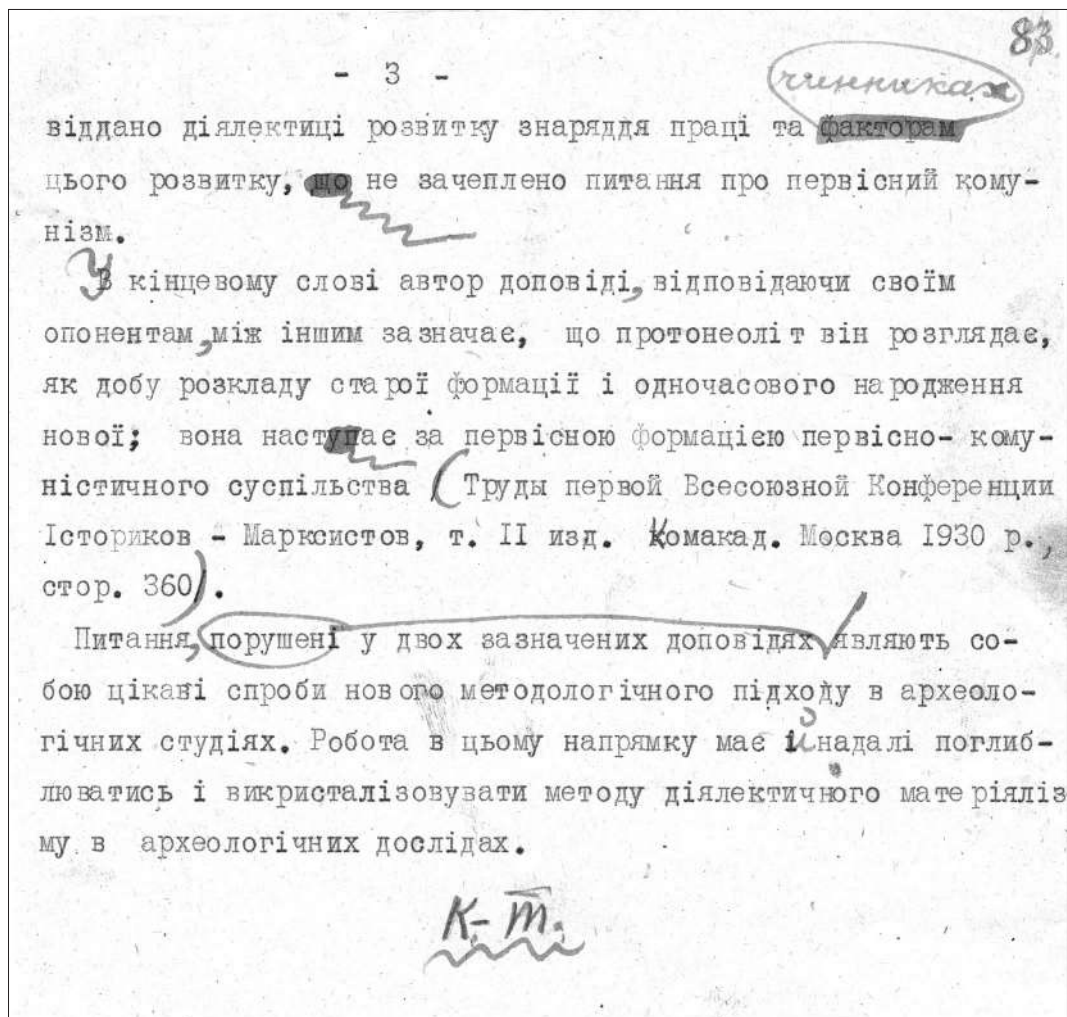
Подводя итог сказанному следует отметить, что в Киеве в 20-30-х гг. XX в. складывается мощный интеллектуальный центр, представители которого не только внедряли новые идеи и методы, но и были непосредственными участниками теоретико-методологических дискуссий в советской археологии 30-х гг. В Киеве появился свой историк материальной культуры, ученый новой советской формации, не «буржуазный» археолог – К.Е. Коршак. В Киеве реформировались идеи, которые высказывались во время теоретико-методологической дискуссии в Москве и Ленинграде. Однако, при этом продуцировалось и свое видение науки о изучении древнейшего прошлого человечества. Вопрос того, можно ли считать Киев равным Москве и Ленинграду оставляем открытым в надежде на введение в научный оборот новых источников, которые смогут внести ясность в ситуацию. Так или иначе, украинская, киевская археологическая общность имела свое отдельное, специфическое лицо в контексте общесоюзной науке о древности.

Список документов / List of documents

До питання про методологічну перебудову археології.

З приводу доповідів А. Арихівського (Історик-Марксист т. I, 1929 / та В. Накольського / Тр. I конф. Істориків Марксистів, т. II, 1930). (немає)

Вимоги пролетарської науки щодо методологічної перебудови за останніх часів стали й перед археологією. Можна відзначити усвідомлену потребу активніших робітників в галузі археології до переходу в археологічних дослідженнях до методи діалектичного матеріалізму. Цьому складному питанню було присвячено спеціальні збори / 4/XI- 29/ Соціологічної Секції Комкадемії у Москві. Тут було поставлено на обговорення питання про ^{сно} способи прикладання ^{ти} методу діалектичного матеріалізму до археологічних студій. Ініціаторами зборів була група археологів, що поставила доповідь і брала також жваву участь у ^{дискусіях} ~~дискусіях~~. Доповідь на тему "Новые методы археологии" зачитав А. Арциховський. В ^{дискусіях} ~~дискусіях~~ брали участь ^{виступали} Брюсов, Кущнер, Дмитрієв-Кельда, Киселев, Аптекарь Нікольський (журн. Історик- Марксист, т. І4, 1929, Москва, стор. І36). Доповідач відзначив, що стара археологія вивчала зовнішні форми пам'яток культури і перетворювалася в голу систематику. Археологія має право на існування ^{ти} ~~існування~~ тільки тоді, коли поставить собі завдання відновити за пам'ятками культури громадсько- економічні формації. Кількість археологічних пам'яток ^{тепер} ~~за~~ дуже збільшилась, а методи досліджування ^{на} ~~уточнилися~~, через те можна за археологічним матеріалом відновити давню систему продукційних сил. Разом з цим методом підступання продуктивних сил до продуктивних взаємин можна відновити громадсько- економічні формації за пам'ятками матеріальної культури. Ця метода вимагає покласти в основу техніку широких громадських груп, а не одного або декількох одностайних точок, що їх неправильно йменують "культурою". За останніх часів через захоплення систематикою в археології вироблено величезну кількість культур, які треба

В

Рис. 1. НА ИА НАНУ, Ф. ВУАК. №. 686а, А-В.

Ris. 1. NA IA NANU, F.VUAK. № 686a, A-B.

РЕЦЕНЗІЯ

на статтю К.КОРШАКА "Землеробство давніх родових громад середнього Подніпров'я" /"Наукові записки Інституту Матеріальної Культури", кн.5-6,1935р. /с.с. 9-52/-

Уся стаття Коршака побудована на археологічному матеріалі, що його зібрали в свій час буржуазні археологи Хвойка та Антонович, а також на друкованих роботах Хвойка та інш. Сам автор стоїть в своїй статті по суті на позиціях цих буржуазних археологів.

Присвячуючи свою статтю такій темі як Землеробство, автор говорить лише виключно про землеробські знаряддя та хлібні культури, а ніяк не аналізуючи виробничі стосунки родових громад на Подніпров'і. Уся стаття просякнена галим описом хліборобських культур та знарядь частково власним, але в більшій мірі запозиченим у буржуазних археологів. В статті немає ніякої історичної перспективи. Автор перемішав в одну купу різні епохи розвитку первісного суспільства.

Посилаючися неодноразово на "Походження родини", ~~і-а~~ Енгельса, автор штучно пристосовує цитати з цього твору до свого матеріалу. Він зовсім обминув відомий Енгельсів розподіл історії людського суспільства на три епохи - і не поклав його в основу свого твору. Лише в одному місці своєї статті /с.38/ автор згадує про варварство за Енгельсом, але ця згадка у нього не ув'язана

Рис. 2. НА ИА НАНУ, Ф. 13 (персональный фонд К.Е. Коршака), № 12.

Ris. 2. NA IA NANU, F. 13 (personalny fond K.E.Korshak), № 12.

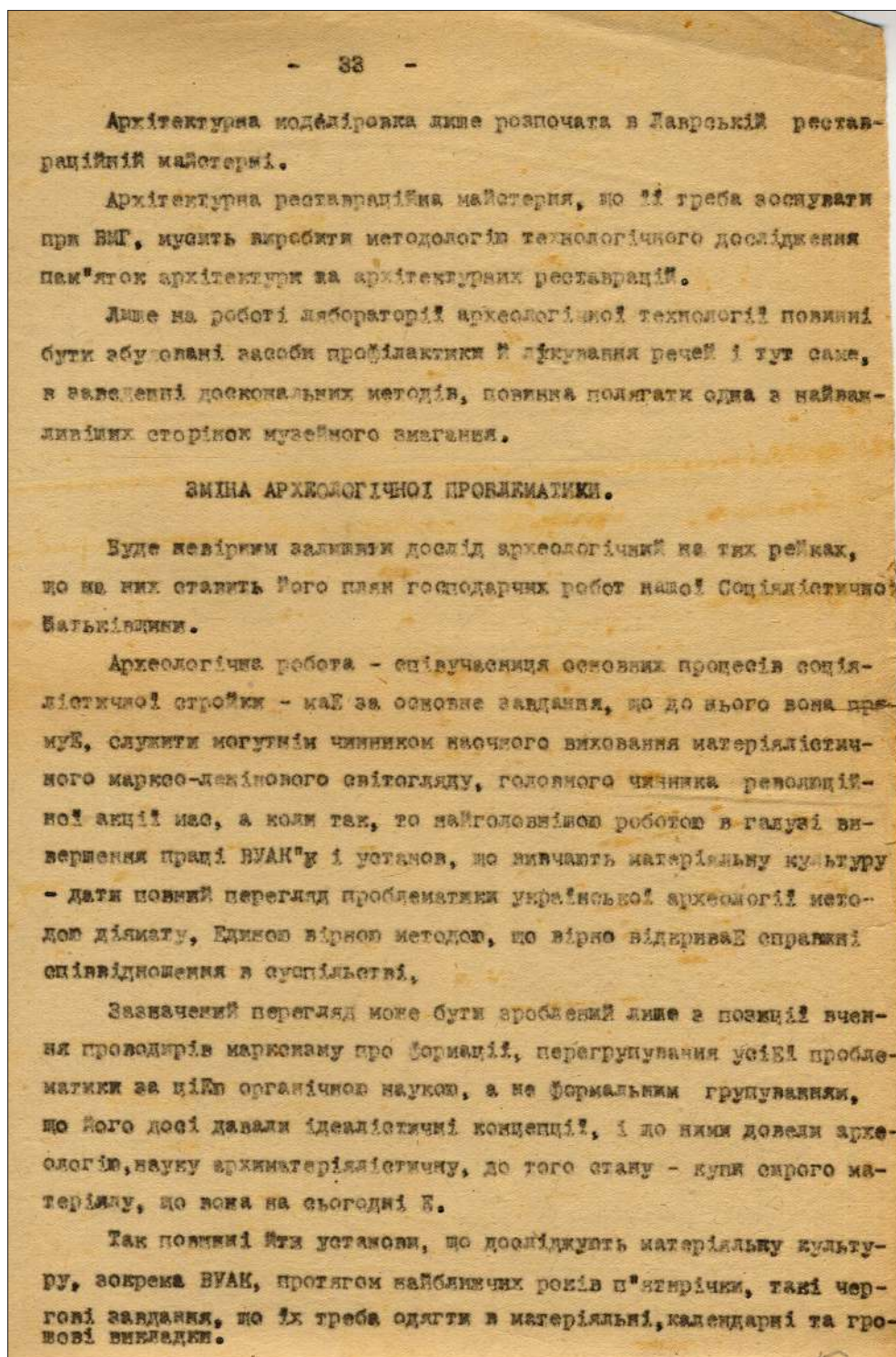

Рис. 3. НА ИА НАНУ, Ф. 10 (персональный фонд П. П. Куринного), № К-19.

Ris. 3. NA IA NANU, F. 10 (personalny fond P.P.Kurinnogo), № K-19.

План работ Комісії по методології археологічних дослідів.

I Методи спостережень :

- 1/ Точні методи обміру
 - а/ Концентрація матеріалу щодо точних мірчих приладь,
 - б/ Наради фахівців,
 - в/ Методи застосування мікроскопа для археологічних та містських дослідів,
 - г/ Вироблені системи обмірів різних матеріалів та виробів, виходячи з динаміки їх розвитку.
- 2/ Точні методи визначення матеріалів:
 - а/ Підумки технологічних визначень,
 - б/ Організація технологічних визначень,
 - в/ Нарада фахівців з технології матеріалів.
- 3/ Методи датувань археологічних об'єктів:
 - а/ Організація наради ґрунтознавців та геологів,
 - б/ Організація вивчення живин та антропологічних матеріалів,
- 4/ Точні методи фіксації:
 - а/ Фото, мікрофото та інше
 - Аеропланні зйомки,
 - Питання фотографування великих площин,
 - Організація наради фотографів для розв'язання основних принципів фотографування пам'яток,
 - б/ Вироблення наукової мови та термінології
 - Організація критики наукової мови праць, що надходять до ВУАКУ.
 - Методологія ділового виступу,
 - Вироблення системи опису різних матеріалів, виходячи з динаміки розвитку речі.
 - в/ Методологія наукових видань,
 - Вимоги друкарські,
 - Права авторські.

II. Методологія дослідів:

- 1/ Польового, *мур.*
- 2/ Архітектурного, *мур.*
- 3/ Речевого. *Руд. Євст. Назаров. Спасска*

III. Методологія охорони пам'яток старовини:

- 1/ Методи закріплення мозаїк, *Савел*
- 2/ Методи закріплення фресок, *Богдан*
- 3/ Методи закріплення пам'яток станкового малярства, *Кр. олекс.*
- 4/ Методи закріплення пам'яток архітектури, *Поліна і Мур.*
- 5/ Методи закріплення пам'яток археології, *Куріан*

IV. Методологія порівняльних студій:

- 1/ База аналізу пам'яток,
- 2/ Порівняння явищ,
- 3/ Порівняння процесів,
- 4/ Час, місце, соціальне оточення та стан техніки-як чинники культури.

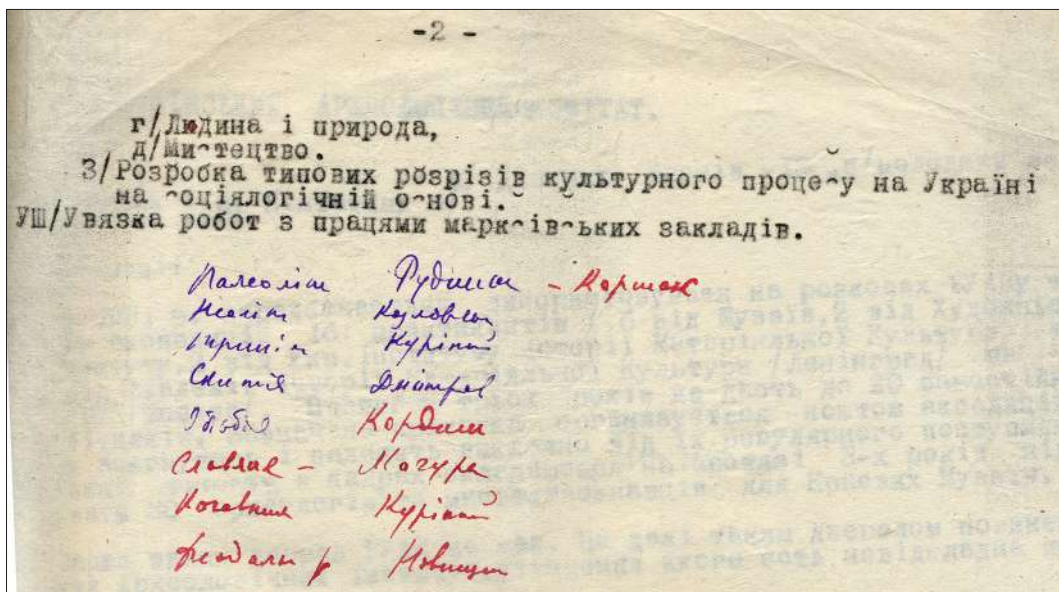
V. Методологія опрацювання:

- 1/ Матеріалу масового,
- 2/ Матеріалу одиничного,

VI. Аналіз основних підвалин археології і мистецтвознавства.

VII. Приложення методів діалектичного матеріалізму до археологічних студій:

- 1/ Концентрація літературних матеріалів,
- 2/ Окремлення основних категорій археології:
 - а/ Культура,
 - б/ Вплив культурного сприймання,
 - в/ Матеріальна культура і її співвідношення до бази

В

Рис. 4. НА ІА НАНУ, Ф. ВУАК, №. 375а, А-В.

Ris. 4. НА ІА НАНУ, Ф. ВУАК, №. 375а, А-В.

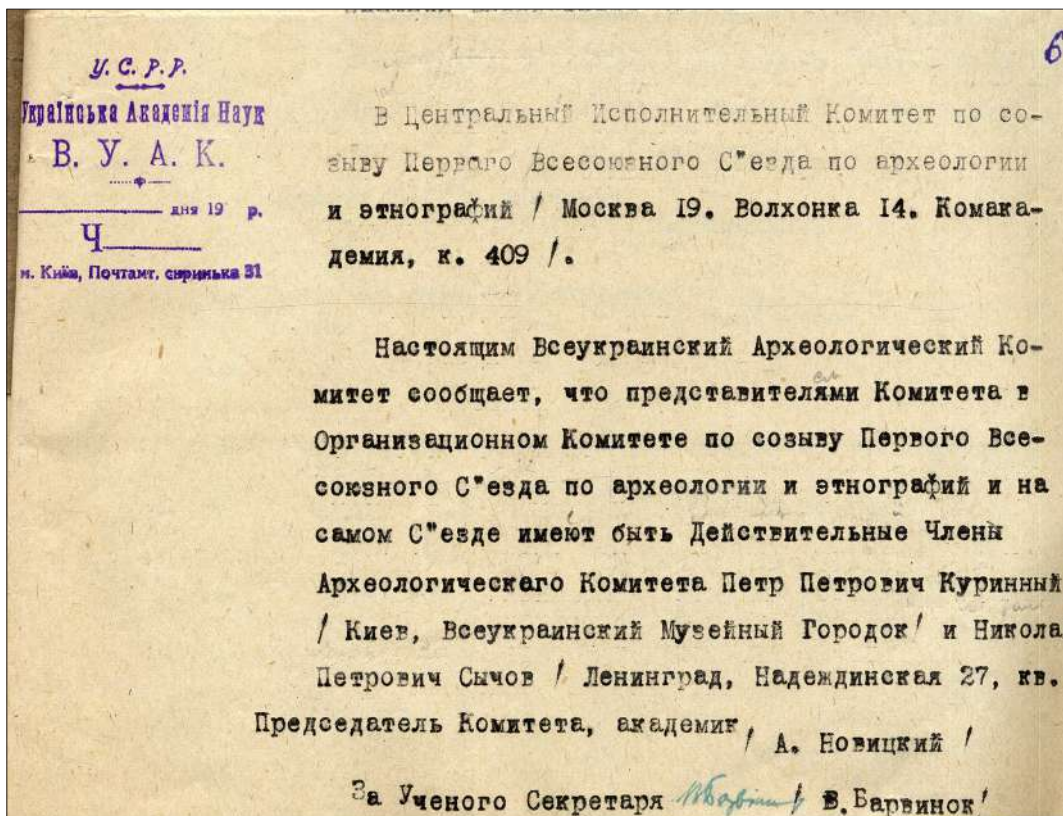

Рис. 5. НА ІА НАНУ, Ф. ВУАК №. 376.

Ris. 5. НА ІА НАНУ, Ф. ВУАК №. 376.

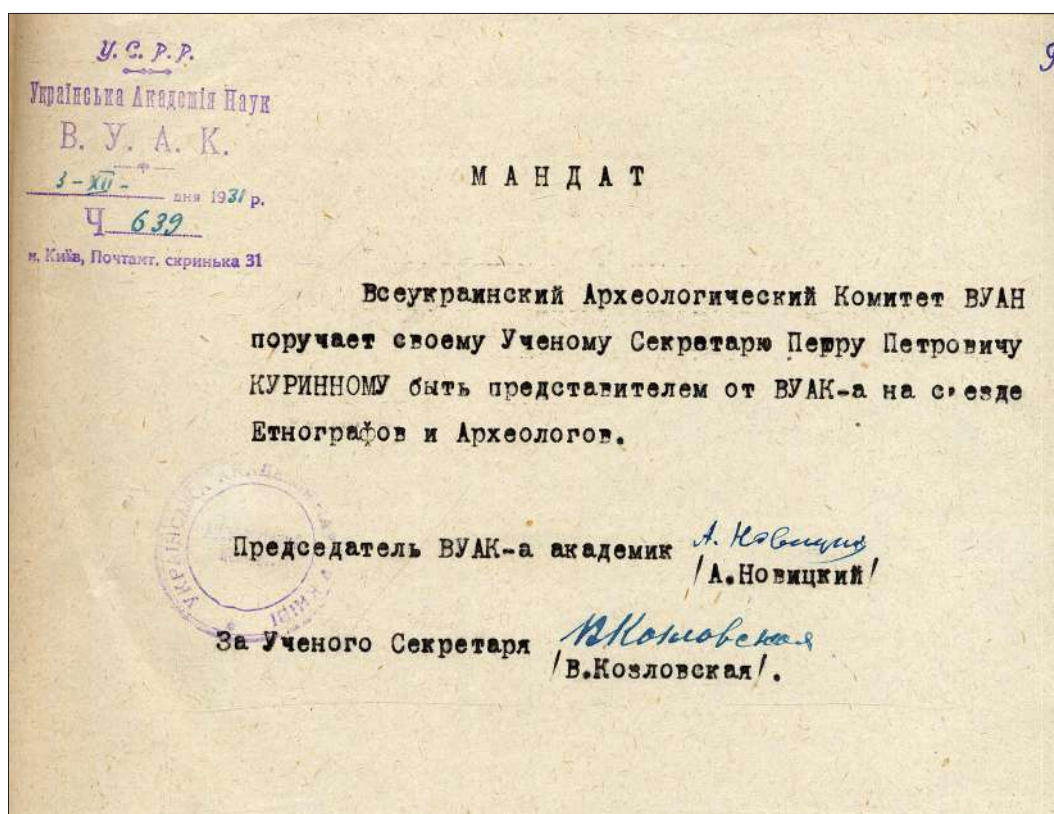

Рис. 6. НА ИА НАНУ, Ф. ВУАК №. 376.

Ris. 6. NA IA NANU, F. VUAK №. 376.

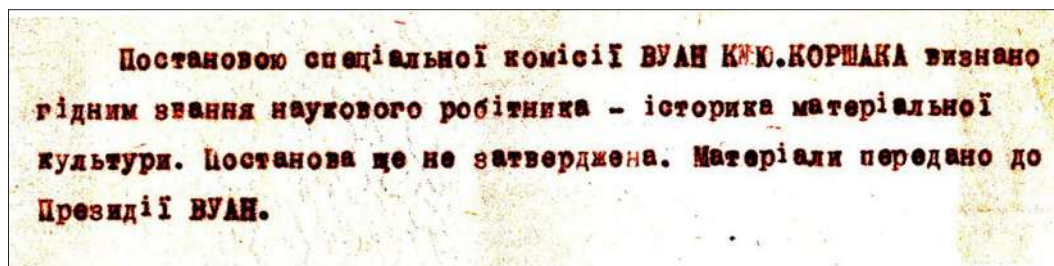

Рис. 7. НА ИА НАНУ, Ф. 13 (персональный фонд К.Е. Коршака), № 15.

Ris. 7. NA IA NANU, F. 13 (personalny fond K.E. Korshak), № 15.

Бібліографія

- Akademicheskaja 2013:** Akademicheskaja arheologija na beregakh Nevy (ot RAIMK do IIMK RAN, 1919-2014) (Sankt Petersburg 2013) // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919-2014) (Санкт Петербург 2013).
- Artsikhovskii 1929:** A.V. Artsikhovskii, Novye metody arheologii. Istorik-marksist 14, 1929, 136-155 // А.В. Арциховский, Новые методы археологии. Историк-марксист 14, 1929, 136-155.
- Gening 1982:** V.F. Gening, Ocherki po istorii sovetskoi arheologii (u istokov formirovaniia marksistskikh teoreticheskikh osnov sovetskoi arheologii. 20-e – pervaiia polovina 30-kh godov) (Kiev 1982) // В.Ф. Генинг, Очерки по истории советской археологии (у истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии. 20-е – первая половина 30-х годов) (Киев 1982).
- Institut 2015:** Institut arheologii Natsional'noi akademii nauk Ukrainy 1918-2014 (Kiiv 2015) // Інститут археології Національної академії наук України 1918-2014 (Київ 2015).
- Istorik 2016:** Istorik i Vlada. Kolektivna monografiia (Kiiv 2016) // Історик і Влада. Колективна монографія. Від. ред. В. Смолій; творчий керівник проекту І. Колесник (Київ 2016).
- Kariaka 2015:** O.V. Kariaka, Do istorii organizatsii robot Olviiskoi arheologichnoi ekspeditsii u 1930 r. ADIU 1(14). OLBIO. In Memoriam V.V. Krapivina (Kiiv 2015), 190-199 // О.В. Каряка, До історії організації робіт Ольвійської археологічної експедиції у 1930 р. АДІУ 1(14). OLBIO. In Memoriam V.V. Krapivina (Київ 2015), 190-199.
- Klein 1993:** L.S. Klein, Fenomen sovetskoi arheologii (Sankt Petersburg 1993) // Л.С. Клейн, Феномен советской археологии (Санкт Петербург 1993).
- Klein 2014:** L.S. Klein, Istoriia rossiiskoi arheologii: ucheniia, shkoly i lichnosti. T. 2. Arheologi sovetskoi epohi (Sankt Petersburg 2014) // Л.С. Клейн, История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 2. Археологи советской эпохи (Санкт Петербург 2014).
- Kurinnii 1970:** P.P. Kurinnii Istoriia arheologichnogo znannia pro Ukraïnu (München 1970) // П.П. Куринний, Історія археологічного знання про Україну (Мюнхен 1970).
- Miller 1954:** M.A. Miller, Arkheologija v SSSR. Issledovaniia i materialy. Seriia 1, 12 (München 1954) // М.А. Миллер, Археология в СССР. Исследования и материалы. Серия 1, №12 (Мюнхен 1954).
- Ianenko 2014:** A.S. Ianenko, Zakhist promotsinoi pratsi Kirilla Korshaka «Do pitannya pro zarodki obminu v pervisnomu suspil'stvi na Ukraïni» v konteksti metodologichnoi diskusii pershoi polovini 1930-h rr. MDAPV 18, 2014, 369-386 // А.С. Яненко, Захист промоційної праці Кирила Коршака «До питання про зародки обміну в первісному суспільстві на Україні» в контексті методологічної дискусії першої половини 1930-х рр. МДА-ПВ 18, 2014, 369-386.
- Ianenko 2016:** A.S. Ianenko, Istoriia muzeinoi arheologii URSR (1919-1934) (Kiiv 2016) // А.С. Яненко, Історія музейної археології УСРР (1919-1934) (Київ 2016).
- Platonova 2002:** N.I. Platonova, Panorama otechestvennoi arheologii na «velikom perelome» (po stranitsam knigi V.I. Ravdonikasa «Za marksistskuiu istoriiu material'noi kul'tury»). AV 9, 2002, 261-277 // Н.И. Платонова, Панорама отечественной археологии на «великом переломе» (по страницам книги В.И. Равдоникаса «За марксистскую историю материальной культуры»). АВ 9, 2002, 261-277.
- Platonova 2010:** N.I. Platonova Istoriia arheologicheskoi mysli v Rosiii. Vtoraia polovina XIX – pervaiia tret' XX veka (Sankt Petersburg 2010) // Н.И. Платонова, История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века (Санкт Петербург 2010).
- Polonska-Vasilenko 1958a:** N.D. Polonska-Vasilenko, Ukraïns'ka Akademiia nauk (naris istorii). Part 1: 1918-1930 (München 1958) // Н.Д. Полонська-Василенко, Українська Академія наук (нарис історії). Ч. 1: 1918-1930 (Мюнхен 1958).
- Polonska-Vasilenko 1958b:** N.D. Polonska-Vasilenko, Ukraïns'ka Akademiia nauk (naris istorii). Part 2: 1918-1930 (München 1958) // Н.Д. Полонська-Василенко, Українська Академія наук (нарис історії). Ч. 2: 1918-1930 (Мюнхен 1958).
- Ringer 2008:** F. Ringer, Zakat nemetskikh mandarinov: Akademicheskoe soobshchestvo v Germanii, 1890-1933 (Moskva 2008) // Ф. Рингер, Закат немецких мандаринов: Академическое сообщество в Германии, 1890-1933 /Пер. с английского Е. Канищевой и П. Гольдина (Москва 2008).
- Sveshnikova 2009:** O.S. Sveshnikova, Sovetskie arheologi v poiskakh pervobytnoi istorii. Istoricheskaja interpretatsiia arheologicheskikh istochnikov v sovetskoi arheologii 1930-1950-kh gg. (Omsk 2009) // О.С. Свешникова, Советские археологи в поисках первобытной истории. Историческая интерпретация археологических источников в советской археологии 1930-1950-х гг. (Омск 2009).

Slavin 1947: L.M. Slavin, 25 rokov arkheologichnikh doslizhen' Akademii nauk URSR. Arkheologiya 1, 1947, 65-84 // Л.М. Славин, 25 років археологічних досліджень Академії наук УРСР. Археологія 1, 1947, 65-84.

Formozov 2006: A.A. Formozov, Russkie arkheologi v period totalitarizma: Istoriograficheskie ocherki (Moskva 2006) // А.А. Формозов, Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. 2-е изд., доп. (Москва 2006).

Tselevaia 1931: Tselevaia ustanovka i novye zadachi GAIMK. SGAIMK 2, 1931, 1-4 // Целевая установка и новые задачи ГАИМК. СГАИМК 2, 1931, 1-4.

Shovkoplias 1957: I.G. Shovkoplias, Arkheologichni doslidzhennia na Ukraïni (1917-1957) (Kïiv 1957) // І.Г. Шовкопляс, Археологічні дослідження на Україні (1917-1957) (Київ 1957).

1. Nauchnyi arkhiv Instituta arkheologii, F. VUAK, nr.375a // Научный архив Института археологии, Ф. ВУАК, №.375a/ НА ИА НАНУ, Ф. ВУАК №.375a;
2. NA IA NANU, F. VUAK nr.376 // НА ИА НАНУ, Ф. ВУАК №.376;
3. NA IA NANU, F. VUAK. nr.686a // НА ИА НАНУ, Ф. ВУАК №.686a;
4. NA IA NANU, F. VUAK /SIMK. nr.494 // НА ИА НАНУ, Ф. ВУАК/СИМК. №.494;
5. NA IA NANU, F.9 (personal'nyi fond D.M. Scherbakovskogo), nr.209 // НА ИА НАНУ, Ф.9 (персональный фонд Д.М. Щербаковского), №209;
6. NA IA NANU, F.10 (personal'nyi fond P.P. Kurinnogo), nr.K-19 // НА ИА НАНУ, Ф.10 (персональный фонд П.П. Куринного), № K-19;
7. NA IA NANU, F.10 (personal'nyi fond P.P. Kurinnogo) nr.K-56 // НА ИА НАНУ, Ф.10 (персональный фонд П.П. Куринного), № K-56;
8. NA IA NANU, F.12 (personal'nyi fond S.S. Magury), nr.4(7) // НА ИА НАНУ, Ф.12 (персональный фонд С.С. Магуры), № 4(7);
9. NA IA NANU, F.13 (personal'nyi fond K.E. Korshaka), nr.3 // НА ИА НАНУ, Ф.13 (К.Е. Коршака), №3;
10. NA IA NANU, F.13 (personal'nyi fond K.E. Korshaka), nr.7 // НА ИА НАНУ, Ф.13 (К.Е. Коршака), №7;
11. NA IA NANU, F.13 (personal'nyi fond K.E. Korshaka), nr.8 // НА ИА НАНУ, Ф.13 (К.Е. Коршака), №8;
12. NA IA NANU, F.13 (personal'nyi fond K.E. Korshaka), nr.13 // НА ИА НАНУ, Ф.13 (К.Е. Коршака), №13;
13. NA IA NANU, F.13 (personal'nyi fond K.E. Korshaka), nr.15 // НА ИА НАНУ, Ф.13 (К.Е. Коршака), №15;
14. NA IA NANU, F.63 (Nauchnye raboty), nr.418 // НА ИА НАНУ, Ф.63 (Научных работ), №418.

Игорь Цеунов, архивист I категории, Научный архив Института Археологии НАН Украины, пр. Героев Сталинграда, 12, г. Киев, Украина, e-mail: igortseunov@gmail.com

Дарья Черкасская, ведущий архивист Научный архив Института Археологии НАН Украины, пр. Героев Сталинграда, 12, г. Киев, Украина, e-mail: dcherkasskaya@gmail.com

CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS

Roman Croitor, Ghenadie Sîrbu

Animal remains from the Late Eneolithic settlement of Gordinești II-*Stînca goală* (Edineț district). Part 1

Keywords: domestic animals, antler material, tool marcs, burn bones.

Cuvinte cheie: animale domestice, coarne de cerbi, urme de unelte, oase arse.

Ключевые слова: домашние животные, олений рог, следы использования орудий, обожжённые кости.

Roman Croitor, Ghenadie Sîrbu

Animal remains from the Late Eneolithic settlement of Gordinești II-*Stînca goală* (Edineț district). Part 1

The present paper describes an archaeozoological assemblage from Late Eneolithic settlement of Gordinești II-*Stînca goală*. The studied osteological material is characterized by low number of remains of wild animals, the predominant position of cattle and small cattle (with apparent importance of *Capra hircus* among small cattle), sparse remains of horse and apparent absence of pig in this sample. Systematical structure of the archaeozoological material from Gordinești II-*Stînca goală* and specific post-mortem modifications of bone remains are similar to the animal remains complexes from the described earlier sites of the Cucuteni-Tripolie Culture Horodca X and Trinca-*La Șanț*.

Roman Croitor, Ghenadie Sîrbu

Resturi de animale din așezarea eneolitică târzie Gordinești II-*Stînca goală* (r-nul Edineț). Partea întâi

În articolul de față se prezintă vestigiile arheozoologice descoperite în așezarea eneolitică târzie Gordinești II-*Stînca goală*. Materialul osteologic analizat este reprezentat printr-un număr mic de oase, ce aparțin speciilor de animale sălbatice, predominând bovinele și ovicaprinele (cu un avantaj clar în favoarea caprei domestice printre cele din urmă). De asemenea, se atestă prezența ocazională a oaselor de cal și absența celor de porc domestic. Structura sistematică a materialului arheozoologic din situl Gordinești II-*Stînca goală* și modificările post-mortem specifice ale rămășițelor osoase sunt similare complexelor arheozoologice din așezările specifice culturii Cucuteni-Tripolie, precum Horodca X și Trinca-*La Șanț*.

Роман Кройтор, Геннадий Сырбу

Остатки животных из позднеенеолитического памятника Гординешть II-*Стынка гоалэ* (Единецкий район). Первая часть

В предлагаемой статье описывается археозоологический комплекс из позднеенеолитического памятника Гординешть II-*Стынка гоалэ*. Изученный остеологический материал характеризуется незначительным количеством остатков диких животных, доминирующим положением крупного и мелкого рогатого скота (с явным преимуществом в пользу домашней козы среди мелкого рогатого скота), эпизодическим присутствием остатков лошади и отсутствием остатков домашней свиньи в данном ограниченном по численности материале. Систематическая структура археозоологического материала из Гординешть II-*Стынка гоалэ* и модификация костного материала в процессе археологизации сходны с особенностями археозоологических комплексов из трипольских памятников Хорodka X и Тринка-*Ла Шанц*.

Introduction

Animal osteological remains described in the present work were unearthed during the archaeological field campaign 2016¹ of an Eneo-

lithic settlement from Edineț district, Republic of Moldova (geographic coordinates: 48°08'24.25"N; 27°09'34.58"E). The area of excavation works attained 90 m² and was divided into the sectors A, B, C, and D [Sîrbu et al. 2017a, fig. 1A; Sîrbu et al. 2017b]. The investigated area included remains of rectangular dwelling with open fire place inside and yielded a complex of fine and rough pottery and other artifacts [Sîrbu et al. 2017a, fig. 2; Sîrbu

1. The archaeological investigations were funded from project *Synchronizing the interrelations between population of the Cucuteni-Tripolye cultural complex and the Funnel Beaker culture*, Opus 8 2014/15/B/HS3/02486, coordinated by dr.hab. Małgorzata Rybicka, Institute of Archaeology from Rzeszów, Polonia.

et al. 2017b]. The archaeozoological material was grouped into three complexes: the archaeozoological assemblage discovered inside the dwelling, the archaeozoological assemblage coming from the accumulation in the Sector E (near the dwelling), and the archaeozoological material coming from the cultural level of the entire excavated area.

Research methods and material

The osteological material is heavily fragmented, therefore, the research methods suitable for morphological and comparative analysis was quite limited. The measurements are taken according to the methodology of A. Von den Driesch (1976). Fragments of deer shed antlers are regarded here as manuports and are not included in the minimum number of individuals. Abbreviations used in the text: DLM, lateromedial diameter or measurement; DAP, anteroposterior diameter or measurement; BN, bone number; BBN, burn bone number; MNI, minimum number of individuals; TM, tool marks.

Description

1. Dwelling. The osteological material discovered in the dwelling remains includes comparatively higher number of cattle (*Bos taurus*) remains including limb bone fragments, skull fragments,

mm to 55.0 mm, $n = 17$ [Cavaleriu, Bejenaru 2009]. The initial stage of wear of P4 suggest a young adult age of the individual.

The small cattle remains from the dwelling belong rather to a domestic goat *Capra hircus*. This conclusion is drawn from the morphological peculiarities of talus reported by H. Fernandez (2001). Goat remains are represented by small fragments of ribs, limb bones, and vertebrae. The small cattle individual is juvenile too, since the distal epiphysis of humerus still maintains a fusion suture between diaphysis and epiphysis. DAP distal of the humerus attains 31.7 mm, DLM distal of the humerus attains 30.2 mm.

The horse is represented only by a longitudinally broken first phalanx (maximal length amounts to 84.0 mm).

The wild boar (*Sus scrofa ferus*) is represented by two fragments of ribs and a fragment of large upper male canine. Red deer (*Cervus elaphus*) is another wild species represented by a single complete first phalanx (L, 58.5 mm; DLM $\times$ DAP proximal, 25.8 $\times$ 30.8 mm; DLM $\times$ DAP distal, 24.4 $\times$ 19.1 mm).

The archaeozoological material from the dwelling includes also a shell of grape snail *Helix cf. pomatia*, two shells of *Unio sp.*, and rodent remains (Tab. 1).

Species	BN	MNI	BBN
<i>Bos taurus</i>	46	1	3
<i>Capra hircus</i>	17	1	3
<i>Sus scrofa ferus</i>	2	1	
<i>Equus ferus caballus</i>	1	1	
<i>Cervus elaphus</i>	1	1	
<i>Helix cf. pomatia</i>	1	1	
<i>Unio sp.</i>	2	1	
<i>Rodentia gen. et sp.</i>	4	1	
Total	74	8	6

Tab. 1. Systematical and quantitative structure of the archaeozoological assemblage from the dwelling (Gordinești II-Stînca goală).

and horn core. Only one skeletal element of cattle, the distal epiphysis of tibia, provided suitable measurements (DLM distal, 72.3 mm; DAP distal, 55.6 mm). The measurements of distal epiphysis of tibia belong to a very large individual, possibly, a bull, since its measurements correspond to the largest specimens of *Bos taurus* from Poduri, Romania (Cucuteni Culture, phase A): the breadth of distal epiphysis of the Romanian sample varies from 73.0

2. Sector E. The remains of cattle (*Bos taurus*) from this complex also belong to a young or even juvenile individual (Tab. 2). This conclusion is supported by the unfused to the bone body caput femoris and by the initial stage of wear of lower second molar (M2). Distal epiphysis of metacarpus (DLM distal, 44.0 mm; DAP distal, 33.0 mm) is exceptionally narrow and belongs rather to a female. The distal breadth of metacarpus from

Species	BN	MNI	BBN	TM
<i>Bos Taurus</i>	62	2	6	
<i>Capra hircus</i>	26	1		
<i>Sus scrofa</i>	2	1		
<i>Cervus elaphus</i>	1	1	1	1
<i>Aves gen. et sp.</i>	1	1		
Total	92	5	7	1

Tab. 2. Systematical and quantitative structure of the archaeozoological assemblage from the Sector E (Gordinești II-*Stînca goală*).

Gordinești-*Stînca goală* is significantly smaller than the rather large sample from Poduri characterized by distal breadth ranging from 57.0 to 78.0 mm, $n = 21$ [Cavaleriu, Bejenaru 2009]. A proximal epiphysis of metatarsus (DLM proximal, 46.8 mm; DAP proximal, 44.4 mm) possibly belongs to another larger individual, which falls within the variation range of cattle remains from Poduri (DLM proximal = 45.0 – 56.0 mm, $n = 27$).

As in the previous archaeozoological complex, the remains of small cattle belong to goat (diagnostic characters are provided by talus). The heavily fragmented bone remains (limb bones, ribs, mandible, isolated lower deciduous tooth PD4) belong to a juvenile individual.

The burn fragment of antler of red deer with tool marks represents a special interest. The porous internal antler tissue is destroyed. Apparently, the antler fragment (fig. 1,A) bears a longitudinal cut or/and was polished [Sirbu et al. 2017a, fig. 2,7].

3. Cultural layer. Skeletal remains of *Bos taurus* belong to an adult individual (the upper second premolar P2 is characterized by the medium stage of wear). The bone remains of small cattle are heavily fragmented, therefore the species determination was impossible. M2 is on the initial stage of wear, while caput femoris is not completely ossified, thus indicating a young age of the individual.

The finding of a single damaged upper cheek horse tooth is interesting. The tooth (fig. 2) is burnt and is not touched by physiological wear and thus belongs to a juvenile individual. The rather long tooth's protocone (14.2 mm) distinguishes the specimen under study from the wild European tarpan. The length of protocone in upper cheek teeth varies in tarpan between 10.0 and 11.5 mm [Gromova 1949]. Therefore, we assume that the tooth from Gordinești-*Stînca goală* rather belongs to a domestic horse characterized by the specific long protocone.

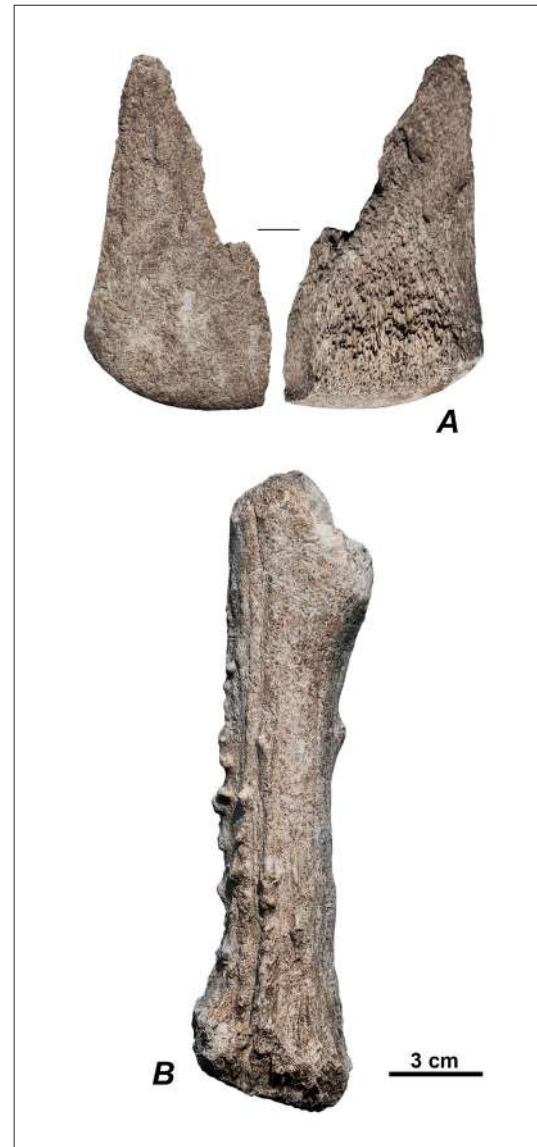

Fig.1. Fragments of deer antlers with cut marks: A, fragment of red deer *Cervus elaphus* antler; B, proximal part of shed antler of roe deer *Capreolus capreolus*.

Wild animals are represented by fox *Vulpes vulpes* (fig. 3,A-B) (right hemimandible with P4 and M1), roe deer *Capreolus capreolus* (a proximal

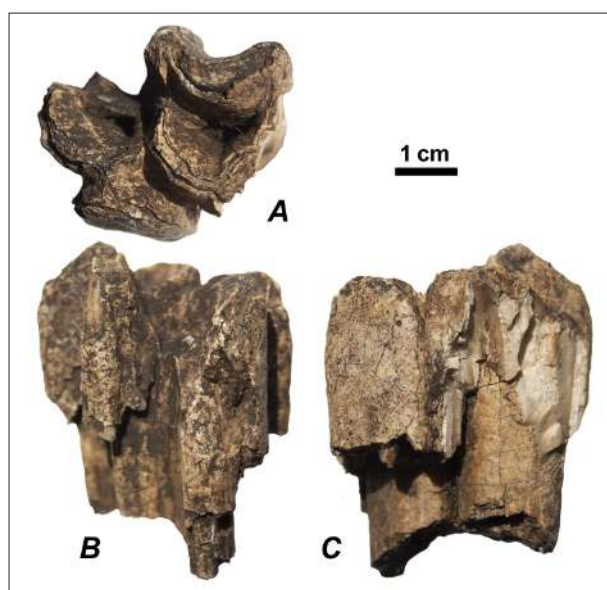

Fig. 2. Isolated upper cheek tooth of horse *Equus ferus caballus*: A, upper view; B, labial view; C, lingual view.

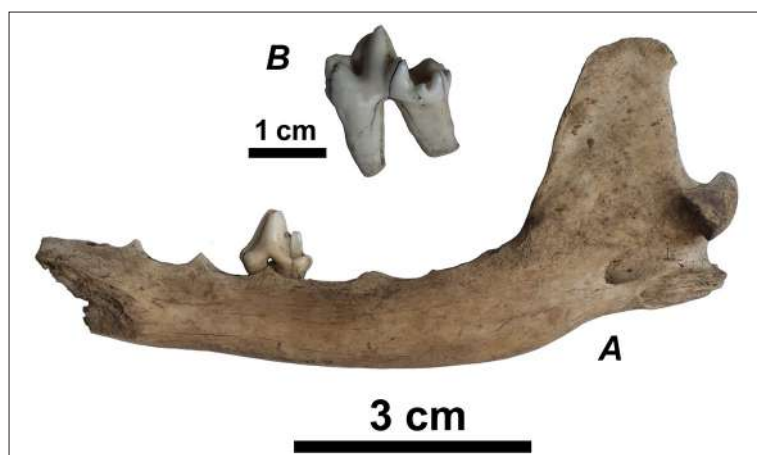

Fig. 3. A right hemimandible (A) of fox *Vulpes vulpes* with P4 (medial view) and isolated M1 (B), which apparently belongs to the same hemimandible.

part of shed antler (fig. 1,B): [Sirbu et al. 2017a, fig. 2,8], and a small fragment of antler of red deer (*Cervus elaphus*) antler with tool marks (Tab. 3).

Conclusions

The remains of game animals (red deer, roe deer, wild boar, and fox) are very scanty in the archaeozoological assemblage and attain only 4.8% of the total number of animal remains. The low number of wild animals in the archaeozoological complexes represents a specific trait of certain monuments of Cucuteni-Tripolie Culture of Prut-Dniester Area, such as Horodca X (ca. 5% of wild animal remains) and Trinca-La Șanț (4% of wild animal remains) [Kroitor, Bodean 2008; Kroitor et al. 2012]. The absence of remains that certainly may be ascribed to domestic pig is noteworthy. The osteological assemblage is characterized by a certain degree of bone modification: the 7.6% of bone remains are burn, and three fragments of antlers of roe deer and red deer bear the traces of tool marks. The rather significant number of burn bone remains approaches the archaeozoological complex Gordinești II-Stîncă goală to Horodca X (burn bones attain 8-11% of the sample). Generally, the archaeozoological material from Gordinești II-Stîncă goală, Horodca X, and Trinca-La Șanț yielded conspicuously similar assemblages of domestic animals, characterized by predominant position of cattle and small cattle (with apparent importance of *Capra hircus* among the small cattle remains), and sparse remains of horse and pig (which, apparently, is missing in the studied sample from Gordinești II-Stîncă goală).

Species	BN	MNI	BBN	TM
<i>Bos Taurus</i>	43	1	3	
<i>Capra hircus</i> / <i>Ovis aries</i>	31	2	2	2
<i>Equus ferus caballus</i>	1	1	1	
<i>Vulpes vulpes</i>	1	1		
<i>Cervus elaphus</i>	4	-		
<i>Capreolus capreolus</i>	1	-		
<i>Unio sp.</i>	2	2		
Total	83	7	6	2

Tab. 3. Systematical and quantitative structure of the archaeozoological assemblage from the cultural layer (Gordinești II-Stîncă goală).

Bibliography

- Cavaleriu, Bejenaru 2009:** R. Cavaleriu, L. Bejenaru, Cercetări arheozoologice privind Cultura Cucuteni faza A (Editura Universității „Alexandru Ioan Cuza” Iași 2009).
- Kroitor, Bodean 2008:** R. Kroitor, S. Bodean, Kostnye ostatki dikikh i domashnikh zhivotnykh iz tripol'skogo poseleniia Khorodka X. RA, IV, 1, 216-224. // Р. Кройтор, С. Бодян, Костные остатки диких и домашних животных из трипольского поселения Хорodka X. RA, IV, 1, 216-224.
- Kroitor et al. 2012:** R. Croitor, O. Levitski, Gh. Syrbu, Arkheozoologicheskii kompleks iz tripol'skogo pamiatnika Trinka-La Shants. RA VIII, 1-2, 2012, 291-304 // Р. Кройтор, О. Левицкий, Г. Сырбу, Археозоологический комплекс из трипольского памятника Тринка-Ла Шанц. RA VIII, 1-2, 2012, 291-304.
- Fernandez 2001:** H. Fernandez, Ostéologie comparée des petits ruminants eurasiatiques sauvages et domestiques (genres Rupicapra, Ovis, Capra et Capreolus): diagnose différentielle du squelette appendiculaire. Thèse pour obtenir le grade de Docteur en sciences, mention biologique, Université de Genève (Genève 2001), T. 1-2.
- Halstead et al. 2002:** P. Halstead, P. Collins, V. Isaakidou, Sorting the Sheep from the Goats: Morphological Distinctions between the Mandibles and Mandibular Teeth of Adult Ovis and Capra. Journal of Archaeological Sciences 29, 2002, 545-553.
- Gromova 1949:** V. Gromova, Isnoriia loshadei (roda Equus) v Starom Svete. 1. Obzor i opisaniie form. Trudy PIN, 17, 1, 1949, 1-374 // В. Громова, История лошадей (рода Equus) в Старом Свете. 1. Обзор и описание форм. Труды ПИН, 17, 1, 1949, 1-374.
- Sirbu et al. 2017a:** Gh. Sirbu, M. Rybicka, O. Levițki, A. Diacenco, D. Król, L. Sirbu, V. Burlacu, Investigațiile arheologice din așezarea Gordinești II-*Stinca Goală*. Campania anului 2016. Cercetări arheologice în Republica Moldova. Campania 2016, 2017, 25-27.
- Sirbu et al. 2017b:** Gh. Sirbu, L. Sirbu, O. Levițki, M. Rybicka, D. Król, Raport despre investigațiile arheologice din așezarea Gordinești II-*Stinca goală* (campania 2016). Chișinău 2017, Arhiva MNIM, nr. inv. 589.
- Von den Driesch 1976:** A. Von den Driesch, A guide to the measurement of animal bones from archaeological sites (Harvard University 1976).

Roman Croitor, associated researcher, Aix-Marseille University, CNRS, UMR 7269, MMSH BP674, F-13094 Aix-en-Provence, France ; Senior scientific researcher, Institute of Zoology of Academy of Sciences of Moldova, Academiei str. 1, MD-2028, Chisinau, Moldova, romancroitor@europe.com

Ghenadie Sirbu, Centre of Archaeology, Institute of Cultural Heritage, Academy of Science, Chisianu, Moldova, Stefan cel Mare 1 str., of. 549, ghenasirbu2014@gmail.com

Владимир Колода, Роман Кройтор

**Животноводство населения салтовской культуры
в лесостепной части Северского Донца (Украина). Часть 3**

Key words: Middle Age, Khazar Khaganate, Saltovo-Mayatskaya Culture, animal breeding, forest-steppe.

Cuvinte cheie: evul mediu, Caganatul hazar, cultura saltovo-maiatık, creșterea animalelor, silvostepă.

Ключевые слова: Средневековье, Хазарский каганат, салтово-маяцкая культура, животноводство, лесостепь.

Vladimir Koloda, Roman Croitor

Animal breeding of the Saltov Culture bearers from the forest-steppe part of the Seversky Donets Basin (Ukraine). Part 3

The paper presents a description and analysis of the archaeozoological material from medieval monuments of Saltov Culture (Kharkiv region, Ukraine) in a wide geographical, climatic, cultural, historical, and archaeological context. The proposed statistical, biometric, and demographic analysis of the archaeozoological material reveals a settled character of Saltovian economy and animal husbandry from the forest-steppe zone. The settled character of animal breeding is suggested by the dominance of cattle and the significant presence of the domestic pig in the domestic herd, while the small cattle had a subordinate role in economy. The important role of the domestic horse (after cattle) represents a specific feature of the Saltovian domestic herd that distinguishes the Saltovian archaeozoological complexes from other agriculture based cultures from Eastern Europe. The third part of the work proposes a comparative analysis of the archaeozoological complexes from Middle Age of Kharkov Region.

Vladimir Koloda, Roman Croitor

Creșterea animalelor de către purtătorii culturii Saltovo din silvostepa basinului râului Severskii Donets (Ucraina). Partea 3

Lucrarea prezintă descrierea și analiza materialului arheozoologic din monumente medievale saltoviene din regiunea Kharkov (Ucraina), într-un context geografic, climatic, cultural, istoric și arheologic larg. Analiza statistică, biometrică și demografică a materialului arheozoologic a arătat că creșterea animalelor și gospodăria purtătorilor culturii Saltovo din zonă de silvostepă, în general, aveau un caracter sedentar, fapt dovedit prin dominația bovinelor și o prezență semnificativă a porcului domestic, în timp ce vitele cornute mici au un rol secundar în componența turmei animalelor domestice. Rolul important al calului domestic (locul doi după vitele cornute mari) în complexele arheozoologice din monumentele culturii Saltovo reprezintă o trăsătură specifică a acestei culturi, spre deosebire de alte culturi arheologice atribuite populațiilor de agricultori din Europa de Est. Partea a treia a acestei lucrări propune analiza comparativă a complexelor arheozoologice din monumente medievale din regiunea Kharkov.

Владимир Колода, Роман Кройтор

Животноводство населения салтовской культуры в лесостепной части Северского Донца (Украина). Часть 3

В работе представлены описание и анализ археозоологического материала из средневековых памятников салтовской культуры Харьковской области (Украина) в широком географо-климатическом, культурно-историческом и археологическом контексте. Предложенный статистический, биометрический и демографический анализ археозоологического материала показал, что в целом салтовское животноводство лесостепной зоны имеет оседлый характер, выражающийся в доминировании крупного рогатого скота и значительном присутствии домашней свиньи, тогда как мелкий рогатый скот играет в домашнем стаде подчиненную роль. Специфической чертой условного домашнего стада салтовских памятников является важная роль домашней лошади (на втором месте после крупного рогатого скота), что отличает салтовское животноводство от археозоологических комплексов других земледельческих культур Восточной Европы. В третьей части предлагается сравнительный анализ археозоологических комплексов средневековых памятников салтовской культуры Харьковской области.

**ОБОБЩАЮЩИЙ АНАЛИЗ АРХЕОЗО-
ОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ИЗ САЛ-
ТОВСКИХ ПАМЯТНИКОВ**

Анализ археозоологического материала из рассмотренных выше памятников Харьковской области уместно проводить в общем контексте аналогичных данных по иным памятникам сал-

товской культуры, которые расположены как в лесостепной, так и в степной зоне распространения памятников этого культурно-хронологического круга (часть 1, рис. 2). Однако не все они представлены достаточно репрезентативными археозоологическими коллекциями. Поэтому ряд исследованных нами памятников (Волчан-

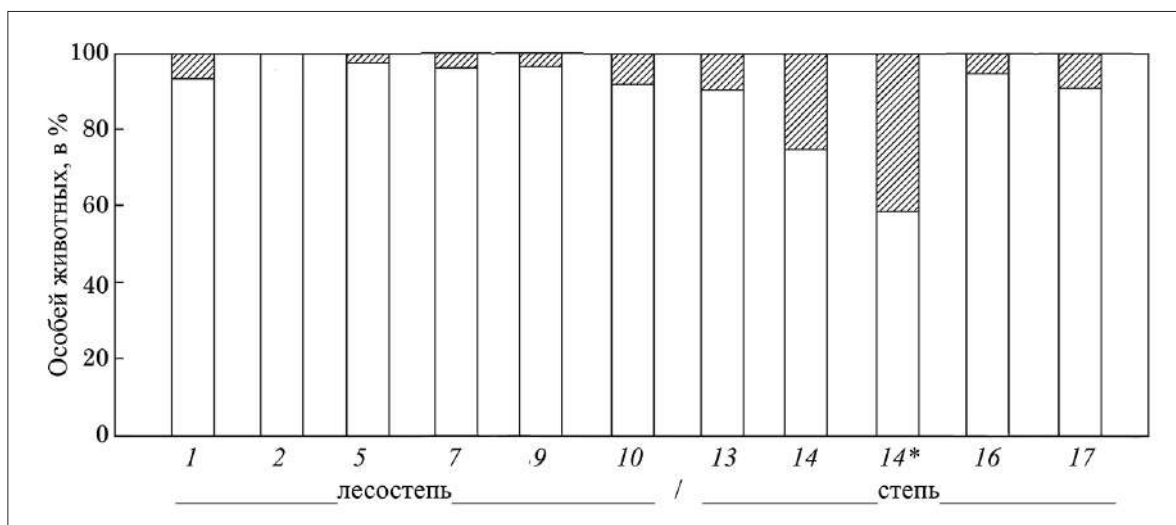

Рис. 8. Соотношение диких (вверху) и домашних (внизу) животных по количеству особей. Здесь и далее нумерация колонок соответствует нумерации памятников в таблицах 15 и 16 и нумерации памятников на карте (часть 1, рисунок 2).

Fig. 8. Ratio between individuals of wild (top) and domestic (down) animals. The number of columns correspond to the number of archaeological monuments applied in the tables 15 and 16, as well as on the map (part 1, figure 2).

ское городище, селища Волчанск 2 и Мохнач П, ремесленные центры Роганина и Фашевка), а также селища Нетайловка и станица Заплавская, по которым также есть статистические данные относительно остеологического материала [Gorbanenko, Koloda 2013, 102, tab. 9], не включены в наш обобщающий анализ. Памятники, археозоологические данные по которым фигурируют в обобщающем анализе, сведены в таблицу 15, где они представлены в широтном порядке (с севера на юг), что соответствует их расположению на карте (часть 1, рис. 2).

Анализ археозоологического материала, полученных при исследовании салтовских памятников Харьковщины, показал подавляющую численность остатков домашних животных, тогда как остатки дикой фауны единичны или же отсутствуют вовсе. В целом же для салтовских памятников как степной, так и лесостепной зоны показательным является доминирование костей домашних животных: от 90,5% на Карнауховском селище – до, практически 100% на Дмитриевской памятнике¹ [Gorbanenko, Koloda 2013, 101-102], что свидетельствует о высоком развитии продуктивного животноводства. В этом случае хотя играла роль досуга, тренировки воинских навыков, защиты посевов от погрызов, а также могло быть направлено на

добывание меха или определённых видов сырья (шкуры, рога). Единственным исключением являются археозоологические материалы Правобережья Цимлянского городища, где доля диких животных в костном материале составляет от ≈25% (1950-е годы) до 41% (1987-1988 гг.) (рис. 8). Причины этого в данный момент могут быть определены лишь гипотетически. Наиболее вероятной причиной такого явления может быть следующее: данный памятник выполнял функции крепости, ввиду чего его хозяйственные функции были развиты недостаточно для того, чтобы обеспечивать постоянно присутствовавший гарнизон мясной пищей, которая и восполнялась посредством охоты.

Крупный рогатый скот (КРС) – *Bos taurus*. На анализируемых нами салтовских памятниках Харьковской области костные остатки крупного рогатого скота являются наиболее многочисленными. По количеству особей КРС занимает в общем составе стада от четверти (Пятницкое I) до приблизительно половины (городище Мохнач) (табл. 16, рис. 9). Рассматривая данные по КРС с анализируемых нами памятников в общем контексте имеющихся археозоологических данных СМК, следует отметить, что независимо от природной зоны эти животные составляли (в среднем) около трети стада поселенческих памятников салтовской культуры. Исключение составляют Маяцкое городище (17,6%) и Пра-

1. Здесь, в одной из хозяйственных ям выявлена единственная косточка лисы [Pletneva 1989, 50].

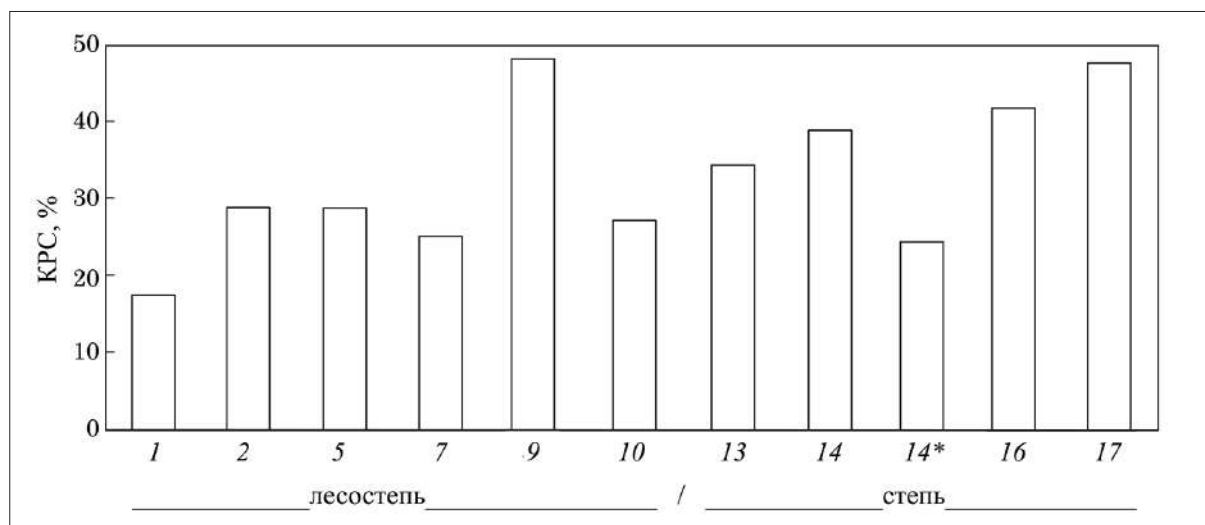

Рис. 9. Сопоставление количества особей крупного рогатого скота из различных салтовских памятников.

Fig. 9. Comparison of number of cattle individuals in various settlements of Saltovskaia Culture.

вобережное Цимлянское (по данным раскопок 1987-1988 гг.) (рис. 9). В целом же, среди лесостепных памятников СМК по показателю наличия в стаде КРС городище Мохнач почти вдвое превосходит средний показатель иных памятники этой зоны (48,2%:25,0%). Средний показатель КРС в степной зоне и в лесостепной практически равны (29,4% и 29,5% соответственно). Это, кроме всего прочего, говорит о широком использовании сочных кормов речных долин для пастбищ и о заготовке кормов (зерна и сена) на зиму, что косвенно подтверждается как наличием соответствующих жатвенных орудий (кос и серпов), так и значительных по объёму зерновых ям [Gorbanenko, Koloda 2013, 75-91; Mikheev 1985, 29-32].

Возрастной показатель КРС известен лишь для шести салтовских памятников (табл. 17). Считается, что чем меньше показатель молодых особей, тем стабильнее животноводство. Забой молодняка (как правило – на мясо) свидетельствует о недостаточной кормовой базе в зимний период, уменьшает продуктивность разведения КРС, лишая потребителей молочной продукции. С этой точки зрения наиболее развитым представляется животноводство городища Мохнач, где соотношение молодняка и взрослых особей составляет 1:12. Наихудший в этом плане показатель для лесостепного региона зафиксирован на Маяцком городище: здесь молодняк, полувзрослые и взрослые особи выявлены в соотношении

7:3:12. Для степной зоны эти показатели ещё более разнятся: для Правобережного Цимлянского городища соотношения молодняка и взрослых особей составляет 2:9, для Гниловского – 6:7, для селища Ломакино – 14:7 (табл. 17). Причины и выводы этого явления лежат за пределами задач данной работы, хотя во многом они очевидны, исходя из общей структуры хозяйственной модели, практиковавшейся в степной зоне СМК.

Мелкий рогатый скот (МРС) – *Ovis aries* и *Capra hircus*. На исследованных нами салтовских памятниках Харьковской области мелкий рогатый скот занимает подчинённое положение. На различных памятниках доминирует или коза (как на Верхнем Салтове), или же овца (как на селище Пятницкое I или на городище Мохнач) – табл. 16, рис. 10. Преимущественное разведение *Capra hircus* в Верхнем Салтове связано, скорее всего, с недостаточным количеством пастбищных просторов в виду сильно пересечённой местности и необходимостью обеспечивать пастбищами более продуктивный: крупный рогатый скот. Наличие значительного количества балок и крутых склонов в окрестностях более подходило для выпаса именно козы, более приспособленной (в силу анатомических особенностей) для кормления на пересечённой местности.

Анализ места МРС в составе стада населения СМК (в общем контексте доступного салтовского археозоологического материала)

позволяет высказать следующие соображения. Наименьший процент МРС в общем домашнем стаде зафиксирован на городище Мохнач (18,5%), где почти половину стада составляли наиболее продуктивные мясомолочные животные – КРС. В целом же, на большинстве проанализированных с точки зрения археозоологии поселенческих салтовских памятников, МРС составлял от 1/4 до 1/3 стада как в степной, так и в лесостепной зоне. В двух случаях эти показатели сильно отличаются: на Маяцком городище МРС составлял большинство стада (48,8%), а на Правобережном Цимлянском (по данным 1987-1988 гг.) – абсолютное большинство (64,4%), что нуждается в отдельном осмыслении.

Относительно ситуации на Маяцком городище можем предположить, что это связано с и пограничным положением памятника (практически на границе степной и лесостепной природных зон – рис. 2), особенностями рельефа: наличием на правом берегу Дона и Тихой Сосны больших ровных остепнённых пространств, разделённых глубокими балками, что создавало удобные участки для выпаса, и, вполне вероятно, хозяйственными традициями населения памятника. Считаем необходимым обратить внимание и на то, что число особей овец и коз здесь составляет 60%:40% [Gorbanenko, Koloda 2013, 104], что говорит о практически идеальном приспособлении данного вида животных под окружающий рельеф (ровные участки – для выпаса КРС и овец, склоны балок и оврагов – для коз. Добавим, что на Маяцком городище возрастной состав овец и коз также различался. Молодые, полу-взрослые и взрослые особи овец соотносятся (в количествах особей) как 17:5:16. Это говорит о том, что большинство овец забивали в молодом возрасте (чаще по окончании сезона выпаса) и использовали, в большинстве своём, на мясо. Соотношение аналогичных возрастных категорий коз на этом памятнике иное; оно составляет: 4:3:16, что свидетельствует в пользу более стабильного состава этой части стада и использовании этих животных более комплексно: для получения молока (прежде всего) и мяса.

Данные 1987-1988 гг. по Правобережному Цимлянскому городищу относительно абсо-

лютного господства МРС вполне коррелируются с данными о значительной роли охоты для обеспечения мясной пищей тамошнего населения и недостаточным уровнем развития животноводства в целом (вероятные причины см. выше). В этом случае овцеводство выглядит наименее затратным занятием (в сравнении с разведением КРС и свиней), что подтверждается и статистикой (табл. 16). Соотношение молодняка и взрослых особей МРС как 11:18 (табл. 17) говорит о нестабильности этой части стада на данном городище.

В целом же сектор МРС в общем составе стада домашних животных был относительно стабильным, что свидетельствует в пользу его устойчивости (табл. 17). Наилучший в этом плане показатель зафиксирован на памятниках лесостепи: Коробовы Хутора и Мохнач (соответственно 1:5 и 1:4), он несколько хуже для поселений степи: Ломакино и Гниловское (соответственно 3:10 и 3:7). В этом отношении аналогичный показатель лесостепного памятника Пятницкое I (9:17) близок к данным по Маяцкому и Гниловскому городищам.

Свинья – *Sus scrofa domesticus*. На изученных нами салтовских лесостепных памятниках костные останки домашней свиньи присутствуют всегда, но в различном процентном соотношении в общем составе стала по числу особей, занимая от 14,8% (городище Мохнач) до 33,9% (Верхнесалтовский комплекс) – табл. 16, рис. 11. Безусловно, что в отличие от всех иных домашних животных, свинья разводилась, прежде всего, для получения мяса. Тем не менее, соотношение молодых и взрослых особей для различных памятников также различно (табл. 17). Так, для Мохнача это соотношение составляет 1:3 (в пользу взрослых), для Коробовых Хуторов – 3:3, а для Пятницкого I – 16:4 в пользу молодняка². Из этого возможен вывод, что наиболее стабильная кормовая база для содержания и додерживания свиней

2. Исходя из методических предпосылок использования статистических данных в работе с археологическим материалом [Buniatian 1994, 73-86], традиционно минимальной выборкой для статистического анализа считается массив данных из 20 единиц [например: Petrashenko 1992, 22-23]. Прекрасно осознавая это, и, считая данные по особям свиней для Мохнача и Коробовых Хуторов недостаточным, мы всё же считаем возможным обратить внимание на возможную тенденцию стабильности животноводства на отдельных памятниках СМК.

№	Памятник	Вид, количество особей							
		КРС		МРС		Свинья		Лошадь	
		N	%**	N	%	N	%	N	%
1	Маяцкое городище	22	17.6	61	48.8	27	27.6	15	12
2	Дмитриевский комплекс	?	29	?	27	?	20	?	24
3	Волчанское городище	1	--	1	--	2	--	1	--
4	селище Волчанск 2	2	--	--	--	1	--	1	--
5	комплекс Верхний Салтов	35	28.9	27	22.3	41	33.9	18	14.9
6	селище Нетайловка	8	--	2	--	3	--	3	--
7	селище Пятницкое I	25	25.2	26	26.3	20	20.2	28	28.3
8	городище Мохнач	13	48.2	5	18.5	4	14.8	5	18.5
9	селище Мохнач II	4	--	1	--	2	--	4	--
10	селище Коробовы Хутора	6	27.3	6	27.3	6	27.3	4	18.1
11	ремесл. центр Роганина	1	--	1	--	--	--	2	--
12	ремесл. центр Фашевка	9	--	1	--	--	--	3	--
13	селище Карнаухово	?	34.5	?	28.5	?	14.5	?	32.5
14	П-Б Цимлянское, 1950-е гг.	?	39	?	24	?	13	?	24
14*	П-Б Цимлянское, 1987-1988 гг.	11	24.5	29	64.4	--	--	5	11.1
15	селище Заплавская	4	--	3	--	--	--	2	--
16	Гниловское городище	13	41.9	10	32.3	--	--	8	25.8
17	селище Ломакино	21	47.8	13	29.5	3	6.8	7	15.9

Таблица 16. Археозоологический материал из салтовских памятников (по данным Gorbanenko, Koloda 2013, tab. 9). Номер памятника в данной таблице (и далее) соответствует номеру памятника на карте (рис. 2).

Table 16. Archaeozoological material from Saltov monuments (data from Gorbanenko, Koloda 2013, table 9). The number of the monument in the table corresponds to the number of the monument on the map (Fig. 2).

* – археозоологические данные разных лет из разных раскопов изучались различными авторами и имеют различные показатели, поэтому в общем анализе мы считаем возможным рассматривать их отдельно.

** – все процентные соотношения рассчитаны по количеству особей КРС, МРС, свиней, коней (для Верхнего Салтова используются объединённые данные); графически они представлены в рис. 8–11).

была у населения городища Мохнач, тогда как на селище Пятницкое I оно было недостаточное, и большинство этих животных забивали с окончанием осеннего сезона (в связи с недоступностью подножного корма). Такое отношение данному виду вполне объяснимо: свинья быстро восстанавливает поголовье, быстро набирает вес, питаясь подножным или летне-осенним сезонным кормом.

Общие же остеологические данные по этой группе домашних животных (табл. 16, рис. 11) позволяют сделать следующие выводы. Несмотря на довольно значительный разброс данных, в целом, на лесостепных памятниках домашняя свинья присутствует в стаде, составляя в нём от 1/6 до 1/3 общего стада (средний показатель 23,9%). В нескольких слу-

чаях – городища Гниловское и Правобережное Цимлянское (1987-1988 гг.) – костных остатков этого вида вообще не зафиксированы, а в остальных случаях они составляют 6,8-14,5 (в среднем 11,4) процента. Это, с одной стороны, лишь подтверждает давно известный тезис о том, что свинья – не характерное домашнее животное для степной зоны, а с другой, свидетельствует о понимании продуктивности данного домашнего вида при оседлом (полукочевом) способе ведения хозяйства. Возрастные данные Маяцкого городища и селища Ломакино также свидетельствуют о преимущественно сезонном (одногодичном) выращивании свиней (табл. 17).

Лошадь – *Equus caballus*. Показатель лошади в салтовском стаде, как на территории сте-

№	Памятник	Вид, возрастное соотношение							
		КРС		МРС		Свинья		Лошадь	
		М	В	М	В	М	В	М	В
1	Маяцкое (молодняк + полувзрослые)	7+3	12	21+8	32	10+2	15	3+1	11
7	селище Пятницкое I	5	20	9	17	16	4	6	22
8	городище Мохнач	1	12	1	4	1	3	–	5
10	селище Коробовы Хутора	2	4	1	5	3	3	1	3
14*	П-Б Цимлянское (1987-1988 гг.)	2	9	11	18	–	–	2	3
16	Гниловское городище	6	7	3	7	–	–	1	7
17	селище Ломакино	14	7	3	10	3	–	1	6

Таблица 17. Соотношение возрастных групп домашних животных (по данным Gorbanenko, Koloda 2013, tab. 10).

Table 17. Ratio between age groups of domestic animals (adapted from: Gorbanenko, Koloda 2013, tab. 10).

пи, так и в лесостепи варьирует значительно: от 11,1% до 32,5% (табл. 16, рис. 12)³. Причём, средние показатели по природным зонам достаточно близки: 19,4% для лесостепи и 21,2% для степи. Такое положение, равно как и относительно низкий средний показатель среди рассмотренных домашних животных на поселениях СМК вообще ($\approx 20\%$) позволяет предположить, что лошадь в салтовском обществе перестала быть главным поставщиком мясной продукции, а играла, прежде всего, роль для развития всадничества (конница, выпас стада). Это косвенно подтверждается и возрастными показателями останков лошади, в которых на всех памятниках преобладают взрослые особи (вероятно, непригодный для всадничества молодняк выбраковывался в первый год своей жизни).

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

Анализ археозоологического материала из салтовских памятников Харьковской области показал подавляющее доминирование остатков домашних животных, тогда как остатки дикой фауны единичны или же отсутствуют вовсе.

Наиболее многочисленны остатки крупного рогатого скота, в то время как мелкий рогатый скот занимает подчинённое положение. На различных памятниках преобладает или коза (как на Верхнем Салтове) или овца (как на Пятницком I или городище Мохнач). Пого-

ловье и лошади и домашней свиньи на салтовско-маяцких памятниках колеблется от 10% до 30%, причём взаимной корреляции между количеством костных остатков этих домашних животных, которые иногда рассматриваются как хозяйственные антагонисты, нет.

Особое внимание следует уделить качеству породы лошади салтовских памятников. Более ранние археозоологические исследования материалов Маяцкого городища выявили существование малорослых (134,2 см в холке) и, в своём большинстве, среднерослых (134–141,8 см в холке) лошадей [Matolchi 1984, 245]. Не исключено, что эти данные, а также изображения лошадей на салтовских граффити, привели С.А. Плетнёву к мысли о наличии двух пород лошадей: длинноногих с крупным крупом и маленькими головами, и большеголовых с короткими ногами и несколько «тяжёлых» [Pletneva 1984, 93, рис. 3-6 и далее]. Мы считаем, что для выделения таких пород лошадей, привлечённых иконографических данных недостаточно. Судя по пропорциям наиболее полно сохранившихся элементов скелета лошади, которые находятся в нашем распоряжении, – пальцевым фалангам – морфологический тип салтовской лошади достаточно однороден и представлен домашней формой с удлинёнными тонкими первыми фалангами и массивными вторыми пальцевыми фалангами [Koloda et al. 2013, tablele 3-5, рис. 3,4]. Тут же особо следует упомянуть крупный череп жеребца из поселения Пятницкое I, судя по которому, мы имеем дело с крупной породой (рост выше среднего, около 145 см по классификации Vitt 1952), а также изящные и тонкие

3. Необъяснимым феноменом остаётся более чем двукратная разница археозоологических показателей лошади в разные годы исследования Правобережного Цимлянского городища.

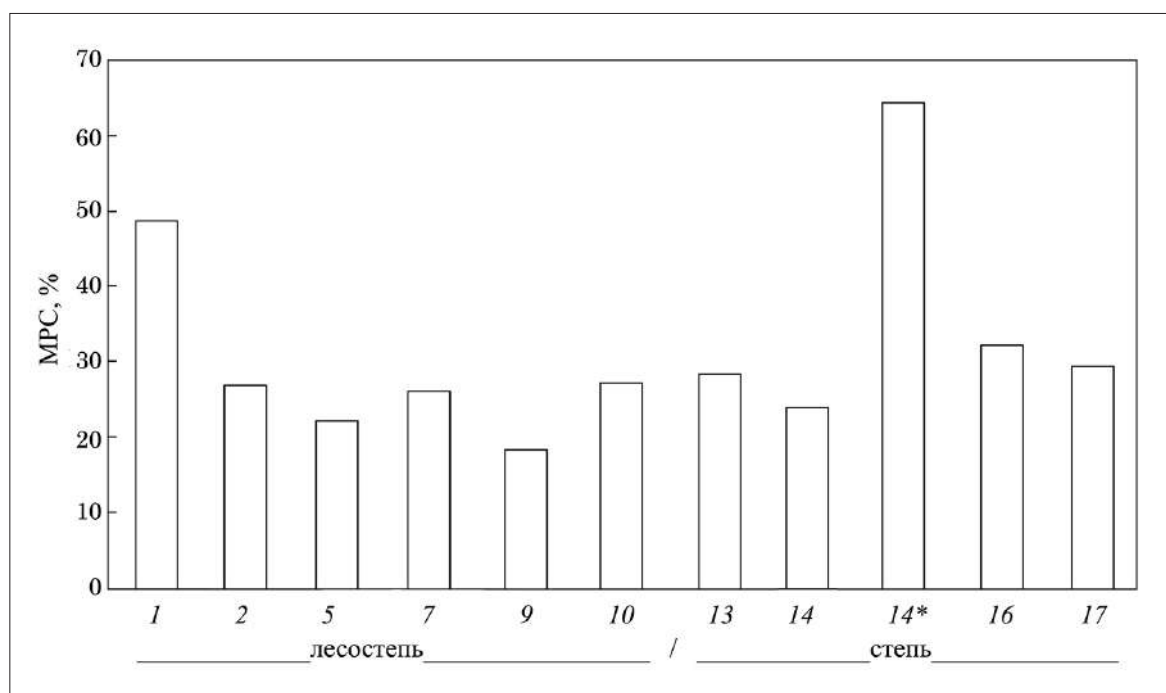

Рис. 10. Сопоставление количества особей мелкого рогатого скота из различных салтовских памятников.

Fig. 10. Comparison of number of small cattle individuals in various settlements of Saltovskaia Culture.

пять кости из Верхнего Салтова, которые могут свидетельствовать о присутствии в салтовских памятниках улучшенной благородной породы домашней лошади. Таким образом, по имеющимся у нас данным, мы можем классифицировать салтовскую лошадь как крупную улучшенную верховую породу с тонкими удлинёнными метаподиями и первыми пальцевыми фалангами и массивными крепкими вторыми пальцевыми фалангами. Следует подчеркнуть, что наше заключение вступает в противоре-

чие с опубликованными ранее выводами Матолчи (1984). По-видимому, носители салтовской культуры знали и использовали несколько пород домашней лошади, которые соответствовали различным целям (верховая езда, военное дело, тягловая сила) и/или социальному статусу владельца лошади.

В целом, для исследованного в данной работе региона среднего течения Северского Донца, можно отметить сходную структуру археозоологических комплексов из селища Коробовы

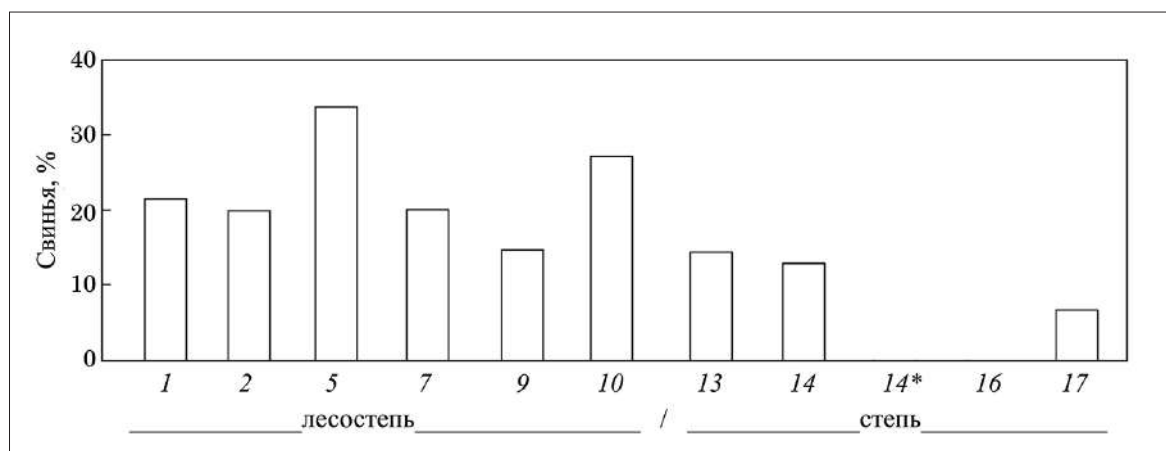

Рис. 11. Сопоставление количества особей домашней свиньи из различных салтовских памятников.

Fig. 11. Comparison of number of domestic pig individuals in various settlements of Saltovskaia Culture.

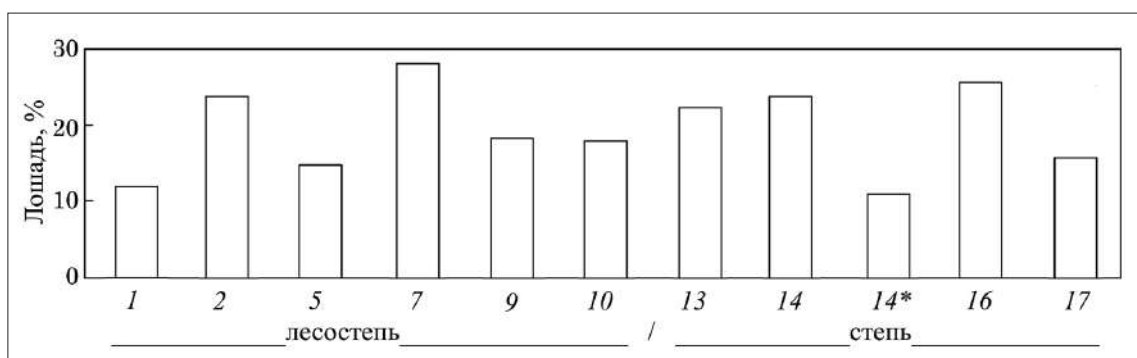

Рис. 12. Сопоставление количества особей лошади из различных салтовских памятников.

Fig. 12. Comparison of number of horse individuals in various settlements of Saltovskaia Culture.

Хутора, Пятницкого I и городища Мохнач, несмотря на некоторые отличия в количественном соотношении поголовий домашних животных, которые, впрочем, не являются принципиальными. В составе домашнего стада селища Коробовы Хутора следует отметить присутствие остатков «экзотического» домашнего животного – осли⁴. Небольшие по количеству материала комплексы из салтовских памятников селища Мохнач II, Урочище Роганина и Фащевка не могут быть вовлечены в сравнительно-структурный анализ, однако, тем не менее, на уровне видового состава они соответствуют особенностям археозоологических комплексов салтовско-маяцких памятников.

Несколько особняком стоит археозоологический комплекс из Верхнего Салтова. В нём полностью отсутствуют остатки диких животных. На первом месте здесь находится домашняя свинья, которая составляет около 40% всего поголовья домашнего стада с этого памятника. Добавим также, что на этом памятнике зарегистрировано наименьшее относительное количество поголовья лошади. Рассмотренная специфика домашнего стада Верхнего Салтова, в сочетании с домашней козой, которая представляет мелкий рогатый скот, свидетельствует об устойчивых традициях в ведении высокопродуктивного оседлого животноводства на данном поселении.

4. Это не единственная экзотическая археозоологическая находка на салтовских памятниках: единичные находки костей осли известны и на Маяцком городище [Matolchi 1984, 238, 245-246], а также кости двух верблюдов на Карнауховском поселении [Liapushkin 1958, 313], что мы не учитывали в общем анализе материала. Оба вида животных являются выючными, а присутствие верблюда может быть объяснено участием Хазарии в караванной торговле, в частности – по «шёлковому пути» [Pletneva 1996].

В целом, салтовские памятники содержат очень незначительное количество остатков собак. Остатки трёх особей обнаружены лишь в материалах Верхнего Салтова. Во всех случаях это некрупная форма собаки, массой тела порядка 10-15 кг (масса тела определялась по длине нижнего хищного зуба согласно методике Van Valkenburgh 1990).

При определении значения тех или иных видов домашних животных не менее важным показателем может быть не только их количественное представительство в стаде, но и расчёты по получаемому мясу. Методические подходы изложены в одной из наших предыдущих работ [Gorbanenko, Koloda 2013, 46-48]. Здесь же мы хотим обратить внимание читателя на следующем: мы понимаем, что современные продуктивные породы домашних животных являются плодом вековой селекционной и зоотехнической работы многих поколений. Однако полагаем, что при общем увеличении показателей массы соотношение между отдельными видами продолжает оставаться примерно одинаковым. Исходя из этого, мы предлагаем относительное соотношение мясного производства от различных животных в процентном, а не в весовом выражении (рис. 13). Из этого анализа корректно будет исключить материалы Правобережного Цимлянского городища за 1987-1988 гг., так как более 40% археозоологической коллекции представлено костями диких животных, и, следовательно, охотничий промысел играл значительную роль в обеспечении населения мясом.

С учётом количества особей и их массы, больше всего мясных продуктов население получало от КРС. Причём для памятников степной зоны это преимущество абсолютное (для

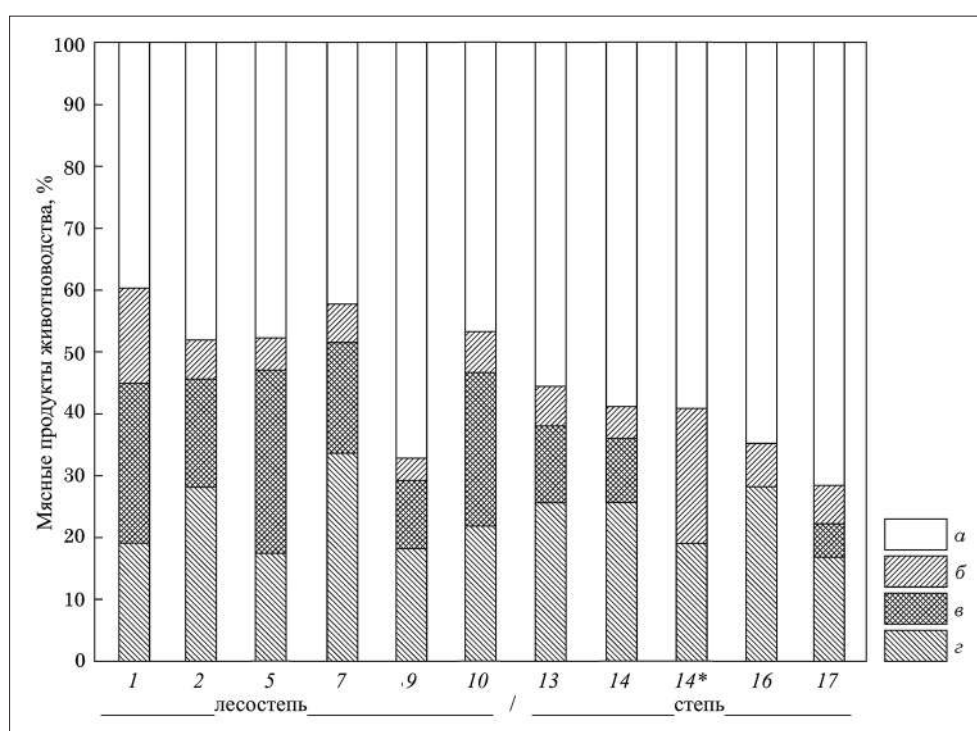

Рис. 13. Соотношение домашних животных по количеству получаемого от них мяса (см. таблицу 16). Условные обозначения: а – крупный рогатый скот, б – мелкий рогатый скот, в – свинья, г – лошадь.

Fig. 13. Ratio of meat production of domestic animals (see table 16). Legend: a, cattle; b, small cattle; в, pig; г, horse.

селища Ломакино оно максимальное – 71,6%). Среди памятников лесостепной группы абсолютное преимущество КРС в мясной продукции наблюдается лишь на городище Мохнач. Второе место по производству мяса дают лошади или свиньи (там, где они присутствуют на памятнике). Вариативность по памятникам выглядит различной. Лишь для Коробовых Хуторов эти доли примерно равные: свинина 24,8%, конина 21,8%. В целом же доля свинины в мясном рационе населения выше в лесостепной зоне, что выглядит вполне очевидным и естественным в силу общих традиций животноводства. Отметим, что доля свиного мяса в рационе на городище Мохнач минимальна для лесостепной зоны, этот показатель примерно равен данным по таким степным памятникам как Карнаухово и Правобережное Цимлянское (по данным 1950-х гг.). Процентный показатель по конине на отдельных памятниках обеих природно-хозяйственных зон также весьма разнится, хотя средний показатель примерно равен: $\approx 23\%$ для лесостепи и 26% для степи.

Стабильно небольшим процентом (3,6-6,6%) представлено мясо МРС. Исключение

составляют данные по Маяцкому городищу и Правобережному Цимлянскому (1987-1988 гг.)

Особенности и экономическое значение животноводства у населения салтовских памятников лесостепной зоны Северского Донца становятся нагляднее при сравнении изучаемых археозоологических комплексов с данными по синхронным памятникам территориально близких славянских культур, а также с памятниками схожих природно-климатических зон из других географических регионов.

Сравнение данных по животноводству салтовского лесостепного населения Северского Донца с показателями из соседних славянских памятников роменской культуры показывает значительную структурную разницу (изменчивость) их археозоологических комплексов. В целом, эти показатели на синхронных северянских памятниках свидетельствуют, что количество особей домашних животных в общих костных останках составляет 50-90% [Gorbanenko, Koloda 2013, ris. 103]. В эти параметры укладываются и данные по памятнику у с. Городное [Gorbanenko, Koloda 2012, 139]. Однако в пограничной (контактной

зоне) Северского Донца мы можем видеть и больший показатель дикой фауны в археозоологическом материала. Так, на городище Водяное фиксируется $\approx 83\%$ дикой фауны от общего количества костных фрагментов; в славянских культурных отложениях городища Мохнач этот показатель составляет порядка 72-73%. Вместе с тем, следует отметить и подавляющее численное доминирование костных остатков домашних животных (до 99%) на городище Коробовы Хутора [Kroitor 2013, 182], что является, скорее всего, исключением и требует отдельного пояснения.

Данные относительно роли животноводства по городищу Коробовы Хутора в роменский период близки к аналогичным показателям для памятников салтово-маяцкой культуры [Gorbanenko, Koloda 2013, tab. 20], что может говорить в пользу преемственности животноводческих традиций населения, несмотря на смену этнической доминанты на памятнике⁵. В противовес этому, значение охоты для соседнего славянского северянского населения городищ Водяное и Мохнач (в роменский период его существования) превышает аналогичный показатель даже городищ боршевской культуры [Vinnikov 1995, 43-52, tab. 1], который считается наибольшим для восточных славян предгосударственного периода⁶.

В плане развития животноводства весьма интересным выглядит не только его сравнение с соседними славянскими археологическими культурами, что сделано в одной из предшествующих работ [Gorbanenko, Koloda 2013, 174-179, рис. 120, 121], но и с скотоводством народов Поволжья (близких по этническому происхождению и природно-климатическим и ландшафтным условиям содержания скота, а также с раннесредневековым населением Причерноморья – Приазовья), что хорошо видно на графике (рис. 14). Так, в культурных отложениях хазарского периода Тиритаки (близ Керчи) различия в соотношении остатков домашних животных в целом близки к показателям лесостепи. Хотя

отметим, что второе место в поголовье видового состава стада занимает мелкий рогатый скот (что вполне объяснимо степным расположением памятника), а доминирование КРС свидетельствует о том, что население данного памятника отдавало предпочтение наиболее продуктивному мясомолочному виду. Вместе с тем, резкие отличия нами отмечены между салтовскими памятниками Северского Донца и синхронным памятником «Над источником» с того же региона керченского полуострова (по данным Golenko 2007 и Ponomareva 2012), обусловленные значительным доминированием мелкого рогатого скота в сочетании с малочисленными остатками крупного рогатого скота и полным отсутствием свиней. Практически такую же ситуацию (доминирование МРС над остальными видами) мы можем видеть и в таком салтовском лесостепном памятнике, как Маяцкое городище, что ставит его в особое положение среди всех памятников салтовской лесостепи (рис. 14)⁷. В этом плане следует также обратить внимание на высокую численность мелкого рогатого скота в стаде у населения Поволжья и практическое отсутствие свиней, что связано, скорее всего, с особенностями кормовой базы и, не исключено, – с конфессиональными традициями местного населения. Таким образом, структура археозоологических комплексов памятников салтовской культуры довольно-таки изменчива и зависит, по-видимому, не только от географических и климатических условий, но и от иных факторов, которые выходят за пределы естественнонаучного знания (культурное и, вероятно, конфессиональное влияние, местные традиции, экономические факторы).

Специфической особенностью салтовских памятников лесостепной зоны Северского Донца является сравнительно высокая численность остатков лошади, которые в среднем составляют около 30% от общей численности определённых костей. В рассматриваемом случае остатки лошадей парадоксальным образом более многочисленны, чем на салтовских памятниках степной зоны (рис. 12). По относительной численности остатков лошади сходство наблюдается лишь с керченским памятником «Над источником». Нельзя не отметить,

5. Для салтовских памятников процентная доля домашних животных практически не опускается ниже 90% от общего числа особей.

6. Для боршевских памятников процентное количество домашних животных практически в среднем превышает 50% при максимальном показателе 65,9% от общего числа особей.

7. Возможные причины такого явления изложены в настоящей работе выше.

Рис. 14. Видовая структура условного домашнего стада салтовских памятников лесостепной зоны в сравнении с синхронными памятниками Керченского полуострова (Golenko 2007) и разновременными средневековыми археозоологическими комплексами Казанского кремля (Asylgaraeva 2003).

Fig. 14. Species composition of the arbitrary domestic herd from Saltovian monuments compared to synchronous monuments of Kerch Peninsula (Golenko 2007) and various Medieval archaeozoological assemblages from Kremlin of Kazan (Asylgaraeva 2003).

что высокая численность остатков лошади сближает лесостепные салтовские памятники со средневековыми археозоологическими комплексами Казанского кремля как эпохи Волжской Булгарии, так и золотоордынского и татарского времени (рис. 14). Отмеченное сходство наводит на мысль, что высокая численность остатков лошадей на салтовских памятниках лесостепной зоны обусловлена не столько этнокультурными и хозяйственными традициями, сколько значением лошади для конного войска, так как северо-западное пограничье Хазарии было зоной непростых взаимодействий населения каганата со славянами и частого военно-политического давления центральной власти Хазарии на соседей, что подтверждается гораздо большим числом вооружения и всаднического снаряжения в лесостепных салтовских могильниках в сравнениями с погребениями степной зоны.

В целом же проанализированные археозоологические материалы свидетельствуют о высоком уровне развития животноводства на памятниках салтовской культуры в контактной зоне среднего течения Северского Донца, что находит своё выражение в максимальном использовании кормовой базы занимаемой территории и всего хозяйственного комплекса в целом, в разнообразии видового состава и значительной его продуктивности, что обе-

спечивало пищевой рацион местного населения мясомолочными продуктами практически круглогодично. Немаловажную роль играло животноводство в обеспечении сельского хозяйства тягловой силой, а войска – конницей. Дополнительной, но не менее важной функцией животноводства салтовского населения, в том числе и в рассматриваемом регионе, была поставка сырья (кости, рога, шкуры, конского волоса) для ремесла и домашнего производства.

Abridged English Version

The analysis of the archaeozoological assemblage from Saltov sites in Kharkiv oblast has shown the dominance of domestic animals' remains, while the remains of wild fauna are occasional or completely absent.

There are much more cattle bones whereas small cattle bones take a subdued position. Certain small cattle species prevails in different sites. They are goats (Upper Saltov) and sheep (Piatnitskoe I, Mokhnach settlement). The livestock of the horse and the domestic pig varies from 10% to 30%.

One should pay attention to the quality of horse breeds at Saltov site. Previous archaeozoological researches of the artifacts from Mayatsk settlement showed the existence of nanous houses (134 cm at shoulder height) and a great part of medium-grown (134-141,8 m at shoulder height) horses [Matolchi 1984, 245]. However, based

upon the proportion of the most undestroyed elements of horse skeletons in existence (phalanxes), morphological phylum of Saltov horses is rather homogeneous and represents domestic type with thin lengthened first phalanxes and thick second phalanxes (Croitor, work in progress). At the same time a big entire skull from Piatnitskoe I settlement is worth mentioning here. Based on this artifact we are dealing with a large breed (the height is above the average, about 145 cm according to classification of Vitt 1952). And elegant and thin metacarpal bones from Upper Saltov give evidence for a graded noble breed of domestic horses at Saltov sites. Thus, using available data, we can classify the Saltov horse as a bid graded roaster breed with thin lengthened metapodia and first phalanxes and robust firm second phalanxes. However, our conclusion contradicts Matolchi's (1984) opinion published earlier. It has appeared that Saltov culture bearers used and were aware of several breeds of domestic horses, which corresponded to different aims (riding, military arts, draught-cattle) and/or their owners' status.

All in all, for the researched region of the middle reaches of the Severskii Donets it is possible to mention the similar structure of the archaeozoological assemblage in following settlements: Korobovy Khutora, Piatnitskoe I and Mokhnach fortified settlement. It is so in spite of some differences in the cattle number, that is not principal. There are some remains of "exotic" cattle – the ass – among the domestic cattle in Korobovy Khutora settlement. The archaeozoological assemblage from Upper Saltov stands apart, as there is lack of wild-life remains. The first position is occupied with the domestic pig, that is about 40% of the livestock of this site (here is the least quantity of horse population). This specificity of domestic animals in Upper Saltov (together with the domestic goat) indicates stable traditions in high-productive cattle management in the settlement.

Saltov sites contain a few remains of the dog. The remains of three animals were found in Upper Saltov. In all the cases they were small forms of dogs that weighed approximately 10-15 kg (body weight was measured according to the methodology of Van Valkenburgh 1990).

Relative correlation of meat production from different animals is shown on a picture 12 on a percentage base but not in weight one. Methodical approaches of our calculations are expounded

in one of previous works [Gorbanenko, Koloda 2013, 46-48]. Taking into account the amount of animals and their mass, population got the most part of meat products from their cattle. Thus this is an absolute advantage for the sites of steppe zone (71,6% is maximal for the village of Lomakino). Among the sites of forest-steppe group the absolute advantage of cattle in meat production is observed only at Mokhnach settlement. The second place of meat production is occupied with the horse or the pig (if they are present at the sites). The variability looks different at the sites. For example, parts are approximately equal for Korobovy Khutora: pork – 24,8%, horseflesh – 21,8%. On the whole the portion of pork in the meat ration of population was higher in a forest-steppe zone. It looks rather obvious and natural in traditional cattle management. It should be mentioned that the portion of pork in a ration at Mokhnach site was minimum for a forest-steppe zone. This index is approximately equal to the data of the following steppe sites: Karnaukhovo and Right-bank Tsymlianskoe (data of 1950s). A percent index of horseflesh at certain sites of both naturally-economic zones also differs, although a mid-point index is approximately equal: $\approx 23\%$ for forest-steppe and 26% for steppe. Meat of small cattle is presented with a stable small percent (3,6-6,6%). An exception is the data of Maiatskoe and Right-bank Tsymlianskoe sites (1987-1988).

The comparison of cattle-management data of Saltov forest-steppe population of the Severskij Donets and the indexes from the nearby Slavic sites of Romny culture shows a considerable structural difference (changeability) of their archaeozoological assemblage. On the whole, these indexes on the synchronous settlements of Northerners testify, that the amount of domestic animals in the whole mass of remains works out 50-90% [Gorbanenko, Koloda 2013, fig. 103]. However in the frontier zone adjoining the Khazar State we can see a greater index of wild fauna in the archaeozoological material either. Thus, there has fixed $\approx 83\%$ of wild fauna of the total number of bone fragments in Vodyanoye fortified; there is 72-73% in the Slavic occupation layer of the site of the ancient settlement of Mokhnach. It should be also mentioned that the number of cattle bone remains (up to 99%) dominated in a Slavic period of Korobovy Khutora fortified settlement [Kroitor 2013, 182]. It is an exception

for the Slavs' sites. This state of things relates to the succession of Slavonic population and the previous (Khazar) one. It is proved with archeological facts (ceramics, house-building). For the Slavonic sites of the Don region (Borshevo culture) the percent number of the cattle exceeds 50% on average while the maximum index among the total number of animals is 65.9%.

Speaking about cattle management in Saltov sites by the Severskii Donets, it is interesting to compare it with early middle-aged population of the Black Sea and the Azov Sea areas; it can be seen in the charter (fig. 14). Thus, the differences in cattle remain correlation are mostly close to forest-steppe indices in occupation layer of Khazar period of Tiritaka (near Kerch). However, it should be said that the second position in species composition of cattle livestock is occupied with the small cattle; it is explained with steppe site location. And the dominance of the cattle testifies that the population of this site preferred the most productive dual-purpose species. In addition, we have noted the contrast difference between the Saltov sites by Severskii Donets and synchronic site "Above the water source" in the same region of the Kerch peninsula. This difference is determined by the dominant number of the small cattle in comparison with the fewer amounts of cattle remains and total absence of the pig. The same state of things (prevalence of the small cattle among the other species) is observed at the following Saltov forest-steppe site – Maiatsk fortified settlement. It makes this site unique among all the sites of Saltov forest-steppe area (fig. 14). In this context it is worth to pay attention to the high number of the small cattle in the Volga region population's livestock and the whole absence of the pig. It likely refers to the peculiarities of food supplies and, maybe, confessional traditions of the people.

Therefore, the structure of archaeozoological assemblage of the Saltov culture sites is rather changeable and seems to depend on not only geographical and climatic conditions, but also other facts, which exceed the limits of natural science (cultural and probably confessional influences, local traditions, household factors).

The specific characteristic of the Saltov forest sites by the Severskii Donets is relatively high number of horse remains that average out at 30% of the general number of defined bones. In

this case, horse remains are paradoxically more numerous than at Saltov steppe sites (fig. 12). It ought to be pointed out that high amount of horse pieces make Saltov forest steppe sites close to early middle-aged archaeozoological assemblage of the Kazan Kremlin both in the epoch of the Volga Bulgaria, and Golden Horde and Tatar periods (fig. 14). The marked similarity calls to mind that the big amount of horse remains at Saltov forest-steppe sites is conditioned by not only ethnocultural and household traditions, but also the significance of the horse for military arts. The north-western boundary of the Khazar State was an area of complicated relationships between the kaganate's population and the Slavs and frequent military and political pressure of the central authority of the Khazaria on the neighbours. It is proved by bigger amount of weapons and horse-man equipment in Saltov forest-steppe burials in comparison with steppe ones.

In whole, the analyzed archaeozoological materials demonstrate the high level of cattle management at Saltov sights in the mid area of the Severskii Donets; it is the contact zone of the Slavs and the population of the Khazar State. It is shown in frequent usage of food supplies on the occupied territory and the household complex on the whole. It is also seen in the variety of species composition and its productiveness that provided the local people with diary and meat products all year round. Cattle management played an important role in supplying agriculture with horse draught power and army with cavalry. The additional function of Saltov cattle management in the analyzed region was delivery of materials (bones, horns, skin, and horse hair) for crafts and household production.

***Благодарности:** Один из авторов (Роман Кройтор) выражает признательность своим харьковским коллегам за приглашение и неоценимую помощь во время работы над археозоологическим материалом, который лёг в основу данной статьи. Авторы также благодарны Дарье Колоде (Харьковский национальный педагогический университет) за английский перевод сокращённой версии статьи.

Бібліографія

- Asylgaraeva 2003:** G.Sh. Asylgaraeva, A account on the forms of livestock management of Bulgar-Tatar population (on example of the ancient Kazan). In: E.E. Antipina, E.N. Chernykh (Resp. Ed.), Recent archaeozoological research in Russia (Moscow 2003), 116-138 // Г.Ш. Асылгараева, К вопросу о формах животноводческой деятельности булгаро-татарского населения (на примере древней Казани). В сб.: Е.Е. Антипина, Е.Н. Черных (отв. ред.), Новейшие археозоологические исследования в России (Москва 2003), 116-138.
- Buniatian 1994:** K.P. Buniatian, Classification and typology of cattle breeding. In: *Teoriia ta praktika arkheologichnikh doslidzhen'* (Kiiiv 1994), 73-101 // К.П. Бунятян, Класифікація та типологія скотарства. В сб.: Теорія та практика археологічних досліджень (Київ 1994), 73-101.
- Golenko 2007:** V.K. Golenko, Ancient Cimmeric and its district (Simferopol 2007) // В.К. Голенко, Древний Киммерик и его округа (Симферополь 2007).
- Gorbanenko, Koloda 2013:** S.A. Gorbanenko, V.V. Koloda, Agriculture in Slavic Khazar borderlands (Kiiiv 2013) // С.А. Горбаненко, В.В. Колода, Сільське господарство на слов'яно-хазарському порубіжжі (Київ 2013).
- Koloda, Kroitor 2012:** V.V. Koloda, R.V. Kroitor, Osteology as a mirror of step-by-step development of animal breeding in Slav-Russian settlement Gorodnoe. In: Slavs of Eastern Europe before the formation of the ancient Russian state. Proceedings of the International Conference dedicated to the 110-th anniversary of I.I. Liapushkin (1902-1968), December 3-5, 2012, Sankt-Peterburg // В.В. Колода, Р.В. Кройтор, Остеология как отражение поэтапного развития скотоводства славяно-русского поселения Городное. В сб.: Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Материалы международной конференции, посвящённой 110-летию со дня рождения И.И. Ляпушкина (1902-1968), 3-5 декабря 2012 г. Санкт-Петербург, 2012.
- Koloda, Kroitor, Gorbanenko 2013:** V.V. Koloda, R.V. Kroitor, S.A. Gorbanenko, New data on animal breeding in Early Middle Age settlement Upper Saltov. *Arkheologiiia* 1, 2013, 129-138 // В.В. Колода, Р.В. Кройтор, С.А. Горбаненко, Нові дані про тваринництво ранньосередньовічного населення Верхнього Салтова. *Археологія* 1, 2013, 129-138.
- Kroitor 2013:** R.V. Kroitor, Archaeozoological assemblages from Saltovian and Romensian monuments of Severskyi Donetz basin. In: S.A. Gorbanenko, V.V. Koloda, Agriculture of the Slavian-Khazarian border area (Kiev 2013), 181-199 // Р.В. Кройтор, Археозоологічні комплекси із салтівських і роменських пам'яток басейну Сіверського Дінця. В кн.: С.А. Горбаненко, В.В. Колода, Сільське господарство на слов'яно-хазарському порубіжжі (Київ 2013), 181-199.
- Liapushkin 1958:** I.I. Liapushkin. Karnaukhovskoe Settlement. Materials and Research in Archaeology of USSR, 62, 1958, 263-314 // И.И. Ляпушкин, Карнауховское поселение. МИА 62, 1958, 263-314.
- Matolchi 1984:** Ya. Matolchi. Animal bones from the settlement and the burial (1978-1979). In: *Maiatskoe Settlement* (Moscow 1984), 237-260 // Я. Матолчи, Кости животных с городища селища и могильника (1978-1979). В сб.: Маяцкое городище (Москва 1984), 237-260.
- Mikheev 1985:** V.K. Mikheev, Don Area under the Khazar Kaganate rule (Kharkiv 1985) // В.К. Михеев, Подонье в составе Хазарского каганата (Харьков 1985).
- Petrashenko 1992:** V.O. Petrashenko, Slavic pottery of VIII-IX centuries of the right bank of the middle Dnieper (Kyiv 1992) // В.О. Петрашенко, Слов'янська кераміка VIII-IX ст. Правобережжя Середнього Подніпров'я (Київ 1992).
- Pletneva 1967:** S.A. Pletneva, From nomads to towns. Materials and Research in Archaeology of USSR, 142 (Moscow 1967) // С.А. Плетнёва, От кочевий к городам. МИА 142 (Москва 1967).
- Pletneva 1984:** S.A. Pletneva, Drawings on the walls of the Maiatskoe settlement. In: *Maiatskoe settlement. Proceedings of the Soviet-Bulgarian-Hungarian expedition* (Moscow 1984), 57-94 // С.А. Плетнёва, Рисунки на стенах Маяцкого городища. В сб.: Маяцкое городище. Труды советско-болгаро-венгерской экспедиции (Москва 1984), 57-94.
- Pletneva 1989:** S.A. Pletneva, At slav-khazarian borderlands (Dmitrievan archaeological complex) (Moscow 1989) // С.А. Плетнёва, На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс) (Москва 1989).
- Pletneva 1996:** S.A. Pletneva, Sarkel and the Silk Road (Voronezh 1996) // С.А. Плетнёва, Саркел и «шёлковый путь» (Воронеж 1996).
- Ponomarev 2012:** L.Iu. Ponomarev, Economic activity of the Saltov Culture population from Kerch Peninsula. In: *Saltovo-Maiats'ka Culture: questions and discoveries. Issue 2* (Kharkiv 2012), 67-78 // Л.Ю. Пономарёв, Хозяйственная деятельность населения Салтовской культуры керченского полуострова. В сб.: Салтово-маяцка

археологічна культура: проблеми та дослідження. Вип. 2 (Харків 2012), 67-78.

Van Valkenburgh 1990: B. Van Valkenburgh, Skeletal and dental predictors of body mass in carnivores. In: J. Damuth, B.J. MacFadden (Eds.), *Body size in Mammalian Paleobiology: Estimation and Biological Implications* (Cambridge University Press 1990), 181-205.

Vinnikov 1995: A.Z. Vinnikov, Don Steppe Slavs in the early Middle Age (VIII – the beginning of XI century) (Voronezh 1995) // А.З. Винников, Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII – начало XI века) (Воронеж 1995).

Vitt 1952: V.O. Vitt, Horses from the Pazyryk mounds. *Soviet Archeology* 16, 1952, 163-205 // В.О. Витт, Лошади Пазырыкских курганов. *СА* 16, 1952, 163-205.

Владимир Колода, доктор исторических наук, Харьковский национальный педагогический университет имени Г.С. Сковороды, 61002, г. Харьков, ул. Артёма, 29, Украина, e-mail: koloda_v@rambler.ru

Роман Кройтор, доктор биологических наук, ассоциированный научный исследователь, Maison méditerranéenne des sciences de l'homme, 5 Rue Château de l'Horloge, 13090 Aix-en-Provence, France, e-mail: roman-croitor@europe.com

Андрей Голубев

Сравнительное исследование типов сабель салтовской археологической культуры и технологии их изготовления

Keywords: Saltov sabre, metallography, soldered cross-guards.

Cuvinte cheie: sabie de tip Saltov, metalografie, gărzi/rame/plăci cruciforme? sudate.

Ключевые слова: салтовская сабля, металлография, спаянные крестовины.

Andrii Holubiev

Comparative study of sabre types from Saltov archeological culture and the technology of their manufacturing

A complex research of Saltov sabres originating from cremator complexes of the Upper Donets area is presented in the article. The designation of socket is described – a specific detail of early Medieval sabres located between the cross-guard and the blade. Its main function is to correct the span between the blade and the hilt. On the basis of results of the analysis done with the help of natural sciences methods an attempt was made to determine the link between blade quality and the type of its cross-guard. Also a fact of soldering the iron parts of the cross-guards was established using soldering alloy on copper basis. Emergence of soldered cross-guards is obviously related with the desire to lighten the overall weight of the weapon.

Andrii Holubiev

Studiu comparativ al tipurilor de săbii specifice culturii arheologice Saltov și tehnologia de confecționare a lor

Articolul reprezintă un studiu complex al săbiilor de tip Saltov, provenite din complexele de incinerare din regiunea Donetului Superior. Se stabilește rolul ramei – un detaliu specific al săbiilor medievale timpurii, situat între gardă și lamă. Funcția sa principală este ajustarea unghiului de fixare a lamei cu efesul. Rezultatele obținute în urma analizelor efectuate cu ajutorul metodelor specifice științelor naturale, au permis stabilirea unei legături între calitatea lamei și tipul plăcii cruciforme. De asemenea, s-a stabilit că lipirea elementelor din fier ale gărzii era efectuată prin sudarea cu un aliaj pe bază de cupru. Se pare că apariția gărzilor cruciforme sudate era legată de dorința de a ușura greutatea armei.

Андрей Голубев

Сравнительное исследование типов сабель салтовской археологической культуры и технологии их изготовления

В статье представлено комплексное исследование салтовских сабель, происходящих из кремационных комплексов Верхнего Подонцовья. Раскрывается назначение обоймы – специфической детали раннесредневековых сабель, находящейся между крестовиной и клинком. Ее основная функция корректировка колена между клинком и эфесом. На основе результатов анализов, полученных с помощью методов естественных наук, произведена попытка установления связи между качеством клинка и типом его крестовины. Также установлен факт применения пайки железных частей крестовин с помощью припоя на медной основе. Появление паяных крестовин, видимо, связано с желанием облегчить общий вес оружия.

Комплекс вооружения кочевников ранне-го средневековья относится к важным элементам их материальной культуры. Особое место в нем занимают палаши и сабли. Данное оружие является с одной стороны показателем уровня военной мощи и развития технологий в металлургии, с другой – индикатором принадлежности человека к особой социальной группе в кочевом сообществе. Эксплуатационные качества оружия обусловлены четырьмя составляющими: прогрессивностью формы, качеством материала, технологией производства и квалификацией мастера производителя. Общие

формы раннесредневекового холодного оружия обнаружены на больших территориях. В связи с этим важное значение приобретают исследования технологий производства. Только они позволяют судить о соотношении формы и «содержания», а также дают возможность проследить копирование формы или распространение специфических технических новшеств и навыков. Мы считаем, что выводы о единстве производственных приемов производства оружия в Хазарском каганате должны основываться на исследованиях с помощью естественных наук больших серий однотипных образцов. Ни-

чтожно малое количество подобных работ приводит к тому, что каждое новое исследование в данном направлении является значительным событием в археологии Хазарского каганата.

К сожалению, пока отсутствуют исследования, позволяющие судить о качестве изделий и технологии производства клинкового оружия Хазарского каганата последней четверти VII – первой половины VIII в. Исследования оружия следующего хронологического горизонта представлены всего двумя работами. Проведены они с сабельными клинками из памятников салтово-маяцкой культуры, соотносимой с государственной культурой Хазарского каганата. Первое проведено М.М. Толмачевой [Tolmachova 2000], в котором она обработала клинки, происходящие из аланских катакомбных захоронений лесостепного варианта культуры. Второе проведено Л.С. Розановой и Н.М. Тереховой, исследовано четыре сабли из кремационных захоронений могильника на р. Дюрсо возле Новороссийска [Rozanova, Terekhova 2003].

Клинковое оружие, результаты изучения которого легли в основу данной работы, находятся в фондах Харьковского исторического и Святогорского краеведческого музеев. Клинки и их фрагменты выявлены на салтово-маяцких памятниках [Golubeva et al. 2014; Golubeva, Golubev 2016; Okatenko et al. 2014; Okatenko, Golubev 2017], расположенных на правом берегу реки Северский Донец, в верхнем и среднем его течении на территории Харьковской и Донецкой областей в Украине.

С целью комплексного изучения образцов оружия нами, наряду с традиционными археологическими методиками, использовались результаты анализов точных наук. Металлографический анализ проведен на кафедре материаловедения Национального технического университета «ХПИ». При исследовании использовался металлографический инвертированный микроскоп Optika XDS-3Met. Для выявления микроструктур применялся 4% раствор HNO₃ на спирту. Также проведен анализ элементного состава образцов методом PIXE (proton-induced X-ray emission). Исследование проводилось на базе аналитического ускорительного комплекса института прикладной физики НАН Украины, на канале PIXE. Для выяснения элементного состава и концентрации

элементов образцы облучались протонами с энергией 1 Мев перпендикулярно к поверхности образца. Индуктивное характеристическое рентгеновское излучение регистрировалось детектором под углом 45° к поверхности образца. Данные с детектора обрабатывались в программном пакете AmpTek DppMCA. Дальнейшая обработка спектров для вычисления концентраций элементов проводилась в программном пакете GUPIX¹.

Выводы, полученные после обработки данных, полученных с помощью методов естественных наук, были бы не полными, если не учитывать тип сабли и ее конструктивные особенности. Поэтому в данной работе мы используем собственную классификацию сабель [Golubev, Golubeva 2012].

Раннесредневековые сабли являются конструктивно сложными коленчатыми изделиями (в таком оружии продольные оси клинка и эфеса находятся по отношению друг к другу под тупым углом). Сабли состоят из следующих основных частей: **полотна** (рис. 1,10) с клинком (рис. 1,10k) и хвостовиком (череном) для рукояти (рис. 1,10g); **эфеса**, состоящего из крестовины (рис. 1,9) и рукоятки; **обоймы** (рис. 1,8), размещенной на хвостовике (рис. 1,11) между крестовиной и полосой (рис. 1,12). Очевидно, что при изготовлении полотна будущей сабли мастер придавал ему нужные размеры, баланс и кривизну. После монтажа эфеса и заточки лезвия в оружии могла нарушиться балансировка. Однако с помощью обоймы все параметры клинка можно было точно скорректировать, не внося изменения в полосу. По этой причине обойма являлась важной многофункциональной деталью. Изменение ее пропорций – соотношения длины и высоты (рис. 1,8a,b) изменяет соотношение осей эфеса и клинка, то есть корректируется первоначально заложенное в изделие колено. Изменение длины обоймы (рис. 1,8b) позволяло корректировать центр тяжести оружия за счет фактического наращивания длины клинка. Именно благодаря обойме существенно упрощается работа по монтажу эфеса и приданию клинку желаемого баланса. С учетом длины полосы даже минимальные

1. Приносим свою благодарность С.А. Князеву и А.Н. Бугаю за проведенные исследования и консультации при написании данной статьи.

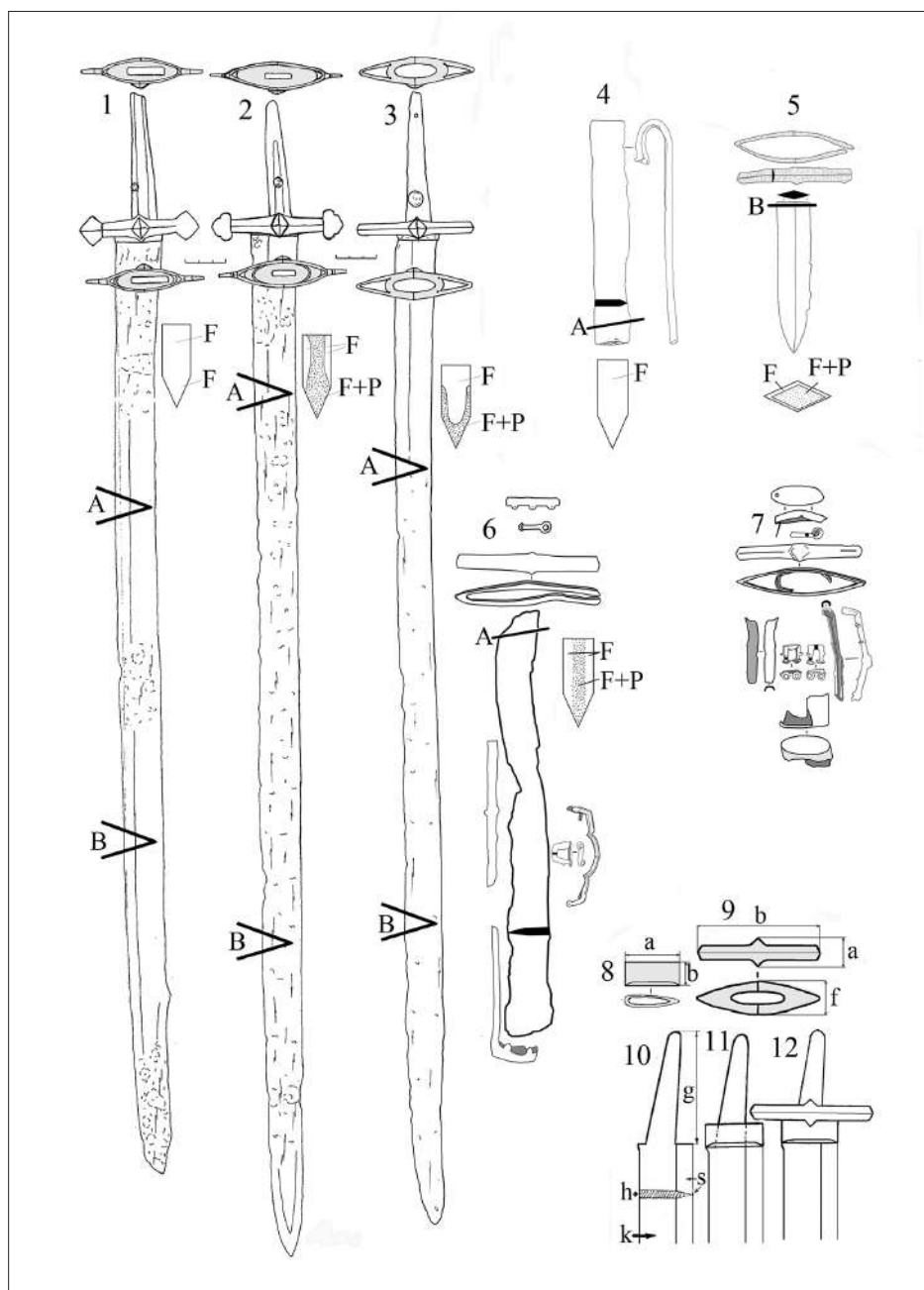

Рис. 1. Основные конструктивные части сабель, исследуемые клинки с местами вырезки шлифов и их структурные схемы.

1 – сабля №1; 2 – сабля №2; 3 – сабля №3; 4 – обломок клинка №4; 5 – крестовина и обломок сабли №5; 6 – обломок, элементы эфеса и ножен сабли №7; 7 – элементы эфеса и ножен сабли №8; 8 – обойма; 9 – крестовина; 10 – полотно; 11, 12 – последовательность сборки при размещении обоймы и крестовины на полотне.

A, B – места вырезки шлифов; F – феррит; F+P – феррито-перлит; a – высота; b – длина; f – ширина; g – хвостовик рукояти (черен); k – клинок; h – обух; S – лезвие.

Fig. 1. Main constructive parts of sabres, studied blades with places where sections were cut and their schematic diagrams.
1 – sabre №1; 2 – sabre №2; 3 – sabre №3; 4 – blade chip №4; 5 – cross-guard and chip of sabre №5; 6 – chip, elements of hilt and sheath of sabre №7; 7 – elements of hilt and sheath of sabre №8; 8 – socket; 9 – cross-guard; 10 – sheet; 11, 12 – sequence of assembly during placement of socket and cross-guard on sheet.

A, B – places of sections cutting; F – ferrite; F+P – ferrite-pearlite; a – height; b – length; f – width; g – handle shank (stem); k – blade; h – butt; S – cutting edge.

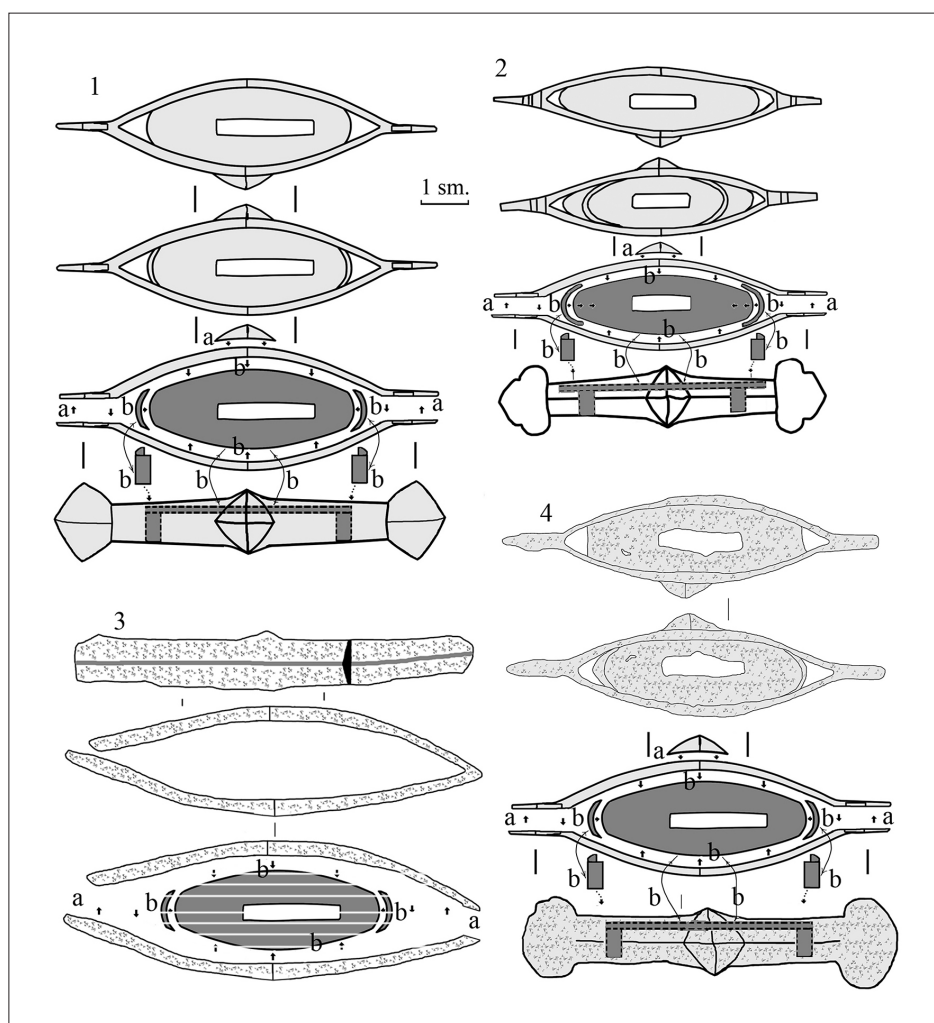

Рис. 2. Схема соединения частей составных крестовин между собой.

1 – крестовина сабли №1; 2 – крестовина сабли №2; 3- крестовина сабли №5; 4 – крестовина сабли №6.

a – места соединения частей крестовин методом кузнечной сварки; b – места соединения частей крестовин методом пайки медью.

Fig. 2. Diagram of connection of composite cross-guards between each other.

1 – cross-guard of sabre №1; 2 – cross-guard of sabre №2; 3- cross-guard of sabre №5; 4 – cross-guard of sabre №6.

a – places of connecting parts of cross-guards by hammer welding; b – places of connecting parts of cross-guards by copper soldering.

изменения, незаметные невооруженным глазом, приводили к значительным изменениям баланса клинка в целом. Наличие колена разворачивало поперечный и продольный центры тяжести клинка по диагонали, а общий центр его тяжести смещался к обуху. При рубке такой клинок наносил глубокие раны подобно античной махайре, но имел несравнимо меньший вес. Исключительно только при наличии колена между клинком и эфесом, применимы технические выводы А.И. Соловьёва, сравнивавшего саблю и палаш с топором [Solov'ev 1985, 150–

152]. Поэтому, наклон хвостовика рукояти в сторону лезвия – это следствие наличия колена между клинком и эфесом. При таком положении вещей использование словосочетания «наклон рукояти в сторону лезвия» в отношении раннесредневековых палашей и сабель, в конструкции которых имеется обойма, выглядит, по меньшей мере, не корректным. Выяснение функции обоймы показало несостоятельность используемых ранее методик измерения сабель, поскольку они учитывают только угловые показатели наклона хвостовика, которые име-

ют лишь опосредованное значение для выяснения угла колена. Главное и принципиальное отличие средневекового клинкового оружия с коленом от аналогов раннего железного века состоит в месте расположения колена. В первом случае оно расположено перед крестовиной, во втором примерно посередине клинка.

Форма окончаний крестовин клинкового оружия дифференцируется с богатством погребального инвентаря. Данный факт позволил нам утверждать, что наряду с поясной гарнитурой, статус кочевника в VII–VIII столетиях определялся и эфесом его клинкового оружия. При этом, как уже было сказано, основным дифференцирующим элементом являлась форма окончаний крестовины. Эфес всегда был возле пояса и составлял с ним единый неразрывный семантико-информативный комплекс. Сабли с крестовинами первого типа условно названы нами «командными», второго – «рядовыми». Более дробная ранговая классификация по вариантам внутри типов на современном уровне знаний нам пока не доступна.

Исследуемые сабли и их части в зависимости от оформления окончаний крестовины, как уже говорилось выше, разделены **на два типа**. **Первый**, с фигурными дисковидными окончаниями (рис. 1,1-2; 2,4), **второй** – с простыми окончаниями (рис. 1,3,5-7). Характерной чертой клинков с крестовинами первого типа является обязательное наличие аппликации в виде ромба посередине их лицевой стороны. В зависимости от способа изготовления, все крестовины разделяются на: цельнокованные сплошные (рис. 1,7) цельнокованные с треугольными вырезами по обоим бокам от отверстия для хвостовика (рис. 1,3) и составные (рис. 1,1-2,5-7; 2,4).

Все изучаемые клинки и их фрагменты покрыты характерной специфической оксидной пленкой (окалиной), образовавшейся после воздействия высоких температур в погребальном костре и последующего длительного пребывания предметов в земле (рис. 3,2; 4,2; 5,1; 6,2). Вырезки шлифов для металлографического анализа взяты из последней (участки «А») и первой (участки «В») (рис. 1,1-3) считая от острия трети клинков. При взвешивании сабель учитывалась только масса полотна, обоймы и крестовины.

Сабля №1 (рис. 1,1; 3,2) с ромбическими окончаниями крестовины, **тип I** (командная),

вторая половина VIII в. Происходит из биригуального могильника у с. Червона Горка, случайная находка. Общая длина 780 мм, клинок 675 мм, ширина клинка у крестовины 33 мм, толщина обуха у крестовины 6 мм, перо на протяжении 130 мм от острия имеет двухстороннюю заточку, остальная часть клинка – до крестовины, заточена только с одной стороны. Длина крестовины 87 мм, ширина 25 мм, высота 19 мм. Общий вес сабли 678 гр.

Изучение микроструктуры шлифа $\times 200$ с участка А показали, что они состоят из ферритных зерен с некоторой степенью текстурированности (рис. 3,1). Наблюдаются обильные скопления посторонних включений. Такая же картина по микроструктурам наблюдается и на участке В $\times 200$ (рис. 3,3). От лезвия к обуху происходит укрупнение ферритных зерен. Удивляет применение по всему клинку однородного по составу железа, а именно, низкоуглеродистой сырьевой стали (содержание углерода до 0,2%, микротвердость 90 кгс/мм² в центре клинка, 100 кгс/мм² в лезвии) с ферритной структурой, имеющую крайне низкую твердость и повышенную пластичность.

Большое количество посторонних включений резко снижает механические характеристики данной сабли. Структура клинка термически не упрочняется (не поддается закалке). Единственный возможный способ упрочнения – наклеп. Таким образом, можно построить схему клинка по сечению (рис. 1,1), являющегося низкокачественным изделием, боевое его применение, по сути, невозможно.

Сабля №2 (рис. 1,2; 4,3) с окончаниями крестовины напоминающими бляшку от поясной гарнитур, **тип I** (командная), вторая половина VIII в. Происходит из кремационного могильника у с. Кицевка, случайная находка. Общая длина 835 мм, клинок 745 мм, ширина клинка у крестовины 34 мм, толщина обуха у крестовины 55 мм. Перо на протяжении 130 мм от острия имеет двухстороннюю заточку, остальная часть клинка – до крестовины, заточена только с одной стороны. Длина крестовины 94 мм, ширина 25 мм, высота 18 мм, общий вес сабли 620 гр. Данное оружие наиболее интересный экземпляр. На результатах металлографического анализа этой сабли нам хотелось бы остановиться подробнее. Микроструктура

Рис. 3. Сабля №1, увеличенные фрагменты шлифов и следы пайки медью на крестовине.

1 – шлиф с участка А; 2 – эфесная часть сабли №1 со следами окарины; 3 – шлиф с участка В; 4 – прожилки меди на стыках.

Fig. 3. Sabre №1, magnified fragments of sections and traces of copper soldering on the cross-guard.

1 – section from area A; 2 – hilt part of sabre №1 with traces of hammer scale; 3 – section from area B; 4 – copper seams at joints.

шлифа клинка на участке А прослежена последовательно от лезвия к обуху (рис 4,1). Она полностью состоит из феррита и перлита, причем заметна разнотекстурность по перлиту. Количество перлита по сечению клинка не уменьшается. На рис. 4,1 представлена микроструктура от центра к периферии (рис. 4,1a-g×200), детализация ×1200 (рис. 4,1h) феррито-перлитной

структуры, и периферийный участок, состоящий преимущественно из ферритной структуры (рис. 4,1i,j,l×200) (рис. 4,1k – детализация ×1200 со следами межкристаллитной коррозии по границам зерен). На рис. 4,1m-o представлен участок сковки периферийного ферритного листа железа с феррито-перлитной основой. Более ярко выраженная, но в целом похожая микро-

структура шлифа наблюдается на участке В×200 (рис. 4,3). Микроструктуры выстроены так, что переходят от одной стороны клинка к другой, пересекая всё сечение. Периферия клинка состоит из ярко выраженной ферритной структуры (рис. 4,3а-с), переходящая в феррито-перлитную (рис. 4,3d-f) вплоть до сердцевины (рис. 4,3g,h). На другой стороне клинка опять наблюдается переход к ферритной структуре (рис. 4,3i-m), с текстурованными (рис. 4,3j,k) и мелкими зернами, которые сформировались под воздействием интенсивной пластической деформации (рис. 4,3l,m). Клинок состоит из трех листов стали, сердцевина более твердая (содержание углерода до 0,6% в лезвии, до 0,45 в обухе, микротвёрдость до 350 кгс/мм²), периферийные листы относительно мягкие, но все-таки упрочненные за счет наклепа (содержание углерода до 0,2%, микротвердость до 150 кгс/мм²). В лезвии возможно наличие мартенситной структуры закалки до отпускных процессов ($t > 350^{\circ}\text{C}$) и ее трансформация в ходе кремации.

Обращает на себя внимание высокое качество феррито-перлитной структуры сердцевинного слоя (рис. 4,4а). Такая микроструктура вполне соответствует микроструктуре современных качественных конструкционных углеродистых сталей. Периферийная зона (рис. 4,4b) явно накована, поскольку наблюдается резкий переход, что нехарактерно для обезуглероженного слоя. Таким образом, можно построить схему клинка по сечению, которая характерна как для участка А, так и для участка В (рис. 1,2). Применение трехслойного пакета из двух сортов стали в совокупности с зональной закалкой клинка (лезвие) обеспечивало должную упругость и износостойкость рабочей части. Данная сабля является очень качественным изделием своего времени.

Сабля №3 (рис. 1,3; 5,1) с простыми окончаниями крестовины, **тип II** (рядовая), вторая половина VIII в. Происходит из кремационного могильника у с. Кицевка, случайная находка. Общая длина 805 мм, клинок 705 мм, ширина клинка у крестовины 30 мм, толщина обуха у крестовины 55 мм. Перо на протяжении 130 мм от острия имеет двухстороннюю заточку, остальная часть клинка – до крестовины, заточена только с одной стороны. Длина крестовины 81 мм, ширина 23 мм, высота 14 мм, общий вес сабли 543 гр.

Изучение шлифа ×200 на участке А показывает, что микроструктура клинка от лезвия к обуху плавно переходит от феррито-перлитной (рис. 5,2а,b) к чисто ферритной (рис. 5,2с-f) с заметным присутствием неметаллических включений. К сердцевине размер зерен возрастает, как и концентрация включений (рис. 5,2d,f), что связано только с металлургическим изготовлением данного клинка. На участке В×200 выявлен аналогичный порядок распределения фаз. Этот порядок прослеживается на рис. 5,3а-j. Отличительной особенностью микроструктур этого участка от предыдущего является более мелкозернистая структура и наличие небольшого количества перлита в середине клинка (рис. 5,3f,g). Фотография ферито-перлитной структуры с увеличением (×1200) (рис. 5,3h) указывает на повышенную дисперсность такой феррито-перлитной структуры, что обеспечивает достаточно высокие механические характеристики. В целом структуры на участках А и В повторяют друг друга и позволяют судить об идентичности технологии изготовления по всему клинку. Содержание углерода до 0,2% у обуха и до 0,4% в лезвии, микротвердость от обуха к сердцевине $90 \div 150$ кгс/мм² и $250 \div 300$ кгс/мм² в лезвии. В лезвии возможно наличие мартенситной структуры закалки до отпускных процессов ($t > 350^{\circ}\text{C}$) и ее трансформация в ходе кремации.

Таким образом, можно заключить, что с большой вероятностью такая композиция структур была получена в результате науглероживания в твердом карбюризаторе (цементации) преимущественно лезвия для повышения его твердости. Об этом свидетельствует плавный переход от феррито-перлитной структуры к ферритной. Процесс проводился длительно при достаточно высоких температурах. Наличие мелкозернистой структуры говорит о том, что либо науглероживанию подвергались заготовки клинка, а потом проводиласьковка, либо после науглероживания готового клинка проводилась дополнительная термическая обработка (нормализация в смысле нагрева до температуры рекристаллизации с последующим охлаждением на воздухе с целью измельчения зерен, повышения механических характеристик после науглероживания). Более мелкая микроструктура на участке В и наличие

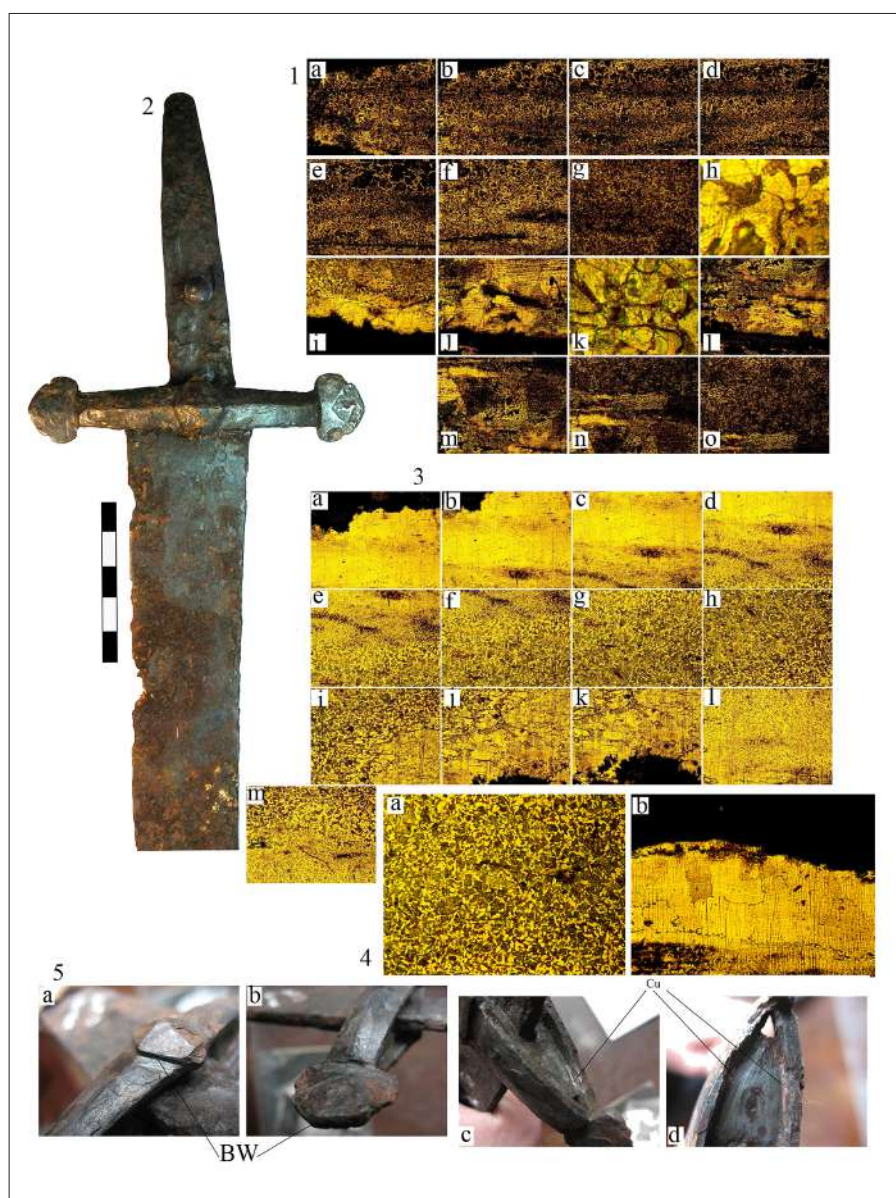

Рис. 4. Сабля № 2, увеличенные фрагменты шлифов.

1 – шлиф с участка А; 2 – эфесная часть сабли №1 со следами окалины; 3, 4 – шлиф с участка В; 5 – места кузнечной сварки и пайки медью на крестовине.

Fig. 4. Sabre №2, magnified fragments of sections.

1 – section from area A; 2 – hilt part of sabre № 1 with traces of hammer scale; 3, 4 – section from area B; 5 – places of hammer welding and copper soldering on the cross-guard.

перлита в сердцевине объясняется более тонким сечением в этой области, что обеспечивает ускоренное охлаждение и диффузионное проникновение углерода в сердцевину клинка. На рис. 1,3 можно представить общую схему клинка по сечению.

Фрагмент клинка №4 (рис. 1,4; 5,4) вторая половина VIII в., крестовина отсутствует. В

древности сабля была ритуально согнута (вероятно в нескольких частях) поломана, происходит из кремационного могильника у с. Кочеток (Сороков яр), подъёмный материал.

Изучение шлифа $\times 500$ на участке А (рис. 5,5a-d) показало, что по всей площади клинка присутствуют крупные закованные неметаллические включения, существенно снижающие

Рис. 5. Сабля №3, фрагмент клинка №4 и увеличенные фрагменты шлифов.

1 – эфесная часть сабли №3 со следами окалины; 2 – шлиф сабли №3 с участка А; 3 – шлиф сабли №3 с участка В; 4 – фрагмент клинка №4; 5 – шлиф фрагмента клинка №4 с участка А.

Fig. 5. Sabre №3, fragment of blade №4 and magnified fragments of sections.

1 – hilt part of sabre №3 with traces of hammer scale; 2 – section of sabre №3 from area A; 3 – section of sabre №3 from area B; 4 – fragment of blade №4; 5 – section of the fragment of blade №4 from area A.

конструкционную прочность изделия не говоря уже о крайне низкой ударной вязкости. Структура образца – феррит, что говорит об изготовлении клинка из заготовки мягкого сорта стали (содержание углерода не превышает 0,2%, а в целом не более 0,02%). Применение малоуглеродистой стали, близкой к железу может быть вызвано низким уровнем культуры металлургического процесса, а наличие ферритной структуры (как структуры обладающей повышенной

пластичностью) компенсирует наличие большого количества концентраторов напряжений как очагов зарождения трещин. Таким образом, можно построить схему клинка по сечению (рис. 1,4), данный клинок является низкокачественным изделием сравнимым по характеристикам с саблей №1.

Крестовина и два фрагмента от сабли №5 (рис. 1,5; 6,1). Крестовина – тип II (рядовая), происхождение – кремационный могиль-

ник у с. Кицевка. Обломки входили в состав разрушенного и доисследованного тайника. С учетом того, что данные образцы пребывали в погребальном костре (отпускные процессы), изначальные характеристики микроструктуры изделий могли быть выше.

Микроструктура основания рукоятки (черена) $\times 50$ (рис. 6,1a) неоднородна. На поверхности крупные зерна феррита, в сердцевине – феррито-перлитная структура (до 0,3% углерода), переходящая в полосчатую. Микротвердость соответственно от 90 до 130 кгс/мм². Сталь достаточно мягкая. Черен проковывался при температурах близких к температурам рекристаллизации металла, как следствие образовалась полосчатая структура.

На панорамном снимке участка $B \times 50$ (рис. 6,1b) обломка пера клинка по сечению наблюдается грубая феррито-перлитная структура, которой соответствует примерно 0,45% С. В середине клинка обнаруживается прослойка закованной окалины с окруженной ферритной структурой. Такая картина на микрошлифе может говорить о длительности процессаковки, когда заготовка клинка находилась долгое время в раскаленном состоянии, в результате чего произошло окисление и обезуглероживание поверхности металла. Далее кузнец при очередном этапековки заковал этот участок в середине и окалины, с обезуглероженным участком оказалась внутри. Обезуглероженный участок также наблюдается на краю лезвия $\times 50$ (рис. 6,1c). На рис. 6,1d,e $\times 500$ представлена феррито-перлитная структура с классическим пластинчатым перлитом. Такая структура сформировалась при охлаждении на воздухе послековки и характерна практически для всего сечения клинка (исключая обезуглероженные участки). Отсутствие структур заковки свидетельствует о попытках избежать получения хрупких свойств клинка. Качество первичной стальной заготовки относительно на высоком уровне, но выше описанные признаки говорят о неопытности человека, изготавливавшего оружие.

Таким образом можно построить схему клинка по сечению (рис. 1,5).

Обломок, элементы эфеса и ножен сабли №7 (рис. 1,6). Происходят из кремационного могильника у с. Кочеток (Сороков яр), разрушенный комплекс №1-2016, подъёмный материал.

Обломок клинка на поверхности имеет сильно коррозионное поражение. По сечению клинка на нетравленном микрошлифе обнаруживаются различные неметаллические включения (рис. 6,6a). Наличие включений говорит о невысоком качестве металлургического процесса. После травления на микрошлифе выявлена микроструктура представленная на панораме (рис. 6,6b). Микроструктура соответствует стали со средним содержанием углерода – до 0,45%. Микроструктура – феррит+перлит. Панорама показывает, что на периферии клинка находятся более крупные зерна (содержание углерода падает до 0,2%), сформировавшиеся в результате перегрева (температура около 950°C) при ковке. Середина клинка имеет мелкозернистую (а значит и более прочную) структуру. Клинок изготовлен из одной заготовки. При ковке, возможно, был нагрет до высоких температур, которую поддерживали периодическим подогревом длительное время. Однако возможны отпускные процессы при кремировании. Наличие 0,45% углерода обеспечивает повышенную твердость и сравнительно высокую прочность. Структур, получаемых при закалке, не выявлено. Твердость клинка 25 HRC–260 кгс/мм².

Крестовина сабли №6 (рис. 6,2), подъёмный материал, происходит с территории салтовского городища Царино у с. Маяки. **Элементы эфеса и ножен сабли №8** (рис. 1,7) происходят из кремационного могильника у с. Кочеток (Сороков яр), подъёмный материал.

У представленных образцов оружия №1,5,6,7,8 исследовались крестовины, изготовленные из железа. После зачистки и специального травления крестовин образцов № 1, 5 и 6 реактивом на основе азотной кислоты и хлорного железа на внутренних стыках были обнаружены следы меди (рис. 3,4; 4,5c,d; 6,1f,g; 6,2a,b). У крестовин образцов №7 (рис. 1,6; 6,4) и 8 (рис. 1,7; 6,3) установлен элементный состав в местах соединения частей в нескольких последовательных точках (таб. 1, 2; рис. 6,3,5).

У крестовин первого типа (рис. 2,1,2,4) соединение частей в районе овальных дисковидных окончаний и аппликаций в виде ромба сделано путем кузнечной сварки (рис. 2a; 4,5,BW). Аналогичным способом выполнены соединения и у паяных крестовин второго типа (рис. 2,3; 6,3,4), иногда с применением специальной вставки,

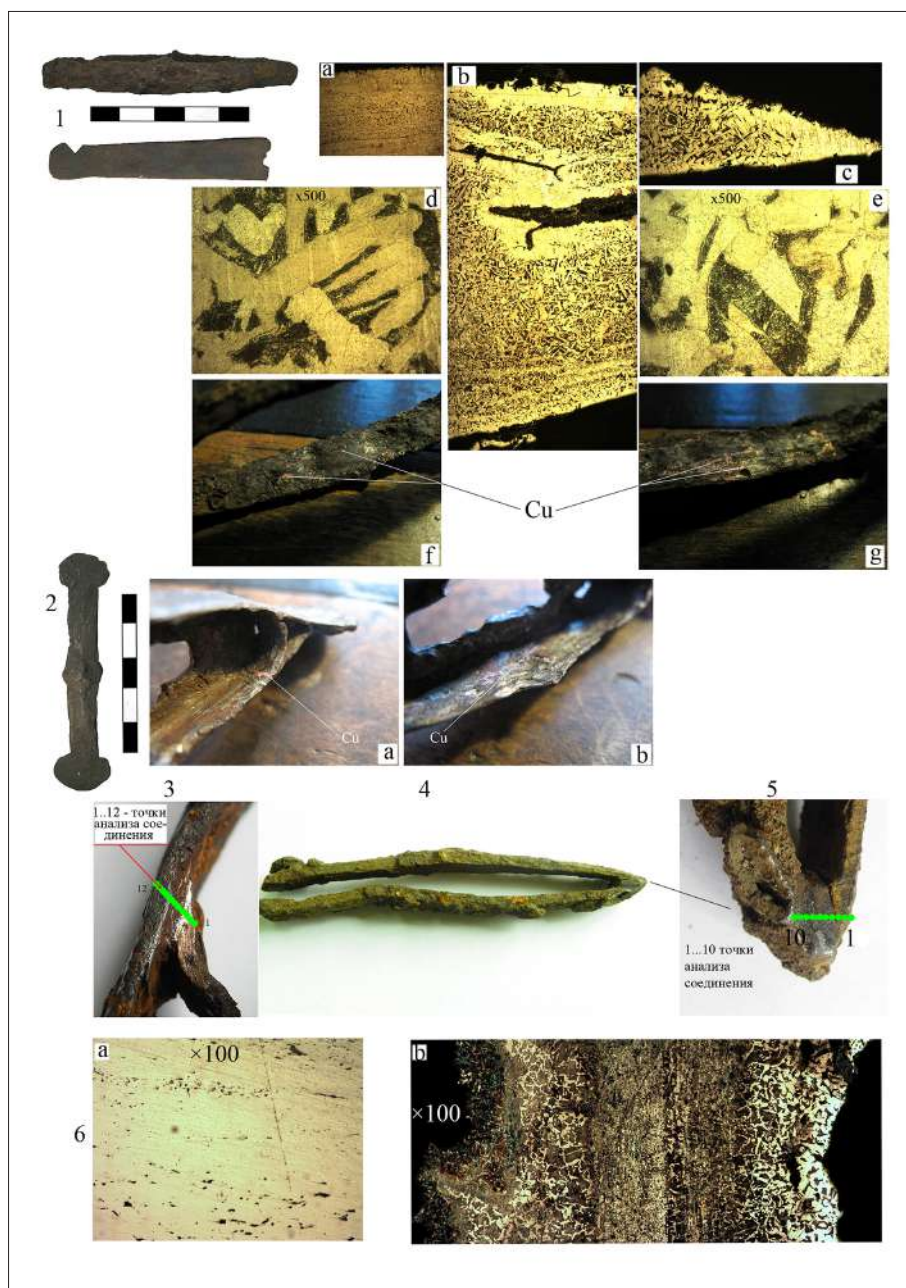

Рис. 6. Фрагменты клинков № 5, 6, 7 с увеличенными фрагментами шлифов и исследуемые места соединения частей крестовин сабель № 7, 8.

1 – фрагменты клинка №5, шлифы с черена рукояти и участка В, следы меди на крестовине; 2 – крестовина сабли №6 с участками пайки медью; 3 – место исследования соединения у крестовины сабли №8; 4 – крестовина сабли №7; 5 – место исследования соединения у крестовины сабли №7; 6 – шлиф обломка сабли №7 с участка А.

Fig. 6. Fragments of blades № 5, 6, 7 with magnified fragments of sections and studied places where cross-guards part of sabres № 7, 8 are joined.

1 – fragments of blade № 5, sections from handle stem and area B, traces of copper on the cross-guard; 2 – cross-guard of sabre №6 with areas of copper soldering; 3 – place of joint study near cross-guard of sabre № 8; 4 – cross-guard of sabre №7; 5 – place of joint study near cross-guard of sabre №7; 6 – section of sabre №7 chip from area A.

которая прослеживается даже визуалью (рис. 6,5). Соединение остальных частей крестовин производилась с помощью медно-винцово-оло-

вянистого припоя. Сам процесс, видимо близок описанному Б.А. Колчиным при изготовлении замков [Kolchin 1953 180, 181]. Таким образом,

Элемент Element	Концентрация, ppm (1 ppm. = 0.0001%). Concentration, ppm (1 ppm. = 0.0001%).											
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Cl	93595,4	41307,9	36267,3	23429,2	24014,9	23180,8	35859,5	35789,3	22157,8	29052,3	27612,8	44462,5
K	43683,6	9734,3	1675,9	601,6	20	61,4	911,6	1565,5	3175,5	3922,8	5004,4	4228,8
Ca	34246,7	9604,9	2653	647,9	359,8	421,4	1069,4	1296,8	2648,2	4345,9	6787,5	3818,2
Ti	1457,2	641,1	182,9	30,1	3,9	11	158,9	162,2	397,2	627,8	603,9	536,1
Cr	367,9	287,8	0	28,1	8,1	2,9	53,3	33,9	0	22,2	29,5	322,1
Mn	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1878,7	2034,3
Fe	700156,3	226376,8	115611,8	103952,4	180936,9	280627,8	828058,8	909782,5	962628,2	954646,8	951716,8	934699,5
Co	0	0	0	0	0	0	4944,9	4214,1	2650,2	1953,2	2189,9	1075,1
Ni	0	0	477,1	592,3	519,9	450,2	976,8	409,6	204,3	118,5	117,9	0
Cu	126507,1	708135,3	841142,8	863802,4	787573,1	690753,7	126975,5	46288,2	5508,4	4847,8	3412,9	6253
Zn	0	3920	1990	2477,4	2093,3	1525,8	536,2	383,9	336,3	305,9	376,1	869,9
As	0	0	0	0	0	549,5	322,7	0	166,1	106,2	0	0
Sn	0	0	0	3666,9	2931,2	2415,1	83,3	0	0	0	73,6	1360,8
Pb	0	0	0	775,1	1550,2	0	0	0	0	0	0	0

Таб. 1. Сканирование элементного состава крестовины сабли № 8.

Table 1. Scan of the elemental composition of sabre № 8 cross-guard.

Элемент Element	Концентрация, ppm (1 ppm. = 0.0001%). Concentration, ppm (1 ppm. = 0.0001%).									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
ClK	667,8	15040,9	20948	17311,9	7122,5	0	2774	3750,1	1988,5	3005,1
K K	9129,5	25603,1	5308,5	1629,9	4412,5	1439,7	734,7	1233,5	6652,3	22261
CaK	8577,9	9588,3	2020,4	1384,1	1375,9	890,9	622,5	1438,2	6686,5	19716
TiK	2417,8	7797,4	2502,9	570,6	395,4	278,8	510,2	778,5	3106,8	10238
V K	0	0	0	0	0	0	0	37,7	19,5	0
CrK	33,4	139,2	129,6	0	51,5	42	0	39,8	0	118,2
MnK	4668,2	7080,8	817,4	353,1	546,8	293,7	740,9	692,9	5509,2	10027
FeK	967679,3	927838,4	900097	941918,3	968572,2	988141,3	958502,9	966065,9	959858	912298
CoK	0	0	5070	3370,7	2341,5	3313,8	4541	3849,7	0	3282,4
NiK	1120,2	1092,8	3557,3	3103,2	1172,5	2022,7	5878	7679,3	3338,6	3517,6
CuK	4939,2	4772,5	59193	29609,8	12981,4	3294,4	25419	14241,9	11738	12732
ZnK	375,7	858,4	367	747,3	959,9	283,7	219,2	191,8	961,5	1583,2
PbLA	388,8	187,5	0	0	0	0	0	0	0	1215,9

Таб. 2. Сканирование элементного состава крестовины сабли №7.

Table 2. Scan of the elemental composition of sabre №7 cross-guard.

пайка медью (рис. 2б) у крестовин обоих типов (рис. 2,1-4) применялась в тех участках, которые было невозможно соединить методом кузнечной сварки (пластина с отверстием для черена рукояти и полукруглые вертикально расположенные пластины на ее краях находятся внутри

изделия). Внутренние части у некоторых крестовины второго типа отсутствуют полностью (рис. 1,5; 6,4) или частично (рис. 1,7; 6,3). При воздействии высокой температуры погребального костра внутренняя часть изделия выпала (медь расплавилась). Данные факты позволили восста-

новить полную схему изготовления составных крестовин (рис. 2). Однако вопрос об использовании при спайке флюса остался открытым.

С учетом совокупности результатов анализов естественных наук и типа перекрестий сабель логично сделать следующие выводы. Металлографический анализ демонстрирует более высокое качество сабель первого типа (следовательно, более трудоемкое и, как результат, более дорогое изделие) и подтверждает классификационную схему, по которой они принадлежали людям более высокого социального статуса. Клинки с перекрестиями второго типа менее технологичны и трудоемки, следовательно, дешевле. Такое оружие сочетает в себе доступность с достаточными боевыми характеристиками. Клинки № 2, 3, 5, 7 до отпускных процессов в погребальном огне обладали более высокими механическими свойствами, следовательно, и обладали более высокими боевыми качествами. Металлографическое исследование сабли №1, на первый взгляд, казалось бы, противоречит нашим выводам. Однако, она не могла использоваться как боевое оружие. Металл непригоден для военных целей. Данному факту мы можем найти только одно объяснение. В Дмитриевском катакомбном могильнике салтовской культуры, где открыто 152 катакомбы (с

погребенными в них в среднем от одного до трех человек), найдено всего четыре клинка: три сабли и меч. Считается, что сабли клали только в богатые погребения, а у рядовых воинов они переходили по наследству [Pletneva 1989, 71]. Скорее всего, в нашем случае, хозяин сабли либо использовал ее только в качестве статусного оружия в силу каких-либо причин (например старость или ранение), либо родственники умершего подменили качественный клинок перед погребальной церемонией. Этот же вывод применим и к клинку №4, однако информативность исследования данного оружия снижается отсутствием крестовины. Применение пайки при изготовлении крестовин сабель, видимо, было вызвано желанием снизить общий вес оружия. Однако вопрос истоков данной технологии, на данном этапе исследований, лежит в плоскости установления состава флюса.

Выявленные нами технологические схемы, находят себе прямые аналогии среди результатов исследований отдельных клинков, проведенных М.М. Толмачевой, Л.С. Розановой и Н.М. Тереховой. Однако истоки технологии производства салтовского клинкового оружия в дальнейшем будет возможно выявить только при проведении металлографического анализа оружия середины VII – начала VIII вв.

Бібліографія

- Golubev, Golubeva 2012:** A.M. Golubev, I.V. Golubeva, *Odnolezova zbroia z dovgim klinkom kochovikiv VII–VIII st.* Arkheologii 4, 2012, 42–54 // А.М. Голубев, І.В. Голубева, *Однолезова зброя з довгим клинком кочовиків VII–VIII ст.* Археологія 4, 2012, 42–54.
- Golubeva et al. 2014:** I.V. Golubeva, V.M. Okatenko, K.G. Varachova, V.I. Kvitkovskii, V.V. Koloda, I.O. Reznichenko, G.E. Svistun, D.O. Filatov, *Zvit pro naukovi arkheologichni ekspertizi v Kharkivs'kii oblasti ta v m. Kharkovi v 2013 r.* NA KhIM. Inv. nom. 2013 (Kharkiv 2014) // І.В. Голубева, В.М. Окатенко, К.Г. Варачова, В.І. Квітковський, В.В. Колода, І.О. Резніченко, Г.Є. Свистун, Д.О. Філатов, *Звіт про наукові археологічні експертизи в Харківській області та в м. Харкові в 2013 р.* НА ХІМ. Інв. ном. 2013 (Харків 2014).
- Golubeva, Golubev 2016:** I.V. Golubeva, A.M. Golubev, *Zvit pro naukovi arkheologichni rozvidki v Slov'ians'komu raioni Donetskoї oblasti u 2015 r.* NA KhIM. Inv. nom. 2015 (Kharkiv 2016) // І.В. Голубева, А.М. Голубев, *Звіт про наукові археологічні розвідки в Слов'янському районі Донецької області у 2015 р.* НА ХІМ. Інв. ном. 2015 (Харків 2016).
- Kolchin 1953:** B.A. Kolchin, *Chernaia metallurgii i metalloobrabotka v Drevnei Rusi (Domongol'skii period).* MIA 32, 1953, 1–160 // Б.А. Колчин, *Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (Домонгольский период).* МИА 32, 1953, 1–160.
- Okatenko et al. 2014:** V.M. Okatenko, A.M. Holubiev, I.V. Holubieva, D.O. Filatov, V.V. Rusnak, *Zvit pro naukovi arkheologichni ekspertizi i rozvidki u Kharkivs'kii oblasti ta v m. Kharkovi v 2015 r.* NA KhIM. Inv. nom. 2013 (Kharkiv 2014) // В.М. Окатенко, А.М. Голубев, І.В. Голубева, Д.О. Філатов, В.В. Руснак, *Звіт про наукові археологічні експертизи і розвідки у Харківській області та в м. Харкові в 2015 р.* НА ХІМ. Інв. ном. 2013 (Харків 2014).

Okatenko, Golubev 2017: V.M. Okatenko, A.M. Golubev, Zvit pro arkheologichni doslidzhennia (naukovi ekspertizi) i rozvidki u Charkivs'kii oblasti ta m. Kharkovi u 2016 r. NA KhIM. Inv. nom. 2016 (Kharkiv 2017) // В.М. Окатенко, А.М. Голубев, Звіт про археологічні дослідження (наукові експертизи) і розвідки У Харківській області та м. Харкові у 2016 р. НА ХІМ. Інв. ном. 2016 (Харків 2017).

Pletneva 1989: S.A. Pletneva, Na slaviano-khazarskom pogranich'e. Dmitrievskii arkheologicheskii kompleks (Moskva 1989) // С.А. Плетнева, На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс (Москва 1989).

Rozanova, Terekhova 2003: L.S. Rozanova, N.M. Terekhova, Tekhnologiiia vigotovlennia zaliznoi zbroi z rannoserednovichnogo mogil'nika na richtsi Diurso bilia Novorosii's'ka. <http://www.myslenedrevo.com.ua/studies/arox/2003/rozanova.html> 2003 // Л.С. Розанова, Н.М. Терехова, Технологія виготовлення залізної зброї з ранньосередньовічного могильника на річці Дюurso біля Новоросійська. <http://www.myslenedrevo.com.ua/studies/arox/2003/rozanova.html> 2003.

Solov'ev 1985: A.I. Solov'ev, O nekotorykh kharakteristikakh klinkovogo oruzhiia. In.: (otv. red. R.S. Vasil'evskii, Iu.P. Kholyushkin) Problemy rekonstruktsii v arkheologii (Novosibirsk 1985), 147–154 // А.И. Соловьев, О некоторых характеристиках клинкового оружия. В сб.: (отв. ред. Р.С. Васильевский, Ю.П. Холюшкин) Проблемы реконструкций в археологии (Новосибирск 1985), 147–154.

Tolmachova 2000: M.M. Tolmachova, Tehnologiiia vigotovlennia saltivs'kikh shabel <http://www.myslenedrevo.com.ua/uk/Sci/Archeology/Archeometry/Applied/SaltovoSabres.html> 2000 // М.М. Толмачова, Технологія виготовлення салтівських шабел <http://www.myslenedrevo.com.ua/uk/Sci/Archeology/Archeometry/Applied/SaltovoSabres.html> 2000.

Андрій Голубев, заступник директора ДП ОАСУ «Слобожанська археологічна служба» ДП НИЦ «Оранна археологічна служба України» Інститута археології НАН України, ул. Культури, 25-А, 61058, Харків, Україна, e-mail: ptahx@ukr.net

Ludmila Bacumenco-Pîrnău, Luminița Bejenaru

**Resursele alimentare de origine animală utilizate în Moldova medievală.
O cronică a cercetărilor arheozoologice în perioada postbelică***

Keywords: archeozoology, food, meat consumption, Moldavia, Middle Ages.

Cuvinte cheie: arheozoologie, alimentație, consum de carne, Moldova, evul mediu.

Ключевые слова: археозоология, питание, потребление мяса, Молдова, средние века.

Ludmila Bacumenco-Pîrnău, Luminița Bejenaru

Animal source foods used in medieval Moldova. A chronicle of archaeological research in the post-war period

In this paper we propose a report of the archaeozoological researches from the post-war period, during the 50s-90s of the last century in particular, focusing on the results obtained regarding the estimation of the food resources of animal origin used in Medieval Moldova. We propose an overview of the contributions of the researchers V.I. Tsalkin, A. David, S. Haimovici etc., the research methods used in the study of faunal materials on both sides of the Prut, the limitations of approaching the problem of meat resources in the East Carpathian space and the new directions of archaeological research approached in the last two decades.

Ludmila Bacumenco-Pîrnău, Luminița Bejenaru

Resursele alimentare de origine animală utilizate în Moldova medievală. O cronică a cercetărilor arheozoologice în perioada postbelică

În lucrarea de față ne propunem prezentarea unei cronici a cercetărilor arheozoologice din perioada postbelică, în special din anii 50-90 ai secolului trecut, axându-ne pe rezultatele obținute privind estimarea resurselor alimentare de origine animală utilizate în Moldova medievală. Sunt scoase în evidență contribuțiile în acest sens ale cercetătorilor V.I. Tsalkin, A. David, S. Haimovici ș.a., metodele de cercetare utilizate în studierea materialelor faunistice de pe ambele maluri ale Prutului, limitările de abordare a problemei resurselor de carne în spațiul est-carpatic și noile direcții de cercetare arheozoologică tratate în ultimele două decenii.

Людмила Бакуменко-Пырнэу, Луминица Беженару

Продовольственные ресурсы животного происхождения в средневековой Молдове. Хроника археозоологических исследований в послевоенный период

В этой статье мы предлагаем хронику археозоологических исследований послевоенного периода, прежде всего, 50–90-х годов прошлого века, акцентируя внимание на результатах, полученных в результате изучения пищевых ресурсов животного происхождения в средневековой Молдове. Предлагается обзор научного вклада таких исследователей, как В.И. Цалкин, А. Давид, С. Хаймович и др., а также их методы исследования фаунистического материала из археологических памятников, расположенных по обе стороны Прута. Отмечены ограничивающие методологические трудности в исследовании вопросов мясных ресурсов в средневековой Молдове, а также новые направления в археологических исследованиях последних двух десятилетий.

* Lucrarea de față reprezintă o variantă completată a textului comunicării cu titlul *Estimarea resurselor alimentare de origine animală utilizate în Moldova medievală. O cronică a cercetărilor arheozoologice în perioada postbelică*, pregătită pentru Workshop-ul „Interdisciplinaritate în arheologie: metode de cercetare, impact științific și cultural”, desfășurat la Crihana Veche (Cahul) la 28-30 iulie 2017.

INTRODUCERE

Reconstituirea vieții cotidiene a comunităților medievale din Moldova și, în special, a surselor de aprovizionare cu alimente de origine animală (șeptel, vânătoare, pescuit), identificarea speciilor de animale consumate în funcție de factorii geografici, etnici/religioși, de mediul urban sau rural, a disponibilității resurselor de carne în anumite intervale cronologi-

ce, a strategiilor de exploatare, reprezintă o temă de studiu importantă în contextul actual al cercetărilor complexe referitoare la societatea medievală din arealul de la est de Carpați, a cărei deslușire este posibilă mai ales prin valorificarea polivalentă a resturilor faunistice recuperate în urma săpăturilor arheologice.

În lucrarea de față ne propunem prezentarea unei cronici a cercetărilor arheozoologice din peri-

oada postbelică, în special din anii 50-90 ai secolului trecut, axându-ne pe rezultatele obținute de către cercetătorii V.I. Tsalkin, A. David, S. Haimovici ș.a. privind estimarea resurselor alimentare de origine animală utilizate în Moldova medievală. Totodată, vor fi scoase în evidență metodele de cercetare utilizate în studierea materialelor faunistice de pe ambele maluri ale Prutului, limitările de abordare a problemei resurselor de carne în spațiul est-carpatic și noile direcții de cercetare arheozoologică tratate în ultimele două decenii.

Pe parcursul celor cinci decenii, au fost investigate arheologic un număr considerabil de situri medievale pe teritoriul Moldovei istorice de pe ambele maluri ale Prutului. Cu regret, doar o parte (circa 25 de eșantioane) dintre așezările descoperite beneficiază de analize arheozoologice (fig. 1).

Înainte de a prezenta contribuțiile postbelice la studierea problemei estimării resurselor alimentare de origine animală din Moldova în perioada evului mediu, se cuvine să schițăm situația din mediul academic sovietic din anii 50 și discuțiile iscate în jurul problemei relației dintre cercetarea arheologică și biologie, în special despre gradul de abordare a istoriei creșterii animalelor și a rolului vânătoriei în completarea resurselor de carne în comunitățile umane, a morfologiei și ecologiei animalelor domestice din vechime, întrucât cunoscutul zoolog V.I. Tsalkin, căruia îi aparțin primele contribuții postbelice în studierea resurselor alimentare de origine animală din Moldova medievală, a fost reprezentantul științei sovietice. V.I. Tsalkin s-a format ca specialist în domeniul biologiei în perioada interbelică alături de V.N. Sukachev, împreună luptând până la sfârșitul vieții sale pentru perpetuarea tradițiilor școlii ruse de biologie [Nasimovich, Mongait 1970]. Totuși, Tsalkin atrăgea atenția asupra pierderii irecuperabile a informațiilor care s-ar fi putut obține din analiza resturilor faunistice descoperite în săpăturile arheologice efectuate de către A.S. Uvarov, A.A. Bobrinskii, N.I. Veselovskii în a doua jumătate a secolului al XIX-lea și începutul secolului al XX-lea, materialul osteologic găsit fiind considerat balast și aruncat fără a fi studiat [Tsalkin 1956, 7].

Problema studierii originii și evoluției speciilor de animale domestice, importante pentru regimul alimentar al comunităților medievale, a fost abordată în știința sovietică de către K.F. Ruľe, D.N. Anuchin, E.A. Bogdanov, iar în anii 30 ai secolu-

lui trecut iese în evidență S.N. Bogoliubskii prin studiile sale despre speciile de animale domestice [Bogoliubskii 1940]. Atunci a fost enunțată necesitatea cercetărilor comune de către arheologi și biologi asupra aspectelor legate de dezvoltarea societăților vechi și în același timp a evoluției animalelor domestice folosite în dieta umană. De asemenea, Bogoliubskii argumenta actualitatea creării unui domeniu nou de cercetare – paleozoologie, disciplină consacrată studierii legităților evoluției creșterii animalelor în perioadele istorice dintr-o perspectivă dublă - socială și biologică. Se atrăgea atenția asupra faptului că studierea resturilor osteologice are o însemnătate deosebită, întrucât rezultatele obținute sunt în măsură să contureze imagini obiective, spre deosebire de informațiile interpretabile furnizate de sursele documentare. Mai târziu, în anii 50 ai aceluiași secol, V.I. Tsalkin constata ca insuficientă colaborarea între exponenții celor două domenii, arheologie și biologie, rezultatele cercetărilor având mai mult caracter declarativ. Totuși, el își exprima opinia că activitățile științifice comune desfășurate de către istoricii preocupați de istoria culturii materiale, zoologi și zootehnicieni, vor da roade considerabile și vor clarifica nenumărate aspecte în ceea ce privește cultura materială, dieta umană, viața economică, originea și evoluția mamiferelor ș.a. În acest sens, este semnificativă dezvoltarea unui cabinet de paleozoologie în anii 40 ai secolului trecut în cadrul Institutului de Istorie a Culturii Materiale din cadrul Academiei de Științe a URSS, întrucât conducătorii acestei instituții înțelegeau importanța identificării și analizei materialului faunistic, care permite clarificarea unor aspecte importante ale activităților gospodărești din cele mai vechi timpuri, facilitând reconstituirea vieții social-economice a comunităților umane până în prag de modernitate.

Pledoarii pentru necesitatea studierii resturilor faunistice din siturile arheologice vin și din mediul arheologilor. Spre exemplu, A.L. Mongait, arheolog cu prestanță științifică deosebită, în prefața unei cărți semnate de V.I. Tsalkin în anul 1956, face o pledoarie pentru necesitatea studierii resturilor faunistice atât pentru istorici și arheologi, precum și pentru zoologi și zootehnicieni, întrucât, în opinia sa, cercetarea acestora furnizează date valoroase pentru reconstituirea istoriei creșterii animalelor și vânătoriei, proveniența și evoluția animalelor domestice [Tsalkin 1956]. El

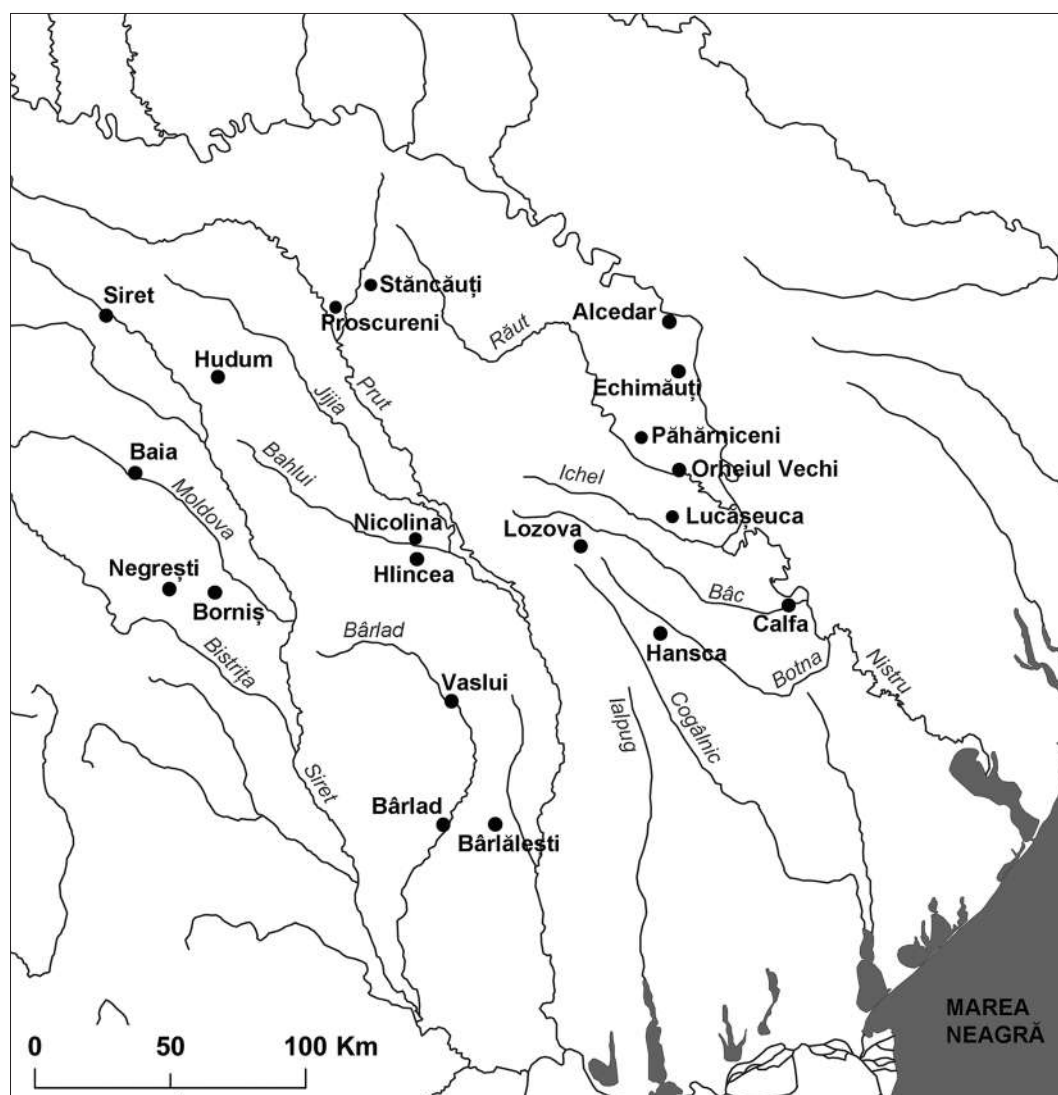

Fig. 1. Distribuția geografică a siturilor medievale studiate din punct de vedere arheozoologic în perioada postbelică.

Fig. 1. Geographical distribution of the medieval sites archaeozoologically analysed in the post-war period.

saluta colaborarea dintre arheologi și biologi, considerând-o drept un factor al progresului științific. Totuși, sunt identificate pentru acea perioadă mai multe neajunsuri, cum ar fi numărul mic al cercetătorilor implicați în studierea materialului faunistic, determinarea osteologică efectuată separat pe situri, ignorarea frecventă a contextului istoric, lipsa lucrărilor de sinteză, situație care împiedică contextualizarea imaginii privind evoluția creșterii animalelor și vânătorii de-a lungul unor epoci istorice și pentru regiuni geografice mari. De asemenea, Mongait credea că este necesară înaintea de toate constituirea unei metodologii adecvate studierii materialului osteologic din săpăturile arheologice și, îndeosebi, a metodei „statisticii

osteologice”, astfel, încât arheologii să nu utilizeze pentru concluziile istorice date care nu reflectă realitatea istorică sau, chiar mai mult, informații care denaturează contextele istorice. El aduce drept exemplu corelația dintre resturile scheletice de animale domestice și cu cele provenite de la animalele sălbatice și pe baza căreia se stabilește însemnătatea vânatului în regimul alimentar al comunităților umane. O asemenea interpretare poate fi inexactă, întrucât numărul de oase recuperat nu corespunde întrutotul cu numărul de animale sacrificate și consumate, de unde și provin o serie de ipoteze greșit formulate ca urmare a cunoașterii insuficiente a materialului. De aceea, sunt foarte importante lucrările autorilor zoologi

în care sunt sistematizate și analizate eșantioanele de resturi faunistice acumulate din numeroasele săpături arheologice.

În ceea ce privește relația dintre arheologie și biologie în mediul academic din dreapta Prutului în perioada studiată, colaborarea era cantonată la nivelul legăturilor personale între cercetători, situație care se regăsește și la momentul actual [Bălășescu et al. 2003]. Cercetarea resturilor faunistice din perspectiva reconstituirii aspectelor disponibilității resurselor alimentare de origine animală din Moldova medievală era legată de activitatea sistematică a unor cunoscuți arheologi medievști în așezările urbane și rurale, precum Vasile Neamțu (Baia), Victor Spinei (Hudum, Siret), Alexandru Artimon (Tg. Trotuș), Rodica Popovici (Borniș-Mălești, Obârșia, Negoiești, Hlincea) ș.a., care au colaborat cu arheozoologul Sergiu Haimovici și, ulterior, cu Luminița Bejenaru, reprezentanți ai școlii ieșene, formată încă din perioada postbelică sub îndrumarea profesoarei academician Olga Necrasov [Bejenaru 2006, 9].

CONTRIBUȚIA LUI V.I. TSALKIN

Primele contribuții postbelice în studierea resurselor alimentare de origine animală din Moldova, începând cu anii 50, aparțin lui Veniamin Iosifovich Tsalkin (1903-1970), reputat cercetător din domeniul biologiei, care și-a consacrat zeci de ani reconstituirii morfologiei și ecologiei mamiferelor din vechime [Nasimovich 1972, 5-7].

La momentul când a fost implicat în studiul eșantioanelor de resturi faunistice descoperite în așezările medievale din Moldova de la est de Prut, V.I. Tsalkin era un specialist la deplină maturitate profesională. El își începe activitatea științifică în anul 1927, preocupându-se de mamiferele marine, apoi se specializează pe studiul mamiferelor copitate. În 1946, ocupă postul de cercetător în cadrul Institutului de Arheologie al URSS din Moscova, unde organizează laboratorul de paleozoologie și adună o impunătoare colecție de resturi osteologice, descoperite în situri arheologice. Principalele lucrări elaborate de V.I. Tsalkin (circa 100 de publicații, dintre care șapte monografii) au fost consacrate studiului animalelor domestice și doar un număr mic se referă la evoluția animalelor sălbatice. În anul 1956, V.I. Tsalkin publică o monografie care cuprinde întregul material osteologic acumulat până la acel moment din săpăturile ar-

heologice efectuate în șase orașe importante din perioada Rusiei kievene, și anume, Novgorod (săpături A.V. Artsikhovskii), Staraia Ladoga (săpături V.I. Ravdonikas și G.P. Grozdilov), Pskov (săpături S.A. Tarakanova), Moscova (săpături M.G. Rabinovici și A.F. Dubynin), Staraia Riazan' (săpături A.L. Mongait) și Grodno (săpături N.N. Voronin), la care s-au adăugat eșantioanele osteologice din alte 38 de situri studiate de cunoscuți arheologi sovietici în zona de pădure din partea europeană a ex-URSS [Tsalkin 1956, 10-11]. Analiza unitară a materialului arheozoologic a contribuit la constituirea unei baze de date în măsură să clarifice diferite aspecte ale istoriei comunităților din Rusia secolelor X-XV, îndeosebi evoluția structurii șeptelului, animalele folosite în alimentație, rolul vânătorii în completarea resurselor de carne a populațiilor ș.a.

Cercetările lui Tsalkin se remarcă prin analiza atentă a materialului din perspectiva zoologului, care oferă posibilitatea arheologilor și istoricilor de a face concluziile proprii pe baza rezultatelor obținute, dar, totodată, vine cu corecțiile necesare în cazul unor reconstituiri istorice neadecvate perioadei studiate, privind rolul creșterii animalelor în gospodăriile din zona de pădure. Datele arheozoologice reflectau faptul că animalele domestice din această perioadă nu aveau talia foarte diferită de exemplarele din neolitic, întrucât oamenii nu le puteau asigura rezervele de hrană necesare pe parcursul iernii. Cunoscutul biolog contribuie la stabilirea metodologiei de studiere a resturilor osteologice din săpături arheologice, luând ca bază numărul minim de indivizi pentru analiza statistică a vestigiilor faunistice. Tsalkin considera drept necesară analiza resturilor osteologice în contexte geografice și istorice concrete, ilustrate de vestigiile culturii materiale ale anumitor comunități umane studiate. În ceea ce privește resursele de carne provenite de la animalele domestice, se opera cu deduceri fără a se face diferența între cantitatea de carne furnizată de o specie sau alta, nu era calculată greutatea vie și cea obținută după sacrificare atât a animalelor domestice, cât și sălbatice. Referindu-se la însemnătatea contribuției științifice a lui V.I. Tsalkin, reputatul arheolog rus A.L. Mongait aprecia vastitatea cunoștințelor sale în domeniul zoologiei, dar și profunzimea abordărilor privind evoluția lumii faunistice și interconexiunile polivalente dintre comunitățile umane și animalele domestice de-a lungul epocilor, perseverența sa-

vantului în perfecționarea metodologiei de cercetare în acest domeniu [Mongait 1956, 5-6].

Lui V.I. Tsalkin i se datorează valorificarea resturilor faunistice descoperite în siturile medievale, studiate în anii 1951-1958 de „expediția moldovenească” a Institutului de Istorie a Culturii Materiale (ulterior, Institutul de Arheologie) al Academiei de Științe a URSS sub coordonarea arheologului G.V. Fedorov. Având la îndemână datele privind structura șeptelului și corelația dintre ponderea animalelor domestice și cele sălbatice folosite de comunitățile rușilor vechi în secolele X-XV în zona orașelor Novgorod, Pskov, Staraia Ladoga, Moscova ș.a., Tsalkin prospectează acest material pentru a găsi analogii în cazul vestigiilor osteologice recuperate din 15 situri de pe teritoriul Moldovei, tratate ca „monumente slave”: Lopatna (a II-a jumătate a secolului I), Trebujeni-Scoc (secolele VIII-X), Lucașeuca (secolele IX-X), Lucașeuca-Cetățuie (secolele IX-X) din raionul Orhei; Echimăuți (secolele IX-XI), Alcedar (secolele X-XII) din raionul Rezina. În continuare, vom reda în tabelul de mai jos structura pe specii a resturilor scheletice determinate pentru așezările date în secolele XIV-XVII [după Tsalkin 1972, 38-39] (Tabelul 1).

Din eșantioanele de oase analizate rezultă preponderența resturilor aparținând vitelor mari,

te pe cursul de mijloc al Volgăi, Tsalkin constată mari asemănări în ceea ce privește talia animalelor, care, spre deosebire de exemplarele sacrificate în așezările din Rusia, erau mai mari. Astfel, înălțimea taliei la greabăn a animalelor sacrificate varia între 100 și 120 cm [Tsalkin 1972, 40].

O alta serie de date furnizate de V.I. Tsalkin au rezultat din studierea eșantioanelor osteologice descoperite în săpăturile efectuate până în anul 1969 de către P.P. Bîrnea în zone geografice cu relief de podiș [Byrnia 1969, 133] (Tabelul 2).

De asemenea, V.I. Tsalkin constată completarea resurselor de carne cu vânat de către locuitorii atât a așezărilor urbane, cât și rurale, întrucât a identificat resturi de cerb nobil în eșantionul osteologic provenit din săpăturile de la Orheiul Vechi, Ruseni, Poiana; căprior la Orheiul Vechi, Stîncăuți, Mălăeștii Vechi. Oase aparținând mistrețului au fost găsite în așezarea de la Poiana, iar resturi de iepure la Mălăeștii Vechi. Totuși, dintre animalele sălbatice cele mai des vânată erau cerbul și căpriorul [Byrnia 1969: 177].

În aceeași perioadă, I.I. Sokolov studiază resturile faunistice descoperite în umplutura unui cuptor de olărie din situl arheologic de la Lozova-Oanța (Lozova I) datat în prima jumătate a secolului al XIV-lea. În eșantionul de oase adunate din acest complex au fost identificate părți ale scheletului unui

Situl arheologic	Perioada	Nr. resturi determinate	Nr. de indivizi după specii
Costești, oraș (r-nul Ialoveni)	secolele XIV-XV	114	9 vite mari, 7 ovicaprine, 4 cabaline
Lăpușna, oraș (r-nul Hîncești)	secolele XV-XVII	8	1 vită mare, 1 ovicaprină, 1 porcină
Orheiul Vechi (r-nul Orhei)	secolele XIV-XVI	615	16 vite mari, 12 ovicaprine, 11 porcine, 3 cai, 3 cerbi nobili, 2 căpriori
Poiana (r-nul Rezina)	secolul XVII	260	9 vite mari, 5 ovicaprine, 5 porcine, 3 cabaline, 3 cerbi nobili, 2 căpriori, 1 mistreț
Bălțata (r-nul Criuleni)	secolele XV-XVI	87	4 vite mari, 4 ovicaprine, 1 porcine, 1 cabaline
„Curte boierească” (r-nul Orhei)	secolele XIV-XV	26	3 vite mari, 2 ovicaprine, 2 cabaline

Tabelul 1.

urmate de porcine și ovicaprine, dar și câteva de cabaline [Tsalkin 1972, 40]. Cu regret, pentru eșantionul provenit de la Orheiul Vechi nu avem date despre contextul arheologic și cronologia complexelor din care provin oasele recoltate, în-deosebi cele de porcine. Analizând resturile faunistice din siturile din Moldova și cele amplasa-

bour/zimbru, mărturie a utilizării acestei specii în alimentația comunităților de la Lozova. Rezultatele obținute au fost publicate împreună cu arheologul I.A. Rafalovich în revista Societății Naturaliștilor din Moscova [Sokolov, Rafalovich 1961].

Lui M.Z. Vladimirov, cercetător științific în cadrul Institutului de Zoologie al Academiei de Științe a Moldovei, i se datorează identificarea resturilor de pești, descoperite în locuința unui pescar din

Situl arheologic	Numărul de indivizi	Vite mari	Porcine	Cabaline	Ovicaprine
Mălăeștii Vechi	13	6 (46%)	5 (38%)	1 (8%)	1 (8%)
Stîncăuți	9	6 (65%)	4 (12%)	-	2 (23%)
Bălțața	16	6 (37%)	3 (19%)	1 (7%)	6 (37%)
Gura Bicului	12	6 (50%)	3 (25%)	1 (8%)	2 (17%)
Poiana	22	9 (41%)	5 (22%)	3 (13%)	5 (22%)
Ruseni	11	5 (46%)	1 (9%)	1 (9%)	4 (36%)
Orheiul Vechi	12	5 (42%)	5 (42%)	1 (8%)	1 (8%)

Tabelul 2.

ășezarea medievală de la Gura Bicului. Materiale analizate au completat în mod valoros datele privind consumul de pește în această zonă. Este vorba despre descoperirea solzilor de pește din familia bibanilor, șalău/sudac sau biban, întrucât a fost identificat un os opercular cu spini, de asemenea, au fost găsiți solzi de crap și plătică [Byrnia 1969: 174].

CONTRIBUȚIA LUI A.I. DAVID

Începând cu anii 60 ai secolului XX, analiza arheozoologică a resturilor scheletice de animale descoperite în siturile arheologice medievale din Moldova din stânga Prutului este efectuată de către Anatolie I. David, chiar dacă domeniul său principal de studiu era paleontologia. În anii 80 ai secolului trecut, A.I. David constata anumite limitări în cercetările anterioare puse pe seama specificității și dificultății metodei paleozoologice, bazate pe studierea resturilor fosile și subfosile, adică pe baza datelor transformărilor fenotipice ale caracteristicilor osteologice la anumite specii de animale. El remarca cu regret că specialistul paleontolog are la îndemână doar anumite părți ale scheletului sau selecții de oase, fapt care face dificilă o cercetare completă [David 1982, 114-115].

Pe parcursul activității sale științifice în cadrul Institutului de Zoologie din cadrul Academiei de Științe a Moldovei, A.I. David a colaborat cu mai mulți reprezentanți ai comunității arheologilor, inclusiv cu specialiștii axați pe studierea așezărilor medievale. Astfel, lui i se datorează valorificarea eșantioanelor arheozoologice pentru numeroase așezări rurale și urbane, date prezentate într-o monografie de sinteză [David 1982], care reunește toate informațiile referitoare la problema resurselor de carne din Moldova medievală pentru partea situată la est de Prut.

În așezarea de la Lucașeuca (secolele XII-XV), studiată arheologic de I. Hîncu, au fost iden-

tificate în eșantionul din 1961 de către A.I. David următoarele specii de animale: mistreț (2 ex.), căprior (1 ex.), cerb nobil (1 ex.), bour (1 ex.), zimbru (1 ex.), vite mari cornute (7 ex.), ovicaprine (5 ex.), porcine (6 ex.), cabaline (3 ex.) ș.a.

La Pohorniceni-Petruha (secolele VIII-XIV), așezare cercetată de I. Hîncu, au fost identificate în eșantioanele din 1961-1963 resturi scheletice de iepure (1 ex.), mistreț (1 ex.), căprior (2 ex.), cerb nobil (3 ex.), bour (1 ex.), vite mari cornute (26 ex.), ovicaprine (9 ex.), porcine (14 ex.), cabaline (8 ex.) ș.a.

La Gura Bicului, așezare din secolele XV-XVI (eșantioane din 1962, 1964), au fost găsite resturi scheletice de cerb nobil (3 ex.) și de mistreț (2 ex.) ș.a.

În așezarea de la Stîncăuți (secolele XV-XVI-II), studiată arheologic de P.P. Bîrnea în anii 1962-1963) au fost identificate următoarele specii de animale: iepure (1 ex.), mistreț (1 ex.), căprior (1 ex.), cerb nobil (1 ex.), vite mari cornute (2 ex.), ovicaprine (1 ex.), porcine (2 ex.) ș.a.

La Mălăieștii Vechi (secolele XIV-XVII), în săpăturile arheologice efectuate de P.P. Bîrnea în anii 1960-1961, au fost găsite resturi scheletice de cerb nobil (2 ex.), căprior (1 ex.) și de mistreț (1 ex.).

La Ruseni, în așezarea din secolele XV-XVI, studiată de P.P. Bîrnea, în anul 1957 au fost găsite resturi scheletice de cerb nobil, iepure, căprior ș.a.

În situl medieval de la Orheiul Vechi (săpături P.P. Bîrnea), au fost identificate de către A.I. David următoarele specii de animale: iepure (2 ex.), mistreț (2 ex.), căprior (4 ex.), cerb nobil (7 ex.), zimbru sau bour (3 ex.), vite mari cornute (98 ex.), ovicaprine (131 ex.), porcine (34 ex.), cabaline (16 ex.) ș.a.

Din cele prezentate mai sus, reiese vasta contribuție a cercetătorului A.I. David la estimarea resurselor alimentare de origine animală, în anumite

situații materialul arheozoologic fiind analizat pe durate lungi, cum este cazul așezării de la Pohorniceni-Petruha. Pentru cuantificarea vestigiilor osteologice descoperite au fost utilizate metoda comparativă și statistică, luându-se în considerare atât numărul de resturi, cât și numărul minim de indivizi.

CONTRIBUȚIA LUI S. HAIMOVICI

Pentru Moldova medievală de la vest de Prut, studierea resurselor alimentare de origine animală se leagă de cercetările efectuate de către S. Haimovici și colaboratorii săi, care aparțin școlii ieșene, formată sub îndrumarea profesoarei academiciene Olga Necrasov.

Sergiu Haimovici și-a susținut teza de doctorat în 1964, sub conducerea Olgăi Necrasov, cu o temă de arheozoologie, prima din România în acest domeniu de cercetare. A publicat peste 200 de lucrări de arheozoologie, prin care a contribuit la cunoașterea diferitelor tipuri de relații care au existat între om și animal din mezolitic până în evul mediu, la cunoașterea morfologiei scheletelor animale, a răspândirii unor specii sălbatice pe teritoriul României în trecut. Sergiu Haimovici a dezvoltat cercetarea arheozoologică românească în Universitatea „Alexandru Ioan Cuza” din Iași și a inițiat învățământul universitar arheozoologic în cadrul cercurilor științifice studențești și prin lucrările de licență coordonate. Multe din aceste lucrări au fost publicate de către profesor împreună cu unii studenți. Calitățile sale de foarte bun morfolog, format în spiritul școlii ieșene de Morfologie animală, se regăsesc în multe din publicațiile de arheozoologie, iar strânsa colaborare pe care o avea cu arheologii a făcut ca numeroase din rezultatele cercetării arheozoologice să fie incluse în monografii arheologice și istorice.

În anii 80 apar lucrări publicate pentru materiale faunistice descoperite în așezările de la Baia [Haimovici 1980a], Bârlad [Haimovici 1980b], Bârlălești [Haimovici 1984], Hlincea, Borniș-Neamț, Negrești-Neamț [Haimovici, Cojocaru 1987]. Datele obținute erau analizate din perspectiva evoluției economice a comunităților umane, fiind raportate la una dintre ocupațiile de bază a locuitorilor, și anume creșterea animalelor.

S. Haimovici studiază o parte din bogatul material faunistic (1484 resturi determinate, rămase de la minim 224 indivizi) provenit din orașul medieval Baia (secolele XIV-XVII), recuperat drept urmare a săpăturilor arheologice din anii 1967-1976.

După anii 90, cercetările resturilor faunistice recuperate din acest important centru medieval au fost continuate de L. Bejenaru și colaboratorii săi [Bejenaru 2006; Maftai, Bejenaru 2008]. Eșantioanele arheozoologice provenite din siturile de la Bârlad și Bârlălești (date pentru secolele XII-XIV, respectiv X-XI) au beneficiat, de asemenea, de expertiza profesorului S. Haimovici la începutul anilor 80. În 1987, Haimovici și Cojocaru publică analiza arheozoologică realizată pentru o serie de situri rurale din zona pericarpată a Moldovei (Negrești, Borniș).

Constatăm cu regret lipsa unor studii arheozoologice complexe, incluzând date biometrice, despre tehnica de tranșare, pentru importante centre medievale precum Iași și Suceava, explorate arheologic în anii 80 ai secolului trecut.

Cercetările arheozoologice realizate în anii 80 pentru Moldova medievală de la vest de Prut s-au bazat pe o identificare anatomică și taxonomică riguroasă, conform caracteristicilor morfologice oferite de o colecție de referință vastă, organizată în cadrul Laboratorului de Morfologie animală al Universității „Alexandru Ioan Cuza” din Iași. Pentru separarea speciilor domestice de strămoșii lor sălbatici (*Bos taurus/Bos primigenius*, *Sus domesticus/Sus scrofa*) s-au folosit criterii morfometrice, stabilindu-se limite locale de variabilitate intrapopulaționale [Haimovici 1964; Haimovici inedit]. Separarea oii de capră (*Ovis aries/Capra hircus*) s-a realizat utilizând criteriile de identificare specifică [Boessneck et al. 1964]. Dimensionarea elementelor scheletice, pentru studiul variabilității morfometrice a unor specii de animale, s-a efectuat utilizând măsurătorile standardizate la nivel internațional prin ghidul osteometric [van den Driesch 1976]. Pentru unele specii a fost estimată talia la greabăn, aplicându-se coeficienți propuși de diferiți autori străni (de exemplu, pentru bovine și oaie, coeficienții lui Tsalkin [Tsalkin 1960a]; pentru capră, coeficienții lui Schramm; pentru cal, coeficienții lui Keisewalter). În cadrul studiilor arheozoologice, prin estimarea vârstei și sexului animalelor, s-au conturat și idei privind gestiunea/controlul populațiilor de animale exploatate ca resurse de hrană. În acest scop au fost luate în considerare datele privind vârsta dentară la diferite specii [Schimid 1972; Haimovici 1979; Catrane, Curtov 1958], vârsta scheletică [Barone 1976], precum și sexul [Tsalkin 1960b, 1961]. Pentru cuantificarea resturilor au fost utilizate, de regulă, două metode: numărul de resturi și numărul minim de indivizi.

CONSIDERAȚII FINALE

După 1990, în domeniul cercetărilor arheozoologice au intervenit o serie de schimbări: au apărut mai multe nucleie de cercetare interdisciplinară în marile centre universitare din România, a crescut numărul cercetătorilor arheozoologi implicați în diferite proiecte de colaborare cu colegii din afara granițelor și antrenați tot mai mult în studiile metodologice. Totodată, se tinde spre valorizarea rezultatelor obținute de către arheozoologi și elaborarea unor lucrări mult mai atractive, care să pună mai multe întrebări arheologilor și istoricilor ca, în consecință, să crească exigențele lor pentru analizele osteologice, întrucât oasele de animale consumate sau „venerate”, pe care comunitățile umane le-au lăsat în urma lor, reprezintă veritabile „arhive” în pământ [Bălășescu et al. 2003].

În ultimele două decenii, cercetările arheozoologice efectuate pentru diferite așezări medievale ale Moldovei au fost axate mai ales pe evaluarea resurselor animale și identificarea diversității consumatorilor în funcție de factorii geografici, etnici/religioși, de mediul urban sau rural. Un exemplu de influență a factorului etnic sau religios asupra structurii dietei se regăsește în cadrul eșantionului arheozoologic de la Orheiul Vechi de proveniență mongolă, din perioada dominației Hoardei de Aur, care nu conține aproape deloc resturi de porc [Bejenaru, Bacumenco, Stanc 2003; 2014]. Siturile studiate din punct de vedere arheozoologic au fost grupate pe zone, ținându-se cont, în primul rând, de împărțirea teritoriului în unități fizico-geografice pentru evaluarea potențialului său natural și cunoașterea condițiilor care au favorizat populațiile umane vechi din spațiile respective [Velcea et al. 1983]. Astfel, așezările studiate pentru Moldova

medievală aparțin mai multor subunități, individualizate prin relief, climă și vegetație, precum Podișul Sucevei, Câmpia Moldovei, Podișul Bârladului, Zona pericarpatică a Moldovei, Platoul Moldovei Centrale și de Nord, Podișul Nistrului [Bejenaru 2006, 17, tab. 1.1]. Important este faptul că au fost luate în considerare, de asemenea, condițiile istorice specifice și concentrarea siturilor medievale în anumite spații.

Totuși, se constată anumite elemente de dificultate și limitări ale abordărilor curente determinate și de faptul că, începând cu perioada post-belică, istoria Moldovei medievale n-a mai fost cercetată ca un întreg, iar valorificarea unitară a datelor oferite de vestigiile arheologice și arheozoologice a fost prejudiciată de rațiuni politice, metodologii de cercetare și terminologii diferite, una în România, alta în fosta Uniune Sovietică [Bacumenco-Pîrnău, Bejenaru 2015, 299], fapt care, inclusiv în momentul actual, face deficitară reconstituirea aspectelor referitoare la sursele de aprovizionare și disponibilitatea resurselor de carne în anumite intervale cronologice, a strategiilor de exploatare ș.a. Tabloul disponibilității resurselor de hrană de origine animală conturat de datele arheozoologice este completat de informațiile furnizate de diferite categorii de surse documentare: acte de cancelarie, condici, relatări ale călătorilor străini și alte izvoare narative.

MULȚUMIRI

Studiul a fost realizat în cadrul grantului CNCS-UEFISCDI PN-III-P4-ID-PCE-2016-0852 (Luminița Bejenaru).

Bibliografie

- Bacumenco-Pîrnău, Bejenaru 2015:** L. Bacumenco-Pîrnău, L. Bejenaru, Alimentația din Moldova în secolele XIV-XVIII: considerații bio-arheologice. RA XI, nr. 1-2, 2015, 293-301.
- Barone 1976:** R. Barone, Anatomie comparée des mammifères domestiques, T1. Editura Vigot Freves (Paris 1976).
- Bălășescu et al. 2003:** A. Bălășescu, M. Udrescu, V. Radu, D. Popovici, Archéozoologie en Roumanie. Corpus de données. Editura Cetatea de Scaun (Târgoviște 2003).
- Bejenaru 2006:** L. Bejenaru, Arheozoologia Moldovei medievale (Iași 2006).
- Bejenaru, Bacumenco, Stanc 2003:** L. Bejenaru, L. Bacumenco, S. Stanc, Date arheozoologice privind complexul Orheiul Vechi. Tyragetia XII, 2003, 85-91.

- Bejenaru, Bacumenco-Pîrnău, Stanc 2014:** L. Bejenaru, L. Bacumenco-Pîrnău, S. Stanc, Câteva considerații privind importanța porcului domestic (*Sus domesticus*) în economia alimentară a Moldovei medievale. RA X, 1-2, 2014, 271-289.
- Boessneck et al. 1964:** J. Boessneck, H. Müller, M. Teichert, Osteologische Unterscheidungsmerkmale zwischen Schaf (*Ovis aries*) und Ziege (*Capra hircus*). Kühn Archiv, 78, 1964, 1-129.
- Bogoliubskii 1940:** S.N. Bogoliubskii, O puteakh k ovladeniiu evoliutsiei domashnikh zhivotnykh. Problemy proiskhozhdeniia, evoliutsii i porodoobrazovania domashnikh zhivotnykh, tom 1 (Moskva-Leningrad 1940) // С.Н. Боголюбский, О путях к овладению эволюцией домашних животных. Проблемы происхождения, эволюции и пороодообразования домашних животных, том 1 (Москва-Ленинград 1940).
- Byrnia 1969:** P.P. Byrnia, Sel'skie poseleniia Moldavii XV-XVII vv. (Kishinev 1969) // П.П. Бырня, Сельские поселения Молдавии XV-XVII вв. (Кишинев 1969).
- Catrane, Curtov 1958:** Gh. Catrane, I. Curtov, Determinarea vârstei la animale. Editura Agro-silvică de stat (București 1958).
- David 1982:** A.I. David, Formirovanie teriofauny Moldavii v antropogene (Kishinev 1969) // А.И. Давид, Формирование териофауны Молдавии в антропогене (Кишинев 1969).
- Haimovici 1964:** S. Haimovici, Observațiuni asupra metapodalelor de *Bos taurus* descoperite în așezările din epoca bronzului. Analele Științifice ale Universității „Al. I. Cuza” Iași, s. II, a. Biologie, X, 1964, 183-192.
- Haimovici 1979:** S. Haimovici, Fauna din așezările feudale timpurii (secolele VIII-X) de la Bucov-Ploiești. SCIVA, 30/2, 163-213.
- Haimovici 1980a:** S. Haimovici, Studiul materialului faunistic din așezarea orășenească de la Baia. In: E. Neamțu, V. Neamțu, S. Cheptea, Orașul medieval Baia în secolele XIV-XVII (Iași 1980), 270-273.
- Haimovici 1980b:** S. Haimovici, Resturile faunistice din așezarea de la Bârlad din secolele XIII-XIV. AM IX, 1980, 85-91.
- Haimovici 1984:** S. Haimovici, Studiul materialului paleofaunistic din așezarea datând din secolele X-XI e.n., de la Bârlălești (județul Vaslui). AMM V-VI, 1984, 205-212.
- Haimovici, Cojocar 1987:** S. Haimovici, I. Cojocar, Studiul materialului paleofaunistic din unele așezări feudale rurale din Moldova. AM XI, 1987, 259-266.
- Maftei, Bejenaru 2008:** R. Maftei, L. Bejenaru, L. Archaeozoological View on the Medieval Economy in the Settlement of Baia (Suceava County). Analele Științifice ale Universității „Al. I. Cuza” Iași, s. Biologie Animală, LIV, 307-315.
- Nasimovich 1972:** A.A. Nasimovich, V.I. Tsalkin (1903-1970 gg.). Osnovnye problemy teriologii. Evoliutsiia, zoogeografia, ekologiia i morfologiia mlekopitaiushikh i proiskhozhdenie domashnikh zhivotnykh. Trudy Moskovskogo obshchestva ispytatelei prirody, XLVIII, 1972, 5-7 // А.А. Насимович, В.И. Цалкин (1903-1970 гг.). Основные проблемы териологии. Эволюция, зоогеография, экология и морфология млекопитающих и происхождение домашних животных. Труды Московского общества испытателей природы, XLVIII, 1972, 5-7.
- Nasimovich, Mongait 1970:** A.A. Nasimovich, A.L. Mongait, V.I. Tsalkin. Sovetskaia arkheologia, 4, 1970, 324-325 // А.А.Насимович, А.Л. Монгайт. В.И. Цалкин. СА 4, 1970, 324-325.
- Schmid 1972:** E. Schmid, Atlas of animal bones. For Prehistorians, Archaeologists and Quaternary Geologists. Elsevier Publishing Company (Amsterdam 1972).
- Sokolov, Rafalovich 1961:** I.I. Sokolov, I.A. Rafalovich, O zubre v Moldavii. Biulleteni Moskovskogo obshchestva ispytatelei prirody, XVI (3), 1961, 144-146 // И.И. Соколов, И.А. Рафалович, О зубре в Молдавии. Бюллетень Московского общества испытателей природы, XVI (3), 1961, 144-146.
- Tsalkin 1956:** V.I. Tsalkin, Materialy dlia istorii skotovodstva i okhoty v Drevnei Rusi (po dannym izucheniia kostnykh ostatkov iz raskopok arkheologicheskikh pamiatnikov lesnoi evropeiskoi chasti SSSR). MIA 51 (Moskva 1956) // В.И. Цалкин, Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси (по данным изучения костных остатков из раскопок археологических памятников лесной полосы европейской части СССР). МИА 51 (Москва 1956).
- Tsalkin 1960a:** V.I. Tsalkin, Izmenchivost, metapodii i ee znachenie dlia izucheniia krupnogo rogatovo skota v drevnosti. Biulleteni Moskovskogo obshchestva ispytatelei prirody, 66, 1 // В.И. Цалкин, Изменчивость метаподий и её значение для изучения крупного рогатого скота древности. Бюллетень Московского общества испытателей природы, 65, 1960, 1.
- Tsalkin 1960b:** V.I. Tsalkin, Izmenchivost, metapodii u ovets. Biulleten' Moskovskogo obshchestva ispytatelei prirody, 66, 5 // В. И. Цалкин, Изменчивость метаподий у овец. Бюллетень Московского общества испытателей природы, 66, 1960, 5.

Tsalkin 1972: V.I. Tsalkin, Fauna iz raskopok slavianskikh pamiatnikov Moldavii. Osnovnye problemy teriologii. Evoliutsiia, zoogeografia, ekologiia i morfologiia mlekopitaiushchikh i proiskhozhdenie domashnikh zhivotnykh. Trudy Moskovskogo obshchestva ispytatelei prirody, XLVIII, 1972, 38-65 // Фауна из раскопок славянских памятников Молдавии. Основные проблемы териологии. Эволюция, зоогеография, экология и морфология млекопитающих и происхождение домашних животных. Труды Московского общества испытателей природы, XLVIII, 1972, 38-65.

Von den Driesch 1976: A. von den Driesch, A guide to the measurement of animal bones from archaeological sites. Peabody Museum, Bulletin 1, Peabody Museum of Archaeology and Ethnology, Harvard University (Harvard 1976).

Ludmila Bacumenco-Pîrnău, Institutul Patrimoniului Cultural al Academiei de Științe a Moldovei, Centrul de Arheologie, Chișinău, Republica Moldova, e-mail: ludmila.pirnaeu@gmail.com

Luminița Bejenaru, Centrul de Cercetări Antropologice „Olga Necrasov”, Academia Română – Filiala Iași; Universitatea „Alexandru Ioan Cuza” din Iași, Facultatea de Biologie, Laboratorul de Bioarheologie, Bd. Carol I, 11, 700506, Iași, România, e-mail: lumib@uaic.ro

RECENZII ȘI PREZENTĂRI DE CARTE – РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW

Запоздалые размышления по поводу одной коллекции
(Рец.: Скорый С.А., Зимовец Р. В. Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции. Киев: Видавець Олег Філюк, 2014, 180 с.)

Раскапывая разные древности, рискуешь нарваться на их
нежелание быть вновь закопанными.
Терри Пратчетт, «Последний континент»

Не секрет, что именно артефакты составляют эмпирическую базу археологии, и порой сам факт существования объекта является достаточным основанием для суждений о месте и времени его изготовления [Bochkarev 2010, 29, 36]. Тем не менее, артефакт становится археологическим источником лишь в результате осмысления, обработки, перекодирования [Klein 1978, 47]. Таким образом, именно в процессе введения в научный оборот вещь может стать полноценным объектом изучения. Последние десятилетия на постсоветском пространстве охарактеризовались настоящим бумом кладоискательства и, как следствие, появлением огромного количества «случайных» находок. Но, как известно, случайное – лишь проявление некой, недоступной пониманию, закономерности, поэтому в данном случае речь идет о категории находок, лишенных контекста. Этическая проблема введения подобных находок в научный оборот, с легкой руки Л.С. Клейна получила термин «синдром Меллаарта»¹, в честь ученого-археолога, не раз замешанного в скандалах с древностями, в частности, со знаменитым кладом из Дорака. Кроме того, главное открытие своей жизни Джеймс Меллаарт совершил с явным нарушением общепринятых

1. Это определение родилось в дискуссии, связанной с опубликованной в газете «Троицкий вариант» статьей Л.С. Клейна «Археологи против черных». Сам Лев Самойлович, правда, лишь диагностирует этот «синдром», заявляя, что «с одной стороны, разумно же ввести в науку остатки памятников – сохранить находки, не дать им пропасть. И глупо было бы этим не воспользоваться. С другой стороны, необходимо всячески воспрепятствовать легализации этого способа добывания находок, принять меры к наказанию тех, кто по злему умыслу выкапывает их, нарушая закон».

этических правил, в результате приобретения различных находок, поэтому раскопанный им Чатал-Хюк извительно называли «открытием на базаре».

Оставив в стороне подобные оценочные суждения, стоит честно признать, что, несмотря на масштабные исследования профессиональных археологов, на археологических картах до сих пор остаются «белые пятна». Кроме того, задолго до появления металлодетекторов существовали целые категории материальной культуры, которые редко оказывались обнаруженными в результате стационарных исследований. В первую очередь это касается кладов: украшений, монет, сырья, оружия или орудий труда. Клады, обнаруженные не профессиональными археологами, а, в лучшем случае, краеведами, со временем стали чуть ли не основным ис-

точником для изучения эпохи поздней бронзы, римского времени или раннего средневековья. Но не только. Для скифской эпохи существует, по меньшей мере, одна категория артефактов, «случайный» характер которой является вполне закономерным для значительного количества экземпляров. Речь идет о скифском клинковом вооружении. На данный момент, чуть меньше половины скифских акинаков из европейского ареала происходит из вне комплексов, т.е. является находками, в силу разных причин, лишенными контекста (528 из 1147, 46%), причем для разных регионов эта цифра варьирует (рис. 1). К примеру, в юго-восточном ареале распространения акинаков (Предкавказье, Кавказ, Закавказье) доля случайных находок достигает 30%, в то время как в центральном (степная часть Северного Причерноморья, бассейн Днепра, Крым) – 44%, западном (Днестровско-Карпатский регион, Подунавье, Закарпатье, бассейн Одера и Вислы) – 48%, северо-восточном (Волго-Камье, Приуралье, Зауралье, Нижний Урал) – 51%, Наибольшая концентрация случайных находок – в восточном ареале (междуречье Северского Донца и Волги, Нижнее Поволжье) и составляет не менее 70%².

Возможно, поэтому выход монографии «Скифские древности Крыма», написанной доктором исторических наук, заведующим отделом археологии раннего железного века Института археологии Национальной академии наук Украины С.А. Скорым и кандидатом философских наук, научным сотрудником Института филологии им. Г.С. Сковороды Р.В. Зимовцом стал настоящим событием 2014 года. И не только в скифском оружиеведении. Эта книга уже получила несколько восторженных откликов [Medvedev 2015; Valchak 2015; Guliaev 2016]. В рамках данной работы были введены в научный оборот материалы частной коллекции, представленной скифскими древностями предгорных и степных районов Юго-Восточного Крыма. Авторы книги и сами признают, что отношение к коллекциям такого рода в научной среде неоднозначное, но склонны считать факт научного обнаружения позитивным явлением. Считаю своим долгом к

ним присоединиться. Отчасти потому, что опубликованные находки были, «как правило, обнаружены на небольшой глубине» и «не связаны с погребальными и поселенческими комплексами» [Skoryi, Zimovets 2014, 15]. Кроме того, не может не радовать, что коллекция была впоследствии передана в Археологический музей Института археологии НАНУ.

Монография состоит из введения, посвященного истории изучения скифских памятников Крыма, тематического каталога и заключительной части. Вступительный раздел завершается несколькими важными наблюдениями о незначительном количестве в Крыму раннескифских находок (VII-VI вв. до н.э.), предметов конской упряжи и вообще скифских древностей в Юго-восточной части полуострова. Основной объем книги приходится на каталог, в который вошло более четырехсот находок: главным образом, детали конского снаряжения (205 экз.) и предметы вооружения (189 экз.). Каталог разбит на тематические разделы (вооружение, детали воинского костюма, детали конского снаряжения, культовые предметы и т.д.), внутри которых выделены подразделы.

Одним из наиболее интересных и ярких представляется раздел, посвященный предметам клинкового вооружения. Поэтому считаю необходимым остановиться на нем подробнее, тем более, что один из авторов монографии является ведущим специалистом по скифскому оружию. Среди безусловных достоинств книги – ее полиграфическое исполнение: каждый меч или кинжал представлен общим планом и увеличенной фотографией рукояти. В то же время, как показывает практика, даже очень хороших фотографий часто бывает недостаточно. В ряде случаев не хватает дополнительных графических деталей – разрезом стержня рукояти, вида сверху на вершину или сечения перекрестья и клинка. И если форма этих конструктивных элементов более-менее понятна из описания и фотографии, то, к примеру, толщина остается загадкой. Описания вещей строго структурированы по следующему принципу: приводится датировка, местонахождение, технологические детали, метрические параметры, словесная характеристика и основные аналогии.

Вероятно, в соответствии с типологическими принципами А.И. Мелюковой [Meliukova

2. В лесостепном Подонье и пограничных территориях более чем три четверти всех находок акинаков (77,5%) являются случайными, без привязки к каким-либо археологическим памятникам [Voroshilov 2007, 18].

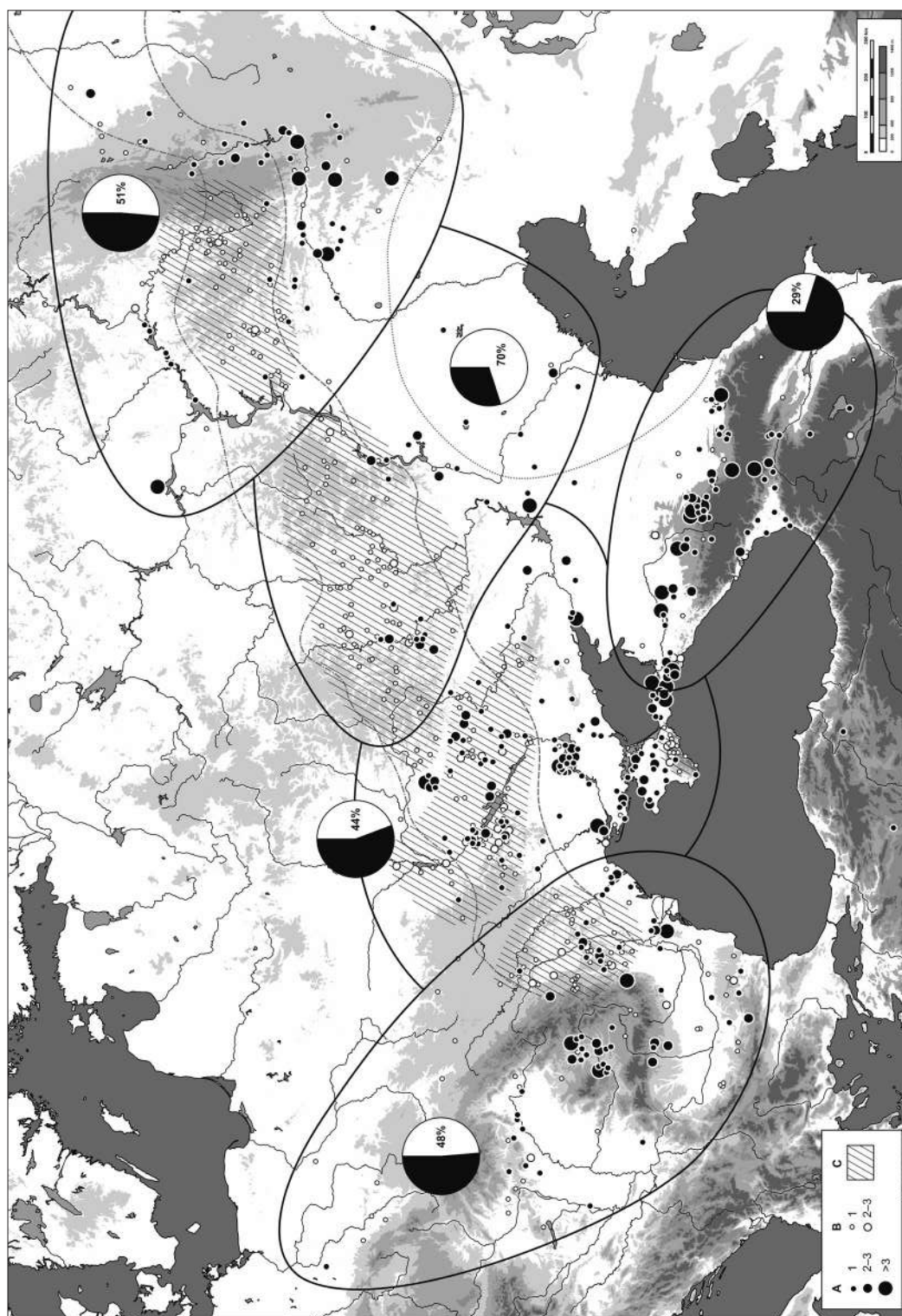

Рис. 1. Соотношение находок скифских акинаков в комплексах (А) и случайных находок (В) по разным регионам. Штриховкой (С) отмечены регионы с наибольшей концентрацией случайных находок.

Fig. 1. Funeral complexes with akinakai (A) and stray finds (B) in various regions. Regions with the biggest concentration of stray finds are marked with hatching (C).

1964], акинаки с антенным навершием рассматриваются вслед за мечами и кинжалами с прямым навершием. В-целом, это представляется вполне закономерным, ведь форма навершия является основой практически всех извест-

ных классификационных схем скифских мечей и кинжалов. Хотя не могу не отметить, что, на мой субъективный взгляд, это подход кажется несколько устаревшим. Антенные навершия распространены на широкой территории, свой-

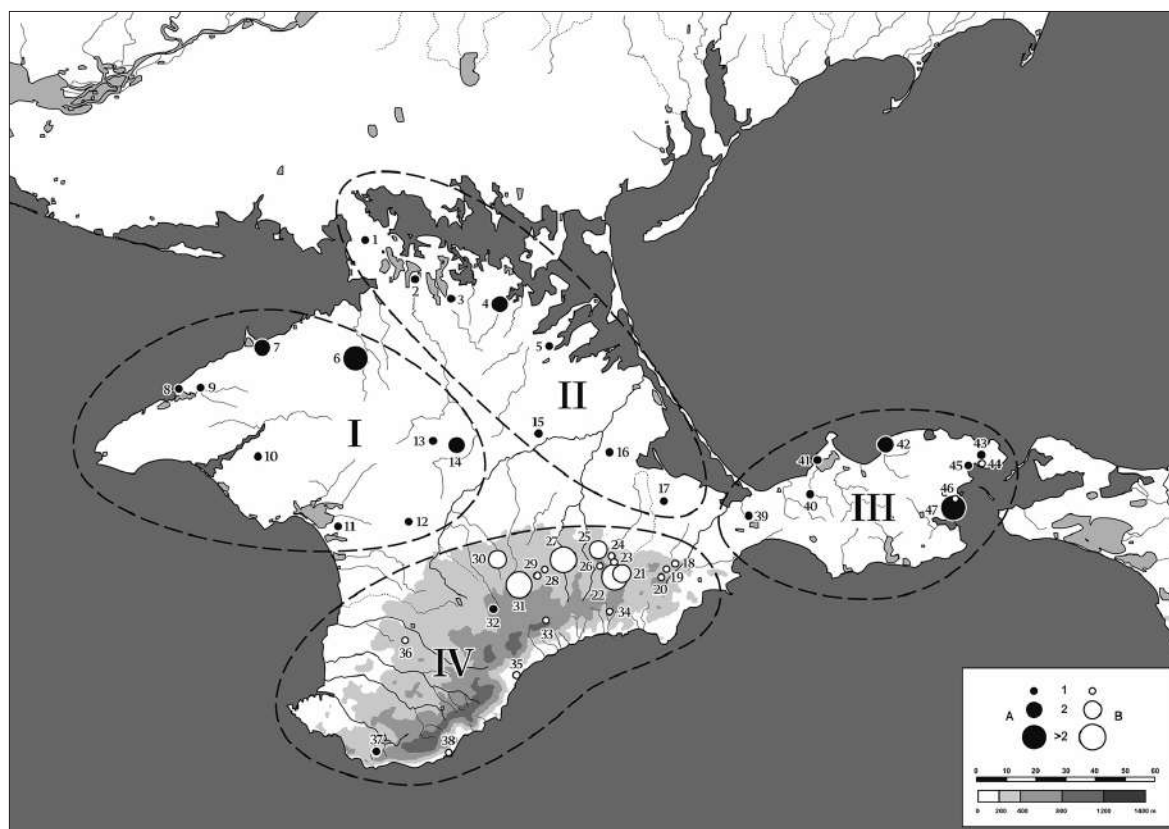

Рис. 2. Распространение акинаков и наконечников ножен в Крыму. I – западно-крымская группа; II – присивашская группа; III – восточно-крымская группа; IV – горнокрымская группа.

Fig. 2. Distribution of Scythian akinakai and details of sheaths in Crimea. I – West-Crimean group; II – Syvash group; III – East Crimean group; IV – Crimea Mountains group.

ственные около одной трети акинаков и охватывают все основные этапы развития скифских клинков – время широкого распространения антенных наверший – финал среднескифской эпохи (вторая половина VI – V в. до н.э.). При этом, амбивалентность в оформлении навершия демонстрирует сама история скифского клинкового оружия на протяжении всех периодов, начиная с раннескифского. Так, нам известны келермесские и даже гудермесские акинаки с антеннами или волютами. В среднескифский период известны антенны на акинаках типа Шумейко, Феттерсфельде, однолезвийных мечех типа Ноград. Уже для классического периода, среди скифских акинаков типа Солоха (для подавляющего большинства которых характерно сложностилизованное антенное навершие) встречаются экземпляры с овальным навершием. И, наоборот, у одного из позднеклассических акинаков типа Чертомлык (для которых основа – овальное навершие) задокументирова-

но навершие в виде волюты.

По моему скромному мнению, намного выигрышнее выглядела бы комбинация артефактов по хронологическому принципу. Ведь, в дальнейшем, авторы книги распределяют находки по хронологическим группам. Кроме того, часть из кинжалов и мечей относится к типам, до этого на территории Крыма неизвестным, что подчеркивается в каждом отдельном случае. Всего усилиями авторов монографии в научный оборот вводится 30 экземпляров кинжалов и мечей скифского времени, а также 6 наконечников ножен (из которых 4 – в зверином стиле). Для скифских древностей Крыма – это невероятная цифра, до этого было известно около 40 экземпляров скифских акинаков, представленных главным образом погребальными памятниками с территории Степного Крыма (рис. 2). В Горном Крыму, который стал главным источником появления вещей в данной коллекции, мне известно не более десятка предметов клинково-

го вооружения скифского времени. Хорошо заметно, что материал, опубликованный в данной монографии (даже на примере клинкового вооружения), способен скорректировать представления о составе вооружения и динамике его изменений в различные периоды истории скифов. И этот процесс уже начался, причем с подачи авторов монографии: с момента выхода книги ими были выпущены статьи, переосмысляющие вза-

имоотношения скифов и тавров, скифские миграции в Крым [Skoryi, Zimovets 2015; Zimovets 2016, 2017]. Так что, перефразируя вынесенные в эпиграф слова сэра Терри Пратчетта, выкопанные древности «обратно не закопаешь», лучше с ними попытаться работать. Ведь они, как и непрочитанные книги, умеют мстить. Прежде всего, равнодушным к ним исследователям.

Библиография

- Bochkarev 2010:** V.S. Bochkarev, Kul'turogenez i drevnee metalloproizvodstvo Vostochnoi Evropy (Sankt-Petersburg 2010) // В.С. Бочкарёв, Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы (Санкт-Петербург 2010).
- Guliaev 2016:** V.I. Guliaev, Retsenziya na: "S. Skoryi, R. Zimovets. Skifskie drevnosti Kryma. Materialy odnoi kollektsii. Kiev. 2014. 180 s." Vostok (5). Afro-aziatskie obschestva: istoria i sovremennost, 2016, 205–208 // В.И. Гуляев, Рецензия на: «С. Скорый, Р. Зимовец. Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции. Киев. 2014. 180 с.». Восток (5). Афро-азиатские общества: история и современность, 2016, 205–208.
- Klein 1978:** L.S. Klein, Arkheologicheskie istochniki (Leningrad 1978) // Л.С. Клейн Археологические источники (Ленинград 1978).
- Medvedev 2015:** A.P. Medvedev, Novaia kniga o skifskikh drevnostiakh Kryma (rets. na kn.: Skoryi S.A., Skifskie drevnosti Kryma. Materialy odnoi kollektsii / S.A. Skoryi, R.V. Zimovets – Kiev: Vidatets Oleg Filyuk, 2014, 180 s.). Vestnik VGU (4), Seriya: Ictoriia, Politologiya, Sotsiologiya, 2015, 136–137 // А.П. Медведев, Новая книга о скифских древностях Крыма (рец. на кн.: Скорый С.А. Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции / С.А. Скорый, Р.В. Зимовец. – Киев: Видавец Олег Філюк, 2014, 180 с.). Вестник ВГУ (4). Серия: История. Политология. Социология, 2015, 136–137
- Meliukova 1964:** A.I. Meliukova, Vooruzhenie skifov. SAI D1-4 (Moskva 1964) // А.И. Мелюкова, Вооружение скифов. САИ Д1-4 (Москва 1964).
- Skoryi, Zimovets 2014:** S.A. Skoryi, R.V. Zimovets, Skifskie drevnosti Kryma. Materialy odnoi kollektsii (Kiev 2014) // С.А. Скорый, Р.В. Зимовец, Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции (Киев 2014).
- Skoryi, Zimovets 2015:** S.A. Skoryi, R.V. Zimovets, K voprosu o vzaimootnosheniiakh skifov i tavrov v VII-IV vv. do n.e. ADIU 4 (17). Starozhitnosti rann'ogo zaliznogo viku, 2015, 30–45 // С.А. Скорый, Р.В. Зимовец, К вопросу о взаимоотношениях скифов и тавров в VII-IV вв. до н.э. АДИУ 4 (17). Старожитности раннего железного века, 2015, 30–45.
- Val'chak 2015:** S.B. Val'chak, Retsenziia na: "S.A. Skoryi, R.V. Zimovets. Skifskie drevnosti Kryma. Materialy odnoi kollektsii. K: Vidatets Oleg Filyuk, 2014. – 180 s. Arkheologiya 3, 2015, 135–136 // С.Б. Вальчак, Рецензия на: «С.А. Скорый, Р.В. Зимовец. Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции. К.: Видавец Олег Філюк, 2014. – 180 с.». Археология 3, 2015, 135–136.
- Voroshilov 2007:** A.N. Voroshilov, Vooruzhenie naseleniia lesostepnogo Podon'ia v skifskoe vremia (akinaki, kop'ia, drotiki) Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk. (Voronezh 2007) // А.Н. Ворошилов, Вооружение населения лесостепного Подонья в скифское время (акинаки, копья, дротики). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук (Воронеж 2007).
- Zimovets 2016:** R.V. Zimovets, O lokal'nikh osobennostiakh bronzovykh buterolei v vide golovy khiscshnoi ptitsy. ADIU 2 (19). Starozhitnosti rann'ogo zaliznogo viku, 2016, 76–88 // Р.В. Зимовец, О локальных особенностях бронзовых бутеролей в виде головы хищной птицы. АДИУ 2 (19). Старожитности раннего железного века, 2016, 76–88.
- Zimovets 2017:** R.V. Zimovets, Krym v kontekste ranneskifskikh migratsii (po materialam zverinnogo stil'ia). ADIU 2 (23), Starozhitnosti rann'ogo zaliznogo viku, 118–135 // Р.В. Зимовец, Крым в контексте раннескифских миграций (по материалам звериного стиля). АДИУ 2 (23). Старожитности раннего железного века, 2017, 118–135.

**Mugur Andronic, Cercetări arheologice în Bucovina.
Așezările din secolele IV-VI de la Todirești, jud. Suceava
(cu informații și despre situl Gáva-Holihrady).**

Suceava, Editura Karl A. Romstorfer, 2016. 86 pagini text,
plus 60 planșe cu ilustrație, inclusiv 3 hărți și 2 tabele.

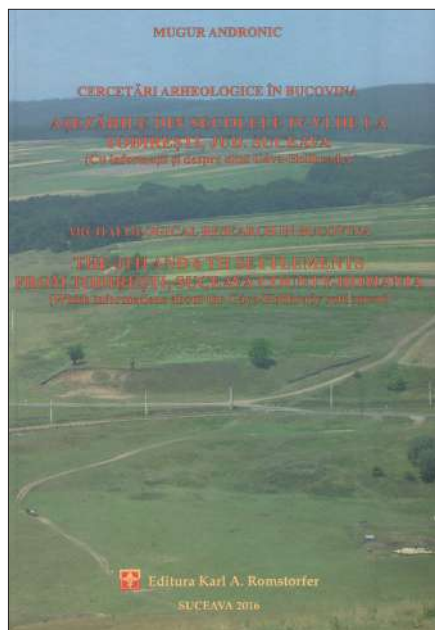
ISBN 978-606-8698-09-0

Colegul Mugur Andronic de la Suceava a publicat anul trecut o succintă lucrare cu scopul introducerii în circuit științific a principalelor rezultate obținute în urma a opt campanii arheologice, efectuate între anii 1988-2013 în așezarea de la Todirești, localitate din bazinul hidrografic al Solonețului, afluent de dreapta al r. Suceava.

Cartea este structurată în următoarele compartimente: I. Introducere; II. Cadrul geografic și istoric; III. Prezentarea complexelor arheologice. A. Locuințe. B. Anexe gospodărești; IV. Inventarul arheologic; V. Datarea vestigiilor arheologice de la Todirești; VI. Date de arheozoologie legate de fauna de la Todirești – pct. *La Nuci*; VII. Sondajul arheologic în așezarea culturii Sântana de Mureș-Cherniakhov pct. *Săliște*/1989; VIII. Descoperiri arheologice aparținând așezării hallstattiene de la Todirești, la care se adaugă bibliografia, lista abrevierilor și un rezumat în limba engleză. Compartimentul ilustrației include 60 de planșe.

În Introducere (pp. 7-9) autorul subliniază importanța așezării de la Todirești-Suceava, considerând-o drept una tranzitorie de la cultura Sântana de Mureș la cultura Costișa-Botoșana (secolele IV-VI), precum și „un adevărat sit de referință pentru perioada și zona sa”. Așezarea s-a constituit în punctul *La Nuci* (sau *La Livadă*), o microzonă deosebit de bogată arheologic din nord-vestul Podișului Sucevei. În total au fost trasate 51 de secțiuni cu lungimi diferite și numeroase casete adiacente lor, dezvelindu-se peste 40 de locuințe. Principalele rezultate ale cercetării de la Todirești au fost prezentate la sesiunile naționale de rapoarte arheologice în ordinea derulării campaniilor arheologice respective.

Capitolul II (pp. 10-15) conține descrierea cadrului geografic al zonei și enumerarea perioadelor cultural-cronologice de atribuire a siturilor descoperite la Todirești. Cele mai vechi vestigii descoperite sunt din paleolitic, urmând un nivel sporadic Cucuteni. Din prima epocă a fierului da-

tează resturile a trei locuințe, o groapă menajeră și numeroase fragmente ceramice. Au fost atestate șase-șapte așezări din sec. II-III și de circa două ori mai multe așezări aparținând culturii Sântana de Mureș-Cherniakhov. Din sec. VI-VII sunt atestate șase așezări, din sec. VIII-X – trei. Spre final, se face o concluzie generală despre evoluția demografică a microzonei sitului de la Todirești până în perioada constituirii satelor medievale. Nivelul de călcare contemporan sec. IV-VI a fost stabilit la adâncimea de 30-40 cm.

În capitolul III (pp. 16-46) sunt descrise succint 43 de locuințe, un atelier și mai multe anexe gospodărești (două vetre exterioare, două cuptoare exterioare și 11 gropi) din sec. IV-VI. Către sfârșitul capitolului autorul prezintă câteva considerații de ordin general, delimitând locuințele descrise în două etape, fără a fi datate însă foarte clar cronologic – cel mai probabil, se au în vedere sec. IV-V pentru prima etapă și sec. VI pentru cea de-a doua.

Inventarul arheologic, care a fost nu prea numeros, este analizat în capitolul IV (pp. 46-55). Se evidențiază îndeosebi fibula romană de bronz cu axul resortului de fier din locuința 4, un ac de cusut de bronz din locuința 20. Din piatră de gresie s-au găsit câteva cute cu urme evidente de utilizare, din fier – o talangă și câteva fragmente de lame de cuțit. Piese de lut ars sunt reprezentate prin fusaiole, greutăți de la războiul de țesut vertical și o formă mai greu de identificat, un fel de vălătuci, utilizați la vetre și cuptoare „pentru o încadrare mai bună a focului sau creșterea randamentului lor”. Cea mai mare parte a descoperirilor de la Todirești o constituie ceramica – modelată cu mâna sau la roată, grosieră ori fină. După forme, se disting oalele, castroanele, cămile și cătuile, vasele mari de provizii. O categorie distinctă pentru cultura Sântana de Mureș o alcătuiește ceramica romană – fragmentele de amfore. Autorul face o departajare cronologică ipotetică a locuințelor în funcție de datele constructive, dar și de caracteristicile ceramicii. În etapa I include nivelul sigur ante 376 p.Chr. cu 10 locuințe (posibil 14) și nivelul post 376 cu 9 locuințe (posibil 12). În etapa II (în jurul anului 500) sunt încadrate alte 16 locuințe.

Autorul constată cu regret în capitolul V (pp. 56-62) că fibula de bronz descoperită în pământul de umplură a gropii locuinței 4 nu poate să dea o datare exactă, deși este păstrată bine. După analiza unor analogii, el presupune că fibula de la Todirești a putut fi folosită de-a lungul timpului de mai multe

generații, datând-o larg în sec. III-IV, iar locuința 4 o atribuie etapei a II (în jurul anului 500).

În capitolul VI (pp. 63-64) se consemnează speciile de animale prezente la Todirești după studiul oaselor, efectuat de dna dr. Simina Stanc. Cea mai mare frecvență o au bovinele (specia *Bos taurus*), urmată de porc (*Sus domesticus*), ovicaprine și cal. Oase de animale sălbatice nu au fost identificate, spre surprinderea autorului.

Pe câteva pagini ale capitolului VII (pp. 65-68) se face analiza sondajului efectuat în punctul *Săliște* al așezării de la Todirești, cu materiale atribuite culturii Sântana de Mureș (deși acolo au fost identificate și alte orizonturi culturale sigure: culturile Noua, Gava-Holihrad (grupul cultural Grănicești), Poieniști-Lucașeuca, epoca medievală, sec. IX-X și XIV-XVI). Au fost descoperite trei locuințe de suprafață și ceramică specifică culturii Sântana de Mureș, la care se mai adaugă o greutate de lut ars în formă fragmentară. În locuința 1 era și material ceramic hallstattian.

Ultimul capitol, VIII (pp. 69-73), este consacrat descoperirilor orizontului cultural hallstattian. Așezarea din prima epocă a fierului are o întindere relativ mare, pe ambele maluri ale pârâului Pietroasa. Trei locuințe și o groapă conțineau materiale tipice culturii Gava-Holihrad (grupul cultural Grănicești) (HaAB). În locuința 12 erau fragmente de la un vas mare de provizii, în locuința 28 – fragmente de la mai multe astfel de vase, unul dintre care era prevăzut cu ornament „în ghirlandă”.

Larisa Ciobanu

Сте́ла Дончева. *Калъпи и матрици от българското средновековие (IX–XIV в.)*
[Stella Doncheva. *Moulds and dies from Bulgarian Middle Ages (IXth – XIVth c.)*].

Veliko Tarnovo. Publishing house „Фабер“, 2015. 312 pages with 6 pages of English summary, 185 pages of catalogue, 15 pages of appendix, ISBN 978-619-00-0337-3

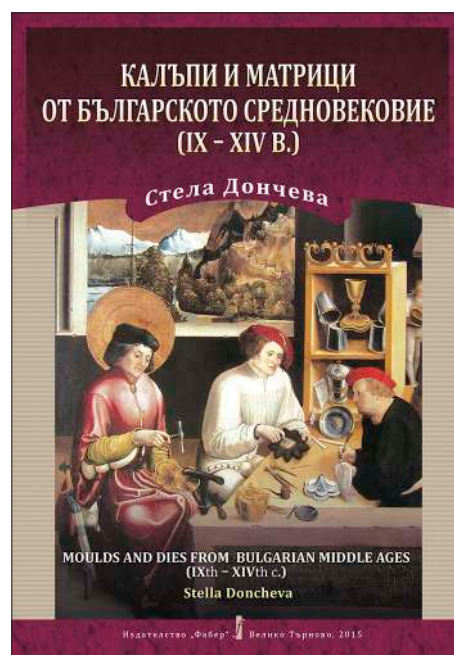
Dr. Stela Doncheva analyzes in her books and articles a wide range of items, related with the jewelry and metal processing in the medieval Bulgaria. In addition to jewelry, the researcher examines clothing accessories, and objects of personal Christian godliness. Many items come directly from the archaeological sites, researched by the author. S. Doncheva pays much attention to the study of cultural context of the emergence of various types of jewelry and non-ferrous metal products. An important advantage of her works is a detailed examination of the specifics of jeweler's production. In this context, a new book of S. Doncheva "Molds and dies from Bulgarian Middle Ages (IXth – XIVth c)" became very important and expected one for some researchers.

In the introduction Stela Doncheva notes that he moulds and dies (the basis tools of jewelry production) are quite rare artifacts. Objects of good quality are rarely found in the workshops and metal ateliers. During the Middle Ages, common practice of the goldsmiths was to leave their instruments to their sons and colleagues.

The monograph by Stela Doncheva fills in an obvious gap in the Bulgarian literature. It is very significant for its detailed cataloging, research and dating of different types of jewelry tools. The first, second and third chapters of the book are divided in the basis of allocation of several chronological periods in the making and using of instruments under review. Each chapter consists of two parts – first "the moulds" and then "the dies". This separation is imposed not only by their different material, but also by their specific usage and purpose.

In the first chapter, Stela Doncheva examines the jewelry tools from the Early Bulgarian Middle Ages (IX–XI century). It was examined 20 moulds and 6 matrices and showed a wide range of analogies among the finished products.

Most common among the moulds are the stone ones, but are known some clay items usually formed from a brick fragments and two moulds was made from metal. Four moulds were used for

casting of the parts of belt sets, two – for medalions, one – for earring with the "bunch" pendant and one – for the finger-ring (*Cat. No 2-8*). Also it is known a number of forms intended for the moulding of two or more products, including crosses.

From the archaeological excavations of a Little Palace in Pliska there was provenance of half-part of double mould for adornments. On its surface there is an open-work buckle, medallions, spindle and cross (*Cat. No 1*).

Moulds of lead core are known from Preslav and other regions of the country (*Cat. No 16-20*).

The presented dies from this period are fewer but more varied ones. They are made only of bronze, and represent a wide variety of articles, mainly, jewelry (the details of necklaces, buttons, finger-rings, cross) (*Cat. No 21-24*). There are known some of tools for exestuation of appliquéés with Christian symbols and with mythological creatures.

The author analyzes in detail the origins of ornamental motifs that adorn the items, crafted with the using of these matrices. The special attention should be given for the matrix with images

of fantastic creatures (the siren), from the production center of Zlotar (*Cat. No 25*). The die with a bird (*Cat. No 25*) was created under the direct influence of Byzantium, where the technology, system of symbols and images were received.

In the second chapter, Stela Donceva deals with the materials of Byzantine period (XIth – XIIth c.). For this period, there were known only 16 bronze dies, but no moulds. Most of them represent Christian characters. Among them, the dies with Christ are only two, on one of them He is represented with the Holy Virgin Mary (*Cat. No 27-28*). The die with the Christ Enthroned and the Holy Virgin Orans from Preslav have a range of analogies on the more Byzantine cameos and coins of the XI century (*Cat. No 27*). Matrix with the figure of Christ Pantocrator, apparently, is a Byzantine work of the XII century (*Cat. No 28*). There were three of the dies with the figures of Mother of God – two single images of Hodegetria (*Cat. No 29*) and Episkepsis (*Cat. No 30*) and the third one is a collective die with Christ on a throne (*Cat. No 27*). The rest of the dies represent St. John the Baptist (*Cat. No 31*), St. Peter (*Cat. No 32*), St. Theodore Stratelates (*Cat. No 33*), St. George (*Cat. No 34*), St. Demetrius (*Cat. No 35-36*), the Archangels Michael and Gabriel (*Cat. No 37-38*). The author mentioned that the saints-warriors were very popularly in this period and tools with such figures were having priority in this group. According to the point of view of Stela Donceva, the models of the different iconographic types were created mainly in the ateliers of the Byzantine capital. Imported originals they were copied by the local jewelers of medieval Bulgaria. In some cases, it is enough difficult to determine the place of manufacture of the dies.

In the third chapter the materials of the period of Late Bulgarian Middle Ages (XIIth – XIVth c.) were examined by the author. It's the time of development of urban crafts jewelry. The chapter presents forty-one moulds and twenty-one matrices.

For this period there were typical moulds for casting of jewelry decorations and aver metal articles. Most numerous are the items with floral decoration (rosettes, little palms, trefoils, round appliquéés with rosette) (*Cat. No 39-44, 60*), after them there are the different earrings and moon adornments (*Cat. No 45-47, 49-56, 57, 64*). Also it's known nine ones for casting of buckles (*Cat. No 61-64*), appliquéés (*Cat. No 43, 48, 53*) and belt ends (*Cat. No 43*). There are the most common ornaments as buttons and pendants

in the composite moulds (*Cat. No 54, 57*). Some molds of Christian cult objects like crosses, medallions also are known (*Cat. No 57-59*). Almost all moulds include not one negative, but the set of images. For XIV–XV centuries there are typical moulds for sphereconeses and metal ingots (*Cat. No 71-73*).

Most of the moulds were double, but only one of the parts was preserved till nowadays. The complex composite forms, consisting of more than two separate parts, are also numerous ones (*Cat. No 40, 44-46, 49, 52-53, 56-57, 59, 64-65, 70-73*). Two of the moulds discovered in the Tsarevers fortress are of the "imitation" type (*Cat. No 47, 66*). They are used to create hollow objects. The three moulds, using for create large closed vessels are completely preserved. They consist of four separate parts (*Cat. No 71-73*).

Stela Donceva is also examines four thematic groups of dies. The first one is with Christian characters (*Cat. No 78-82*). The Holy Virgin Mary is depicted on four of them in two different scenes – Annunciation (*Cat. No 78*) and with the Infant Jesus (*Cat. No 79-81*). The first two are works of the capital Byzantine art (*Cat. No 78-79*) and the last one is a wasted work of the local production (*Cat. No 81*). The rest of the Christian characters are represented by the Archangel Michael (*Cat. No 82*) and the three saint-warriors – St. Teodore Tyron, St. Teodore Stratelates and St. George (*Cat. No 82*). It's necessary to pointed out the fact, that the author attributes those items for the same local workshop, which was probably situated in the vicinity of the village of Lozarevo, Burgas region. The other groups of tools were served for exes-tuation of parts of clothing – appliquéés, buttons ets. (*Cat. No 84-98*). Only some single objects are made by Byzantine craftsmen's, but most of them were created in the local workshops. This production is concentrated mainly in the big city centers of the Second Bulgarian Kingdom. The jeweler production was rather well-organized and most of the used tools are local ones.

The fourth chapter is very significant one. In the chapter "Purpose and use" S. Donceva is studied the questions of jewelry productions and art. The big number of moulds is determined by the widely spread during the middle ages of practice of metal casting. Different types of stone were used for these tools mainly marlstone, limestone and schist. They can be found in the western and central Balkan

mountain, Strandzha and Southwestern Bulgaria. The collection of moulds found during the explorations of medieval settlements and fortresses in Bulgaria, determine two major casting techniques – in one-sided and in double-sided forms. In the end of X – XI century, the use of stone forms in the jewelry practice is revived. By that time most of the adornments are casted according to a wax model by preserving the form or not. During the XII – XIII century the casting in stone moulds becomes major technological method not only in Bulgaria. Some changes in the jewelry art occurred in the first half of XII century: the jewelers aimed at mass production, so they choose the methods with less difficulty during work. This process can be traced also in other crafts relative to the spreading market and trade. This explains the popularity of stone moulds. The casting in imitation forms occurs in the XII century as a result of the craftsman's pursuit of simplifying the labour-intensive operations during the processing of the non-ferrous metals (forging, granulation, filigree) and to replace them with simple casting in detailed composite forms.

The dies are used fewer than the moulds, but the images on them are more complex and varied. Thin metal relief images are made with the dies, and they are further used for appliqués and medallions or for inlaying of crosses, icons, clothing decorations, ampoules and reliquaries. Most of the presented dies, mainly from the Byzantine and the Late Middle Ages period, have Christian images. Their application on cultic objects is established in the art during the XI century, while their half-length depiction is very common (img. 67). The production of imprints using the dies is as common as the casting in moulds. They have some common features – mass production, precision when creating the first model. There are also some differences – mainly as far as the material economy is concerned, the dies gain advantage over moulds.

In the Conclusion, the author studies on the question of development of the jewelry craft in medieval Bulgaria and the allocation of production centers. Recently some production centers of X

century have been studied in the vicinity of Preslav (near Nadarevo, Novosel and Zlatar). The moulds and dies, as well as the diverse tools found during the excavations near Preslav and other settlements and fortresses from the First Bulgarian Kingdom. It is a clear evidence of the existence of a well-developed production concentrated, mainly, in the northeastern parts of the country. Some new ideas, symbols and images from Byzantium were received in the period of Byzantine rule. Most of bronze dies with images of Christian characters were produced by the local jewelers but under byzantine influence. In the Late Middle Ages the ateliers for art metal are concentrated mainly in the bigger city centers. For this period it's known the architectural remains of craftsmen's workshops. They are situated on the ground floor craftsman's dwelling or later they are added to the main building. Such complexes were in Tarnovo, Shumen, Melnik, Cherven and the other city centers. The author confirms that in the Late Middle Ages for Bulgarian cities there were specific a well-developed jewelry production. The export of precious metals is at the basis of the significant economic upswing of Bulgaria, which is mirrored by the elitist art production. Throughout the centuries, however, the Byzantine capital remains the leading centre with the original and high quality works of the goldsmith's art that are created there. The jewelry craft is learned and mastered by the local craftsmen and this opens the unlimited possibilities for reception and creative reproduction of established styles and influences.

The catalogue of artifacts' is an important part of this book. It includes the main characteristics of items. The images are presented through photos and graphic restorations of the objects that are not so well-preserved or miss important details.

Thus, a new monograph of Stela Doncheva makes a major contribution to the study of the history of development of jewelry production of medieval Bulgaria, its origins, specificity and significance. The finds from the territory of Bulgaria were considered in the extensive background in elaboration of jewelry in the Byzantine Empire, the South-Eastern and Eastern Europe.

Svetlana Reabteva

George Dan Hânceanu, *Două ateliere meșteșugărești din târgul medieval al Romanului (secolele XV și XVII): rezultatele supravegheților și săpăturilor din 2012-2013*, Editura Istros a Muzeului Brăilei „Carol I”, Brăila, 2017, 206 pagini, 78 figuri și LI planșe. ISBN 978-606-654-231-9

Monografia colegului George Dan Hânceanu, cercetător în cadrul Muzeului de Istorie din Roman, publicată recent la o editură foarte bună din România, pune în circuitul științific informații importante pentru cercetarea aprofundată a societății medievale moldovenești și, în particular, pentru înțelegerea unor aspecte ale istoriei târgului medieval al Romanului.

În primele pagini ale cărții găsim prefața distinsului profesor Victor Spinei, membru al Academiei Române, scrisă cu eleganță și consistență, intitulată grăitor, *Energii noi pe palierul arheologiei medievale* (p. 11-13), care dă girul acestei lucrări.

Lucrarea a fost structurată în șase capitole, după cum urmează: I. *Izvoare istorice și arheologice despre activitatea economică a Romanului în secolele XV-XVII* (p. 19-42), II. *Metoda de cercetare arheologică* (p. 43-46), III. *Descrierea atelierelor* (p. 47-63), IV. *Catalogul pieselor* (p. 65-122), V. *Concluzii* (p. 123-128), VI. *Cercetări interdisciplinare* (p. 129-163), la care se adaugă o introducere (p. 15-17), bibliografia (p. 169-185), rezumatul în limba franceză (p. 187-193), indicele geografic și de persoane (p. 195-206) și compartimentul de anexe (p. 207-343).

Înainte de toate apreciem efortul deosebit al autorului de a valorifica, într-un timp cât se poate de scurt – ajutat pentru finalizarea acestui proiect de colegii săi Otilia Mircea, Dan Spătariu și Lucian Munteanu – materialele arheologice descoperite în anii 2012-2013 cu prilejul lucrărilor de reabilitare a Bibliotecii Municipale „George Radu Melidon” (fosta „Casă Ioachim”) din Roman, clădire care suprapunea o mică zonă din vechiul târg medieval. Astfel, sondajele arheologice efectuate în perimetrul orașului au dus la reperarea a două ateliere meșteșugărești, complexe semnificative pentru clarificarea unor aspecte din viața economică a acestui spațiu. Potrivit autorului, primul atelier identificat (A.1), datat în secolul al XVII-lea, era destinat necesităților curente ale comunității locale, găzduind mai multe activități, cum ar fi prelucrarea fierului pentru producerea uneltelor,

a bronzului pentru confecționarea obiectelor de podoabă și pieselor de vestimentație, precum și valorificarea oaselor de animale pentru obținerea plăselelor, mânerelor de unelte, a acelor de cusut ș.a. (p. 15). În ceea ce privește cel de-al doilea atelier studiat (A.2), datat în secolul al XV-lea, autorul consideră că era destinat producerii, în special, a obiectelor de podoabă și de vestimentație, însă, în plan secundar, realiza și unelte de fier, arme și diverse piese de os și corn (p. 16).

Remarcăm atenția cu care s-a aplecat George Dan Hânceanu asupra înregistrării în detaliu a contextelor arheologice reperate, a stratigrafiei și vestigiilor găsite în cele două complexe medievale și încadrarea acestora în tabloul istoric general al evoluției vieții economice din Moldova în perioada secolelor XV-XVII. Obiectele descoperite în cuprinsul celor două ateliere au fost descrise meticolos și prezentate pe ateliere, A.1 și A.2, după materia primă din care au fost confecționate (lut, os, piatră, sticlă, metal), delimitându-se, totodată, categoriile de piese (obiecte de uz casnic, unelte, piese de harnașament, arme, piese de podoabă și de vestimentație, monede ș.a.).

Un capitol care iese în evidență este cel consacrat cercetărilor interdisciplinare. Acesta cuprinde rezultatele intervențiilor pentru restaurarea și conservarea unor piese descoperite în punctul „La Bibliotecă”, efectuare de doamna restaurator Otilia Mircea de la Muzeul de Istorie din Roman (p. 129-149), precum și cele obținute de către colegul Lucian Munteanu de la Institutul de Arheologia din Iași după studierea monedelor recuperate din cele două ateliere meșteșugărești (p. 150-163).

Se cuvine să menționăm ilustrația bogată, 78 de figuri și 51 de planșe, care însoțește conținutul acestei lucrări, remarcabilă și prin tiparul excelent.

În concluzie, putem spune că monografia publicată de George Dan Hânceanu reprezintă o lucrare de parcurs cu atenție pentru arheologii medievaliști, dar și pentru toți cei interesați de istoria vieții urbane din Moldova medievală.

Ludmila Bacumenco-Pîrnău

VIAȚA ȘTIINȚIFICĂ – НАУЧНАЯ ХРОНИКА – SCIENTIFIC LIFE

Masa rotundă cu genericul Arheologia Moldovei: Trecut, Prezent și Viitor *165 de ani de la nașterea arheologului Ion Casian Suruceanu*

Pe data de 8 noiembrie 2016, Centrul de Arheologie al Institutului Patrimoniului Cultural a organizat **Masa rotundă cu genericul Arheologia Moldovei: Trecut, Prezent și Viitor** și tema **165 de ani de la nașterea arheologului Ion Casian Suruceanu**.

Evenimentul face parte din suita de manifestări științifice inițiate încă în anul 2014, ce au devenit o tradiție frumoasă. Aceste întruniri au scopul de a evoca pe cei care au fost înaintașii noștri, pilonii de sprijin în dezvoltarea arheologiei spațiului carpato-nistean, savanți cu renume, profesori cu dăruire de sine și, pur și simplu, oameni pasionați și harnici.

Manifestarea a reunit circa 40 de participanți – profesori, cercetători științifici, doctoranzi și masteranzi de la Muzeul Național de Istorie a Moldovei, Universitatea de Stat din Moldova, Universitatea Pedagogică de Stat „Ion Creangă”, Agenția Națională Arheologică și alte instituții. De această dată întrunirea a fost consacrată omagierii lui Ion Casian Suruceanu, personalitate complexă, muzeograf remarcabil și erudit arheolog, care a avut o activitate prodigioasă în domeniul arheologiei și muzeografiei din spațiul nostru geografic.

Mesajele de salut au fost adresate audienței de către dr.hab. Victor Ghilaș (director al Institutului Patrimoniului Cultural), dr.hab. Victor Țvircun (coordonator al Secției Științe Umanistice și Arte) și dr.hab. Gheorghe Postică (Viceministrul Culturii), care în alocuțiunile lor au apreciat înalt inițiativa de a aduce un binemeritat omagiu generației premergătoare de arheologi, și-au exprimat bucuria și satisfacția spirituală față de regularitatea acestor mese rotunde, asigurând organizatorii că vor sprijini derularea lor și în continuare.

De asemenea, au fost susținute trei comunicări de omagiere referi-

toare la omul, muzeograful, arheologul și cercetătorul Ion Casian Suruceanu.

Prima comunicare a fost susținută de dna dr. Ludmila Bacumenco-Pîrnău (Institutul Patrimoniului Cultural) și a reprezentat îndeosebi o scurtă schiță biografică despre personalitatea complexă a lui Ion C. Suruceanu, descendent al unui vechi

neam de boieri moldoveni, care a fost înalt apreciat atât pentru contribuțiile sale esențiale în domeniul arheologiei și muzeologiei, pentru importanța și impactul lucrărilor publicate, cât și pentru ideile lui inovatoare.

Ulterior, dna dr.hab. Elena Ploșniță (Muzeul Național de Istorie a Moldovei), a vorbit despre Ion Casian Suruceanu – pionierul muzeografiei arheologice în Basarabia, prezentând diverse aspecte legate în special de domeniul muzeologiei. Printre acestea, s-a amintit despre faptul că I.C. Suruceanu a fost fondatorul unei foarte valoroase colecții de antichități structurată pe diverse categorii de obiecte, fondatorul primului muzeu specializat de arheologie – Muzeul de Antichități al Pontului Scitic – precum rămâne și organizatorul primelor expoziții itinerante de arheologie.

Cea de-a treia comunicare, susținută de dl dr. Alexandru Levinschi (Institutul Patrimoniului Cultural), s-a axat în special pe componenta de cercetare a omagiatului. A fost prezentată activitatea științifică destul de prodigioasă, punându-se accent pe publicarea în 1894 a unui volum dedicat inscripțiilor grecești și latine, care a rămas și până astăzi unul de referință pentru istoria veche a regiunii nord-pontice.

Pe parcursul sesiunii de comunicări, dar și spre finalul ei s-au declanșat mai multe discuții și intervenții, în cadrul cărora au vorbit dl Nicolae Răileanu, dl dr. Nicolae Telnov (Institutul Patrimoniului Cultural), dna dr. Natalia Mateevici (Muzeul Național de Istorie a Moldovei), dl dr. Octavian Munteanu (Universitatea Pedagogică de Stat „Ion Creangă”) ș.a. Vorbitorii au abordat diverse aspecte ale vieții științifice ale personalității evocate, au venit cu unele comentarii pe marginea comunicărilor, și-au expus opiniile față de importanța unor asemenea manifestări, au declarat îmbucurătoare prezența în sală a tinerei generații, au făcut unele propuneri care vizează întreaga breaslă de arheologi și au urat succes și realizări frumoase Centrului de Arheologie.

Administrația Institutului Patrimoniului Cultural, în persoana domnului director, dr.hab. Victor Ghilaș, pe lângă mesajul de felicitare și susținere, a înmănat diplome de participare invitaților care au venit cu comunicări.

Livia Sirbu

Lansarea volumului semnat de dr.hab. Valentin Dergaciov

Новые методы анализа и интерпретации фаунистических остатков из археологических исследований (на примере поселения культуры Криш Сакаровка I)

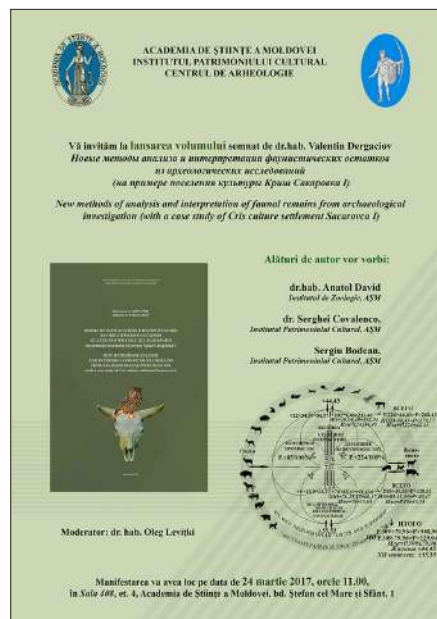
New methods of analysis and interpretation of faunal remains from archaeological investigation (with a case study of Cris culture settlement Sacarovca I)

Centrul de Arheologie al Institutului Patrimoniului Cultural a organizat pe data de 24 martie 2017 **Lansarea volumului** semnat de dr.hab. Valentin Dergaciov *Новые методы анализа и интерпретации фаунистических остатков из археологических исследований (на примере поселения культуры Криш Сакаровка I)* // *New methods of analysis and interpretation of faunal remains from archaeological investigation (with a case study of Cris culture settlement Sacarovca I)*.

La eveniment au fost prezenți circa 40 de participanți, veniți de la Universitatea de Stat din Moldova, Universitatea Pedagogică de Stat „Ion Creangă”, Muzeul Național de Istorie a Moldovei, Agenția Națională Arheologică, Institutul de Zoologie și alte instituții academice și de cultură.

Pentru început, moderatorul evenimentului, domnul dr.hab. Oleg Levițki, directorul Centrului de Arheologie, a mulțumit tuturor celor prezenți și a subliniat faptul că monografia reprezintă un studiu complex, care are un caracter interdisciplinar, teoretico-aplicativ și inovațional, fiind un exemplu elocvent al fezabilității arheologiei cu arheozoologia, culturologia și istoria veche. Apoi, cu un mesaj de salut a venit domnul dr.hab. Victor Ghilaș, directorul Institutului Patrimoniului Cultural. Pe lângă felicitările aduse autorului cu prilejul apariției unui nou volum, domnia sa a ținut să menționeze că studiul elaborat este unul foarte important și de referință pentru știința contemporană, reprezentând o punte de legătură între mai multe domenii, pe de o parte, și între stadiul de cercetare și necesitățile metodologice concrete cu care se confruntă specialiștii, pe de altă parte.

A urmat prezentarea volumului de către domnul Valentin Dergaciov, care a menționat că lucrarea a fost editată în două limbi, engleză și rusă, și este structurată în două părți. În prima parte este abordată partea teoretico-metodologică, incluzând istoriografia problemei, stadiul actu-

al al cercetării și principalele direcții în cercetare. Partea a doua are un caracter aplicativ și este dedicată cercetării resturilor faunistice din așezarea neolitică Sacarovca I (cercetată aproape integral)

prin prisma metodelor și procedeele elaborate de autor. A mai adăugat că studiul este adresat în special arheologilor, arheozoologilor, specialiștilor în domeniul istoriei vechi și culturologiei, dar și studenților, doctoranzilor, tuturor celor interesați de metode și procedee moderne de cercetare.

Invitatul special la acest eveniment, dl dr.hab. Anatol David (Institutul de Zoologie al AȘM), a specificat că asemenea lucrări sunt mai mult decât necesare pentru știința secolului XXI. Domnia sa a fost cel care a efectuat determinările arheozoologice ale oaselor de la Sacarovca, rezultatele cărora stau la baza acestui studiu. Dl David a spus că nici nu și-a imaginat că peste ani acestea vor fi fructificate într-o asemenea lucrare importantă. Totodată, a atras atenția asupra domeniului de aplicare, care este destul de larg și complex, precum arheologia, arheozoologia, culturologia și istoria veche, alte științe umanistice, dar și unele științe reale,

care operează cu metode matematice, statistice, dinamice și de clasificare.

Domnul dr. Serghei Covalenco (Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM), pe lângă felicitările aduse autorului, s-a referit și la importanța reconstituirii și elucidării mai multor aspecte ale vieții social-economice și culturale din perioada neoliticului (mil. VI a.Chr.), în special: particularitățile sedimentării urmelor complexului animalier (domestic și sălbatic vânat) în spațiul de habitat, deosebirile sau specializările familiale în domeniul vităritului și, respectiv – vânătorii, consumul de carne, precum și unele aspecte specifice procesului de arheologizare a resturilor faunistice (problema tafonomiei, utilizării materialului osos etc.).

O scurtă prezentare a lucrării a făcut și dl Sergiu Bodean (Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM), oprindu-se la anumite aspecte ale acesteia, atrăgând atenția în mod special la caracterul aplicativ al studiului și la importanța stabilirii rolului arheozoologiei în cercetarea arheologică și ridicarea domeniului dat la un nou nivel, conform justeii lui valori.

După aceasta, s-au declanșat mai multe discuții pe marginea lucrării, dar și asupra unor aspecte legate de domeniul de cercetare, necesitățile și problemele cu care se confruntă. În primul rând, s-a pus accent pe elucidarea situației de criză din domeniul arheozoologiei, prin prisma evidențierii controverselor legate de comportarea indicilor statistici, prin modelarea procesului de arheologizare a resturilor faunistice și, ca urmare, prin expunerea esenței metodicii de corectare a datelor prezentate de arheozoologi. Nu s-a făcut abstracție nici de necesitatea accentuării rolului noilor metode în cercetare, apelarea la interdisciplinaritate, dar și complexitatea de abordare a problemei în vederea obținerii unui rezultat cât mai viabil nivelului actual de dezvoltare a științei.

Manifestarea a avut drept scop lansarea pentru publicul larg a unui nou volum de o semnificație aparte, semnat de domnul Valentin Dergaciov, dar și stabilirea unui model de lucrare științifică interdisciplinară, care permite facilitarea procesului de cunoaștere la un alt nivel.

Ghenadie Sirbu

Conferința științifică internațională *Patrimoniul cultural – cercetare, valorificare, promovare, ediția a IX-a*

În anul curent, la fel ca în ultimii nouă ani, la sfârșitul lunii mai, Institutul Patrimoniului Cultural al Academiei de Științe a Moldovei a găzduit o serie de cercetători științifici, doctoranzi și alți specialiști preocupați de probleme legate de studierea, valorificarea și promovarea patrimoniului cultural.

Cea de a IX-a ediție a Conferinței științifice internaționale *Patrimoniul cultural – cercetare, valorificare, promovare* s-a desfășurat în perioada 30-31 mai 2017 și a fost organizată în parteneriat cu Agenția Națională Arheologică (Chișinău), Institutul de Arheologie „Vasile Pârvan” (București) și Complexul Muzeal Național „Moldova” (Iași). Totodată, merită de menționat rolul important și contribuția majoră a partenerilor naționali și sponsorilor: Universitatea Pedagogică de Stat „Ion Creangă” și Universitatea de Stat din Moldova.

La ședința în plen, moderată de domnul dr.hab. Victor Ghilaș, Directorul Institutului Patrimoniului Cultural, au venit cu mesaje de salut domnul acad. Gheorghe Duca, Președintele Academiei de Științe a Moldovei (transmis prin intermediul domnului Vicepreședinte, dr.hab. Ion Guceac), domnul dr.hab., prof. Victor Țvircun, Coordonator al Secției Științe Umanistice și Arte a AȘM, și domnul dr., prof. Eugen Nicolae, Directorul Institutului de Arheologie „Vasile Pârvan”. De asemenea, la ședința în plen au fost prezentate cinci comunicări, două dintre care selectate din cadrul Secției Arheologie și Cercetări Interdisciplinare.

Domnul dr.hab., prof. Ion Niculiță (Universitatea de Stat din Moldova) a susținut un inedit discurs referitor la *Terminologii arheologice: probleme și perspective*, subliniind importanța utilizării adecvate a terminologiei pentru a facilita cercetarea, și nu pentru a provoca disensiuni continui. Domnia sa consideră că a devenit necesară trecerea la utilizarea terminologiilor neutre, în care lipsește orișice coloratură etnică, etno-culturală sau etno-cronologică.

Doamna dr. Senica Țurcanu (Complexul Muzeal Național „Moldova”, Iași) a prezentat o *Scurtă incursiune în universul miniatural Cu-*

cuteni-Tripolie, încercând să descifreze rolul, funcționalitatea, dar și multiplele valențe ale impactului social și cultural al unor piese mici, realizate după originale „fără suflet” – unelte, ustensile, piese de mobilier, ambarcațiuni, sănii sau roți, descoperite în diferite situri eneolitice. Comunicarea a trezit un viu interes, deoarece anterior cercetătorii se axau preponderent pe studiul plasticii miniaturale antropomorfe sau zoomorfe.

Este îmbucurător faptul, că de la an la an conferința organizată sub egida institutului se bucură de o popularitate tot mai mare în rândurile cercetătorilor de peste hotare. La Secția Arheologie și

Cercetări Interdisciplinare a Centrului de Arheologie, pentru ediția din anul curent s-au înscris 83 de participanți cu 60 de comunicări, dintre care 45 au fost prezentate în limba română, 11 în limba rusă și 4 în limba engleză. În cadrul Secției Arheologie Preistorică și Tracologie au fost incluse 30 de comunicări, respectiv, alte 28 comunicări fiind audiate la Secția Arheologie Antică și Medievală. Din numărul total de participanți, 33 (cca 40%) au fost din Republica Moldova, iar 50 (cca 60%) de peste hotare: 27 din România, 15 din Ucraina, 5 din Germania și 3 din Federația Rusă.

Participanții la manifestare au reprezentat importante centre de cercetare și muzeale, precum Institutul Patrimoniului Cultural, Agenția Națională Arheologică, Universitatea de Stat din Moldova, Universitatea Pedagogică de Stat „Ion Creangă” (Moldova); Institutul de Arheologie „Vasile Pârvan” din București, Secția de Cercetări Antropologice a Academiei Române, Filiala Iași, Complexul Muzeal Național „Moldova” din Iași, Muzeul Județean din Vaslui, Muzeul Bucovinei din Suceava, Universitatea „Ștefan cel

Mare” din Suceava, Muzeul de Istorie și Etnografie din Târgu Neamț, Muzeul Județean de Istorie și Arheologie Maramureș din Baia Mare (România); Institutul de Arheologie al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei din Kiev, Secția de Arheologie a spațiului nord-vest pontic a ANȘU și Muzeul de Arheologie din Odesa, Complexul istorico-cultural Kiev-Pecherskaia Lavra din Kiev (Ucraina); Institutul German de Arheologie din Berlin, Universitatea Liberă din Berlin, Institutul de Pre- și Protoistorie din Kiel (Germania); Institutul Culturii Materiale din Sankt-Petersburg (Federația Rusă) ș.a.

Ca de fiecare dată, cercetătorii au venit cu comunicări interesante ce vizează diverse aspecte ale temelor de care sunt preocupați, în special referitoare la cercetarea, salvagardarea, promovarea și valorificarea patrimoniului arheologic. Nici această ediție nu a fost o excepție, tematica fiind

una diversă și amplă. Cercurile de interese ale participanților, atât din punct de vedere cronologic, cât și al arealului geografic, au acoperit practic întreg spațiul euroasiatic în diferite perioade istorice (din paleolitic până în epoca premodernă). Un loc aparte l-au avut abordările și tratările interdisciplinare, care aduc mereu un plus de noutate, originalitate și interes pentru această ramură încetățenită tot mai mult în cercetarea arheologică. Toate comunicările prezentate au avut o înaltă ținută științifică, s-au bazat pe studii și materiale inedite, au trezit interesul celor prezenți și au generat discuții constructive, corespunzând normelor și rigorilor pentru astfel de forumuri științifice de nivel internațional.

Considerăm important să menționăm numele unui șir de participanți, ce ne onorează cu

prezența mai mulți ani la rând: Ion Niculiță, Aurel Zanoci, Sergiu Matveev, Andrei Corobcean, Ion Tentiuc, Mariana Sîrbu, Natalia Mateevici, Octavian Munteanu, Eugen Nicolae, Dumitru Boghian, Sergiu-Constantin Enea, Senica Țurcanu, Angela Simalcsik, Ciprian-Cătălin Lazanu, Constantin Preoteasa, Igor Bruiako, Oleg Saveliev, Dmitrii Cernovol ș.a., cărora le suntem profund recunoscători și îi așteptăm cu drag și la edițiile viitoare.

În linii mari, considerăm că scopul și obiectivele conferinței în general, și ale acestei ediții în particular, au fost realizate, iar tradiția frumoasă va continua la același nivel științific înalt, cercetătorii manifestând un real interes pentru această întrunire și pe viitor. Mai ales că la anul, în 2018, conferința organizată de Institutul Patrimoniului Cultural va ajunge la cea de a X-a ediție, una jubiliară.

Livia Sîrbu, Larisa Ciobanu

IN HONOREM

Dr. Mugur Andronic la a 60-a aniversare

Dr. Mugur Andronic poate fi considerat un foarte bun exemplu de dăruire profesională, și nu numai, pentru zona de obârșie a înaintașilor săi, în cazul său, minunata Bucovina. Născut la București, la 19 noiembrie 1955, din părinți bucovineni, absolvent al prestigiosului Liceu „I.L. Caragiale”, și-a îndreptat de timpuriu pașii spre pasiunea vieții sale – arheologia. A terminat cursurile Facultății de Istorie-Filosofie a Universității din București în anul 1979 cu una dintre cele mai mari medii. Încă din anul III de facultate și-a pregătit temeinic, mai ales la Biblioteca Academiei, viitoarea lucrare de licență, sub conducerea reputatului prof. univ. dr. Radu Manolescu, obținând nota maximă. Mai târziu, datorită valorii sale documentare și interpretative, ea a fost publicată cu titlul *Contribuții cultural-ortodoxe la afirmarea unității naționale la români în evul mediu* (Suceava 2002).

Deși domnul Mugur Andronic avea certe și mari posibilități de afirmare, într-o vreme când atâția doreau să se stabilească în capitală, oraș închis și încorsetat de rigorile unui comunism ce se îndrepta spre decădere, și-a părăsit familia pentru a-și dedica întreaga existență Bucovinei, fiind angajat în 1979 ca muzeograf la Muzeul Județean Suceava. Cu entuziasmul caracteristic, s-a apropiat de epoca migrațiilor, perioadă puțin preferată de către arheologi, puțin spectaculoasă și dificilă din multe puncte de vedere (inclusiv politice). Setea de cunoaștere și puterea de sacrificiu l-au făcut să întreprindă destul de multe cercetări de teren în județul Suceava, contribuind decisiv la acoperirea celei mai mari părți din județ, repertoriind un număr imens de situri din varii etape ale devenirii societății omenești.

În anii de după 1989 a realizat două proiecte de cercetare arheologică de teren, finanțate prin concurs, de către Ministerul Culturii (prin AFCN), respectiv de către fostul Minister al Cercetării și Tehnologiei, rezultatele cărora vor sta la baza redactării viitorului Repertoriu Arheologic al Județului Suceava.

Dr. Mugur Andronic a fost și rămâne în principal un autodidact. A învățat mai mult singur me-

serie, chiar dacă a beneficiat de două specializări oferite de Ministerul Culturii și de unele vizite de șantier. De un real folos i-a fost și practica arheologică pe șantierul gallo-roman de pe valea Ronului, din cunoscuta stațiune Saint Romain-en-Gal, Vienne (1993), dar și documentarea la Bukowina Institut din Augsburg și la Österreichisches Ost- und Südosteuropa-Institut din Viena (2001). Încercarea de maximă capacitate i-a fost însă teza de doctorat, elaborată sub coordonarea fostului director al Institutului de Arheologie din Iași, prof. univ. dr. Dan Gh. Teodor. În anul 2003 a obținut pentru această producție științifică calificativul „foarte bine”, doi ani mai târziu ea fiind și publicată: *Teritoriul nord-est carpatic în cea de-a doua jumătate a primului mileniu creștin* (Brăila, 2005). Tema și studiul au fost extrem de dificile, spațiul geografic aparținând, în mare, fostei URSS; la fel și documentarea, cu o bibliografie consistentă în limbile rusă și ucraineană, necesitând numeroase deplasări la Chișinău și Cernăuți. Munca însă i-a fost răsplătită, autorul obținând, în anul 2007, premiul „Dimitre Onciul” al Academia Română.

Tenacitate profesională a demonstrat și prin executarea în extensie maximă a săpăturilor arheologice de la Todirești-*La Nuci*, com. Todirești, jud.

Suceava, sit care prin cele 43 de locuințe cercetate (din perioada secolelor IV-VI) rămâne un punct de referință pentru acest interval temporal, atât pe plan național, cât și pentru regiunile răsăritene ale Europei. De asemenea, o valoare deosebită a demonstrat-o și cercetarea integrală, în numai trei campanii de săpătură, a așezării de la Poiana, com. Zvoriștea, jud. Suceava, cu un număr de 45 de complexe investigate, datând din secolele VIII-IX.

Merită să amintim și alte șantiere arheologice: Antoceni, Arbore, Botoșana, Cacica, Dolhești Mari, Marginea, Podeni, Todirești-Săliște, Voitineli și Zamostea, toate întreprinse în calitatea de responsabil de șantier. Se mai adaugă, ca responsabil de sector, șantierul Suceava-Ițcani (1998-1999). Datorită experienței sale profesionale, a dobândit calitatea de arheolog expert (nr. înregistrare în registrul arheologilor din România – AM-E-031). Dr. Mugur Andronic a fost membru al Comisiei Zonale a Monumentelor Istorice și este expert evaluator al bunurilor de patrimoniu. În 1992 a devenit șeful Secției de Arheologie a Muzeului Național al Bucovinei, iar din 2002 manager general adjunct al muzeului sucevean (până în 2007).

Importantă este și contribuția lui dr. Mugur Andronic la istoria Bucovinei în general, domnia sa având capacitatea și tenacitatea de a publica, după o muncă de peste 10 ani, prin intermediul Societății Culturale „Ștefan cel Mare” – Bucovina (de tip „Pro Basarabia și Bucovina”), pe care o conduce prin voluntariat, de peste un sfert de veac, cele două volume *Istoria Bucovinei*. Acestea însumează peste 1000 de pagini, în care se prezintă istoria nu doar a zonei de nord-vest a Moldovei, dar și cea a actualei regiuni Cernăuți, realizând astfel, în premieră, o punte de legătură între istoriografia de referință românească și ucraineană/rusească. Cu siguranță, volumul doi, publicat în 2014, va constitui un punct de plecare al unor polemici științifice pe termen lung, autorul debarasându-se în mod evident de unele șabloane, devenite tabu, de epocă comunistă și îndreptându-se către alte orizonturi interpretative din punct de vedere istoric.

Munca de teren și pasiunea pentru istorie l-au determinat, ca muzeograf, să organizeze câteva muzee locale: cel dedicat lui Petru Rareș, de la Râșca-Suceava (*Muzeul Ctitoriilor lui Petru Rareș*), cel unic subteran de istorie și arheologie, de la Cacica (*Muzeul Sării din Bucovina* – orizontul I, mina salinei Cacica), și altele aflate la Baia,

Pârteștii de Jos, Boroaia și Bogdănești (toate în cuprinsul județului Suceava).

A realizat mai multe expoziții temporare, singur sau împreună cu colegii, dintre care se remarcă: „Autohtoni și migratori la răsărit de Carpați”, „Cultura Sântana de Mureș – cultură și civilizație”, „Sarea, Omul, Timpul” (itinerantă), „Cetățile Moldovei lui Ștefan cel Mare”, „Fortificațiile austriece de la Gura Humorului” (ultima prin Societatea culturală deja amintită). De altfel, ultimul subiect, prezentat și la congresul mondial de arheologie de la Dublin (2008), rezultat în urma documentării mai vechi în arhivele vieneze, a reprezentat o încununare a eforturilor documentaristice temeinice, autorul reușind să lămurească științific unele legende locale despre cetățile dacilor de la Gura Humorului. De asemenea, mai notăm că, de-a lungul deceniilor de activitate, dl dr. Mugur Andronic a avut și preocupări numismatice.

Nu se poate uita, pentru întregirea profilului său, nici activitatea lui de voluntariat, de peste 25 de ani, în slujba susținerii culturale a românilor din Basarabia și nordul Bucovinei istorice, ceea ce – alături de rezultatele sale deosebite profesionale – i-au adus o recunoaștere oficială națională prin acordarea, de către Președinția României, a Ordinului „Meritul Cultural în grad de Cavaler” (2011).

Pe această linie, a donat, prin Societatea Culturală „Ștefan cel Mare” – Bucovina, pe care a fondat-o la Suceava (primul ONG creat în județ după 1989), seturi de cărți de arheologie și istorie (și nu numai) Muzeului Național de Istorie a Moldovei din Chișinău, Bibliotecii Academiei de Științe a Republicii Moldova, Bibliotecii Naționale din Chișinău, precum și Universității de Stat „Jurij Fedkovici” din Cernăuți.

A editat, sub egida Societății, seria de cărți apărute în cadrul colecției „Pagini din istoria și cultura Bucovinei”, ajunsă în prezent la cea de-a XVI-a apariție. Mai mult, prin Societate, ca Om de Bine, a inițiat și acordat prin concurs anual de lucrări, în cadrul unor gale cu asistență masivă din partea tinerilor liceeni, premiile „Crucea Sf. Ștefan cel Mare”, inclusiv în domeniul istoriei Bucovinei. A organizat numeroase donații de carte pentru școlile românești „de dincolo”, dar și unele înfrățiri dintre localități, precum și numeroase manifestări culturale dedicate istoriei Bucovinei și Basarabiei.

Personalitate complexă, atât cât viața i-a acordat răgaz, a activat și pe tărâmul graficii sa-

tirice (aşa cum au confirmat criticii, d-l Andronic este un grafician talentat), cu expoziții personale și participări la saloane naționale. A inițiat construirea (după proiectul întocmit de domnia sa) a monumentului dedicat domnitorului Bogdan al II-lea, de la Udești. A primit Diploma de Excelență a Universității Libere Internaționale din Moldova (Chișinău), Diploma de Excelență a Consulatului General al României din Cernăuți, premii și distincții ale Societății Scriitorilor Bucovineni și ale Fundației Culturale a Bucovinei, la care se adaugă multe altele.

Colegul Mugur Andronic este Membru al Societății Scriitorilor Bucovineni, publicând numeroase plachete de versuri, precum și romanul

istoric de succes „În umbra marilor imperii ucigașe. Romanul soldatului austriac bucovinean în vâltoarele primului război mondial și în prizonierat în Italia și Siberia” (Suceava 2005), tradus în engleză și italiană. Cetățean de Onoare al comunelor Cacica, Marginea, Cornu Luncii și Pârteștii de Jos, dl dr. Mugur Andronic a fost recent propus pentru decorare, de către organizațiile nonguvernamentale românești din regiunea Cernăuți, Președinției Republicii Moldova. Acum, la împlinirea unei vârste atât de frumoase, care marchează pragul către vârstele înțelepciunii și a înțelegerii vieții și, evident, a Arheologiei, pe care a profesat-o cu credință, îi transmitem arheologului, istoricului, colegului și prietenului Mugur Andronic un călduros.

AD MULTOS ANNOS !

LISTA LUCRĂRILOR ȘTIINȚIFICE

VOLUME

1. *Bucovina – pământ românesc, 1918-1993* (Suceava, 1993);
2. *Evoluția habitatului uman în bazinul hidrografic Soloneț din paleolitic până la sfârșitul secolului al XVIII-lea* (Iași, 1997) (premiată de Fundația Culturală a Bucovinei, 1998);
3. *Huțului – o minoritate din Bucovina* (Suceava, 1998), redactor și coautor;
4. *Pârteștii de Jos, 1415-2000* (sub red. dr. Ioan Ieșcu), (Suceava, 2000), coautor;
5. *Contribuții cultural-ortodoxe la afirmarea unității naționale la români în evul mediu* (Suceava, 2002);
6. *Teritoriul nord-est carpatic în cea de-a doua jumătate a primului mileniu creștin* (Brăila, 2005) (premiată de Academia Română);
7. *Poiana – o așezare din secolele VIII-IX d. Chr.*, supliment VIII al anuarului Suceava, 2005;
8. *Europa necunoscută – comori din Bucovina / Unbekanntes Europa – Schätze aus der Bukowina*, Suceava, 2007, coautor;
9. *Istoria Bucovinei. Vol. I. De la începuturi până la epoca cuceririi romane a Daciei* (Brăila, 2008); lansată la Consulatul General al României de la Cernăuți la 1 Decembrie 2008;
10. *Suceava între trecut și prezent* (Suceava, 2009), coautor;
11. *Un sat din Bucovina numit... Cacica* (Brăila, 2009), cu finanțare europeană;
12. *Todirești – un sat din Bucovina. Istorie, oameni și locuri* (Suceava, 2014), în colaborare cu P. Tabarcea;
13. *Istoria Bucovinei. Vol. II. În epoca marilor migrații și până la încheierea formării Moldovei medievale* (Suceava, 2014);
14. *Cercetări arheologice în Bucovina. Așezările din secolele IV-VI de la Todirești, jud. Suceava (cu informații și despre situl Gáva-Holihrad)* (Suceava, 2015).

GHIDURI, LUCRĂRI DE POPULARIZARE, VERSURI, LITERATURĂ

1. *Județul Suceava, ghid turistic* (Suceava, 1998);
2. *Pagini de istorie locală – Societatea Culturală „Ștefan cel Mare” – Bucovina, un deceniu în slujba Bucovinei* (Suceava, 2000);
3. *Toate drumurile duc la...Putna. Ghidul turistic complet și practic al Moldovei lui Ștefan cel Mare și Sfânt* (autor prefață, copertă, redactor și coautor, alături de dr. Tamara Nesterov, Academia de Științe, Chișinău), (Suceava, 2001);
4. *Gânduri postume, plachetă de versuri, proză poetică și grafică artistică* (Suceava, 2001);
5. *În umbra marilor imperii ucigașe. Romanul soldatului austriac bucovinean în vâltoarele primului război mondial și*

în prizonierat în Italia și Siberia (Suceava, 2005); lucrarea deține trei premii literare în anul 2006, fiind prefătată de președintele Uniunii Scriitorilor din România;

6. *Viața... ca un vis*, poezii (Suceava, 2015);

STUDII ȘI NOTE

1. *Învățământul medieval – factor de unitate a poporului roman*, în *Revista de Istorie*, 33, 1980, nr. 12, p. 2303-2314;
2. *Sondajul arheologic din așezarea de secol IV e.n. de la Podeni (jud. Suceava)* – în *Suceava*, XI-XII, 1984-1985, p. 397-410;
3. *Repertoriul arheologic al comunei Grămești (jud. Suceava)*, în *Suceava*, XIII-XIV, 1986-1987, p. 75-83;
4. *Contribuții la cunoașterea așezărilor de pe teritoriul Siretului înainte de constituirea orașului medieval* (N. Ursulescu, M. Andronic, Fl. Hău), în *Suceava*, XIII-XIV, 1986-1987, p. 85-101;
5. *Cercetări istorice și arheologice privind satul medieval Rudești (com. Grămești, jud. Suceava)*, în *Suceava*, XIII-XIV, 1986-1987, p. 427-437;
6. *Cacica – un nou punct neolitic de exploatare a sării*, în *Studii și cercetări de istorie veche și arheologie*, 40, 1989, 2, p. 171-177;
7. *Descoperiri arheologice la Suceava – contribuții la cunoașterea topografiei orașului medieval* (P. -V. Batariuc, M. Andronic), în *Suceava*, XVII-XVIII-XIX, 1990-1991-1992, p. 36-61;
8. *Contribuții la cunoașterea evoluției habitatului uman în zona limitrofă a orașului Suceava* (M. Andronic, P. -V. Batariuc), în *Suceava*, XVII-XVIII-XIX, 1990-1991-1992, p. 9-24;
9. *Cercetări arheologice în așezarea de secol IV d. C. de la Podeni (com. Bunești, jud. Suceava)*. Raport final, în *Suceava*, XX, 1993, p. 45-69;
10. *Sondajul arheologic din așezarea de secol IV d. C. de la Zamostea (jud. Suceava)*, în *Suceava*, XX, 1993, p. 379-383;
11. *Noi descoperiri de monede antice în județul Suceava, în Jubileu de 15 ani de activitate. Societatea Numismatică Română*, Suceava, 24-25 aprilie 1993, p. 39-43;
12. *Un topor de luptă prefeudal descoperit la Suceava*, în *ArhMold*, XVI, 1993, p. 283-284;
13. *Așezarea din secolele II-I î. H. de la Dolheștii Mari – Suceava*, în *MemAntiq*, XIX, 1994, p. 235-242;
14. *Sondajul arheologic din așezarea medievală de la Todirești (jud. Suceava)*, în *Suceava*, XXI, 1994, p. 573-580;
15. *Repertoriul arheologic al comunei Zamostea, județul Suceava*, în *Suceava*, XXI, 1994, p. 11-19;
16. *Așezarea din secolele VI-VII d. H. de la Dolheștii Mari – Suceava*, în *MemAntiq*, XX, 1995, p. 133-140;
17. *Un topor eneolitic din aramă descoperit la Comănești (Suceava)*, în *ArhMold*, XVIII, 1995, p. 275-276;
18. *Cercetări arheologice în așezarea dacică de epocă romană de la Todirești (jud. Suceava)*, în *Carpica*, XXVI, 1997, p. 167-172;
19. *Bilca, o nouă necropolă tumulară hallstattiană din Bucovina*, în *Suceava*, XXIV-XXV, 1997-1998, p. 453-457;
20. *Hrințești – un sat bucovinean dispărut*, în *Carpica*, XXVIII, 1999, p. 135-140;
21. *Habitatul medieval de pe cuprinsul comunei Zamostea (județul Suceava)*, în *Arheologia Medievală*, III, 2000, p. 89-95;
22. *Complexele de locuire din secolele V-VII la nord-est de Carpați*, în *Suceava*, XXIV-XXV, 1997-1998, p. 19-75;
23. *Cultura materială din secolele VIII-X din teritoriul nord-est carpatic*, în *Suceava*, XXVI-XVII-XXVIII, 1999-2000-2001, p. 219-282;
24. *Descoperiri de monede romane la răsărit de Carpați*, în *Buletinul Societății Numismatice Române*, XC-XCI (1996-1997), nr. 144-145, 2002, p. 263-267;
25. *Todireșt' – pozdnee poselenie kul'turnogo kompleksa Syntana de Mureș – Černjahov*, în *Drevnejšie obščnosti zemledel'cev i skotovodov Severnogo Pričernomor'ja* (V tys. do n.e. – V bek n.e.), Materialy III Meždunarodnoj konferencii, 5-8 nojabrja 2002 g., Tiraspol, 2002, p. 370-375;
26. *Sondajul arheologic în așezarea de secol VI d. H. de la Suceava-Ițcani*, în *ArhMold*, XXIII-XXIV, 2003, p. 337-341;
27. *Préoccupations artisanales dans l'habitat de VIIIe-IXe siècle de Poiana (com. de Zvoriștea, dép. De Suceava)*, în *Studia Antiqua et Archaeologica*, IX, 2003, p. 411-415;
28. *Noi cercetări arheologice de teren în județul Suceava* (M. Andronic et alii), în *Suceava*, XXIX-XXX, 2002-2003, 2004, vol. I, 2004, p. 117-226;
29. *Apariția locuirii umane în Bucovina și evoluția sa până la începutul epocii bronzului*, în *Istros*, XIII, 2006, p. 9-39;
30. *Guculi – zagadka etnologii*, în *Na perehrestjah svitovoi nauki*, Cernăuți/Ucraina, 2006, p. 170-179;
31. *Cercetări arheologice de teren în Bucovina (I)*, în *Suceava*, XXXI-XXXII-XXXIII, 2004-2005-2005, 2007, p. 73-89;
32. *Museum investigations of Bukovina forts and their role in collective social memory*, Sixth World Archaeological

- Congress, Dublin, Ireland, 29th June – 4th July 2008, p. 92;
33. *Poperedni doslidžennja stosovno zaselenennja pivdennoju Bukovini u doistoričnomu periodi*, în *Vidatni naukovci Černiveckogo universitetu*. R. F. Kaindl, ăastina II, p. 9-12;
34. *Todirești – o așezare târzie a complexului cultural Sântana de Mureș – Černjahov*, în *Suceava*, XXXIV-XXXV-XXXVI, 2007-2008-2009, p. 187-192;
35. *L'exploitation du sel à l'Est des Carpates Orientaux dans la préhistoire et dans la protohistoire*, în *SCIVA*, 59-60, 2008-2009, p. 17-32;
36. *Prezențe ale omului preistoric în Carpații Bucovinei*, în *ArhMold*, XXXII, 2009, p. 209-219;
37. *Săsciori – un sat dispărut din ținutul Sucevei* (P. -V. Batariuc, M. Andronic), în *Suceava*, XXXIV-XXXV-XXXVI, 2007-2008-2009, p. 225-230;
38. *Étude de cas: l'évolution de l'habitat humain préhistorique dans le bassin hydrographique de la rivière Ilișești*, în *Annales d'Université „Valahia”, Târgoviște, Section d'Archéologie et d'Histoire*, tome XII, nr. 1, 2010, p. 191-197;
39. *Două noi așezări din secolele IX-X în nordul Moldovei*, în *Arheologia milenului I p. Chr. Cercetări actuale privind istoria și arheologia migrațiilor*, București, 2010, p. 175-183;
40. *Vornicul Simion Tăutul, un vrednic descendent al celebrului logofăt de epocă ștefaniană (I)*, în *Suceava*, XXXVII, 2010, p. 165-170;
41. *Cercetări arheologice de teren (II)*, în *Suceava*, XXXIX, 2012, p. 35-46;
42. *O nouă descoperire aparținând culturii amforelor sferice* (M. Andronic, B. P. Niculică), în *Suceava*, XXXIX, 2012, p. 47-54;
43. *The Occurrence and Evolution of Human Habitation in the Carpathian Area of Southern Historical Bukovine (Suceava county, Romania)* (M. Andronic, B. P. Niculică), în *Pam'jatki Tustani v konteksti osvoennja ukrajns'kih Karpat u doistoričnu dobu ta v seredn'ovičči*, conferință internațională, 6-7 iulie 2011, L'viv-Tustan/Ukraina, p. 254-271;
44. *Obiecte de cupru și bronz descoperite în Podișul Sucevei* (B. P. Niculică, M. Andronic), în vol.: *Semper Fidelis. In honorem magistri Mircea Ignat*, Suceava, 2013, p. 345-354;
45. *New Archaeological Research Relating to the Exploitation of salt in Bucovina* (M. Andronic, B. P. Niculică), în vol.: *Salt Effect, Second Arheoinvest Symposium: from the ethnoarchaeology to the anthropology of salt*, eds. M. Alexianu, R.-G. Curcă, V. Cotiugă, BAR International Series 2760, Oxford, Archaeopress, 2015, p. 191-198.
46. *Mai întâi despre situl arheologic de la Spitalul județean – o filă din preistoria orașului Suceava*, în vol.: Ioan Ieșcu, Mihai Ardeleanu, Vasile Rîmbu, *File din istoria spitalului județean Sf. Ioan din Suceava*, Suceava, 2015, p. 103-107;
47. *Ce ne spune patrimoniul arheologic al satului Soloneț și al împrejurimilor sale*, în vol.: P. Tabarcea, *Soloneț – un sat din Bucovina. Istorie, oameni și locuri*, Suceava, 2016, p. 9-19.

RAPOARTE DE CERCETARE ARHEOLOGICĂ

1. *Podeni, com. Bunești, jud. Suceava*, în *Situri arheologice cercetate în perioada 1983-1992*, în *CCA*, 1996, nr. 203, p. 88;
2. *Todirești, jud. Suceava*, în *Situri arheologice cercetate în perioada 1983-1992*, în *CCA*, 1996, nr. 270, p. 116;
3. *Todirești, „La Nuci”, jud. Suceava*, în *CCA, campania 1994*, 1995, nr. 136, p. 95;
4. *Cacica, jud. Suceava*, în *CCA, campania 1995*, 1996, nr. 25, p. 21;
5. *Cacica, jud. Suceava*, în *CCA, campania 1996*, 1997, nr. 17, p. 8-9;
6. *Todirești, jud. Suceava*, în *CCA, campania 1998*, 1999, nr. 151, p. 123;
7. *Suceava, jud. Suceava, punct: Ferma 2 Ițcani*, în *CCA, campania 1999*, 2000, nr. 138, p. 100;
8. *Poiana, com. Zvoriștea, jud. Suceava, punct: În Huci la Fedcu*, în *CCA, campania 2000*, 2001, pct. 157, p. 198;
9. *Voitineli, com. Gălănești, jud. Suceava*, în *CCA, campania 2002*, 2003, nr. 218, p. 341;
10. *Milișăuți, com. Milișăuți, jud. Suceava, punct: Bădeuți*, în *CCA, campania 2005*, 2006, nr. 118, p. 229;
11. *Antoceni, com. Forăști, Săliște, jud. Suceava*, în *CCA, campania 2009*, 2010, p. 327-328;
12. *Botoșana, com. Botoșana, jud. Suceava, punct: Dealul Gherman*, în *CCA, campania 2010*, 2011, nr. 85, p. 158;
13. *Valea Moldovei, com. Valea Moldovei, jud. Suceava*, în *CCA, campania 2011*, 2012, nr. 154, p. 273;
14. *Marginea, com. Marginea, jud. Suceava, punct: Porcăreț*, în *CCA, campania 2012*, 2013, nr. 93, p. 167-168;
15. *Horodnic de Jos, com. Horodnic de Jos, punct: Vârful Colnicului*, în *CCA, campania 2012*, 2013, nr. 110, p. 200-202;

Notă: Pentru săpăturile arheologice de la Todirești, se poate consulta *Todirești, com. Todirești, jud. Suceava, punct: La Nuci*, în *CCA 1983-2012*, anii 1988, 1989, 1992, 1994, 1995, 1998, 2013, pe portalul www.cimec.ro.

CATALOAGE DE EXPOZIȚIE

1. M. Andronic, *Cacica*, în: D. Buzea, V. Cavruc, A. F. Harding, R. Munteanu, Gh. Matei, E. Rența, *Repertoriul selectiv al siturilor arheologice cu vestigii ale exploatării sării din România*, în vol.: *Sarea, Timpul și Omul*, catalog de expoziție (eds. V. Cavruc și A. Chiricescu), Sf. Gheorghe, 2006, p. 56-86;
2. *Sarea, omul, timpul. Arheologie, istorie, etnografie, mineralogie*, Suceava, 2011 / M. Andronic, M. Dejan, B. P. Niculică.

RECENZII

1. I. Ioniță, *Din istoria și civilizația dacilor liberi. Dacii din spațiul est-carpatic în secolele II-IV e. n.*, Iași, 1982, în *Suceava*, X, 1983, p. 896-897;
2. I. Mitrea, *Așezarea din secolele VI-IX de la Izvoare-Bahna. Realități arheologice și concluzii*, Piatra-Neamț, 1998, în *Suceava*, XXIV-XXV, 1997-1998, p. 491-493;
3. I. Stanciu, *Locuirea teritoriului nord-vestic al României între antichitatea târzie și perioada de început a epocii medievale timpurii (mijlocul sec. V – sec. VII timpuriu)*, Cluj-Napoca, 2011, în *ArhMold*, XXXVII, 2014, p. 329-331;
4. V. Diacon, *Bucovina în secolul XX. Istorie și cultură, Colecția Omnia, Cartea de Istorie*, Iași, 2012, în *Suceava*, XLII, 2015, p. 265-272.

CONSILIER ȘTIINȚIFIC

1. Gh. Cega, *Ulma. O comună de origine huțulă*, editată de Societatea Culturală „Ștefan cel Mare” – Bucovina, Pagini din istoria și cultura Bucovinei, X (Suceava, 2012);
2. Jan Apetroaei, Silvia Apetroaei, *Râșca. O comună din Subcarpații Moldovei. Studiu Monografic* (Suceava, 2013).

DIRECTOR DE GRANTURI

1. 1998: *Huțulii – o minoritate din Bucovina* / finanțare europeană prin FDSC – București;
2. 1999: *Interculturalitate și creare de monitori privind drepturile minorităților din Bucovina* / finanțare FDSD-București;
3. 2000-2001: *Istoria Bucovinei între adevăr și falsificare* / Ministerul Cercetării și Tehnologiei;
4. 2007: *Patrimoniul arheologic al Bucovinei* / finanțare Ministerul Culturii și Cultelor, prin AFCN (echipa de proiect: B. Niculică, P.-V. Batariuc, Fl. Hău, Șt. Dejan și I. Mareș);
5. 2007-2009: *Parteneriat în proiectul PHARE RO 2006/018-449.01.07 transfrontalier România-Ucraina „Promovarea valorilor culturale și a potențialului turistic în regiunea transfrontalieră româno-ucraineană prin Înființarea Complexului cultural-turistic „Casa Naționalităților-Cacica”* / manager cultural-științific, proiect concretizat prin volumul *Un sat din Bucovina numit... Cacica* (Brăila, 2009).

Bogdan Petru Niculică

IN MEMORIAM

G.P. Sergeev – promotor al istoriei locale în RSSM

Materialele de arhivă păstrate în fondurile Muzeului Național de Etnografie și Istorie Naturală (MNEIN) reflectă foarte fragmentar activitățile cercetătorului G. Sergeev în RSSM. Temelia surseilor de informare o constituie autobiografia semnată la 26.02.1946¹ și Fișa personală, datată 23.10.1946. Din ele aflăm că Gheorghii Pavlovici Sergeev s-a născut pe 20 mai 1907 în orașul Omsk, în familia unui muncitor-lemnar, de naționalitate era rus. La un moment dat, tatăl său, fiind urmărit de poliția țaristă pentru activitate revoluționară, s-a mutat cu traiul din Omsk la Cita, unde a muncit la Atelierele de Reparație a Vagoanelor de la Căile Ferate Transbaikaliene până în anul 1931. Copilăria viitorul muzeograf și arheolog și-a petrecut-o în orașul Cita, unde a început studiile la Școala Comunală de 3 clase (Городское Приходское 3-х классное Училище), pe care a absolvit-o în anul 1916. Continuarea studiilor a fost stopată de penuria financiară prin care trecea familia în anii primului război mondial, tatăl fiind înrolat în armata rusă.

Formarea personalității a fost influențată și de evenimentele ulterioare: războiul civil din Rusia și ocuparea teritoriului de la răsărit de Baikal de către Japonia. După distrugerea ultimelor detașamente ale armatelor albgardiste, G. Sergeev și-a reluat studiile. În anul 1929 a absolvit Școala de treapta a doua (Школа Второй степени) și s-a mutat la Leningrad (Sankt-Petersburg) pentru a obține studii superioare. În toamna anului 1929 a fost înmatriculat în anul I la Universitatea de Stat din Leningrad, Secția Muzeu și Istorie a ținutului natal (Ямфак). În anul 1932 absolveste Institutul Istoric-Lingvistic din Leningrad², obținând specializarea de muzeolog-arheolog. Corpul profesoral al instituției respective includea așa personalități ca: membrii corespondenți ai AȘ a URSS S.G. Tominskii, O.A. Dobiash-Rozhdestvenskaia, B.D. Grekov, profesori: V.V. Struve, S.I. Kovalev, E.V. Tarle etc. Imedi-

at după absolvire G. Sergeev este angajat, conform îndreptării, la Secția de Învățământ a Ținutului Novosibirsk, care la solicitarea tânărului specialist îl îndreaptă în Regiunea Autonomă Oirot în calitate de cercetător științific la Muzeul regional din Orașul Oirot-Tura³. Acolo din motive subiective nu reușește conlucrarea cu directorul instituției și se concediază la finele anului 1932, după care pleacă la Novosibirsk, apoi la Leningrad.

La sfârșitul anului 1933 din Leningrad se deplasează în orașul copilăriei, la Cita, unde se va angaja din 1934 în calitate de cercetător științific la Muzeul Ținutului Natal și șef al Secției de Istorie Naturală, funcție în care se reține până în mai 1935. În același an, până în 1937, se mută cu serviciul la Ulan-Ude în calitate de cercetător științific la Muzeul Anti-religios Buriato-Mongol (Бурято-Монгольский Антирелигиозный Музей). Expediția muzeului respectiv a cercetat prin periegeze valea r. Uda și afluenții săi, fiind identificate monumente din epoca bronzului și a fierului, dar și din evul mediu, printre care necropola din epoca bronzului de la Sotnikov (Imenokhiov 2003, 152-153).

1. Arhiva MNEIN, Inv. nr. 1Л, D. nr. 5, f. 126-139.

2. Instituția a fost formată în anul 1930 prin separarea din cadrul Universității de Stat din Leningrad a Facultății Istorie-Lingvistică, conținea următoarele Secții: Istorie-Literatură, Muzeu-Istorie locală, Redacție-Editură, la care s-a adăugat în anul 1933 și cea de Filosofie. Ulterior a suferit mai multe modificări de structură.

3. În prezent: Gorno-Altai, capitala Republicii Altai (Rusia).

În anul 1938 revine în Altai cu scopul de a continua cercetarea mormintelor culturii Afanasëv (epoca timpurie a bronzului), identificată prin săpăturile proprii în anul 1932. În acest timp este reangajat în calitate de șef al Secției de Istorie și Natură a Muzeului regional din Oirot, ocupând și funcția de cercetător științific superior. Acolo începuse o amplă activitate de reamenajare a sălilor de expoziție, fapt care i-a limitat timpul rezervat pentru cercetări arheologice. Din același an devine membru al sindicatelor în domeniul educației. Starea precară a sănătății a determinat eliberarea de mobilizare pe front. Din documentele de arhivă reiese că activitatea istoritoare în muzeu, care a continuat până spre finele Războiului Doi Mondial, i-au afectat continuu starea sănătății, astfel, comisia medicală în anul 1944 îi recomandă să părăsească de urgență zona montană. Cu toate acestea, va mai lucra la muzeul din Oirot-Tura până la începutul anului 1945.

În septembrie 1944 depune la Secțiile de Muzeistică ale Comisariatelor de Educație (Накомпрос) a RFSSR și RSSM cereri de transfer cu serviciul în unul din muzeele din partea de sud a URSS. Din rândul ofertelor primite a selectat orașul Chișinău, motivând alegerea prin condițiile climatice prielnice și starea problematică a arheologiei din RSSM. În aprilie 1945 vine la Chișinău, având îndreptarea la Muzeul Republican de Studiere al Ținutului Natal⁴. În deplasarea sa a fost urmat de mamă și o nepoată de la soră (sora era angajată medic la sanatoriul „Darasun” din reg. Cita).

Astfel, cercetătorul G. Sergeev vine în RSSM și la 25 aprilie 1945 depune cerere de angajare în calitate de cercetător științific la Muzeul Republican de Studiere al Ținutului al RSSM și șef al Secției de Istorie. Prin ordinul Directorului Muzeului din 23 mai 1945, este angajat în funcția de director-adjunct interimar pentru activitatea științifică. La 1 septembrie 1947 revine în funcția de șef al Secției de Istorie, cu eliberarea de obligațiile de cercetător științific. Muzeul îi asigură și domiciliu într-un edificiu din curtea Muzeului de pe strada Pirogov (azi Kogălniceanu) 82. Una din caracteristicile nedatate ale cercetătorului G. Sergeev, semnate cu numele directorului muzeului I. Iovva, pe lângă alte informații cunoscute, indică asupra faptului că între timp devine membru al partidului comunist și deține și funcția de secretar

al organizației de partid a muzeului⁵.

În anul 1946 realizează cercetări arheologice la grota de la Ofatinți. Vestigiile arheologice au fost atribuite unei etape tardive a culturii acheuleane din paleolitic și publicate ulterior, analiza materialului faunistic fiind realizat de către V. Zubareva (Bibikova) și publicate de ea în revista „Priroda” („Natura”) nr. 23 din 1948. Dar metodologia cercetării a fost aspru criticată de către A. Cernysh, Gh. Sergeev fiind practic exclus din rândul arheologilor responsabili de cercetări de teren (Pelivan 2010, 108-124; Matveev 2016, 363). În anii ulterioari cercetătorul își va concentra activitățile pe segmentul muzeografic, refacerea Muzeului din Chișinău și a unor muzee locale, dar și organizarea studiilor istoriei locale și organizarea muzeelor școlare și publicarea unor vestigii de importanță deosebită din fondurile Muzeului în care activa. În acest context, doar în anul 1950 la muzeu ar fi fost organizate pentru elevi 31 de excursii la Saharna, Butuceni etc. (Mel’nikova 2005, 324). Pe de altă parte, chiar dacă participarea la cercetările arheologice de teren a devenit una mai modestă, impactul lor general nu poate fi contestat, spre exemplu cercetările de la Saharna, Cărbuna, Sărata Veche, Mărcăuți, Cimișlia, Mălăești, Comrat etc., periegeze în stepa Bălților, valea râurilor Bâc și Ciuluc.

N. Melnikova afirmă că șeful sectorului de istorie presovietică G. Sergeev, în gestiunea căruia intra și patrimoniul arheologic, între anii 1945-1969 a realizat mai multe cercetări arheologice, periegeze, recuperare de vestigii descoperite fortuit. El a fost membru al echipelor de cercetare arheologică conduse de T. Passek, G. Smirnov, G. Fedorov, T. Oboldueva, È. Rikman etc. Anume Sergeev s-ar fi ocupat cu partea documentară, descrierea vestigiilor, organizarea cartotecii pieselor arheologice și publicarea unor colecții tezaure. Cercetătoarea regretă faptul că arhiva de câmp a lui G. Sergeev, predată la Arhiva Institutului de Istorie al AȘ a RSSM nu s-a păstrat (Mel’nikova 2005). Sergeev se regăsește în rândul celor care în condițiile economice grele post-belice va rămâne fidel muzeului (Tabuică 2005, 289).

De asemenea, G. Sergeev a participat la lucrările multor forumuri științifice ce au avut loc în diverse orașe: Moscova, Sankt-Petersburg, Kiev, Riga, Odesa etc. De la cea din urmă, în arhiva MNEIN se păstrează și un raport detaliat al evenimentului la care G. Sergeev a participat cu două

4. În prezent: Muzeul Național de Etnografie și Istorie Naturală.

5. Arhiva MNEIN, Inv. nr. 1л, D. nr. 5, f. 38.

comunicări, privind tezaurul de la Chetroșica din 1964 și tezaurul de la Olănești. Raportul este însoțit de rezumatul comunicării lui Sergeev privind tezaurul de la Cărbuna, pe care a prezentat-o în afara lucrărilor conferinței pentru angajații Muzeului din Odesa. Și deplasările din martie 1963 la Kiev și aprilie 1964 la Sankt-Petersburg sunt prezentate în rapoarte aparte, la ultima urmând să fie expuse și piesele originale ale tezaurului de la Lărguța.

Pe data de 14 ianuarie 1969 G. Sergeev va depune cererea de eliberare din funcția pe motivul pensionării și a stării de sănătate, de la 1 februarie 1969. Prin același document solicită prelungirea activităților pentru lunile martie-aprilie pentru a preda viitorului șef de secție toate activitățile curente. Nicolae Răileanu scrie că G. Sergeev își va continua activitatea la muzeu până la plecarea din rândul celor vii pe 12 februarie 1974 (Răileanu 2005, 320-321).

Astfel, activitatea cercetătorului G. Sergeev cuprinde două perioade, una legată de Rusia, foarte rebelă și mobilă, cu schimbări permanente a locului de trai și serviciu cuprinzând anii 1932-1945 și o a doua la Chișinău între anii 1945-1974.

O radiografie a activităților realizate la începutul anilor 30 în apropierea orașului Cita, în special a campaniei din anul 1934, a fost efectuată de curând de cercetătorul V.V. Nesterenko (Nesterenko 2012, 41-46), fostul director al Muzeului Ținutului Natal Transbaikalian „A.K. Kuznetsov” din Cita, actualmente șef al Serviciului de stat privind ocrotirea patrimoniului cultural al regiunii Trans-Baikal. Cu regret, încercările de a prelua legătura directă cu dl Nesterenko nu au avut succes, cunoștințele noastre despre prima etapă din activitatea lui G. Sergeev limitându-se astfel la texte publicate. Din ele aflăm că anumite materiale privind activitatea lui G. Sergeev se regăsesc în Arhiva Secției Institutului de Arheologie din Sankt-Petersburg⁶, Muzeul Ținutului Natal Transbaikalian „A.K. Kuznetsov”⁷, iar rezultatele cercetărilor au fost preluate în mai multe publicații recente. Autorul constată, însă, că informații despre G. Sergeev nu se regăsesc, fapt care l-a îndemnat să îndrepte investigațiile în direcția recuperării informațiilor despre activitatea cercetătorului (Nesterenko

2012, 42). V.V. Nesterenko îi atribuie lui G. Sergeev pionieratul mai multor descoperiri din regiunea Cita, identificând două etape: cercetări în regiunea Transbaikal și cercetări în Buriatia. Pentru perioada 1936-1946 activitatea lui G. Sergeev rămâne necunoscută pentru V.V. Nesterenko, din 1946 regăsind-l deja în Moldova, autor al cercetărilor la grottele Duruitoarea și Ofatinți și necropola de la Chetroșica. Anii postbelici din activitatea lui G. Sergeev rămân necunoscuți pentru cercetătorul rus (Nesterenko 2012, 45).

Arhiva MNEIN vine să completeze informațiile despre perioada de activitate din RSSM a lui G. Sergeev. În fondurile ei se păstrează mai multe mape cu lucrări în manuscris sau publicate și rapoarte ale cercetătorului G. Sergeev. Prima dintre ele poartă numele de „Epoca veche a pietrei”. În aceeași mapă sunt păstrate mai multe pagini cu recomandări pentru studierea istoriei ținutului natal⁸. Altă mapă conține „Instrucțiuni privind studierea arheologică a ținutului natal”⁹. A treia: „Periegeze arheologice. Suport pentru studiul istoriei locale”¹⁰. A patra, „Rapoarte despre deplasările științifice, anii 1950-1960”¹¹, cuprinde o Instrucție pentru studierea arheologică a raionului, 15 rapoarte și o Listă a Monumentelor arheologice din RSSM.

Rapoartele se referă la mai multe etape din istoria cercetărilor arheologice în RSSM, unele rămase în umbră (*iun. 1953: r-nele Kotovsk* [în prezent Hîncești] și Cărpineni [în decembrie 1962 raionul Cărpineni a fost desființat, ulterior teritoriul său a trecut în componența raionului Kotovsk]; *aug. 1953: r-nele Susleni* [la 9 ianuarie 1956, raionul Susleni a fost lichidat și împărțit între raioanele Orhei și Criuleni], Rîbnița și Rezina – inventarierea monumentelor, cu informații interesante despre siturile din zona Orheiul Vechi și Saharna, și anume siturile Butuceni, Stohnaia, Saharna Mare, Saharna Mică, Hulboaca, Țareuca, Echimăuți, Alcedar, Ofatinți; *aug. 1954: or. Camenca și Rîbnița*; *oct. 1955: r-nul Țirnova* [azi r-nul Dondușeni]; *aug. 1956: s. Coiceni* [actualmente Pruteni], Fălești – verificarea informației despre descoperirea unei necropole și a unui tezaur din epoca bronzului; *iun. 1957: r-nele Fălești și Lipcani*; *mai 1958: r-*

6. Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 42. Д. 92. Л. 4. Г.П. Сосновского.

7. În fondurile Muzeului se păstrează Rapoartele despre săpături și o colecție de piese.

8. Arhiva MNEIN, Inv. nr. 1, D. nr. 41, f. 1-7.

9. Arhiva MNEIN, Inv. nr. 1, D. nr. 268, f. 1-18.

10. Arhiva MNEIN, D. nr. 191, f. 1-28.

11. Arhiva MNEIN, Inv. nr. 450, f. 1-103.

nul Făleşti; sept. 1961: or. Camenca și Ribnița; oct. 1961: or. Bender; mai 1962: or. Soroca; iun. 1962: r-nul Călărași), și presupunem că lista deplasărilor este incompletă.

Unul dintre documentele păstrate în mapă prezintă un raport rezumativ despre lucrările expediției arheologice a Sectorului de istorie și Arheologie în anul 1950 semnat de G. Smirnov, care nu se regăsește în Lista rapoartelor arheologice din Arhiva MNIM. Mapa a cincea este intitulată „Mapa cu extrase ale articolelor șefului Secției perioadei presovietice G. Sergeev”¹².

Participarea în diverse campanii de săpături arheologice și deplasări de verificare a descoperirilor și preluarea de tezaure s-a materializat editorial într-un raport de cercetări de teren (vezi Anexa 1) și în mai multe publicații, lista cărora este prezentată în Anexa 2. Vestigiile arheologice publicate pe paginile lor prezintă un interes sporit pentru înțelegerea culturii materiale și spirituale a comunităților preistorice de pe teritoriul Republicii Moldova, din rândul cărora se pot enumera: tezaurele de la Cărbuna, Chetroșica și Olănești, toporul de nefrit de la Beriozchi (r-nul Bulboaca, azi r-nul Anenii Noi), vasele de bronz de la Sipoteni, vârfurile de bronz de la Râscăeți, pumnalul scitic descoperit între Tudora și Palanca etc. Unele texte păstrate în arhivă au rămas în manuscris, spre ex.: „Epoca veche a pietrei”, „Periegezele arheologice. Materiale pentru etnografi”, „Cercetări arheolo-

gice în raionul Făleşti”, cea din urmă cuprinzând rezultatele investigațiilor realizate împreună cu A. Nudelman la Sărata Veche în iunie-iulie 1958.

Gheorghe Sergeev și-a adus contribuția nu doar în domeniul cercetărilor arheologice – el s-a manifestat și ca un talentat propagator al științei, organizând în cadrul Muzeului de Studiere a Ținutului Natal importante expoziții istorice. Grație perseverenței și calităților sale excepționale de promotor al culturii, au fost făcute studii descriptive, fotografii, descifrate și înregistrate multe colecții din fondurile muzeului. Om cu inițiativă și vaste capacități profesionale, el a educat și promovat o întreagă pleiadă de muzeografi, care au stat la baza dezvoltării muzeologiei în republică.

Viața și activitatea lui Gheorghe Sergeev a fost apreciată în muzeografia moldovenească, el remarcându-se printr-un înalt grad de profesionalism, dragoste de muncă, depunerea eforturilor susținute întru valorificarea tezaurului cultural al Republicii Moldova. Pe parcursul celor 29 de ani, perioadă cât a activat în Moldova, a desfășurat o amplă muncă științifică și de completare a fondurilor muzeului, consacându-se dezvoltării muzeografiei, științei și culturii naționale. În ciuda contribuțiilor substanțiale la dezvoltarea muzeologiei în RSSM, Enciclopedia muzeologiei, editată în anul 2011, nu consemnează decât tangențial personalitatea cercetătorului G. Sergeev, fapt care ar fi necesar de recuperat în eventualitatea unei ediții noi.

12. Arhiva MNEIN, Inv. nr. 158.

Bibliografie

Enciclopedia muzeologiei (Chișinău 2011).

Imenokhiov 2003: N.V. Imenokhiov, Pogrebal'nye pamiatniki XVII-XVIII vv. doliny r. Udy (po materialam Khorinskoi ekspeditsii 1935 goda). In: Regional'nye muzei: nastoiashchee i budushchee (Ulan-Ude 2003), 152-157 // Н.В. Именохоев, Погребальные памятники XVII-XVIII вв. долины р. Уды (по материалам Хоринской экспедиции 1935 года). В сб.: Региональные музеи: настоящее и будущее (Улан-Удэ 2003), 152-157.

Matveev 2016: S. Matveev, Începuturile arheologiei în RSSM. Tyragetia. Arheologie. Istorie Antică. Serie Nouă, Vol. X [XXV], nr. 1 (Chișinău 2016), 357-368.

Mel'nikova 2005: N. Mel'nikova, Iz istorii izucheniia arkheologii v muzee. Buletinul științific al MNEIN. Etnografie, științele naturii și muzeologie. Etnografie, nr. 3 (16), serie nouă (Chișinău 2005), 320-328 // Н. Мельникова, Из истории изучения археологии в музее. Бюлетень науки МНЭИ. Этнография, науки природы и музееведение. Этнография, nr. 3 (16), serie nouă (Chișinău 2005), 320-328.

Nesterenko 2012: V.V. Nesterenko, Arkheologicheskie issledovaniia G.P. Sergeeva v Zabaikale. In: Gumanitarnyi vektor 2(30) (Chita 2012), 41-46 // В.В. Нестеренко, Археологические исследования Г.П. Сергеева в Забайкалье. Гуманитарный вектор 2 (30) (Чита 2012), 41-46.

Pelivan 2010: A. Pelivan, Cercetarea paleoliticului în spațiul pruto-nistean (1923-1973). RA VI, 1, 2010, 108-124
Răileanu 2005: N. Răileanu, Muzeograful și arheologul Gheorghe Sergeev. Tyragetia 14, 2005, 320-321.
Tabuică 2005: R. Tabuică, Contribuția Muzeului Național de Etnografie și Istorie Naturală la crearea și dezvoltarea rețelei muzeale în Republica Moldova. Buletinul științific al MNEIN. Etnografie, științele naturii și muzeologie. Etnografie, nr. 3 (16), serie nouă (Chișinău 2005), 288-296.

Anexa 1. Lista rapoartelor de săpături arheologice, semnate de Gh. Sergeev¹³

Denumire	Situri	Loc de păstrare
Сергеев Г.П. Отчёт о результате работы археологической экспедиции летом 1934 г. В: Научный отчёт о полевых исследованиях (Чита 1934).	?	Фонд Забайкальского краевого краеведческого музея им. А.К. Кузнецова. ВСП 7118/1.
Сергеев Г.П. Селенгинская археологическая экспедиция 1935-1936 годов. Полный отчёт, в: Научный отчёт о полевых исследованиях (Улан-Удэ 1935-1936).	?	Фонд Забайкальского краевого краеведческого музея им. А.К. Кузнецова. ВСП 7118/2.
Сергеев Г.П. Селенгинская археологическая экспедиция 1935-1936 гг. Полный отчёт, в: Научный отчёт о полевых исследованиях (Улан-Удэ 1935-1936).	?	Фонд Музея истории Бурятии, г. Улан-Удэ, № 2969.
Сергеев Г.П. Новое поселение культуры «Гумельница» у с. Лопатика Кагульского р-на МССР (Краткий отчет о раскопках) (Кишинёв 1966).	Lopățica	Arhiva MNIM, nr. 33.

Anexa 2. Lista lucrărilor semnate de Gh. Sergeev

Arheologie

Сергеев Г.П. Позднеашельская стоянка в гроте у села Выхватинцы (Молдавия). Советская археология 12 (Москва 1950), 203-212.

Сергеев Г.П. Палеолитические и неолитические стоянки на территории Молдавии (по материалам археологических раскопок). В сб.: Краеведческая работа в школе 3 (Кишинев 1953), 125-145.

Сергеев Г.П. Нефритовый топор из окрестностей с. Березка. Изв. молд. филиала АН СССР 5, 1955, 113-115.

Сергеев Г.П. Находка медных сосудов на территории Молдавии. Изв. молд. филиала АН СССР 4(31), 1956, 135-141.

Сергеев Г.П. Черчетэрь археоложиче (Кишинэу 1959) (99 p. – text paralel în limbile rusă și română).

Сергеев Г.П. Скифский кинжал из Олонештского района Молдавской ССР. В сб.: Зап. Одесского археологического общества, т. 1, 1960, 262-265.

Сергеев Г.П. Раскопки средневекового славянского поселения в Кобуска-Веке (Молдавская ССР). В сб.: Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и Румынской Народной Республики (Кишинев 1960), 297-307.

Сергеев Г.П. Археологические исследования музея в 1958 г. (Памятники эпохи бронзы и раннего железа). Труды Гос. ист.-краевед. музея МССР, 1961 (за 1960 г.), 129-136.

Сергеев Г.П. Погребение скифского воина (II половина IV – нач. III в. до н.э., найдено в с. Суручены Котовского р-на). Труды гос. ист.-краевед. музея МССР, 1961 (за 1960 г.), 137-140.

Сергеев Г.П. Бронзовое навершие из села Раскайцы Молдавской ССР. В кн.: Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского археологического музея за 1961 год (Одесса 1963), 68-71.

Сергеев Г.П. Раннетрипольский клад у с. Карбуна. Советская археология 1, 1963, 135-151.

Сергеев Г.П. Трипольские светильники. В кн.: Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР (Кишинэу 1964), 102-105.

Рикман Э.А., Сергеев Г.П. Селище первых веков нашей эры у с. Кобуска Веке (Молдавия). В кн.: Мате-

13. Pentru rapoartele din anii 30, a se vedea Nesterenko 2012. Lista ar putea fi incompletă, activitatea cercetătorului Gh. Sergeev în perioada din Rusia încă urmează a fi cercetată.

риалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР (Кишинев 1964), 229-236.

Сергеев Г.П. Олонештский античный клад. Вестник древней истории 2, 1966, 132-142.

Сергеев Г.П. Позднетрипольский клад женских украшений из с. Кетрошика (Единец. р-на). Тр. Ист.-краевед. музей МССР, вып. 2, 1969, 84-87.

Muzeologie

Молдавский историко-краеведческий музей МССР. Путеводитель по экспозиции отдела истории до-советского периода (51 л.; 5 л. ил., 1 л. схем). Сост.: Г.П. Сергеев, Ш.Р. Фин, А.А. Нудельман (Кишинев 19650).

Музеул пентру историе ши этнографии ал РССМ. Гид ал экспозицией секцией де историе дин периода пресоветикэ (58 п. ку ил.; 5 ф. ил.). Алк.: Г.П. Сергеев, Ш.Р. Фин, А.А. Нудельман (Кишинэу 1966).

Sergiu Matveev, doctor în istorie, conferențiar universitar, LCȘ „Tracologie”, Facultatea de Istorie și Filosofie, Universitatea de Stat din Moldova; str. Mateevici, 60, MD 2009; Chișinău, Republica Moldova, e-mail: sssmatveev@yahoo.com.

Adrian Pelivan, cercetător științific, Secția Arheologie Antică și Medievală a Centrului de Arheologie, IPC al AȘM; bd. Ștefan cel Mare 1, MD 2001, Chișinău, Republica Moldova, e-mail: pelivan_adrian@yahoo.com.

Vsevolod Marchevici. 100 de ani de la naștere

În toamna anului 2017 se împlinesc 100 de ani de la nașterea redutabilului arheolog Vsevolod Marchevici, specialist în arheologia epocilor neolitice și eneolitice din spațiul pruto-nistean. Vede lumina zilei la 10 noiembrie (28 octombrie stil vechi)¹ 1917 în satul Cuconeștii Vechi, jud. Bălți, fiind copilul Verei Moroșanu și al lui Ivan Marchevici, student la Universitatea Imperială Novorosiisk din Odesa. Este botezat în biserica din localitate la 25 noiembrie (12 noiembrie) al aceluiași an. Mama sa, Vera Moroșanu, născută la 1 mai (19 aprilie) 1896, era fiica preotului paroh din Cuconeștii Vechi, Nicolae Moroșanu. Ultimul era fecior de dascăl din s. Visoca, jud. Soroca și începând cu anul 1876 a fost dascăl și diacon la biserica din s. Braniște, jud. Bălți. N. Moroșanu fost hirotonisit preot la biserica din s. Frasin, jud. Soroca, în anul 1891. Peste un timp, la cererea lui, a fost transferat în parohia Cuconeștii Vechi, fiind căsătorit cu Elena, fiica adoptivă a preotului Vasile Popovici din acel sat. Toți cei șapte copii ai preotului Nicolae Moroșanu au mers la studii: Gheorghe a absolvit Facultatea de Fizică și Matematică a Universității din Tartu; Ion – Facultatea de Geografie și Științe Naturale a Universității din Cluj, fiind fondatorul Muzeului din Slatina; Nicolae a devenit geolog, paleontolog și arheolog, iar Sergiu – profesor la Școala spirituală din Edineț. Fiicele Victoria, Vera și Liubovi au absolvit Școala Eparhială din Chișinău. Vera Moroșanu a urmat mai târziu și cursurile Facultății de Drept a Universității din Iași. În anul 1931 ei i-a fost eliberat, de către Baroul Ilfov, carnetul de avocat.

Vsevolod Marchevici își face studiile primare la școala din satul natal, apoi este admis la Colegiul Național „Sf. Sava” din București. În luna iunie a anului 1938 obține diploma de bacalaureat cu numărul 1165. În anul de studii 1938-1939 a frecventat cursurile anului preparator la Școala Politehnică Regele Carol II din București. După anul preparator, în 1939, este înscris la Facultatea de Silvicultură a aceleiași școli. În iulie 1940 se întoarce în Basarabia. La 7 mai 1941 este mobilizat de către comisariatul raional militar Cotovsc (act. Hîncești) în Armata Roșie. Odată cu începerea

1. În paranteză sunt prezentate datele conform stilului vechi.

celui de-al Doilea Război Mondial participă în armata activă de la 1 septembrie 1941 în cadrul Frontului de Sud-Vest. Din martie 1943 este înregimentat în unitatea 450 a Direcției de construcții militare a liniilor defensive. La 20 martie 1943 este transferat în primul batalion al Brigăzii 1 de Trofee din cadrul Frontului 3 Ucrainean. La 9 iulie 1943 depune jurământul militar. Îndeplinind funcția de șef al grupei de cercetare a batalionului, plutonierul Marchevici a contribuit la depistarea și evacuarea a numeroase unități de tehnică blindată, automobile, muniții, câmpuri de mine de pe teritoriul RSSM, Ungariei, Austriei². În anii 1942 și 1945 a fost decorat cu medaliile „Pentru apărarea Stalin-gradului” și „Meritul de luptă”. Conform informației din carnetul de militar, se demobilizează din armată la 24 iunie 1946.

După revenirea la baștină, la 10 ianuarie 1948 se angajează ca inginer silvic în gospodăria silvică Parcani. În perioada 19 iunie 1950 – 28 mai 1953 activează în calitate de pădurar superior la gospodăria silvică Holercani. Din 26 iunie 1953 și până la 15 septembrie 1953 participă, pe bază de contract, drept colector, în expediția arheologică a Institutului de Istorie, Limbă și Literatură a Fi-

2. <http://podvignaroda.ru/?#id=25670222&tab=navDetailDocument>, 15.06.2017.

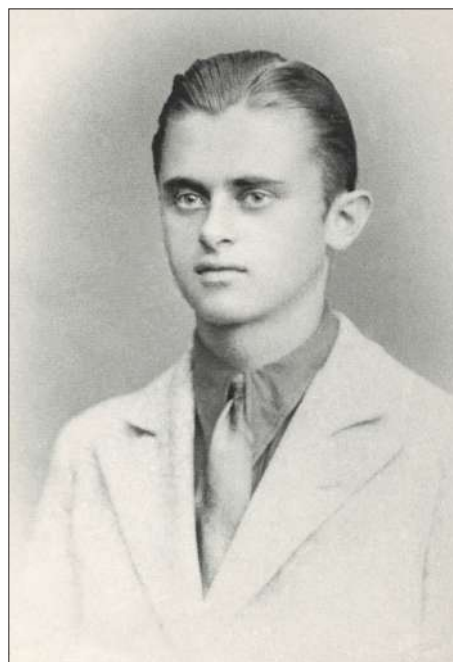

lialei Moldovenești a AȘ a URSS. De la 31 octombrie 1953 și până la 19 august 1954 este angajatul gospodăriei silvice Șoldănești. Pasiunea pentru arheologie îl face ca în anul 1954 să abandoneze definitiv cariera de silvicultor, angajându-se din 1 noiembrie în calitate de conducător al Cercului de turism și studiere a ținutului natal de pe lângă Casa de pionieri din or. Florești. Acolo activează până la data de 6 februarie 1960. În această perioadă descoperă un șir de monumente arheologice (preponderent în zona de nord a Moldovei), unele din ele de importanță majoră pentru epocile neolitică și eneolitică. O parte dintre aceste așezări au fost cercetate de către Expediția arheologică Moldovenească sau, mai târziu, de către Vsevolod Marchevici [Bodean 2008]. A colaborat activ cu Muzeul de Stat de Istorie și Studiere a Ținutului natal din Chișinău (act. Muzeul Național de Etnografie și Istorie Naturală), unde a transmis mai multe piese arheologice descoperite. Începând cu anii 50 ai secolului trecut, participă la cercetările arheologice efectuate de către expediția condusă de Tatiana Passek [Sorokin 1993, 154]. Pe parcursul acestor ani Vsevolod Marchevici a beneficiat de susținerea Tatianeii Passek, ea contribuind esențial la formarea lui ca arheolog profesionist [Bodean 2008, 255]. În anul 1956 este admis la Facultatea de Istorie (secția cu frecvență redusă) a Universității de Stat din Cernăuți (Ucraina), pe care o absolvște în anul 1962, subiectul tezei

sale de licență fiind „Neoliticul din zona centrală a spațiului pruto-nistrean” („Неолит среднего Пруто-Днестровья”).

De la 9 februarie 1960 Vsevolod Marchevici este angajat în Secția de Arheologie a Institutului de Istorie al Filialei Moldovenești a Academiei de Științe a URSS în calitate de cercetător științific inferior interimar. La 16 aprilie 1960 este transferat în funcția de laborant superior, iar din 1 decembrie 1961 devine cercetător științific inferior. Teza de candidat în științe istorice cu titlul „Neoliticul Moldovei (monumentele culturii bugo-nistrene)” („Неолит Молдавии (памятники буго-днестровской культуры)”) a fost susținută de către Vsevolod Marchevici în anul 1968, conducător științific al tezei fiind Tatiana Passek [Bodean 2008, 266]. Conform deciziei Consiliului științific al Institutului de arheologie al AȘ URSS din 17 mai 1968, lui V. Marchevici îi este acordat gradul științific de candidat în științe istorice. După susținerea concursului, începând cu 25 martie 1969, ocupă funcția de cercetător științific superior în cadrul Institutului de Istorie. Prin decizia Prezidiului Academiei de Științe a RSSM din 29 mai 1975, V. Marchevici este confirmat în gradul de cercetător științific superior, specialitatea „Arheologie”.

Vsevolod Marchevici a contribuit esențial la organizarea și amenajarea expoziției Muzeului de Arheologie și Etnografie al AȘM, care a fost des-

chis pentru vizitatori în iunie 1986 [Markevich 1990, 89]. Colecțiile viitorului muzeu arheologic au fost expuse începând cu anul 1957, iar din 22 martie 1979 prin hotărârea Prezidiului Academiei de Științe a RSSM – cu statut de muzeu științific – devine parte a Sectorului de Cultură Populară din cadrul Secției de Etnografie și Studiul artelor. Șef al Sectorului de Cultură Populară a Moldovei, din 4 septembrie 1979, este numit Vsevolod Marchevici. La 31 decembrie 1988 este pensionat din această funcție, iar din 1 aprilie 1989 este angajat în Secția Cultură Populară cu Muzeul de Arheologie și Etnografie ca laborant superior. În legătură cu lichidarea laboratorului fotografic de pe lângă acel muzeu, la 6 iunie 1994 Vsevolod Marchevici este eliberat din funcție. Se angajează din același an la Muzeul Național de Istorie a Moldovei în calitate de colaborator științific, funcție în care activează până la trecerea sa în neființă. Se stinge din viață la 16 februarie 1997, fiind înmormântat la Cimitirul Sf. Lazăr din or. Chișinău [Necrolog 1997, 333; Comșa 1997, 298]. În memoriam Vsevolod Marchevici a fost editată o culegere de articole și consacrat un număr de revistă [Vestigii 1997; Stratum 2005].

Realizările științifice ale lui Vsevolod Marchevici au fost scoase în evidență prin publicarea listei de lucrări și prin unele considerații privind activitatea sa

de teren și ideile enunțate privitoare la diferite aspecte ale epocilor, de studierea cărora s-a ocupat [Sorokin 1997, 300-304; Necrolog 1997, 333-334; Manzura, Tserna 2005, 9-11]. Analiza detaliată a operei științifice semnată de Vsevolod Marchevici va constitui pe viitor, probabil, subiectul unui studiu aparte. Privită peste ani, activitatea de teren a colectivului condus de el se încadrează, în fond, în strategia de cercetare a siturilor neolitice și eneolitice, caracteristică perioadei în care a activat. Principalul accent se pune pe descoperirea siturilor și realizarea unor săpături arheologice în unele dintre ele, care prezentau noi culturi arheologice, secvențe cronologice, aspecte locale sau erau situate în zone mai puțin cercetate. Datorită acestor investigații, au fost acumulate loturi importante de materiale care au contribuit esențial la crearea unei imagini mai complete a neoliticului și eneoliticului de pe teritoriul Moldovei. Deseori cercetările arheologice erau efectuate pe suprafețe mici, cu resurse financiare modeste [Markevich 1990, 87]. Explicația acestei situații în perioada anilor 80 ai secolului trecut ne este oferită chiar de către Vsevolod Marchevici: „Defectuoasă este situația privind cercetările așezărilor prin săpături. Ele sunt realizate, de regulă, pe suprafețe mizere. Care este cauza unei asemenea situații? Lipsa de resurse financiare. Alocațiile bugetare sunt mici, iar finanțarea săpăturilor preventive deși atinge suma de 300-400 mii ruble pe an, ultima fiind distribuită

la diferite situri, nu este suficientă pentru efectuarea lucrărilor de amploare” [Markevich 1989, 2]. În iureșul cercetărilor de teren sistematice sau de salvare, dar și din lipsa posibilităților editoriale, nu se reușea întotdeauna publicarea cât de cât completă a materialelor recuperate. Doar o parte din vestigii au văzut lumina tiparului. Valorificarea integrală a acestor colecții ține de noile generații de arheologi specializați în epocile respective. Grație activității în colectivul de cercetare condus de Vsevolod Marchevici a specialiștilor arheozoologi, arheobotaniști, precum și realizarea ulterioară a determinărilor traseologice, metalografice a materialelor recuperate, a datărilor radiocarbon și arheomagnetice, utilizarea aerofotometriei și a prospectărilor geomagnetice, s-a reușit trecerea la un nivel calitativ nou a investigațiilor arheologice.

Un rol aparte l-a avut Vsevolod Marchevici în popularizarea patrimoniului arheologic. A organizat pe parcursul timpului mai multe expoziții care aveau menirea să facă cunoscut publicului din țară și de peste hotare cele mai importante descoperiri realizate de către arheologii din RSSM. În anul 1978 este menționat cu atestatul Expoziției realizărilor economiei naționale din RSSM (ВДХХ МССР) pentru realizările în cercetarea culturii vechilor agricultori și păstori de pe teritoriul Moldovei și salvagardarea patrimoniului arheologic. A contribuit la organizarea compartimentului Arheologie al expoziției Academiei de Științe a RSSM de la Târgul Internațional de toamnă din Leipzig, care a avut loc în septembrie 1982

[Dan'shin 1982, 7]. Sub custodia sa, în anul 1983, la Expoziția realizărilor economiei naționale din URSS din Moscova (ВДХХ СССР) a fost vernisată expoziția cu genericul „Vechii agricultori și crescători de animale din Moldova”. Efortul lui a fost apreciat prin acordarea medaliei de aur a acestei expoziții.

Prin Ucazul Prezidiului Sovietului Suprem al RSSM din 11 octombrie 1986, pentru activitate științifică îndelungată și rodnică în domeniul arheologiei, studierii monumentelor de istorie și cultură, participare activă la viața obștească, lui Vsevolod Marchevici i se conferă titlul onorific de „Lucrător emerit al culturii din RSSM”. În culegerile de specialitate și presa periodică omagiatul aborda probleme actuale ce țin de cercetarea, conservarea și protejarea patrimoniului arheologic. Unele descoperiri arheologice erau prezentate publicului larg prin diverse articole din periodicele timpului [de ex. Markevich 1969, 3; Markevich 1987, 4]. Fiind pasionat încă din tinerețe de arta fotografică, participă la diferite concursuri tematice. În anul 1985 ocupă locul doi la concursul fotografic „Monumentele – bogăția noastră”, desfășurat în Chișinău.

Încheind această succintă trecere în revistă a reperelor biografice și principalelor realizări în domeniul arheologiei ale lui Vsevolod Marchevici, sperăm să fie editat în viitor, drept omagiu, un volum, ce ar cuprinde opera științifică a acestui reputat arheolog, însoțită de memoriile celor care s-au lansat în arheologie grație susținerii lui.

Anexă

**Odă lui V.I. Marchevici cu ocazia jubileului de 50 ani
din partea unui popor străvechi
(anul 1967, autor/autori necunoscut/necunoscuți)**

**В.И. Маркевичу
В день пятидесятилетия хвалебная Ода
От жившего давно народа**

Была Америка закрыта,
Не родилась Афродита,
Ледник лежал, где нынче Шведы
Лишь в Индии писались Веды.

И царства не было Боспора,
Никто не знал секрет фарфора,
Спокойно спал себе Китай,
Осваивал культуру – чай.

А мы уже варили каши
И с мастерством лепили чаши
Их наполняли молоком,
Иль в поле собранным зерном
/Возможно даже и вином/.

Тех чаш отдельные фрагменты
Мы покрывали орнаментом
В нем отражали смысл и ритм
К солнцу направленных молитв.
/Когда живешь как мы, в тиши,
работается «для души»/.

Ввели в посевы много трав,
Что росли дико меж дубрав.
То земледелия порог,
А плутом был олений рог.
/В те отдаленные века
использовались так рога/.

В пример и диво всем векам
Мы уважали очень дам:
Им место всюду уступали
О том свидетельство – детали.

С тех пор прошло пять тысяч лет
И нас забыл весь белый свет...

.....
Лишь неизменный черепок,
Как зачарованный цветок,
В умелых Севиных руках
Вам говорит о тех делах.

В стремленьи молнии подобной,
Всегда в движении, точно ртуть,
Маркевич хочет заглянуть
В ушедшие те времена:

Сосудов древних вереница
Уж побывала за границей
И видел Лондон, Амстердам,
Фрагменты милых наших дам.

Таинственные орнаменты
Сплошь вызывали комплименты.
И вот идея: на весь мир
Создать трипольский сувенир!

За тем отправились в Унгены
Решимости полны и веры,
Что керамический завод
Вас и поддержит, и поймет.]

Вам помогала много Галя
Она эскизы создавала
И в свет старалась так и сяк
Древнейших вывести собак.

Прошли различные «советы»
Им представляли даже сметы,
Но дальше муфельной печи,
Вам ни проехать, ни пройти...

Лежит все так же черепок,
Как зачарованный цветок,
С него слетает пыль и прах
И говорит о прошлых днях.

И лишь трипольские богини
Курят священный фимиам
И так же, как при нас, и ныне
Лечат болезни слабых дам.

Bibliografie

- Bodean 2008:** S. Bodean, Tatiana Passek – Vsevolod Marchevici. File de corespondență. RA IV, 2, 2008, 255-266.
Comșa 1997: E. Comșa, Vsevolod Marchevici (1917-1997). TD XVIII, 1-2, 1997, 298.
Dan'shin 1982: N. Dan'shin, Akademia nauk Moldavskoi SSR – na mezdunarodnoi iarmarke v Leiptsige. Shti-intsa, 30 dekabria 1982 g., nr.13-14 (84-85), 7 // Н. Даньшин, Академия наук Молдавской ССР – на международной ярмарке в Лейпциге. Штиинца, 30 декабря 1982 г., №13-14 (84-85), 7.
Manzura, Tserna 2005: I.V. Manzura, S.V. Tserna, Pamiati V.I. Markevicha. Stratum plus 2003-2004, nr.2, 2005, 9-11 // И.В. Манзура, С.В. Церна, Памяти В.И. Маркевича (28.10.1917-16.02.1997). Stratum plus 2003-2004,

№2, 2005, 9-11.

Markevich 1969: V. Markhevich, Gost' iz skifskih vremen. Vechernii Kishinev, 8 dekabria 1969 g., nr.287 (1428), 3 // В. Маркевич, Гость из скифских времен. Вечерний Кишинев, 8 декабря 1969 г., №287 (1428), 3.

Markevich 1987: V.I. Markevich, Varvarovka VIII – arkheologhiceskii pamiatnik mirovogo znacheniiia. Krasnoe Znamia, 26 noiabria 1987 g., nr.142 (6043), 4 // В.И. Маркевич, Варваровка VIII – археологический памятник мирового значения. Красное Знамя, 26 ноября 1987 г., №142 (6043), 4.

Markevich 1989: V.I. Markevich, Aktual'nye problemy arkheologicheskikh issledovani i ikh propagandy. Shti-intsa, 21 septembrie 1989, nr.32-33 (353-354), 2 // В.И. Маркевич, Актуальные проблемы археологических исследований и их пропаганды. Штиинца, 21 септембрие 1989, № 32-33 (353-354), 2.

Markevich 1990: V.I. Markevich, Aktual'nye problemy arkheologicheskikh issledovani i propagandy dostizhenii. In: Arkheologiiia, etnografiia i iskusstvovedenie Moldovy: itogi i perspektivy (Kishinev 1990), 86-95 // В.И. Маркевич, Актуальные проблемы археологических исследований и пропаганды достижений. В сб.: Археология, этнография и искусствоведение Молдовы: итоги и перспективы (Кишинев 1990), 86-95.

Necrolog 1997: Necrolog. Vsevolod Marchevisi. Tyragetia IV-V, 1997, 333-334.

Sorokin 1993: V. Sorokin, Vsevolod I. Marchevisi la 75 ani. RA 1, 1993, 154-155.

Sorokin 1997: V. Sorokin, V. Marchevisi. Lista de lucrări publicate. In: Vestigii arheologice din Moldova (Chişinău 1997), 300-304.

Stratum 2005: Stratum plus 2003-2004, № 2, 2005.

Vestigii 1997: Vestigii arheologice din Moldova (Chişinău 1997).

Sergiu Bodean

Anul 1933.
Unchiul Nicolae Moroșanu,
mătușa Victoria Moroșanu,
bunica Elena Moroșanu și
Vsevolod Marchevici.

Anii 1950.
Vsevolod Marchevici în
periegheză cu pionierii.

Anii 1950-1960.
În munții Carpați.

Anii 1950. Tatiana Passek, Vsevolod Marchevici, Valerii Titov și Tatiana Movsha la un șantier arheologic.

Anii 1950.
La un șantier arheologic.

Anii 1960.
Vsevolod Marchevici și Ekaterina Chernysh (prima din dreapta) la un șantier arheologic.

Anii 1960.
La un șantier arheologic
(Vărvăreuca VIII?).

Ianuarie, 1966.
Lucrând asupra tezei de doctorat.

Anul 1966.
Vsevolod Marchevici și Valentin Dergaciov
pregătind exponate pentru Expoziția Internațională
„Arheologia în URSS”.

Anul 1986.
Vsevolod Marchevici și Președintele
Academiei de Științe a RSSM, Alexan-
dru Jucenco (al patrulea din stânga)
la inaugurarea expoziției Muzeului de
Arheologie și Etnografie.

90 de ani de la nașterea lui Gheorghe Cebotarenco (12.05.1927 – 25.09.2014)

S-a născut Gheorghe Cebotarenco la 12 mai 1927 în satul Dărcăuți din județul Soroca, în familia învățătorilor Teoctist Porfirie Cebotarenco și Alexandra Petru Pripa. În comuna Zgurița din același județ a făcut patru clase de școală primară, după care și-a urmat studiile la liceul din Soroca. Tot la Soroca, în perioada postbelică, a absolvit școala medie tehnică de mecanizare a agriculturii, iar în 1948 este înscris la Facultatea de Istorie a Institutului Pedagogic „Ion Creangă” din Chișinău, pe care o absolvă în anul 1952. Din anii de studenție el este pasionat de arheologie și anual participă la expedițiile arheologice, acumulând experiență în timpul lucrărilor de șantier. Instituitor științific i-a fost G.B. Fedorov, cu care Gh. Cebotarenco a lucrat la multe șantiere arheologice și la prietenia căruia a ținut toată viața.

După absolvirea institutului Gh. Cebotarenco este angajat la Institutul de Istorie al Filialei din Moldova a Academiei de Științe din URSS. În anii 1966-1967 el face un stagiu științific la Moscova, la Institutul de Arheologie al AȘ din URSS, unde în 1968 susține teza de doctor în științe istorice cu tema *Cultura materială a Primului Țarat Bulgar în spațiul pruto-nistean (în baza materialelor din săpăturile așezării Calfa)*. Toată activitatea lui ulterioară a fost legată de AȘ din Moldova, începând cu funcția de colector și până la cea de cercetător științific superior. Gh. Cebotarenco era participant activ la numeroase expediții arheologice, multe dintre ele fiind sub conducerea lui personală. El a fost printre cei dintâi arheologi din Moldova, care a început să conducă expediții ce efectuau lucrări prin contract, legate de construcția sistemelor de irigație din sudul republicii. În această regiune Gh. Cebotarenco a cercetat interesante necropole tumulare, ce au furnizat noi materiale arheologice, destul de importante pentru cunoașterea istoriei Moldovei.

Gh. Cebotarenco era foarte receptiv față de experiența altor cercetători și depunea efort pentru a acumula noi deprinderi nu numai de la colegii din țară, dar și din afara ei. În acest scop, la începutul anilor 70 ai secolului trecut el a fost membru al expediției arheologice din regiunea Belgorod,

condusă de arheologul moscovit Svetlana A. Pletneva. Lucrările aveau loc în satul Dmitrievka din raionul Shebekinskii, în necropola medievală de tip Saltovo, ulterior foarte cunoscută. Totodată, el întreținea legături stabile cu colegii din Ucraina și în măsura posibilităților participa la lucrările expedițiilor arheologice ucrainene.

Pe parcursul activității sale Gh. Cebotarenco a avut ocazia să efectueze cercetări arheologice asupra unor situri datate începând cu eneoliticul și până în evul mediu târziu. Drept rezultat al acestor lucrări îndelungate în teren au apărut câteva studii monografice, atât de autor, cât și elaborate în colaborare cu alți cercetători, și zeci de articole, care au adus o contribuție importantă în arheologia moldovenească. Cu toate că cerceta vestigii dintr-un larg diapazon cronologic, în specializarea sa îngustă el a dat preferință tematicii medievale și în cercetarea ei a avut rezultate destul de importante.

Astfel, din anul 1955 și până în 1966, sub conducerea lui Gh. Cebotarenco au fost efectuate săpături într-un sit arheologic foarte interesant – așezarea și cetatea Calfa. Concomitent erau activ căutate în sudul Moldovei monumentele arheologice medievale. Ca rezultat al lucrărilor efectuate

Gh. Cebotarenco examinând vestigiile ceramice

a fost acumulat un important volum de materiale, care împreună cu sursele scrise, etnografice și de altă natură au dat posibilitate de a caracteriza diverse aspecte ale culturii materiale a vestigiilor medievale timpurii din sec. VIII-X din partea de sud a interfluviului pruto-nistean și a le atribui culturii Primului Țarat Bulgar. La această temă, pe lângă teza de doctor, a fost redactat și studiul monografic *Calfa – cetatea din sec. VIII-X de pe Nistru*, scoasă de sub tipar în anul 1973. În această lucrare autorul a înaintat și a argumentat ideea originală privind influența culturii Primului Țarat Bulgar asupra dezvoltării culturii slavilor din partea de sud a interfluviului Dunărea-Nistru.

Un aport important la studierea vestigiilor moldovenești medievale este și lucrarea editată în copaternitate de G.B. Fedorov și Gh. Cebotarenco, dedicată monumentelor slave din Moldova. Această carte, *Vestigiile vechilor slavi (sec. VI-XIII). Harta arheologică a RSS Moldovenești. Ediția 6*, a fost publicată în anul 1974 într-o ediție serială și a devenit primul repertoriu complet al tuturor monumentelor slave cunoscute pe atunci în republică. Lucrarea este actuală până în prezent și încă mult timp va servi cercetătorilor, preocupați de tematica medievală.

Cercetând în zona centrală a republicii așa monumente medievale cum ar fi cele de la Molești, Logănești, Hansca și altele, Gh. Cebotarenco destul de argumentat delimitează aici o zonă etnoculturală de contact. În anul 1982 el publică studiul monografic *Populația din zona centrală a interfluviului Nistru-Prut în sec. X-XII*,

în care face o analiză a materialelor din așezările și necropolele, amplasate în zona de contact a celor două principale culturi de populație sedentară – cea veche rusă și slavă de sud cu nomazii în sec. X-XII. Autorul a abordat în complexitate problema și a expus o nouă viziune asupra proceselor etnoculturale, ce aveau loc în această zonă, a efectuat o datare obiectivă a vestigiilor, a delimitat trăsăturile comune și cele specifice în cultura materială a populației din partea centrală a spațiului pruto-nistean din perioada de formare a relațiilor feudale. Această lucrare a constituit un nou pas înainte în arheologia medievală a Moldovei și a beneficiat de avize pozitive din partea cercetătorilor.

Atenție deosebită merită studiul monografic *Necropola Brănești din sec. X-XII*, redactat în colaborare de către G.B. Fedorov, Gh. Cebotarenco și M.S. Velikanova, și scos de sub tipar în anul 1984. Prin intermediul lucrării au fost introduse în circuit științific toate materialele săpăturilor arheologice din anii 1962-1963, efectuate în acest sit. Studiul are un caracter complex, dat fiind faptul că în el, pe lângă analiza multilaterală a ritului funerar și a materialului arheologic, au fost prezentate determinările antropologice și analiza lor comparativă. Lucrarea constituie o prețioasă cercetare în domeniul istoriei Moldovei din perioada medievală timpurie și pe drept se bucură de atenția specialiștilor.

După efectuarea săpăturilor arheologice în cetatea Sorociei, Gh. Cebotarenco publică studiul monografic asupra acestui monument istorico-arhitectural, care anterior nu fusese supus cercetărilor arheologice. O serie de articole a dedicat Gh. Ce-

În expediția lui **G.B. Fedorov**

botarenco lucrărilor arheologice, efectuate într-un șir de monumente medievale din zona lacurilor dunărene. Noi materiale, de importanță deosebită, au fost adunate în procesul de cercetare a Valului lui Traian de Jos. Efective au fost săpăturile în așezarea fortificată din epoca fierului de la Hîrtopul Mare din zona centrală a Moldovei. Un șir de lucrări vizează vestigiile tumulare – nominalizăm în special studiul monografic *Tumulii din stepa Bugeacului*, editat în anul 1989. Toate lucrările elaborate de autorul evocat sunt redactate într-o bună manieră științifică, deosebindu-se prin analiza temeinică a materialelor și concluzii argumentate.

Gh. Cebotarenco era un participant foarte activ la conferințele și simpozioanele științifice organizate în țară sau peste hotare. Comunicările lui se deosebeau prin amplitudinea și importanța sarcinilor puse.

Gh. Cebotarenco a fost un om optimist și iubitor de viață, era compătimitor și întotdeauna se interesa de problemele colegilor și prietenilor. Prin bunătatea și cordialitatea sa el îi cucerea pe cei din jur, îndeosebi tineretul, care întotdeauna primea un sfat bun și susținerea necesară. Toți colegii care l-au cunoscut pe Gh. Cebotarenco, au lucrat cu el, au avut ce învăța de la el, și mereu își vor aminti de el cu seninătate.

Nicolai Telnov